Институт славяноведения РАН

**Институт востоковедения
им. А. Е. Крымского НАН Украины**

Международный Соломонов университет

Хазарский альманах

Том 14

Москва
2016

Альманах издан по гранту РНФ № 15-18-00143
«Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий
в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи»

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
01.11. 2016 г. (протокол № 5)

Рецензенты:
д.и.н. *Е.А. Мельникова*
к.и.н. *А.А. Турилов*

Хазарский альманах / Ред. кол.: О. Б. Бубенок (глав. ред.), В. Я. Петрухин (зам. гл. ред.) и др. – М., 2016. – Т. 14. – 439 с.

Настоящий том ежегодника «Хазарский альманах» содержит материалы, посвященные юбилеям Т. М. Калининой, В. С. Флёрова, П. Б. Голдена и С. А. Плетнёвой. Опубликованные в сборнике статьи соответствуют научным интересам юбиляров. Здесь представлены публикации по истории иудаизма в Восточной Европе, салтовской археологии, арабскому источниковедению, тюркологии, византологии. В отдельную рубрику выделены статьи, касающиеся дискуссии относительно вопросов этимологизации специфических личных имен, титулов, этнонимов и географических названий, которые встречаются в хазарско-еврейских документах. Завершают том материалы, посвященные памяти заместителя главного редактора «Хазарского альманаха» – А. А. Тортики.

ISBN 978-5-7576-0376-6

© Институт славяноведения РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

Редакционная коллегия:

О. Б. Бубенок (главный редактор), доктор ист. наук, профессор (г. Киев)

В. Я. Петрухин (заместитель главного редактора), доктор ист. наук, профессор (г. Москва)

В. С. Аксёнов, канд.ист. наук (г. Харьков)

К. В. Бондарь, канд. филол. наук (PhD in Philology), (г. Тель-Авив, Израиль)

П. Б. Голден, доктор ист. наук (PhD in History), заслуженный профессор Ратгерского университета (г. Вест Виндзор, США)

А. Б. Головко, доктор ист. наук, ст. н. с. (г. Киев)

Ю. Н. Кочубей, канд. филол. наук, ст. н. с. (г. Киев)

Т. М. Калинина, канд. ист. наук, ст. н. с. (г. Москва)

В. В. Майко, доктор ист. наук (г. Симферополь)

Е. Б. Рашковский, канд. ист. наук (г. Москва)

С. Б. Сорочан, доктор ист. наук, профессор (г. Харьков)

А. И. Уткин, доктор ист. наук, профессор (г. Киев)

В. С. Флёров, канд. ист. наук, ст. н. с. (г. Москва)

А. А. Хамрай, доктор филол. наук, ст. н. с. (г. Киев)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

С момента выхода 13-го тома «Хазарского альманаха» произошло много разных событий. Приятные события сопряжены с тем, что несколько членов редколлегии и авторов «Хазарского альманаха» отметили свои юбилеи. Так, в конце 2015 г. Валерию Сергеевичу Флёрову исполнилось 70 лет. А в начале 2016 г. Татьяна Михайловна Калинина также отметила свой юбилей. Наш новый член редколлегии профессор Питер Голден в 2016 г. отмечал свое 75-летие. Эти торжественные даты нашли свое отражение в начале настоящего сборника. Редколлегия и авторы «Хазарского альманаха» сердечно поздравляют юбиляров! Еще одна знаменательная дата – в 2016 г. исполнилось 90 лет со дня рождения нашего автора – известного археолога Светланы Александровны Плетнёвой, которая ушла от нас несколько лет назад. Воспоминаниям о С. А. Плетнёвой посвящена публикуемая в 14-м томе «Альманаха» статья венгерского археолога И. Эрдели с предисловием, написанным В. С. Флёровым.

К сожалению, истекший год принес не только приятные, но и очень печальные события. В декабре 2015 г. на сорок девятом году трагически оборвался жизненный путь заместителя главного редактора «Хазарского альманаха», доктора исторических наук, профессора Александра Александровича Тортики. Его безвременная смерть застала всех нас врасплох и до сих пор нам кажется, что это случилось не с ним. Однако Александра Александровича с нами больше нет. Он прожил короткую, но яркую жизнь. Своими воспоминаниями о нем его друзья и коллеги стремились поделиться в статьях, объединенных в отдельной рубрике «Памяти А. А. Тортики» настоящего сборника. Кроме двух статей, там впервые публикуется полный список его научных трудов. Редколлегия и авторы «Хазар-

ского альманаха» приносят искренние соболезнования родным и близким нашего коллеги и друга.

И наверное, лучшей памятью об Александре Александровиче Тортике должен стать выход очередного 14-го тома «Хазарского альманаха». Как может увидеть читатель, тематика сборника разнообразна, и она в значительной мере отражает научные интересы как А. А. Тортики, так и наших юбиляров – Т. М. Калининой, В. С. Флёрова и П. Голдена.

Как всегда, в сборнике немало статей, посвященных проблемам хазарской археологии. Это работы В. С. Аксёнова, Н. И. Винокурова, Л. Ю. Пономарёва, В. В. Колоды и Г. Е. Свистуна. Необходимо также отметить, что среди авторов «Хазарского альманаха» всегда были византологи. В этом томе данное направление исследований представляет статья С. Б. Сорочана, посвященная христианскому агиографическому сочинению «Житие с перенесением мощей св. Климента», а также исследование А. А. Роменского, в котором речь идет об интерпретации сведений «Обозрения историй» Иоанна Скилицы, касающихся похода на Хазарию в 1016 г.

Практически в каждом томе «Хазарского альманаха» имелись статьи, посвященные вопросам иудаизации хазар и распространения иудаизма в Восточной Европе. Не остались в стороне от этих проблем и авторы 14-го тома. Так, в статье О. Б. Бубенка снова поднимается до сих пор актуальный для хазароведов вопрос – время и обстоятельства иудаизации хазар. В статье К. В. Бондаря рассматривается группа памятников, заимствованных древнерусской литературой из древнееврейской книжности.

Есть в 14-м томе и совершенно оригинальные работы. Так, в статье П. Голдена акцентируется внимание на сочинениях некоторых мусульманских авторов, содержащих легенды, в которых обосновывается непосредственная, родственная связь хазар с арабскими потомками библейского Авраама. В статье же Т. М. Калининой освещается малоизвестный историкам факт – информация «Книги титулов» арабо-христианского историка X в. Агапия Манбиджского о письме хазарского хакана византийскому императору Юстиниану II (VII–VIII в.). С новой для альманаха проблематикой связана статья Я. В. Пилипчука, где рассматриваются антропонимы кыпчаков, содержащиеся в различных средневековых европейских источниках. Статья В. А. Шнирельмана посвящена недавним поли-

тическим событиям в Украине, что стало поводом для создания мифа о «Новой Хазарии».

В конце января 2016 г. в рамках международной конференции по иудаике Центра «Сэфер» проводилось обсуждение доклада О. А. Мудрака, посвященного вопросам этимологизации специфических личных имен, титулов, этнонимов и географических названий, которые встречаются в памятниках, написанных на еврейском языке и связанных с Хазарским каганатом. Необычность подхода исследователя к решению многих сложных вопросов вызвала тогда большой интерес у участников конференции, что привело к длительной дискуссии. Так как среди участников этого события было немало членов редколлегии «Хазарского альманаха», то дискуссию было решено перенести на страницы настоящего издания. Читатели могут увидеть в рубрике «Дискуссия» не только объемную статью виновника «торжества» – О. А. Мудрака, но и статьи-отклики его оппонентов – В. Я. Петрухина и Б. Е. Рашковского.

Редколлегия «Хазарского альманаха» выражает надежду, что 14-й том издания заинтересует читателей и будет способствовать тому, что они в будущем смогут принять активное участие в обсуждении многих спорных вопросов из истории хазар и Хазарского каганата.

Нынешнее издание подготовлено в рамках проекта «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи» (грант РНФ, 15-18-00143).

I
Юбилеи

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВНЫ КАЛИНИНОЙ

Редколлегия «Хазарского альманаха» и коллеги поздравляют с юбилеем известного российского востоковеда – арабиста Татьяну Михайловна Калинину. Она окончила в 1970 г. исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, в 1974 г. завершила обучение в аспирантуре Института истории СССР АН СССР под руководством А. П. Новосельцева и в 1976 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Древняя Русь и страны Востока (Средневековые арабо-персидские источники о Руси)». Т. М. Калинина стала сотрудницей сектора Истории древнейших государств на территории СССР, созданного в Институте истории СССР чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Работа сектора была направлена на издание источников по древнейшей истории Восточной Европы (и шире – Северной Евразии). Т. М. Калинина посвятила свою деятельность изданию средневековых арабо-персидских источников по истории Древней Руси, сопредельных народов и государств Европы, ее первой монографией стала книга «Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988 (Древнейшие источники по истории народов СССР)».

Своим основным занятиям Т. М. Калинина осталась верна и с изменением академического «адреса» ее сектора – с августа 1997 г. она работает в Институте всеобщей истории РАН в Центре «Восточная Европа в античном и средневековом мире». Верной она оста-

лась и памяти учителей, основателей важнейшего источниковедческого направления в отечественной историографии: Т. М. Калинина – ответственный секретарь ежегодно проводимых Чтений памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, непременный автор ежегодника «Древнейшие государства на территории СССР», ныне – «Древнейшие государства Восточной Европы»; она стала ответственным редактором Ежегодника 1998 г., посвященного памяти А. П. Новосельцева. В творческом соавторстве с сотрудниками Центра – специалистами по исторической географии античного периода (А. В. Подосинов), средневековой Скандинавии (Т. Н. Джаксон) и Востока (И. Г. Коновалова) Т. М. Калинина издала монографию, посвященную речным путям Восточной Европы, – «Русская река» (М., 2007).

Уникальные способности Т. М. Калининой в исследовании восточных источников сделали ее востребованным сотрудником многих академических проектов: она участвовала в изданиях трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (М., 1989; Изд. 2-е, исправленное и дополненное – М., 1991), «Свода древнейших письменных известий о славянах». Т. 2 (М., 1995), подготовленных совместно с Институтом славяноведения РАН. Особое значение для развития исторической науки в целом имеет изданная Центром Восточной Европы ИВИ РАН многотомная хрестоматия «Древняя Русь в свете зарубежных источников»; третий том хрестоматии, посвященный восточным источникам, подготовлен Т. М. Калининой в соавторстве с И. Г. Коноваловой и В. Я. Петрухиным (М., 2009).

К магистральным научным интересам Т. М. Калининой относятся проблемы истории Хазарии: она участвовала в интернациональных хазарских коллоквиумах (Иерусалим, 1999; Москва, 2002), возродивших международный интерес к хазарской проблематике. В соавторстве с историком В. Я. Петрухиным и археологом В. С. Флёровым Т. М. Калинина издала монографию «Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры» (М., 2014). Итоговым стало издание в 2015 г. ее книги «Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников)».

В том же 2015 г., в сложный для судьбы «Хазарского альманаха» момент, Т. М. Калинина – постоянный его автор – активно включилась в работу над изданием в качестве члена редколлегии. Редколлегия альманаха и коллеги Татьяны Михайловны поздравляют ее с юбилеем и желают дальнейших успехов на избранном ею научном пути.

В. Я. Петрухин

К ЮБИЛЕЮ ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ФЛЁРОВА

Стоим над водой –
солнце, кошка, чинара,
я и наша судьба.
Вода прохладная,
чинара высокая,
я стихи сочиняю,
кошка дремлет,
солнце греет.
Слава Богу, живем!
Блеск воды бьет нам в лица –
солнцу, кошке, чинаре, мне
и нашей судьбе.

Назым Хикмет

2 сентября 2015 г. Валерию Сергеевичу Флёрову исполнилось 70 лет. Юбиляр – археолог-хазаровед, ученый с непререкаемым авторитетом, образцовый полевик, скрупулезный исследователь, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Валерий Сергеевич родился в 1945 г. в Биробиджане. Его отец был по профессии историком, вероятно, именно поэтому после окончания школы в 1962 г. хорошо начитанный Валерий поступил на исторический факультет государственного университета Ростова-на-Дону, который закончил в 1967 г. Дипломная работа молодого специалиста была посвящена саблям средневековых кочевников.

С 1963 г. В. С. Флёров принимал участие в археологических экспедициях. Первыми в его биографии были Новочеркасская экспе-

диция под начальством С. И. Капошиной, разведка по реке Мокрая Чумбурка под руководством Л. М. Казаковой, раскопки под руководством Ю. П. Ефанова, а затем, в 1966–1969 гг., Константиновская экспедиция под руководством В. Я. Кияшко.

После окончания университета, в 1967–1968 гг., Валерий Сергеевич преподавал в нем же курс Древнего Востока и вел семинарские занятия по западноевропейскому средневековью. В 1970–1971 гг. он читал курс археологии в педагогическом институте (Ростов-на-Дону). Затем Валерий Сергеевич перешел на работу в Таганрогский краеведческий музей, лапидарная коллекция которого пополнилась при его участии новыми экспонатами – в частности собранными им половецкими каменными изваяниями.

С этого времени стали формироваться научные интересы молодого ученого – археология Хазарского каганата, праболгар и алан Юго-Восточной Европы, раннесредневековая лощеная керамика, строительная керамика.

С 1970 г. Валерий Сергеевич приступил к собственным археологическим исследованиям. Это разведки по р. Сухой Еланчик, а также раскопки средневековых слоев городища Фанагория. В 1971–1974 гг. он возглавлял экспедицию Таганрогского музея, впервые исследовавшую хазарское Семикаракорское городище. Тогда были частично раскопаны внешние стены крепости с башней, стены цитадели, захоронения. Над монографией, посвященной этим раскопкам, исследователь работает в настоящее время.

В те же годы Валерий Сергеевич в составе отряда под руководством С. А. Плетнёвой принимал участие в археологических разведках средневековых памятников Нижнего Дона. Впоследствии в составе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции Института археологии АН СССР он руководил отрядом, исследовавшим Маяцкий могильник (1975–1982). Анализу погребений в ямах, катакомбах и подбоях этого могильника посвящена первая монография ученого: «Погребальные обряды на севере Хазарского каганата» (Волгоград, 1993).

В 1980 г. в Институте археологии АН СССР под руководством С. А. Плетнёвой Валерий Сергеевич защитил кандидатскую диссертацию по теме «Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры». Тогда же он перебрался на постоянное жительство в Москву, и с этого времени научная деятельность В. С. Флёрова неразрывно

связана с Институтом археологии. Первоначально он работал в Отделе славяно-русской археологии (1980–1993), затем в Группе средневековой археологии евразийских степей (1993–2015), в настоящее время – в Отделе средневековой археологии (с 2015 г.).

В 1983–1986 гг. В. С. Флёров руководил раскопками могильника Клин-Яр под Кисловодском, где были исследованы памятники кобанской культуры и раннесредневековых алан. В результате скрупулезного исследования и во многом новаторского подхода к изучению материалов могильника увидела свет его книга «Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных» (М., 2000). Эта тема впоследствии была раскрыта исследователем на более широком историческом фоне в монографии «Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I–IV вв. до н. э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э.» (М., 2007).

В 1987–1988 и 1990 гг. совместно с супругой Валентиной Евгеньевной Нахапетян (Флёровой), а также болгарскими археологами Л. Дончевой-Петковой и Р. Рашевым В. С. Флёров проводил исследования Правобережного Цимлянского городища, в ходе которых в южной части памятника были открыты крепостные сооружения, жилища и захоронения.

В 1991 г. В. С. Флёров проводил исследования крепостной стены Верхне-Ольшанского городища в Воронежской области.

Первое десятилетие нового тысячелетия связано для Валерия Сергеевича с активной работой в междисциплинарном «Хазарском проекте» (координатор В. Я. Петрухин, 2003–2010 гг.). Он возвращается на Правобережное Цимлянское городище, на котором проводит охранные раскопки, исследует Камышевское и Семикаракорское городища, местонахождение золотоордынского времени у хут. Овчинников. Много усилий В. С. Флёров прилагает, стремясь привлечь внимание общественности и органов местного управления к спасению этих разрушающихся памятников.

Валерий Сергеевич – автор более 180 публикаций, в том числе пяти монографий. Помимо уже упомянутых, в 1996 г. вышла в свет его книга «Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы» (М., 1996), посвященная этому типу построек VII–X вв. у населения Хазарского каганата и Первого Болгарского царства.

В резонансном монографическом исследовании Валерия Сергеевича: «“Города” и “замки” Хазарского каната. Археологическая

реальность» (М.; Иерусалим, 2011) автор рассматривает обоснованность употребления термина «город» применительно к городищам Хазарского каганата и на основании тщательного анализа археологических материалов приходит к выводу об отсутствии городов в каганате.

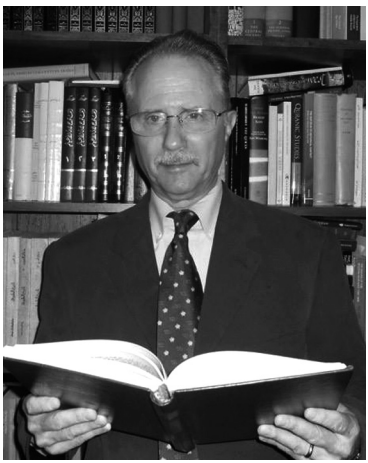
Кроме безусловного таланта ученого, Валерий Сергеевич обладает превосходным чувством юмора, любит живопись и поэзию и прекрасно в них разбирается, а еще он – поклонник Шарля Азнавура и заядлый велосипедист.

Хочется сердечно пожелать Валерию Сергеевичу долгие-долгие годы заниматься любимой наукой со свойственным ему оптимизмом, трудолюбием и принципиальностью!

В. Н. Чхаидзе

Коллеги из «Хазарского альманаха» присоединяются к поздравлениям в адрес постоянного его автора и члена редколлегии.

К ЮБИЛЕЮ ПИТЕРА БЕНДЖАМИНА ГОЛДЕНА



Питер Бенджамин Голден, известный востоковед-тюрколог, специалист по истории евразийской степи, празднует 75-летний юбилей. Он является почетным профессором Рутгерского университета (Нью Джерси, США), научным руководителем Центра ближневосточных исследований. Его научная деятельность началась в 1963 г., когда он получил степень бакалавра в Queens College Городского университета Нью-Йорка, в 1967–1968 гг. изучал тюркские языки в университете Анкары, в 1969 и 1970 гг. получил степень магистра и PhD по истории в Колумбийском университете (Нью-Йорк). С 1969 г. ученый совмещает научную деятельность с преподаванием в университете Рутгерса и в других университетах.

Исследования П. Голдена в области средневековой восточноевропейской и центральноазиатской истории стали крупнейшим вкладом в изучение тюркских кочевых обществ Евразии. Видную роль сыграли его работы по проблемам взаимоотношений кочевников с Византией, Кавказом, Ираном, средневековой Русью. Отдельно следует отметить основательный вклад П. Гольдена в хазароведение, а также в изучение истории древних тюрков в Средней Азии, венгров, кипчаков. Классической стала его первая обобщающая работа по хазарам – диссертация, защищенная в Колумбийском университете и изданная в Будапеште еще в 1980 г. (Khazar studies: An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars). В ней

автор объединил и учел все не только исторические, но и лингвистические данные, доступные на тот момент. Принципиально важными для становления новых подходов в восточноевропейской исторической науке в постсоветский период стали работы П. Голдена, переведенные на русский язык: «Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов» (Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993), итоговая статья по проблемам истории хазар, опубликованная в трудах международных хазарских коллоквиумов (Хазары. М., 2005).

Питер Бенджамин Голден – автор более 10 монографий; особенно значимыми в области истории евразийской степи признаются книги «An introduction to the history of the Turkic Peoples» (1992), «Nomads and their Neighbors in the Russian Steppe» (2003), «Turks and Khazars» (2010), «Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppe» (2011) – недаром в предисловии к последней книге он назван главой – «каганом» евразийско-востоковедческих исследований. П. Голден является также соавтором и редактором множества книг, сборников статей и журналов, в числе которых международный Archivum Eurasiae Medii Aevi.

П. Голден вошел в мировую историческую науку в качестве участника многих международных проектов. Он является автором разделов по истории народов восточноевропейской степи и лесостепи в «The Cambridge History of Early Inner Asia» (1990), большого числа статей в «Encyclopaedia of Islam» (2-nd ed.) и др., а также почетным членом Турецкого лингвистического общества. Признанием вклада П. Голдена в востоковедение и тюркологию стало издание сборника в его честь – «Central Asia in the Middle Ages» / Turcologica, Bd. 104 (Weisbaden 2016), в котором приведена библиография его трудов. С нынешнего года профессор Голден является членом редколлегии «Хазарского альманаха».

Редколлегия альманаха и многочисленные восточноевропейские коллеги П. Голдена поздравляют его с юбилеем и желают успешного продолжения творческой научной работы.

Редколлегия

II
Статьи и публикации

В. С. Аксёнов

ПОДВЕСКИ-АМУЛЕТЫ В ВИДЕ КОНЕЙ ИЗ КАТАКОМБНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА: ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Металлические подвески-амулеты играли значительную роль в жизни аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры второй половины VIII – первой половины X в., о чем свидетельствует их количество и разнообразие, представленное в погребальных комплексах. Так, только в коллекции Харьковского исторического музея имени Н. Ф. Сумцова их на сегодня насчитывается 247 экземпляра [*Хоружа, 2014*, с. 293]. Среди данных амулетов выделяется немногочисленная группа подвесок в виде коня. Она представлена 11 экземплярами, которые происходят из 8 катакомб Верхне-Салтовского могильника. Амулеты в виде коня были обнаружены в катакомбах на двух участках могильника: на I (ВСМ-I) – катакомбы № 60, 68 (2 экз.), 69 (2 экз.), 76; и IV (ВСМ-IV) – катакомбы № 1, 99, 104, 107.

Металлические амулеты в виде коней и всадников довольно хорошо представлены в раннесредневековых памятниках Евразии в целом, и в частности – в древностях аланского населения этого периода. Они различаются между собой по морфологическим признакам, размерам и технике изготовления и уже неоднократно становились предметом исследования [*Афанасьев, 1973*, с. 36–38; *Ковалевская, 1978*, с. 111–120; *Флёрова, 2001*, с. 72–82; *Албегова,*

Ковалевская, 2011, с. 277–295]. Цель настоящей работы – уточнение хронологии и социальная интерпретация амулетов в виде коня, найденных в катакомбных захоронениях Верхне-Салтовского могильника экспедициями музея в 1984–2013 гг.

По классификации, предложенной В. Б. Ковалевской, обнаруженные в катакомбах Верхнего Салтова амулеты в виде коня принадлежат к отделу 4 [*Ковалевская, 1995*, с. 145–148]. Позже классификация амулетов данного вида была доработана исследовательницей совместно с З. Х. Албеговой [*Албегова, Ковалевская, 2011*, с. 277–295]. Именно этой доработанной классификацией амулетов мы и будем пользоваться.

Металлические амулеты из катакомб Верхнего Салтова представляют собой литые односторонние подвески, изображающие развернутые вправо фигуры коней. Они представлены двумя основными вариантами.

Семь фигурок изображают спокойно стоящих коней. По экстерьеру это кони с высокими и тонкими ногами, красиво изогнутыми шеями и небольшой головой. Таким образом, они представляют быстрых, породистых лошадей и соответствуют подвескам таксона 4.1, варианта 2 по классификации З. Х. Албеговой и В. Б. Ковалевской [*Албегова, Ковалевская, 2011*, с. 278, рис. 1: *4–8*]. На месте, где должно располагаться седло, находится петелька для подвешивания округлой формы. Хвост изображен в подвязанном состоянии. Амулеты данного вида происходят из катакомб № 60, 68, 69, 76 ВСМ-I и катакомбы № 107 ВСМ-IV (рис. 1: *2*; рис. 2: *2, 3*; рис. 3: *2, 3*; рис. 4: *2*; рис. 8: *2*).

Амулеты данного вида, кроме погребальных комплексов Верхнего Салтова, происходят из катакомб (№ 56, 108) Дмитриевского [*Плетнёва, 1989*, рис. 48] и Нижнелубянского [*Албегова, Ковалевская, 2011*, с. 278] некрополей. Еще 4 амулета этого вида представлены в материалах дореволюционных раскопок Верхне-Салтовского могильника В. А. Бабенко (кат. № 11 1902 г.; кат. № 21 1908 г.; кат. № 10 1909 г.; кат. № 43 1911 г.) [*Албегова, Ковалевская, 2011*, с. 278; *Бабенко, 1911*, с. 237, 244; *Бабенко, 1914*. с. 463; Каталог выставки…, *1902*, с. 140]. Амулет этого типа, но в более тщательном исполнении был обнаружен в одной из катакомб, исследованных на Верхнем Салтове в 1920 г. [*Тесленко, 1927*, табл. I, мал. 2, *5*]. Подобные подвески-амулеты в аланских древностях

Среднего Дона встречаются в большем количестве, чем их найдено в памятниках Северного Кавказа[1]. Это позволяет предположить, что подвески данного вида являются собственно салтовскими амулетами в виде коня, которые изготавливались аланскими мастерами уже на месте – в бассейне Дона по принесенному с Северного Кавказа образцу.

Подвеска северокавказского образца, тип которой мог, по моему мнению, послужить своеобразным образцом для салтовских мастеров, была обнаружена в катакомбе № 104 ВСМ-IV. Она существенно отличается от выше рассмотренной группы амулетов. Подвеска из кат. № 104 ВСМ-IV имеет большие размеры, массивна, и снабжена параллельными глубокими насечками, с помощью которых передана грива и волосы на крупе коня. Амулет представляет высокопородистого скакуна на стройных ногах, с красиво выгнутой шеей и небольшой головой с крутым затылком (рис. 7: *2*). Данная подвеска имеет наибольшее число общих черт с амулетами в виде коней таксона 4.1 варианта 1 с северокавказских памятников. Наиболее близкими аналогиями данному изделию являются подвески из Баксана/Чегема на Кавказе [*Албегова, Ковалевская, 2011*, рис. 1: *4*]. В памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры близкие подвески представлены единичными экземплярами, встреченными в катакомбах Верхнего Салтова (раскопки В. А. Бабенко 1901 г.), Ютановского и Нижнелубянского могильников [*Албегова, 2001*, рис. 6: *17*, *18*]. По мнению специалистов, подвески этого вида сначала появились у алан Кабардино-Пятигорского региона, а уже отсюда попали в Подонцовье [*Албегова, Ковалевская, 2011*, с. 278]. На Северном Кавказе подвески данного типа появились не ранее середины VIII в. и бытовали до его конца [*Албегова, Ковалевская, 2011*, с. 278]. Будучи принесенными в бассейн Северского Донца первыми переселенцами в середине VIII в., данные амулеты в виде коней стали своеобразными прототипами подвесок таксона 4,1 варианта 2, которые со временем вытеснили их из повседневной жизни. Поэтому можно предположить, что подвески северокавказского облика происходят из погребений если не первых переселенцев, то их ближайших потомков. На смену им

[1] По подсчетам З. Х. Албеговой и В. Б. Ковалевской – 7 против 4 [*Албегова, Ковалевская, 2011*, с. 278], а с учетом рассматриваемых в данной работе – 14 против 4.

пришли подвески уже «салтовского» облика, а это, возможно, следует рассматривать как факт непродолжительности времени их бытования у лесостепного салтовского населения Подонцовья, которое следует отграничить рамками второй половины VIII – началом IX в.

Еще 3 подвески (2 экз. из катакомбы № 1 и 1 экз. из катакомбы № 99 ВСМ-IV) представляют собой плоские развернутые вправо фигурки коней без конского снаряжения и со слабо выделенным ушком для подвешивания. Передние ноги коней слегка подняты и согнуты, тогда как задние прямые, что создает впечатление некоего движения, в то время как все выше рассмотренные подвески изображают спокойно стоящих скакунов (рис. 5: *2, 3*; рис. 6: *7*). Хвост коней на данных фигурках длинный, слегка изогнут и опущен вниз. Можно предположить, что он распущен, тогда как у остальных рассмотренных амулетов он все же завязан узлом, как это хорошо видно на подвесках из катакомб № 60, 68 ВСМ-I (рис. 1: *2*; рис. 2: *2, 3*). Если голова фигурки коня из катакомбы № 99 (рис. 6: *7*) еще в целом повторяет очертания голов коней на некоторых подвесках таксона 4,1 варианта 2, то головки коней на подвесках из катакомбы № 1 (рис. 5: *2, 3*) являются уже почти просто продолжением выгнутой шеи и напоминают своими общими очертаниями головки водоплавающих птиц, которые можно видеть на некоторых салтовских подвесках-амулетах с парными протомами, обращенными в противоположные стороны [*Флёрова, 2001*, рис. 7: *2, 3, 6, 7*] или на амулетах в виде грифона и грифона в круге [*Флёрова, 2001*, рис. 17: *1–4*]. Подвески выполнены довольно небрежно, что, возможно, обусловлено низким уровнем мастерства изготовившего их ремесленника. Данные амулеты наиболее схожи с подвесками в виде коней из памятников Северного Кавказа, составляющими таксон 4.1 варианты 3 и 4 [*Албегова, Ковалевская, 2011*, с. 278, рис. 1: *11, 12*]. Время бытования подвесок-амулетов данных вариантов исследователями кавказских древностей точно не определено. По сравнению с другими выше рассмотренными подвесками эти три изделия отличает полное отсутствие деталей, некоторый примитивизм в передачи фигуры коня. Особенно это заметно на подвесках из катакомбы № 1 ВСМ-IV (рис. 5: *2, 3*). Отсутствие в аланских древностях Северного Кавказа подвесок, подобных этим, позволяет предположить, что они, возможно, представляют заключитель-

ный этап существования подвесок данного облика у салтовского населения Подонья, и поэтому время их бытования следует считать более поздним, чем время использования наиболее массовых салтовских подвесок в виде коня (таксон 4.1 вариант 2). Поэтому следует обратиться к определению возможного времени использования населением верхнесалтовской общины подвесок всех рассмотренных выше трех типов.

Как отмечают исследователи, присутствие в уборе разнообразных металлических амулетов, а именно – колесовидных, колец с птичьими головками, культовых коробочек, подвесок-лунниц и фигурок коней и птиц, характерно для представителей аланского населения Верхне-Салтовской – Ютановской погребальной традиции [*Афанасьев, 1993*, с. 90, табл. 36]. Для представителей двух других погребальных традиций (Маяцкой и Дмитриевско–Нижнелубянской) характерно преобладание амулетов природного происхождения: клыков, когтей, костей животных, раковин каури. Эти различия у трех групп аланского населения Подонцовья, возможно, обусловлены не только разным их социально-экономическим положением, но и указывают на хронологию, ибо, по мнению С. А. Плетнёвой, амулеты природного происхождения получают у аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры широкое распространение с середины IX в. [*Плетнёва, 1967*, с. 176]. Поэтому стоит обратиться к датировке катакомбных захоронений Верхнего Салтова, из которых происходят подвески в виде коней.

К сожалению, не во всех катакомбах присутствовали вещи, позволяющие узко датировать погребальный комплекс. К таким комплексам относится катакомба № 104 ВСМ-IV, из которой происходит подвеска северокавказского облика. Обнаруженный в камере арабский фальшивый дирхем (Аббасиды, 786–796 гг. н.э.) (рис. 7: *10*), позволяет утверждать, что комплекс возник не ранее последней четверти VIII в. (время чеканки монеты). Факт превращения монеты в нашивку указывает, что она могла попасть в погребение спустя довольно продолжительный промежуток времени, который для арабских монет в салтовских комплексах мог составлять 100 и более лет[2] [*Потин, 1971*, с. 72]. Поэтому для датировки данного комплекса следует обратить внимание на обнаруженное в погре-

[2] То же самое можно сказать о дирхеме (Хариджиты, 792–793 гг. н.э.), превращенном в нашивку, из катакомбы № 107 ВСМ-IV.

бальной камере зеркало (рис. 7: *15*). На его оборотной стороне присутствует прочерченный острым резцом растительный орнамент, расположенный по кругу вокруг центральной петельки и состоящий из семи бутонов лотоса на невысоких стеблях. Стилистические особенности орнамента на зеркале соответствуют начальному этапу освоения салтовскими мастерами лотосовидного орнамента, который принято датировать началом IX в. [*Фонякова, 1986*, с. 45, рис. 4: *1, 6*]. Этим временем и следует датировать данный погребальный комплекс.

Катакомбы № 99, 107 ВСМ-IV, 60, 68, 69, 76 ВСМ-I могут быть узко датированы по элементам поясной гарнитуры, обнаруженным в них. В погребальных камерах данных катакомб представлены литые бронзовые поясные бляшки и наконечники (рис. 1: *9, 10, 12–14*; рис. 2: *22*), серебряные поясные бляшки и наконечники (рис. 3: *14–16*; рис. 6: *8–15, 27–29, 31*; рис. 8: *3–5*), поясные пряжки (рис. 1: *11*; рис. 6: *30*). Стилистические особенности орнамента, представленного на большинстве элементов поясной гарнитуры из указанных катакомб, соответствуют орнаменту, характерному для изделий III и IV хронологических групп салтовских древностей, и, следовательно, могут быть датированы второй четвертью – концом IX в. [*Комар, 1999*, с. 132, табл. 4]. Так, на основании найденных в камере катакомбы № 99 ВСМ-IV элементов поясной гарнитуры мы датируем данный погребальный комплекс серединой – второй половиной IX в. [*Аксёнов, 2010*, с. 360]. Однако часть комплексов может быть датирована более ранним временем, а именно началом IX в. Так, единственная поясная бляшка из катакомбы № 68 (рис. 2: *22*) аналогична семи бронзовым бляшкам из катакомбы № 3 Рубежанского могильника [*Аксёнов, 2001*, рис. 5: *14*]. Оформление щитка данных бляшек схоже с оформлением поля наконечника пояса из катакомбы № 3 Старо-Салтовского могильника [*Аксёнов, 1999*, рис. 5: *35*]. Такие бляшки характерны для комплексов второго хронологического салтовского горизонта, датируемого 790 г. – началом IX в. [*Комар, 1999*, с. 132, табл. 4]. Раннесалтовским временем (вторая половина VIII в.) датируется и ременной наконечник из этой катакомбы (рис. 1: *12*), поле которого орнаментировано отверстием арковидной формы, что сближает его с элементами поясной гарнитуры из кургана 12 могильника Кривая Лука IX [*Комар, 1999*, табл. 3: *137*] и катакомбы № 3 Старо-Салтовского могильника [*Аксёнов, 1999*,

рис. 5: *35*]. К этому же хронологическому горизонту относится также литая поясная бляшка с неподвижной петелькой в нижней части щитка из кат. № 60 ВСМ-I (рис. 1: *9*). На датировку этих погребальных комплексов началом IX в. указывает и присутствие в их инвентаре нехарактерных для «классических» салтовских древностей зеркал. Так, в кат. № 60 ВСМ-I присутствует зеркало с орнаментом на оборотной стороне в виде волнообразно извивающегося стебля с отходящими от него в разные стороны цветочными бутонами (рис. 1: *21*). Подобный орнамент хорошо представлен на наконечниках поясных ремней хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (740–790 гг. н.э.) [*Комар, 1999*, табл. 3: 102–106, 118, с. 127]. В погребальной камере кат. № 68 ВСМ-I было найдена отливка с бронзового китайского зеркала VIII в. (рис. 2: *11*). Более удачная копия подобного зеркала династии Тан происходит из катакомбы № 11 Дмитриевского могильника [*Плетнёва, 1989*, с. 104, рис. 54: *1*].

Из катакомбы № 1 ВСМ-IV происходят подвески с наиболее примитивным изображением коней (рис. 5: *2, 3*). Найденные в камере элементы поясного набора (рис. 5: *22–26*) и зеркала (рис. 5: *13*) говорят о том, что их можно датировать самым концом IX в. На это указывает орнамент на серебряных штампованных наконечниках ремешков обуви (рис. 5: *26*), который демонстрирует деградацию салтовского лотосовидного орнамента и замену его просто бессистемными криволинейными линиями. Орнамент на оборотной стороне зеркала вокруг центральной петли также свидетельствует об упадке – типичный для «классических» салтовских древностей выпуклый орнамент в виде зигзагов [*Плетнёва, 1989*, рис. 51, 53] заменен имитацией зигзагов, выполненных при помощи резца (рис. 5: *13*).

Таким образом, подвески-амулеты в виде коней могильника Верхнего Салтова происходят из катакомб, которые на основании погребального инвентаря могут быть датированы рамками IX в. При этом наиболее характерные для салтовских древностей подвески в виде коней (таксон 4.1 вариант 2) были найдены в катакомбах, время возникновения которых определено как начало – третья четверть IX в. Подвески обнаружены в погребальных комплексах только двух участков могильника – ВСМ-I и ВСМ-IV, в то время как в захоронениях ВСМ-III – на сегодняшний день наиболее раннего участка обширного Верхне-Салтовского некрополя – подобные подвески-амулеты неизвестны.

Надо отметить, что в захоронениях Верхне-Салтовского могильника не наблюдается серьезного отличия между погребальным инвентарем молодых девушек и взрослых женщин и слабо фиксируется отличие в составе инвентаря между представителями социальной верхушки общества и рядовыми общинниками. Наблюдение за распределением амулетов и личных украшений по возрастным группам верхнесалтовских женщин показало, что разнообразные подвески-амулеты были обязательным атрибутом костюма женщин репродуктивного возраста, особенно молодых женщин-матерей. Не меньшим разнообразием амулетов и набором украшений отличался убор девушек-подростков, достигших брачного возраста. Именно эти две группы женского населения общины требовали повышенной защиты от воздействия темных потусторонних сил, ибо от них зависело продолжение рода и, следовательно, само существование семьи, рода, общины в целом. Меньшее количество амулетов сопровождало убор маленьких детей, которые до определенного возраста (трех–четырех лет) находились под полным протекторатом своих матерей, и защитная сила амулетов-оберегов взрослой женщины распространялась соответственно и на них. Присутствие в уборе детей и подростков подвесок-амулетов и их количество хотя и зависело от пола и возраста индивида, но в большей степени было обусловлено его состоянием здоровья (чем больнее был ребенок, чем больше амулетов разных видов присутствовало в его костюме) [*Албегова, 1995*, с. 16; *Хоружая, 2015*, с. 271].

Исследователи указывают на связь салтовских подвесок в виде коней (образа коня) как с солнечным, так и с дружинным культом [*Ковалевская, 1995*, с. 148]. В катакомбах Верхнего Салтова подвески в виде коня найдены в инвентаре, сопровождающем женщин репродуктивного возраста (кат. № 1, 104, 107 ВСМ-IV, кат. № 68, 76 ВСМ-I) и девочек-подростков (кат. № 60, 69 ВСМ-I). И только в одном случае (кат. № 99 ВСМ-IV) подвеска в виде коня входила в набор вещей, найденных при костяке ребенка мужского пола (рис. 6: *1*). Все это указывает на связь данных амулетов в большей мере с солнечным божеством, считавшимся Богом всех Богов [*Албегова, 1995*, с. 15], чем с дружинным культом. Размещение амулетов в районе пояса погребенных женщин и девушек-подростков было направлено на защиту и приумножение их материнских/детородных функций. Как свидетельствуют археологические материалы, имен-

но на поясе (в районе живота и таза) располагаются амулеты разных видов: колесовидные подвески, амулеты с соколиными головками, подвески в виде грифона и грифона в круге, коньковые шумящие подвески, «рогатые» пряжки [*Аксёнов, 1999*, рис. 4, *1, 8, 9, 13, 17, 23, 28, 38;* рис. 6, *33, 38, 42*; *Аксёнов, 2015*, рис. 1, *1*; рис. 4, *13, 14*], которые большинством исследователей считаются солярными амулетами, призванными защищать женщину-мать от влияния темных сил и способствовать деторождению [*Хоружая, 2009*, с. 32].

Присутствие солярного амулета в погребении мальчика 3–5 лет (кат. № 99 ВСМ-IV) следует, в первую очередь, объяснять заботой родителей о состоянии здоровья ребенка. На болезненность данного ребенка указывает многочисленный набор языческих подвесок-амулетов, найденных при нем. Среди них представлены: подвеска из клыка животного (рис. 6: *21*); бронзовый амулет в виде когтя животного (рис. 6: *20*); диск из створки морской раковины (рис. 6: *18*); подвеска в виде круглой пластины с отверстием посередине, украшенная точечным орнаментом (рис. 6: *24*); два бронзовых амулета в виде строенных полумесяцев (рис. 6: *23*). Данные амулеты достаточно широко были распространены у народов Кавказа еще в начале XX в. [*Чурсин, 1929*, с. 10–14, 22–28]. Дополнялся этот набор языческих оберегов бронзовым нательным крестиком крымского типа (рис. 6: *25*) [*Аксёнов, 2010*, с. 361]. Хотя принадлежность данного ребенка к семье представителей воинской верхушки салтовского общества трудно отрицать, так как на пояснице ребенка находились остатки роскошного серебряного поясного набора (рис. 6: *8–15*), а лежавший рядом мужчина был погребен в сопровождении сабли (рис. 6: *1*) и пояса, украшенного бляшками и наконечником из серебряных пластин (рис. 6: *27–31*).

Показательным представляется тот факт, что все рассматриваемые подвески в виде коней происходят из катакомб, которые отличаются от других катакомб могильника у с. Верхний Салтов своими метрическими параметрами (табл. 1). Так, в большинстве своем, дромосы катакомб, содержавшие подвески в виде коней были более длинными и глубокими, чем средние по размеру дромосы Верхне-Салтовского могильника (средняя длина дромоса – 4,44–4,79 м, средняя глубина дромоса – 3,04–3,12 м). Длина и ширина их погребальных камер также превышали средние показатели по могильнику (средняя длина – 1,91–1,97 м; средняя ширина – 1,49–

1,59 м) [*Аксьонов, 2016*]. Отличались данные катакомбы и по наполняемости погребальных камер (количеству людских костяков в одной камере) от средних показателей для разных участков могильника. Так, в погребальных камерах, где были найдены подвески-амулеты в виде коней, находилось от 3 до 6 людских костяков (табл. 1). Исключением являлась камера катакомбы № 99, где было обнаружено всего два костяка. Показатель же средней наполняемости погребальных камер для ВСМ-I составляет 2,64 костяка на камеру, а для ВСМ-IV – 2,26 костяка [*Аксьонов,* 2016].

Таблица 1

Параметры катакомб, содержавших подвески в виде коней

№ кат.	дромос				вход-лаз			погребальная камера			
	длина (м)	ширина (м)	глубина (м)	кол-во ступенек	высота (м)	ширина (м)	глубина (м)	длина (м)	ширина (м)	кол-во людей	возраст людей*
60 ВСМ-III	5,1	0,6–0,7	3,4	4	–	–	–	2,2	1,8	3	1 взр. + 2 п.
68 ВСМ-III	6,5	0,4–0,6	4,3	10	0,6	0,4	0,25	2,2	1,8	4	2 взр. + 2 р.
69 ВСМ-III	5,8	0,5–0,57	3,05	9	0,5	0,45	0,35	2,05	1,6	3	2 взр. + 1 п
76 ВСМ-III	2,6	0,4–0,6	1,75	4	0,6	0,44	0,2	1,9	1,45	4	3 взр. + 1 п
1 ВСМ-IV	2,85	0,5–0,65	2,65	2	0,4	0,5	0,34	2,1	1,8	3	2 взр. + 1 р
99 ВСМ-IV	5,1	0,42–0,54	3,6	7	0,42	0,38	0,3	2,5	2,12	2	1 взр. + 1 р
104 ВСМ-IV	4,63	0,37	3,11	6	0,7	0,48	0,21–0,32	1,85	1,46	4	3 взр. + 1 р
107 ВСМ-IV	6,1	0,44–0,5	3,6	8	0,53	0,44	0,2	2,2	1,6	6	2 взр. + 4 р

* взр. – взрослый; р. – ребенок; п – подросток.

Таблица 2

Инвентарь катакомб Верхне-Салтовского могильника, в которых были найдены подвески в виде коней

№ катакомбы (могильник)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27*
№ 60 (ВСМ-I)	**1**	■	■		■		■	■	■	■		■			■		■	■	■	■	■	■				■	■
№ 68 (ВСМ-I)	**2**	■	■							■		■	■	■	■	■	■		■	■		■		■			■
№ 69 (ВСМ-I)	**2**	■	■					■		■		■		■		■	■	■	■								■
№ 76 (ВСМ-I)	**1**		■							■						■		■									■
№ 1 (ВСМ-IV)	**2**	■	■	■	■	■		■		■		■	■			■	■		■	■		■	■	■	■	■	
№ 99 (ВСМ-IV)	**1**	■	■	■				■	■	■		■	■			■	■	■		■			■	■	■	■	■
№ 104 (ВСМ-IV)	**1**							■	■	■	■	■				■		■	■								■
№ 107 (ВСМ-IV)	**1**		■					■	■	■	■	■	■			■	■	■	■	■			■			■	■

* 1 – подвески в виде коней; 2 – сосуд; 3 – элементы поясной гарнитуры; 4 – сабля; 5 – топорик-чекан; 6 – наконечники стрел, элементы сагайдака; 7 –тесло-мотыжка; 8 – нож; 9 – серьги; 10 – бусы; 11 – бляшки-нашивки (монета-нашивка); 12 – бубенчики; 13 – пуговицы бронзовые (штампованные, литые); 14 – пуговица-зеркальце; 15 – диск из створки морской раковины; 16 – пронизи бронзовые; 17 – браслет; 18 – перстень/кольцо; 19 – зеркало; 20 – подвески-амулеты разных типов; 21 – фибула; 22 – копоушка; 23 – ворворка; 24 – подвеска-печать; 25 – туалетная коробочка; 26 – металлические элементы и украшения обувных ремешков; 27 – астрагалы.

Все это свидетельствует о том, что бронзовые подвески-амулеты в виде коней найдены в погребальных сооружениях, принадлежавших представителям имущественной и социальной верхушки верхнесалтовской общины. Это подтверждает состав, разнообразие и количество погребального инвентаря, обнаруженного в данных катакомбах (табл. 2), а также присутствие среди него предметов, маркирующих высокий социально-имущественный статус погребенных в них покойников [*Афанасьев, 1993а*, с. 140; *Плетнёва, 1993*, с. 160, 162, 167]. К таким предметам относятся сабли (кат. № 1, 99 ВСМ-IV); золотые (кат. № 104 ВСМ-IV) и серебряные (кат. № 1, 107 ВСМ-IV) серьги (рис. 5: *4*; рис. 7: *6, 7*; рис. 8: *8, 9*); арабские серебряные дирхемы, превращенные в нашивки (кат. № 104, 107 ВСМ-IV), отливка с китайского зеркала (кат. № 68 ВСМ-I) (рис. 2: *11*), серебряные элементы поясной гарнитуры и серебряные украшения ремней обуви (рис. 1: *19, 20*; рис. 3: *14–16*; рис. 4: *8–10*; рис. 5: *22, 24–26*; рис. 6: *8–11, 13–15, 27–29, 31, 33, 34*; рис. 8: *3–5, 20, 21*).

Таким образом, следует констатировать, что подвески-амулеты в виде коней встречаются зачастую в захоронениях представителей имущественной верхушки верхнесалтовской общины. На это указывает немногочисленность таких подвесок в захоронениях могильника по сравнению с другими типами металлических солярных амулетов [*Хоружа, 2014*, с. 287–293]. Косвенным подтверждением этого является и присутствие в кат. № 68 и № 69 большого количества астрагалов – 38 и 36 экземпляров соответственно, тогда как зачастую в камере находится от одного до десяти астрагалов. Большое количество таранных костей из ноги овцы/козы (астрагалов) в данных катакомбах можно рассматривать как факт владения семьями погребенных здесь людей достаточно многочисленным стадом мелкого рогатого скота. Интересно, что в двух катакомбах (№ 1, 99 ВСМ-IV) из восьми, где были обнаружены подвески в виде коня, были представлены сабли (рис. 5: *1*; рис. 6: *1*). Это указывает на принадлежность данных погребальных комплексов не просто представителям верхушки верхнесалтовского общества, а ее воинской элите. По-видимому, у представителей воинской верхушки аланского населения Верхнего Салтова к началу IX в. складывается свое представление о главном солнечном божестве (он же покровитель путников, воинов – Уастырджи), символом которого и стали подвески в виде коней, тогда как для остального населения символами солнца продолжали оставаться разнообразные колесовидные подвески-амулеты и производные от них.

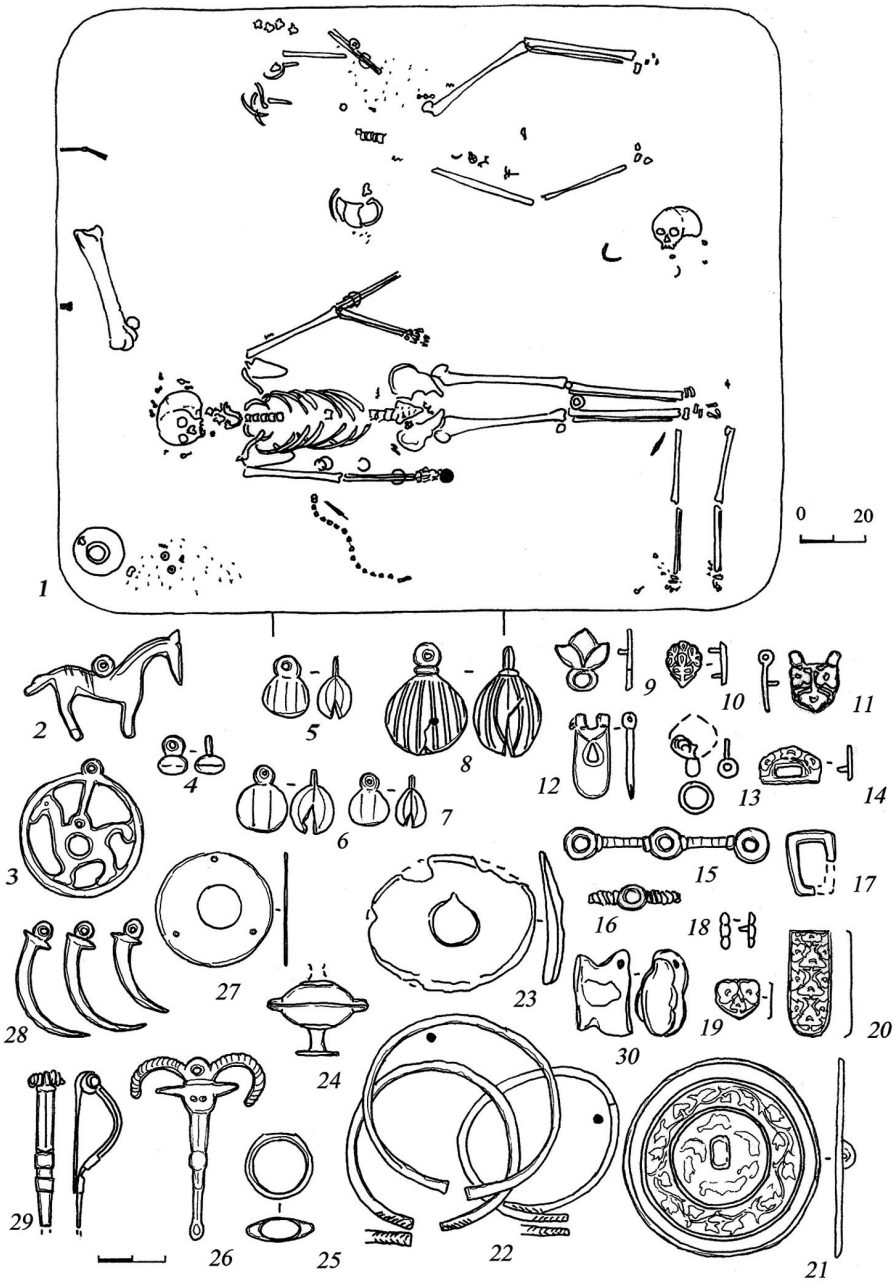


Рис. 1.
Катакомба № 60 (ВСМ-I):
1 – план погребальной камеры; *2–30* – погребальный инвентарь

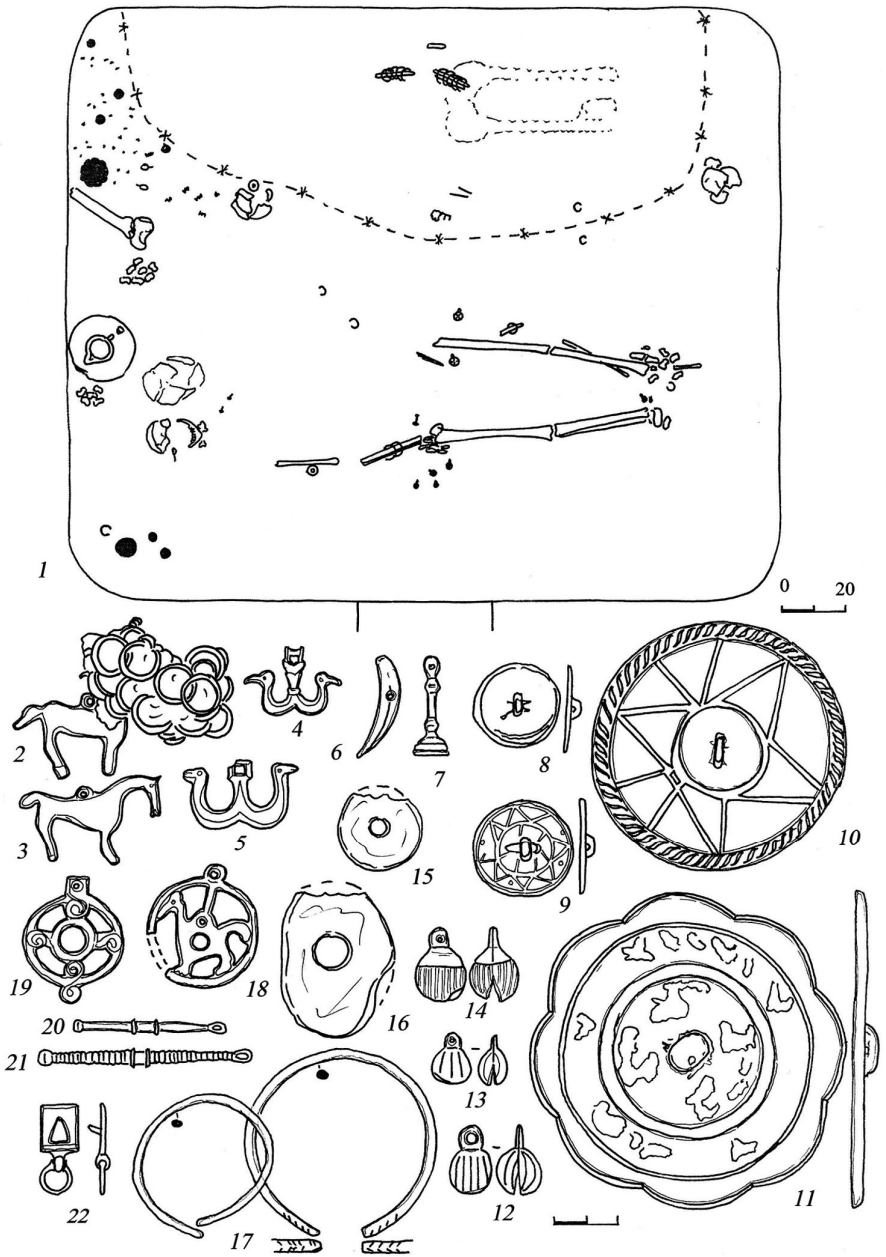


Рис. 2.
Катакомба № 68 (ВСМ-I):
1 – план погребальной камеры; *2–22* – погребальный инвентарь

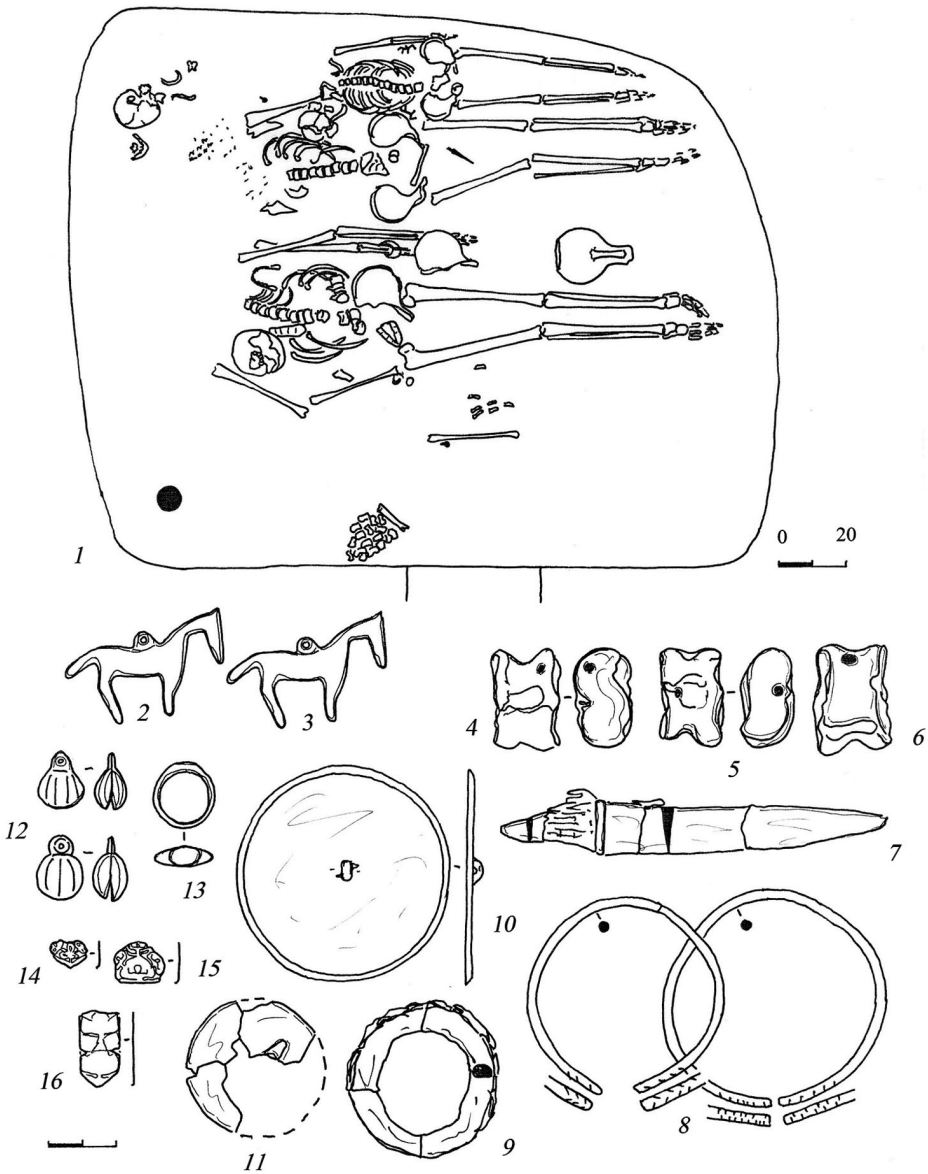


Рис. 3.
Катакомба № 69 (ВСМ-I):
1 – план погребальной камеры; *2–16* – погребальный инвентарь

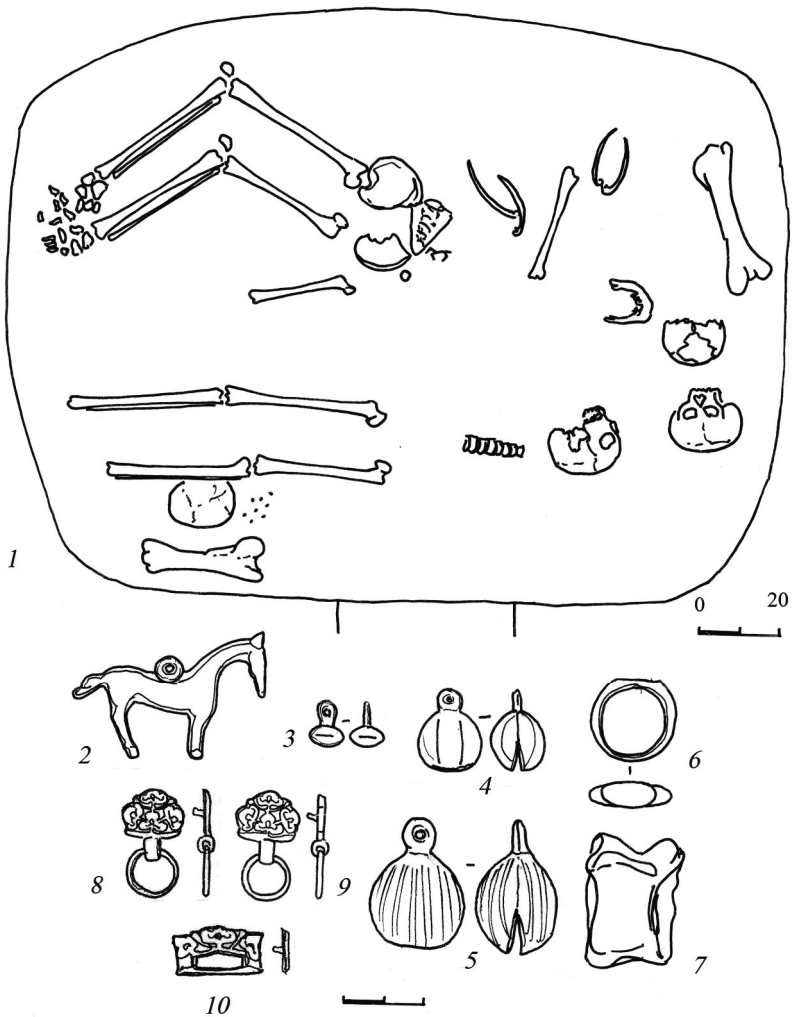


Рис. 4.
Катакомба № 76 (ВСМ-I):
1 – план погребальной камеры; *2–10* – погребальный инвентарь

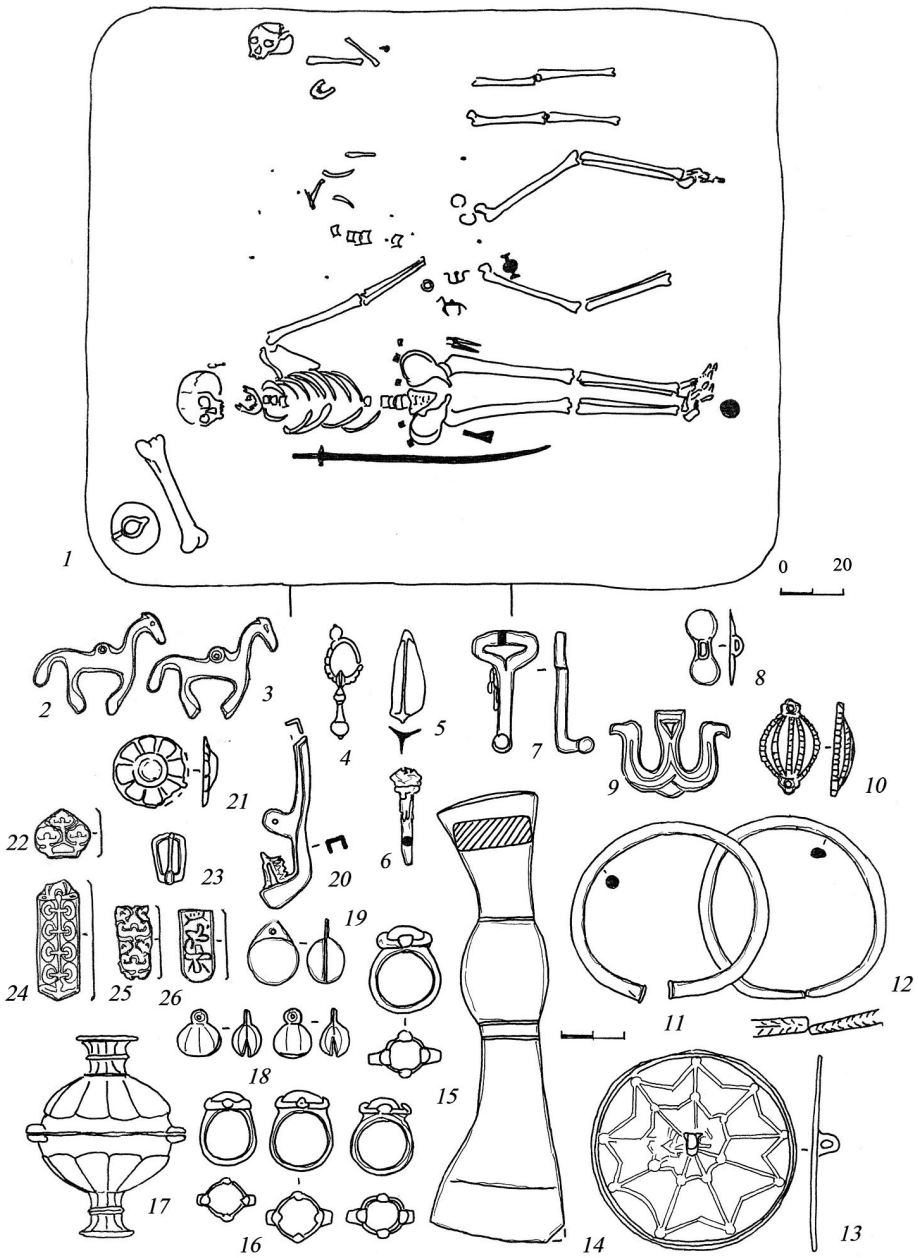


Рис. 5.
Катакомба № 1 (ВСМ-IV):
1 – план погребальной камеры; *2–26* – погребальный инвентарь

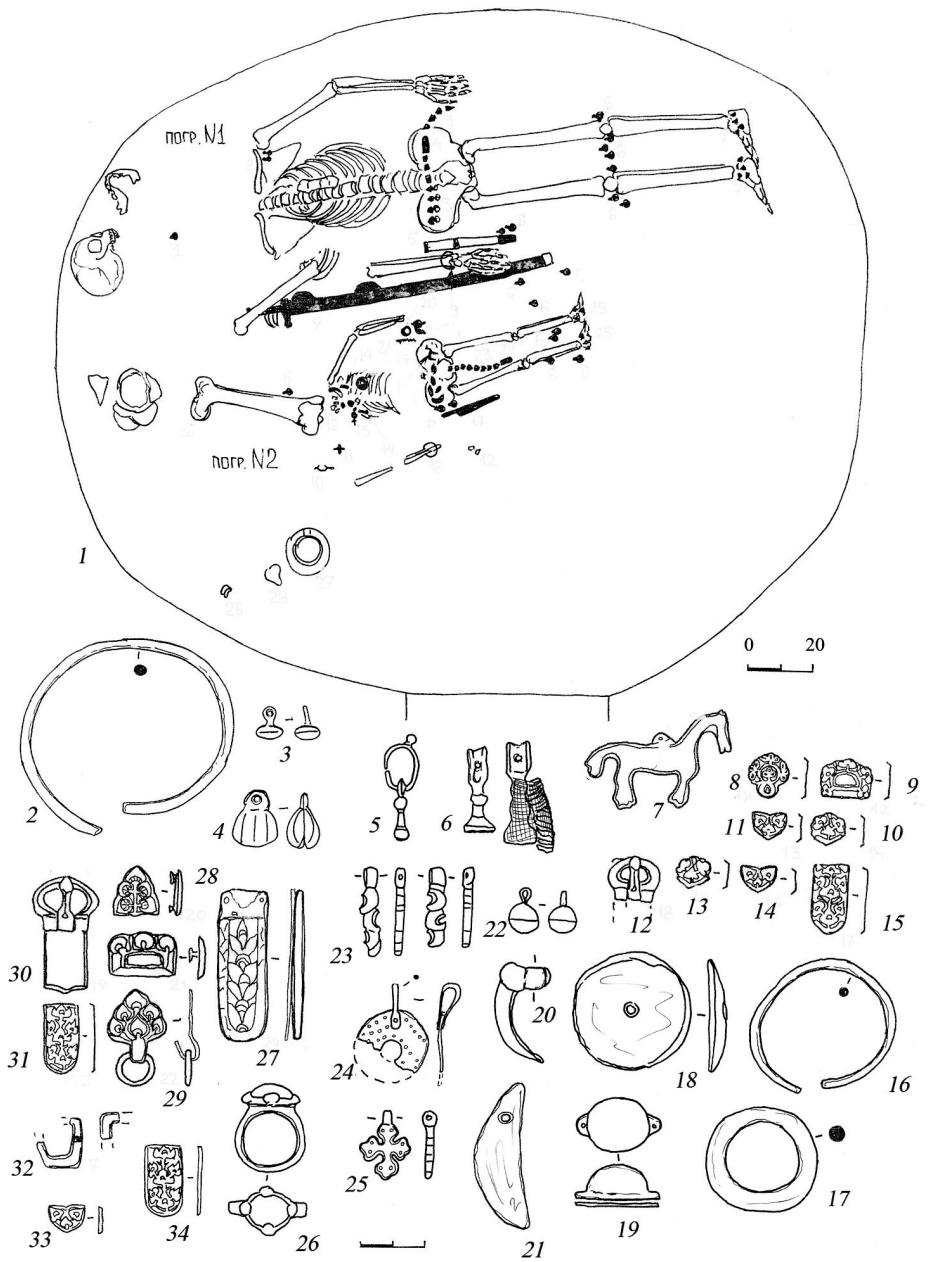


Рис. 6.
Катакомба № 99 (ВСМ-IV):
1 – план погребальной камеры; *2–34* – погребальный инвентарь

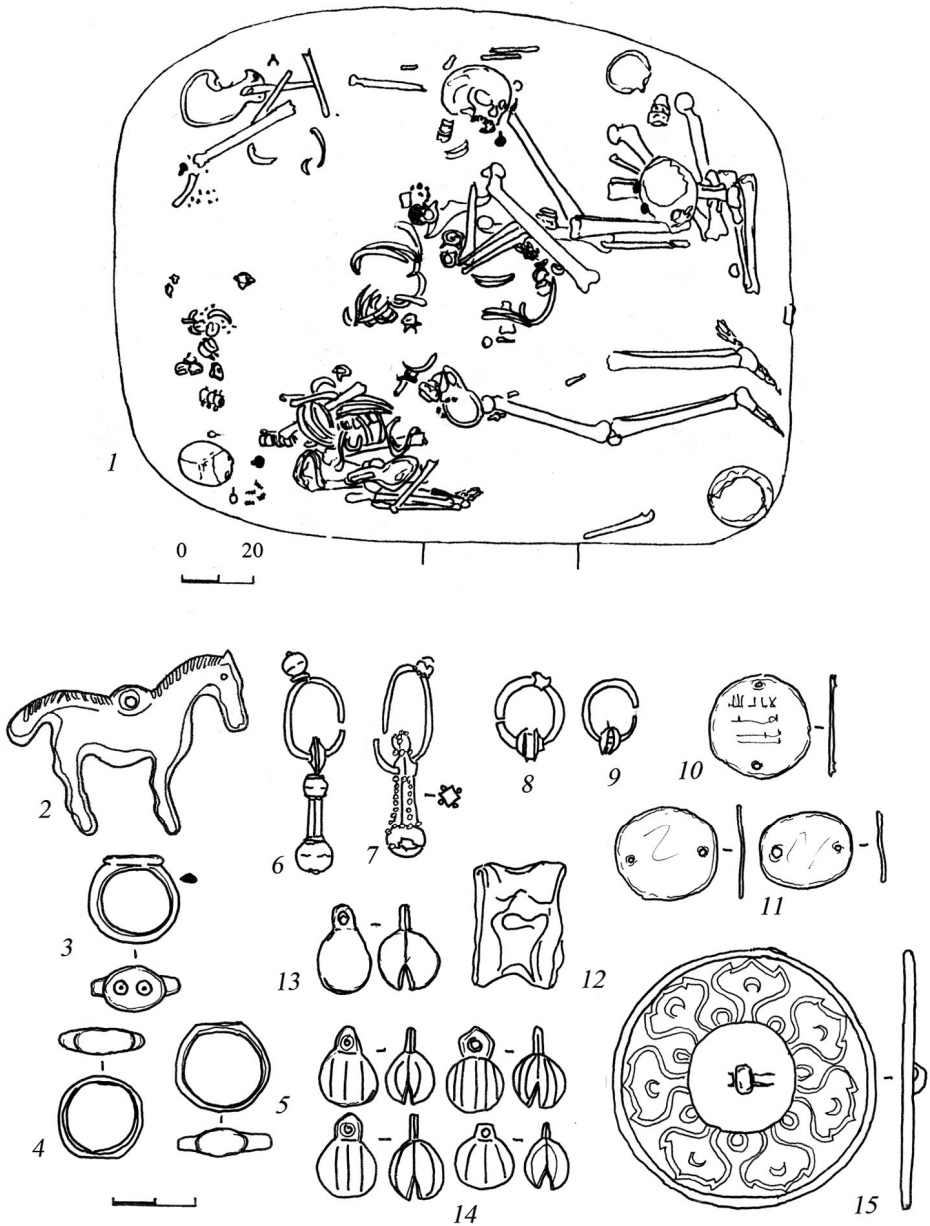


Рис. 7.
Катакомба № 104 (ВСМ-IV):
1 – план погребальной камеры; *2–15* – погребальный инвентарь

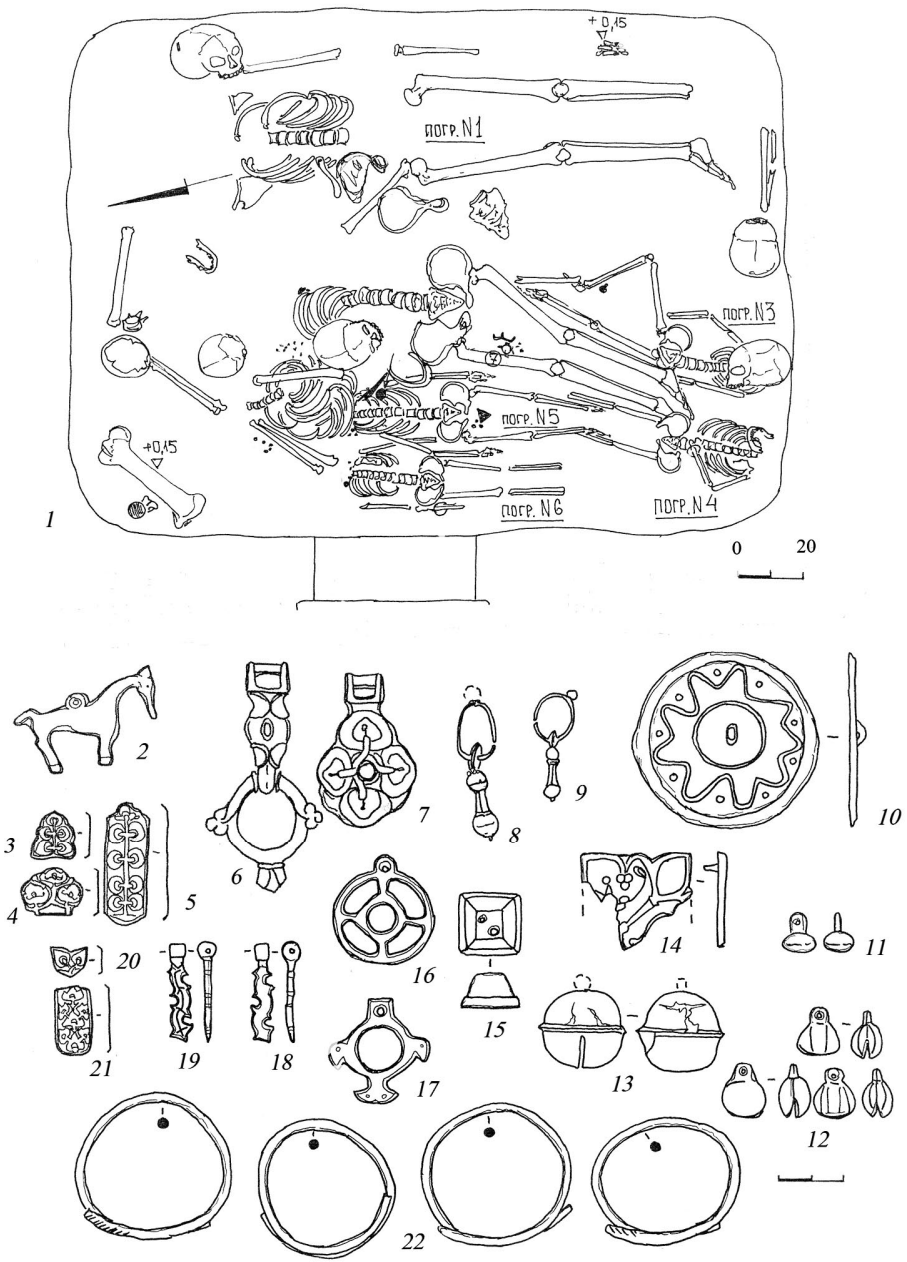


Рис. 8.
Катакомба № 107 (ВСМ-IV):
1 – план погребальной камеры; *2–22* – погребальный инвентарь

Литература

Аксёнов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antigua. *1999*. № 2.

Аксёнов В. С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. *2001*. № 1–2.

Аксёнов В. С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев–Судак, *2010*.

Аксёнов В. С. Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника // Древности 2014–2015. Вып. 13. Харьков, *2015*.

Аксьонов В. С. Основні характеристики поховального обряду ранньосередньовічного Верхньо-Салтівського могильника: досвід статистичного аналізу // Археологія. *2016* (*в печати).*

Албегова З. Х. К вопросу о религии алан (по амулетам салтово-маяцкой культуры) // Базы данных в археологии. М., *1995*.

Албегова З. Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. *2001*. № 2.

Албегова З. Х., Ковалевская В. Б. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный–Москва, *2011*.

Афанасьев Г. Е. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // СГЭ. Вып. XXXVI. Л., *1973*.

Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., *1993*.

Афанасьев Г. Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах Донских алан // РА. *1993*. № 4.

Бабенко В. А. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского могильника 1908 г. // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. Т. III. М., *1911*.

Бабенко В. А. Древние памятника Хазарской культуры в сел. Верхнем Салтове // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. Т. I. М., *1914*.

Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Отдел древностей, добытых из раскопок и случайных находок / Состав. Багалей Д. И., Покровский А. М., Трефильев Е. П.. Харьков, *1902*.

Ковалевская В. Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., *1978*.

Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, *1995*.

Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. *1999*. № 2.

Плетнёва С. А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура // МИА. № 146. М., *1967*.

Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., *1989*.

Плетнёва С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. *1993*. № 4.

Потин В. М. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды ГЭ. Т. XII. Вып. 4. Л., *1971*.

Тесленко Г. І. Розкопки Верхньо_Салтівського могильника 1920 року // Збірник на пошану акад. Д. І. Багалія / Наукові записки Науково-дослідної кафедри історії української культури. *1927*. № 6.

Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим–Москва, *2001*.

Фонякова Н. А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. *1986*. № 3.

Хоружа М. В. Кільцеподібні та солярно-зооморфні амулети салтово-маяцької культури в колекції Харківського історичного музею // Двадцяті Сумцовські читання: збірник матеріалів Всеукраїнської наукової конференції «Музей у глобальному світі: інновації та збереження традицій», присвяченої 160-й річниці з дня народження видатного українського вченого, академіка Української академії наук М.Ф. Сумцова, 18 квітня 2014 р. Харків, *2014*.

Хоружая М. В. «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 852. Історія. Вип. 41. Харків, *2009*.

Хоружая М. В. Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации) // Древности 2014–2015. Вып. 13. Харьков, *2015*.

Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, *1929*.

Сокращения

ГЭ – Государственный Эрмитаж

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа

V. S. Aksyonov

Charms-Amulets in the Form of Horses from the Catacomb Burials of the Cemetery in Verkhnii Saltov: Typology and Chronology

Summary

This paper is dedicated to charms-amulets in the form of horses, represented by 11 originals and taken out of 8 catacombs of Verkhnii Saltov cemetery. Amulets in the form of horses were found in the catacombs on two sections of the cemetery, namely, on VSM-I (abbreviation in Russian – ВСМ-I) – catacombs Nos. 60, 68, 69, 86, and on VSM-IV (abbreviation in Russian – ВСМ-IV) – catacombs Nos. 1, 99, 104, 107. The charms found refer to the taxonomic unit 4.1, version 2 (7 originals), to the taxonomic unit 4.1, version 1 (1 original) in accordance with the classification of Z. H. Albegova and V. B Kovalevska, and three more amulets similar to the charms in the form of horses were taken out the monuments of the Northern Caucasia, composing the taxonomic unit 4.1, versions 3 and 4. The burial complexes with the charms-amulets in the form of horses in accordance with the grave goods therein date from IX century, and belong to the representative of wealthy upper class and soldiers of Verkhnii Saltov community. Fewness of such charms among the materials of Verkhnii Saltov cemetery, apparently, can be testimony to the fact, that the representatives of the Alanian upper class of Verkhnii Saltov population at the beginning of the IXth century formed a clear view of the main Sun God, the symbol of which became the charms in the form of horses. Meanwhile, for the rest of the population the symbols of the Sun were various wheel-shaped charms-amulets and their derivatives.

Keywords: catacombs, Verkhnii Saltov, charms-amulets, Sun God, Alans, upper class.

К. В. Бондарь

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ТЕКСТАМИ СЛАВЯНО-ЕВРЕЙСКОЙ КНИЖНОСТИ[1]

Памяти А. А. Тортики

Корпус текстов славяно-еврейской книжности, известный в науке начиная со второй половины XIX в. и с тех пор остающийся предметом актуальных дискуссий источниковедов и текстологов, как славистов, так и семитологов (см., например, сборник [Кенааниты…, *2014*]), обязан своим происхождением ученой прослойке книжников.

Напомним, что данные литературные памятники появились вследствие многоаспектных связей древнерусской и еврейской культур в восточноевропейских ареалах их бытования – киевском (в землях Киевской Руси, XI–XII вв.), галицко-волынском (XII–XIII вв.) и литовско-белорусском (XIV–XVI вв.). С одной стороны, происходили непосредственные, этнокультурные контакты, отразившиеся в фольклорных текстах и народных обрядах, с другой – возникали контакты опосредованные, вызванные полемикой с иудаизмом, взаимным интересом книжников, рецепцией и трансформацией еврейского наследия в древнерусской книжности. Эти последние обусловили переводы с еврейского на Руси, обработку еврейских сюжетов и мотивов, заимствованных через посредство греческого языка, в произведениях древнерусской литературы.

Можно согласиться с А. А. Алексеевым, предлагающим следующую классификацию памятников, переведенных с древнееврейского, в древнерусской письменности:

[1] Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Евреи России в позднее средневековье» в Центре изучения еврейской диаспоры им. Гольдштейна-Горена Тель-Авивского университета.

1. Библейские книги: а) ранний перевод Книги Есфирь (более 20 списков начиная с XIV в.); б) Песнь Песней по единственному списку XVI в. из Музейного собрания РГБ; в) девять книг по единственному Виленскому списку XVI в. (Иов, Руфь, Песнь Песней, Екклесиаст, Плач Иеремии, Есфирь, Псалтырь, Притчи Соломоновы, Даниил); г) еврейские глоссы на полях восточнославянских списков Пятикнижия XIV–XVI вв.;

2. Исторические сочинения: фрагменты книги «Иосиппон» в составе Повести временных лет, Еллинского и Римского летописца, Академического Хронографа;

3. Апокрифы: а) «Исход Моисея» в составе Толковой Палеи и сборников смешанного состава; б) некоторые апокрифы о Давиде в сборниках и списках Псалтыри; в) Соломонов цикл в составе Толковой Палеи и сборников смешанного состава; г) «Слово Зоровавеля» в сборнике XVI в.

4. Литургические памятники: Псалтырь Федора («Псалтырь жидовствующих») в двух списках XV в.

5. Философские и естественнонаучные трактаты: а) Логика (Логическая терминология) Маймонида; б) Логика и Метафизика (Намерения философов) Аль-Газали; в) Тайная Тайных; г) Шестокрыл; Лунник (Космография) [*Алексеев*, *1993а*, с. 10].

Дискуссию вызывает вопрос о принадлежности к этому кругу раннего, киевского времени, перевода Есфири [*Алексеев*, *1987, 1993б, 2003*; *Кулик*, *1995*; *Lunt, Taube*, *1988, 1998*], апокрифов о Давиде и Соломоне; что же до переводов фрагментов «Иосиппона», то под сомнение берется их древность. Для ряда текстов, сохранившихся только в славянской традиции, утрачен их еврейский оригинал, и славянский перевод выступает единственным свидетелем истории памятника (Откровение Авраама, апокрифы о сотворении мира и человека и др.).

Ученые не сразу пришли к мысли о связи данных текстов. Несмотря на то что некоторые из них (например, Есфирь, апокрифы, Псалтырь Федора) были известны великим русским славистам – А. Х. Востокову, Н. С. Тихонравову, А. Н. Пыпину, А. И. Соболевскому, М. Н. Сперанскому и другим, в классической науке сложилось неполное представление о характере и масштабах еврейско-славянских контактов; они представлялись, с одной стороны, как

следствие движения «жидовствующих», с другой – как локальное позднесредневековое явление [*Востоков*, *1842*; *Пыпин*, *1857*; *Соболевский*, *1903*; *Тихонравов*, *1898*]. Только в середине – второй половине XX в., с введением в научный оборот новых произведений и переосмыслением фактов истории Восточной Европы и Древней Руси, с развитием иудаики, в работах А. Я. Борисова, Н. А. Мещерского, А. А. Алексеева, А. Архипова, В. Н. Топорова и других [*Борисов*, *1987*; *Алексеев*, *1987, 1993б*; *Alexeev*, *2001*; *Архипов*, *1982, 1995*; *Мещерский*, *1956а*, *1956б, 1958, 1978*; *Топоров*, *1995*] постепенно утвердилась мысль о круге памятников, являющихся предметом «еврейско-русской текстологии» [*Топоров*, *1995*]. Российские ученые не одиноки в такой трактовке: наряду с российской – по преимуществу петербургской – школой существенную роль в современной иудео-славике играет иерусалимская школа (М. Таубе, А. Кулик). Бывшие первоначально объектом компаративистского изучения, в наше время памятники славяно-еврейской книжности исследуются в первую очередь текстологически и, что особенно важно, комплексно, в совокупности историко-филологических методов.

Среди исходных допущений такого комплексного изучения есть следующее: рецепция сюжетов, образов и целых текстов в древнерусской литературе предполагает некую ситуацию «встречи» или, точнее, «общения» заинтересованных сторон – славянских книжников и их еврейских коллег, не всегда буквальную, но, что более вероятно, опосредованную, в пространстве письменной культуры. В самом деле, отмечается «живой интерес» и «увлеченность культуры Киевской Руси иудейской тематикой» [*Чекин*, *1994*, с. 35], а также «интенсивность и плодотворность» «русско-еврейских литературно-текстовых связей» [*Топоров*, *1995*, с. 356]. При этом участники этих связей не просто удалены от нас во времени, но во многом закрыты, загадочны и непонятны, поскольку «история евреев на территории средневековой Руси – горстка разрозненных и туманных известий» [*Чекин*, *1994*, с. 40]. Фигура «книжника», творца и носителя древнерусской культуры, доступна лишь в реконструкции, и даже дошедшие до нас имена писателей, переводчиков, переписчиков и компиляторов продолжают хранить многие тайны их владельцев.

Прежде чем обратиться к наблюдениям над имеющимися в нашем распоряжении текстами, стоит задуматься, что знал древне-

русский книжник о евреях и еврейском письменном наследии, как формировались его представления о нем и как они влияли на его работу.

Знания древнерусского книжника составляли его «Summa Judaica» [*Топоров*, *1995*, с. 351], т. е. включали священные тексты, общие для христианского и иудейского канонов, а также неканонические произведения, сочинения «исторического» содержания и полемические трактаты, хождения-паломничества в Святую Землю и переводные повести. Большинство упоминаний «евреев» («жидов», «иудеев», «сынов Израиля») в древнерусских источниках относится именно к евреям Библии, а история евреев, как она там показана, могла играть важнейшую роль в древнерусских (и вообще христианских) исторических представлениях [*Чекин*, *1994*, с. 35]. Христиане осознавали преемственность с иудаизмом в своей литургии, молитве и ритуальных трапезах. Книжники могли владеть древнееврейским языком, что позволяло им делать переводы, использовать еврейскую лексику в языке древнерусской тайнописи; в их сознании древнееврейский язык был особо отмечен, и обращение к нему в тайных языках свидетельствует о его престиже и сакральности [*Топоров*, *1995*, с. 350].

Литературные факты позволяют нам прикоснуться к противоречивому эмоциональному миру древнерусского книжника: здесь и риторическая заостренность, и удивление перед «неожиданной слепотой» иудаизма («Слово о законе и благодати»; повествование «Толковой Палеи», в котором библейские события выступают материалом для «увещеваний жидовина» и раскрытия символического значения ветхозаветных событий как прообраза новозаветных) [*Рогачевская*, *1993*, с. 286]), и настороженность (рассказ о Никите Затворнике в послании Поликарпа Акиндину из «Киево-Печерского Патерика»: «своеобразный характер бесовского обольщения, состоявшего в отличном знании и почитании Ветхого Завета и пренебрежении Новым» [*Гаркави*, *1881*, с. 78]), и интуитивное принятие элементов еврейского мировосприятия («бродячий сюжет» и смысл притчи о хромом и слепом в интерпретации Кирилла Туровского [*Горський*, *1995*]; символ «Софии-Премудрости», который появился в славянской книжной культуре благодаря Константину Философу и одним из источников которого является важный концепт еврейской культуры – *хохма*), и, наконец, полемический накал

(герой «Жития Константина» – полемист в споре с еврейскими мудрецами, такой же, впрочем, как герой первого восточнославянского жития – «Жития Феодосия»). Последнее сравнение требует оговорки: не совсем ясно, в какой мере Нестор следовал реальности, а в какой руководствовался литературным этикетом [*Чекин*, *1994*, с. 39].

Можно предполагать, что в сознании древнего книжника еврейское наследие играло свою роль вне связи с физическим присутствием евреев в Киевской Руси. Ведь библейская история – не только начальный период, но и архетип всех христианских историй, в которых раскрываются ее символические смыслы, например, «царь Соломон – и архетипический мудрец, и первостроитель, на которого летописцы равняют и Ярослава Мудрого, и Андрея Боголюбского, и даже архетипический женолюбец, каковым был до крещения Владимир Святославич» [*Чекин*, *1994*, с. 35]. К фигуре царя Соломона в древнерусской книжности и сюжетам, связанным с ним, мы еще вернемся.

Что касается лингвистических (лексических и морфологических) свидетельств еврейско-славянских контактов, семитизмы-гебраизмы проникали в лексический состав древнерусского языка, как правило, через посредство греческого. Среди них отмечаются и кальки (например – *Библия*), и адаптированные транслитерации (например – *суббота*, *Пасха*), прочно вошедшие в словарь. Можно сказать, что благодаря культурной традиции эти слова не воспринимаются сегодня как экзотические. В церковнославянских текстах Евангелий встречаются непереведенные синтагмы, сопровождающиеся переводом: «*Или, Или! лама савахфани*?» т. е.: «Боже мой, Боже мой! для чего ты меня оставил?» (Мф. 27:46). Известно, что Евангелие от Матфея первоначально написано на древнееврейском, но указанная синтагма сохранилась и в греческом переводе.

Иначе обстоит дело с языковыми приметами еврейских оригиналов, отмеченными в кругу памятников, для которых утверждается или предполагается перевод непосредственно с древнееврейского. Едва ли не ключевым аргументом в пользу прямого перевода с древнееврейского являются гебраизмы, тем более, если доступен сохранившийся текст источника. Обнаружены гебраизмы и в текстах, сохранившихся только в древнерусских переводах, но существовавших некогда по-гречески, на сирийском, арамейском и дру-

гих древних языках. В этих случаях возможна реконструкция утраченного подлинника.

Первой специальной работой, посвященной гебраизмам, является диссертация А. А. Архипова [*Архипов*, *1982*], исследующая разные группы языковых явлений – лексические, морфологические и синтаксические – в позднем переводе библейской Книги Даниила по Виленскому списку и в древнерусской тайнописи.

Наблюдения показывают наличие в памятниках славяно-еврейской книжности следующих форм:

Географическое понятие *въ воньрамъ, в понорам* (конъектура – *по* горам) (Исход Моисея, Откровение Авраама) – не что иное, как еврейское название Месопотамии **padan aram*; *земля почторска* – Верхний Египет (евр. **patros*) (Откровение Авраама). Иногда гебраизм тавтологичен: *сѣчива измала* (евр. **izmel'* «нож», «скальпель») (Откровение Авраама), *ноготь птичь малъ во имя шамиръ; царица южьска иноплеменница именемъ малкатъшка* (Соломонов цикл); *ширъ гашим* (вм. *гаширим*) *аширли шломо, рекше песни песнем иже к Соломону* (Песнь Песней по Музейному списку).

Лексема *шамиръ* – один из самых известных гебраизмов. А. Н. Веселовский объяснял ее как глоссу под влиянием «жидовствующих» [*Веселовский*, *1872*], но она уже присутствует в старейшем списке повестей о Соломоне начала XV в., а понять смысл конструкции помогает еврейский контекст: *ноготь птичь* – переводческий плеоназм: евр. **ziporen* «ноготь» – того же корня, что и **zipor* «птица». Древнерусский переводчик сохранил экзотизм *шамиръ,* так и оставшийся hapax legomenon, без перевода, снабдив его русским эквивалентом, который тоже восходит к еврейскому архетипу. Имя «царицы южьской» (Савской) – *малкатъшка* – представляет собой искаженное еврейское *малькат шева*, т. е. «царица Савы». В «Логике» Маймонида А. И. Соболевский обнаружил слово *тимсах* (др.-евр. *тимсах* «крокодил») [*Соболевский*, *1903*, с. 407–408].

В одном из сборников XIII в. встречается имя *Машиаак* (евр. *Машиах* «помазанник Божий») [Русская литература]; в «Житии Феодосия Печерского» – слово *земарная* (евр. **zamar* «петь», «играть на музыкальном инструменте») [*Топоров*, *1995*, с. 348]. В так называемой Псалтыри жидовствующих оставлены без перевода названия некоторых ангельских чинов [*Архипов*, *1982*, с. 7].

Гебраизмами следует считать также факты передачи имен собственных в их еврейском фонетическом облике: *Ерушалаим*, и грамматических категориях: *грѣхъ съгрѣшила ерушалаимъ* (Плач Иеремии по Виленскому списку, 1:8) – на древнееврейском города и страны женского рода. Следует отметить, что в большинстве случаев известные имена собственные употребляются в их греческом облике – *Иерусалим, Соломон*, тогда как менее распространенные сохраняют еврейское написание – *Шилоахъ* (при ц.-сл. *Силоамъ*), *Гошѣнъ* (пр ц.-сл. *Гесемъ*) (Пленение Иерусалиму третье, Титово, из Академического Хронографа, восходит к «Иосиппону»), *Дарь вешь* (<Дарий), Корешь (<Киръ) (Книга Даниила по Виленскому списку, последнее см. также в Слове Зоровавеля); *Ахасъверосъ* (<Артаксеркс), *Одъ/Удъ* (евр. *Hodu) – Индия, *Хус/Кушь* (евр. *Kuš) – Эфиопия, *Сусан-град* (евр. *Šušan) – Сузы (ранний перевод книги Есфирь). В Слове Зоровавеля император Тит назван *цесарь халдѣиски* (в еврейских источниках *Aram, «Халдея, Вавилония» и *Romi, «Рим» часто путаются из-за близости написания).

Хронологическая запись в Сийском Евангелии 1338 г. использует еврейский календарный счет («*месяца марта жидовьска* ***нисана***»), то же явление отмечено и в Есфири: *месяць десятыи глаголющийся* ***тевефь*** *по-жидовскому, а по-греческому декабрь* (Есф. 2:16); *месяц* ***нисанъ****, глаголющийся апрель* (Есф. 3:7); ***сиван****, рекомыи июнь* (Есф. 8:9) [*Мещерский*, *1956а*, с. 208].

Говоря о терминологии, следует указать, что А. И. Соболевский находит в «Логике» обозначения субъекта и предиката, *носе* и *насу* («*по-еврѣскіи носе, а по-словенски держитель, по-еврѣскіи насу, а по-словенски одержимый*»), в «Шестокрыле» и «Тайной Тайных» – еврейские названия знаков Зодиака [*Соболевский*, *1903*, с. 403, 418].

По А. А. Архипову, большинство тайнописных терминов заимствованы из еврейского языка, а именно: *фіоть*, *хвиоть* – искажение евр. **otiyyot* «буквы» [*Архипов*, *1982*, с. 13–15]. В еврейской традиции данный термин обозначал прием тайночтения, при котором в толкуемом тексте первой букве алфавита соответствовала последняя, второй – предпоследняя и т. д. Этим же принципом руководствуется «простая литорея» древнерусской тайнописи; *икубана* – искаженное древнееврейское **kawwana* «намерение, настрой», первоначально – внутренний смысл молитвы, позднее – игра букв

и слов; *еффафа* – слово заимствовано из евангельского рассказа Мк. 7:34 об исцелении глухого и косноязычного, где оно само оставлено без перевода и глоссировано «отверзись». Подобно тому как это слово было молитвой о даровании слуха и речи, так и невнятица тайнописи проясняется ее ключом. По данным Ричарда Джемса, автора Словаря начала XVII в., русская калька этого слова *отверница* обозначала у русских людей тайные языки; *тарабарская грамота, тары-бары* – связь с лексемами «раздабары», «раздабаривать», построенными по модели «раз-говоры», «разговаривать», где в качестве второго элемента выступает еврейский глагол **ledaber*, *diber* «говорить». Термин нередко относится к тайной речи евреев-торговцев [*Архипов*, *1982*; *Топоров*, *1995*].

Функция тайнописи состояла в повышении сакрального достоинства текста, поэтому чаще всего она встречалась на его границах – во вкладных записях, молитвах писцов, титулатуре. Использование еврейского языка предполагает повышение сакральности, таинственности, значения текста (ср. тайнопись в заговорах, профессиональных языках, языке русского масонства).

Наконец, отметим чрезвычайно интересное, но пока малоизученное явление: глоссы на полях восточнославянских списков Пятикнижия XIV–XV вв., которые толкуют церковнославянский текст либо транслитерацией соответствующих еврейских конструкций (*азъ есмь сыи – егее ашеръ егее*), либо пояснением реалий (*от чермнаго моря – от суфескаго* (евр. *Ям суф,* «Красное море»), либо отсылкой к раввинистической традиции (*къ царю едему – римскому* (отождествление Эдома и Рима свойственно средневековой талмудической письменности) [*Алексеев*, *1999*, с. 182–183].

Зеркально противоположное явление – славянские глоссы у еврейских экзегетов – отмечал еще в XIX в. А. Я. Гаркави [*Гаркави*, *1865*], а в недавнее время Р. О. Якобсон, который указывал на «повышенный престиж чешского (в данном случае, в еврейской традиции – *ханаанского*) языка и ареала в среднеевропейском укладе иудаизма эпохи крестовых походов» [*Якобсон*, *1985*, с. 46].

Большинство упомянутых здесь форм не вошли в основной фонд русского языка, встречаются крайне редко или вообще однократно, порой трудны для объяснения, однако они служат маркерами, имеют значение диагностических признаков и встречаются в диагностических контекстах славяно-еврейских контактов.

В качестве примера комплексного изучения памятников славяно-еврейской книжности рассмотрим цикл повестей о царе Соломоне, дающий богатый материал для наблюдений и выводов по поводу генезиса и функционирования этой книжности. История рукописного бытования повестей о Соломоне начинается одновременно с историей жанра Полной Хронографической Палеи и прекращается вместе с уходом последней из литературной традиции. В течение примерно полутора веков Соломонов цикл активно обращался в книжной среде, текст повестей видоизменялся. Не оставалась неизменной и поэтика палейного жанра.

Повести цикла сохранились в списках Палеи конца XIV (или первых лет XV) – середины XVI в. Встречаются они и в энциклопедических четьих сборниках – отдельном жанре, который появился не ранее XV в. и обслуживал потребность в келейном чтении.

В настоящее время существует гипотеза, что Соломонов цикл обязан своим происхождением ученой среде древнейшей, доашкеназской, еврейской общины Восточной Европы, связанной с вавилонской законоучительной школой [*Алексеев*, *1987*, *1999, 2006*; *Alexeev*, *2001*; *Бондарь*, *2011*]. Практически все источники повестей уходят своими корнями в вавилонскую агаду, где они находятся в трактатах Талмуда и мидрашах; на Руси же был осуществлен целенаправленный подбор и единообразное оформление текстов; в их составе обнаруживаются гебраизмы [*Alexeev*, *2001*; *Бондарь*, *2011*].

В полном или приблизительно полном составе цикл известен в двенадцати списках раннего периода, из которых укажем важнейшие в хронологической последовательности:

1) старейший – Палея из собрания Е. В. Барсова (ГИМ № 619) начала XV в. (далее – Барс.); 2) очень близкая к предыдущей Палея из собрания М. П. Погодина (РНБ № 1435) («Повесть о Китоврасе» в ней вырезана, далее – Погод.); 3) Палея с прибавлением статей из естествознания, собрание Троице-Сергиевой лавры (РГБ № 729), XV в. (далее – ТСЛ); 4) Палея 1477 г. из собрания Московской Синодальной библиотеки (ГИМ № 210) (по этой рукописи Н. С. Тихонравовым изданы повести о Китоврасе и двуглавом человеке, далее – Син.); 5) Палея 1494 г. из собрания Румянцевского музея (РГБ № 453 (по этой рукописи А. Н. Пыпиным издана часть повестей цикла, далее – Рум.); 6) Палея 1517 г. из собрания В. М. Ундольского (РГБ № 719) (по составу и оформлению весьма

сходна с предыдущей, далее – Унд.); 7) Сборник начала XVI в. из собрания Д. В. Пискарева РГБ № 143 (далее – Писк.); 8) Креховская Палея XVI в. (повести о Соломоне по этой рукописи изданы И. Я. Франко, далее – Крех.); 9) Палея XVI в. из собрания графа А. С. Уварова (ГИМ № 1304), содержащая Суды Соломона (далее – Увар.). Двумя полярными точками на этом пути представляются списки Барс. как древнейший и Увар. как наиболее поздний и модернизированный.

Согласно Е. Г. Водолазкину, апокрифы Соломонова цикла попали в Барс. как «черновик Полной Палеи» и вошли в основной текст всех последующих списков Полной Хронографической Палеи [*Водолазкин*, *2007*]. Соломонов цикл появляется как раз на стыке повествования Толковой и Хронографической Палей; царство Соломона, изложенное в Хронографической Палее как единство библейского и апокрифического нарративов, имеет скорее не толковательный, а беллетристически-назидательный смысл.

В этом контексте важно, что некоторая часть списков цикла представлена в энциклопедических четьих сборниках (РГБ, ТСЛ № 256; РГБ, Писк. № 143; сборники Ефросина из Кирилло-Белозерского собрания РНБ). В них отразились идейные и литературные явления, характерные для второй половины XV в.: рост интереса ко всем видам знаний, античным и апокрифическим сюжетам.

Наиболее близким к списку Барс., взятому за основу для текстологического изучения цикла, является список Погод., и они составляют устойчивую группу. Примыкает к ним группа ТСЛ № 729, КБ № 11/1088 и Писк. Последняя занимает промежуточное положение между первой («репрезентативной») и группой списков Рум., Унд., Крех., Син. Еще одна пара – Увар. и ТСЛ № 256, которые, с одной стороны, отличаются резко оригинальным текстом, с другой – имеют общие чтения с первой и третьей группами. Схематически взаимоотношения между группами списков можно представить следующим образом:

1) Барс., Погод. ↔ 2) ТСЛ 729, Писк., КБ № 11/1088 ↔ 3) Рум., Унд., Крех., Син.

4) ↖ Увар., ТСЛ 256 ↗

Текстологически большинство списков представляют одну редакцию, но можно говорить о группировке списков по близости или дальности в пределах одной редакции. Отмеченная особенность присуща циклу в целом; в пределах текста отдельных новелл можно говорить о редакциях. Это относится, например, к «Повести о Китоврасе», «О смысле женском».

С точки зрения структуры Соломонов цикл создается Судами Соломона вместе с «Повестью о Китоврасе». Списки содержат Суды в различной последовательности и полноте.

С наибольшей полнотой сохранилась повесть «О двуглавом человеке» (10 списков); в девяти списках читаются повести о царице Савской, о трех путниках, о смысле женском, о богаче и пасынке, о царе Адариане. Отсутствуют в двух и трех соответственно из обследованных списков повести о наследстве трех братьев и о Китоврасе. Наконец, с наименьшей полнотой отмечаются первая и последняя повести цикла: о строителях фараона и о похищенной царевне (в шести и семи списках). Среди стабильных рукописей, т. е. с достаточной четкостью и последовательностью передающих композицию цикла, следует назвать Барс., Погод., Рум., Унд., Крех., оба списка ТСЛ. В Увар., Писк., сборниках Ефросина есть пропуски. Но и в содержании самих повестей по спискам можно заметить разнообразие: ряд рукописей передают текст с лакунами, особенно это касается Писк., ТСЛ № 729, Рум., Унд., Крех. Наряду с неполнотой текста, этим же спискам (а также Увар. и ТСЛ № 256) свойственны распространения, вставки и индивидуальные чтения.

Наблюдения над окружением цикла показывают следующее: в Палее нашему циклу предшествует изложение истории царства Давида и Соломона по Библии (в ТСЛ № 729 и родственном ему КБ № 68/1145, к этому добавляются статьи из Физиолога); после него следует рассказ о чаше Соломона и сведения из Георгия Амартола и русской летописи. В сборниках смешанного состава встречается необычное сопровождение: у Ефросина, например, Соломонов цикл находится после рассказа о сотворении мира, а продолжают изложение статьи из Физиолога.

Лингвистические наблюдения над списком Барс. показывают преобладание в нем севернорусских диалектных черт, например, цеканья (*издалеца, р҃ць, мудрецемъ, хитрецемъ, вдовицинѣ, господичиць, притцами*), впрочем, есть более редкие факты чеканья,

как раз там, где разночтения показывают артикуляцию [ц]: *мечь* (*мець* – Крех.), *очьта* (*оцта* – все списки). Старейший список демонстрирует в основном неполногласие: *жрела*, *жребии*, *червии*, *врази*; тем более контрастными выглядят единичные примеры полногласия: *болозѣ* при *благо*, *блазѣ* других списков; *голову* (*главу*). Список Барс. близок старославянской фонетической системе в передаче фонемы [щ]: *нощныа* при наличии варианта *ночныѫ,* в довольно последовательной фиксации результатов переходного смягчения: *на друзѣ*, *китовраше*; однако при этом может встретиться *послю* вм. *пошлю*. Явление протезы данному списку неизвестно (*осла* при наличии в других списках коррелятной словоформы *восла*).

Морфологически старейший список удерживает некоторые архаичные формы: двойственное число (*тѣма козлома, поедаета*), супин (*работатъ, питъ, искушатъ*), плюсквамперфект (*бѣхъ казалъ*), редкие предлоги (*уне*), старое обозначение принадлежности (*фараонь, соломонь*), указательные местоимения (*и* при наличии в списках *его*).

В языке повестей фиксируются лексические восточнославянизмы типа *хлевина* и *черевіи*. Вообще, в Барс. и родственных ему списках, в основном в Судах, встречаются русизмы при наличии пар-старославянизмов по остальным спискам: *порты-ризы*, *паробка-раба*, *жюковина-прьстень*, *тѫжю-судбе*, *сыну-чѧдо*, *господичиць-властелин*. В «Повести о Китоврасе», наоборот, преобладает старославянский лексический элемент (*успе* при наличии *уснув*). Список Барс. и его группа почти не знают поновлений, предпочитают более темные чтения: *голомѧ* (*немного* – Увар.), *ожирилсѧ* (*оживилсѧ* – др. списки), *ложе мьскы* (*нож земьскы* – Увар.), *мовь кражму* (*красну, скражду* – др. списки). В ряде случаев здесь читается более подходящая контексту фраза: *сѣно жати течет* вм. *сеножать сечет*; *ужившю половину днеи* вм. *ужившю половину детеи* и т. д. Наиболее индивидуализированный текст содержится в списке Писк. (*поспати – опочинути*; *юшьска – савска*).

С распространением цикла по спискам происходят изменения в лексическом и фонетическом облике гебраизмов, например, синтагма *ноготь птиць малъ* (Барс.) в более поздних списках принимает облик *ногъ птичь малъ* (ТСЛ № 729), *неготь птиць* (Рум.), *ноготь птица* (КБ 11/1088), *кокотъ птичь* (Писк.).

В списке Увар. встречаются индивидуальные чтения – лексически (*лѣплии – лучшии*, *жюковину – прьстень*, *малкатъшка – сивелила*) или морфологически (*а вѣ не с(ы)на – а мы сице не сынове*, *два козла поѣдаета – два козла поѣдают*). Текст может быть распространен (*трие мужи* – доб. *еврѣистии*; *просити ц(а)р(е)вны за себе* – доб. *у фараона ц(а)рѧ египетскаго*). По-видимому, можно говорить об отдельной редакции в этом списке повести «О смысле женском». Приведем отрывок из нее:

Барс.	Увар.
И положи (меч) на грудехъ мужю своему и потре и по горлу мънѧщи ꙗко остръ есть ꙗко заколеть и. он же сѧ въсхопи в борзѣ мнѧ ꙗко врази нѣкотории	Егда же прииде муж еѧ от труда и еже от вина уснув на постели своеи жена съ дрьзновением мысль свою въсприемши вземше же меч иже дал еи ц(а)рь наложи мужю своему на горло мнѧще и ꙗко остръ есть заколет его и влача сѣмо и онамо хотѧше отрѣзати главу и не успѣ ничто же очюти же сѧ муж еѧ встав въскорѣ мнѧщи ꙗко врази нѣкоторы

Редакторская правка разворачивает и беллетризует повествование, добавляя новые детали.

Следует полагать, что поиск апокрифов не был специальной целью создателя новой палейной редакции. Другое дело, что, попав в этот памятник, апокрифические тексты впоследствии осознавались как таковые, и от них пытались избавляться (один из примеров – вырезанные листы с фрагментами Соломонова цикла в рукописи РНБ Погод. № 1435).

Таким образом, по мере эволюции жанра палеи наблюдаются и текстологические, и сюжетно-композиционные изменения повестей о Соломоне в сторону их русификации и сближения с оригинальными древнерусскими произведениями. Следует поставить вопрос: наблюдается ли подобная закономерность в других памятниках славяно-еврейской книжности? Ответ на него возможен после полного текстологического обследования этих памятников.

Насколько продуктивным может быть сравнительно-типологическое изучение образов в текстах славяно-еврейской книжности, видно на примере рассказа о постройке Иерусалимского храма в составе «Повести о Китоврасе» из Соломонова цикла. В этом рас-

сказе царю помогает и в то же время противостоит ему сверхъестественное существо – Асмодей (в раввинистических источниках) или Китоврас (в древнерусских сказаниях).

Сравнение Асмодея и Китовраса, как кажется, можно проводить по следующим критериям: источники (в каких текстах упоминаются); происхождение образа и имени; функции; черты характера и поведения; внешний облик. Асмодей (греческое произношение еврейского имени *Ашмедай*) встречается в еврейской литературе разных эпох и жанров: в апокрифах (книга Товита), трактатах Вавилонского Талмуда (Псахим, Гиттин), поздних мидрашах (например, сборник «Оцар ха-мидрашим»), наконец, записках Вениамина из Туделы. О нем известно, что это – демоническое существо, «царь демонов» (ВТ, Гиттин 68а), не чуждый при этом изучению Торы. Таким образом, Асмодей встречается в древних и средневековых письменных источниках. Фигурирует он и в литературе Нового времени, но как стилизованный персонаж.

Образ Китовраса представлен как письменными, так и иконографическим источником начиная с XIV в. и позже. В книжности он находится в «дополнительном распределении» с Соломоном, т. е. как действующее лицо отмечен только в истории о постройке Храма. Китоврас также изображен на Васильевских вратах Новгородского Софийского собора (1336 г.) в виде крылатого получеловека-полуконя, с маленькой коронованной фигуркой в руках. Его имя известно из надписи на изображении [*Чернецов*, *1975*].

Имя *Ашмедай* исследователи возводят к персидским источникам («имена ангелов пришли из Вавилона», – говорится в одном из текстов; можно предполагать подобное и об именах демонов). Так, в *Зендавесте* фигурирует демон Аешма, а *дэв* (*даэва*) – общее название беса в иранских языках и зороастрийской мифологии [*Аверинцев*, *1990*, с. 68–69]. О связи еврейских и иранских представлений о демонах свидетельствует, например, опасение перед четными предметами и числами. Ассоциация четного с опасностью, а нечетного с положительной силой свойственна именно иранскому мировоззрению [*Гафни*, *2003*, с. 158]. Ср. об Асмодее: «он назначен над всем четным» («над всеми парами») (ВТ, Псахим 110а). Австрийский ученый А. Каминка указывает на исторический источник (или параллель?) рассказа об Асмодее – приведенный у Геродота эпизод персидской истории с заменой великого царя Камбиза

самозванцем Смердисом, или Шмердаем, некромантом и колдуном [*Kaminka*, *1922*, p. 222]. От имени «Шмердай» исследователь и производит имя талмудического демона. Действительно, в агадическом рассказе Асмодей становится самозваным Соломоном, а настоящий царь странствует в обличии нищего; по всей видимости, Асмодей – персидское заимствование в еврейской литературе.

Имя «Китоврас» как будто с очевидностью указывает на греческий прототип – кентавра (κενταυροζ). Между тем греческое слово известно и мидрашам (*qintorin в Берешит Раба, *qintor в ед. числе, превращающееся затем в *qitor) [*Krauss*, *1899*, s. 532]. Видоизменение «Кентаврос» – «Китоврас» могло произойти не без влияния еврейской транслитерации греческого термина, считает А. А. Алексеев [*Алексеев*, *1987*]. Пример из источника XVII в.: *киторас* [КСДР]. Как имя коня, *китоврас*, как вариант – *иппокитоврас*, встречается в Азбуковнике [КСДР]; в сатирической литературе («Праздник кабацких ярыжек») так назван один из месяцев [КСДР]; слово встречается как нарицательное имя и при описании пушки [КСДР].

Функционально Китоврас тождествен Асмодею – помощнику и противнику. Оба они знают секрет волшебного средства – *шамира*, их объединяет дар прорицания и ясновидения. Как Асмодей, так и Китоврас обладают невероятной силой (Асмодей забрасывает Соломона на «четыреста фарсангов», Китоврас – «на край земли обетованныя»; Вениамин Тудельский сообщает, что Асмодей помогал укладывать гигантские камни при постройке дворца в окрестностях Баальбека) [*Марголин*, *1881*, с. 64–65]. Мотив наказания как орудия небесной воли, столь явный в образе Асмодея, почти не выражен в действиях Китовраса, а одно важное свойство Асмодея Китоврасу совсем не передалось – враждебность браку и вредоносность для влюбленных и чистоты семейных отношений. В книге Товита, например, Асмодей убивает одного за другим семь женихов Сарры; в мидраше, будучи в облике царя, требует жен из гарема Соломона во время их ритуального отстранения и даже покушается на мать царя – Вирсавию (по этому признаку он как раз и был изобличен).

Асмодей крылат (когда увидел Соломона, улетел; именно своим крылом забросил Соломона на далекое расстояние), у него птичьи ноги, как и у всех демонов по еврейским представлениям (ср. BT, Брахот 6а: «если кто-то хочет увидеть демонов, следует взять пе-

пел и посыпать вокруг кровати, и утром увидит следы петушиных лап»).

Облик Китовраса химеричен, и это роднит его с кентавром. Мы знаем об этом, благодаря изображению в Софийском соборе Новгорода, а также одной из редакций «Повести о Китоврасе», помещенной в сборнике книгописца второй половины XV в. из Кириллo-Белозерского монастыря Ефросина («Китоврасъ есть зверь борзъ. Стан человечь, а ноги коровии». Об этой редакции см. ниже). В портрете его присутствуют и крылья. Точной копией средневекового Китовраса выступает перенесенный в XX век одноименный литературный персонаж из мистерии А. М. Ремизова («конь-и-человек-и-птица», «с полуопущенными крыльями, подогнув ноги, окаменев, загадочно смотрел Китоврас») [*Ремизов*, *1993*].

Таким образом, Китоврас связан с кентавром и этимологически, и по ряду признаков. Функционально же и типологически он близок Асмодею. И Асмодей, восходящий к иранскому, а возможно, индоиранскому персонажу, и Китоврас, реплика кентавра, имеющего аналог в древнеиндийской мифологии, где существует «класс полубогов» [*Гринцер*, *1990*, с. 140] – гандхарвов, имеют общие далекие корни. Затем пути кентавра и Асмодея разошлись, и в образе Китовраса на славянской почве их черты и свойства причудливо контаминируют. Китоврас – многокомпонентный образ (так, в тексте из сборника Ефросина встречается мотив, нигде более не поддержанный, – Китоврас назван «сыном Давида», следовательно, братом Соломона). В соответствии с этим, в изучении природы Китовраса трудно отдать предпочтение данным одной науки – гебраистики, иудео-славики или сравнительной индоевропеистики.

Следует отметить, что если книжники раннего времени (XI–XII вв.) стояли у истоков славяно-еврейских культурных и литературных контактов, то высшего расцвета, а в некотором смысле и завершения (во всяком случае, в своем классическом виде) эти контакты достигли в конце средневековья, в XV–XVI вв. Как известно, вторая половина XV в. была временем русского Предвозрождения во всех областях духовной жизни, в частности в литературе, что выразилось в появлении светской повести, интересе к античности, трансформации исторического и агиографического повествования, расширении круга тем и сюжетов, усилении литературной занимательности [*Лихачев*, *1967*; *Лурье*, *1967; Лурье, 1972*]. Одним

из выдающихся и в высшей степени оригинальных книжников этого времени был уже упоминавшийся кирилло-белозерский монах и писец Ефросин, хорошо известный в научной традиции (см., например: [*Лурье*, *1961*; *Бобров*, *2005; Бобров, 2006*]). Написанные отчасти самим Ефросином, отчасти составленные им из рукописей других писцов сборники являются энциклопедическими по содержанию (как бы «библиотекой в миниатюре») и «четьими» по типу, предназначенными для келейного чтения. Все данные о Ефросине почерпнуты из его помет на листах рукописей; последние уже давно привлекли внимание исследователей [*Лурье*, *1961*; *Каган-Тарковская*, *1979*; *Дмитриева*, *1968*]. Неповторимые черты его стиля неоднократно становились объектом наблюдений [*Дмитриева*, *1966*; *Бондарь*, *2000*, *2013*]. В частности, книжник создает свою редакцию Палеи, в которой отказывается от присущей этому жанру богословской полемики с иудейскими воззрениями (например, отмечает лаконично «*сътвори богъ рече небо и землю и прочая*», вместо пространного «*сътвори богъ рече небо и землю, въпрошаю же азъ тебе о жидовине почто моиси и от ангел не нача писати*…»). Подобным образом поступает он со Сказанием о Соломоне и Китоврасе, которое становится у него очень кратким текстом «О Китоврасе от Палеи», где опущены все перипетии этого апокрифического сюжета, а при первом же разговоре с царем легендарный монстр «*все переломал и поскочил на свою волю*». Текст «О Китоврасе от Палеи» помещен в одном из шести дошедших до нас сборников Ефросина (РНБ, КБ № 11/1088, л. 262–262 об.) и был опубликован Я. С. Лурье [*Lur'e*, *1964*]. Ефросиновская версия отличается от известного по различным спискам Толковой Палеи «Сказания о Соломоне и Китоврасе» краткостью и наличием оригинальных мотивов: жена Китовраса, предающая своего мужа; разговор с Соломоном о «своей воле»; бегство Китовраса; его родство с царем Давидом. Только одна особенность роднит текст с палейным сказанием: поимка Китовраса с помощью вина и меда. По наблюдениям исследователей, отмеченные мотивы являются результатом творческой переработки Ефросина, его «редакторской правки», к которой он нередко прибегает при переписывании известных произведений. Но основой его особой версии является полный текст сказания, несомненно известный Ефросину, так как в том же сборнике находится переписанное им «Сказание о томъ како ять

быс(ть) Китоврасъ Соломоном», не представляющее существенных различий с Палеей. Представляет интерес слово «от Палеи» в заглавии текста. Согласно Я. С. Лурье, слово «палея» в данном случае не относится к Толковой Палее, а отсылает вообще к библейским дохристианским временам; кроме того, известно, что у древнерусского читателя и книжника Палея «считалась книгой истинной и отождествлялась со священным писанием» и «под «палеей» разумели ту часть Ветхого Завета, которая заключается в восьми первых библейских книгах» [*Тихонравов*, *1898*, с. 157]. Вместе с тем, нельзя забывать об «отреченности» апокрифических сказаний о Соломоне (уже в XIV в. «О Соломоне цари басни и кощюны и о Китоврасе» включались в южнославянские и русские списки «отреченных» книг). Индексы запрещенных книг переписывались Ефросином наряду с обозначенными в них произведениями, и ясно, что запретность последних он хорошо сознавал: «*аз Ефросин грешнои сѣг(о) во зборе не чти ни многим явлѧи*» (РНБ, КБ № 11/1088, л. 235) [*Каган, Понырко, Рождественская*, *1980*].

Мотив предательства жены Китовраса отличает рассказ Ефросина от другого, позднего произведения, примыкающего к Соломонову циклу, – «Повести об увозе Соломоновой жены», в которой жертвой коварства становится Соломон [*Ярошенко-Титова*, *1974*]. «Повесть…», сохранившаяся в поздних записях, содержит не только сюжет о «женском коварстве», но и называет Китовраса братом Соломона, что роднит ее с ефросиновской версией «О Китоврасе от Палеи» («*глаголютъ его яко царевъ сынъ Давидовъ*»). Опираясь на эту деталь, А. Н. Веселовский считал «Повесть…» известной еще в XIV в., так как тема «Китоврас – брат Соломона» представлена в изображении на Васильевских вратах новгородского Софийского собора, относящихся к середине этого столетия [*Веселовский*, *1872*, с. 217].

Наиболее важная часть текста, по мнению Я. С. Лурье, – диалог между Соломоном и Китоврасом о том, что в этом мире «узорочнѣе» (т. е. прекраснее. – *К. Б.*) всего [*Lur'e*, *1964*, p. 10]. Репутация Китовраса как мудреца, установившаяся в палейных сказаниях, проявляется здесь, видимо, в утверждении абсолютной ценности и приоритета «своей воли». Тема «воли» неизвестна по другим легендам о Соломоне и Китоврасе, но она также принадлежит к числу волнующих книгописца, ибо в том же сборнике содержится «Слово

о рахманах и их предивном житии», дополненное Ефросином словами, которых нет в источнике – Хронике Амартола. Концептуальная сила мотива «своей воли» повлияла на судьбу оригинальной версии сказания о Соломоне и Китоврасе и «Слова о рахманах…»: в последующие столетия они исчезают из книжной традиции, тогда как другие тексты Ефросина вновь переписываются и распространяются.

Пример активной книжной деятельности Ефросина показывает расширение круга литературных явлений и усиление личностного начала, индивидуального самосознания книжника. С этими тенденциями, осложненными идеологической борьбой и политическими противоречиями, мы имеем дело и в явлении «жидовствующих», которое ввиду своего масштаба и значимости для славяно-еврейской книжности, для иудео-славики в целом должно быть рассмотрено отдельно, и не в одной работе.

Нынешний же перечень наблюдений завершим кратким обращением к эдиционным проблемам иудеославики.

Эдиционная история отмеченных памятников достаточно длинна. Она представлена, с одной стороны, научными, с другой – популярными изданиями. Первые попытки научных изданий были предприняты практически одновременно [ПСРЛ, *1862*; *Тихонравов*, *1863*] и дали материал специалистам на десятилетия вперед. Ими пользовались А. Н. Веселовский, И. Я. Франко, С. Х. Бейлин и другие [*Веселовский*, *1872*; *Франко*, *1896*; *Бейлин*, *1907*]. Помимо главного достоинства этих публикаций – осуществления доступа к текстам – нельзя не отметить их недостатков, большей частью объяснимых тогдашним уровнем текстологии и издательской техники (отсутствие археографического обзора и текстологического аппарата, привлечение единичных, часто случайных списков). Не все тексты корпуса привлекали внимание издателей и, конечно, ими не были учтены еврейские источники/параллели. К названной традиции примыкает и публикация И. Я. Франко («Апокрифи і легенди з українських рукописів») [*Франко*, *1896*], и издание М. Н. Сперанским «Псалтыри Федора-еврея» [*Сперанский*, *1907*].

В последующие десятилетия в силу разных причин релевантные тексты не изучались и не издавались. В советское время приоритет имели научно-популярные издания. Впервые апокрифическая литература попала на страницы тома «Изборник» Библиотеки все-

мирной литературы (Сказание о Соломоне и Китоврасе) [Изборник…, *1969*], затем – в том серии «Памятники литературы Древней Руси» (сказания о Моисее, Давиде, Соломоне) [ПЛДР, *1981*].

Безусловным успехом следует признать публикацию ряда повестей в т. 3 «Библиотеки литературы Древней Руси» в 20 тт. – самого масштабного в истории проекта издания древнерусских памятников [БЛДР, *1999*]. Помимо публиковавшихся ранее сочинений, здесь впервые увидело свет «Слово блаженного Зоровавеля». Этот же материал отразился в популярном издании «Апокрифы Древней Руси» [Апокрифы…, *2006*]. Все они отличаются дипломатическим исполнением (по одному списку), очень кратким комментарием и не сопровождаются исследованием.

Что касается научных изданий, то некоторые из них осуществлены израильскими коллегами: в 1998 г. Г. Лант и М. Таубе издали ранний перевод «Есфири» [*Lunt, Taube*, *1998*], в 1992 г. М. Альтбауэр опубликовал библейские книги Виленского сборника [*Altbauer*, *1992*]. М. Таубе также подготовил издание философских и научных сочинений [*Taube*, *2016*]. В советской и российской науке, помимо журнальных публикаций Н. А. Мещерского, впервые опубликовавшего «Есфирь» [*Мещерский*, *1956б*; *Мещерский, 1978*] и А. А. Алексеева [*Алексеев, 1981*], появилось монографическое издание всех славянских переводов Песни Песней, включая и переводы с еврейского [*Алексеев*, *2002*]. Некоторые памятники (фрагменты Иосиппона, глоссы маргиналий Пятикнижия) еще подробно не изучались и не издавались.

Итак, назрела необходимость современного полного издания памятников еврейско-славянских литературных связей. Об этом неоднократно писали ведущие специалисты в данной области, в частности А. А. Алексеев [*Алексеев*, *1987; Алексеев*, *1993; Алексеев*, *2006*].

Сформулирую некоторые соображения и пожелания по поводу будущего издания. Несомненно, оно должно ориентироваться на академического читателя, исследователя, с одновременным научно-популярным изложением в отдельном разделе (как это сделано, например, в монографии О. В. Творогова «Древнерусские хронографы») [*Творогов*, *1975*]; в нем нужно будет учесть как можно большее число списков и охватить все памятники с параллельной публикацией еврейских источников. Современные технические сред-

ства позволят максимально точно передать рукописную графику, а существующие правила публикации – корректно и последовательно отразить церковнославянскую орфографию. Разумеется, издание будет снабжено комментариями и указателями, подробной историко-литературной статьей.

Можно сказать, что до некоторой степени этот замысел ориентируется на существующие образцы – например, на серию монографических исследований-публикаций памятников древнерусской литературы, предпринятую коллективом Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН в 1950–1980-е гг. В ней вышли «Сказание о князьях Владимирских», «Сказание Авраамия Палицына», «Повести о Михаиле Клопском», «Повесть о Дракуле» и другие произведения.

Разделы будущего издания должны включать: а) библейские переводы. Псалтырь Федора; б) средневековый мидраш в славянской традиции (апокрифы и фрагменты Иосиппона); в) научные тексты / литературу «жидовствующих».

Вот как, например, мог бы выглядеть раздел о средневековом мидраше в славянской традиции: Исход Моисея, цикл сказаний о царе Давиде (Слово о Давиде царе и пророке, Сказание о Давиде царе, Апокрифы о составлении Псалтыри), цикл сказаний о царе Соломоне (Повесть о Китоврасе, Суды Соломона, Повесть о царе Адариане, Повесть о двуглавом человеке, Повесть о царице Южской), Слово блаженного Зоровавеля, фрагменты Иосиппона (фрагмент из ПВЛ под 1110 г.; Плены Иерусалимли, а именно «2-е пленение Антиохово» и Рассказ о царе Иехонии из Академического Хронографа; «Пленение Иерусалима Третье, Титово» из Еллинского и Римского Летописца 2-й редакции). Предварительно можно сказать, что здесь мы имеем дело с памятниками разной рукописной традиции и литературной судьбы. Наибольшим числом списков представлены апокрифы о Моисее, Давиде, чуть меньшим – о Соломоне. Пятью-шестью доступными списками мы располагаем в случае хронографов – Академического и ЕЛ-2 и всего двумя – для Слова Зоровавеля. Древность списков также неодинакова. Древнейшие восходят к XIV в. (Барсовская Палея, Псалтырь со службами), некоторые – к XV (хронографы, палеи) и XVI вв. В основу издания должны быть положены по возможности старейшие и самые полные списки. Некоторая подготовительная работа проведена –

в части, касающейся Соломонова цикла. Он был подготовлен к изданию по десяти спискам, на основе старейшего – Барсовского [*Бондарь*, *2011*]. Также М. Таубе уже подготовлено к печати, но не издано «Пленение Иерусалима Третье, Титово» по пяти спискам.

Остается надеяться, что в будущем научном издании памятников славяно-еврейской книжности междисциплинарная отрасль иудео-славики впервые приобретет единую публикацию разрозненных текстов, что позволит по-новому, в свете современных знаний, оценить явление средневековых славяно-еврейских литературных и культурных контактов и представить его всем заинтересованным читателям.

Литература

Аверинцев С. С. Асмодей // Мифологический словарь. М., *1990*.

Алексеев А. А. «Песнь песней» по русскому списку XVI в. в переводе с древнееврейского оригинала // Палестинский сборник. Вып. 27 (90). Л., *1981*.

Алексеев А. А. Переводы с древнееврейских оригиналов в Древней Руси // Russian Linguistics. Vol. 11. *1987*.

Алексеев А. А. Переводы с еврейских оригиналов у восточных славян в эпоху средних веков // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века – начало Нового времени. М., *1993а*.

Алексеев А. А. Русско-еврейские литературные связи до XV века // Jews and Slavs. Vol. 1. Jerusalem, *1993б*.

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., *1999*.

Алексеев А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., *2002*.

Алексеев А. А. Еще раз о книге Есфирь // Русский язык в научном освещении. Т. 1 (5). *2003*.

Алексеев А. А. Палея в системе хронографического жанра // ТОДРЛ. Т. 57. *2006*.

Апокрифы Древней Руси. СПб., *2006*.

Архипов А. А. Из истории гебраизмов в русском книжном языке XV–XVI вв. Автореф. дис. …канд. филол. наук. М., *1982*.

Архипов А. А. По ту сторону Самбатиона. Лос Анжелес, *1995*.

Бейлин С. Х. Странствующие или всемирные повести и сказания в древнераввинской письменности. Иркутск, *1907*.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. М., *1999*.

Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. Т. 22. Sapporo, *2005*.

Бобров А. Г. Ефросин Белозерский как историограф // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., *2006*.

Бондарь К. В. «О Китоврасе от Палеи» и другие сюжеты книгописца Ефросина // Материалы 7 ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., *2000*.

Бондарь К. В. Повести Соломонова цикла. Из славяно-еврейского диалога культур. Харьков, *2011*.

Бондарь К. В. Сатирические приемы русских книжников (по материалам сборников Ефросина) // История литературы. Критика. Драматургия. Театр. Из докладов на Международных Чтениях памяти Л. Я. Лившица (2005–2012 гг.). Киев, *2013*.

Борисов А. Я. К вопросу о восточных элементах в древнерусской литературе // Палестинский сборник. Вып. 29(92а). Л., *1987*.

Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., *1872*.

Веселовский А. Н. Талмудический источник одной Соломоновской легенды в Русской Палее // ЖМНП. Ч. 208. *1880*.

Водолазкин Е. Г. Новое о палеях // Русская литература. *2007*. № 1.

Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., *1842*.

Гаркави А. Я. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей. СПб., *1865*.

Гаркави А. Я. Русь и русское в средневековой еврейской литературе // Восход. *1881*. № 1.

Гафни И. Евреи Вавилонии в талмудическую эпоху. Москва–Иерусалим, *2003*.

Горський В. С. З історії україно-єврейських ідейних зв'язків києво-руської доби. Кирило Туровський // Єврейська історія та культура в Україні. Матеріали конференції 7–9 грудня 1994 р. К., *1995*.

Гринцер П. А. Гандхарвы // Мифологический словарь. М., *1990*.

Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.–Л., *1966*.

Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 23. *1968*.

Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М., *1969*.

Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. *1980*.

Каган-Тарковская М. Д. Энциклопедические сборники XV в. и круг интересов книгописца Ефросина // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., *1979*.

Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / Под ред. В. Московича, М. Членова, А. Торпусмана. М., *2014*.

Картотека Словаря древнерусского языка ИРЯ РАН (КСДР).

Кулик А. О несохранившемся греческом переводе книги Есфирь // Славяноведение. *1995*. № 2.

Лихачев Д. С. Предвозрождение на Руси в конце XIV – начале XV в. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., *1967.*

Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. Т. 17. *1961*.

Лурье Я. С. Черты Возрождения в русской культуре XV – XVI вв. (древнерусская литература и западная народная книга) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., *1972*.

Лурье Я. С. Элементы Возрождения на Руси в конце XV – начале XVI вв. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., *1967*.

Марголин П. Три еврейские путешественника XI–XII ст. СПб., *1881*.

Мещерский Н. А. Искусство перевода Киевской Руси // ТОДРЛ. Т. 15. *1958*.

Мещерский Н. А. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода // Учен. зап. Карело-Финского пед. ин-та. Т. 2. Вып. 1. Петрозаводск, *1956а*.

Мещерский Н. А. Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет» // Палестинский сборник. Вып. 2 (64–65). М.–Л., *1956б*.

Мещерский Н. А. Текст древнерусского перевода книги «Есфирь» // Dissertationes slavicae (Szeged). Т. 13. *1978*.

Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV в. (ПЛДР). М., *1981*.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко (ПСРЛ). Вып. 3. Ложныя и отреченныя книги русской старины, собранныя А.Н. Пыпиным. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, *1862*.

Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., *1857*.

Ремизов А. М. Сочинения. Кн. 2. Круг счастья. М., *1993*.

Рогачевская Е. Славяне и их евреи // Вестник еврейского университета в Москве. *1993*. № 3.

Русская литература // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: http://www.eleven.co.il/article/13623

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., *1903*.

Сперанский М. Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора Еврея. М., *1907*.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., *1975*.

Тихонравов Н. С. Отреченные книги древней России // Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 1. М., *1898*.

Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 1. СПб., 1863.

Топоров В. Н. К ранним русско-еврейским литературно-текстовым связям (XV–XVI вв.) // Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М, *1995*.

Франко І. Апокрифи і легенди з українських рукописів. Т. 1. Апокрифи старозавітні. Львів, *1896*.

Чекин Л. С. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XI–XIII вв. // Славяноведение. *1994*. №3.

Чернецов А. В. Древнерусские изображения кентавра // Советская археология. *1975*. № 2.

Якобсон Р. Из разысканий над старочешскими глоссами в средневековых еврейских памятниках // Slavica Hierosolymitana. Vol. VII. Jerusalem, *1985*.

Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. // ТОДРЛ. Т. 29. *1974*.

Alexeev A. Apocrypha Translated from Hebrew within the East Slavic Explanatory Palaea // Jews and Slavs. Jerusalem–Vienna, *2001*. Vol. 9.

Altbauer M, Taube M. The Slavonic book of Esther: when, where and from what language was it translated? // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 8. *1984*.

Altbauer M. Some methodological problems in research of East Slavic bible translations (Vilnius codex 262). Jerusalem, *1968*.

Kaminka A. The origin of the Ashmedai legend in the Babylonian Talmud // Jewish Quarterly Review. Vol. XIII. *1922–1923*.

Krauss S. Griechische und Latenische Lehnwörter im Talmud, Midrash und Targum. Bd. 1–2. Berlin, *1898–1899*.

Lunt H. G., Taube M. Early East Slavic Translations from Hebrew? // Russian Linguistics. Vol. 12. *1988*.

Lunt H. G., Taube M. The Slavonic Book of Esther. Text, Lexicon, Linguistic Analysis, Problems of Translation. Cambridge (Mass.): Harvard university press., *1998*.

Lur'e J. S. Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du 15 siècle // Revue des études slaves. T. 43. *1964*.

Taube M. On certain unidentified and misidentified sources of the Academy Chronograph // Russian Philology and History: in honor of prof. Levin. Jerusalem, *1992*.

Taube M. The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers // Jews and Slavs. Vol. 3. Jerusalem, *1995*.
Taube M. The Slavic *Life of Moses* and its Hebrew Sources // Jews and Slavs. Vol. 1. Jerusalem, *1993*.
Taube M. The Logika of the Judaizers: A Fifteenth-Century Ruthenian Translation from Hebrew. Jerusalem, *2016*.

Сокращения

БЛДР – Библиотека литературы древней Руси
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ВТ – Вавилонский Талмуд
ИРЛИ РАН – Институт русской литературы Российской Академии наук
ИРЯ РАН – Институт русского языка Российской Академии наук
КБ – Кирилло-Белозерское собрание РНБ
КСДР – Картотека Словаря древнерусского языка (ИРЯ РАН)
ПВЛ – Повесть временных лет. М.–Л., 1950.
ПЛДР – Памятники литературы древней Руси
ПСРЛ – Памятники старинной русской литературы
РГБ – Российская государственная библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека

К. В. Бондар

Із спостережень над текстами слов'яно-єврейської книжності

Резюме

У статті розглядається група пам'яток, запозичених давньоруською літературою з давньоєврейської книжності завдяки перекладній і культурно-просвітницькій діяльності вчених-книжників. Предметом уваги стають історичні умови й обставини слов'яно-єврейських контактів, гебраїзми, а також лінгвістичні, текстологічні, структурно-композиційні особливості творів про царя Соломона, що належать до цієї групи текстів. Обговорюється едиційний аспект історії пам'яток.

Ключові слова: давньоруська література, давньоєврейська книжність, слов'яно-єврейські контакти, гебраїзми, учені-книжники.

К. В. Бондарь

Из наблюдений над текстами славяно-еврейской книжности

Резюме

В статье рассматривается группа памятников, заимствованных древнерусской литературой из древнееврейской книжности благодаря переводной и культурно-просветительской деятельности ученых-книжников. Предметом внимания становятся исторические условия и обстоятельства славяно-еврейских контактов, гебраизмы, а также лингвистические, текстологические, структурно-композиционные особенности произведений о царе Соломоне, принадлежащих к данной группе текстов. Обсуждается эдиционный аспект истории памятников.

Ключевые слова: древнерусская литература, древнееврейская книжность, славяно-еврейские контакты, гебраизмы, ученые-книжники.

K. Bondar

From the Observations on the Texts of the Slavic-Hebrew writing

Summary

The article deals with a group of monuments of Old Russian literature borrowed from the Hebrew literacy through translation, cultural and educational activities of scholars-scribes. The subject of attention is historic conditions and circumstances of the Slavic-Jewish contacts and Hebraic forms, as well as linguistic, textual, structural and compositional features of King Solomon stories belonging to this group of texts. Editing aspect of the history of this monuments is also discussed.

Keywords: Old Russian literature, Ancient Hebrew writing, Slavic-Hebrew contacts, Hebraic words, scholars-scribes.

О. Б. Бубенок

ТАК КОГДА ЖЕ ХАЗАРЫ ПРИНЯЛИ ИУДАИЗМ?

В современном хазароведении существует немало нерешенных проблем. Прежде всего, это касается самого ключевого вопроса: когда хазары официально перешли в иудаизм? Парадоксально, но современные исследователи до сих пор не могут однозначно ответить на этот вопрос. Отметим, что относительно официального принятия монотеистических религий в других державах средневековья не существует особых разногласий. Так, никто не ставит под сомнение, что Русь официально приняла христианство в 988 г. при князе Владимире, а Венгрия стала официально христианской страной в 1000 г. при короле Стефане. И таких примеров можно привести немало. Однако относительно хазарской конверсии в иудаизм – среди исследователей полное разногласие во времени. Причина этого кроется в том, каким источникам склонны доверять те или иные исследователи в первую очередь.

Так, на сегодняшний день существует несколько гипотез относительно времени и обстоятельств иудаизации хазар. Еще в начале XX в. Й. Маркварт высказал мнение, что не более чем за сто лет до хазарской миссии Константина в 861 г. хазарская верхушка исповедовала иудаизм [*Marquart*, *1903*, S. 5–27]. Еще более раннюю дату предложил более 60 лет назад М. Данлоп. Исследователь, руководствуясь данными Иегуды Галеви, не нашел ничего лучшего, как датировать это событие приблизительно 740 г. [*Dunlop*, *1954*, p. 170]. Однако большинство современных исследователей отнесли иудаизацию хазар к рубежу VIII–IX вв. [*Артамонов*, *1962*, с. 265–282; *За-*

ходер, *1962*, с. 165–167; *Новосельцев*, *1990*, с. 148–153; *Pritsak*, *1978*, p. 278–282]. Прежде всего, они руководствовались сообщением ал-Мас'уди, что «царь хазар» перешел в иудейскую веру во времена правления халифа Харуна ар-Рашида, который был при власти с 786 по 814 г. [*Минорский*, *1963*, p. 193]. Именно этой точки зрения долгое время придерживалось большинство исследователей. Однако более десяти лет назад французский ученый К. Цукерман предложил более позднюю дату – 861–865 гг. Исследователь руководствовался в первую очередь данными некоторых христианских и мусульманских текстов конца IX в., среди которых видное место занимает «Паннонское житие Константина Философа» [*Цукерман*, *2002*, с. 521–534]. Следует отметить, что научная аудитория довольно сдержанно восприняла эту гипотезу. Предпринимались даже попытки критики ее [*Тортика*, *2010*, с. 482–493.]. Но, как оказалось, К. Цукерман был не единственным, кто пришел к выводу о столь позднем времени иудаизации хазар.

В 2009 г. научным сотрудником Института востоковедения НАН Украины А. А. Хамраем в фондах Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского были найдены недостающие листы № 282–489 рукописи неопубликованной до конца монографии акад. А. Е. Крымского «История хазар», которые хранились в Ф. I под № 25500. Хотя и эта версия рукописи «Истории хазар» оказалась неполной, как и найденные ранее, но нам повезло, потому что там были изложены почти в завершенном виде взгляды А. Е. Крымского на обстоятельства иудаизации хазарской элиты. Эта часть рукописи вызвала у исследователей такой интерес, что ее решено было напечатать отдельно в журнале «Східний світ». Как и К. Цукерман, но гораздо раньше, украинский ученый предложил более позднюю дату принятия хазарами иудаизма – 861–865 гг. [*Кримський*, *2011*]. Напомним, что «Историю хазар» А. Е. Крымский писал еще в 30-е годы XX в.

В сложившейся ситуации приходится подвергнуть критическому анализу те даты хазарской конверсии в иудаизм, которые предложили средневековые авторы. А для этого необходимо иметь представление о степени достоверности использованных средневековых текстов.

Начнем с наиболее ранней даты. Она содержится в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, где сказано, что ха-

зарский царь Булан принял иудаизм за «340 лет» до времени составления документа [*Коковцов*, *1932*, с. 93]. Если учесть то, что царь Иосиф мог составить свое письмо испанскому сановнику еврейского происхождения Хасдаю ибн Шафруту где-то в середине X в., то получается, что хазары могли принять иудаизм уже в начале VII в. Это невероятно!

В свое время А. Е. Крымский относился очень скептически ко всей так называемой хазарско-еврейской переписке. Стоит напомнить, что в 1932 г. в Ленинграде была издана «Еврейско-хазарская переписка...» П. К. Коковцова [*Коковцов*, *1932*], о чем знал А. Е. Крымский и писал об этих текстах с нескрываемой иронией: «При случае можем здесь вспомнить для курьеза о еврейской апокрифической “Переписке хазарского хакана Иосифа с испанским евреем-везиром Хосдаем” будто в 960 г., неудачно подделанной около 1100 г., между XI–XII вв., когда хазарское царство уже пришло в упадок. Цель этой подделки была, наверное, патриотически-националистическая, хотелось напомнить унылому еврейству, что некогда существовало у иудеев свое собственное могущественное царство Хазария» [*Кримський*, *2011*, с. 266*,* прим. 85]. Однако современные исследователи уже не столь скептичны к документам хазарско-еврейской переписки, но предложенную там дату иудаизации хазар, естественно, не воспринимают всерьез.

Следующий пассаж содержится в книге Иегуды Галеви «Кузари», где уже в первой главе в первом параграфе сказано: «И вспомнилось мне, что я слышал однажды доводы ученого раввина, бывшего при дворе хазарского царя, который перешел в еврейскую веру около четырехсот лет тому назад» [*Иегуда Галеви*, *1980*, с. 27]. Кроме того, в первой главе есть интересный фрагмент диалога: «46. Сказал Кузари: Сколько же лет от сотворения мира насчитываете вы сейчас?

47. Сказал рабби: Четыре тысячи пятьсот лет…» [*Иегуда Галеви*, *1980*, с. 45].

Исследователи считают, что эти даты между собой связаны. Кроме того, получается, что 4500 год еврейской эры должен соответствовать 740 г. от Рождества Христова. При этом высказывалось мнение, что первая датировка – «около четырехсот лет тому назад» – была сделана переписчиком приблизительно в 1080 г. [*Коковцов*, *1932*, с. 93, прим. 4]. Очевидно, что эта дата очень понравилась Д. М. Данлопу, потому что полностью вписывалась в

предложенную им реконструкцию событий. По его мнению, быстрому принятию иудаизма хазарами способствовало поражение хазарской армии от войск мусульман, возглавляемых Мерваном, в 737 г. Угроза насильственной исламизации, по мнению Д. М. Данлопа, привела к тому, что каган хазар устроил описанный в хазарско-еврейских документах диспут и после этого поспешил принять «модифицированный иудаизм». А Иегуда Галеви как раз и дает дату этого события – 740 г. христианской эры. И лишь позже, по мнению исследователя, «около 800 г., потомок кагана принял рабинистический иудаизм» [*Dunlop*, *1954*, p. 170]. Однако вопрос в том, насколько достоверна информация Иегуды Галеви?

Источником для данной исторической реконструкции является философское сочинение еврейского автора XI–XII вв. Иегуды Галеви на арабском языке «Китаб ал-хиджджа в-ад-далил фи наср ад-дин аз-залил» («Книга доказательства и довода в защиту униженной веры»), переведенное на иврит в середине XII в. и более известное как «Сефер ха-кузари» («Книга хазара»), или просто «Кузари», так как его сюжетной канвой служит обращение в иудаизм хазарского царя. «Сефер ха-кузари» является не столько систематическим философским трактатом, сколько апологией иудаизма, которой придана форма полемики с аристотелевой философией, а также с христианством и исламом. В 1-й части сочинения философ-аристотелик, христианин и мусульманин излагают перед хазарским царем свои учения; четыре последующие части представляют собой диалог между царем и евреем, который в конце концов убеждает царя в истинности иудаизма [*Иегуда Галеви*, *1980*]. В связи с этим возникает вопрос: заслуживает ли доверия историков философский трактат, составленный через несколько столетий после описываемых там событий? Большинство современных исследователей дали отрицательный ответ на поставленный вопрос. К тому же другие письменные источники не подтверждают того, что сразу же после 740 г. хазары уже были иудеями. Современные исследователи склонны придерживаться более поздней даты иудаизации хазар.

Так, М. И. Артамонов считал, что иудаизм хазары начали принимать при легендарном князе Булане, но «именно Обадий основал династию, к которой принадлежал Иосиф». В соответствии со своей интерпретацией событий, М. И. Артамонов начал выводить офи-

циальную дату принятия иудаизма хазарами от времени правления не Булана, а Обадии. Поэтому исследователь попытался следующим образом определить время правления Обадии: «Весьма вероятно, что именно Обадий был тем хазарским беком, который стал первым хазарским царем и низвел роль кагана до положения сакрального владыки. Сущность религиозной реформы Обадия, согласно данным Иосифа, сводилась к установлению раввинизма. На самом деле, именно он сделал иудейство государственной религией хазар. Из вероисповедания одного из знатных хазарских родов (Булана) иудейство при Обадии сделалось религией правящей верхушки Хазарского государства, религией царя и кагана. Именно поэтому принятие хазарами иудейства Масуди датирует временем Харун-ар-Рашида, т. е. концом VIII – началом IX в. … Время реформ Обадия, а следовательно, и его царствования, определяемое довольно узкими границами правления этого халифа, может быть еще более сжато. Известно, что каган, при котором произошло восстание Иоанна Готского, как уже отмечалось, не исповедовал иудейской религии, а значит, последняя не была при нем религией хазарского правительства. Он умер в 791 г. К 798/9 г. относится брак наместника халифа в Закавказье Фадла Бармекида на дочери хазарского кагана, едва ли иудейке по вероисповеданию, поскольку не имеется никаких указаний на это в рассказе о ее трагической смерти и последовавшей затем мести кагана. Отсюда следует, что захват иудеем Обадией государственной власти и обращение правительства Хазарии в иудейство произошли не ранее начала IX в. и не позже смерти Харун-ар-Рашида в 809 г. Эта дата не расходится и с расчетом времени правления хазарских царей, правивших после Обадия. Принимая среднюю продолжительность царствования каждого из них в 10–15 лет, мы получим общую приблизительную цифру в 150 лет, которая хорошо укладывается в промежуток времени от царствования Харун-ар-Рашида и его современника Обадия до правления Иосифа» [*Артамонов*, *1962*, с. 279–280].

Остается только спросить: на каком основании М. И. Артамонов пальму первенства в иудаизации хазар передал Обадии? Ведь такой подход полностью противоречит содержанию письма Иосифа. Хотя учитывая замечание М. И. Артамонова, что между временем жизни Булана и Обадии был значительный промежуток времени [*Артамонов*, *1962*, с. 278], можно утверждать, что Булан принял

иудаизм в первой половине VIII в. Тут-то гипотеза М. И. Артамонова фактически не противоречит предположениям М. Данлопа.

Необходимо отметить, что подобных взглядов на время иудаизации хазар придерживался также О. Прицак, который склонен доверять как сообщению ал-Мас‘уди, так и информации Иегуды Галеви. По его словам, мусульманские авторы ал-Мас‘уди (X в.) и ад-Димашки (XII в.), датируя иудаизацию хазар временем правления Харуна ар-Рашида (786–809), имели ввиду вторую стадию иудаизации хазар, что должно соответствовать времени реформ Обадии из Письма Иосифа. Соответственно этому, первая стадия должна относиться ко времени Булана из Письма Иосифа, который жил за несколько десятилетий до своего преемника Обадии. А это совпадает с той датой, которую предложил Иегуда Галеви, – непосредственно после поражения хазар в последней войне с арабами, т. е. после 737 г. [*Pritsak*, *1978*, p. 277–278].

Б. Н. Заходер, опиравшийся лишь на сообщения мусульманских авторов, был однозначен в выводах: «Используемые нами источники говорят о времени Харуна ар-Рашида как о самой ранней дате иудаизации хазар: сама иудаизация, согласно мусульманской исторической традиции, носила характер внешнего влияния, заимствования. Как известно, эта традиция противоречит данным еврейско-хазарской переписки. Анализ последней невольно уводит исследователя к старинным кавказским корням хазарского иудаизма, к самому началу каганата, когда предки ставшего впоследствии могущественным хазарского рода были малочисленны и слабы». Б. Н. Заходер также высказался в пользу двух этапов иудаизации хазар, где последний совпал с временем правления византийского императора Романа в начале X в. [*Заходер*, *1962*, с. 167].

Нельзя обойти вниманием подход А. П. Новосельцева, который склонен был доверять как информации ал-Мас‘уди, так и сообщению Иегуды Галеви. Ситуацию исследователь видел следующим образом: «Вопрос с датировкой Иехуды ha-Леви сложен не только из-за того, что у него сказано “около 400 лет назад”, так что называть на этом основании точно дату около 740 г. вряд ли правильно. Очевидно, и те “летописные книги”, на которые он ссылается, точной даты не содержали, а это позволяет распространить заключение автора XII в. о событии, произошедшем за 400 лет до него, на весь VIII в., и тогда появляется возможность приурочить его ко

времени Харун ар-Рашида, вступившего на престол в 786 г. Более точной даты не знал, очевидно, и ал-Мас‘уди, живший через полтараста лет после этого. Точнее датировать не можем и мы» [*Новосельцев*, *1990*, с. 150–151].

Необходимо отметить, что основным источником для сторонников идеи о датировке иудаизации хазар рубежом между VIII и IX вв., является следующее сообщение ал-Мас‘уди: «Жители столицы – мусульмане, христиане, иудеи и язычники. Иудеями являются: царь, его окружение и хазары его рода (*джинс*). Царь принял иудейство во время правления халифа Харун ар-Рашида (170–98 гг. х. / 786–814)» [*Минорский*, *1963*, с. 193]. Эта информация дошла до нас благодаря сочинению ал-Мас‘уди «Мурудж ад-Дзахаб». Насколько достоверен этот источник?

Ал-Мас‘уди считается одним из наиболее ярких и выдающихся представителей мусульманской науки. Известно, что он родился в начале X в. и умер в 956 г. Несмотря на короткий период своей жизни, ученый сумел объездить многие страны, как мусульманские, так и немусульманские. Существует мнение, что ал-Мас‘уди посетил Южный Прикаспий, где и почерпнул свою информацию о хазарах. Стоит напомнить, что тогда многие мусульманские купцы активно торговали с Хазарией, т. е. одними из информаторов о хазарах для ал-Мас‘уди были мусульманские купцы из Прикаспия. Кроме того, ал-Мас‘уди был прекрасным знатоком работ предшественников как мусульманского периода, так и домусульманской эпохи. А это дает основания считать, что ал-Мас‘уди мог черпать информацию о хазарах из сочинений авторов, живших за несколько десятилетий до него. Как известно, ал-Мас‘уди написал много работ, которые были утрачены. До нас дошли два его больших труда, среди которых «Мурудж аз-захаб ва ма‘дин ал-джавакир» («Промывальни золота и рудники самоцветов») [*Новосельцев*, *1990*, с. 13].

Это была настоящая энциклопедия, где немало внимания уделялось историческим сюжетам. Что же касается материалов о хазарах, то они содержатся преимущественно во втором томе сочинения. Как справедливо отметил А. П. Новосельцев, «сведения ал-Мас‘уди о хазарах, как правило, самые “свежие”, современные ему – очевидно, он их получил во время своего плавания по Хазарскому (Каспийскому) морю, о котором упоминает в первом томе

“Мурудж”» [*Новосельцев*, *1990*, с. 13]. Стало быть, у нас есть основания доверять информации ал-Мас‘уди.

Однако не понятно, кого назвал ал-Мас‘уди в указанном отрывке своего сочинения «маликом» – царем. По-видимому, стоит учитывать мнение тех исследователей, которые считают, что здесь ал-Мас‘уди имел ввиду бека – заместителя кагана, а не самого кагана.

Так, А. Е. Крымский одним из первых обратил внимание на этот пассаж и объяснил это следующим образом: «Если в этом рассказе Мас‘уди есть хоть зерно исторической правды для IX в., то, беря во внимание шаткие значения арабского слова “малик” (оно может значить и “царь”, и “вассальный царек, или князь”, и попросту “вельможа”, “феодал”), мы, более всего, еще как-то могли бы думать, что во времена Харуна ар-Рашида в иудейство перешел какой-то провинциальный хазарский вассал – “малик”, скажем в Предкавказье возле Семендера, а Мас‘уди приписал известие об этом событии VIII–IX вв. хазарскому царю (= воеводе) в Итиле» [*Кримський*, *2011*, с. 253]. Однако более вероятно, что ал-Мас‘уди описал действительный факт – принятие родом заместителя кагана иудаизма во времена Харуна ар-Рашида, а не исказил информацию.

Сам А. Е. Крымский в данном вопросе отдавал предпочтение другим источникам, прежде всего «Паннонскому Житию Константина Философа». В своей монографии «История хазар» украинский ученый уделяет особое внимание религиозному диспуту при дворе кагана между Константином и иудеями и мусульманами, который имел место, согласно сведениям «Паннонского Жития». Наибольшее внимание уделяет А. Е. Крымский иудеям, к числу которых принадлежал, по его наблюдениям, “Первый съветъник” (воевода – бег) кагана. Однако дальнейшие выводы А. Е. Крымского идут вразрез с современными представлениями исследователей. Так, украинский ученый отметил: «“Житие” не скрывает того факта, что практические последствия от Константиновой хазарской миссии вышли совсем небольшие, не такие, как надеялись. Оно точно отмечает, что после Константиновой проповеди крестилось языческих хазар не больше, как двести человек, “к дъвою сътоу ч.ди”; а, чтобы крестились давние упрямые иудаисти – об этом в “Житии” мы даже намека не найдем. Важнейшим приобретением для христовой веры был сам хакан хазарский. Он, это уже не из “Житии”, а из источников арабских видно, не на ветер писал императору свои слова о кре-

щении – что и он надеется на “доспеты того ждет”. Действительно, потому что хазарского хакана с его близкими людьми, иначе сказать – именитую тюркскую династию Хазарии, арабы имели за христиан более-менее к 880-ым гг., или еще и немного позднее» [*Кримський*, *2011*, с. 257–258].

Относительно довольно поздней даты иудаизации хазар А. Е. Крымский привел и другие аргументы: «Христианством, по части и иудейством, что довольно долго (думаем, по крайней мере к 880-ым гг.) все же среди другого слоя хазарских верховодов, определено оппозиционных хакану, взяло верх иудейство сразу же после отъезда Константина. Видно, что те же евреи в Итиле, не богословы, а мировые купцы-комиссионеры, которые против Константина Философа библейскими цитатами по-ученому не одолели, держали в кармане свои доводы, – доводы совсем иные, не книжные, но для определенных хазарских правящих кругов значительно более реальные и более сильные от библейского цитирования. Неожиданную такую новость о таком внезапном изменении настроений в Хазарии мы читаем у одного латинского писателя-богослова того времени, который, говоря об упадке веры языческой, констатирует, что “в земле Гога и Магога сильнейший народ газары перешел в иудейскую веру и совершил обрезание”. Из слов этого западноевропейского писателя отчетливо выходит, что он, справедливо или несправедливо – это вещь другая, считал переход “газарского” народа в иудейскую веру даже массовым. Писал он безусловно около 865 г. Это можно утверждать из того факта, что он здесь все-таки вспомнил и о крещении болгар, а оно случилось именно в 865 г., по крайней мере тогда крестился болгарский хан Борис» [*Кримський*, *2011*, с. 258–259].

Для обоснования своей гипотезы А. Е. Крымский также привлек данные арабских источников конца IX – начала X в. В связи с этим он отметил: «Все же некоторые арабские указания на дату найдутся: случилось это или в конце IX в., или когда-то раньше, то есть где-то так в 880-х гг. Здесь нам помогает сравнение между текстом географа IX в. Ибн Хордадбеха и заимствованным из него текстом географа Ибн аль-Факиха Хамаданского (ок. 903 г.). То, что мы читаем у Ибн Хордадбеха (пис. в 846 г.) о хазарской столице над Волгой (ст. 154), слово в слово совпадает с такой же заметкой у Ибн аль-Факиха (ст. 298), но у Ибн Хордадбеха ничего о хазарском

иудействе нет, в то время как у Ибн аль-Факиха после введения, дословно взятого из Ибн Хордадбеха, есть дополнение: “Хазары – все они иудеи, а стали иудеями недавно”». А. Е. Крымский далее рассуждает: «“Недавно перед 903 годом”, – это может значить или около 900 г., или в 890-х гг. Но дело усложняет вот какое рассуждение. Та редакция, в которой мы знаем географию ибн-Хардадбеха (с 846 г.), это есть I-ая редакция его сочинения; а была еще вторая, которую дописал ибн-Хардадбех уже около 885-го года. Возникает подозрение, что фразу “хазары стали иудеями недавно” мог ибн-ал-Факих не сам от себя дописать в 903 г., а взять ее готовую уже, из полной II-й редакции ибн-Хардадбеха, где она, кто знает, могла быть уже написана. Когда бы это подозрение можно было чем-то доказать (потому что пока еще оно беспомощно висит в воздухе), то пришлось бы думать, что переход великого хакана в иудейство имел место не “недавно перед 903-м г.”, а “недавно перед 885-м годом”» [*Кримський*, *2011*, с. 262].

А. Е. Крымский также обратил внимание на известное еще в XIX в. арабоязычное сочинение мусульманского географа ал-Бакри (XII в.), где в одном из фрагментов (в соответствии переводу на русский А. А. Куника и В. Р. Розена) сказано: «Царь их исповедует еврейскую религию. Жилище его – дворец, далеко от реки. Причина обращения царя Хазар в еврейскую веру, после того как он был язычником (*маджуси*), была следующая: он принял христианство, но осознавши ложь в своей религии, советовался с одним из своих мерзубанов о том, что его в этом деле озабочивало. Тот сказал ему: о царь! обладатели откровенных книг – три разряда людей. Пошли к ним и разузнай их дело и последуй тем, кто обладает истиной...» [*Куник, Розен, 1878*, с. 61].

По мнению А. Е. Крымского, «вышеупомянутый географ Аль-Бакрий XII в. свои данные почерпнул из источников IX–X вв.». При этом А. Е. Крымский высказал предположение, что этим царем был сам каган хазар. Украинский ученый не без основания считал, что «теми своими христианскими симпатиями и неохотой к иудейству хакан, инстинктом самосохранения, стремился каким-то образом отмежевать себя от своего насильника уже иудаизированного воеводы» [*Кримський*, *2011*, с. 259].

Далее в сообщении ал-Бакри подана достаточно оригинальная версия религиозного диспута: «Вследствие этого он послал к хри-

стианам за епископом. А был у него некоторый муж из Евреев, ловкий в спорах. Последний начал рассуждать с епископом и сказал ему: что скажешь ты о Моисее, сыне Имране и откровенной ему Торе. Тот ответил: Моисей – пророк и Тора – истина. Тогда еврей сказал царю: вот он подтверждает истину моей веры. Спроси же его, во что он верует. Царь спросил, и епископ ответил: я говорю, что Мессия Иса, сын Марьям есть Слово и что он открыл таинства по повелению Бога, великого и славного. Тогда Еврей сказал царю Хазар: он утверждает нечто такое, что мне не известно, а между тем сам подтвердил мою веру. Епископ против этого не мог возразить ничего дельного. И послал царь к мусульманам, и те отправили к нему человека ученого, умного и ловкого в спорах. Но Еврей подослал к нему одного человека, чтоб его отравить в пути. Таким образом мусульманин умер; Еврей же склонил царя к своей вере, и он стал Евреем» [*Куник, Розен*, *1878*, с. 61].

Эту информацию мусульманского автора А. Е. Крымский прокомментировал следующим образом: «Рассказ – выразительно анекдотический, с нескрываемой иудаистической тенденцией, только же и среди анекдотичности в нем остался нескрываемый след того (полностью натурального) факта, что хакан в иудейскую веру перешел, деликатно сказать, по “совету” одного из своих меребанов (воевод), а если не так деликатно выразиться – то под давлением своего главного воеводы-бека» [*Кримський*, *2011*, с. 261–262]. А. Е. Крымский справедливо подметил, что информация ал-Бакри о симпатиях хазарского кагана к христианству накануне перехода его в иудейство полностью подтверждается данными «Паннонского жития Константина Философа».

По наблюдениям А. Е. Крымского, о достаточно поздней иудаизации верхушки хазар может также свидетельствовать мусульманский энциклопедист и знаток религий ал-Джахиз, который родился во времена Харуна ар-Рашида, а умер в 869 г., потому что в своем трактате «Полемика против христиан» он полностью «прозрачно разъединяет государственную веру хазар и веру иудеев, как что-то совсем неодинаковое и разное». Так, ал-Джахиз отмечает, что среди причин, вследствие которых люди ставят христиан выше иудеев, есть та, что христиане имеют царей, а царей иудейской веры нет. Все это позволило А. Е. Крымскому сделать вывод, что «в 860-х гг. правящие круги Хазарии адептами иудейской религии еще не были

и до того времени задумывались о ее духовной стоимости и политической пригодности» [*Кримський*, *2011*, с. 253].

Как уже отмечалось, подобных взглядов на данную проблему, независимо от А. Е. Крымского, придерживается К. Цукерман. По его мнению, важным источником, который подтверждает довольно позднюю дату иудаизации хазар, также является «Паннонское житие Константина». Исследователь отметил упомянутые в данном агиографическом сочинении факты в качестве подтверждения предложенной гипотезы: «… в “Житии Константина” святой участвует в знаменитом споре между иудейским, христианским и мусульманским мудрецами, который, по данным еврейских арабских источников, предшествовал обращению. Посольство Константина в Хазарию датируется 861 г., причем в это время ни каган, ни его подданные не исповедуют иудаизм» [*Цукерман*, *2002*, с. 531].

Кроме того, К. Цукерман также склонен привлечь и другие источники к решению проблемы – кроме христианских, также сообщение ал-Мас‘уди и хазарско-еврейские документы. Вследствие этого исследователь сделал вывод: «...обращение хазар в начале 60-х гг. IX в. вскоре после миссии Константина объясняет кампанию по насильственному крещению византийских иудеев, организованную в начале правления Василия I (867–886 гг.). Наиболее раннее указание на иудаизм хазар находится в комментарии Христиана из Ставело к Евангелию от Матфея, в котором перечислены два события, являющиеся предвестниками близящегося конца света: обрезание и соблюдение “Полного иудаизма” у хазар и тот факт, что болгары “Ныне крестятся”. Последняя ссылка определенно датирует это свидетельство серединой – концом 60-х гг. IX в. Самое раннее отражение хазарского иудаизма в еврейском источнике появляется в Эллада Гектары-даны (ок. 880 г.), а самое раннее арабское свидетельство – у Ибн ал-Факиха (ок. 903 г.), который описывает обращение как недавнее событие. Такое состояние источников приводит нас к выводу о том, что, если хазары были обращены около 800 г., они успешно хранили это в тайне не только от иудеев, весьма заинтересованных в упомянутом событии, но также и от своих ближайших торговых партнеров – арабов» [*Цукерман*, *2002*, с. 531–532].

Как видим, основным источником для сторонников поздней даты иудаизации хазар стало «Паннонское Житие Константина Филосо-

фа». Заслуживает ли доверия текст этого агиографического сочинения?

Обычно этот памятник считают произведением болгарской агиографии, широко распространенной в древнерусской книжности. «Житие» содержит ценные сведения о жизни и деятельности Константина Философа, создателя славянской письменности, выдающегося миссионера, полемиста и писателя. Принято считать, что это «Житие» было создано в Великоморавии между 869 и 882 гг. Мнение о том, что «Житие» было написано в Болгарии в период Второго Болгарского царства (В. Григорович, В. Киселков) и что местом его написания была Паннония, ныне отвергнуто. Древнейшими из 48 полных сохранившихся списков «Жития» являются списки болгарского писателя XV в. Владислава Грамматика, сделанные им в 1469 и 1479 гг. В рукописной традиции бытует много извлечений из текста «Жития», существует и несколько переделок. «Житие» анонимно, и поэтому атрибуция – один из самых запутанных вопросов его изучения [*Мечев*, *1965*, с. 105–124; *Левочкин*, *1983*, с. 75–79].

Большинство славистов считают, что автором «Жития» был Климент Охридский, один из самых известных учеников миссионера, выдающийся писатель и педагог, основоположник так называемой Охридской литературной школы. В качестве доказательства обычно приводят стилистические параллели между «Житием» и произведениями Климента, которому к тому же принадлежит и Похвала Константину (Кириллу). По другому мнению, «Житие» было написано учениками Константина во главе с Мефодием; некоторые исследователи полагают, что автором был сам Мефодий. Высокий уровень литературного мастерства, заинтересованность в создании культа брата в связи с дальнейшим укоренением славянской письменности и богослужения, знакомство с детскими и отроческими годами персонажа, с его миссиями среди арабов и хазар – все это приводится в пользу авторства Мефодия. Между тем единственное указание авторства в «Житии», которое читается в конце гл. X, сообщает, что Мефодий перевел «книги» своего брата. Немаловажно, что значительная часть «Жития» восходит к трудам самого Константина Философа. В тексте «Жития» во многих местах обнаружены фрагменты из его произведений – стихотворений, молитв, полемических трактатов, отчетов о миссионерских поездках,

записей дневникового типа, отдельных высказываний. Многие из них подтверждаются позднейшей рукописной традицией. Агиограф Константина объединил и отредактировал их. Таким образом, «Житие» стало своеобразной антологией произведений Константина [*Мечев*, *1965*, с. 105–124; *Левочкин*, *1983*, с. 75–79].

Некоторые медиевисты утверждают, что «Житие» было первоначально написано на греческом языке. По жанру «Житие» примыкает в какой-то мере к традиционным житийным схемам византийской агиографии. Везде Константин побеждает своих противников мудростью, изобретательностью, находчивостью. В этом смысле «Житие» заметно отходит от традиционных представлений о благочестивом святом [*Мечев*, *1965*, с. 105–124; *Левочкин*, *1983*, с. 75–79]. Естественно, переведенный и переписанный десятки раз текст не может быть надежным историческим источником.

Поэтому понятно стремление А. А. Тортики подвергнуть критике гипотезу, высказанную К. Цукерманом, базирующуюся в основном на данных этого «Жития». Вердикт по этому поводу был следующий: «Хазары приняли иудаизм на рубеже VIII–IX вв., и нет достаточных оснований для того, чтобы переносить это событие на 860-е гг. Также и текст Жития св. Константина / Кирилла свидетельствует о том, что хазары (правящая верхушка каганата) ко времени описываемой миссии уже исповедовали иудаизм, были знакомы с его основными постулатами и имели в своем близком окружении ученых советников-евреев, пользовались их книгами (или знали, что они есть и что ими можно воспользоваться) и т. д». [*Тортика*, *2010*, с. 482–493].

Однако, если бы содержание «Жития Константина» не подтверждалось данными некоторых письменных источников мусульманского и христианского происхождения, мы были бы вправе проигнорировать содержание этого агиографического сочинения. И тогда мы могли поверить тем, кто склонен относить иудаизацию хазар ко временам Харуна ар-Рашида. Но, как видим, ситуация намного сложнее.

Исторический опыт показывает, что официальным принятием монотеистической религии в государствах средневековья является не переход отдельных лиц из окружения монарха в новую религию, а принятие большинством из правящей династии вместе с монархом новой религии. В данном случае вспомним пример с Русью.

Мы ведь не считаем, что Русь перешла в христианство со времен Ольги, ибо это был единичный случай, а не массовый переход. Официальной датой принятия христианства на Руси считается 988 г., когда правящий князь Владимир и подавляющее большинство его родственников решили отказаться от язычества.

Не будем ходить далеко за примерами, а обратим внимание на обстоятельства принятия христианства на польских землях. Некоторые исследователи считают, что христианство славянского обряда существовало на польских землях (в частности в Малой Польше) в IX в., когда Великоморавская держава поставила в зависимость от себя государство вислян и заставила их князя принять христианство. Крещение могло произойти и во время второго пребывания Мефодия в Моравии, т. е. в 873–885 гг. Упомянутые следы христианства славянского обряда найдены, в частности, в Кракове, Вислице и Пшемысле. Однако это не означает, что тогда Польша была христианской. Официально принятие христианства в Польше связывают с королем, а не с тем, что отдельные лица начали принимать эту монотеистическую религию. В момент принятия христианства король Мешко I руководил централизованным государством с большим войском. Он не хотел принимать христианство от немцев, поэтому женился на чешской княжне Дубравке и принял христианство в 966 г. И такую ситуацию мы наблюдаем в других государствах средневековой Европы (например – в королевстве франков при Хлодвиге). В случае с хазарами дело гораздо сложнее. Вопрос, прежде всего, в том, кого считали современники представителями правящей династии хазар во второй половине IX в., а кого – в середине X в.?

Запутанность ситуации в современной историографии относительно времени принятия хазарами иудаизма объясняется не содержанием и достоверностью использованных источников, а тем, кому отдавать приоритет в высших эшелонах хазарской власти. Стоит ли вести отсчет времени от момента перехода в еврейскую религию главы государства – кагана, или же отдавать предпочтение роду узурпатора власти – малика (бека – заместителя кагана)? Вполне очевидно, что в первой половине X в. захвативший власть род бека стремился скрыть правду и замалчивал о кагане. Поэтому, выдавая себя за единственного законного представителя власти, бек указывал дату принятия иудаизма его родом, а не родом кагана.

Таким образом, исходя из специфики ситуации, можем отметить два этапа в иудаизации хазарской верхушки, но не самого рода бека. Первый, неофициальный, следует относить ко временам Харуна ар-Рашида, т. е. к рубежу VIII–IX вв., когда род заместителя кагана (бека, или шада) принял религию евреев. Второй этап следует считать официальным, и он относится к короткому промежутку времени между 861 и 865 гг., когда глава Хазарского государства – каган – вместе со своим родом принял иудаизм.

Литература

Артамонов М. И. История хазар. Л., *1962*.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. I. М., *1962*.

Иегуда Галеви. Кузари / Пер. с иврита Г. Липш. Иерусалим, *1980*.

Калинина Т. М. Знать хазар по данным арабо-персидских источников // Хазарский альманах. Т. 4. Киев–Харьков, *2005*.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., *1932*.

Кримський А. Ю. Про обставини іудаїзації хозарів (фрагмент із другої частини монографії “Історія хазарів з найдавніших часів до X віку”) / До друку підготували О. Б. Бубенок, О. О. Хамрай, В. В. Черноіваненко // Східний світ. *2011*. № 3.

Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., *1878*.

Левочкин И. В. Древнейший список Пространного жития Константина Философа // Советский славяновед. № 2, М., *1983*.

Мечев К. Към въпроса за авторството на Пространните жития на Кирил и Методий // Изв. на Инст. за лит. Кн. 16. София, *1965*.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., *1963*.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., *1990*.

Тортика А. А. Проблемные аспекты определения даты обращения хазарской знати в иудаизм (в связи с интерпретацией сведений о хазарской миссии Константина Философа) // Орієнтальні студії в Україні. До ювілею Л. В. Матвєєвої. Збірник наукових статей. К., *2010*.

Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах обращения их в иудаизм // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь, *2002*.

Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. 2nd ed. N. Y.: Prinston University Press, *1954*.

Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Strelfzüge. Leipzig, *1903*.
Pritsak O. The Khazar Kingdom Conversion to Judaism // Harvard Ukrainian Studies. *1978*. Vol. II. No. 3.

O. B. Bubenok

So, when did the Khazars become the Jews?

Summary

To the present time we have several opinions concerning the date of the Khazar's conversion to Judaism. So, there an opinion has prevailed among the researchers (O. Pritsak, M. I. Artamonov, B. N. Zakhoder, A. P. Novoseltsev) that the Khazars' conversion to Judaism took place during the reign of Harun al-Rashid, in the late 8th century or the early 9th century. It was based on the data of some Arabic sources of the 10th century – foremost on one book by Al-Mas'udi. However, A. Krymsky and C. Zuckerman, alluding to the data of some Christian sources – foremost "Life of Saint Constantine", argues that it must have happened after the famous mission of Constantine (Cyril) to the Khazars (in 861). Beside, A. Krymsky relied mostly on the data of the Arab authors of the late 9th century and the early 10th century – Ibn al-Faqih, Ibn Khordadbeh, Al-Jahiz and Al-Bakri (the 11th century). Concerning the information of Al-Mas'udi about the judaization of the ruling stratum of the Khazars during the reign of Harun al-Rashid, A. Krymsky considered that the term "malik" was used with respect to one of the khagan's noblemen (possibly "beg" in future), and not to the khagan himself.

Thus, we can see two stages of Khazar's judaization. The first one was when the clan of beg (malik) became the Jewish in the late 8th century or the early 9th century. The second stage was when the clan of khagan came to Judaizm in 861–865. The khagan was a head of the Khazar state and therefore the last date of the Khazars' Judaization could be the official one.

Keywords: Khazars, Judaization, A. Krymsky, khagan, malik, Al-Mas'udi, Constantine

Н. И. Винокуров, Л. Ю. Пономарёв

САЛТОВО-МАЯЦКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.)

В середине – второй половине VIII в. степные районы Керченского полуострова были заселены народами – носителями салтово-маяцкой культуры. В первую очередь, надо думать, ими были освоены заброшенные античные поселения и городища, поскольку они, как правило, располагались в наиболее удобных для проживания и ведения хозяйственной деятельности районах. Кроме того, между ними пролегала сеть не только заметных на местности, но и, по-видимому, еще пригодных к использованию дорог, и к тому же они изобиловали готовым к использованию строительным материалом[1].

К их числу относятся и некоторые античные городища и поселения, расположенные в урочище Артезиан – локальной ландшафтной микрозоне площадью около 5 тыс. га, находящейся на стыке

[1] Большая часть таких салтово-маяцких поселений учтена в «Сводной ведомости» В. В. Веселова, составленной по результатам его разведок на Керченском полуострове в 1949–1964 гг. [*Веселов*, *2005*, с. 107–180]. На Таманском полуострове они были картографированы Я. М. Паромовым [*Паромов*, *1986*, с. 72–75; *Паромов, 1989*, с. 76–78; *Паромов*, *2003*, с 163]. Располагались салтово-маяцкие поселения и на территории античных некрополей. При этом на таких поселениях, помимо обычных построек, в качестве готового жилища и для содержания мелкого рогатого скота использовались вскрытые и ограбленные античные склепы [*Федосеев, Пономарёв*, *2012*, с. 491–520; *Кубланов*, *1971*, с. 81; *Кубланов*, *1983*, с. 124–125; *Зубарев, Пономарёв, Ефименок*, *2014*, с. 259].

степной части Керченского полуострова и Караларского побережья Азовского моря [*Винокуров*, *2014*, рис. 1; *Парнікоза, Годлевська, Зімнухов*, *2010*, с. 99–104]. Урочище представляет собой обширную по площади, широтного простирания долину длиной 18 км, примыкающую в западной – устьевой своей части к Казантипскому заливу (рис. 1). С южной, северной и восточной сторон оно ограничено невысокими каменистыми кряжами, образованными выходами сарматских (мшанковых) известняков. Южный склон урочища более крутой, чем северный, имеет холмистый рельеф и изрезан глубокими балками, разделяющими южную часть на отдельные изолированные друг от друга участки. В пределах урочища, относящегося к северо-восточному агропочвенному подрайону Керченского полуострова, развиты черноземы южные, черноземы южные слабо- и среднесолонцеватые и черноземы южные мицелярно-карбонатные, в целом пригодные для выращивания различных полевых сельскохозяйственных культур и выборочно – винограда [*Половицкий, Гусев*, *1987*, с. 137–138; *Масленников*, *1998*, с. 14–15, рис. 4, II, 3]. Изобиловало оно и водой – подземными артезианскими источниками и поверхностными (постоянными и сезонными) водотоками. В широтном направлении урочище пересекает ручей Артезиан, а в западной его части протекает небольшая речка Аджиэлька, питающаяся с водоразделов Аджиэльской и Артезианской балок. В древности они были, несомненно, гораздо полноводнее и могли использоваться для различных хозяйственных нужд, прежде всего водоснабжения, ловли пресноводной рыбы и охоты на водоплавающую птицу. Иными словами, благодаря наличию водных ресурсов, плодородным почвам и степному разнотравью в урочище имелись все условия для развития пашенного земледелия и животноводства – основных отраслей экономики салтово-маяцкого населения, в том числе и Керченского полуострова [*Пономарёв*, *2012а*, с. 67–71]. Среди благоприятных факторов поселенцами, несомненно, учитывалось и то обстоятельство, что в западной своей части урочище сообщалось с берегом моря, а на всем остальном протяжении оно было отдалено от него не более чем на 5 км. Благодаря этому можно было иметь независимый доступ к морским коммуникациям, к тому же без особых затруднений большую часть года пополнять и разнообразить пищевой рацион морской рыбой и моллюсками.

К сожалению, салтово-маяцкие памятники урочища Артезиан до недавнего времени целенаправленно не исследовались и большей частью еще не картографированы. На археологическую карту нанесены лишь немногие из них, которые оказались на территории изучавшихся в разное время античных памятников. Используя данные, полученные в процессе их разведок и раскопок, можно говорить о том, что в «хазарский» период в северо-восточной части урочища было повторно заселено античное городище Багерово-Северное, в центральной – городище Артезиан, а в северо-западной – городище Золотое-Берег (в 0,6 км южнее м. Чегене), поселение Чегене-I (в бухте к северо-востоку от м. Чегене) и поселение Чегене II (к северу от поселения Чегене-I) [*Винокуров*, *1998*, с. 30, 58–59; *Винокуров*, *1997*, с. 62–63; *Винокуров*, *2004а*, с. 165–167]. Еще одно поселение находилось в окрестностях античного городища у с. Ново-Отрадное в юго-западной оконечности урочища. Правда, оно пока еще не обнаружено, но на восточном склоне холма, расположенного к юго-западу от городища, И. Т. Кругликовой был раскопан салтово-маяцкий плитовый могильник [*Кругликова*, *1998*, с. 143, 163, рис. 1][2].

Городище Артезиан, салтово-маяцкому горизонту которого и посвящена данная публикация, было открыто В. Г. Зубаревым в процессе разведок, проводившихся Восточно-Крымской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством А. А. Масленникова в 1986 г. [*Зубарев, Масленников*, *1987*, с. 49; *Масленников*, *1998*, с. 119]. С 1988 г. и по настоящее время оно исследуется Артезианской археологической экспедицией (до 1994 г. Артезианский отряд ВКАЭ ИА АН СССР/РАН). Расположено оно в 2,5 км к северо-западу от с. Чистополье и в 5 км к востоку от побережья Азовского моря и занимает господствующий над окружающей местностью мыс, образованный глубокими балками, ограничивающими

[2] Этот могильник до сих пор не был включен в опубликованные сводки плитовых и плитово-грунтовых салтово-маяцких могильников Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма [*Пономарёв*, *2012–2013*, с. 154–156; *Майко, Пономарёв*, *2013а*, с. 290–295; *Майко, Пономарёв*, *2013б*, с. 97–106]. В 1982–1983 гг. на территории некрополя было раскопано семь ограбленных и частично разрушенных плитовых могил. Немногочисленный погребальный инвентарь представлен обломком железного перстня, ножом и салтовской проволочной серьгой с бронзовой пронизкой [*Кругликова*, *1998*, с. 163, рис. 14, 3].

его с запада, юга и севера (рис. 2: *3*) [*Винокуров*, *1998*, с. 56][3]. Городище площадью около 7 га представляет собой многослойный археологический памятник, в напластованиях которого зафиксировано несколько стратиграфических горизонтов. Наиболее ранний из них прослежен на уровне захоронений в ямах, представлявших собой остатки курганного могильника эпохи энеолита, насыпи которого были срыты в античный период [*Куштан, Винокуров*, *2013*, с. 208–211][4]. Следующую эпоху маркируют «жилые» горизонты античного времени, датирующиеся IV в. до н. э. – началом IV в. н. э. Верхний «жилой» горизонт, зафиксированный на городище, относится ко времени существования на его территории салтово-маяцкого поселения второй половины VIII – первой половины X в. Кроме того, в слое на уровне этого горизонта, а также на античном некрополе городища, выявлены отдельные средневековые находки, для которых пока не удалось обнаружить хронологически соответствующего им археологического контекста. Наиболее ранние из них – амфора типа 98 по И. Б. Зеест, или Opait B-1d, (найденная в древнем грабительском отвале из могилы 39/2001) и серебряная фибула с подвязным приемником – относятся к ранневизантийскому периоду и могут быть датированы в пределах второй половины/конца VI – третьей четверти VII в. и второй половины VI – первой половины VII в. соответственно. Остальные находки охватывают с перерывами период между второй половиной X в. и XVII–XVIII вв. [*Винокуров*, *2014*, с. 46, рис. 168, 1; *Винокуров, Пономарёв*, *2015а*, с. 196–204; *Винокуров, Пономарёв*, *2015б*, с. 50–54].

Культурный слой салтово-маяцкого поселения выявлен на всех исследованных участках античного городища – раскопах I–IV, площадь которых к настоящему времени составила более 6600 кв. м (рис. 3) [*Винокуров*, *2014*, рис. 4]. Соответственно, площадь раскопа I, заложенного в центральной его части, составляет 2720 кв. м. Площадь раскопа II, расположенного в юго-западной части горо-

[3] В 1955 г. П. Н. Шульцем к северо-западу от с. Чистополье было обнаружено еще одно салтово-маяцкое поселение, но его точное местонахождение выяснить пока не удалось [*Якобсон*, *1970*, с. 28, № 73].

[4] Кроме того, на городище в переотложенном состоянии, преимущественно в слоях и комплексах античного времени и салтово-маяцкого поселения, были обнаружены кремневые изделия эпохи мезолита или неолита [*Куштан, Винокуров*, *2013*, с. 204–206, рис. 2].

дища – 1900 кв. м, а раскопа III, примыкающего с юга к раскопу I, – 1565 кв. м. Раскоп IV, заложенный в северной части городища, имел разведочный характер. Площадь его составила 30 кв. м. Таким образом, городище Артезиан вошло в достаточно ограниченный круг салтово-маяцких поселений Керченского полуострова, раскопки на которых были проведены планомерно и широкими площадями. Помимо него, к ним можно причислить только поселение Героевка-3 и поселения на античных городищах Тиритака и Мирмекий.

Стратиграфия верхних напластований, прослеженная в пределах исследованных участков, выглядит следующим образом. Поверх мощного слоя разрушения середины – второй половины III в. н. э., образование которого следует связывать с сильным землетрясением, выявлены плохо сохранившиеся остатки построек конца III – IV в. н. э. Они, в свою очередь, были перекрыты золистым слоем запустения античного городища мощностью 0,12–0,30 м, нарушенного, как и слой разрушения, более поздними перекопами. Выше прослежен поддерновый горизонт, сформированный слоем гумусированного темно-коричневого суглинка, соответствующего периоду функционирования на территории городища салтово-маяцкого поселения. Залегал он ниже гумуса темно-коричневого оттенка мощностью 0,05–0,15 м и прослежен на глубине 0,10–0,25 м ниже уровня современной дневной поверхности. Мощность его на раскопе I варьируется в пределах 0,10–0,25 м, на раскопе II – от 0,05–0,12 м до 0,18–0,48 м, на раскопе III – от 0,05 до 0,20 м. Таким же грунтом, но с гораздо более значительным содержанием щебня и известняковой крошки, были заполнены многочисленные котлованы перекопов, прорезавшие более ранние, преимущественно позднеантичные слои.

Ко времени формирования слоя гумусированного темно-коричневого суглинка относится керамика второй половины VIII – первой половины X в., представленная гладкостенными и желобчатыми пифосами (рис. 4: *1*), амфорами причерноморского типа с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 4: *2, 3*), высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой (в том числе со следами темного смолистого вещества на стенках) (рис. 4: *4*), вьючными флягами (рис. 4: *5*), ойнохоями скалистинского типа и горшочками с пальцевым вдавлением на ручке (рис. 4: *6, 7*), лощеной салтово-маяцкой посудой, салтово-маяцкими кухонными и тарными горшками (рис. 4: *8, 9*)

и котлами с внутренними ручками-ушками (рис. 4: *16*). Особого внимания заслуживают немногочисленные фрагменты лепных горшков со слабо отогнутым и едва выделенным венчиком, обнаруженные в некоторых котлованах перекопов на раскопе II (рис. 4: *10–15*). Их стенки украшены врезным орнаментом в виде небрежно проведенных одиночных или нескольких ассиметричных волн, а венчики – «семечкообразными» вдавлениями, наклонными и прямыми насечками и наколами. В качестве ближайших аналогий им можно привести лепные сосуды с поселения на м. Ай-Фока и комплексов Сугдеи, датируемые В. В. Майко второй половиной VII – первой половиной VIII в. [*Майко*, *1996*, с. 129, рис. 1, 10; *Майко*, *2009*, рис. 2, 5–9; *Майко*, *2012а*, рис. 5, 1–5; *Майко*, *2012б*, с. 82, рис. 2, 1–5]. На других салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова подобные лепные горшки до сих пор документально не фиксировались, а на поселение Артезиан они, как нам представляется, могли попасть вместе с его первыми жителями и использовались, по-видимому, только в начальный период его существования.

Помимо керамических изделий, среди подъемного материала и в заполнении перекопов обнаружены: литая медная херсоно-византийская монета времени правления императора Василия I Македонянина (867–886) (ср.: [*Анохин*, *1977*, с. 159, табл. 24, № 353–356]), обломки стеклянных рюмок изумрудно-зеленого и оливково-зеленого оттенка с трапециевидным корпусом и полой ножкой на круглой и плоской подставке (рис. 4: *17*) (ср.: [*Айбабин*, *1976*, с. 28–29, тип II]), салтовский бронзовый перстень с плоским орнаментированным щитком (рис. 4: *18*) и характерный для салтово-маяцкой культуры железный наконечник черешковой трехлопастной стрелы треугольной формы (рис. 4: *19*) (ср.: [*Аксёнов*, *2014*, с. 14–15, рис. 3, 7]). Встречались также обломки каменных терочников и абразивов, но ввиду консервативности форм отличить их от античных изделий не представилось возможным. Из других находок и включений отметим кости домашних животных (преимущественно крупного и мелкого рогатого скота), древесный уголь, створки раковин мидий, раковины виноградных улиток[5], куски печины, а на раскопе

[5] Большое количество раковин малых виноградных улиток свидетельствует о том, что в урочище Артезиан в рассматриваемый период произрастала кустарниковая растительность, возможно, даже сохранились небольшие участки пойменных лесов (ср.: [*Мацкевой, Пашкевич*, *1973*, с. 134]).

III – отходы металлургического производства в виде окалины и железосодержащего шлака.

Вследствие недостаточной изученности и плохой сохранности горизонта «хазарского» времени, размеры, планировка и инфраструктура поселения реконструируются с большими допущениями. Можно лишь предполагать, что оно не выходило за пределы античного городища и, как все остальные салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова, раскопанные большими площадями, представляло собой неукрепленное селище с небольшой плотностью застройки, территория которого застраивалась постепенно и хаотично, к тому же с низким уровнем благоустройства [*Пономарёв*, *2014*, с. 141]. При этом в южной части поселения наиболее удобным оказался юго-западный склон мыса, где на тот момент еще сохранились античные террасы [Винокуров, *2012*, рис. 1] и который гораздо меньше продувался господствующими в осенне-зимний период северо-восточными ветрами. Одновременно между возведенными жилыми и хозяйственными сооружениями продолжал добываться камень для новых построек и совершались ритуальные захоронения людей и животных.

В пределах «жилого» горизонта второй половины VIII – первой половины X в. выявлены разнообразные жилые, хозяйственные, сакральные и погребальные комплексы – полуземлянки, наземные или слегка заглубленные каменные постройки, хозяйственные ямы (одна из них – яма 250 с каменной горловиной и крышкой), участок каменной вымостки, два очага, сооруженные из вертикально установленных известняковых плит, ритуальные захоронения людей и животных и несколько грунтовых погребений. К этому же периоду относятся многочисленные аморфные в плане перекопы, образовавшиеся в результате выборки камня из разрушенных античных построек. Добывавшийся в этих своеобразных «каменоломнях» строительный материал обрабатывался на месте, в выкопанных в процессе его добычи котлованах и траншеях[6]. В результате их борта и дно оказались перекрыты прослойками известняковой крошки. По мере формирования культурного слоя салтово-маяцкого посе-

[6] Учитывая тот факт, что салтово-маяцким населением Керченского полуострова оборонительные сооружения не возводились, строительного материала, добывавшегося из разрушенных античных построек, могло хватать надолго, возможно даже, для некоторых поселений – на весь период их существования.

ления заброшенные котлованы заполнялись гумусированным темно-коричневым суглинком и бытовым мусором.

Большая часть открытых на поселении жилых и хозяйственных комплексов имела очень плохую сохранность. Котлованы полуземлянок утратили свою первоначальную форму, а стены и полы наземных построек, а также «жилые» горизонты вокруг них, были практически полностью разрушены прорезавшими их траншеями выборок стен и перекопами. К тому же, бóльшая часть керамики, обнаруженной в заполнении уцелевших жилых и хозяйственных комплексов, – причерноморских амфор, ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков – имеет широкие рамки бытования. В связи с этим разделить постройки на отдельные хронологические периоды по большей части не удалось.

Не считая котлованов перекопов, самой многочисленной категорией среди открытых на поселении объектов являются полуземлянки с неукрепленными бортами и наземные (или слегка заглубленные) постройки, цоколи и нижняя часть стен которых возводились из камня.

Среди раскопанных полуземлянок, в том числе условно причисляемых к ним небольших котлованов овальной или округлой формы, ни одну пока не представляется возможным интерпретировать как жилое сооружение, поскольку в процессе их расчистки не было найдено отопительных и других хозяйственно-бытовых устройств – печей, очагов, лежанок, ниш и полок (ср.: [*Красильникова*, *2001*, с. 325; *Красильнікова*, *2003*, с. 59]).

По всей видимости, большей частью эти неотапливаемые заглубленные сооружения использовались в хозяйственных целях, хотя каких именно, учитывая сохранность комплексов, выяснить уже вряд ли удастся, а некоторые аморфные в плане котлованы площадью до нескольких десятков кв. м скорее всего представляли собой обычные перекопы.

Среди надежно атрибутируемых хозяйственных комплексов, возможно, амбаров-зернохранилищ, можно упомянуть две полуземлянки, разрушенные поздними перекопами, исследованные на раскопе I. В каждой из них in situ находилось по одному пифосу с обрушенной внутрь верней частью.

Позднее засыпанный котлован одной из них был частично прорезан третьей полуземлянкой, которая дает общее представление о

других аналогичных комплексах, открытых на поселении. Придонная часть ее котлована имела в плане форму овала, вытянутого по длинной оси в направлении запад–восток. Длина помещения составляла 3,25 м, ширина достигала 2,25 м, глубина варьировалась в пределах 0,95–1,06 м. Борта котлована сужались по направлению к полу и были оформлены в виде уступов. На полу в центральной части котлована зачищена яма диаметром 0,38 м для опорного столба конструкции перекрытия. Вход в полуземлянку располагался с юга и представлял собой пологий пандус, переходящий в придонной ее части в ступеньки. Ширина его составляла 1,0–1,10 м, длина – 1,60 м. Отопительного устройства, а также каких-либо других находок, указывающих на нее как на жилую постройку, обнаружено не было.

Помимо функционального назначения полуземлянок, к числу дискуссионных вопросов относится и проблема их датировки, поскольку узких хронологических рамок ни для одной из них получить не удалось. Тем не менее некоторые из полуземлянок можно уверенно разделить на два строительных периода, рубежной датой для которых условно принята середина IX в. Основанием для их выделения послужила стратиграфическая ситуация, а также отсутствие или наличие в засыпи котлованов высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, бытовавших не ранее второй половины (третьей четверти или конца) IX в. [*Науменко*, *2009*, с. 54–57].

Иными словами, есть все основания предполагать, что полуземлянки на поселении Артезиан, как и на других салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова, функционировали на протяжении всего периода его существования [*Пономарёв*, *2012б*, с. 193–194; *Пономарёв*, *2012в*, с. 67–70]. Как совершенно справедливо по этому поводу заметил Ю. М. Могаричев, они могли использоваться «на начальном этапе жизни поселения» и в «период обустройства на новом месте, вне зависимости от времени его основания» [*Могаричев*, *2004*, с. 175, прим. 8].

Постепенно, видимо, осуществлялся и переход от строительства полуземлянок к каменным постройкам. В последнее время преобладает мнение, что это был не только растянутый во времени, но и сугубо индивидуальный для каждого поселения процесс [*Майко*, *2009*, с. 266; *Майко*, 2010, с. 428–429].

Поэтапно к новому типу жилищ переходили и жители поселения Артезиан. В центральной и южной его части выявлено около десят-

ка каменных построек, при этом одни из них были возведены на месте уже покинутых и засыпанных полуземлянок, а другие функционировали одновременно с ними.

Среди них наиболее хорошо сохранилась однокамерная заглубленная постройка 15 в раскопе II, частично перекрывшая котлован полуземлянки 9, засыпанный не ранее второй половины IX в. (рис. 5: *1*) [*Винокуров, Пономарёв*, *2015в*, с 174]. Ориентирована она длинной осью в направлении запад–восток. Северная, западная и восточная ее стены образуют прямые углы. Южная стена пристроена к ним под углом в направлении ВСВ–ЗЮЗ, благодаря чему постройке в плане была придана форма прямоугольной трапеции. Размеры постройки составляют 3,45–3,92×5,49–5,34 м. Внутренняя площадь помещения составляет немногим больше 8,2 кв. м. Стены толщиной 0,68–0,72 м сохранились на высоту до 0,12–0,45 м. Сложены они из необработанных известняковых камней трехслойной однолицевой иррегулярной кладкой на суглинистом растворе. На отдельных участках южной и восточной стен камни с внутренней лицевой стороны уложены кладкой «в елочку» (или в технике кладки opus spicatum) – строительным приемом, широко распространенным в рассматриваемый период в Крыму и на Таманском полуострове, функциональная нагрузка, культурообразующий потенциал и время появления которого остаются предметом острой дискуссии [*Башкиров*, *1948*, с. 373; *Сорочан*, *2004*, с. 117–156; *Кузнецов, Голофаст*, *2010*, с. 424, прим. 20; *Чхаидзе*, *2008*, с. 114–118; *Чхаидзе*, *2012*, с. 124–125, прим. 10; *Герцен, Иванова, Науменко*, *2010*, с. 268, прим. 20; *Айбабин*, *2013*, с. 296]. По центру северной стены постройки, со стороны ее внутреннего фаса, сохранилась вертикально установленная плита длиной 1,16 м, шириной 0,15–0,32 м и высотой 0,57 м. Возможно, она фиксировала пороговый камень устроенного с этой стороны дверного проема.

К сожалению, поскольку постройка была сильно повреждена более поздними перекопами, пол помещения, печь или очаг, а также другие хозяйственно-бытовые устройства не сохранились. Однако, несмотря на плохую сохранность, а также отсутствие каких-либо находок, относившихся к периоду ее функционирования, есть все основания предполагать, что использовалась она в качестве жилища. Исходя из санитарных норм, рассчитанных для климатических условий Восточной Европы (3–5 кв. м на человека) [*Афанась-*

ев, *1993*, с. 66], в постройке 15, площадь которой составляла около 8,2 кв. м, в лучшем случае могли проживать три человека.

На Керченском полуострове подобного рода однокамерные постройки раскопаны на поселениях Героевка-3, Героевка-2, городищах Тиритака, Мирмекий и некрополе городища Илурат [*Пономарёв*, *2015*, с. 196–225]. За исключением одной из них, функционировавшей, видимо, как дозорно-наблюдательный пункт, все они представляли собой индивидуальные жилища, в которых, судя по размерам, могли проживать только небольшие парные семьи. В плане однокамерные постройки имели приближенную к квадрату или прямоугольную форму. Размеры их, соответственно, варьировались от 2,80×2,75 м – 3,95×4,50 м до 3,30×5,10 м – 3,90×6,70 м. Наиболее ранние из них были заглублены до 0,40–0,50 м и поэтому мало чем отличались от полуземлянок. Позднее стали возводить обычные наземные постройки, глубина пола которых по отношению к уровню древней дневной поверхности не превышала 0,10–0,20 м. Котлованы заглубленных построек облицовывались по периметру однослойной или трехслойной двухпанцирной кладкой из необработанных или подтесанных камней на суглинистом растворе. Нижние части наземных стен, а в некоторых случаях только лишь цоколи, возводили трехслойной двухпанцирной кладкой, при этом лицевые камни укладывали на постель или «в елочку». В верхней части стены однокамерных домов, вероятнее всего, были саманными или сырцовыми, а в отдельных случаях высота каменных кладок могла достигать 1,35 м. Таким образом, нельзя исключать, что некоторые постройки были возведены из камня практически на всю высоту стен. Вход в помещения располагался обычно с южной или западной стороны, порогом иногда служила массивная подтесанная плита, а дверные откосы обрамляли вертикально установленные плиты. Для перекрытий использовались каркасно-столбовые конструкции, а крыши перекрывали подручным природным материалом – глиной, дерном, соломой, ветками или камышом. Полом в помещениях, как правило, служил снивелированный материковый суглинок или утрамбованная суглинистая (суглинисто-золистая) субструкция. Иногда пол дополнительно подмазывали жидкой глиной, а в редких случаях вымащивали камнем. Отопительные устройства, служившие одновременно и для приготовления пищи, представлены в основном печами-каменками, устроенными чаще всего в се-

веро-западном, реже – юго-восточном углу. В редких случаях печь заменяли очажные ямы или открытые очаги. Помимо отопительных устройств, в жилом помещении иногда оборудовали каменный ларь-закром. Он состоял из одной-трех секций и использовался для хранения ценного малогабаритного имущества или повседневного запаса продуктов. Хозяйственные ямы и пифосы в однокамерных постройках встречаются гораздо реже, что, по всей видимости, можно объяснить небольшим размером помещений. Ввиду полного отсутствия каких-либо глинобитных или сырцовых конструкций, которые можно было бы интерпретировать как лежанки, логично предположить, что их изготовляли из жердей и плетеного камыша или же для ночлега отводилось свободное пространство пола.

В заключение важно отметить, что при всей малочисленности планировочных решений и сравнительно небольшом выборе строительно-технологических приемов, конструктивных элементов и хозяйственно-бытовых устройств, едва ли не каждая из однокамерных построек имела индивидуальный характер, каких-либо «типовых проектов» для них так и не было выработано. По всей видимости, строительство дома, включая его ориентацию, планировку, размеры, организацию жилого пространства и обеспеченность хозяйственными и бытовыми устройствами, осуществлялось с учетом различных факторов, в том числе природно-климатических особенностей поселения, а также возможностей и потребностей каждой семьи.

Обнаруженный в однокамерных постройках материал позволяет датировать некоторые из них второй половиной VIII – первой половиной IX в., а наиболее поздние, включая постройку 15 на поселении Артезиан, были возведены не ранее второй половины IX в.

В этом же столетии на салтово-маяцких поселениях Крыма появился более совершенный тип жилой постройки – двухкамерный дом, одно помещение которого было жилым, а второе использовалось для различных хозяйственных нужд, в том числе для хранения припасов, инвентаря, а иногда и содержания скота в зимний период [*Гадло*, *1968*, с. 63; *Плетнёва*, *1967*, с. 63; *Якобсон*, *1973*, с. 132–133; *Баранов*, *1990*, с. 50, 52; *Айбабин*, *1999*, с. 202]. Однако, несмотря на очевидные преимущества такой планировки, полностью вытеснить однокамерные жилища двухкамерные дома так и не смогли. Оба типа построек в равной степени оказались востре-

бованными и смогли удовлетворять социальным, бытовым и хозяйственным запросам их обитателей [*Пономарёв*, *2012б*, с. 205; *Пономарёв*, *2013а*, с. 448].

Аналогичная ситуация прослежена и на поселении Артезиан, в пределах исследованной территории которого открыт только один достоверно реконструируемый двухкамерный дом. Он функционировал одновременно с однокамерными жилищами, в том числе и с рассмотренной выше постройкой 15. Этот дом входил в состав обособленной усадьбы, в пределах которой были обнаружены еще две практически полностью разрушенные разновременные постройки и хозяйственные ямы.

В плане двухкамерный дом имел прямоугольную форму и был вытянут по оси север–юг (рис. 6: *1*). Его уцелевшая восточная часть позволяет реконструировать внешние размеры постройки в этом направлении в пределах 6,65 м. Западная часть, за исключением восточного участка протяженностью 1,10–1,92 м, полностью разрушилась или была разобрана. Сохранившиеся цоколи стен дома толщиной 0,63–0,85 м достигали в высоту 0,10–0,40 м. Сложены они из необработанных камней на суглинистом растворе двухлицевой, двухслойной кладкой с забутовкой. На отдельных участках камни уложены «в елочку» (рис. 6: *2*) [*Винокуров, Пономарёв*, *2015г*, рис. 1; 2; 5].

Длина его северного помещения составляла 1,96 м, южного – 2,82 м. Их размеры, собственно, как и размеры самой постройки, в направлении запад–восток остались неизвестными, поскольку полностью разрушенными оказались не только размещавшиеся внутри них хозяйственно-бытовые устройства, но и полы. Соответственно, не удалось установить, какое помещение было жилым, а какое хозяйственным.

Впрочем, планировочные и конструктивные особенности двухкамерных домов, как и однокамерных построек, в общих чертах изучены неплохо. На Керченском полуострове такие жилища раскопаны на салтово-маяцких поселениях Героевка-2, Героевка-3, Героевка-6, Эльтиген-«Памятник», Алексеевка, Осовины-I, а также городищах Илурат и Мирмекий. Большая часть из них ориентирована в направлении СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ, и только двухкамерный дом на поселении Героевка-6, как и рассматриваемая нами постройка, был ориентирован в направлении север–юг [*Зинько, Пономарёв*, *2008*, с. 428, рис. 8, 1]. В тех случаях, когда это удалось проследить, все

они были заглублены в грунт от 0,10 до 0,20 м. Цоколи стен толщиной 0,40–1,10 м были возведены не в перевязь, из необработанного камня на суглинистом растворе. Кладка цоколей трехслойная, двухпанцирная, постелистая, иррегулярная или «в елочку». Углы иногда выкладывались крупными обработанными камнями или плитами. При возведении верхних участков стен, по всей видимости, использовался саманный кирпич. Крыши перекрывали подручным природным материалом. Редкие находки небольших фрагментов оконного стекла на поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-Западное позволяют утверждать, что в некоторых двухкамерных домах, а возможно, и в однокамерных постройках, были застекленные окна.

Размеры помещений двухкамерных построек варьируются в пределах от 4,0×2,60 м – 3,90×4,60 м до 5,0×3,0 м – 2,80×3,20 м. Жилая часть дома, как правило, находилась в помещении меньших размеров, где сооружали печь-каменку, реже открытый очаг, которые в отдельных случаях могли дополнять друг друга. В хозяйственном помещении отопительное устройство чаще всего предусмотрено не было, но когда оно превращалось в зимник для скота, его могли обогревать открытым очагом. В тех случаях, когда хозяйственное помещение использовалось в качестве амбара, в нем иногда обустраивали хозяйственные ямы, в которых, вероятно, хранилось посевное зерно. Таким образом, за исключением планировочного решения, двухкамерные дома в принципе мало чем отличались от однокамерных построек [*Пономарёв*, *2012б*, с. 199–201, рис. 6; *Пономарёв*, *2013а*, с. 440–456].

К сожалению, определить нижнюю временную границу этих построек (в том числе и двухкамерного дома на поселении Артезиан) едва ли возможно, поскольку оказавшийся в заполнении построек археологический материал попал в помещения уже на заключительном этапе их функционирования или после разрушения и, соответственно, датируется не ранее второй половины IX в. Можно лишь предположить, что наиболее ранние из них были возведены уже в первой половине IX в., а наиболее поздние, собственно, как и сами поселения, были покинуты в первой половине X в. [*Пономарёв*, *2013а*, с. 448].

Как уже упоминалось выше, рядом с двухкамерным домом на поселении Артезиан были обнаружены еще две разновременные

постройки, сохранившиеся в виде обрывков стен, и хозяйственные ямы, составлявшие с ним единый жилищно-хозяйственный комплекс – усадьбу. Появление усадеб на салтово-маяцких поселениях Крыма относят к IX в. или второй половине этого же столетия [*Баранов*, *1981*, с. 69–70; *Баранов*, *1990*, с. 52–53; *Айбабин*, *1999*, с. 202]. На Керченском полуострове близкий артезианскому по структуре жилищно-хозяйственный комплекс исследован на поселении Героевка-2. Он состоял из двухкамерного дома и двух разновременных, сооруженных одна после другой на том же месте, хозяйственных построек. Со всех сторон их окружало огороженное подворье, на территории которого был отсыпан небольшой зольник и устроено несколько хозяйственных ям [*Зинько*, *1997*, с. 122, рис. 70; 71; *Зинько, Пономарёв*, *2005*, с. 241–244, рис. 11; 15].

Помимо однокамерной постройки 15 и двухкамерного дома, на поселении Артезиан были обнаружены остатки еще восьми построек, сохранившихся в виде траншей выборок их стен и отдельных фрагментов каменных цоколей. Некоторые из них имели в плане прямоугольно-вытянутую форму и были ориентированы в направлении СВ–ЮЗ. К сожалению, ввиду плохой сохранности, реконструировать их планировку не удалось.

Среди хозяйственных построек особого внимания заслуживает овальное в плане сооружение, обнаруженное в северо-западной части раскопа I (рис. 5: *2*) [*Винокуров*, *1999*, с. 53, рис. 14]. К сожалению, большая его часть оказалась за пределами раскопа, а заполнение исследованного сегмента, включая «жилой горизонт», было полностью выбрано более поздним перекопом. По этой причине, размеры сооружения и его внутренняя планировка остались неизвестными. В процессе раскопок была исследована только его южная стена, вытянутая в виде дуги, толщиной 0,40–0,60 м. Сложена она была из необработанных известняковых камней трехслойной двухпанцирной кладкой на суглинистом растворе.

С юго-западной стороны к постройке примыкал желоб для сточных вод, направленный вниз по склону возвышенности в направлении СВ–ЮЗ. Длина его составляла не менее 6,0 м, ширина – 0,80–1,10 м, глубина – 0,30–0,50 м. Стенки желоба сложены из вертикально вкопанных известняковых плит, щели между которыми были промазаны глиной. Дно вымощено не было. Желоб был заполнен суглинистым грунтом с включениями мелкого щебня, костей живот-

ных и немногочисленных фрагментов разновременной керамики, в том числе причерноморских амфор и ойнохой скалистинского типа, бытовавших на протяжении всего периода существования поселения.

Необычная форма этого сооружения, а также наличие в нем дренажного устройства позволяют предварительно интерпретировать его как загон для домашних животных, возможно даже, «зимник», защищенный не только стенами, но и крышей.

Близкие по планировке и, отчасти, своему назначению кольцевые каменные загородки диаметром от 5 до 12–20 м были зафиксированы разведками на побережье Азовского моря, в районе с. Золотое и между поселениями Чегене-I и Сюрташ [*Масленников, Бердникова*, *1977*, с. 332–333; *Винокуров*, *1998*, с. 61]. Не менее 20 подобных сооружений открыты на северной и южной окраинах салтово-маяцкого поселения, занимавшего один из склонов горы Опук в южной части Керченского полуострова. Они представляли собой кольцеобразные изгороди диаметром от 4–5 м до 40 м, сложенные из крупных необработанных камней. Примерно к половине из них примыкали прямоугольные в плане постройки, интерпретированные В. К. Голенко как зимники-стойла. Соответственно, кольцевые ограды были атрибутированы им как загоны для скота, вероятнее всего – овец [*Голенко*, *2007*, с. 236, рис. 103].

Однако все выявленные до этого на Керченском полуострове кольцевые сооружения располагались за пределами поселений, в лучшем случае на их окраине, а на поселении Артезиан такое сооружение находилось в центральной части. Эту его особенность можно объяснить различными факторами или их совокупностью: составом имевшегося скота (наличием в нем свиней), условиями и сезоном его содержания, а также небольшой плотностью застройки поселения, в пределах которого вполне можно было выделить место для обустройства отдельного, принадлежащего одной семье, сооружения для домашней скотины.

К настоящему времени в пределах исследованной части поселения Артезиан раскопано около двух десятков построек, в том числе и то, о котором шла речь. Точное их количество определить невозможно, поскольку, как уже упоминалось выше, некоторые котлованы лишь с большой долей условности могут быть интерпретированы как хозяйственные полуземлянки. За исключением оваль-

ного в плане сооружения с каменным желобом, все они относятся к хорошо известным типам салтово-маяцких построек и находят массовые аналогии на Керченском полуострове и в других районах Крыма [*Гадло*, *1971*, с. 65–74; *Гадло*, *2004*, с. 79–87; *Баранов*, *1981*, с. 64–70; *Баранов*, *1990*, с. 41–53]. К сожалению, пока еще не удалось ответить на вопрос, какие из них являлись наиболее ранними. В равной степени это могли быть полуземлянки или слегка заглубленные и наземные однокамерные жилища, доминировавшие в застройке поселения на протяжении всего периода его существования. В IX в. на поселении Артезиан появляется более совершенный тип жилища – двухкамерный дом. Однако вытеснить другие, использовавшиеся ранее, типы построек ему не удалось. Все они по-прежнему оказались востребованными, и выбор, надо думать, в первую очередь зависел от традиций и опыта их возведения, а также возможностей и потребностей отдельно взятой семьи, чье жилище должно было соответствовать определенному набору хозяйственно-бытовых условий.

Помимо различных по своему функциональному назначению построек и сопутствующих им инфраструктурных объектов, на территории поселения Артезиан были найдены многочисленные ритуальные комплексы и одиночные грунтовые захоронения [*Винокуров*, *2004б*, с. 63–72; *Винокуров*, *2011а*, с. 56–63]. В таком количестве и разнообразии, тем более в пределах одного памятника, они впервые обнаружены на Керченском полуострове, что и выделяет Артезиан среди других исследованных салтово-маяцких поселений этого региона.

Отдельную группу представляют собой одиночные захоронения людей в грунтовых ямах, которые по каким-то причинам были совершены не на территории, специально отведенной для «мертвых», а среди жилых построек поселения, иными словами среди «живых» соплеменников. При этом обычных для салтово-маяцкого населения Керченского полуострова плитовых или плитово-грунтовых могильников в окрестностях поселения Артезиан пока обнаружено не было.

В настоящее время на исследованной площади раскопано четыре одиночных грунтовых могилы, три из них открыты на раскопах I и III в центральной части поселения, одна – на раскопе II в южной его части.

Погребение 9, совершенное в неглубокой овальной яме, обнаружено в северо-западной части раскопа I (рис. 7: *1*). В могиле выявлено захоронение подростка 8–10 лет, уложенного в скорченном положении, головой на ЗЮЗ, на правом боку с завалом на спину, вплотную к стенке могилы. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть согнута под прямым углом, фалангами пальцев по направлению к тазовым костям. В верхней проксимальной части плечевой кости зафиксированы следы перелома и неправильного сращения. Левая рука согнута в локтевом суставе, кисть на тазовой и правой бедренной кости. Кости голеней находились не в сочленении с бедренными костями. Видимо, спустя какое-то время после погребения, они были намеренно смещены и уложены параллельно друг к другу поверх правой бедренной кости. При этом одна из больших берцовых костей была повернута проксимальным эпифизом в противоположном направлении. Здесь же находились отдельные кости плюсны.

Погребальный инвентарь в могиле обнаружен не был, а в заполнении могильной ямы и котлована перекопа, в который она была врезана, были найдены лишь несколько обломков причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков. Учитывая широкие рамки их бытования, датировать погребение 9 в узких пределах не представилось возможным.

Погребение 14 выявлено в северо-западном углу раскопа III. Оно совершено в грунтовой яме, которая была выкопана в частично засыпанном на тот момент котловане заброшенной хозяйственной полуземлянки, функционировавшей не позднее первой половины IX в. (рис. 7: *2*). Погребенная в могиле женщина в возрасте около 35 лет уложена на спине с небольшим разворотом на правый бок, головой на запад. Скелет по всей длине обложен бутовыми камнями. Верхние конечности погребенной согнуты в локтевых суставах, нижние конечности согнуты в коленях и развернуты на юг. На среднем пальце правой руки найдено обычное для салтовских захоронений бронзовое кольцо с плоским щитком и выгравированным изображением солярного символа в виде многолучевой звезды. В заполнении могилы, помимо фрагментов ойнохой скалистинского типа и причерноморских бороздчатых амфор, найдены обломки высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, позволяющие датировать захоронение не ранее второй половины IX в.

Погребение 15 обнаружено на раскопе II к востоку от котлована полуземлянки 9 и к югу от однокамерной заглубленной постройки 15, южной стеной которой оно и было частично перекрыто (рис. 7: *4*). Однако ответить на вопрос, намеренно ли жилище было возведено над могилой, или же на тот момент она утратила какие-либо признаки на поверхности и была забыта, уже невозможно.

В могиле расчищен скелет мужчины 30–40 лет в вытянутом положении на спине, головой на ЗЮЗ. Верхние его конечности согнуты в локтевых суставах, при этом правая рука перекрывала левую руку. Нижние конечности вытянуты параллельно друг другу и немного сведены в коленях. Погребального инвентаря в могиле не оказалось, но учитывая стратиграфические данные, захоронение и расположенную к западу от него полуземлянку 9 следует отнести к первому хронологическому периоду и датировать не позднее первой половины IX в.

Погребение 16 обнаружено в северо-восточном углу раскопа III, при стыковке с раскопом I (рис. 7: *3*). В могиле расчищен скелет молодой женщины, уложенной на спине, в вытянутом положении, головой на ЗСЗ. Верхние ее конечности согнуты в локтевых суставах. Положение нижних конечностей выяснить не удалось, так как их кости были смещены и частично уничтожены позднейшим перекопом. На нижней челюсти с правой стороны обнаружена прижизненная травма, нанесенная предметом с узким режущим краем (острием лезвия или наконечником стрелы?). Под головой погребенной зачищены прослойка темно-серого грунта и несколько бутовых камней. В золистом слое этого своеобразного «изголовья» было обнаружено несколько стеклянных бусин. Отсутствие каких-либо датирующих находок в могиле, а также внятного стратиграфического контекста на прилегающем участке раскопа не позволило определиться с узкими хронологическими рамками погребения.

Таким образом, на исследованных участках было обнаружено четыре разновременных индивидуальных захоронения, в том числе подростка 8–10 лет, мужчины 30–40 лет и двух женщин в возрасте до 35 лет. Одно из них было совершено в котловане засыпанной полуземлянки, а остальные три – рядом с постройками и ритуальными комплексами, причем с последними они вполне могли быть взаимосвязаны. Погребение 14 датируется не ранее второй

половины IX в., погребение 15 – не позднее первой половины IX в. Время совершения захоронений в погребениях 9 и 16 определить не удалось. Погребенные уложены головой на запад, с небольшими сезонными отклонениями к югу и северу и в разнообразных позах – в скорченном положении или на спине, иногда с небольшим разворотом на бок, с вытянутыми или согнутыми нижними конечностями. Большим разнообразием отличается и положение верхних конечностей. За исключением бронзового кольца и нескольких стеклянных бусин, найденных в женских захоронениях, другого погребального инвентаря в могилах не оказалось. В двух могилах отмечено нарушение целостности скелета. Но, если в погребении 16 он был частично разрушен более поздним перекопом, то состояние костей нижних конечностей подростка в могиле 9 указывает на ритуальные постпогребальные действия, связанные с обрядом обезвреживания погребенного, следы которых прослежены на многих праболгарских и аланских могильниках салтовского времени, в том числе и на Керченском полуострове [*Флёров*, *1989*, с. 177; *Флёров*, *1993*, с. 45–46, 54; *Флёров*, *2005*, с. 384; *Аксенов*, *2002*, с. 98–113; *Аксёнов*, *2009*, с. 89–101; *Пономарёв*, *2004*, с. 451–462; *Зинько, Пономарёв*, *2007*, с. 193–194; *Пономарёв*, *2011*, с. 290].

На Керченском полуострове подобные грунтовые захоронения, в том числе и со следами обезвреживания погребенного, были зафиксированы до этого только на двух поселениях – Осовины-I и Героевка-6 [*Зинько, Пономарёв*, *2007*, с. 192–194, рис. 9; *Зинько, Пономарёв*, *2008*, с. 426, рис. 9; 10]. За пределами Крыма погребения, совершенные на территории поселений, зафиксированы на многих памятниках степной и лесостепной зоны салтово-маяцкой культуры, в том числе Недвиговском, Саркельском, Сидоровском, Верхне-Салтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также поселениях Мохнач-П, Нетайловка-2, у с. Жовтневое и ст. Богоявленской. Совершались они в жилых и хозяйственных постройках, в производственных помещениях (в том числе гончарных и металлургических мастерских), а также в хозяйственных ямах, катакомбах и обычных грунтовых могилах рядом с культовыми, жилыми и хозяйственными постройками. При этом отличались не только местом совершения захоронения, но и конструкцией погребальных сооружений, позой и ориентировкой погребенных и степенью сохранности их скелета.

Такое многообразие погребальных комплексов, вероятно, следует объяснять влиянием различных факторов, в том числе этнической и семейной принадлежностью, половозрастной градацией погребенных, их социальным статусом и, конечно, обстоятельствами и побуждениями, по которым человека, а иногда и целые семьи, хоронили на территории поселения. Большинство исследователей согласны с тем, что погребения «мирного времени» в жилищах и на территории поселений были связаны с традициями, сложившимися в рамках сложной системы идеологических представлений того времени. В основной своей массе они, видимо, имели ритуальный характер и совершались в силу различных, возможно – тесно связанных между собой, причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера [*Красильников*, *1976*, с. 277–278; *Плетнёва*, *1989*, с. 67; *Плетнёва, Красильников*, *1990*, с. 106; *Плетнёва*, *2000*, с. 90–92; *Винников, Афанасьев*, *1991*, с. 137–138; *Албегова, Гусаков*, *2001*, с. 127; *Кравченко, Давыденко*, *2001*, с. 236–237; *Колода*, *2011*, с. 269–270; *Колода*, *2012–2013*, с. 111–112; *Юрченко*, *2012,* с. 159]. Но каких именно, этот вопрос, несомненно, будет долго оставаться предметом острых дискуссий. При этом нельзя исключать совершенно неизвестные нам мотивации и факторы и, более того, как совершенно справедливо отметила С. А. Плетнёва, «причины изолированности» этих необычных погребений следует искать применительно к каждому из них отдельно [*Плетнёва*, *2006*, с. 10]. Сама же проблема изучения погребальных комплексов на территории салтово-маяцких поселений находится пока еще «на стадии накопления материала и индивидуального анализа» и как отдельная научная тема пока еще глубоко и всесторонне не разрабатывалась [*Колода*, *2011*, с. 269; *Колода*, *2012–2013*, с. 111].

Помимо индивидуальных захоронений, на поселении Артезиан обнаружены культовые объекты, которые, вслед за И. П. Русановой и Б. А. Тимощуком, можно интерпретировать как «культовые места… устроенные человеком для жертвоприношения по какому-то определенному поводу и затем оставленные» [*Русанова, Тимощук*, *2007*, с. 25]. К ним относятся ритуальные захоронения животных и совместные захоронения людей и животных (или частей их тел). Большая часть из них условно объединена в «юго-восточный» и «южный» культовые комплексы, располагавшиеся в раскопах I и III на небольшом расстоянии друг от друга [*Винокуров, 2004б*, с. 63–72, рис. 7].

Наиболее интересный и необычный объект, включенный в состав «южного» культового комплекса, представлял собой совместное захоронение подростка и pars pro toto туши быка, совершенное в каменном сооружении, внешне напоминавшем колодец (рис. 8: *1*). В качестве гидротехнического сооружения эта конструкция использоваться не могла, поскольку при глубине 2,39–2,46 м она не достигала водоносного горизонта, залегавшего в этой части мыса на 20–30 м ниже. В плане шахта «колодца» имела неправильную четырехугольную форму, в разрезе – трапециевидную, при этом углами была ориентирована по оси ВСВ–ЗЮЗ. По направлению ко дну она расширялась, соответственно, на уровне горловины ее размеры составляли 0,85×0,72 м, а на уровне дна – 1,02–1,04×1,04 м. Стенки шахты были сложены из обработанных известняковых плит, установленных на ребро, с перевязкой рядов. Кладка однослойная, орфостатная, однолицевая (рис. 8: *2–5*). Всего было уложено семь рядов плит, между некоторыми из них прослежены следы известкового и глиняного растворов. Горловину «колодца» перекрывала поилка (или кормушка) для скота.

На дне шахты поверх тонкого слоя вязкой глины зачищена прослойка обугленного грунта с большим количеством перегоревших зерен пшеницы или ячменя. Спустя небольшой промежуток времени, за который прослойка обугленного грунта еще не была перекрыта другими отложениями, в северо-западном углу «колодца» было совершено ритуальное захоронение подростка, уложенного на спине, в скорченном положении, головой на запад. В центре «колодца», на этом же уровне было обнаружено несколько плит известняка. На одной из них находился череп быка, установленный рогами вниз и ориентированный по оси ЮЗ–СВ. Рядом были найдены его хвостовые позвонки и кости плюсны. По всей видимости, в «колодце» вместе с подростком было совершено ритуальное захоронение шкуры быка и частей его скелета. Иными словами, речь идет о заместительной жертве, принесенной по практиковавшейся в древности многими народами схеме pars pro toto – часть (отдельные кости, шкура или «чучело») вместо целого животного. Датировать ритуальное захоронение в «колодце», хотя и в очень широких пределах – второй половиной VIII – первой половиной X в., позволяет единственная находка – горловина причерноморской амфоры с бороздчатым рифлением, обнаруженная под лопаточной костью подростка.

Гораздо сложнее определиться с сакральной нагрузкой этого комплекса. Можно лишь предположить его взаимосвязь с земледельческим и животноводческим культами плодородия, на что косвенно указывают обгоревшие зерна злаковой культуры на дне «колодца», поилка для скота, а также жернов и обломок плиты зернотерки, обнаруженные в 0,2 м к югу от него.

В этом же контексте вполне уместен и выбор быка в качестве жертвенного животного, поскольку у многих земледельческих народов он являлся символом благополучия, плодородия и производящих сил природы и, соответственно, мог быть связан с земледельческими и животноводческими культами, «обеспечивавшими» в языческом сознании людей не только их благосостояние, но и само дальнейшее существование. Следы обрядов, в которых в качестве жертвенного животного были задействованы корова, бык и теленок (или части их расчлененных туш), зафиксированы на многих поселениях и могильниках салтово-маяцкой культуры, включая и Керченский полуостров [*Флёров*, *1971*, с. 261–262, рис. 2; *Артамонова*, *1963*, с. 185, 186, рис. 7; *Белинский, Кулаков*, *2013*, с. 152, 162, рис. 7; *Ключников*, *2009*, с. 244–246; *Зинько, Пономарёв*, *2005*, с. 245, рис. 19].

Помимо «колодца», в состав «южного» культового комплекса условно включено еще несколько расположенных поблизости и сосредоточенных в наиболее возвышенной части поселения объектов. На раскопе I в их число вошли котлованы перекопов 7 и 5. В котловане перекопа 7 было совершено ритуальное захоронение челюсти взрослого мужчины вместе с костями черепа и разрозненными костями ног лошади, а в котловане перекопа 5 – захоронение разрозненных костей быка и черепа человека со следами искусственной деформации и без нижней челюсти.

Еще два включенных в «южный» ритуальный комплекс объекта были обнаружены в северо-восточном углу раскопа III. Один из них – овальная в плане яма с захоронением теленка или комолой коровы, туша, вероятно, была уложена на левом боку головой на ССВ. Второй представлял собой ритуальное захоронение собак и разрозненных человеческих останков, которое было совершено в заброшенном античном колодце [*Винокуров*, *2011б*, с. 70, рис. 8]. Обнаружен он был при зачистке придонной части обширного котлована, в заполнении которого также были найдены разрозненные человеческие кости, принадлежащие, по меньшей мере, двум или трем взрослым индивидам. В самом колодце, примерно с уровня

третьего и четвертого рядов кладки, среди бутовых камней, были обнаружены черепа и скелеты нескольких десятков собак. При этом большая часть их костей, как и черепа, не пострадали, сохранив первоначальное анатомическое сочленение в суставах. Ниже, на уровне пятого и шестого рядов кладки шахты, были обнаружены останки нескольких человеческих индивидов. К сожалению, из-за угрозы обрушения шахты, комплекс доследован не был, но уже и на этом этапе его расчистки есть все основания утверждать, что античный колодец был использован для совместного ритуального захоронения людей и собак. Этот обряд практиковался народами салтово-маяцкой культуры, в том числе и салтовским населением Керченского полуострова [*Артамонова*, *1963*, с. 205–206, рис. 138; *Квитковский*, *2012*, с. 26–28, рис. 2; 3; *Марти*, *1941*, с. 32]. К сожалению, находок, относящихся к рассматриваемому периоду, за исключением фрагмента лощеного салтово-маяцкого кувшина, в его заполнении обнаружено не было. Поэтому датировать захоронение можно лишь в общих пределах – между второй половиной VIII – первой половиной X в. При этом следует отметить, что сам колодец был возведен в первые века нашей эры.

Второй выделенный на поселении культовый комплекс получил условное наименование «юго-восточный». Он был обнаружен примерно в 10–15 м к северо-востоку и востоку от «южного» культового комплекса. В комплекс условно включены ямы 120 и 108. Возможно, с ним были также связаны котлованы 1–4, расположенные к северо-западу и югу от них. Наиболее яркий его объект представлял собой совместное захоронение расчлененных останков детей и собак, совершенное в яме 120 (рис. 8: *6, 7*). На ее дне находились две разбитые причерноморские амфоры с бороздчатым рифлением. Среди обломков одной из них обнаружен скелет щенка собаки в возрасте 4–5 месяцев. Судя по его положению, он был помещен в амфору головой вниз. Выше, на уровне каменной забутовки, были найдены древесные угли, обломки античной керамики, кости крупного рогатого скота (ребра, фрагменты челюстей и трубчатых костей коровы), а также ребра и фаланги пальцев ребенка. На каменном завале вдоль восточного борта ямы расчищено пять детских, плохо сохранившихся черепов. Они были установлены на основание лицевым отделом на восток и ВСВ. Судя по молочным зубам, они принадлежали детям, возраст которых составлял 2–3 года, 3–4 года, 4–5 лет и 5–6 лет. К северо-западу от последнего черепа

обнаружен скелет собаки, сохранившийся в полном анатомическом порядке. Под ним найдены отдельные кости скелета ребенка. На этом же уровне, поверх камней и между ними, в центре ямы и в ее западной половине найдены разрозненные и хаотично разбросанные кости (несколько позвонков, тазовые кости, лопатки, ребра, кости верхних конечностей) еще одного(?) ребенка.

Таким образом, основная сакральная нагрузка в этом, по-видимому, стержневом для «юго-восточного» культового комплекса ритуальном захоронении отводилась собакам (взрослым особям и щенкам) и детям в возрасте от 2 до 6 лет, тела которых были ритуально расчленены на птоматологической стадии некрологического цикла.

Как уже упоминалось выше, совместные захоронения людей и собак широко практиковались народами салтово-маяцкой культуры. При этом собаки – видимо, одни из наиболее почитаемых животных – использовались ими во многих других обрядах и ритуалах и могли рассматриваться не только в качестве приношения высшим силам или проводников в потусторонний мир, но и как составная часть культа плодородия, зерна и земли [*Михеев*, *1985*, с. 28; *Плетнёва*, *2004*, с. 67–68; *Флёров*, *1995*, с. 89; *Белинский, Кулаков*, *2013*, с. 152, 162, рис. 7; *Флёров*, *1971*, с. 261–262, рис. 2; *Плетнёва*, *1996*, с. 80–81, рис. 26, б; 31, а; *Плетнёва*, *1989*, с. 206, 243]. Не менее важная роль в захоронении, совершенном в яме 120, была отведена и расчлененным останкам детей, различные ритуалы с которыми, в том числе и «кровавые» жертвоприношения, практиковались с глубокой древности у многих народов и считались наиболее благоприятными и действенными.

Находки из других объектов, включенных в состав «юго-восточного» комплекса – ямы 108 (6 причерноморских амфор с бороздчатым рифлением, бытовые изделия из кости, железа и камня) и котлованов 1–4 – не имеют, в отличие от ямы 120, ярко выраженного сакрального облика. Их можно предположительно идентифицировать только как остатки тризн, совершенных в момент захоронения детей и собак, при этом откровенно бытовой характер находок оставляет широкие возможности для дальнейшей дискуссии.

Последний обнаруженный на поселении Артезиан культовый объект находился на раскопе I и атрибутирован как жертвенник. В качестве него была использована каменная переносная поилка (или кормушка) для скота, перекрытая известняковым ротационным жерновом. Заполнена она была рыхлым золистым грунтом, фраг-

ментами керамики, костями птицы и мелкого рогатого скота. Поскольку жертвенник находился довольно далеко и примерно на равном удалении от «южного» и «юго-восточного» культовых комплексов, его логично рассматривать как самостоятельный, изолированный от других объект. К тому же использовался в ритуальных целях он, по-видимому, неоднократно.

Остальные открытые на поселении культовые комплексы являлись объектами «временного пользования», поскольку после совершения ритуала сразу же засыпались. Все они представляли собой ритуальные захоронения. В двух из них была принесена совместная жертва людей и собак, в двух других – человека и быка, еще в одном комплексе – человека и лошади. И только в одном случае ритуальное действо обошлось без человеческой жертвы, в качестве дара божеству была принесена корова или теленок. Иными словами, помимо человека, в жертву приносились едва ли не все домашние животные – собаки, лошади и крупный рогатый скот. Основными составляющими такого действа являлось их убиение (зачастую с расчленением) и только затем уже дарение в качестве умилостивительной жертвы, жертвы, побуждающей внимание богов, жертвы как доли божества и предков или благодарственной жертвы. Возможно также, что жертва могла исполнять роль посредника, посланника или сопроводителя, в том числе и транспортного средства в потусторонний мир [*Дмитриева*, *2000*, с. 12].

Однако для каких конкретно целей предназначался тот или иной культовый объект и кем являлся его адресат, можно только гадать, поскольку языческие верования и обряды народов салтово-маяцкой культуры очень слабо отражены в письменных источниках. Впрочем, это вряд ли были строительные жертвы и обереги, поскольку ни один из культовых объектов не был напрямую связан с находящимися поблизости жилыми и хозяйственными постройками и, тем более, расположен в них. Скорее всего, эти объекты по большей части исполняли некие связующие функции между данным человеческим коллективом и окружающим его миром (природой) и были призваны в языческом сознании жителей поселения «обеспечивать» не только их благосостояние, но и дальнейшее существование общины.

Завершая обзор результатов исследований «хазарского» горизонта городища Артезиан, вкратце охарактеризуем немногочисленную группу находок, которые, хотя и были обнаружены в соот-

ветствующем ему слое гумусированного темно-коричневого суглинка, но попали в него в качестве примеси «сверху», уже после того как салтово-маяцкое поселение прекратило свое существование. Наиболее ранняя из них – византийская медная монета императора Иоанна Цимисхия (969–976) – относится к периоду, когда степные районы Крыма, в том числе и Керченский полуостров, оказались под контролем печенегов, на что предельно ясно указывают границы их кочевий – «Пачинакии», пролегавшие, согласно Константину Багрянородному, в непосредственной близости от Херсона и Боспора [*Константин Багрянородный*, *1989*, с. 36–37, 40–41, 156–157; *Пономарёв*, *2013б*, с. 384–386].

Следующая группа находок представлена немногочисленными фрагментами полихромной глазурованной посуды и черешковым наконечником стрелы с широким лезвием (двурогим полулунным срезнем с упором), встречающейся в комплексах второй половины XIII – XIV в. [*Медведев*, *1966*, с. 72, 114, табл. 26, 18, 19].

Остальные находки с городища Артезиан датируются не ранее XV–XVI вв. и представлены в основном обломками поливной монохромной посуды, красноглиняных плоскодонных кувшинов и фрагментом горшка с рельсовидным венчиком. К этому же периоду относится круглая латунная пуговица (или нашивка) и три курительные трубки XVII–XVIII вв. В сравнении с единичными находками ранневизантийского, кочевнического и золотоордынского периодов, позднесредневековые находки гораздо более многочисленны, хотя на исследованных участках городища культурного слоя и строительных комплексов этого времени обнаружить пока не удалось [*Винокуров, Пономарёв*, *2015б*, с. 50–54; *Винокуров, Пономарёв*, *2016*, с. 115–121]. Вероятно, позднесредневековое поселение занимало не всю его территорию, а располагалось в северной части возвышенности, в пределах которой прослеживаются остатки построек дер. Паша-Салын, отмеченной на топографических картах XIX – первой половины XX в. Таким образом, в дальнейшем есть все основания надеяться выделить еще один «жилой» горизонт, которым и завершится средневековый, более чем тысячелетний, период истории городища.

Рис. 1.
Карта урочища Артезиан

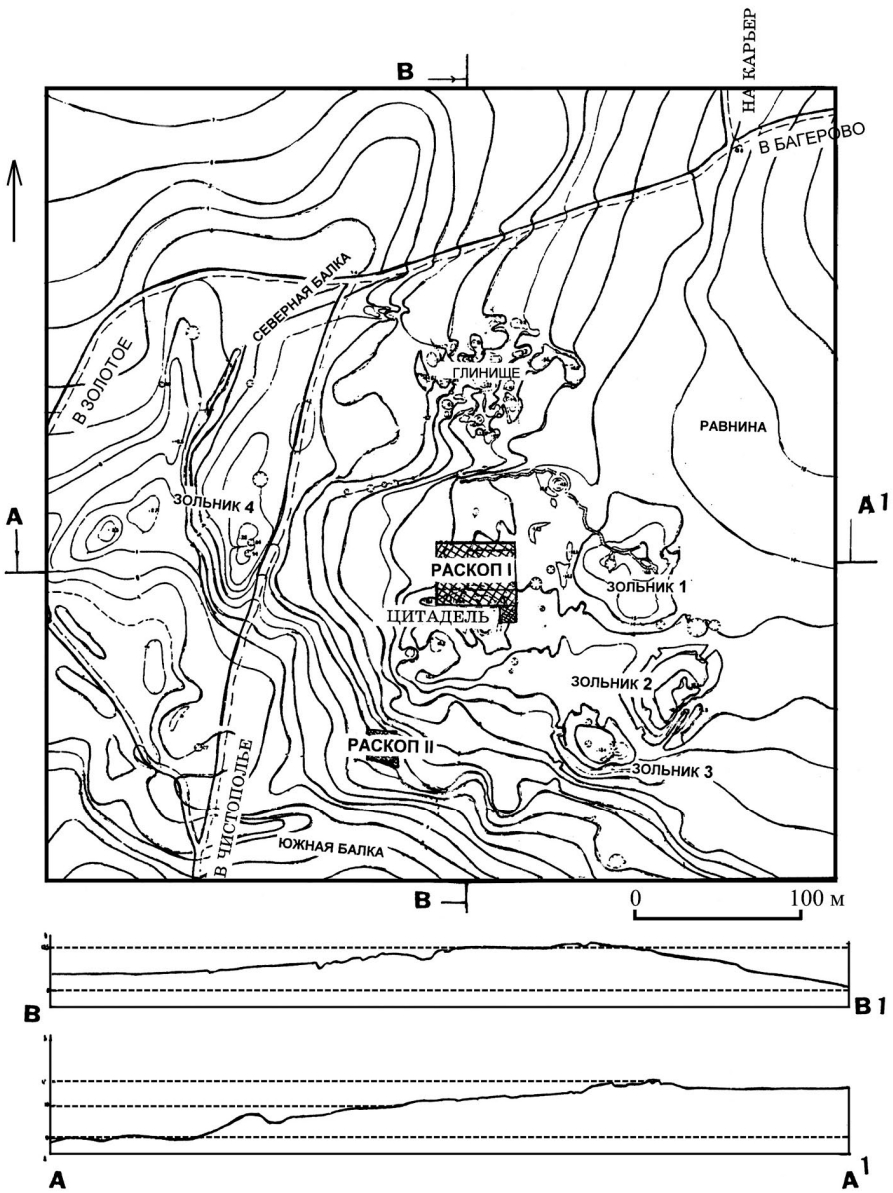


Рис. 2.
Городище Артезиан. Топографический план и разрезы

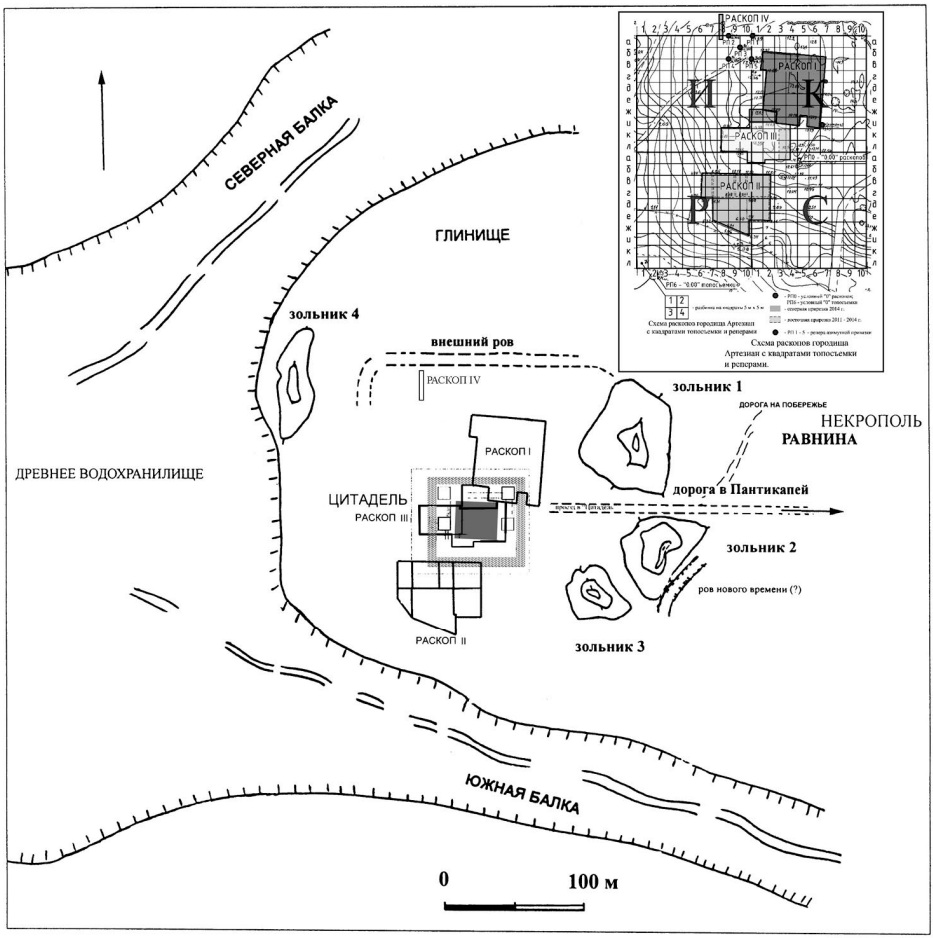


Рис. 3.
План-схема городища Артезиан с указанием исследованных участков

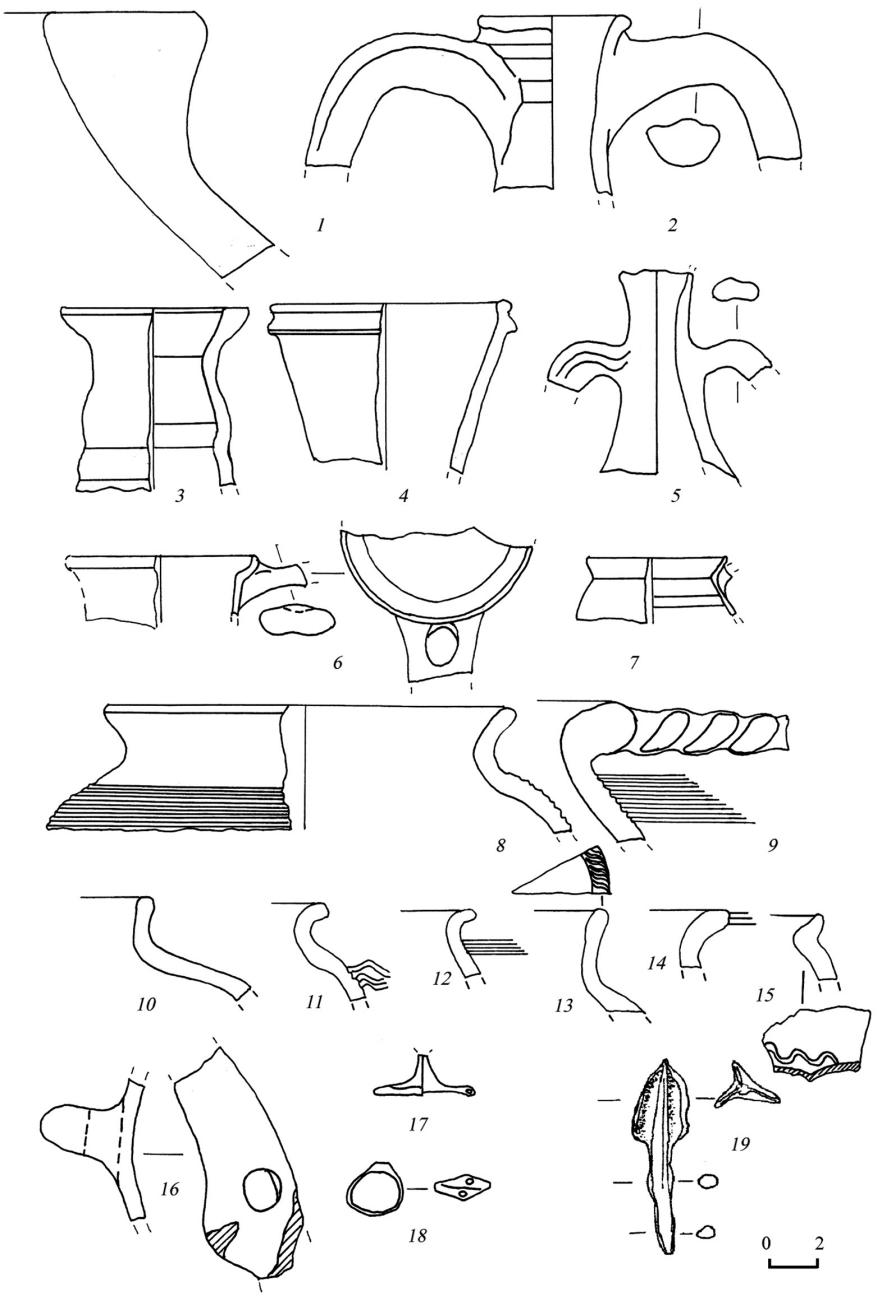


Рис. 4.
1–19 – Находки с салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан

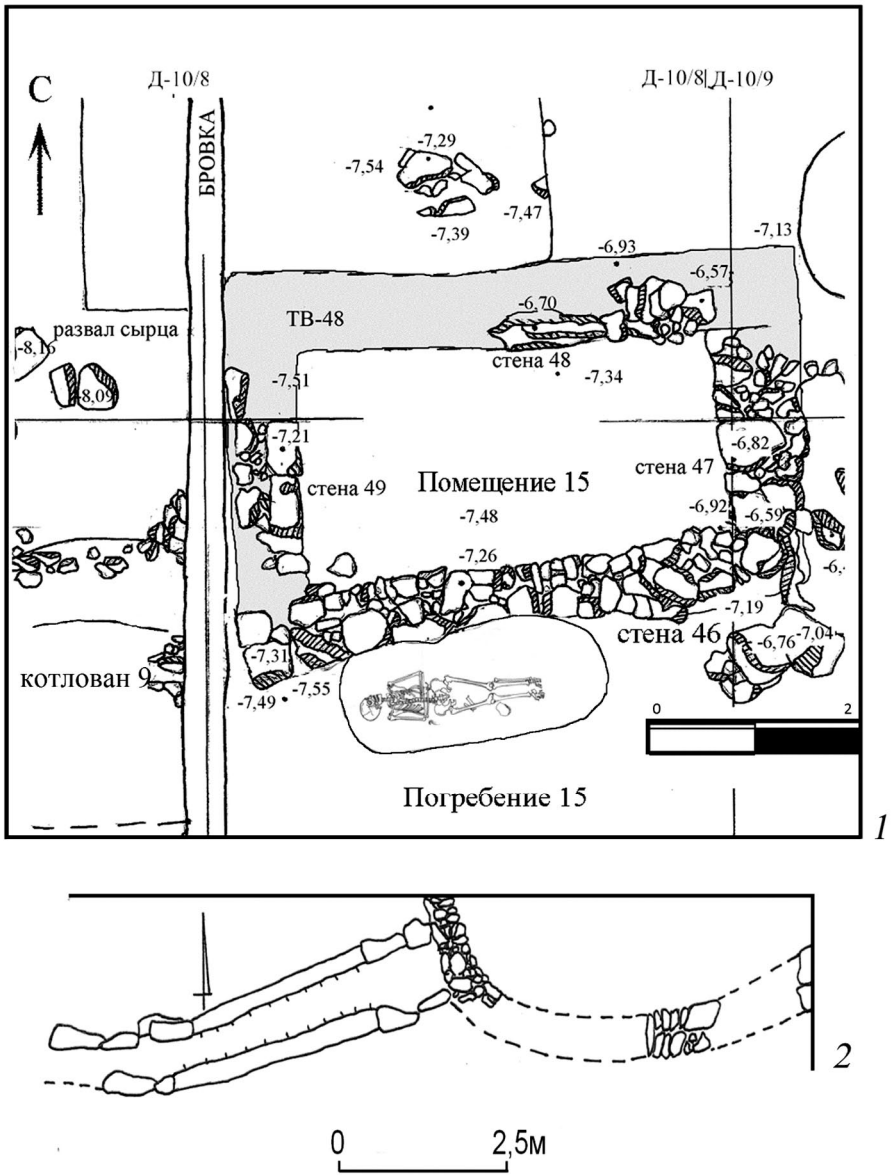


Рис. 5.
Жилые и хозяйственные постройки:
1 – однокамерная постройка 15 (план); *2* – постройка с желобом-стоком (план)

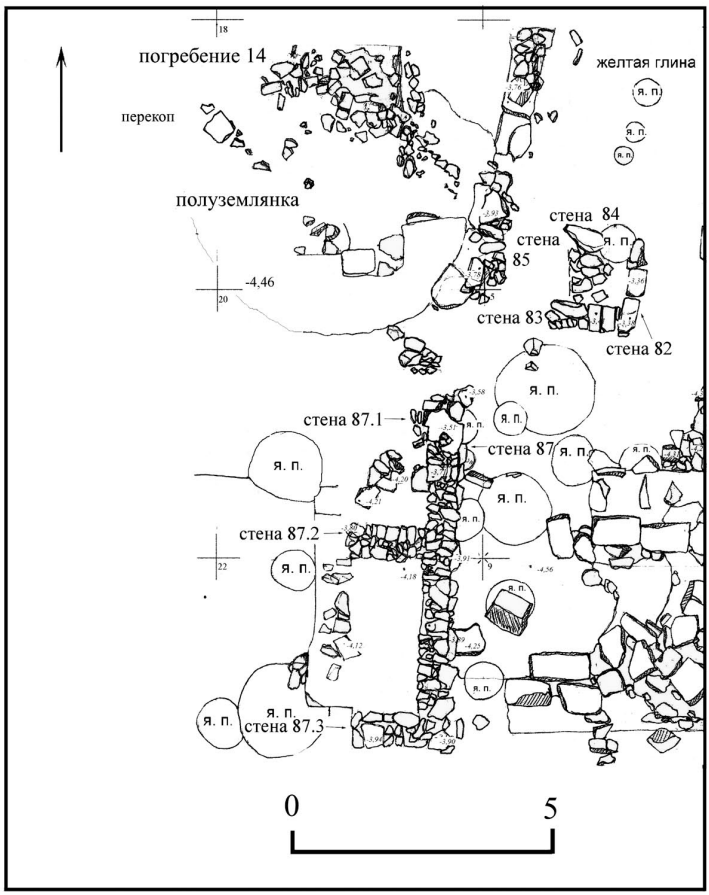


Рис. 6.
Двухкамерный дом: *1* – план участка раскопа с двухкамерным домом;
2–3 – фасировки восточной стены 87

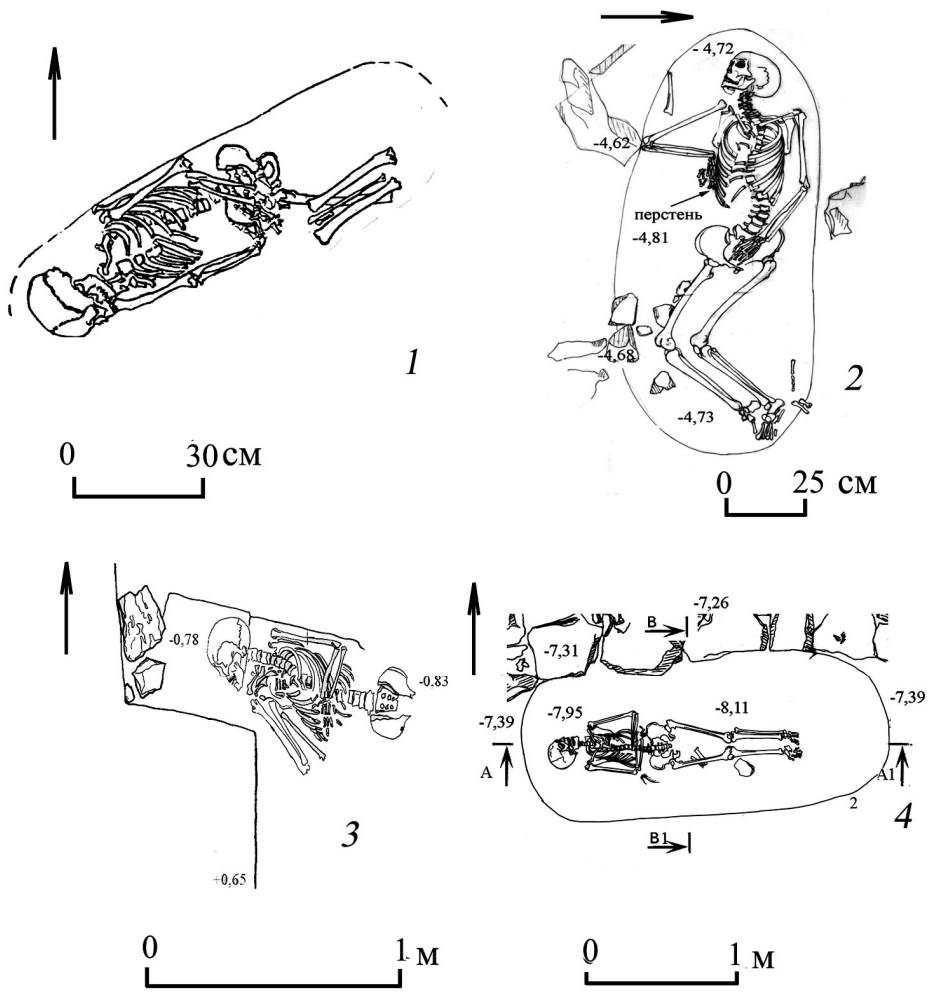


Рис. 7.
Погребения на территории поселения:
1 – могила 9; *2* – могила 14; *3* – могила 16; *4* – могила 15

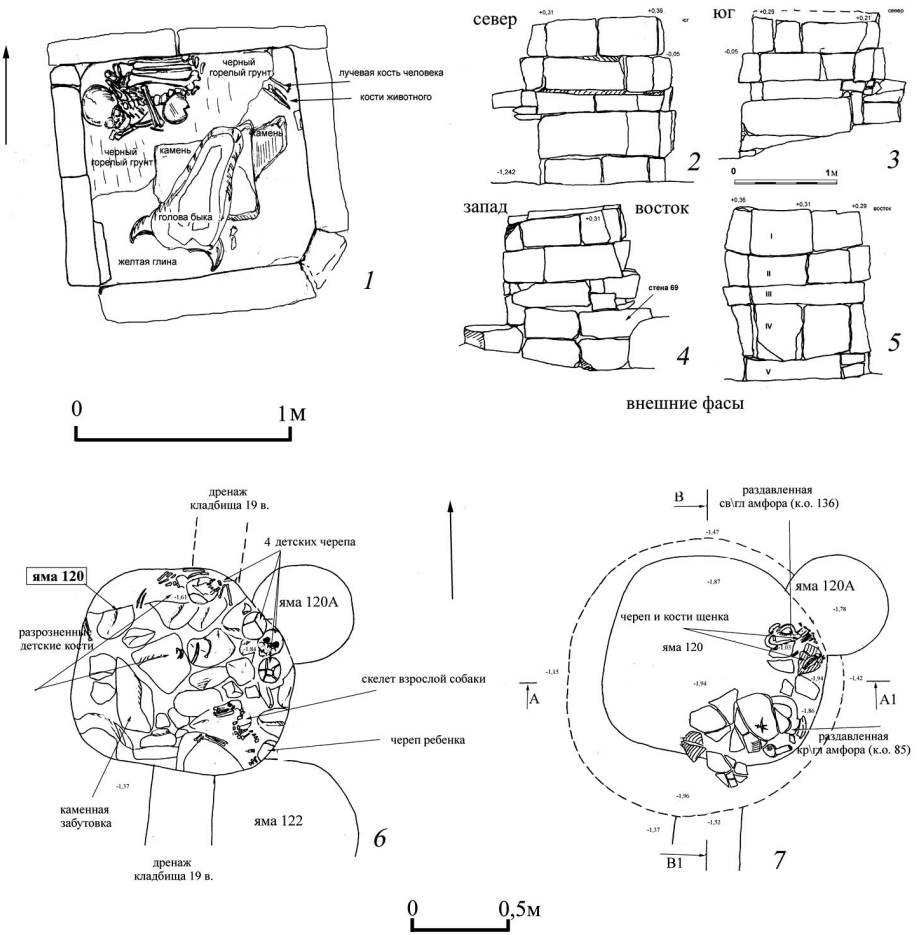


Рис. 8.
Ритуальные комплексы:
1 – захоронение подростка и быка в «колодце» (план);
2–5 – фасировки стен шахты «колодца»; *6–7* – яма 120 (план на уровне детских черепов и раздавленных амфор)

Литература

Айбабин А. И. Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLI. Л., *1976*.

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, *1999*.

Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. Симферополь–Керчь, *2013*.

Аксёнов В. С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // Российская археология. *2002*. № 3.

Аксёнов В. С. Захоронения с нарушением анатомического порядка костяка на могильнике салтовской культуры у с. Червонная Гусаровка // Хазарский альманах. Т. 8. Харьков, *2009*.

Аксёнов В. С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 12. Киев–Харьков, *2014*.

Албегова З. Х., Гусаков М. Г. Культовое назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований / Труды отдела охранных раскопок ИА РАН. М., *2001*.

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. К., *1977*.

Артамонова О. А. Могильник Саркела – Белой Вежи / Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III // Материалы и исследования по археологии СССР. № 109. М.–Л., *1963*.

Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., *1993*.

Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. Прабългарската култура: Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София, *1981*.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., *1990*.

Башкиров А. С. Антисейсмизм древней архитектуры. IV. Юг СССР. Из истории конструкций. 1. Ольвия. 2. Боспорское царство. 3. Херсонес. Калинин, *1948*.

Белинский И. В., Кулаков А. А. Средневековый слой поселения Октябрьское I // Хазарские древности. Аксай, *2013*.

Веселов В. В. Сводная ведомость Результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора. Supplementum. Т. II. М., *2005*.

Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж, *1991*.

Винокуров Н. И. Работы в Ленинском районе // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. Симферополь, *1997*.

Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., *1998*.

Винокуров Н. И. Раскопки городища Артезиан в 1997–1998 гг. (Исследование северо-западного участка рас копа I) // Древности Бопора. Т. 2. М., *1999*.

Винокуров Н. И. Периодизация и хронология городища Багерово-Северное // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., *2004а*.

Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., *2004б*.

Винокуров Н. И. Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения. Вып. XII. Керчь, *2011а*.

Винокуров Н. И. Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье // Древности Боспора. Т. 5. М., *2011б*.

Винокуров Н. И. Хозяйственно-жилые кварталы городища Артезиан первой половины первого века н. э. // Древности Боспора. Т. 16. М., *2012*.

Винокуров Н. И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) / Боспорские исследования. Supplementum 12. Симферополь–Керчь, *2014*.

Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю. О хронологии и периодизации городища Артезиан в эпоху средневековья (ранневизантийский период) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3(49). Москва–Магнитогорск–Новосибирск. *2015а*.

Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю. Городище Артезиан в эпоху средневековья (по результатам археологических исследований) // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. № 4. М., *2015б*.

Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю. Южный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3(49). Москва–Магнитогорск–Новосибирск, *2015в*.

Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю. Жилищные и хозяйственные комплексы салтово-маяцкого времени в центральной части городища Артезиан // Древности Боспора. Т. 19. М., *2015г*.

Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю. К хронологии и периодизации городища Артезиан в средневековый период (предварительные данные) // Стародавнє Причорномор'я. Вип. 11. Одеса, *2016*.

Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник Ленинградского университета. Вып. 3. № 14. Л., *1968*.

Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков) // Этнография народов СССР. Л., *1971*.

Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., *2004*.

Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X в.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVI. Симферополь, *2010*.

Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, *2007*.

Дмитриева Т. Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, *2000.*

Зинько В. Н. Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, *1997*.

Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // Боспорские исследования. Вып. X. Симферополь, *2005*.

Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIII. Симферополь, *2007*.

Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. М., *2008*.

Зубарев В. Г., Масленников А. А. Историческая география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // Советская археология. *1987*. № 3.

Зубарев В. Г., Пономарёв Д. Ю., Ефименок В. А. Новый склеп с полуциркульным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища «Белинское» // Боспорские исследования. Вып. XXX. Симферополь–Керчь, *2014*.

Квитковский В. И. Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, *2012*.

Ключников В. В. Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной науч. конф. Ростов-на-Дону, *2009*.

Колода В. В. К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 10. Харьков, *2011*.

Колода В. В. Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // Хазарский альманах. Т. 11. Киев–Харьков, *2012–2013*.

Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий) / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Смирнова. М., *1989*.

Кравченко Э. Е., Давыденко В. В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, *2001*.

Красильников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // Советская археология. *1976*. № 3.

Красильникова Л. И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях Степного Среднедонечья VIII – нач. X в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, *2001*.

Красильнікова Л. І. Вогнища і печі в спорудах хозарського часу зі Степового Подонців'я // Археологія. *2003*. № 2.

Кругликова И. Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное // Древности Боспора. Т. 1. М., *1998*.

Кубланов М. М. Исследование некрополя Илурата // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 128. М., 1*971*.

Кубланов М. М. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях: Использование культовых предметов в атеистических экспозициях. Л., *1983*.

Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. Дома хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1(27). Москва–Магнитогорск–Новосибирск, *2010*.

Куштан Д. П., Винокуров Н. И. Первобытные памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье (по материалам Восточно-Крымской и Артезианской археологических экспедиций) // Древности Боспора. Т. 17. М., *2013*.

Майко В. В. Комплексът прабългарски паметници от VII–X в. край с. Морское в югоизточен Крим // Българите в Северното Причерноморие. Т. V. В. Търново, *1996*.

Майко В. В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности, 2009: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 8. Харьков, *2009*.

Майко В. В. Юго-Восточный Крым VIII–XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // Византия в контексте мировой культуры.

Материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк 1906–1984 / Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LI. СПб., *2010*.

Майко В. В. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII в. // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, *2012а*.

Майко В. В. Праболгарские памятники юго-восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновський збірник. Т. V. Харків–Софія, *2012б*.

Майко В. В., Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкие могильники как источник по христианизации Восточного Крыма «хазарского времени» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения. Вып. XIV. Керчь, *2013а*.

Майко В. В., Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкие некрополи Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. Харків, *2013б*.

Марти Ю. Ю. Разведочные работы вне городских стен Тиритаки // Материалы и исследования по археологии СССР. № 4. М., *1941*.

Масленников А. А. Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., *1998*.

Масленников А. А., Бердникова Л. А. Раскопки в районе с. Золотое на Керченском полуострове // Археологические открытия 1976 года. М., *1977*.

Мацкевой Л. Г., Пашкевич Г. А. К палеогеографии Керченского полуострова времен мезолита и неолита // Советская археология. *1973*. № 2.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М., *1966*.

Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, *1985*.

Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, *2004*.

Науменко В. Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, *2009*.

Парнікоза І. Ю., Годлевська О. В., Зімнухов Р. О. Шляхи збереження унікальних степових біотипів та археологічної спадщини у Караларському Приазов'ї // Заповідна справа в Україні. Т. 16. Вип. 2. К., *2010*.

Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 188. М., *1986*.

Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 196. М., *1989*.

Паромов Я. М. Поселения и дороги на Таманском полуострове в VIII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье. IV–XIII века. Археология. М., *2003*.

Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / Материалы и исследования по археологии СССР. № 142. М., *1967*.

Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., *1989*.

Плетнёва С. А. Саркел и «Шелковый» путь. Воронеж, *1996*.

Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии. Москва–Иерусалим, *2000*.

Плетнёва С. А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // Природа. М., *2004*. № 9(1069).

Плетнёва С. А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) / Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 1. Симферополь, *2006*.

Плетнёва С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., *1990*.

Половицкий И. Я., Гусев П. Г. Почвы Крыма и повышение их плодородия. Симферополь, *1987*.

Пономарёв Л. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // Боспорские исследования. Вып. V. Симферополь–Керчь, *2004*.

Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения. Вып. XII. Керчь, *2011*.

Пономарёв Л. Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, *2012а*.

Пономарёв Л. Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев–Судак, *2012б*.

Пономарёв Л. Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновський збірник. Т. V. Харків–Софія, *2012в*.

Пономарёв Л. Ю. О раннесредневековых плитовых и плитово-грунтовых могильниках Керченского полуострова // Хазарский альманах. Т. 11. Киев–Харьков, *2012–2013*.

Пономарёв Л. Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полу острова // Ῥωμαῖος: сборник статей к

60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Т. 2. Харьков, *2013а*.

Пономарёв Л. Ю. Степи Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения. Вып. XIV. Керчь, *2013б*.

Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным) // Хазарский альманах. Т. 12. Киев–Харьков, *2014*.

Пономарёв Л. Ю. Однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полу острова // Хазарский альманах. Т. 13. М., *2015*.

Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., *2007*.

Сорочан С. Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах. Т. 3. Киев–Харьков, *2004*.

Федосеев Н. Ф., Пономарёв Л. Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // Древности Боспора. Т. 16. М., *2012*.

Флёров В. С. Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской // Советская археология. *1971*. № 2.

Флёров В. С. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар (предварительное сообщение) // Проблеми на прабългарската история и култура. Вип. 1. София, *1989*.

Флёров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата / Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы. Вып. 1. Волгоград, *1993*.

Флёров В. С. Общинное хранилище (к проблеме социальных взаимоотношений в хазарском каганате) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. Тез. докл. науч. конф. М., *1995*.

Флёров В. С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на фоне Восточной Европы в I тыс. н. э. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, *2005*.

Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., *2008*.

Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., *2012*.

Юрченко А. В. До питання про поховання на поселеннях салтівської культури (лісостеповой варіант) // Сумський історико-архівний журнал. № XVI–XVII. Суми, *2012*.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // Материалы и исследования по археологии СССР. № 168. Л., *1970*.

Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, *1973*.

Н. И. Винокуров, Л. Ю. Пономарёв

Салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.)

Резюме

В статье приведен краткий обзор результатов раскопок салтово-маяцкого поселения на античном городище Артезиан. Городище расположено в северной части Керченского полуострова и исследуется с 1989 г. В процессе раскопок на территории в 6600 квадратных метров выявлены разнообразные жилые, хозяйственные, ритуальные и погребальные комплексы. Жилые и хозяйственные постройки представлены полуземлянками, загонами для скота и домами с каменными стенами. Рядом с ними обнаружены хозяйственные ямы и очаги. Кроме того, на поселении обнаружены четыре одиночных погребения и культовые объекты, большая часть которых представляет собой ритуальные захоронения людей и животных. Все открытые на поселении салтово-маяцкие комплексы можно разделить на два хронологических периода. Наиболее ранние из них датируются второй половиной VIII в., остальные комплексы функционировали не ранее второй половины IX в.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Артезиан, салтово-маяцкое поселение.

N. I. Vinokurov, L. Yu. Ponomarev

Saltovo-Mayak Settlement on the Fortified Settlement Artezian (An overview of the results of studies 1989–2010 years)

Summary

The article provides a brief overview of the results of excavations of Saltovo-Mayak settlements in the ancient fortified settlement of Artezian. Fortified settlement is located in the northern part of the Kerch Peninsula and studied since 1989. The variety of residential, commercial, ritual and funerary complexes were identified in the course of excavations in the territory of 6600 square meters. Residential and farm buildings presented huts, corrals and houses with stone walls. Next to them were found household pits and hearths. In addition to the settlement of four single burial and cult objects were found, most of which is a ritual burial of humans and animals. All open to settlement Saltovo-Mayak complexes can be divided into two chronological periods. The earliest of these date from the second half of the VIII century, the other complexes functioning not earlier than the second half of the IX century.

Keywords: Kerch Peninsula, Artezian, Saltovo-Mayak settlement.

Т. М. Калинина

ПИСЬМО ХАЗАРСКОГО ХАКАНА ЮСТИНИАНУ II*

О правлении Юстиниана II (685–695 и 705–711) и его обращении к хазарам рассказывали многие хронисты. Византийцы Феофан (758–817) и Никифор (ок. 758–828) весьма подробно описывали историю событий, упоминая о бегстве Юстиниана к хазарам и отношениях с болгарским владыкой Тервелем. Рассказывали об этом с разной степенью подробностей и достоверности источники не только византийские, но и арабские, сирийские, латинские: ал-Мас‘уди (X в.), Ибн ал-Асир (1160–1233/1234), Гевонд (VIII в.), Павел Диакон (VIII в.), Агнелл из Равенны (сер. IX в.), Михаил Сириец (1126–1199), Абу-л-Фарадж Бар Гебрей (XIII в.) и др.

В своей статье о пребывании Юстиниана II у болгар и хазар по данным ал-Мас‘уди и некоторых других арабских авторов я писала, что одним из источников сведений ал-Мас‘уди о Византии был христианский арабский писатель Агапий Манбиджский. Однако данные ал-Мас‘уди (и других, о которых я писала [*Калинина, 2015,* с. 215–274]) о Юстиниане II и его пребывании у хазар и болгар резко отличаются от сведений Агапия.

Агапий Махбуб ибн Кустантин ал-Манбиджи жил в середине и второй половине X в. Известно о нем только то, что он был мель-

* Работа выполнена в рамках проекта «Трансграничные взаимодействия и контактные зоны в Восточной Европе (античный и средневековый опыт)» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

китским епископом в сирийском городе Манбидж (Иераполис) и умер в Константинополе. Его «Книга заглавий», или «Книга титулов», – *Китаб ал-‘унван* – была написана ок. 941 г. [*Розен, 1878*, с. 47; *Васильев, 1904*, с. 579–580; *Панченко, 2000*, с. 221]. Как писал ал-Мас‘уди, «лучшие книги мелькитов, которые я видел, об истории царей, пророков, народов и стран – это книга Махбуба (Агапия) ибн Кунстантина ал-Манбиджи и книга Са‘ида ибн ал-Батрика ал-Мисри» [*Maçoudi, 1877*, p. 340]. Работа Агапия была посвящена в основном событиям церковной истории. Первая часть – рассказы о сотворении мира, библейских и исторических событиях до вознесения Христа. В ней были использованы материалы апокрифические и легендарные, а также сирийские источники, в частности хроника Феофила Эдесского (ум. 785) [*Панченко, 2001*, с. 113].

Вторая часть книги охватывает эпоху от Воскресения до второй половины VIII в. Рукопись прерывается в середине фразы об истории халифа ал-Махди – 776/777 г. Не исключено, что труд имел продолжение до времени жизни Агапия [*Розен, 1878*, с. 75]. Выдержки из произведения Агапия Манбиджского встречаются в виде сокращений и заимствований у более поздних авторов: Михаила Сирийского, Абу-л-Фараджа Бар Гебрея, ал-Макина [*Розен, 1878*, с. 47–75; *Панченко, 2001*, с. 108].

Вторая часть сочинения содержится в уникальной рукописи, хранящейся в библиотеке Св. Лаврентия во Флоренции. Известный византинист А. А. Васильев отметил, что при издании использовал копию этой рукописи, сделанную им в 1903 г., а также фотографию 1909 г. и привел текст и перевод [Kitab al-‘Unwan, *1909*; *1911*; *1912*]. Он писал, что некоторые страницы, где речь шла о Юстиниане II и ‘Абд ал-Малике, оказались склеенными из-за попавшей на них влаги, поэтому часть текста воспроизвести не удалось [*Васильев, 1904*, с. 582–583; Kitab al-‘Unwan, *1911*, p. 458]. То же писал об этих страницах второй издатель рукописи Л. Чейко [*Cheikho, 1912*, p. 355]

Сведения Агапия Манбиджского о событиях, связанных с правлением Юстиниана II, весьма близки к истории, изложенной Феофаном Исповедником. Помимо всего прочего, обе книги содержат фрагмент с упоминанием письма хазарского хакана к императору, жестоко расправившемуся с патрициями в Константинополе после своего вторичного воцарения.

Приведу перевод А. А. Васильева по тексту Агапия Манбиджского, который был сверен мной по арабскому тексту этого издания[1]:

«В том же году еще Константин, император греков, умер, и Юстиниан царствовал после него в течение десяти лет…». Далее идет рассказ с просьбой о мире ʻАбд-аль-Малика, обращенной к Юстиниану, который согласился на десятилетнее перемирие с условием возвращения мардаитов и выкупа, а также разделения острова Кипр между греками и арабами.

Именно после этого места, как писал А. А. Васильев, текст на страницах рукописи 104v, 105–105v и 106 был неразборчив [Kitab al- ʻUnwan, *1909*, p. 497 et p. 497, № 2, 3].

Далее, после лакуны, изложение Агапия продолжалось: «...для кагана, царя Хазар, и все утонули. Каган, при этой новости, отправил письмо Юстиниану, где он сказал: “О, глупец! Если бы ты направил человека с доверием ко мне, я послал бы за твоей женой и сыном, которого она подарила тебе. Это было бы лучше, чем сделать так, что все эти люди – кто утонули, кто погибли. Или, может, ты полагал, что я посылаю их только для войны или битвы; тогда я был бы скуп по отношению к тебе и мог лишить тебя ее? Если ты хочешь, чтобы твои жена и сын [были с тобой], посылай посланника, и мы передадим их ему”. Юстиниан прочитал письмо и отдал его слуге, который привез ему жену и сына. Он назвал своего сына Тиберием и поставил его на царствование вместе с собой. Это было в год 22 ʻАбд ал-Малика ибн Марвана. Тиберий царствовал в течение семи лет [Kitab al-ʻUnwan, *1909*, p. 497, 498].

Сравнительно недавно появилась статья проф. Р. Хойланда (R. G. Hoyland), в которой приведен текст и перевод ранее поврежденной части флорентийской рукописи «Китаб ал-ʻУнван» Агапия Манбиджского. Исследователь писал, что во время пребывания во Флоренции ему удалось посмотреть рукопись, с которой работали А. А. Васильев и Л. Чейко. Р. Хойланд обнаружил, что поврежденные листы теперь разделены и отчетливо читаются, за некоторыми небольшими исключениями. Автор подчеркнул, что, поскольку эти разделы не были доступны ученым прежде, он воспроизвел арабский текст с переводом на английский язык. Он заметил при этом, что эта работа может служить только временным пособием, пока

[1] Pearse Roger, Ipswich, UK, 2008 // http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/agapius_history_02_intro.htm.

не будет сделан новый выпуск текста всей второй части «Истории» Агапия [*Hoyland* // https://www.academia.edu/24689593/].

Ниже приведен проверенный мной арабский текст[2] и перевод Р. Хойланда фрагментов, которых нет в книге А. А. Васильева:

«На десятом году [царствования] ʻАбд ал-Малика было затмение солнца… И в [этом же году] Юстиниан был отстранен от правления после того, как правил в течение десяти лет. Ему отрезали нос [и он был сослан] на Босфор (*Бусфурус*), в [некий] город Понта (*Фунтус*)[3].

Был провозглашен царем в городе Леонтий (*Антус*), который был одним из генералов в течение трех лет. При нем Валид ибн ʻАбд ал-Малик совершил набег на ар-Рум и захватил много пленных. И при нем Сергиус патриций (*Сарджий ал-Батарик*) совершил набег на землю Лазики и обещал преданность арабам. И при нем один из патрициев ар-Рума, по имени Апсимар (*Самирус*) из Киликии, восстал с большим войском и прибыл в Константинополь. Он отстранил короля Леонтия (*Антус*) от правления и сел на престол…

В году шестнадцатом [царствования] ʻАбд аль-Малика Юстиниан бежал из того места, куда он был сослан, и пошел к хакану, царю хазар, и породнился с ним, женившись на его дочери. И в этом году пошел войной Йазид ибн ал-Хусайн на ар-Рум, но Ираклий (Хиракл, брат императора. – *Т. К.*), вступил в бой с ним и разбил его[4]. И вышел Юстиниан *ал-Малик* с войсками хазар и направился в Константинополь. Он отстранил своего врага от правления и снова сел на трон после десяти лет изгнания. Он царствовал шесть лет. Он захватил мятежного Апсимара (*Самирус ал-Хариджи*), а также Леонтия (*Луватис*) и казнил их, и он убил всех патрициев (*батарика*) ар-Рума. Он послал пятьдесят кораблей, наполненных подарками, лошадьми и оружием к хакану, ца-

[2] Я показала арабские варианты написания имен и изменила везде название «римляне» на «ар-Рум», что кажется мне более точным.

[3] В тексте Р. Хойланда эта сноска идет под номером 63: «Это предложение кажется поврежденным, и моя реконструкция лишь очень условна». Я уточнила перевод Хойланда: «…фи Бусфурус (Боспор?) Фунтус (Понт?) ал-мадина»; фразу можно истолковать и так, как предлагает Р. Хойланд.

[4] Фразу о выступлении Йазида ибн Хусайна и его поражении Р. Хойланд перенес в предыдущий абзац.

рю хазар, и все утонули» [*Hoyland R.* // https://www.academia. edu/24689593/Agapius_on_the_reigns_of_Muawiya_and_Abd_al-Malik].

На этом арабский текст и перевод фрагмента Агапия Манбиджского, выполненный Р. Хойландом по флорентийской рукописи, заканчивается.

После этого восстановленного фрагмента становится понятно и продолжение изложения Агапия, существовавшее в изданиях А. А. Васильева и Л. Чейко, о письме хазарского хакана Юстиниану, приведенное выше.

Важным источником сведений Агапия Манбиджского была Хроника Феофила Эдесского (ум. в 785), ученого и астролога при дворе халифов ал-Мансура (754–775) и ал-Махди (775–785) [*Hoyland*, *2015*, p. 1][5].

В тексте Феофила сведения о письме хазарского хакана таковы:

«Юстиниан бежал из того места, куда он был сослан и устремился к кагану, царю Хазарии, и породнился с ним, женившись на его дочери. Юстиниан вышел с армией хазар и пошел на Константинополь. Он изгнал своего врага из царства и вернулся на трон после 10 лет изгнания. Он царствовал 6 лет. Он схватил повстанцев Абсимара и Леонтия и казнил их, и он убил патрициев Римлян. Он послал 50 кораблей с подарками, конями и оружием кагану, и все они утонули. Когда это дошло до кагана, он написал ему письмо, говоря: “Ты идиот, ты должен был только прислать мне кого-то, кому ты доверяешь. Я пошлю к тебе (с ним) твою жену и твоего ребенка, которого она родила тебе. Это было бы лучше, чем убивать всех этих людей, которые в настоящее время утонули. Или же ты, может быть, думаешь, что я бы послал ее к тебе только из-за битвы или сражения; неужели я настолько мелочен по отношению к тебе, чтобы лишить тебя ее? Если ты [хочешь] получить своих жену и сына, пришли кого-нибудь, и мы передадим их”. Когда Юстиниан получил это письмо, он оправил слугу, который привез ему жену и сына. Он назвал сына Тиберием и посадил с собой на трон. Это было на

[5] Я глубоко благодарна моему коллеге А. С. Щавелёву за присланные мне сканированные страницы 197–199 издания и перевода Теофила, выполненного Р. Хойландом.

22-м году царствования ʻАбд ал-Малика» [*Theophilus…*, *2011*, p. 197–198].

Очень схожий фрагмент существует в Хронике Михаила Сирийского (1126–1199), патриарха Сирийской православной церкви, рассказывающей об эпохе от сотворения мира до XII века. Книга Михаила содержит много данных более ранних авторов, иногда утраченных.

Фрагмент о письме хазарского хакана Юстиниану II сохранился в этом труде:

«Юстиниан бежал, оставил [место] изгнания и устремился к кагану, царю хазар. Он принял его радостно и дал ему свою дочь в жены. Тогда он запросил помощи у булгар. Он получил войска и выступил против Константинополя. Апсимар бежал. Юстиниан вернулся на трон после десяти лет изгнания. Он убил Апсимара и Леонтия. Многих высокопоставленных лиц он убил, других изгнал. Он вынудил римское государство лишиться нобилей. Юстиниан обнаружил 6000 арабских заключенных и выпустил в свою страну. Он послал огромную армию, чтобы забрать свою жену; все они утонули во время шторма на море. Когда каган услышал об этом, он послал ему [такие] слова: "Ты тупой, бездумный глупец! Ты должен был просто послать несколько [кораблей]. Ты предполагал, что я буду удержать ее [подальше] от тебя? Нет, даже ради [погубленных] жизней по твоей глупости, я не стал бы держать ее". Когда Юстиниан услышал это, он устыдился. Он послал за своими женой и сыном, Тиберием, которого сделал своим соправителем» [*Theophilus…, 2011*, p. 198].

В анонимной сирийской Хронике 1234 г. общая канва возвращения Юстиниана с помощью войск хазарского хакана сохраняется, известия о расправе над Апсимаром, Леонтием и римскими патрициями упоминается, как и о возврате арабских пленников. Однако письма хакана нет, как нет и упоминания о возвращении жены и сына Юстиниана [*Theophilus…, 2011,* p. 198–199].

В греческом тексте Феофана сведения таковы:

«Бесчисленное множество и гражданских, и военных чиновников погубил он; многих потопил в море, бросая в мешках, иных

приглашал на обед, и когда вставали от стола, то иных вешал, иных рубил, и великий страх овладел всеми. [Затем] Юстиниан послал флот, чтобы привести из Хазарии свою жену, но многие корабли затонули вместе с людьми. Хаган, услышав об этом, пишет ему: “О, неразумный, неужели тебе было недостаточно двух или трех кораблей, чтобы забрать свою жену и не погубить [при этом] столько людей? Или ты считаешь, что и её возьмешь в сражении? Знай, у тебя родился сын, пошли [за ними] и возьми их”. Юстиниан, послав кувикулярия Феофилакта, привез Феодору и Тиверия, ее сына, короновал их, и они воцарились вместе с ним» [Летопись византийца Феофана, *1884*, с. 275; *Чичуров, 1980*, с. 63].

Проблема источников информации Агапия Манбиджского и Феофана Исповедника составляет большую проблему и обсуждается не один год [*Розен*, *1884*; *Васильев, 1904*; *Brooks, 1906*; *Панченко, 2001*; *Hoyland, 2015*[6]; *Theophilus…, 2011* и многие другие].

Близость текстов Феофана, Агапия и анонимной сирийской Хроники о событиях 642–743 гг. составляет 60–65% [*Панченко*, *2001*, с. 111]. По мнению К. Панченко, отсутствие дословного повторения сведений и наличие новых деталей показывает, что Агапий не привлекал напрямую материалы Феофана. Последний, как и ряд других ближневосточных писателей, опирался на три продолжавшие друг друга летописи 728, 746 и 780 гг. [*Brooks, 1906*, S. 578–587]. Агапий же использовал хронику 746 г., в которую входила анонимная летопись, созданная в Эдессе в 728 г. [*Панченко, 2000а*, с. 182]. Неизвестный автор знал такие подробности, как письмо хазарского хакана Юстиниану II; жил, наиболее вероятно, в Эдессе, откуда и мог взять историю о письме. Литературный характер изложения показывает, что история, рассказанная им, скорее всего, легендарна [*Панченко, 2001*, с. 113]. Тональность самой истории во всех вариантах свидетельствует о резко отрицательном отношении к Юстиниану II и восходит, следовательно, к соответствующим настроениям византийских кругов. Византийские хронисты в целом гораздо более информативны в отношении событий, связанных с правлениями Юстиниана II, а сирийские источники, как

[6] Я выражаю глубокую признательность коллеге А. М. Филипчуку за любезно предоставленную сканированную статью.

и арабские, совершенно не знают историю, связанную с мятежом в Херсонесе.

Источники и литература

Калинина Т. М. Сведения ал-Мас'уди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у хазар и болгар // Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., *2015*.

Летопись византийца Феофана от Диоклетиана ло царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1884.

Панченко К. А. Агапий Манбиджский // Православная энциклопедия. Т. I. М., *2000*.

Панченко К. А. Развитие православного летописания в Халифате в VII–VIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., *2000а*.

Панченко К. А. К истории православного летописания в Халифате (источники Хроники Агапия Манбиджского для VII–VIII вв.) // Византийский временник. Т. 60(85). М., *2001*.

Розен В. Р. Заметки о летописи Агапия Манбиджского // Журнал министерства народного просвещения. *1884*. Янв.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарии. М., *1980*.

Agapius, episcopus Mabbigensis. Historia Universalis / Ed. P. L. Sheikho // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Ser. 3. T. 5. Beriti; Parisii; Lipsiae, *1912*.

Brooks E. W. The Sources of Theophanes and the Syriac Chronicles // Byzantinische Zeitschrift. Bd. XV. *1906*. S. 578–587.

Hoyland R. Agapius on the reigns of Mu'awiya and 'Abd al-Malik. The missing parts of Agapius' history from Ms Laurenziana Or 323 // https://www.academia edu/24689593/Agapius_on_the_reigns_of_Muawiya_and_Abd_al-Malik

Hoyland R. Agapius, Theophilus and «Muslim sources» // Studies in Theophanes (Travaux et Mémoires, 19) / Eds. M. Jankowiak, F. Montinaro. Paris, 2015. P. 358–363.

Hoyland R. Agapius_on_the_reigns_of_Muawiya_and_Abd_al-Malik // https:// www.academia.edu/24689593/.

Kitab al-'Unwan. Histoire Universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidg éditée et traduite en français par Alexandre Vasiliev, Professeur à l'Université de Dorpat (Юрьев) // Patrologia Orientalis. T. V. Paris, *1909*; T. VII. Paris, *1911*; T. VIII. Paris, *1912*.

Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Vol. IX. Paris, *1877*.

Pearse Roger. Ipswich, UK, *2008* // http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/agapius_history_02_intro.htm.

Theophilus of Edessa's Chronicle and the Circulation of Historical Knowledge in Late Antiquity and Early Islam. Translate with an introduction and Notes by Robert G. Hoyland. Liverpool, *2011* // https://books.google.hr/books/about/Theophilus_of_Edessa_s_Chronicle_and_the.html?hl=ru&id=CaaOWSbQ_GQC).

Т. М. Калинина

Письмо хазарского хакана Юстиниану II

Резюме

Статья посвящена информации «Книги титулов» арабо-христианского мелькитского историка X в. Агапия Манбиджского (X в.) о письме хазарского хакана византийскому императору Юстиниану II (685–695 и 705–711). Схожая история встречается в «Хронографии» византийского монаха Феофана (X в.). Весьма близкие сюжеты имеются в сирийской Хронике Феофила Эдесского (VIII в.) и в «Истории» Михаила Сирийского (XII в.). Исследователи дискутируют на тему источников информации этих писателей. Считается, что Агапий не пользовался напрямую книгой Феофана, но все указанные авторы опирались на анонимные сирийские хроники VIII в. Феофан привлекал данные трех сирийских хроник 728, 746 и 780 гг. Агапий же брал за основу Хронику 746 г., в которую вошла и Хроника 728 г. Литературный характер истории с письмом хазарского хакана Юстиниану показывает, что рассказ носит, вероятнее всего, легендарный характер, однако отчетливо выражает антиюстиниановские настроения византийского общества.

T. M. Kalinina

Khazarian Khaqan's Letter to Justinian II

Summary

The article is devoted to information of the Arab-Christian historian Agapius from Manbidj (X century) and to the story of Byzantine Theophanes the Confessor (X century) about the letter of the Khazarian Khaqan to the Byzantine emperor Justinian II. The similarity of the data shows a single primary source of

this information. Similar stories exist in the Chronicle of Theophilus of Edessa (VIII cent.), and the "History" of Michael the Syrian. The researchers consider that Agapius didn't use directly by Theofanes's book**.** Theophanes relied on three continuing each other, anonymous Chronicles of 728 year, of 746 year and 780 year. Agapius used the Chronicle of 746 year, which included the anonymous Chronicle from Edessa of 728 year. Literary character of the story shows that the stated history, most likely, is legendary. The tonality of the history in all options shows abhorrence to Justinian II and goes back to moods of the Byzantine community.

В. В. Колода

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ САЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕЛИЩЕ МОХНАЧ-П

Селище Мохнач-П – наиболее северное поселение в салтовском микрорегионе с центром на городище Мохнач, что расположено в северной части с. Мохнач Змиевского р-на Харьковской обл. (Украина). Рассматриваемое поселение расположено на склонах высокого правого берега Северского Донца близ родника «Медный» в 3 км к северо-востоку от городища [*Колода, 2015*, с. 111, рис. 1]. Начиная с 2008 г. оно неоднократно исследовалось Средневековой экспедицией Харьковского национального педуниверситета под руководством автора данной статьи. Полученные за три сезона раскопок (2009, 2011, 2014 гг.) материалы позволяют датировать салтовский период его существования второй половиной VIII – серединой IX в. К настоящему времени на памятнике, в раскопе 1 (≈4000 м^2), исследовано 36 салтовских комплексов. Здесь зафиксировано 3 жилища (еще 1 комплекс отнесен к этой категории предположительно), 4 хозяйственные постройки, 3 «летние кухни», 3 погреба, 1 амбар, 2 специализированные ямы для замачивания (гомогенизации) глины, 19 хозяйственных ям. Такое количество комплексов в единой площади говорит об интенсивности жизни на поселении.

После предварительной публикации [*Колода*, *2010а*, с. 72] к настоящему времени проанализированы данные по сельскому хозяйству [*Горбаненко, Колода*, *2013*, с. 22–24, 67, 76–113] и отдельные наиболее интересные жилые и производственные комплексы [*Ко-*

лода В. В., Колода Т. А., *2009*, с. 203–216; *Колода, 2015*, с. 111–129]. Данная статья посвящена анализу хозяйственных комплексов[1], которые редко привлекают внимание исследователей и, как следствие, – мало освещаются в публикациях. Информация о них, как правило, оседает в архивах вместе с отчетами и текстами диссертаций.

Предваряя дальнейшее описание и анализ, обратим внимание на то, что «археологический материк» на памятнике представлен песчаным и супесчаным грунтом, что приводит к значительно худшей сохранности остатков комплексов, нежели на памятниках с суглинистой или глиняной «основой». Это обстоятельство, а также густой лесной покров и сеть оборонительных сооружений середины XX в. существенно затрудняют реконструкцию комплексов.

Хозяйственные постройки

К этой категории мы относим мало заглубленные постройки без обогревательного устройства, которые по размерам и в плане приближаются к жилым помещениям. Они использовались для хранения различных материалов, инструментов и пищевых запасов (не требующих специальных условий сберегания). В какой-то степени их функция аналогична современным сараям.

Комплекс № 4[2] (рис. 1)

Он представлял собою котлован четырехугольной трапециевидной в плане постройки, стены которой были ориентированы по сторонам света. Углы сильно закруглены. Длина восточной стены составляла ≈200 см, западной – 280 см, южной – 200 см. Вход в помещение располагался в ЮЗ углу (выше по склону) и имел вид трапеции с размерами 40–70×50 см, с расширением внутрь постройки. Пол основного помещения и входа представлял собою единое целое и находился на уровне –45 см. Практически по центру помещения прослежена внутренняя яма диаметром 140–150 см. Плоское дно ямы выявлено на глубине 100 см в ее западной части.

[1] В статье сохраняется сквозная нумерация комплексов раскопа 1.

[2] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2010*, с. 20–22].

В плане оно овальное – 130×90 см. ЮЗ стенка ямы отвесная до дна. Далее во всех направлениях уровень пола несколько повышается и переходит в подбой-нишу. Ее максимальный размер (30 см) прослежен в СЗ направлении.

Заполнение комплекса и центральной ямы состояло из супесчаного чернозема с редкими мелкими фракциями древесного угля. Немало здесь найдено керамики СМК, кусков рваного камня (табл. 1), а также ряд отдельных изделий. Среди находок из металла необходимо отметить железные изделия: ледоступ, скоба от колчана, ременная пряжка, обломок пластины, колечко, стержень, два гвоздя и остатки неопределимого по форме и назначению предмета. Здесь же найдена бронзовая поясная подвеска, а также два фрагментарных каменных изделия – точильный камень и жернов. В целом же заполнение мусорное, что свидетельствует об использовании котлована комплекса на последнем этапе его существования в качестве мусоросборника.

Таблица 1

Опись не взятого материала из ямы комплекса № 4

Наименование находки	**Глубина (см)**			**Итого находок**
	60	**80**	**100**	
амфора			1	1
гончарная кухонная	4	17	55	76
гончарная столовая		4	5	9
камни		2	13	15
кости животных	8	13	4	25
неопределимый железный предмет		1		1
ВСЕГО	12	37	78	127

Однако в нише-подбое выявлены останки человеческого скелета. Череп небольшого размера был раздавлен. Судя по расположению головы, ребер, таза и отдельным позвонкам, тело лежало на левом боку у стенки ниши, головой на восток (лицо – на юг). Судя по зубной эмали и тонким, в большинстве своем истлевшим, костям – это ребенок 11–13 лет или грацильный подросток. Положение тела, отсутствие близ него и в костях предметов личного обихода, помещение его в нишу и мусорное заполнение ямы по-

зволяют предположить захоронение ребенка, не прошедшего обряд инициации. В таком случае некоторые из металлических предметов, вполне вероятно, могли быть сопроводительным инвентарем захоронения, который со временем был растаскан грызунами. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело и со случаем сокрытия следов преступления. Человеческие ингумации неоднократно встречались на салтовских поселениях[3]. Однако нам известна лишь одна хозяйственная постройка с трупоположениями – на Маяцком поселении [*Винников, Плетнёва*, 1998, с. 105–109, рис. 39].

Изначальное предназначение постройки – хозяйственное, а судя по наличию большой внутренней ямы – для хранения запасов. После помещения в яму останков тела комплекс, вероятнее всего, уже не использовался по своему первоначальному назначению, был заброшен. Со временем он заплыл; этот факт и интенсивная деятельность норных животных привели к мусорному характеру заполнения комплекса в целом.

Конструкцию стен и форму крыши определить затруднительно. Можно лишь предположить, что стены являли собою легкую жердевую конструкцию четырехугольной формы.

Комплекс № 6[4] (рис. 2)

Это была прямоугольная в плане постройка с сильно закругленными углами, вытянутая по линии СВ–ЮЗ. Ее размеры составляли 450×220–250 см. Южный угол, в виду его сильного разрушения, определен предположительно (возможно, именно в этом месте и был вход в помещение). В СВ части комплекса была большая овальная в плане яма с верхними размерами 250×205 см. Ко дну яма сужалась до овала с размерами 220×170 см. Плоское дно этой овальной ямы определялось на глубине 50 см от нижней точки западины. Дно комплекса в ЮЗ части прослежено на уровне –25–50 см (с учетом профиля западины). С западной части основного пространства помещения выявлен материковый останец (полочка) шириной 65–70 см. На этой полочке, близ западного угла обнаружена столбовая ямка диаметром 15 см и глубиной в 15 см от уровня полочки-остан-

[3] Подобный феномен не является предметом данного исследования и требует отдельного рассмотрения.

[4] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода, 2010*, с. 22–23].

ца. Близ того же угла, но уже вне котлована, вплотную к СЗ стенке – еще 2 столбовые ямки диаметром 20 см и 25 см (при глубине 5 и 10 см от уровня чистовой зачистки, соответственно).

Заполнение котлована постройки состояло из подзолистого чернозема и предматериковой супеси с большим количеством камней и незначительным числом керамического боя салтовских гончарных сосудов (табл. 2). Исходя из полученных во время исследования материалов, данный объект следует считать хозяйственной постройкой, котлован которой впоследствии был естественным образом заполнен культурным слоем.

Таблица 2

Опись не взятого материала из комплекса № 6

Наименование находки	**Глубина (см)**		**Итого находок**
	20	**50**	
гончарная кухонная	1	1	2
гончарная столовая		2	2
камни	16	58	74
кости животных	2	2	4
ВСЕГО	19	63	82

Конструкцию стен и форму крыши здесь также определить сложно. Наличие небольших по диаметру и глубине столбовых ямок указывает на вероятное использование для стен легкого четырехугольного в плане жердевого каркаса. Дополнительным элементом интерьера служила полочка вдоль южной части западной стены, которая делала использование сооружения более комфортным.

Комплекс № 17[5] (рис. 3)

Это была четырехугольная в плане постройка с сильно закругленным СВ углом. Длина верхнего края котлована составляла 325 см (по дну – 305 см). Ширина в западной части: вверху – 260 см, внизу – 235 см, а в восточной – 200 см и 175 см соответственно. Плос-

[5] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2010*, с. 31–33].

кое дно обнаружено на глубине 30–45 см с учетом западины. Практически по центру пола обнаружено дополнительное углубление с верхними размерами (на уровне основного пола) – 230×80–125 см. Книзу стенки несколько сужались до размеров 215×60–100 см. Столбовые ямки, выявленные в ЮЗ углу, имели следующие размеры. Та, что располагалась ближе к углу, в плане имела форму овала 20×15 см. Вниз она сужалась асимметрично, в ЮВ направлении. Плоское дно диаметром 15 см определялось на 10 см ниже уровня зачистки пола. В ее заполнении обнаружен чернозем и древесный тлен. Другая ямка – та, что располагалась вплотную к стене, была также овальной в плане, но с несколько большими размерами: 40×30 см по зачистке пола. Ее плоское дно обнаружено на уровне – 20 см от уровня пола; а заполнение состояло из смеси чернозема с песком.

Таблица 3

Опись не взятого материала из комплекса № 17

Наименование находки	**Глубина (см)**			**Итого находок**
	20	**40**	**60**	
амфоры	2	1	1	4
гончарная кухонная	23		3	26
гончарная столовая	6			6
камни	33	2	4	39
кости животных	9			9
древесный уголь	6			6
железная руда	1			1
ВСЕГО	80	3	8	91

Общее заполнение комплекса № 17 состояло из чернозема с добавлением песка и СМК (табл. 3). Большинство материала размещалось в верхних 20 см после зачистки. Практически 50% – это куски рваного камня. Есть салтовская керамика, кости животных, древесный уголь, кусок лимонитовой руды и тонкий железный крючок (возможно, для рыбной ловли).

Реконструкция стен и формы крыши проблематична. Наличие небольших столбовых ямок и форма котлована указывают на вероятное использование для стен легкого четырехугольного в плане

жердевого каркаса. Место входа, по всей видимости, было с СЗ стороны, а центральное углубление создавало с трех иных сторон своеобразные полочки вдоль края котлована, что облегчало деятельность находящегося в сооружении человека.

Комплекс № 30[6] (рис. 4)

Овальный в плане котлован имел верхние размеры 350×240 см. Стенки ко дну равномерно сужались. Плоское дно на глубине 50 см от уровня нижней точки западины имело размеры 330×220 см в плане. С северной стороны на уровне +30 см от уровня дна прослежена основная материковая ступенька-останец входа. Ее размеры в плане составляют 80×70 см. К западу от нее прослежена еще одна дополнительная ступенька на уровне +45 см от уровня дна. Ее горизонтальные размеры – 60×25 см. Прослеженная от уровня дна высота борта котлована комплекса составляет +50–60 см.

Заполнение комплекса состояло из оподзоленного чернозема с артефактами СМК (табл. 4), среди которых следует выделить несколько железных предметов: две пряжки, черешковый наконечник стрелы, скобу, обломок серпа, стержень и четыре железных предмета (в обломках) неясного назначения. Найдено тут и пряслице из стенки гончарного салтовского сосуда.

Таблица 4

Опись не взятого материала из комплекса № 30

Наименование находки	Глубина (см)			Итого находок
	40	60	100	
гончарная кухонная	4		6	10
гончарная столовая			3	3
лепная керамика бронзового века			13	13
обмазка	6			6
камни	1		32	33
кости животных	7		7	14
неопределимый железный предмет		3	1	4
ВСЕГО	18	3	62	83

[6] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2012а*, с. 21–22].

Практическое отсутствие прямых стен котлована и его овальный, в целом, профиль позволяет допустить наличие шатрового конусообразного перекрытия с опорой на дневную поверхность вне котлована. Место входа определяется наличием материковых ступенек с северной стороны.

Что объединяет эти комплексы? Во-первых, легкая жердевая конструкция стен. Вход четко прослеживается лишь в половине случаев (№ 4 и № 30). Примечательно, что в этом случае ямки от опорных столбов не выявлены. В двух иных случаях (№ 6 и № 17) столбовые ямки были найдены кучно близ одного из углов. Это позволяет допустить, что изначально в конструкции стен и в опоре перекрытия данные углубленные опоры отсутствовали, и устанавливались они лишь в ходе ремонта. В двух постройках (№ 4 и № 6) были внутренние ямы; это позволяет предположить, что основной функцией этих построек было хранение продуктов, преимущественно большими объемами (зерно, корнеплоды и т. п.). Наличие материковых полочек в паре сооружений (№ 6 и № 17) свидетельствует, скорее всего, в пользу того, что здесь хранились запасы не насыпью, а в какой-то таре небольшого объема (сосуды, мешки, короба, корзины и т. п.).

Летние кухни

К этой категории мы относим очаги и печи, выявленные вне котлованов жилищ. Использовались они преимущественно в летнее (теплое) время.

Комплекс № 8[7] (рис. 5)

Комплекс состоял из двух частей: восточной, которая в силу неоднократных зачисток была срезана, и западной – более углубленной. Размеры восточной части составляли 230×120 см. С восточной стороны (со стороны склона) прочитывался вход. Дно этой части располагалось на глубине ≈20 см. Западная часть представляла собой вытянутый прямоугольный котлован с сильно закругленными углами и размерами 340×160 см. В северной части выявлена вымостка из искусственно принесенной глины, которая по краям была

[7] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2010*, с. 26–27].

укреплена битым песчаником, а по центру прослежена печная крошка, керамический бой и древесные угольки. Высота вымостки – 20 см, диаметр – 100 см. Дно западной части комплекса прослежено на глубине 30–45 см. Близ восточного борта – овальное блюдцеобразное углубление (до –50 см) с размерами 185×75 см. Заполнение комплекса в целом состояло из мягкого чернозема со значительной добавкой супеси. В комплексе выявлено ≈100 фрагментов керамики (в основном кухонных горшков), неполный развал кухонного горшка, 50 кусков рваного камня и куски обмазки от очага. Из особых находок отмечу глиняное пряслице, обломок ножа и заготовку для железного изделия.

Исходя из стратиграфии, конструкции и материалов заполнения, можно сделать вывод о том, что данный объект представлял собою легкую, слегка заглубленную постройку – летнюю кухню салтовского населения. Ее пол находился в двух уровнях. В восточной части пол находился на уровне верхнего края предматерика, в западной части – углублен. Вход – с восточной стороны, что подтверждается не только пятном зачистки восточного сектора, но и овальным углублением у восточного борта котлована в западной части комплекса. Это углубление могло служить в качестве дренажа, но, скорее всего, образовалось в результате вытаптывания при подходе к печи. Незначительное углубление дна сооружения (рабочей зоны), а также расположение нагревательного устройства вплотную к стенкам котлована может свидетельствовать в пользу отсутствия каких-либо стационарных стен. Над комплексом мог существовать легкий навес с неглубокими опорами.

Комплекс № 14[8] (рис. 6)

Комплекс имел вид вытянутого прямоугольника с параллельными длинными стенами и несколько овальными – торцевыми. Его размеры по верхнему краю – 290×150 см. К плоскому дну на глубине 40–60 см (с учетом склона) стенки котлована сужались до размеров ≈250×120 см. С юго-востока у комплекса была ниша овальной в плане формы с размерами ≈100×90 см. Ко дну она несколько сужается до размеров 80×70 см. Уровень ее плоского дна аналогичен. Заполнение состояло из супесчаного чернозема с несколькими

[8] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2010*, с. 30].

фрагментами гончарных салтовских сосудов, древесных угольков и мелких кусочков печины. Остатки очага выявлены в виде скопления кусков печины и древесных углей, обнаруженных у ЮВ ниши. Изначально это был, скорее всего, открытый очаг с подом незначительной толщины на древней дневной поверхности.

Комплекс № 35[9] (рис. 6)

Он представлял собою остатки отдельной сводчатой печи с предпечной ямой. Общие размеры комплекса составляют 150×100 см. Сама печь, часть которой была разрушена еще в древности, располагалась в СВ нише, современные размеры которой составляют 70×30 см. Она была изготовлена на прутяном каркасе, о чем свидетельствуют обломки перепеченного свода с отпечатками прутьев. Заметим также, что все грунтовое пространство над остатками пода представляло собою смесь материковой супеси и мелкой печины. Начальные размеры пода (обнаруженного на уровне –60 см, были прямоугольными в плане с размерами 50×50 см. Толщина пода – 3–3,5 см. Предполагаемая высота печи ≈35–40 см. Устье печи, равно как и подпирающая его стенка предпечной ямы, разрушены полностью. Часть пода скинута на дно предпечной ямы. Размеры предпечной ямы в плане по верху – 90×110 см, по дну – 85×110 см, глубина – 100 см; у дна с ЮЗ стороны – небольшой подбой в 10–15 см.

Заполнение ямы до уровня –70 см состояло из смеси чернозема с добавлением мелких кусочков печины. На этом уровне обнаружено массивное железное изделие из двух сваренных пластин (оковка от заступа?), а в придонном заполнении ямы, которое состояло из крупных кусков печины с добавлением чернозема и предматериковой супеси, выявлены древесные угли, рваные камни, фрагмент столового сосуда и значительное количество индивидуальных артефактов компактно расположенных под слоем печины. Среди особых находок следует выделить значительное количество предметов из железа: наконечник копья, фибула, железный крюк для подвешивания котла, пара «ледоступов», две подпружные пряжки, заготовка для серпа, обломок железного стержня, колечко, а также несколько фрагментов от изделий неясной формы. Здесь же найден фрагмент сферической подвески из бронзы и пара пряслиц из ам-

[9] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2012а*, с. 27–29].

форного материала [*Колода*, *2012*, с. 436–437]. Отсутствие золы и пережженных костей исключает интерпретацию этого комплекса как захоронения по обряду трупосожжения, но не исключает того, что нами зафиксированы остатки каких-то иных обрядовых действий.

В целом же, изначальная цель сооружения данного комплекса ясна: приготовление пищи вне пределов помещения (возможен легкий навес).

Какие-либо обобщения по «летним кухням» для данного памятника преждевременны. Отметим лишь, что аналогии использования как открытых очагов, так и печей с предпечными ямами, расположенными вне помещений, встречаются практически на каждом более-менее исследованном раскопками салтовском поселении.

Амбар

К этой категории относятся хозяйственные постройки, предназначенные для массового хранения урожая, свидетельством чего является наличие нескольких самостоятельных внутренних ям для хранения зернового или иного (корнеплодного?) запаса. К настоящему времени на селище выявлен лишь один такой комплекс.

Комплекс № 28[10] (рис. 7)

Его размеры в плане (по зачистке) били следующие: длина по оси СВ–ЮЗ составляла 580 см; ширина в СВ части – 460 см, а в ЮЗ части – ≈330 см. Углы закруглены. Вход в помещение был, вероятно, в СЗ стороны, где отмечается выступ с размерами 260×120 см. Южная стена прослеживалась слабо и намечена предположительно. Ровный практически, нивелированный еще в древности, пол выявлен на глубине 50–55 см. Само полезное пространство рассматриваемого помещения можно разделить условно на две части: северо-восточную и юго-западную. Практически по центру СВ части располагалась округлая в плане яма с общей глубиной 170 см. От верхнего овала (170×125 см) стенки ее книзу сужались до глубины. На уровне плоского дна ее размеры были – 120×110 см (с небольшим подбоем). В ЮЗ части прослеживается углубление неправильной в плане формы. Его длина по линии –

[10] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2012а*, с. 18–20].

340 см, а ширина – 200 см (в его СВ части) и 100 см – в ЮЗ. Уровень его основного пола обнаружился на глубине 70 см. Здесь с ЮЗ стороны прослежено понижение асимметричной в плане формы и горизонтальными размерами по верху: 255×70–130 см (с расширением в СВ части). Здесь же, практически по центру общего ЮЗ углубления выявлена яма овальной в плане формы (120×60 см) и с плоским дном на –130 см (вполне вероятно, что это столбовая ямка).

Заполнение комплекса состояло из большого количества фрагментов гончарных сосудов СМК и кусков битого камня; остальные категории находок были единичны (табл. 5). В пределах котлована найдены два обломка от жерновов, но нет золы и древесного угля, крайне мало костей и кусков обмазки.

Таблица 5

Опись не взятого материала из комплекса № 28

Наименование находки	**Глубина (см)**									**Итого находок**
	20	**40**	**60**	**80**	**100**	**120**	**140**	**160**	**170**	
амфоры		4								4
гончарная тарная		10								10
гончарная кухонная	9	23	1		1					34
гончарная столовая	2	50	62	27	13	4				158
лепн. сосуды бр. века	1	1	2				2	3	3	12
обмазка	1	1	5				31		18	56
камни	23	131	45	17	11	6	2		5	240
кости животных		6								6
неопр. жел. предмет		1								1
железная руда		2								2
древесный уголь		2							3	5
ВСЕГО	36	231	115	44	25	10	35	3	29	528

Исходя из материалов исследования, можно предположить, что стены имели легкую жердевую конструкцию прямоугольной в плане формы. Перекрытие, вероятно, было шатровым, и опиралось оно на основной несущий столб, расположенный в ЮЗ части сооружения. В связи с тем, что памятник «лежит» на песчаном и супесча-

ном (не плотном) грунте, зерно могло храниться в мешках из ткани (кожи) или в керамических сосудах. Об использовании в этом помещении сосудов для хранения зерна косвенно свидетельствует и некоторое количество обломков от толстостенных тарных пифосов из шамотного теста (это единственный комплекс на памятнике, где были выявлены такие фрагменты). Кроме того, вдоль ЮВ стены обнаружено скопление керамики, в котором было найдено несколько развалов сосудов. Следовательно, можно полагать, что эта часть пространства хозяйственного комплекса использовалась для хранения продуктовых запасов в сосудах.

Погреба

К этой категории комплексов традиционно относят одиночные глубокие ямы различного профиля и объема.

Комплекс № 2[11] (рис. 8)

Котлован имел форму асимметричного перевернутого усеченного конуса. Верхний овал имел размеры 215×150 см. Плоское овальное дно с размерами 70×60 см находилось в ЮЗ части комплекса на глубине 150 см. Заполнение состояло из подзолистого чернозема с незначительным количеством материкового песка, некоторого количества артефактов СМК в верхней части засыпки (табл. 6). Кроме того, здесь были выявлены два железных предмета – шило и крючок.

Таблица 6

Опись не взятого материала из комплекса № 2

Наименование находки	Глубина (см)			Итого находок
	40	60	80	
амфоры		3		3
гончарная кухонная	–	7	3	10
гончарная столовая	1	6	13	20
камни	–	2	–	2
обмазка	1	–	–	1
ВСЕГО	2	18	16	36

[11] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2010*, с. 16–17].

Кроме того, с этим комплексом мы связываем значительное скопление керамики (S = 4 м^2) вплотную с ЮВ краем котлована, в котором выявлен развал амфоры и несколько развалов кухонных горшков. Изначально предполагался при работе на 1–2 штыках в кв. 8–9 / Ю–Я по большому количеству фрагментов столовой керамики. О том, что это был единый комплекс, свидетельствует тот факт, что фрагменты от одних и тех же сосудов были выявлены как в яме, так и в соседствующем скоплении, да еще и на разной глубине.

Таким образом, рассматриваемый комплекс можно интерпретировать как яму-погреб с шатровым перекрытием, которое накрывало площадь, значительно превосходящую размеры самой ямы (в том числе и места указанных скоплений керамического боя). Если принять во внимание, что центр комплекса совпадает с дном погреба, то радиус перекрытия составлял не менее 3 м.

Комплекс № 31[12] (рис. 9)

Это была овальная в плане яма с несколько сужающимся к востоку краем. Размеры ее верхнего края (по зачистке) составили 260×220 см. Стенки вниз сужались неравномерно, а в восточном направлении они ко дну даже расширялись. Дно комплекса (220×170 см) имело явный уклон с востока на запад, к тому же оно было несколько вогнутым. Его глубина по центру составляла 130–135 см,[13] к периферии – меньше. Возле западной стенки прослеживается кулуар от некогда стоявшей здесь столбовой опоры. Он прослеживался во время расчистки комплекса буквально с глубины 40 см и практически до дна. Отсутствие в этом месте ямки от столбовой опоры говорит лишь в пользу того, что ее нижняя часть опиралась на дно котлована (возможно, была поставлена позднее, по мере проседания шатровой крыши комплекса в процессе его эксплуатации). К северу от предполагаемой опоры на уровне –30 и –50 см прослежены две небольшие материковые ступеньки (вероятно, вход). От них в восточном направлении идет расширяющийся книзу материковый останец, обеспечивающий прочность этих ступеней. Ширина этого останца по подошве – до 60 см, что создавало дополнительную нишу в СЗ секторе котлована.

[12] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2012а*, с. 22–24].

[13] В связи с тем, что комплекс располагался на склоне и изначально имел грунтовую западину на дневной поверхности, все глубины данного комплекса даются от уровня чистовой зачистки.

Всего в нижней части котлована выявлено две ниши. В восточной части у дна – небольшая ниша-подбой (до 20 см вглубь стены и высотой в 55 см от дна). Ниша в СЗ секторе имела ровный пол на глубине 150 см. Она на 40–45 см врезается в стену котлована в СЗ части комплекса и до 15 см – в северной. Общие размеры ниши по уровню ее пола на глубине 150 см составляли 160×95 см. Здесь она имела дополнительное углубление подпрямоугольной формы с горизонтально ровным полом и размерами 130×50 см в плане.

Заполнение комплекса было неоднородным. Верхние 50–60 см (примерно до сужения пространства, что хорошо видно по профилю в–в') были заполнены черноземом культурного слоя. Ниже, до глубины в 130 см – чернозем с прослойками желтоватого суглинка. В СЗ нише выявлен вязкий мешаный грунт (материковый суглинок и чернозем). В заполнении сверху донизу часты вкрапления керамической крошки, сырой глины, обмазки, куски жаровни, много рваного камня, фрагментов гончарной керамики и костей животных (табл. 7). Есть и индивидуальные находки: несколько ножей, шильце, гвоздь, остатки котла и несколько фрагментов от предметов неясной формы и назначения – все из железа; бронзовое зеркальце и обработанная кость.

Таблица 7

Опись не взятого материала из комплекса № 31

Наименование находки	**Глубина (см)**										**Итого находок**
	20	**40**	**60**	**80**	**100**	**120**	**140**	**160**	**180**	**200**	
амфоры		2	3		1	1	6	4	8		23
гончарная кухонная	1	13	2	20	17	27	28	12	43		163
гончарная столовая					3	2	3	4	4		16
лепн. сосуды ран. жел. века	7										7
обмазка						6	6	5	10		27
камни	9		1	5	5	24	21	2		3	70
кости животных				18			12		84	2	116
неопр. железн. предмет						3					3
жаровня		1		1							2
древесный уголь					1						1
ВСЕГО	17	16	4	44	27	63	76	27	149	5	428

Наземная конструкция этого погреба является проблематичной. Вполне вероятно, что он, равно как и предыдущий, имел лишь шатровое перекрытие с единственной столбовой опорой, что располагалась вплотную к западному борту котлована (кулуар близ ступенек). В таком случае перекрытие было асимметричным. Прямоугольное углубление в СЗ части пола может свидетельствовать о наличие здесь какого-либо короба (ящика) для хранения наиболее важных продуктов. Остальное пространство могло использоваться для размещения запасов в сосудах, коробах или мягкой таре.

Комплекс № 33[14] (рис. 8)

Это была овальная в плане яма с размерами по верху 185×180 см. Ее стенки книзу несколько сужались, образуя с СЗ стороны две материковые ступеньки-останца на уровне в –105 и –120 см при их ширине в 20 см. Плоское песчаное дно обнаружено на глубине в 150 см. Его горизонтальные размеры – 135×115 см. Заполнение состояло из чернозема со значительным количеством вкраплений материковой супеси и прослоек древесного угля с золой, 4-х мелких кусков печины и 33-х кусков рваного песчаника; есть также единичные фрагменты гончарных салтовских сосудов и костей животных. Исходя из полученных данных, этот небольшой погребок имел легкое перекрытие в виде шалаша со входом с СЗ стороны.

Все три погреба сближает наличие наиболее простого в исполнении шатрового перекрытия. Два из них (№ 31 и № 33) имеют материковые ступени, облегчающие их использование. Нет никаких указаний на возможное наличие стен. Один из погребов (№ 2) имел вход со стороны склона (снизу), что кажется вполне оправданным с точки зрения топографии и направления возможных паводковых водотоков. Но остальные (№ 31 и № 33) имели входы сверху склона. В таком случае защитой содержимого погребов от дождя могли быть дополнительные навесы (тамбуры) или дренажные канавки со стороны входа.

[14] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2012а*, с. 25].

Специализированные ямы

Их на поселении выявлено всего две (комплексы № 1[15] и № 23[16]). Это небольшие ямки, которые отличаются от остальных 19 хозяйственных ям лишь содержимым. Они сверху донизу заполнены сырой материковой глиной или суглинком. Это позволяет предположить, что они использовались для гомогенизации глины. Добавлю, что каждая из этих ям относится к различным усадьбам, что позволяет говорить о домашнем характере керамического производства.

* * *

Подводя итог рассмотрению хозяйственных комплексов салтовского селища Мохнач-П, следует сказать, что они многочисленны (их в восемь раз больше, чем жилищ) и разнообразны по своим функциям. Каждая из выделенных групп хозяйственных комплексов внутри себя имеет сходные черты в конструктивных особенностях и элементах интерьера. Наличие выделенного входа, ступеней и полочек создавало определенный комфорт (удобство) в использовании этих комплексов. Наличие нескольких групп комплексов с выраженными обособленными функциями и конструктивно-интерьерными особенностями позволяет говорить о более высоком и сложном уровне организации хозяйства, чем у населения тех эпох и культур, где кроме жилищ и производственных комплексов выделяются лишь «хозяйственные ямы» как общая категория (например, культуры бронзового или раннего железного века, ранние славяне).

Следует обратить внимание и на то, что на данном поселении нет специализированных зернохранилищ, которые в значительном количестве выделены на соседнем с селищем городище [*Горбаненко, Колода*, *2010*, с. 85–90, рис. 46–49; *Колода, Горбаненко*, *2013*, с. 93–94, рис. 60, 61, 63]. Считаю, что это связано с тем, что песчаный и супесчаный материковый грунт селища Мохнач-П не позволяет создать прочные (не осыпающиеся) стенки и своды та-

[15] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2010*, с. 15–16].

[16] Более подробная информация содержится в отчете о раскопках [*Колода*, *2010*, с. 36–37; *2012а*, с. 15–16].

ких ям (в отличие от глины и плотного суглинка на городище Мохнач). На рассматриваемом памятнике зерновой урожай могли хранить в сосудах, корзинах или мягкой таре (тканевые и кожаные мешки).

Наличие обширного единого исследованного пространства с большим количеством разнообразных хозяйственных комплексов (наряду с жилищами) позволяет поставить вопрос о планировке поселения Мохнач-П. Но это отдельная тема, требующая самостоятельного рассмотрения.

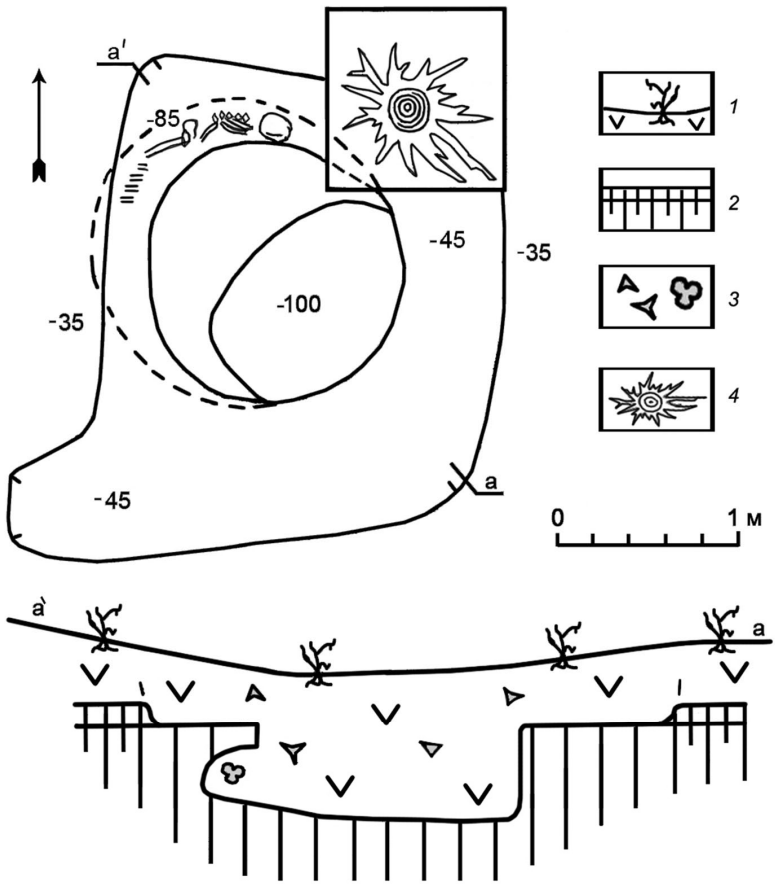


Рис. 1. Комплекс № 4 (хозяйственная постройка) на сел. Мохнач-П.

1- дёрн, чернозём культурного слоя; 2- предматерик и материк; 3- керамика, останки человека; 4- растущее дерево и неисследованная площадь

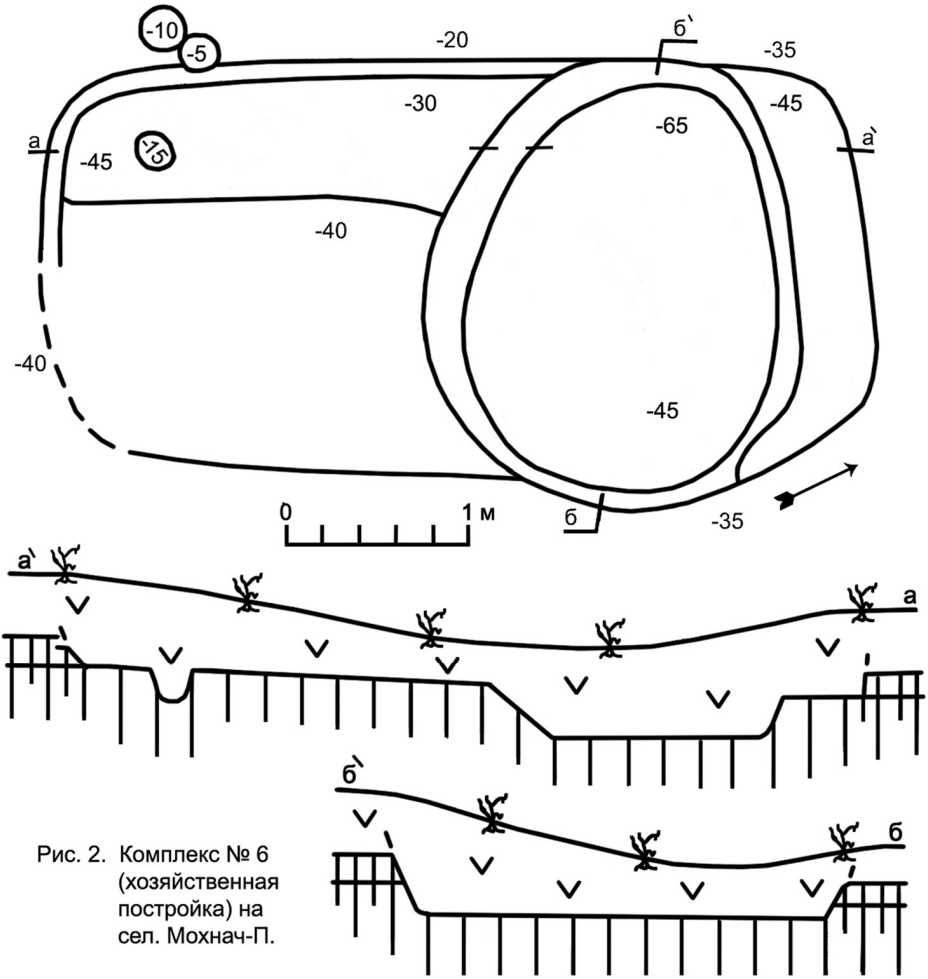


Рис. 2. Комплекс № 6 (хозяйственная постройка) на сел. Мохнач-П.

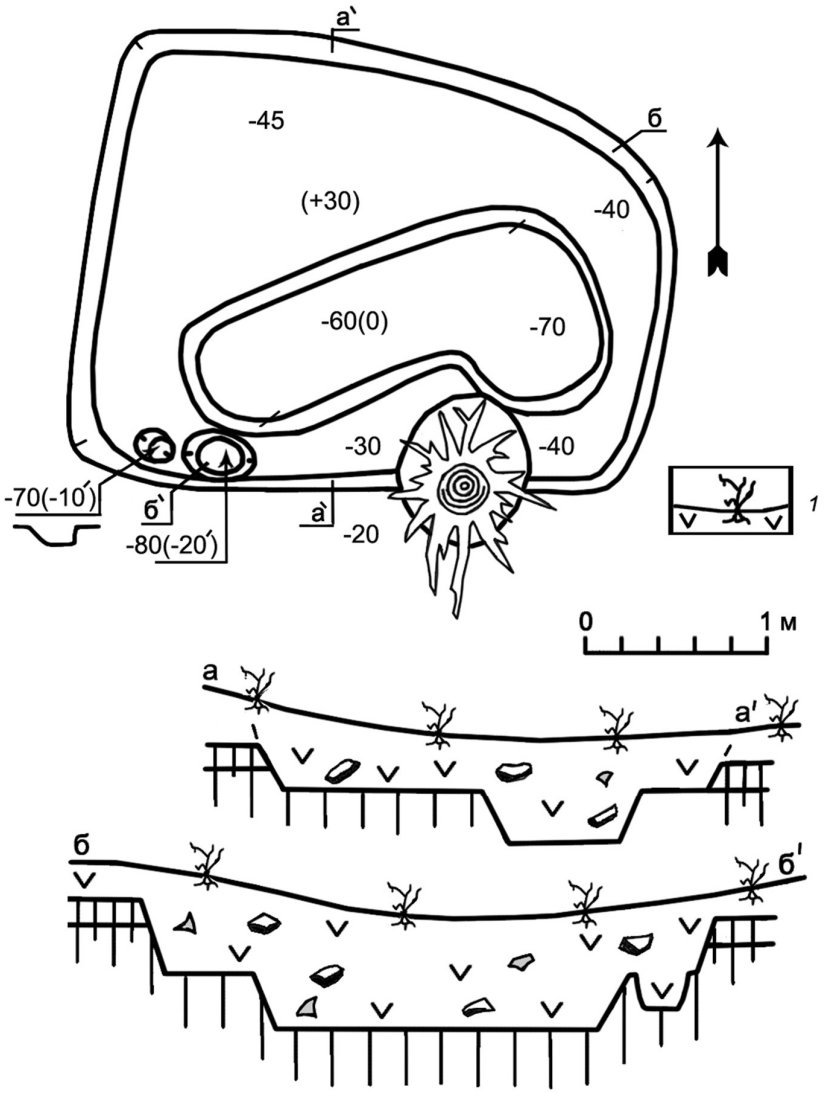


Рис. 3. Комплекс № 17 (хозяйственная постройка) на сел. Мохнач-П.
1- рваный камень

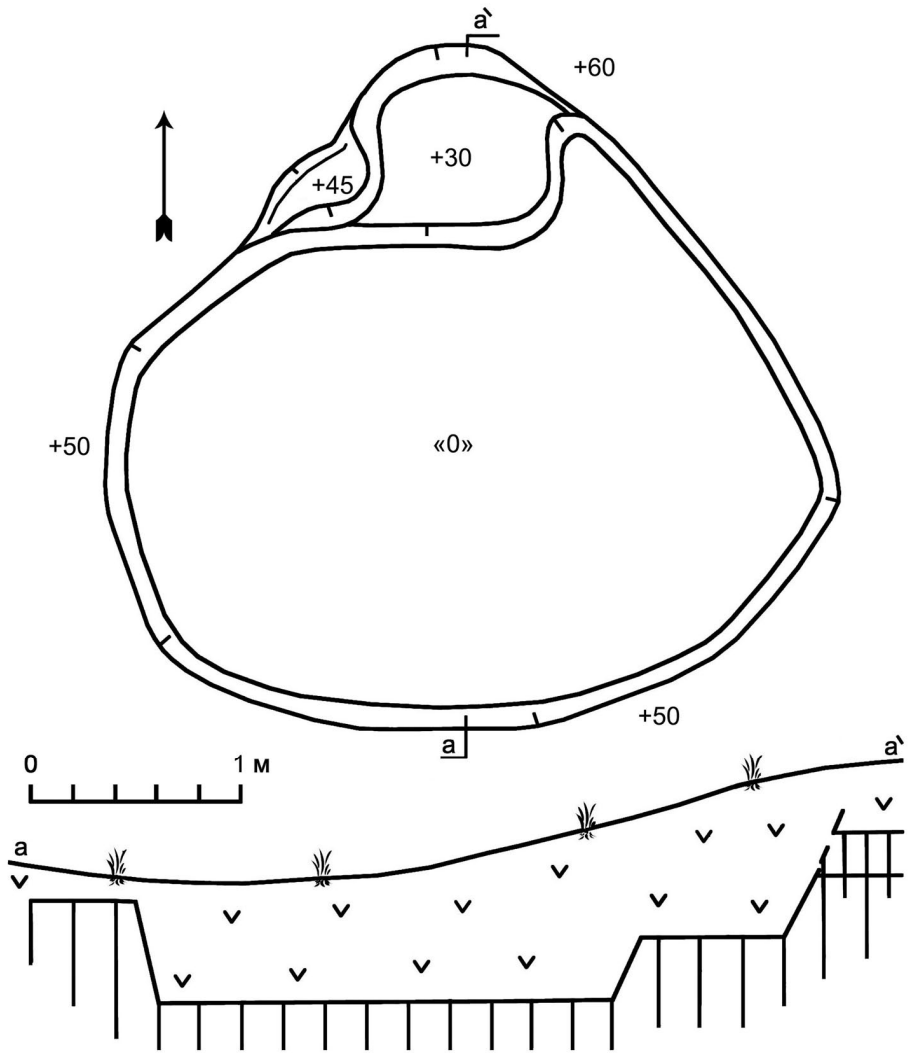


Рис. 4. Комплекс № 30 (хозяйственная постройка) на сел. Мохнач-П

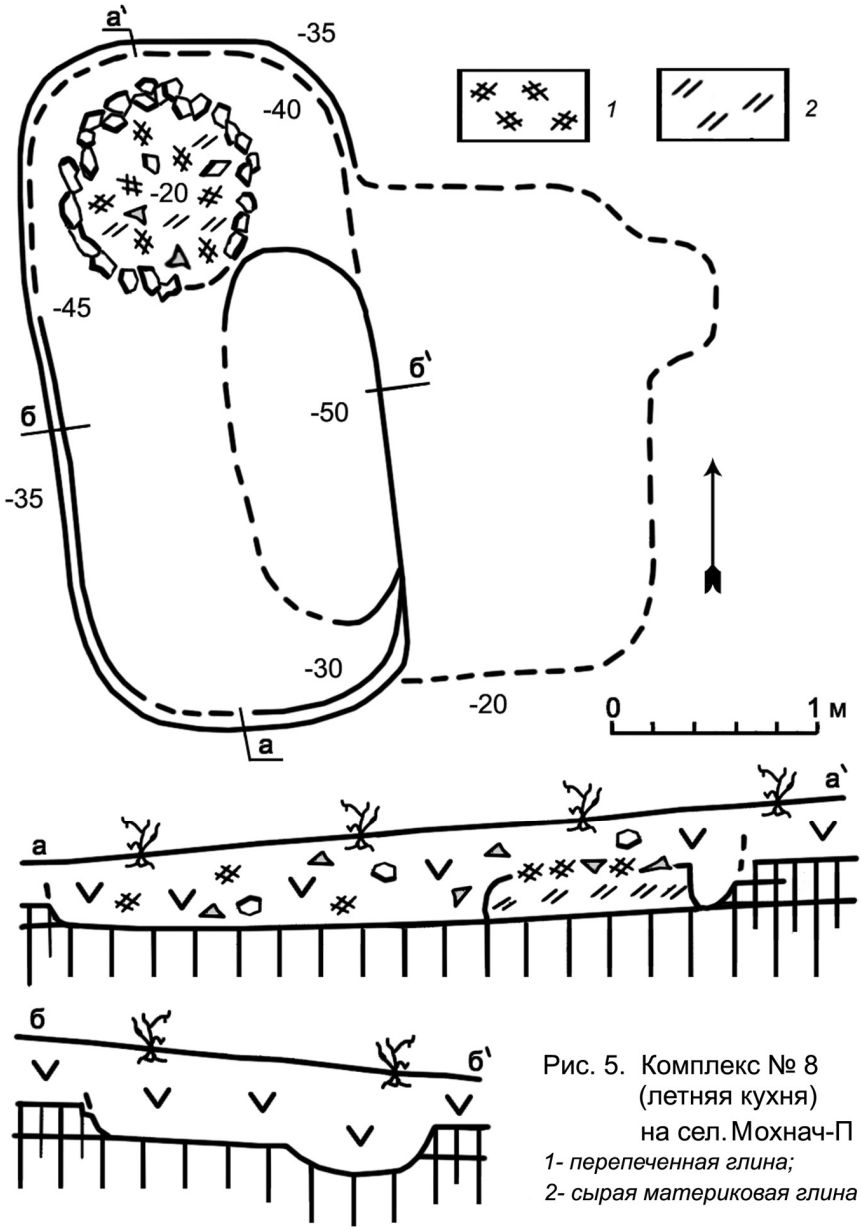


Рис. 5. Комплекс № 8 (летняя кухня) на сел. Мохнач-П

1- перепеченная глина;

2- сырая материковая глина

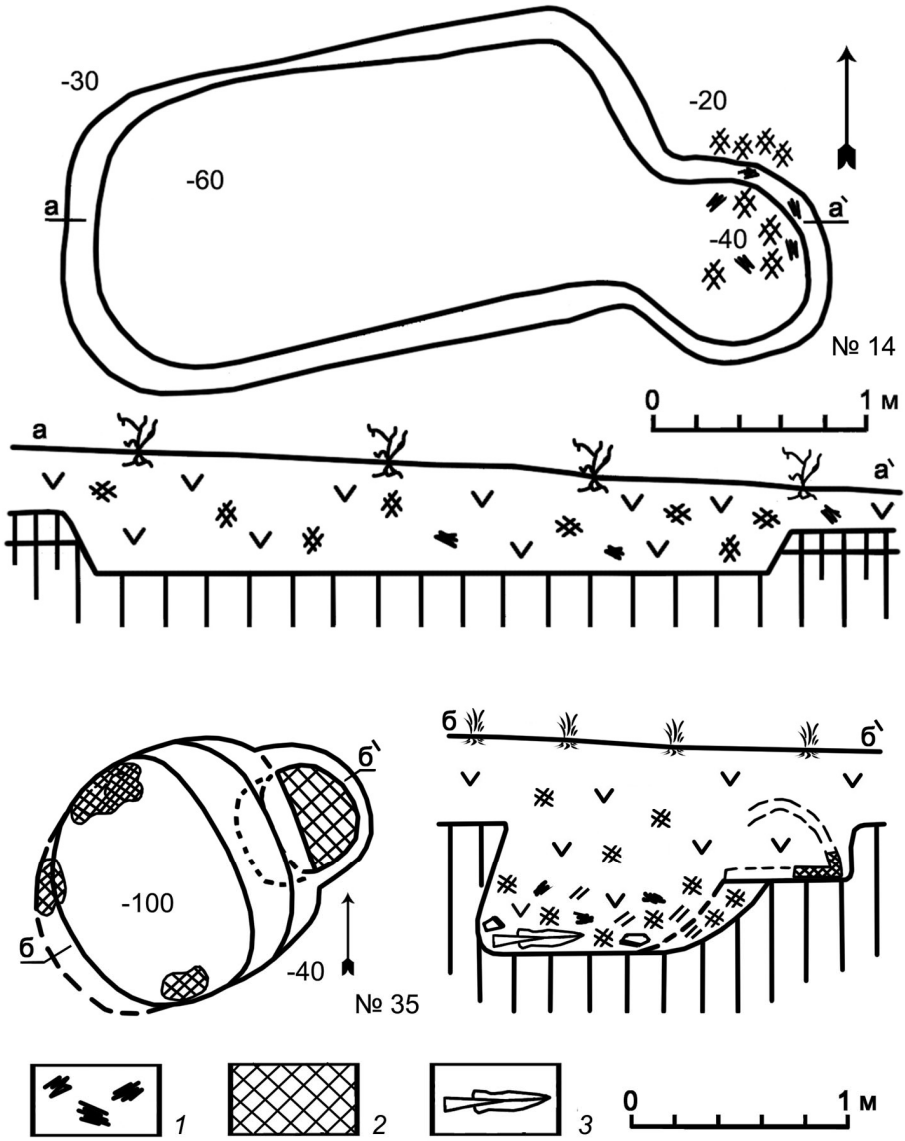


Рис. 6. Комплексы № 14 и № 35 (летние кухни) на сел Мохнач-П
1- древесный уголь; 2- печной под (куски пода); 3- комплекс предметов

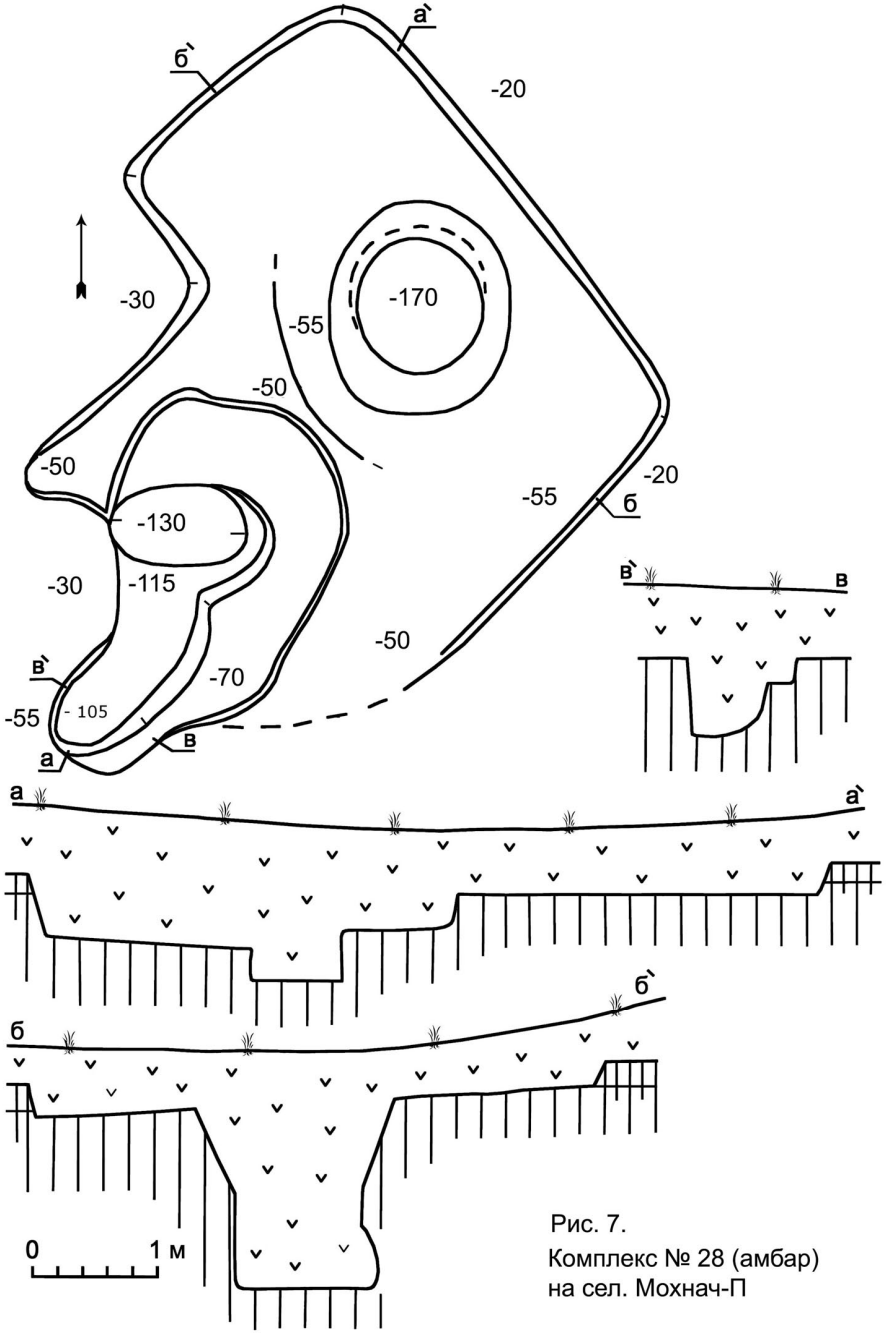


Рис. 7.
Комплекс № 28 (амбар)
на сел. Мохнач-П

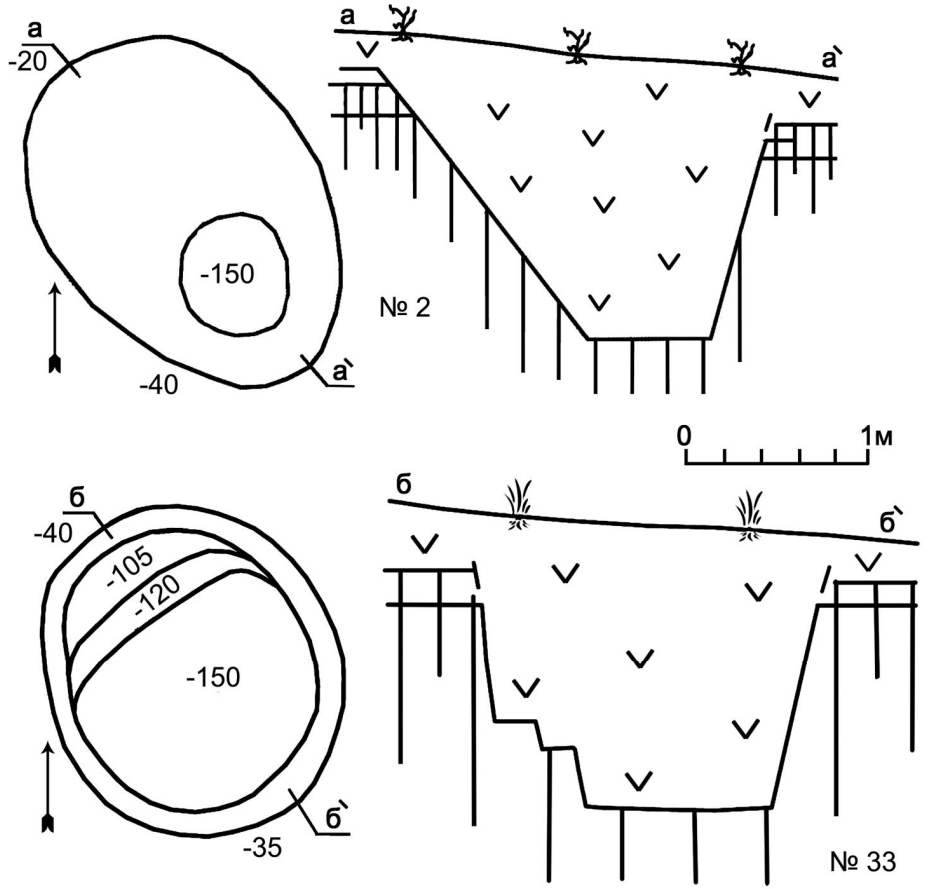


Рис. 8. Комплексы № 2 и № 33 (погреба) на сел. Мохнач-П

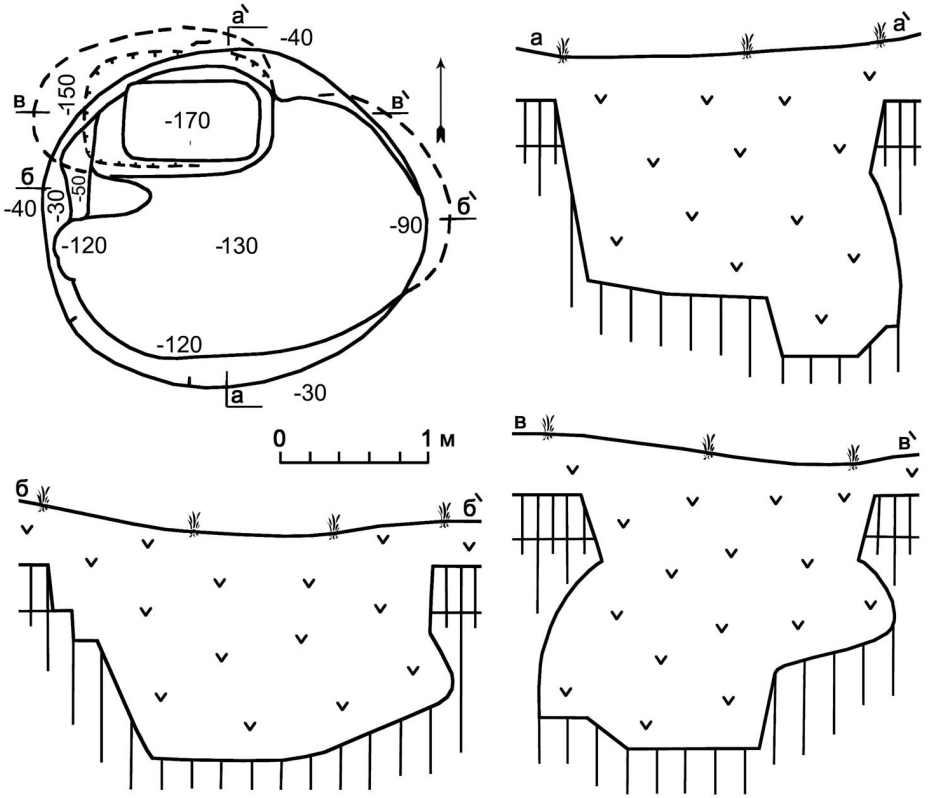


Рис. 9. Комплекс № 31 (погреб) на сел. Мохнач-П

Литература

Винников А. З., Плетнёва С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, *1998*.

Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. Київ, *2013*.

Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2009 году (селище «Мохнач-П» в Змиевском районе Харьковской области). Харьков. *2010* / НА ИА НАНУ. № 2009/175.

Колода В. В. Селище «Мохнач-П» в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). Харьков. *2010а*.

Колода В. В. Исследования на селище «П» близ с. Мохнач // АДУ 2011. Київ: ІА НАНУ – Волинські старожитності. *2012*.

Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2011 году (селище «Мохнач-П» в Змиевском районе Харьковской области). Харьков. *2012а* / НА ИА НАНУ. № 2011/б.н.

Колода В. В. Уникальный жилищно-хозяйственный комплекс салтовской культуры на селище Мохнач-П // Хазарский альманах. Т. 13. М., *2015*.

Колода В. В., *Горбаненко С. А.* Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев, *2010*.

Колода В. В., Колода Т. А. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии // Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, *2009*.

В. В. Колода

Хозяйственные комплексы салтовского времени на селище Мохнач-П

Резюме

Статья посвящена анализу хозяйственных комплексов салтовского селища Мохнач-П (вторая половина VIII–IX вв. н. э.). Всего выявлено 32 таких комплекса. Среди них выделяются хозяйственные постройки, «летние кухни», погреба, амбар, специализированные и обычные хозяйственные ямы. Основные выводы сводятся к следующему: эти комплексы многочисленны, разнообразны по своим функциям. Комплексы каждой группы имеют сходные черты (общие конструктивные особенности, элементы интерьера). Это позволяет говорить о более высоком и сложном уровне

организации хозяйства, чем у населения тех эпох и культур, где кроме жилищ и производственных комплексов выделяются лишь «хозяйственные ямы» как общая категория.

Ключевые слова: салтовская археологическая культура, хозяйственные комплексы, хозяйственные функции, элементы интерьера.

V. V. Koloda

Household Complexes of the Saltov Times in Mokhnach-П Settlement

Summary

The article is dedicated to the analysis of household complexes in Mokhnach-П Saltov settlement (second half of VIII–IX cent. AD). 32 complexes in total have been discovered. They consist of household buildings, “summer kitchens”, cellars, a barn, special and common household pits. Main findings come down to the fact that these complexes are numerous and multifold in their functions. Complexes of each group have similar features (common construction peculiarities, interior elements). It allows to speak about a higher and more complex level of household organization, than in case of those epochs and cultures, where besides dwellings and manufacturing complexes, there are only “household pits” referred to a general category.

Keywords: Saltov archaeological culture, household complexes, household functions, interior elements.

Я. В. Пилипчук

ІМЕНА КИПЧАКІВ У ЄВРОПЕЙСЬКИХ ДЖЕРЕЛАХ

Досі вельми актуальною залишається проблема походження багатьох кипчацьких імен. Існують деякі роботи, присвячені кипчацькій антропонімії. Так, Л. Рашоні записав кипчацькі імена в Угорщині [*Rasonyi, 1965*]. М. Баскаков склав реєстр кипчацьких імен у слов'янських літописах [*Баскаков*, *1985*]. Д. Моравчік та Н. Ілієв зафіксували кипчацькі імена у візантійських джерелах [*Moravcsik*, *1983*; *Илиев*, *2013*]. М. Лазареску-Зобіан зафіксувала кипчацькі імена у Молдавії та Волощині [*Lăzărescu-Zobian*, *1984*]. Проте досі не складено повного переліку імен кипчаків, згаданих у європейських джерелах. Назріла необхідність створити повну базу даних стосовно кипчацьких імен. Також варто дослідити кількісний склад імен, тобто відзначити скільки їх є у різних джерелах, розділити імена на групи за походженням. Це і є головним завданням запропонованої роботи. Отже, на розгляд представлені кипчацькі антропоніми за абетковим принципом.

Абоска. Угорський кипчак, який згаданий у угорському джерелі під 1459 р. Л. Рашоні вважав, що це ім'я похідне від куманського *abušqa* (у перекладі – **«**старий**»**) [*Rasonyi*, *1967*, с. 135].

Аєпа. Аєпами звали двох кипчацьких ватажків у 1107 р., котрі видали своїх доньок заміж за синів Володимира Мономаха та Олега Святославича. Один з них був сином Асеня, а другий – сином Гиргеня. Один з Аєп конфліктував з волзькими булгарами у 1117 р. і під час мирних переговорів з ними був отруєний. Щодо імені Аєпа М. Баскаков висловив припущення, що воно походить від слів *Ау*

(місяць) + *oba* (плем'я), тобто **«**місячне плем'я**»**. Проте, на думку П. Голдена, ім'я могло походити від *Qay* + *oba*, тобто **«**плем'я кай**»**. Початкове **«**к**»** випадає у кількох кипчацьких діалектах. М. Баскаков наводив й інші форми. На його думку, *Aj* (місяць) + *apa* (дядько), тобто **«**місячний дядько**»**. *Aja-eje-ije* (пан) + *apa* (вічливе звертання до старших), дослівно **«**дядько з боку батька**»**. Також можливі такі варіанти: *Aju* (ведмідь) + *aby* (іменник), *aja* (пан) + *aby* (іменник), *aju* + *apa*. О. Пріцак вважав, що Аєпи належали до племені кай і династії Асенідів [*Баскаков*, *1985*, с. 80; *Пріцак*, *2008*, с. 241; Лаврентьевская…, *1962*, с. 250*, 282–283*; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226].

Азгулуй. Цей кипчацький ватажок згадувався під 1086 р. як князь Таревський, тобто вождь племені тарев. Був згаданий у «Повчанні Мономаха». Загинув під час однієї з виправ Володимира Мономаха. М. Баскаков запропонував такі можливі пояснення етимології його імені: *Az* (мало) + *külük* (прославлений герой). Також можливий і інший варіант: *Azyq* або *azyg* + *Ly*, що разом *Azyqly* (той, хто має ікла, ікластий) [*Баскаков*, *1985*, с. 80; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; Лаврентьевская…, *1962*, с. 250].

Айдар. Щодо можливості існування цього кипчацького ватажка є вагомі сумніви, оскільки він згаданий тільки у пізньому Никонівському літописі, а в Лаврентіївському та Новгородському Першому літописах згадки про нього немає. Цей скептицизм висловив П. Голден. Проте М. Баскаков та Г. Федоров-Давидов вважали його цілком реальним. М. Баскаков розглядав кілька етимологій імені Айдар. Перша гіпотеза – від *ajdar* (тюркський оселедець на голові хлопчика), друга – від *hajdar* (лев). Існування вождя з таким іменем не виключене, але стосовно згадки про нього в інших літописах відповідь негативна [*Баскаков*, *1985*, с. 80; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Айсупа/Асупа/Аксупа. Один з вождів лукоморських кипчаків. Згаданий у 1103 р. серед загиблих кипчацьких ханів у битві на річці Молочній (Сутінь). М. Баскаков розглядав кілька етимологій імені цього вождя: від *ajaz* (ясний) + *apa*, тобто **«**ясний дядько**»**, від *öküz* (бик) + *apa*, від *oguz* (простий, грубий) + *apa*, та від *aqys* (благословення) + *apa*, і від *asov* (допомога) + apa [*Баскаков*, *1985*, с. 80; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224; Лаврентьевская…, *1962*, с. 279; Ипатьевская…, *1962,* с. 225].

Аклан. Належав до Бурчевичів, тобто кипчацького племені бурдж-огли. Згадувався у Лаврентіївському літописі під 1110 р. М. Баскаков пропонував такі гіпотези: *aq* (білий) + *lan* (сокіл), *aq-olan*, тобто **«**чистий**»** або **«**чесний**»**, *aq* (білий, чесний) + *ulan* чи *oglan* (юнак) [*Баскаков*, *1985*, с. 80; Лаврентьевская…, *1962*, с. 250; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226].

Акочай. Таке ім'я, ймовірно, мав один із придунайських чи лукоморських кипчаків. Згадок у літописах про такого вождя немає. Згадано лише, що існував Бегбарс Акочайович. При цьому це ім'я не по батькові, оскільки батьком Бегбарса був Акум. Акочай, імовірно, був родоначальником клану. За версією М. Баскакова, ім'я походить від сполучення слів *Aq* + *uča* (біла спина) [*Баскаков*, *1985*, с. 81; Ипатьевская…, *1962*, с. 761; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226].

Акум. Батько Бегбарса Акочайовича. Подібне ім'я мав батько Аккуша з лукоморських кипчаків. А ще так звали батька Асеня. На думку М. Баскакова, етимологія цього імені мала три варіанти. За першим із них, ім'я походило від тюркського слова *Öqüt* (купа), за другим – від тюркського *ökün/üküt* (великий), за третім – від тюркського *Oqut* (опора) [*Баскаков*, *1985*, с. 81; Ипатьевская…, *1962*, с. 671, 761; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226].

Аккуш. Таке ім'я мав вождь дунайських кипчаків, які в 1090 р. вдерлись до Угорщини. Також так звали одного з вождів лукоморських кипчаків наприкінці XII ст. Можливо, він належав до клану Урусобичів. На думку М. Баскакова, етимологія цього імені *Aq* (білий) + *quš* (орел, птаха), тобто білий орел або білий лебідь. Дослідник не виключав і іншої можливості – походження імені від тюркського слова *Aqiš* – благословення. О. Пріцак вважав більш правильною форму *Aq-quš* – білий птах [*Баскаков*, *1985*, с. 81; *Пріцак*, *2008*, с. 180; Ипатьевская…, *1962,* с. 675; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226; *Шушарин*, *1997*, с. 327–328; *Thorau*, *1987,* p. 121; Scriptores Rerum Hungaricarum…, *1766*, p. 163–164; Chronicon Pictum…, *1883*, p. 196–197].

Алак. Вождь із таким ім'ям згаданий у Лаврентіївському літописі під 1184 р. Був одним із кипчацьких ватажків, захоплених у полон Святославом. За однією з гіпотез М. Баскакова, ім'я походить від тюркських *Ylaq-ylag-ulaq* (маленький кінь, щойно народжене козеня). За іншою гіпотезою цього ж дослідника, ім'я походить від тюркського слова *Ulaq* (тупий) [*Баскаков, 1985*, с. 81; Лаврентьевская…, *1962*, с. 396; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Алдімір. У візантійських джерелах Елітіміріс, в угорських джерелах – Олдамур. Жив у другій половині XIII ст. Був одним з кипчацьких беків в Угорщині. Не погодився з умовами сейму у Тетені. У 1280-му чи 1282 роках зазнав поразки від угорців у битві на озері Ход. Втік до Болгарії. У 1285 р. зініціював похід монголів на Угорщину. Був родичем Георгія Тертера і, очевидно, міг бути родичем і Котяна. Належав до племені дурут. П. Павлов пропонує свою етимологію: *Al* (червоне) + *Temir* (залізо) = розігріте залізо. Й. Заїмов висловив гіпотезу, за якою етимологія імені Алдімір така: *Al* чи *El* (рука) + *Demir* (залізо), тобто Алдімір – це **«**залізна рука**»**. В. Стоянов запропонував іншу етимологію – Айдемір: *Ay* (місяць) + *demir* (залізо), тобто **«**місячне залізо**»**. Л. Рашоні висунув таку гіпотезу: *Eltemiri* – залізна держава, тобто **«**керівництво державою залізною рукою**»**. Н. Ілієв пропонує варіант: **«**носити залізо**»**, тобто **«**бути воїном**»**. Цікаво, що **«**залізна рука**»** турецькою мовою звучить як «Демірел» [*Moravcsik*, *1983*, s. 124, 361; *Павлов*, *2000*; *Stoyanow*, *2001*; *Илиев*, *2013*, с. 100–101; Chronicon Dubnicense…, *1884*, s. 106–107; Scriptores Rerum Hungaricarum…, *1766*, p. 188; *Павлов*, *2000*; *Павлов*, *2009*, с. 400; Hudud al-Alam…, *1937*, p. 226].

Алпамиш. У Микити Хоніата цей кипчацький вождь згаданий як Єлпуміс. Про нього також згадує Феодор Скутаріот. Цей кипчацький вождь згаданий близько 1185 р. Тюркський варіант імені – Алпамиш. Це ім'я похідне від тюркського *Alp* (герой, сміливість, мужність). Можливо це ім'я означає **«**мужність**»** або **«**велетень**»**. Нагадаємо, що Алпамиш – це герой тюркських епосів. Сам епос «Алпамиш» вважають кипчацьким [*Илиев*, *2013*, с. 98; *Moravcsik*, *1983*, p. 124, 361].

Алпра/Алпер. Згаданий поряд з Узуром під 1279 р. Цей кипчацький бек в Угорщині жив у другій половині XIII ст. і входив до оточення короля Ласло IV Куна. Походження імені Алпра (Алпар) має два пояснення. За першою гіпотезою, яку обстоюють Л. Рашоні та Н. Беренд, це слово похідне від тюркського *al* (червоний) + *bura* (верблюд) = *albura* (червоний верблюд чоловічої статті). За другою – від тюркських *Alp* (богатир) + *är* (чоловік) = *Alper* (чоловік-герой), тобто від тюркського означення шляхетної та сильної людини. За версією Л. Рашоні, це ім'я могло мати форму *Olper.* У цій формі ім'я кипчацького бека згадане у 1255 р. У формі Алпра ім'я згадується в 1284 р. [Constitutio Cumanorum, *1849*, s. 350, 54–55, 79–

80; *Berend*, *2001(1)*, p. 106, 108–109; *Zimonyi*, *2007*; Fontes Rerum Bohemicarum…, *1874*, s. 310–316, 330; Articuli Cumanorum, *1849*; *Berend, 2001(2)*, p. 252; *Rasonyi*, *1967*, p. 135–136].

Алтабарз. Кипчак згаданий в угорському документі під 1347 р під іменем *Altabarz*. Ім'я походить від *altï barz* – шість барсів [*Rasonyi*, *1967*, p. *136*].

Алтунопа. Кипчацький вождь кінця XI ст. – початку XII ст. Алтунопа взяв участь у битві на В'ягрі у 1097-му чи 1099 році. Здійснив удаваний відступ і заманив угорське військо у засідку. У 1103 р. був вороже налаштований щодо Русі. Загинув у 1103 р. в авангардному бою поблизу річки Сутіні. За версією М. Баскакова, це ім'я походить від *Altun* (золото) + *apa* (дядько, батько). Можливий також варіант, що *Altu*n (золото) + *apa* (ввічливе звертання). Його ім'я мало бути тотожним з літописним Алтун-опою. П. Голден пропонував варіант *Altun* + *oba*, тобто **«**Золотий рід**»** [*Баскаков*, *1985*, с. 81; Лаврентьевская…, *1962*, с. 271, 279; Ипатьевская…, *1962*, с. 254–255; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224; НПЛ, *1950*, с. 19, 203; *Golden*, *1997*, p. 108].

Амурат. Історичність цього кипчака П. Голден поставив під сумнів. Цей вождь згаданий лише у Никонівському літописі, проте не згаданий в Іпатіївському, Лаврентіївському, Новгородському Першому літописах. На думку М. Баскакова, це ім'я трактується як **«**обов'язок**»**, **«**зобов'язання**»**. З монгольської ж мови *amyrad* перекладається як **«**мирний**»**, **«**спокійний**»**, **«**любий**»** [*Баскаков, 1985*, с. 81; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Арбуз. Один із кипчацьких беків другої половини XIII ст. Входив до оточення короля Ласло Куна. Ймовірно, брав участь у битві при Кресенбруні у 1260 р. та Дюрнкурті у 1278 р. на стороні угорців проти чехів. Погодився з умовами сейму у Тетені. А. Палоці-Хорват вважає, що ім'я цього вождя походить від тюркського *arbuz* (кавун) [*Paloczi-Horvath*, *1989*, p. 54–55, 79–80; *Berend*, *2001(2)*, p. 106, 108–109; *Zimonyi*, *2007*; Fontes Rerum Bohemicarum, *1874*, s. 310–316, 330; Annales Bohemiae…, *1874*; *Rasonyi*, *1965*, p. 136].

Арсланопа. Один із лукоморських кипчаків. У літописах згаданий під 1103 р. Був одним зі страчених русинами вождів під час битви на річці Сутіні. М. Баскаков пропонував таку етимологію: *Arslan* + *apa* (лев та дядя) та *Arslan* + *apa* (лев та вічливе звертання). О. Пріцак вказував, що *arslan* перекладається як **«**лев**»**. П. Голден пропонує *arslan* та *oba*, тобто **«**лев'ячий клан**»** [*Баскаков*, *1965*, с. 81;

Лавреньевская…, *1962*, с. 279; Ипатьевская…, *1962*, с. 255; *Пріцак*, *2008*, с. 40, 108, 766].

Асадук. Згаданий у «Повчанні Мономаха». Брав участь у подіях 1078 р., коли допоміг Олегу Святославичу повернути під свій контроль Чернігово-Сіверську землю. М. Баскаков для імені пропонував єдину етимологію – *Äsa (esi*) (його розум, свідомість) + *oduq* (уважний) = живий розум, кмітливий [*Баскаков*, *1985*, с. 81; Лаврентьевская…, *1962*, с. 248; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224].

Асень. Кипчацький вождь другої половини XI ст. Відомо лише, що він помер у 1082 р. і залишив по собі кількох синів. Цей Асень (у літописах – Осень) був братом Бегубарса та Сакза. Осеневом називалось одне з міст придонецьких кипчаків, можливо Шарукань. Асаном або Асенем Микита Хоніат називав одного з християнізованих кипчаків, який був федератом Візантійської імперії і мав володіння у Подунав'ї. Дістав при хрещенні ім'я Іван. Скористався допомогою дунайських кипчаків, влахів та бродників у 1186 р. в Мезії проти візантійців. М. Баскаков вважає можливими дві етимології імені Асень – від тюркського іменника *Äsän* (здоровий) чи дієприслівникового звороту *össin* (нехай зростає). Візантійська грецька форма цього імені – Асаніс. Осень – слов'янська форма імені *Äsän/Esen*. Асень – похідна форма від імені Есен, тобто **«**здоровий», яка, на думку О. Пріцака, була також назвою і династії, і клану. В. Стоянов ввважає, що ім'я Асан може походити від тюркютського Ашина, і пропонує свою етимологію імені вождя від тюркського прислівника *esen* (здоровий, радісний, життєрадісний, розумний). І. Вашарі вважав давньоруську форму імені Асень/Осень похідною від тюрк. *esen* (музика, здоровий, безпека). У «Синодику Борила» Асеня названо Бельгуном. Це ім'я похідне від тюрк. *bilgün* (знаючий, розумний). Швидше за все, це було прізвисько Асеня [*Баскаков*, *1985*, с. 81; *Moravcsik, 1983*, s. 73–75, 361; *Stoyanow*, *2001*; *Пріцак*, *2008*, с. 240–241; Лаврентьевская…, *1962*, с. 249; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226; *Vasary*, *2005*, p. 38–47].

Бейбарс (у літописах Багубарс, Багбарс, Бегбарс). Так звали декількох кипчацьких вождів. Перший з них жив наприкінці XI ст. і був споріднений з Асенем та Гиргенем. У «Повчанні Мономаха» вказано, що Володимир Мономах помилував декількох його синів. Інший кипчацький вождь жив наприкінці XII ст. і належав до клану Акочая. Бейбарсом звали ще одного кипчацького вождя. Він похо-

див із племені бурдж-огли. У 40–50-ті рр. XIII ст. був мамлюком у Єгипті. Завдяки особистим талантам став еміром. Перебував на службі в єгипетських та сирійських Аййубідів. Відіграв важливу роль у перемозі над монголами при Айн-Джалут у 1260 р. У 1260 – 1277 рр. був султаном Єгипту та здійснив кілька десятків кампаній проти хрестоносців, монголів, кілікійських вірмен. М. Баскаков припускав, що ім'я Бейбарс, згадане у літописах, походило від *baqu* (пагорб) + *bars,* тобто «барс, котрий живе між пагорбів» чи від слів *buq* або *bug* (корпус, осанка), звідси *Bugybars* (із осанкою барса). С. Ковач пропонувала варіант *Beybars*, тобто «пан-барс» [*Баскаков*, *1985*, с. 81–82; Ипатьевская…, *1952*, с. 671, 761; *Гаркавец*, *2011*; *Kovacs*, *2005,* p. 257]. Існують й інші форми імені. У більш пізній час було прийнято носити ім'я Бегбарс. Bars означає «барс», а beg – «пан». В. Стоянов пропонує форму «пан-барс» [*Stoyanow*, *2001*]. Ім'я Бейбарс в арабській графіці читалось як *Baybars, Baibars, Baïbars, Beybars, Beyburs (Beybars), Beibars* та *Bibars (Baybars*). Дзеркальне арабське відображення цього імені – Барсбай чи Барсбей. При цьому Бейбарс – це огузька форма цього імені. Казахською формою цього імені є Байбарис. Для татарської, карачаївскої, кумицької мови характерна форма Бійбарс. Давньотюркська форма цього імені – Бегбарс. Власне давньотюркську форму імені запозичили літописці Русі, повідомляючи про Багбарса, Бегбарса, Бегварса. Причому характерно, що практично усі згадані вожді мали володіння у східноєвропейських степах [*Гаркавец*, *2011*].

Баліар. Під 1322 р. в угорському документі поряд з Бітером згаданий Баліар. Він був сином Тешенча. Л. Рашоні висловив гіпотезу, що це ім'я походить від *Bay-er* [*Rasonyi*, *1967*, p. 138].

Балик. Так звали одного з християнізованих і булгаризованих кипчаків. Його можна вважати радше болгарином, ніж кипчаком. Разом із Добротіцею Балик правив Карвунським (Добруджанським) деспотатом (князівством) у середині – другій половині XIV ст. В. Стоянов вважає, що це ім'я могло мати дві етимології. За першою, воно походило від тюркського позначення міста, за другою – від тюркського позначення риби – *baliq.* Ім'я могло набути також форм Баліка чи Белек [*Stotanow*, *2001*; *Пріцак*, *2008*, с. 224–225].

Барамук. Під 1354 р. в угорських документах згаданий Барамук (син Кабака). Л. Рашоні вказував на афікс *-muq* у цьому слові [*Rasonyi*, *1967*, p. *137*].

Барак. Так звали одного з кипчацьких вождів, котрі потрапили в полон до Святослава у 1184 р. М. Баскаков вважав, що це ім'я походить від тюркського слова *Baraq* (кудлатий собака). Під 1521 р. в угорському документі згаданий Деметрій Бараг [*Баскаков*, *1985*, с. 82; *Stoyanow*, *2001*; Лаврентьевская…, *1962*, с. 395; Ипатьевская…, *1962*, с. 632; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; *Rasonyi*, *1967*, p. 137].

Басараб. Так звали засновника правлячої династії Волощини. Він був сином Тихомира. На думку П. Павлова, М. Лазареску-Зобіан та А. Гьокбеля, Басараб, як і його рід, мав кипчацьке походження. Зазвичай це ім'я вважають похідним від тюркських слів *bas* (придушувати, правити, керувати) + *är* (чоловік) + *oba/aba* (батько, дядько, старший брат). Басараб у перекладі означало «правлячий рід», або «той, хто походить з правлячого роду». У латиномовних джерелах ім'я згадувалось як *Bazarab, Bazarad, Bazaras, Bozorab, Basarat*. Закінчення «–d» може бути пояснене угорською адаптацією цього тюркського імені [*Илиев*, *2013*, с. 101; *Lăzărescu-Zobian*, *1984*, p. 267; *Павлов*, *2009*, с. 400; *Vasary*, *2005*, p. 152]. І. Вашарі вказує, що ім'я Басараб походить від куманського *Basar-oba* [*Vasary*, *2005*, p. 149–152]. А. Гьокбель вважає, що ім'я батька Басараба – Тохомер походить не від Токтомер, а від Токомер [*Gökbel*, *2002*, p. 654; *Vasary*, *2005*, p. 152].

Басти. Кипчацький ватажок з таким іменем згаданий під 1223 р. За даними галицько-волинського літописця, він прийняв християнство. Племінна та кланова належність невідома. М. Баскаков вважав ім'я похідним від *bas* (придушувати) + афікс *dy/di. Basty* у перекладі з тюркського – той, хто переміг [*Баскаков*, *1985*, с. 82; Ипатьевская…, *1962*, с. 741; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226].

Башкорт. Це ім'я кілька разів згадувалось у літописі. Перший раз згаданий у літописі під 1159 р. Башкорт допомагав князю-вигнанцю Івану Ростиславичу Берладнику здійснити похід на Галицьке Пониззя. Спроба домогтись від князя-вигнанця данини полоненими русинами була невдалою. Під 1160 р. Башкорт допомагав Ізяславу оволодіти Києвом, проте ця кампанія також була невдалою. До Башкорта втекла одна руська княжна. Інший вождь з іменем Башкорт був згаданий у 1184 р. як полонений Святослава. На думку М. Баскакова, ім'я походить від тюркських *baš* (голова) + *qurt* (вовк), тобто дослівно – вожак вовків [*Баскаков*, *1985*, с. 78; Лаврентьев-

ская…, *1962*, с. 396; Ипатьевская…, *1962*, с. 501; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Бачкольда. В угорських джерелах був згаданий під 1267 р. як володар села *Aranylábúbács.* Л. Рашоні пропонував кілька етимологій. За однією з них, ім'я походить від кримсьтатарського та османсько-турецького *badž* + *qoldi* (звернення (прохання) старшої сестри) [*Rasonyi*, *1967,* p. 136].

Беглюк/Белук/Белюк. Кипчацький ватажок племені бурдж-огли у середині – другій половині XII ст. Був тестем Рюрика і батьком Гзи. Згаданий у літописах під 1162 р., коли став свояком Ростиславичів. У 1167-му або 1168 році Ярослав Всеволодович напав на кочів'я Беглюка, і з того часу почались активні походи бурдж-огли на Русь. М. Баскаков вважав правдоподібною таку етимологію його імені: *bek/berk* (міцний) + *lyq/liq* = *beklik* (міцність, твердість, міцний, твердий) [*Баскаков*, *1985*, с. 82; Ипатьевская…, *1962*, с. 532; *Пріцак*, *2008*, с. 182].

Беке. В 1347 р. під цим ім'ям згаданий син Атлабарза. З казахської мови *beki* – прищ. Також існує інша етимологія з казахської та татарської мов: *beki* – знатна дама [*Rasonyi*, *1967*, p. 137].

Бельдюз. Один із вождів лукоморських кипчаків. Згаданий під 1103 р. як один зі страчених кипчацьких вождів. Був багатим і пропонував за себе викуп. Святополк хотів його помилувати, але Володимир Мономах наполіг на його страті. М. Баскаков пропонував кілька варіантів етимології цього імені. За першою з них, ім'я походить від *Bil-düz* = *Bildüz* (повідомити). За другою етимологією – *beli* (від *bel* – талія) + *düz* (прямий). Тобто ім'я означало «його пряма постава». Була ще одна версія, яка пов'язувала ім'я зі словом *baldyz* (свояк) [*Баскаков*, *1985*, с. 82; Лаврентьевская…, *1962*, с. 279; Ипатьевская…, *1962*, с. 255*; Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Більге-тегін. Згаданий під іменами Белкатгін та Балкатгін у «Повчанні Володимира Мономаха». У 1078 р. допомагав разом з двома іншими кипчацькими ватажками відвойовувати Чернігово-Сіверську землю. У 1086 р. воював під Новгородом-Сіверським. На думку М. Баскакова, етимологія прозора – від *Bilge* (мудрість, мудрий) + *tegin* (принц). Більге-тегін означає «мудрий принц». На думку дослідника, можлива й інша етимологія – *bel* (талія, поясниця, статура) + *qat* (твердіти). До слова додано афікс *gin/qyn/kin*, у результаті чого отримуємо *Beli qaqtyn*, тобто «людина з міцною статурою» [*Баскаков*, *1985*, с. 82; Лаврентьевская…, *1962*, с. 248].

Бітер. Під 1292 р. в угорському джерелі згаданий Бітер, син Течеуча. Л. Рашоні вважав, що це ім'я походить від тюркського слова *bit* (готовий, зростати) [*Rasonyi*, *1967*, p. 137].

Бердаша. Історичність існування цього вождя під сумнівом. Згаданий тільки у Никонівському літописі. Ймовірна етимологія – *Ber* (давати) + афікс *dy/di*, тобто *Berdi*. Можливо, форма походить від *Alla, Hudaj, Tengri berdi*, тобто «Бог дав». Закінчення *ša* (Бердаша) – це слов'янська адаптація імені Берді. На думку П. Голдена, це ім'я монгольського чи навіть постмонгольського часу [*Баскаков*, *1985*, с. 82; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; *Golden*, *1979/1980*, p. 300].

Бердібек. Історичність існування цього вождя сумнівна, оскільки він згаданий тільки у Никонівському літописі. М. Баскаков запропонував етимологію *Tengri Berdi* (Бог дав) + *bek* (пан), тобто «Богом даний пан». До того ж ім'я Бердібек не зустрічається до монгольських часів у східноєвропейських степах [*Баскаков*, *1985*, с. 82; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Болден. Під 1322 р. в угорському документі згаданий як син Ямула. Етимологія імені нез'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 138].

Бокміш. Кипчацький вождь 80-х рр. XII ст., належав до племені іт-огли. Був братом Тоглия (Ітилия). Згадувався в Іпатіївському літописі у 1183-му та 1184 рр. У 1184 р. потрапив у полон до Святослава. М. Баскаков запропонував етимологію імені від *baq* (дивитися за випасом худоби) + *myš* або *miš*, що в підсумку дає «той, хто дивиться за випасом худоби» [*Баскаков*, *1985*, с. 82–83; Ипатьевская…, *1962*, с. 632; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Болуш. Кипчацький ватажок середини XI ст. Згаданий у літописах під 1054 та 1055 рр. Був першим кипчацьким вождем, який встановив контакт з Руссю і, ймовірно, тіснив огузів з Дніпровського Лівобережжя. М. Баскаков висловив два припущення щодо етимології його імені. Перше – від слова *bülüš* (спустошення), друге – від *boluš* (помічник або той, хто надає допомогу) [*Баскаков*, *1985*, с. 83; Лаврентьевская…, *1962*, с. 162; Ипатьевская…, *1962*, с. 152].

Боняк. Був союзником Візантії у 1091 р. Очолював дунайських кипчаків. У 1097-му чи 1099 році надав допомогу галицьким Ростиславичам і переміг угорське військо в битві на річці В'ягрі. В угорських джерелах згаданий як Міркода. Найзапекліший ворог Русі. Здійснював походи 1095 та 1096 рр. на Русь та ледь не увірвався в

Київ. У 1105-му та 1107 рр. здійснив напади на кордони Русі. У битві на Сулі разом із Шаруканом був переможений русинами. У 1116 р. проти нього здійснив похід Володимир Мономах. Помер орієнтовно у першій чверті XII ст. У нього був син Севінч. Ще один Боняк жив у середині XII ст. За М. Баскаковим, є кілька гіпотез щодо етимології його імені. За першою гіпотезою, ім'я походить від *bänäk* (родима пляма). За другою – ім'я походить від *bojun-mojun* (шия) + *aq* = *boj(u)naq*. Боняк – це «білошиїй». За третьою – Боняк походить від *bojnaq* (ящірка). П. Голден вважав можливою етимологію від уйгурського імені *Bongaq*. Л. Рашоні вважав ім'я похідним від тюркського *bön* (старий). Таке ім'я, на думку П. Голдена, як і Кипчак, було одним із захисних імен [*Баскаков*, *1985*, с. *83*]. У формі Маніак воно згадувалося в Анни Комніни. Д. Моравчік та О. Пріцак вважали його формою согдійського *Mani-ax*, тобто товариш (брат) Мані [*Moravcsik*, *1983*, s. 181, 361; *Анна Комнина*, *1965*, книга 8, параграфы 4–6; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224; *Golden*, *1979/1980*, p. 300].

Бортц. Вождь племені кунун, жив у першій половині XIII ст. Ймовірно, йому належала ініціатива нападів на угорські комітати Фегераш та Брашов. Був переможений тевтонськими лицарями. У 20-х рр. XIII ст. пішов на зближення з Римом та Угорщиною. Прийняв християнство у 1228 р. У 1229 р. мав брати участь у кампанії угорців за оволодіння Галичиною. Був похований не за традиційним кипчацьким звичаєм, а у якійсь вежі. С. Ковач вказує, що в латиномовних хроніках зустрічалися й інші форми імені цього кипчацького вождя – *Brut, Bauch, Bruch.* У Хроніці Емони він згаданий як вождь вальвів *Boricius.* Згідно з цим джерелом, цей вождь був хрещений у 1227 р. Що стосується етимології імені, то деякі дослідники вважають його похідним від тюркського слова «перець». На думку П. Голдена, тюркське ім'я Бортца було *Bars*, *Borč* або *Burč*. В. Спіней вважав можливою формою імені Бортц форму Буртчі. С. Ковач висунула декілька гіпотез щодо етимології імені кипчацького вождя. За однією з них, ім'я Бортц – це слово Барс. Дослідниця пов'язувала цю форму з ім'ям Бегуварс в Іпатіївському літописі. Етимологія від *Bars* (барс) можлива, якщо зважати, що в тюрків були популярні тотеми, зокрема котячі тотеми. За другою гіпотезою – Бортц означає *Borč/Borz*, тобто «борг». За третьою – ім'я походить від *Burč*, тобто «перець». Проте ці пояснення здавались С. Ковач непереконливими, і вона пов'язувала ім'я Бортц з етнонімом «бурд-жогли» [*Голден*,

2008, p. 326; *Осіпян*, *2005(2)*, с. 4–5; *Spinei*, *1986*, p. 52; *Kovacs*, *2005*, p. 256–259; *Spinei*, *2008*, p. 423–424].

Бузкан. В угорському документі під 1333 р. згаданий Бузкан (син Арбуза). Л. Рашоні вважає, що це ім'я похідне від тюркського *Buzgan* (знищити, знищувальний) [*Rasonyi*, *1967*, p. 138].

Букур. В угорському документі під 1352-й та 1354 рр. згадана особа на ім'я *Buchuer* чи *Bochwr*. Л. Рашоні вважає, що це ім'я схоже на *bučur* із давньотюркських рунічних написів. Етимологія імені нез'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 138].

Бутемер. Кипчацький бек із племені Ілончук (йилан). Згаданий в угорському документі під 1342 р. Перебував на службі в угорців. Служив Карлу Роберту та Людовику з династії Анжу. Етимологія імені нез'ясована [*Mandoky-Kongur*, *1972*; *Mandoky-Kongur*, *1976*; *Paloczi-Horvath*, *1989*, p. 59; *Rasonyi*, *1967*, p. 138].

Бякоба/Бякоб. Кипчацький вождь, згаданий в Іпатіївському літописі під 1180 р. За гіпотезою М. Баскакова, це ім'я походить від *bek* або *berk* (міцний) + *apa* (дядько по батькові) [*Баскаков*, *1985*, с. 83; Ипатьевская…, *1962*, с. *623*; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 155].

Ванчук. Під 1333 р. в угорських документах згадувався Кунчек (син Ванчука) з племені чертан. Ванчук був кипчацьким аристократом. Етимологія імені нез'ясована [*Rasonyi*, *1967,* p. 146].

Гзак/Гза/Кза. Син Белюка з племені бурдж-огли та батько Романа Кзіча з цього ж племені. Жив у другій половині XII ст. Відзначився походами на Русь у 1169, 1185, 1193 рр. Затятий ворог Ігоря Святославича. Блокував «шлях з варяг у греки». Ймовірно, вождь Гза згаданий як Котзас у хроніці Микити Хоніата. Цей вождь брав участь на боці болгар у Адріанопольській битві. І. Вашарі вважав, що Котзас візантійської хроніки відповідає тюркському *Qoja* [Ипатьевская…, *1962*, с. 632, 641, 675; *Moravcsik*, *1983*, s. 164, 361; *Vasary*, *2005*, p. 50; *Никита Хониат*, *1862*]. За М. Баскаковим, ім'я Гза походить від тюркського *qozy* (ягня). Друга етимологія дослідника – від *göz-i* (той, хто з більмом). О. Пріцак схилявся до того, що більш правильна перша етимологія, але висловив ряд зауважень. У Східному Туркестані *qozi* (ягня) мало форму *Qoza*. Слов'янська калька цього імені звучала так: Коза. Гзак у слов'янському варіанті з'явилося внаслідок демінутивного афікса «-ак» [*Баскаков*, *1985*, с. 83; *Пріцак, 2008*, с. 235–236; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 266].

Гиргень. Згадувався у літописі лише один раз (у 1107 р.) і тільки у зв'язку зі шлюбом доньок Аєп з Рюриковичами. Був братом Асеня з племені кай та дядьком Аєпи з цього ж племені. За М. Баскаковим, *girgin* – ласкавий, гідний, зухвалий, *kirgin* – той, хто досягнув мети, або той, хто прагне досягнути мети, *kürgen* – зять) [*Баскаков*, *1985*, с. 83; Ипатьевская…, *1962*, с. 259; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; Лаврентьевская…, *1962*, с. 283].

Дорман. В угорських документах люди з цим ім'ям згадані під 1285-м та 1406 рр. У сербському «Житії Мілутіна» Дрман згаданий як правитель області поблизу Бранічева та Белграда, брат Куделіна. Вони воювали проти сербів у 1292 р. та були союзниками відінського деспота Шишмана. Щодо імені Дрман, то В. Стоянов запропонував кілька етимологій. Дрман тюркською мовою мав мати таке написання: *Derman, Durman, Darman*. Тюркське слово Dur/tur означає «стояти», «зупинятися». *Derman* походило від тюркського дієслова *dera* (боротися). Н. Ілієв вважав можливим болгарський переклад дослівно як «нехай живе» [*Данило Други*, *1988*; *Stoyanow*, *2001*; *Илиев*, *2013*, с. 100; *Vasary*, *2005*, p. 101–104, 107–108; *Павлов*, *2009*, с. 398–400; *Димитров*, *1998*, с. 192–193; *Rasonyi*, *1967*, p. 140].

Дулеп. Цей кипчацький ватажок згаданий один раз у Никонівському літописі, що дає підстави сумніватися в його існуванні. М. Баскаков подає два варіанти етимології цього імені: 1) від азербайджанського *düläb* (колесо, інтриги, хитрощі); 2) від тюркського слова *tilbä/dilbä* (дурний). На думку П. Голдена, це ім'я монгольського чи навіть постмонгольського часу [*Баскаков*, *1985*, с. 83; *Golden*, *1979/1960*, p. 300].

Дьолма. В угорському документі під 1292 р. згаданий Келдеч (син Дьолми). На думку Л. Рашоні, ім'я похить від тюркського *Yul* та *yol* (шлях) [*Rasonyi*, *1967*, p. 140].

Дьолча. В угорському документі під 1455 р. згаданий Бенедикт, він же Дьолча. Л. Рашоні виводить етимологію слова від *Jolči* (мандрівник) або *Yolču* [*Rasonyi*, *1967*, p. 140].

Едуа/Ай-дога. Кипчацька коханка короля Ласло IV, згадувалась в угорських хроніках у XIII ст. Етимологія від *Ay* (місяць) + *Doga* (зростати), тобто «зростаючий місяць» [*Rasonyi*, *1967*, p. 136].

Ексн/Ексна. У літописах згаданий у 1184 р. як полонений Святослава. За М. Баскаковим, ім'я походить від *jaq* (повнішати, бути

приємним) + *syn* = *jaksyn* – нехай повнішає, нехай подобається [*Баскаков*, *1985*, с. 84; Лаврентьевская…, *1965*, с. 395; *Федоров-Давыдов*, *1965*, с. 225].

Енфем. Вождь дунайських кипчаків другої половини XI ст. Згадувався поряд з Копульхом під час походу на Угорщину в 1090 р. Загинув у битві на річці Паганті (Поганч), коли угорці перемогли кипчаків. Етимологія імені нез'ясована [*Шушарин*, *1997*, с. 327–328; 357, 121; Scriptores Rerum Hungaricarum…, 1766, s. 163–164; Chronicon Dubnicense…, *1884*, s. 196–197].

Ержебет. Донька Сейхана з племені Чертан. У 1247 р. вийшла заміж за угорського принца Іштвана, котрий потім став королем Іштваном V. Коханка Йоахіма Гюткеледа. Мати угорського короля Ласло IV. Володіла землями у Мачві та Боснії. Мала власну печатку, де називала себе «Божою ласкою королева Угорщини та донька імператора куманів» [*Vasary*, *2005*, p. 99, 102–103; *Berend*, *2001(1)*, p. 261–263; *Paloczi-Horvath*, *1989*, p. 53, 77–78].

Єльтут. Брат Кончака та син Отрока. Від нього походило відгалуження династії Шаруканідів – Єльтукове. Загинув у 1180 р. під час походу русинів. М. Баскаков, П. Голден та О. Пріцак наводили єдину етимологію цього імені – el (народ) + tut (тримати) = eltut (прав державою, тримай рукою) [*Баскаков*, *1985*, с. 84; *Golden*, *1979/1980*, p. 306].

Ємгазя. Історичність цієї особи під сумнівом, оскільки він згаданий під 1107 р. у Никонівському літописі. Ніхто інший про нього не повідомляв. Етимологію цього імені М. Баскаков виводив від jem (їжа) + qodža (пан), інакше – кухар [*Баскаков*, *1985*, с. *84*].

Ітилий/Тоглий. Кипчацький хан другої половини XII ст. Очолював плем'я іт-огли. На думку М. Баскакова, ім'я Ітилий – походить від jeti (сім) + lik = jetilik (сімка, сьомий). За О. Пріцаком, Тоглий походить від тюркського it-ogli, тобто син собаки [*Баскаков*, *1985*, с. 79; *Пріцак*, *2008*, с. 180].

Ітлар. Кипчацький посол у Переяславі в 1095 р. Був убитий за наказом Володимира Мономаха. Його страта призвела до тривалої війни Боняка з Руссю. Ім'я Ітлар М. Баскаков вважав похідним від it (собака) + lär = itlär (собаки). Аналогічно вважали А. Зайоночковські та О. Пріцак [*Баскаков*, *1985*, с. 9; *Пріцак*, *20*08, с. 185].

Йона. Християнське ім'я кипчацького володаря, який утік від монгольського завоювання до Болгарії. Помер у 1241 р. Його поховання

було описано Жаном де Жуанвілем. Про нього також згадував Альберик де Труа Фонтене [*Жуанвиль*, *2007*, с. 118; *Albrici*, *1874*, s. 949–950].

Кабак. В угорському документі під 1351 р. згаданий Барамук (син Кабака). Етимологію імені Л. Рашоні виводить від тюркського Qabak (гарбуз) [*Rasonyi*, *1965*, p. 141].

Кайтор. В угорських документах під 1428, 1448, 1473, 1484 рр. згаданий Тома, він же Кайтор де Пабе. Л. Рашоні вважав це ім'я похідним від тюрк. Qayt (повернення) [*Rasonyi*, *1967*, p. 142].

Калотан. Відомо тільки, що він був батьком хана Коряза. М. Баскаков вважав можливими кілька етимологій. Перша з них – qul + ata, тобто батько раба. Друга – qul + aba, тобто дядько раба. За третьою, ім'я Калотан – це спотворене qul atan, тобто раб верблюда – як символ величі. Однак сам Коряз був маловпливовим і навряд чи його батько був могутнім [*Баскаков*, *1985*, с. 84; Ипатьевская…, *1962*, с. 632; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Камоса. Син Оселука, брат Тюрнака, дядько Святослава Олеговича. Жив у середині XII ст. Мав походити з одного із племен наддніпрянських кипчаків. Належав до так званих диких половців. Етимологія імені нез'ясована [*Golden*, *1979/1980*, p. 298; Ипатьевская…, *1962*, p. 334].

Карач/Карас. У латинській графіці його ім'я було написано як Karaz. В болгарській історіографії зазвичай вживається форма Karač. Був одним із трьох кипчацьких беків, котрі повстали проти царя Борила у 1213 р. На думку Н. Ілієва та Л. Рашоні, це ім'я походить від турецького та огузького імені Караджа. Є дві етимології: 1) від турецького позначення серни; 2) від прикметника чорний. У першому варіанті більш точним є варіант переклад як буде як серна. На думку І. Вашарі, правильнішою формою є Karas. Саме у такій формі це ім'я траплялося в Угорщині. Окрім того, зустрічалось ім'я Karača [*Илиев*, *2013*, с. 99; *Vasary*, *2005*, p. 59; *Rasonyi*, *1967*, p. 141].

Карли. Відомо, що він був батьком вождя лукоморських кипчаків Кобяка. Його ім'я відоме тільки завдяки сину, якого літописці згадували по батькові. М. Баскаков вважав можливою одну етимологію: qar (сніг) + ly, тобто qarly (сніговий). П. Голден перекладав qarli як вкритий снігом [*Баскаков*, *1985*, с. 84; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226; *Golden*, *1979/1980*, с. 308].

Качман. Під 1247 та 1340 рр. в угорських документах згадані кипчаки на ім'я Качман. Л. Рашоні вважає можливою етимологію: Kač + man [*Rasonyi*, *1967*, p. 141].

Кейран. Кипчацький бек другої половини XIII ст. У джерелах згаданий як правитель із племені бурдж-огли. Згадувався в угорських документах як бек кипчаків під 1266 та 1288 рр. Можливо ім'я мало форму Кайран. У «Юань-ші» згаданий кангл Кайран-бай (дід Бухуму) [*Mandoky-Kongur*, *1976*; *Baski*, *2006*, p. 44; *Кадырбаев*, *2004*, с. 23; *Кадырбаев*, *2003*, с. 99–100; *Кадырбаев*, *1990*, с. 35–36; 768, 28–29; *Rasonyi*, *1967*, p. 142].

Келдеч. Під 1292 р. в угорському документі згаданий Келдеч (син Дьолми). Етимологія імені нез'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 142].

Келдечині. Під 1268 р. в угорському документі згаданий Келдечині. Л. Рашоні вважає це ім'я похідним від імені Келдеч [*Rasonyi*, *1967*, p. 142].

Кеменече. Один із кипчацьких беків другої половини XIII ст. Входив до оточення короля Ласло IV Куна. Ймовірно, брав участь у битві при Кресенбруні у 1260 р. та Дюрнкурті у 1278 р. на стороні угорців проти чехів. Погодився з умовами сейму в Тетені. Був одним із вбивць короля Ласло IV. Етимологія цього імені – від тюрк. kämänče (невеликий лук) [*Berend*, *2001(1)*, p. 54–55, 79–80; *Dobre*, *2003*, p. 106, 108–109; *Осіпян*, *2005(2)*, с. 7, 9; *Голубовский*, *1889*, с. 13; *Zimonyi*, *2007*; Fontes Rerum Bohemicarum…, *1874*, s. 310–316, 330; Annales Ottokatiani, *1874*; *Berend*, *2001(2)*, p. 252].

Кечел. Під цим іменем (Kechel, Keczel) під 1412 та 1493 р. згадані кипчаки. Л. Рашоні вважав його спотвореною формою тюрк. Qïzïl (червоний) [*Rasonyi*, *1967*, p. 142].

Кістра. В угорському документі під 1347 р. згадувався як син Япзи. Це слово було похідним від qiš-tura (зимівля, зимівник) [*Rasonyi*, *1967*, p. 142].

Кітанопа. Кипчацький вождь кінця XI – початку XII ст. Згаданий серед кипчацьких ватажків, котрі загинули під час битви на річці Сутіні (Молочній) у 1103 р. Ймовірно, що він належав до лукоморських кипчаків. Щодо етимології цього антропоніма, то М. Баскаков пропонував форму Qitan + ора – плем'я киданів. Також можливими він вважав форми Kötän (кишківник) + ара та Qutang (благословений). О. Пріцак наводив форму Qitay/Qitan. У множині антропонім звучав як Qitat. В літописах також згадувався кипчацький посол

Кітан, який був страчений Володимиром Мономахом у 1095 р. Версії про походження імені від племені киданів дотримувався П. Голден *[Баскаков*, *1985*, с. *84–85*; *Пріцак*, *2008*, с. *245*; Лаврентьевская…, *1962*, с. 227, 279; Ипатьевская…, *1962*, с. 217, 255; *Федоров-Давыдов*, 1966, с. 224–225; *Golden*, *1979/1980*, p. 302].

Клеопа. Еллінізована форма імені кипчацького ватажка, котрий перебував на службі у Візантійській імперії в середині XIII ст. Це ім'я згадано у Феодора Скутаріота та в листі Феодора II Ласкаріса. На думку Н. Ілієва, можлива помилка переписувача, котрий переплутав альфу та лямбду. Як вважає болгарський дослідник, ім'я могло звучати як Каєпа, тобто *Qay-apa*. Можливий переклад – чоловік з племені кай. Можливі варіанти – Аєпа, Айапа, Кайапа. Інший можливий варіант – аналогічний перекладу імені Аєпа [*Moravcsik*, *1983*, s. 161, 361; *Илиев*, *2013*, с. 99; *Павлов*, *2009*, с. 391].

Кобан. Згаданий в Іпатіївському літописі під 1190 р. Вказано, що він був братом Колдечі. Належав до «лукоморських» кипчаків. Після війн з Руссю у 1190–1191 р. ймовірна їхня участь у подіях на Балканах. Ім'я також зустрічалось у спотвореній латинській формі Guban. Ймовірно, Кобан брав участь у війні болгар проти угорців у 1202 р. у районі Мачви. Також ймовірна його участь у спільних походах болгар та кипчаків проти Візантійської імперії наприкінці XII – на початку XIII ст. На володіння Кобана мав здійснити кілька походів волинський князь Роман Мстиславич. Схоже на те, що Кобан належав до клану Урус-оба. На думку М. Баскакова, можливі два варіанти етимології – Qopan (високий, великий, переможний, здоровий) або Qaban (свиня). На нашу думку, більш імовірним є перший варіант, оскільки цей хан був одним із найвпливовіших кипчацьких вождів свого часу [*Баскаков*, *1985*, с. 85; *Zimonyi*, *2007*].

Кобяк. Вождь лукоморських кипчаків, правив у другій половині XII ст. Належав до клану Урус-оба. Його батьком був Карли. Відзначився спільним з Кончаком походом на Русь у 1170 р. Кобяк загинув під час походу русинів у 1183 р. Зазначений у «Слові о полку Ігоревім» як «Кобяк поганий», тобто язичник. М. Баскаков пропонував етимологію імені Кобяк від Köpek (Köbek) – великий собака. П. Голден запропонував подібну гіпотезу з перекладом Köpek (Köbek) – тобто пес [*Баскаков*, *1985*, с. 85; НПЛ, *1950*, с. 395; Ипатьевская…, *1962*, с. 632; Лаврентьевская…, *1962*, с. 226; *Golden*, *1979/1980*, p. 308].

Козл Сотанович. Згадувався в Іпатіївському літописі під 1180 р. Загинув під час спільного з Кончаком походу. Був переможений русинами і вбитий разом з Ельтутом. Щодо етимології імені, то М. Баскаков запропонував декілька варіантів. Перший – Козл похідне від тюркського Qozy / quzy (ягня, вівця). Другий варіант – від Qozyly, тобто, той, хто народився під знаком Овна, або власник вівці. Третій варіант – ім'я походило від тюркського дієслова Qozyl (приєднуйся). Четвертий варіант – від Qyzyl (червоний). П'ятий варіант – від Qazal (дерев'яний молот) [*Баскаков*, *1965*, с. 85; Лаврентьевская…, *1962*, с. 225; Ипатьевская…, *1962*, с. 632].

Кокусь. Він же Коксус. У літописі згаданий поряд з Акланом Бурчевичем. Необхідно зауважити, що перед ім'ям Аклан вжито слово син, тобто Аклан міг бути сином Кокуся. Бурчевич – це не по батькові, а ознака приналежності до племені бурдж-огли. За даними «Повчання Мономаха», Кокуся разом із Акланом та Азгулуєм було страчено русинами, а їхні мертві тіла кинуто у річку Славлю. За припущенням М. Баскакова, є кілька гіпотез щодо етимології цього імені. За першою з них, ім'я похідне від тюркського köküs/kögys (серце, груди) + ly = köküsli (холоднокровний, хоробрий). За другою і невірогідною – від kök (рід) + süz = köksüz (без роду). За третьою гіпотезою, ім'я походило від köküsk (синюватий) [*Баскаков*, *1962*, с. 85; Лаврентьевская…, *1962*, с. 250].

Кол. У джерелах згаданий як батько Копульха. Один з вождів дунайських кипчаків. Мав жити у другій половині XI ст. Угорські джерела зафіксували плем'я qol. І. Башкі пов'язував це ім'я з тюркским qul (раб) [*Baski*, *2006*, p. 46].

Колгуна. Під таким іменем в угорському документі під 1332 р. згадувався кипчак, котрий був сином Боклова. Л. Рашоні вважав можливою етимологію від монг. Qulquna та тюрк. Qulgana (миша) [*Rasonyi*, *1967*, p. 143].

Колдечі. Кипчацький хан кінця XII – поч. XIII ст. Брат Кобана, належав до клану Урус-оба. Був згаданий у зв'язку з походом русинів на Івлю (Інгулець) у 1190 р. Зазнав поразки від русинів. Етимологію імені М. Баскаков виводив від qolda (допомагати, простягати руку) + складний афікс da-g-čy = qoldagčy (той, хто надає допомогу). М. Баскаков розглядав й альтернативну версію, за якою Колдечі походить від qoldačy (злидар) [*Баскаков*, *1985*, с. 85; Ипатьевская..., *1962*, с. 761; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Кондам. В угорських документах під 1315 та 1385 г. згаданий Кондам та Юпухо (Ябгу) з племені кол (кулаба-огли). Етимологія імені нез'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 143].

Кончак. Кипчацький вождь, який належав до династії Шаруканідів і до племені токсоба. Відзначився походами на Русь у 1170, 1174, 1185 рр. і брав участь у руських міжусобицях у 1179–1180 рр., переміг Ігоря Святославича у 1185 р. і здобув місто Римов. У 1187 р. став тестем Ігоря Святославича, віддавши заміж за нього свою доньку. Етимологію цього імені М. Баскаков виводив від qongčaq (кольчужні кільці на стегнах, наколінники). М. Рясанен та О. Пріцак вважали можливою етимологію від končak (старі дублені штани) [*Баскаков*, *1985*, с. *85*; *Пріцак*, *2008*, с. *236–237*; *Baski*, *2006*, p. *53*].

Копульх. Один з вождів дунайських кипчаків. Син Кола. Здійснив напад на Угорщину у 1090 р. Спустошив Угорщину до Біхара. На зворотньому шляху угорці, під керівництвом Ласло I, перемогли Копульха на річці Паганті (рівчак Поганч) поблизу сучасного міста Тімішоара [*Шушарин*, *1997*, с. 327–328; *Spinei*, *2009*, p. 121; Scriptores Rerum Hungaricarum…, *1776*, s. 163–164; Chronicon Pictum…, *1883*, s. 196–197].

Кордук. Кордук був згаданий в угорському документі під 1340 р. Л. Рашоні вважав можливою етимологію від тюрк. Qurduq або qur (приготуватися, встановити) [*Rasonyi*, *1967*, p. 143].

Коряз Калотанович. Кипчацький вождь, один із незначних вождів. Згадувався при подіях 1183 р., коли русини перемогли кипчаків. У 1184 р. потрапив у полон до Святослава. На думку М. Баскакова, ім'я Коряз походить від тюркського слова köräs (приятель). Дослідник пропонував й інші етимології, зокрема qoraz (півень) або kiräs (заповітний) [*Баскаков*, *1985*, с. 86; *Ипатьевская, 1962*, с. 632; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Костук. Костука в історичних джерелах не згадували. Проте відомий Обовли Костукович, дрібний кипчацький володар на межі з Чернігово-Сіверськими землями. На думку М. Баскакова, ім'я Костук може походити від тюркських слів köstek або köstök, що означає пута для коней. За альтернативною гіпотезою дослідника, ім'я мало походити від перс. Küstäx. Проте не зрозуміло, навіщо використовувати іранський термін, якщо є тюркський відповідник [*Баскаков*, *1985*, с. 86; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; Ипатьевская…, *1962*, с. 663].

Котян. Так звали вождя племені дурут. Цей хан брав участь у руських міжусобицях у 1205, 1211, 1235 рр. У 1229 р. він підтримав Данила Романовича проти угорського королевича Коломана та вождя племені кунун Бортца. Відомо, що він був згаданий Рогерієм та Альбериком де Труа Фонтене як вождь тих кипчаків, котрі переселилися в Угорщину до Великодня 1239 р. У латиномовних джерелах ім'я Котян має форму Kuthen. За свідченнями Рогерія, Котян прийняв хрещення і дотримувався католицької течії християнської віри. На думку М. Баскакова, є кілька версій етимології імені Котян. За першою з них, ім'я походить від тюркських kütäh/kütäk (короткий, малий). За другою – від тюркських kötek/kotäk (пеньок, колода). За третьою – ім'я Котян походить від тюркського kötän/köten (кишківник). У візантійських джерелах згадувався Котаніц Торнік. Можливо, його ім'я походить від тюрк. Qotan [*Баскаков*, *1985*, с. 86; НПЛ, *1950*, с. 62, 265; Ипатьевская…, *1962*, с. 742, 747–751, 753–754, 761; *Тизенгаузен*, *1884*, с. 541–542; 573; *Рогерий*, *2012*, с. 18; *Paloczi-Horvath*, *1989*, p. 50–51; *Rogerii*, *1892*, s. 549–550, 556, 946; *Павлов*, *2009*, с. 392; *Rasonyi*, *1967*, p. 143–144].

Кочола. Кипчак з таким ім'ям був згаданий під 1340 р. в угорському документі. Л. Рашоні вважає можливою етимологію цього слова від тюрк. Qoja (пан, багатий) [*Rasonyi*, *1967*, p. 142].

Кубасар. Кипчацький бек з числа так званих «колишніх кипчаків» (картвелізованих кипчаків-токсоба, котрі прийшли у Грузію з Отроком), жив у Грузії у середині – другій половині XII ст. Брав участь у боротьбі за владу у Грузії на боці Юрія Андрійовича [История и восхваление венценосцев, *1954*; *Golden*, *1984*].

Куделін. Кипчацький ватажок, який правив болгарськими володіннями у районі Мачви. Згаданий у «Житії Мілутіна» в доробку сербського архієпископа Данила II. Брат Дрмана. Воював з угорцями у 70–80-х рр. XIII ст. Переможений на початку 90-х рр. XIII ст. Як і його брат Дрман, він шукав допомоги у відінського деспота Шишмана. На думку Н. Ілієва, ім'я перекладається з болгарського як нещасливий. У тюркських мовах мав би мати аналог кибчак [*Данило Други*, *1988*; *Илиев*, *2013*, с. 100; *Vasary*, *2005*, p. 101–104, 107–108; *Павлов*, *2009*, с. 398–400; *Димитров*, *1998*, с. 192–193].

Кутлу-Арслан. Кипчацький бек, жив у Грузії в середині та другій половині XII ст. брав участь у боротьбі за владу у Грузії у 80-ті рр. XII ст. Був союзником Юрія Андрійовича (сина Андрія Боголюб-

ського). Етимологія імені прозора від тюрк. Qutlug (щасливий) + Arslan (лев), тобто щасливий лев [История и восхваление венценосцев, *1954*].

Куман/Кунам. Кипчацький вождь згаданий під 1103 р. у слов'янських літописах. Був страчений русинами після перемоги у битві на річці Сутінь. М. Баскаков запропонував кілька версій етимології цього імені. За однією з них, це ім'я походить від тюркського quman (жовтий, блідий). За іншою гіпотезою того ж дослідника, куман – похідне від тюркського quw + man (лебідь) [*Баскаков*, *1985*, с. 86; Лаврентьевская…, *1962*, с. 279; Ипатьевская…, *1962*, с. 255; *Федоров-Давыдов*, *1966*, 225].

Кунчег/Кумчег. В угорських джерелах під 1333 та 1347 р. згадувалися вожді Кунчег та Кумчег. Вони походили із племені чертан. Л. Рашоні вважав ці імена спотвореною формою імені Кончак [*Rasonyi*, *1967*, p. 143].

Кунуй. Кипчацький вождь згаданий Нестором під 1096 р. На думку М. Баскакова, це ім'я походить від тюркського qonuk (гість). Дослідник також вважав можливими варіанти qonuj, qunuj, тобто похідні від тюркського künü (друг) [*Баскаков*, *1985*, с. *86*].

Кунячюк, Кюнячок. Вождь із таким іменем згаданий серед тих кипчаків, хто загинув у руській міжусобиці 1180 р. Він загинув під час битви на річці Чорторії. М. Баскаков висловив шість варіантів етимології цього імені. За першим з них, ім'я походить від köni (прямий, справедливий, відвертий, надійний, друг, приятелька) + čük = köničük (справедливенький, надійненький або küničük заздрісний). За другим – ім'я похідне від тюркських küneč/küneš + čuk = küneččuk (сонечко). За третім – Кунячюк походить від тюркського kündädžik (герой, богатир). Четвертий варіант малоймовірний. Дослідник виводив його від kiničuk (коханець, коханка). За п'ятим – це зменшена форма від konček (штани). А шостий варіант геть неймовірний – від küngčük (раб, рабиня) [*Баскаков*, *1985*, с. 86–87; Ипатьевская…, *1962*, с. 623; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Куртк/Куртик. Кипчацький ватажок згаданий під 1103 р. Був одним з вождів «лукоморських кипчаків». М. Баскаков розглядав кілька гіпотез щодо походження імені вождя. За першою гіпотезою, ім'я походить від qurtqa (стара жінка), і це малоймовірно. За другою – ім'я походило від тюркського числівника (qyrqta) – сорок. За третьою – від qurt (вовк) + yk = qurtyk (вовченя). Остання гіпотеза, вида-

ється нам найбільш переконливою з огляду на популярність вовчого тотема у кипчаків [*Баскаков*, *1985*, с. 86; Лаврентьевская…, *1962*, с. 279; Ипатьевская…, *1962*, с. 255; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Куря. Кипчацький вождь кінця XI ст. Встановити племінну приналежність складно. Можливо, він з того ж племені (іт-огли), що й Тугоркан. У 1096 р. Тугоркан і Куря взяли в облогу Переяслав. Під іменем Куря відомий і правитель одного з племен печенігів середини X ст. М. Баскаков пропонував кілька варіантів етимології. За першим з них, ім'я походить від тюркського küräk/körek (гарна фігура, краса). За другою – від тюркської назви бурундука – küräk/körük. За третьою гіпотезою, ім'я Куря походить від тюркської назви лошати – kürrä [*Баскаков*, *1985*, с. 86; Ипатьевская…, *1962*, с. 221; *Федоров-Давыдов*, *1966,* с. 224].

Кучмек. Під 1283 р. згадані Іван та Кучмек – християни-кипчаки. Л. Рашоні вважав можливою етимологію від тюрк. Kočmek [*Rasonyi*, *1967*, p. 143].

Кчій. Під іменем Кчій (Кочій, Кічік, Кучук) під 1103 р. у літописах згадувався один із вождів лукоморських кипчаків. Вождь із таким іменем був страчений русинами. Що стосується етимології цього імені, то М. Баскаков пропонує два варіанти. За першим – це ім'я походить від тюркського kiči/kičik (маленький, молодий, невеликий). Ще раніше цю гіпотезу висунули П. Меліоранський та А. Зайончковські. За іншим варіантом, запропонованим М. Баскаковим, це ім'я походить від тюркського küčük (щеня) [*Баскаков*, *1985*, с. 86; Лаврентьевская…, *1962*, с. 279; Ипатьевская…, *1962*, с. 255].

Лазар. Кипчацький вождь з християнським іменем. Ймовірно, належав до дунайських кипчаків. Жив у середині XII ст. і у 1148 р. був захоплений у полон ромеями поблизу Тенуормона, де, ймовірно, розміщувався його табір [*Moravcsik*, *1983*, s. 177, 361].

Манастр/Манастрас. Це ім'я згадувалось у візантійських джерелах у зв'язку зі смертю Калояна. Манастр займав високу посаду у царській гвардії і був коханцем цариці Анни-Анісії. Що стосується етимології цього імені, то Н. Ілієв вважав малоймовірним припущення, що це ім'я могло походити від сучасного турецького позначення монастиря. У книзі А. Куришжанова, можливою етимологією цього імені подано діалектне казахське Manas (визначена доля чого-небудь). Н. Ілієв запропонував гіпотезу, що Манастр це є похідне від

тюркського Manas е, тобто будь, як Манас. Нагадаємо, що Манас – це герой киргизького епосу. Ім'я Манас має кипчацьке походження і також популярне у казахів [*Moravcsik*, *1983*, s. 192, 361; *Илиев*, *2013*, с. 98–99; *Павлов*, *2000*; *Vasary*, *2005*, p. 53].

Мандула. Кипчацька княжна Mantula, коханка угорського короля Ласло IV. Л. Рашоні вважав, що це ім'я монгольського чи угорського походження, проте переконливого пояснення ніхто не запропонував. Під 1347 р. згадувався Павел Чита, син Мандули. Етимологія імені нез'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 144].

Менк. Під 1279 р. в угорському документі згадувався князь (бек) Менк із кипчаків. Л. Рашоні запропонував дві версії етимології його імені. Перша – від тюрк. man (великий), друга – від min (тисяча) [*Rasonyi*, *1967*, p. 144].

Мемборк. Кипчацький вождь 20–30-х рр. XIII ст. Син кипчацького вождя Бортца з племені кунун. Виступав як посередник під час переговорів Бортца з католицькими клініками та угорським королем. У 1228 р. разом з батьком був охрещений та прийняв католицизм. Ім'я Мемборка згадувалося європейськими латиномовними хроністами у різних формах: Bembroch, Breroth, Bibrech, Betnboch, Membork. С. Ковач висловила припущення, що ім'я складається з двох частин. Друга частина означає ім'я Бортц, а перша – це тюрк. слово men/man (великий). На думку Д. Дьорффі, перша частина імені Мемборка у формі Bibrech могла позначати тюрк. bey (правитель). У Кодекс Куманікус слово bey/beg було синонімом титулів емір чи князь [*Spinei*, *1986*, p. 52; *Kovacs*, *2005*, p. 256; *Spinei*, *2008*, p. 423–424].

Мічі. В угорському джерелі під 1266 р. згаданий бек кипчаків Michi. Етимологія імені нез'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 144].

Обовл. Це був один з незначних правителів кипчацького прикордоння у 80-х рр. XII ст. У літописах згадувався якийсь Обовли Костукович. На його володіння здійснив набіг Ігор Святославич. М. Баскаков запропонував чотири гіпотези етимології цього імені. Усі вони допускають слов'янську кальку тюркських слів. За першою з них, Обовли походить від abajly (обережний). За другою гіпотезою, Обовли – це слов'янська калька тюркського oba (повстяна кибитка) + ly = obaly (кибиточник, кочівник). За третьою – це калька тюркського іменника abawly (страхітливий крик, крик відчаю). За четвертою – це калька тюркського Obal (велика родина) + ly = Obally (той,

хто має велику родину) [*Баскаков*, *1985*, с. 87; Ипатьевская…, *1962*, с. 633; *Федоров-Давыдов, 1966*, с. 225].

Овчин, він же **Гиргень**. Кипчацький вождь другої половини XI ст. з племені кай. Був батьком одного з Аєп, котрі уклали угоду з русинами у 1107 р. Ім'я цього кипчацького ватажка, на думку М. Баскакова, є калькою з тюркського aw (полювання) + čy = awčy (мисливець). На думку О. Пріцака, в монгольських мовах ім'я звучало як irgen, а форма гіргень з'явилась у давньоруській. Irge з монгольської означає вівця [*Баскаков*, *1985*, с. 87; *Пріцак*, *2005*, с. 240–241, 245].

Она. В угорському джерелі під 1266 р. згадувався бек кипчаків Она. Можливо, це ім'я було спотвореним християнським Йона [*Rasonyi*, *1967*, p. *144*].

Оргован. В угорському джерелі під 1451 р. був згаданий Іоанн, він же Оргован. Л. Рашоні пропонував етимологію від тюрк. arguvan (бузок) [*Rasonyi*, *1967*, p. 144].

Оре. Під таким іменем відомий кипчацький кобизчі (пісняр). Сирчан направив його до Грузії, щоб він нагадав Отроку, перебуваючому там, про рідні степи. За гіпотезою М. Баскакова, ім'я похідне від тюрк. Öre (опора юрти) [*Баскаков*, *1985*, с. 87; Ипатьевская…, *1962*, с. 715–717].

Оселук. В літописах це ім'я згадано як Осалук, Оселук, Селук, Селелук. Оселук віддав заміж за Олега Святославича свою доньку. Разом з Ташем діяв проти Русі у поході 1127 р. Був батьком кипчацьких вождів Тюпрака та Камоси. Мав походити з одного кипчацького племені Наддніпрянщини, що межувало з Руссю. М. Баскаков запропонував кілька варіантів етимології цього імені. За першим із них – ім'я походить від тюрк. Osuluq (розсудливий, розважливий), за другим – від тюрк. osal/usal (ледачий) + lyk = osallyk (ледач, лінощі), за третім – від тюрк. Syjly/syjluq (чесний, шанований), за четвертим – від suuluq (вудила), за п'ятим – від saglyk/sawlyq (вівця). На думку П. Голдена, можливий варіант із караїмської мови Suluk/Seluq (п'явка) [*Баскаков*, *1985*, с. 87; Лаврентьевская…, *1962*, с. 296; Ипатьевская…, *1962*, с. 291; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226; 760, 299].

Отрок/Атрак згадувався у Галицько-Волинському літописі та грузинській хроніці «Житія царя царів Давида». В Іпатіївському літописі повідомлялося, що сином Отрока був Кончак, а батьком – Шарукан.

Сирчан та Сугр мали доводитись йому дядьками. Період з 1118–1125 рр. Отрок провів у Грузії. Його війська допомогли грузинам перемогти в битві при Бардаві та в битві Дідгорі у 1121 р., здійснили похід на лезгинів та дербентських кипчаків у 1123 р. Також вони звільнили від мусульман Тбілісі у 1122 р. М. Баскаков запропонував кілька гіпотез стосовно етимології імені цього кипчацького вождя. За першою з них, ім'я Отрок походить від тюркського artuq (вищий, кращий). Цікаво, що у грузинському джерелі про нього повідомлялося як про наймогутнішого серед кипчаків, так що перша етимологія більш імовірна. Друга гіпотеза, за якою це ім'я походить від ortaq (товариш, приятель), менш імовірна. Третя гіпотеза, відповідно до якої ім'я Отрок походить від тюркського otraq (стійка, стійбище), неможлива. П. Голден також запропонував кілька версій етимології. За однією з них, Äträk означало світлошкіру людину. За іншою гіпотезою, яку ще раніше висловив З. Валіді-Тоган, це людина з червоним обличчям. Ім'я Атрак було популярним серед тюрків. Зокрема, за свідченнями Ібн Фадлана, так звали одного з огузьких вождів [*Баскаков*, *1985*, с. 87; Ипатьевская…, *1962*, с. 715–717; *Golden*, *1979/1980*, p. 305; Жития царя царей Давида*, 1998*].

Парабуг. В угорських документах під 1266, 1332, 1338 рр. згадані кипчацькі аристократи на ім'я Парабуг. Один з них, котрий жив у XIV ст., був батьком коміта Іштвана, котрий воював проти волохів. Етимологію імені не з'ясовано [*Rasonyi*, *1967*, p. 144].

Петро. Брат Асеня, християнізований кипчак. Як і його брат, він мав володіння у придунайських землях Візантійської імперії. Один із ініціаторів Болгарського повстання. Разом із братом звернувся по допомогу до кипчаків, влахів та бродників. Переміг ромеїв під Верроєю та Лардеєю. У 1189 р. увійшов у контакт із Фрідрихом I Барбаросою [*Бибиков*, *1981*, с. 124; *Хониат Никита*, 1862; *Литаврин*, *1960*, с. 437–439, 446–448, 451–459; *Vasary*, *2005*, p. 38–47].

Саїмчуга. Згаданий тільки у Никонівському літописі під 1147 р. Історичність цієї особи сумнівна, оскільки більш ранні літописи нічого не повідомляли про нього. За М. Баскаковим, етимологія цього імені така: sajma (шана, шанований) + čuq = sajmčug (шановненький) [*Баскаков*, *1985*, с. 88; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Сакз. Кипчацький ватажок другої половини XI ст. У Лаврентіївському літописі згаданий як брат Багубарса, і схоже, що був і братом Асеня. Етимологію цього імені М. Баскаков виводив від тюрк-

ського числівника sägiz/sekiz (вісім). Тобто сакз, імовірно, sekiz (восьмий) [*Баскаков*, *1985*, с. 88; Ипатьевская…, *1962*, с. 249; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224].

Салават. Брат кипчацького вождя Севінча, котрий правив вождівством «дербентських кипчаків» наприкінці XII ст. Керував загоном грузинського війська з так званих «нових кипчаків» під час битви у Шамхорі в 1195 р. Під час тріумфального параду у Тбілісі в 1195 р. очолив авангард [*Golden, 1984*, p. 64, 82–83; *Анчабадзе*, *1960*, с. 122–124; *Анчабадзе*, *1980*, с. 343].

Самогур. Кипчацький вождь початку XIII ст. Брав участь у боротьбі за Галичину, як ворог Романа Мстиславича та його нащадків. М. Баскаков пояснює етимологію імені від тюркського *samgur/samur* (соболь) [*Баскаков*, *1985*, с. 88; Ипатьевская…, *1962*, с. 717; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226].

Сантуз. Кипчацький вождь другої половини XII ст. Згадувався в Іпатіївському літописі під 1160-м та 1180 рр. М. Баскаков вважав можливими дві етимології імені. Перша етимологія – *san* (гідність) + *tüz* (виправдай) = *santüz* (виправдай свою гідність). За другою, ім'я похідне від тюркських слів *syn* (фігура, постава) + *tüz* (прямий, рівний, стрункий) = *syn(y)tüz* (пряма постава, стрункий) [*Баскаков*, *1985*, с. 88; Ипатьевская…, *1962*, с. 505].

Сароній у латинських джерелах, він же **Ситзіган** у візантійських джерелах. І. Вашарі вважає більш правильною формою його імені християнське ім'я Сір Янні. Можлива форма Сиргіан. Іоанн Кантакузин вважав, що грецьке ім'я Ситзіганос – це спотворене Ситзіган. Тюркською формою ім'я кипчацького вождя звучало *Sïčgan* (миша). Цей кипчацький вождь жив у першій половині – середині XIII ст. Згаданий Альбериком де Труа Фонтене поряд з кипчацьким вождем Йоною. Його онук Сиргіан відіграв важливу роль у громадянській війні у Візантії між двома Андроніками. Можливо, Сичган очолював кипчацьке плем'я орунгут [*Moravcsik*, *1983*, s. 277, 361; *Vasary*, *2005*, p. 67–68; *Павлов*, *2009*, с. 393–394; *Осіпян, 2005(2)*, с. 8].

Сатмаз. Кипчацький вождь другої половини XII ст. Мав двох синів, котрі у 1159 р. були захоплені в полон. П. Голден виводив етимологію його імені від тюркського *sat* (продавати) + *maz* (негативна форма аориста), тобто непідкупний [*Golden*, *1979/1980*, p. 303; Ипатьевская…, *1962*, с. 479, 504–509, 517–521; Лаврентьевская…, *1962*, с. 345].

Саук. Кипчацький вождь, котрий жив у другій половині XI ст. Був союзником Олега Святославича у 1078 р. і допомагав відвойовувати Чернігово-Сіверську землю. Щодо етимології імені, то М. Баскаков запропонував кілька гіпотез. За однією з них, ім'я похідне від тюрк. *sawuq* (будь здоровий, видужуй). За другою гіпотезою, Саук походить від тюркського *sawuq/suwuq/sawux* (холодний). За третьою гіпотезою, Саук похідне від тюркського *sagoq/sagqol* (праве крило). За четвертою – ім'я походить від тюркського *sagyq* (розум свідомість) [*Баскаков*, *1985*, с. 88; Лаврентьевская…, *1965*, с. 248; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224].

Севенч/Севінч. Під цим іменем відомий син Боняка, який мріяв про славу батька, але так і не втілив свої задуми на практиці. Помер у 1151 р. Жив, очевидно, в першій половині – середині XII ст. Другим кипчацьким вождем з таким іменем був хан «дербентських кипчаків», котрий жив у другій половині XII ст. Цей кипчацький хан був союзником Грузії наприкінці XII ст. За припущенням М. Баскакова, ім'я Севінч походить від тюркського *sewünč/sivinč* (радість, радісний) [*Баскаков*, *1985*, с. 88; Ипатьевская…, *1962*, с. 432; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224; История и восхваление венценосцев, *1954*].

Сейхан. Кипчацький вождь першої половини та середини XIII ст. Був ханом племені чертан і згаданий в угорському документі під 1255 р. як *Zeyhanus*. Переселився з Болгарії до Угорщини у 1246 р. Віддав заміж свою доньку Ержебет за принца Іштвана. Етимологія імені нез'ясована [*Vasary*, *2005*, p. 99, 102–103; *Berend*, *2001(2)*, p. 261–263; *Paloczi-Horvath*, *1989*, p. 53, 77–78].

Сокал. Згадувався в Лаврентіївському та Іпатіївському літописах як кипчацький вождь, який перший напав на Русь у 1060-му чи 1061 році. В більш пізній час у Молдавії жив вождь під іменем *Sucal*. Для імені Сокал/Іскал М. Баскаков вважав правильною етимологію від *saqal* (борода) або *Yüksäl* (піднімайся). О. Пріцак вказував лише одну етимологію – від *saqal* [*Баскаков*, *1985*, с. 88; *Пріцак*, *2008*, с. 32; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224; Лаврентьевская…, *1962*, с. 163; *Kurat*, *1972*, s. 77; НПЛ, *1950*, с. 17; Ипатьевская…, *1962*, с. 152; 802, 270–271].

Сотан. Самого Сотана не згадували, писали про його сина Козла. М. Баскаков мав чотири гіпотези щодо походження цього імені. За першою з них, ім'я походило від тюркського *sotan(aq)* (не-

посидющий). За другою – ім'я було похідним від тюркського *südön* (гарна зовнішність). За третьою – ім'я походить від тюркського *satang* (гарний, людина з прямою поставою). За останньою, четвертою гіпотезою, Сотан – це слов'янська калька тюркського *satun* (відданий) [*Баскаков*, *1985*, с. 88; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; Ипатьевская…, *1962*, с. 623].

Судемір Кучебич. Кипчацький вождь середини XII ст. Очолював плем'я куч-оба, котре кочувало десь на Наддніпрянщині. Був союзником Святослава Ольговича. П. Голден припускає, що у літописі відбулася слов'янізація тюркського імені. На його думку, ім'я походить від тюркського *sü* (військо) + *temir* (залізо) = *sütemir* (залізне військо) [*Rasonyi*, *1967*, p. 299].

Сурбар. Один із вождів лукоморських кипчаків. Брав участь у битві на річці Сутіні ів 1103 році. Страчений русинами. За припущенням М. Баскакова, існувало кілька етимологій цього імені. За першою гіпотезою, Сурбар означає *sür* (крик) + *mär(bär*) = *sürbär* (мовчазний). За другою гіпотезою, ім'я похідне від тюркського *sür-i bär* (гарний, гарна зовнішність). За третьою гіпотезою, ім'я походить від тюркського *süre ber* (переслідуй) [*Баскаков*, *1985*, с. 88; Лаврентьевская..., *1962*, с. 279; Ипатьевская…, *1962*, с. 255; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224–225].

Сутой. Батько Котяна. Походив з племені дурут. Самостійно ім'я у джерелах не згадувався, а тільки як ім'я по батькові Котяна. Жив у другій половині XII ст. Мав разом з Кончаком брати участь у битві на Каялі у 1185 р. Наприкінці XII ст. мав очолити переселення свого племені з Дніпровського Лівобережжя до Наддністрянщини. Стосовно етимології імені М. Баскаков висловив дві гіпотези. За першою з них, ім'я походить від тюркського *süt* (молоко) + *daj/dej* = *süttei* (подібний молоку). За другою гіпотезою, ім'я похідне від тюркського *süttöj aq* (білий) [*Баскаков*, *1985*, с. 89; Лаврентьевская…, *1962*, с. 505; Ипатьевская…, *1962*, с. 544, 741].

Сдвак. Згаданий у літописі як Сдвак Кулобицький, тобто вождь кипчацького племені кулаба-огли. У 1184 р. потрапив у полон до Святослава. Один із малопомітних вождів кипчаків. Переконливих тюркських етимологій імені немає. М. Баскаков вважав, що ім'я походить від перського *sadä/sade* (простий, скромний, простодушний) + *bäk* = *sädäväk* [*Баскаков*, *1985*, с. 89; Ипатьевская…, *1962*, с. 632; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 226].

Сирчан. Правитель володінь частини донецьких кипчаків на Північному Кавказі. Доводився братом Сугру та дядьком Отроку. Належав до племені токсоба та династії Шаруканідів. У 1125 р. попросив Отрока повернутися з Грузії. Після повернення Отрока з Грузії до володінь конфедерації донецьких кипчаків відійшов на другий план. Стосовно етимології цього імені М. Баскаков запропонував три варіанти. Перший – від *sarysan (*жовтуватий, блідий), другий варіант – *surčan* (той, що прохає), третій – від *syr* (прив'язувати) + *čang* = *syrčan* (той, хто прив'язує) [*Баскаков*, *1985*, с. 89; Ипатьевская…, *1962*, с. 716; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224].

Сугр. Син Шарукана і брат Сирчана, належав до династії Шаруканідів. Один із вождів донецьких кипчаків. Брав участь у спільному поході Шарукана та Боняка на Лубни. Був переможений у битві на Сулі. На честь його було названо місто Сугров. На думку М. Баскакова, ім'я походить від тюркського *sugur,* тобто бабак. О. Пріцак вважав більш правильною караханідську форму *sugur* (горностай) [*Баскаков*, *1985,* с. 74; *Пріцак*, *2008*, с. 225; Лаврентьевская…, *1962*, с. 282; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224].

Таз. Брат Боняка, один із вождів дунайських кипчаків. Брав участь у битві з русинами поблизу Лубен у 1107 р. Загинув у битві. Ймовірно, брав участь у більш ранніх походах Боняка. М. Баскаков запропонував єдину правильну етимологію. За нею, ім'я походить від тюркського *taz* (шолудивий) [*Баскаков*, *1985*, с. 89].

Тастра. Під 1347 р. згадувався в угорському документі як батько Кістри. Л. Рашоні виводив етимологію цього імені від тюркського *Taš-tura* (кам'яна хата) [*Rasonyi*, *1967*, p. 145].

Тарсук. Один із маловідомих кипчацьких вождів. Потрапив у полон до Святослава у 1184 році. М. Баскаков запропонував гіпотезу, за якою ім'я походить від тюркського *torsuq* (бурдюк або мішок, у який наливають воду або кумис). В угорському документі під 1277 р. згадувався *Thorzok* [*Баскаков*, *1985*, с. 89; Ипатьевская…, *1962*, с. 632; Лаврентьевская…, *1962*, с. 395; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; *Rasonyi*, *1967*, p. 146].

Тарх/Тарг. Один із маловідомих кипчацьких ватажків. Потрапив у полон до Святослава у 1184 р. М. Баскаков запропонував дві версії етимології імені. За першою з них, ім'я походило від тюркського *taryq* (кревний родич). За другою – ім'я похідне від тюркського *taryg* (зерно) [*Баскаков*, *1985*, с. 89; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; Ипатьевская…, *1962*, с. 632; Лаврентьевская…, *1962*, с. 395].

Татур/Тотур. Один з вождів донецьких кипчаків, належав до династії Шаруканідів. Дядько Юрія Кончаковича. За М. Баскаковим, Татур/Тотур – син Кончака. Згаданий в Іпатіївському літописі під 1180 р. У «Юань-ші» поряд з Юйліцзи згаданий Татахаер. За припущенням Р. Храпачевського, ім'я цього вождя – Татур. Цей вождь жив у першій чверті XIII ст. М. Баскаков запропонував кілька гіпотез щодо етимології цього імені. Перша – від *tatar* (татарин) – малоймовірна. За другою гіпотезою, ім'я походить від тюркського *tatu* (мир, мирний) + *är* (чоловік) = *Tatur.* За третьою гіпотезою, ім'я похідне від тюркського *tat* (куштувати) + *ur* = *Tatur* (давати куштувати) [*Баскаков*, *1985*, с. 89; *Ипатьевская*…, *1962*, с. 632].

Таш. Вождь придніпровських кипчаків, котрий жив у першій половині XII ст. Здійснив напад на прикордоння Русі у 1127 р. За гіпотезою М. Баскакова та П. Голдена, ім'я походить віл тюркського *taš* (камінь). Ця гіпотеза не викликає заперечень [*Баскаков*, *1985*, с. 89; Лаврентьевская…, *1962*, с. 296; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; *Golden*, *1979/1980*, p. 299].

Темір. Існування цього вождя малоймовірне, оскільки він згаданий лише у пізньому Никонівському літописі. За гіпотезою М. Баскакова, ім'я Темір походить від тюркського *temir* (залізо, залізний). На думку П. Голдена, це ім'я монгольського чи навіть постмонгольського часу [*Баскаков*, *1985*, с. 89; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 219, 225; *Golden*, *1979/1980*, p. 300].

Тертер. Кипчацький ватажок, племінник Котяна і син його брата. Жив у другій половині XIII ст. Був болгарським царем у 1280–1292 рр. В Болгарії прийняв християнське ім'я Георгій. Н. Ілієв вважає ім'я похідним від етноніма «тертер-оба», тобто «плем'я чотирьох чоловіків» [*Илиев*, *2013*, с. 100; *Moravcsik*, *1983*, s. 306–307, 361].

Тетня/Тетій. Малопомітний кипчацький вождь. Був узятий в полон Святославом у 1184 р. М. Баскаков вважав можливими три варіанти етимології цього імені. За першою гіпотезою, ім'я похідне від *tetig/tetij* (меткий, спритний). За другою гіпотезою, ім'я походить від тюркського *tete/tetä* (наступний). За третьою – ім'я походить від тюркського *teti inä* (молодший брат) [*Баскаков*, *1985*, с. 89–90; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225; *Ипатьевская*…, *1962*, с. 632].

Тешенч. Під 1322 р. в угорському документі згадувався Тешенч, батько Бітера. Л. Рашоні вважав можливою етимологію від тюркського *Täzgänč (Täzgän)* (обертатися) [*Rasonyi*, *1967*, p. 145].

Тігак. Кипчацький бек середини – другої половини XIII ст. На думку В. Отрощенка, похований у Чингульській могилі. Служив Данилу Романовичу під час битви при галицькому місті Ярославі (1245 р.) та в поході на Литву (1251–1252 рр.). На думку П. Павлова, у 1256 р. воював на стороні болгар проти ромеїв та кипчаків Клеопи [*Грушевський*, *1992*, с. 547; *Ипатьевская…*, *1962*, с. 802, 811, 816–818; *Отрощенко, Рассамакин*, *1986*].

Тирій/Тирей. У літописах самостійно це ім'я не згадується, є відомості тільки про Гліба Тирейовича під 1185 р. Етнічне походження цієї постаті незрозуміле, хоча він і згадується як ворог Русі. Можливо, він належав до так званих «поганих тлковинів». М. Баскаков вважав можливими три гіпотези. За першою з них, ім'я Тирій похідне від тюркського *tiri* (живий, жвавий, бадьорий). За другою гіпотезою, ім'я походить від тюркського *tirov* (життя). За третьою – ім'я походить від тюркського *tiri bala* (пустун) [*Баскаков*, *1985*, с. 90; Лаврентьевская…, *1962*, с. 395; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Тоглий/Товлий/Толгий/Туглий. Згадувався у літописах під 1169-й та 1185 рр. Належав до племені іт-огли та, відповідно, лукоморських кипчаків. Був братом Бокмиша і, ймовірно, ханом. У 1169 р. ходив походом на Русь. Був полоненим Святослава у 1184 р. На думку М. Баскакова, ім'я походить від тюркського *togly*, тобто «тримісячне ягня», «вівця». Інша етимологія дослідника – це *tug* (прапор) + *ly* = *tugly* (той, що має бунчук, прапор). А. Зайончковські та О. Пріцак пропонували форму togly – малий баран [*Баскаков*, *1985*, с. 90].

Толун. Під 1279 р. поряд з Узуром в угорському документі згадувався Толун. Аналогічне ім'я мав тюркський мамлюк, який за Саманідів правив Бухарою. Його нащадки правили Сирією та Єгиптом від імені Аббасидів. Л. Рашоні виводив етимологію імені від тюркського *Tolun* (повний місяць) [*Rasonyi*, *1967*, p. 146].

Томзак. Саме ім'я Томзак не згадувалося, в Іпатіївському літописі були тільки дані про Ярополка Томзаковича під 1190 р. Він згаданий поряд з лукоморськими кипчаками. Етнічне походження цієї постаті нечітке, хоча він і згадується як ворог Русі. Можливо, він належав до так званих «поганих тлковинів». За гіпотезою М. Баскакова, ім'я Томзак походить від тюркського *temsyk* (пестун, бадьорий) [*Баскаков*, *1985*, с. 90].

Томпор. Під 1418 р. згадувався правитель племені чертан Томпор. Етимологію цього імені Л. Рашоні виводив від італійського *Tombur*, німецького *Trommel* (барабан) [*Rasonyi*, *1967*, p. 146].

Тортел. Один із кипчацьких беків другої половини XIII ст. Погодився з рішенням сейму у Тетені у 1279 р. Ймовірно, брав участь у битві при Кресенбруні у 1260 р. та Дюрнкурті у 1278 р. на стороні угорців проти чехів. Був одним із вбивць короля Ласло IV Куна, мав ім'я *Turtel (Turtul, Turtule)*. Більш пізня форма цього імені – *Törtély (Törtél)*. *Törtél*, на думку І. Башкі, – похідна форма від *tört (türt)* + *–el (–il*). *Törtél* – це плем'я чотирьох родів. Дослідник також припускав іншу етимологію цього етноніма – *tört* або *türt* + *ogul* (тобто плем'я чотирьох синів). П. Голден вказує, що в тюркській формі числівнику *dört* (чотири) відповідає кипчацьке *tört.* Проте Тертер-оба (Тертробичі) дослідник вважає племенем, окремим від дурут. Він вважає цей етнонім похідним від тюркських *teriter* та *terit*, а не від кипчацького *tört* [*Baski*, *2006*, p. 50–51; *Golden*, *1997*, p. 112, 117; *Paloczi-Horvath*, *1989*, p. 54–55, 79–80; *Berend*, *2001(2)*, p. 106, 108–109; *Осіпян*, *2005(2)*, с. 7, 9; *Голубовский*, *1889*, с. 13; *Zimonyi*, *2007*; Articuli Cumanorum, *1849*, s. 310–316, 330; Annales Ottokariani, *1874*; *Pritsak, 1968*, с. 146].

Тугортак/Тугоркан/Тугорткан. Вождь племені іт-огли. Разом із Боняком допоміг ромеям у битві при Левуніоні перемогти печенігів. В 1093 р. здійснив похід на Русь і завдав поразки Святополку на Стугні. Став тестем Святополка, видавши за нього свою доньку. Загинув при облозі Переяслава у 1096 р., коли Володимир Святославич здійснив контрудар. М. Баскаков вважав це ім'я похідним від *tugar* (народжений) + *tegin* = *tugartegin* (народжений принцом). Дослідник також вважав можливими варіантами етимології від слів *togurtaq, togurtqy* (дятел) та *togrutaq (togrutaqan)* – той, хто виправляє. О. Пріцак пропонував форму: *togri* (вірний) + *tarxan* (тархан, привілейований), тобто «вірний тархан» [*Баскаков*, *1985*, с. *90–91*; *Moravcsik*, *1983*, s. *316, 361*; *Пріцак*, *2008*, с. 244–245].

Турбей. Згадувався тільки у Никонівському літописі, тому саме його існування сумнівне. М. Баскаков висловив кілька гіпотез щодо етимології цього імені. За першою з них, ім'я походить від тюркського *törpi/dörpi* (пилка). За другою гіпотезою, ім'я похідне від тюркського *tör* (почесний кут хати) + *bij* (пан) = *törbij*, котре є синонімом киргизького *tör aga* (голова, у значенні ролі людини, а не частини тіла) [*Баскаков*, *1985*, с. 91; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Турундай. Був тестем Кобяка, потрапив у полон до Святослава у 1184 р. Мав відігравати помітну роль у степовій політиці, оскільки

його свояками стали Урусобичі. Можливо, походив з одного із племен наддніпрянських кипчаків. М. Баскаков висловив три гіпотези щодо походження імені Турундай. За першою з них, ім'я походить від тюркського *turundaj/turumtaj* (назва птаха). За другою – ім'я похідне від тюркського *torun/turun/torum* (молодий верблюд), тобто *turun* + *daj* = *Turundaj* (подібний верблюжаті). За третьою гіпотезою – ім'я Турундай походить від тюркського *turna* (журавель) + *daj* = *turnadaj* (подібний журавлю) [*Баскаков*, *1985*, с. 91].

Тюрнак. Син Оселука, брат Камоси та дядько князя Святослава Ольговича.Здіснив набіг на прикордоння Русі у 1127 р. Щодо етимології імені, то, згідно з П. Голденом, ім'я походить від тюркського *tün* (ніч*)* + *rak/raq* = *tünraq* (чорний, темрява) [*Golden*, *1979/1980*, p. 298].

Узур (Узуз). Кипчацький бек другої половини XIII ст. У 1279 р. погодився з умовами «Грамоти про куманів», прийнятої на сеймі у Тетені. Ймовірно, брав участь у битві при Кресенбруні у 1260 р. та Дюрнкурті у 1278 р. на стороні угорців проти чехів. Етимологія не з'ясована [Annales Ottokariani, *1874*; Constitutio Cumanorum, *1849*; *Paloczi-Horvath*, *1989*, p. 54–55, 79–80; *Berend*, *2001(2)*, p. 106, 108–109; *Rasonyi*, *1967*, p. 146].

Умул. Під 1367 р. в угорському документі згадувався Умул з племені чертан. Етимологія не з'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 146].

Урусоба. Кипчацький вождь кінця XI – початку XII ст. Виступав за перемовини з русинами, проте у 1103 р. після поразки від Рюриковичів був страчений. Був родоначальником клану Урусобичів, які здобули владу над лукоморськими кипчаками у другій половині XII ст. Що стосується етимології імені, то М. Баскаков пропонував кілька варіантів. За першим із них, Урусоба походить від тюркських *ura* (яма) + *apa*. За другою версією, Урусоба походить від *urus* (битва, бій, боротьба) + *aba*. За третьою – похідне від *yrys* (щастя) + *aba*. Четверта гіпотеза – неможлива, і за нею Урус-оба походить від *urus* (руський) + *oba*. Фахр ад-Дін Мубаракшах згадував про урусоба як про плем'я *Urus (wrws*) [*Golden*, *1992*, p. 230, 279; *Golden*, *1997*, p. 120; Лаврентьевская…, *1962*, p. 277–279; НПЛ, *1950*, p. 19, 203; Ипатьевская…, *1962*, p. 252–256]. Цікаво, що ад-Дімашкі згадував про кипчаків ал-арс. Можливо, походження цього етноніма пов'язане з ал-арсійа [*Баскаков*, *1966*, с. 91; *Golden*, *1997*, p. 120–121].

Учуган. Кипчак, згаданий під 1288 р. в угорському документі. Син Кейрана з бурдж-огли. Етимологія не з'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 146].

Чемгура. Існування кипчацького ватажка з таким іменем сумнівне, оскільки він згаданий лише у Никонівському літописі. За М. Баскаковим, етимологія його імені – від тюркського *čamgur (*ріпа, редька) [*Баскаков*, *1985*, с. 91; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Ченегрепа. Один із вождів лукоморських кипчаків. Брав участь у битві на річці Сутіні в 1103 р. Був страчений русами. На думку М. Баскакова, щодо етимології імені є дві версії. За першою з них, ім'я походить від *čangar* + *apa/čingir* + *apa/čangyr* + *aba* = *senggire* (кричати, радіти). За другою – ім'я похідне від тюркського *Čagyr, čagry, čongyr* (сокіл) + *apa.* О. Пріцак вважав Ченегрепу вождем племені *Jenger*. П. Голден стверджує, що Ченегрепа – це окремий кипчацький клан. Назва племені походить від тюркських *Čenegir-apa, Čengir-apa, Čengir-pa* [*Баскаков*, *1985*, с. 91; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 224; Ипатьевская…, *1962*, с. 253, 255; Ипатьевская…, *1962*, с. 279; *Пріцак*, *2008*, с. 40; *Golden*, *1997*, p. 113].

Чибук. Під 1266 р. в угорському документі згаданий бек кипчаків Чибук. Л. Рашоні вважає, що це ім'я являє собою кипчацьке ім'я Чілбук *(čïbuk)* і у перекладі значить «слуга» [*Rasonyi*, *1967*, p. 139].

Чидбе. В угорському документі під 1340 р. згаданий кипчак Чидбе. Етимологія імені не з'ясована. [*Rasonyi*, *1967*, p. 139].

Чита. В угорському документі під 1347 р. згаданий кипчак Чита. Етимологія імені не з'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 139].

Чоба. В угорському документі під 1347 р. згаданий кипчак Чоба. Етимологія імені не з'ясована [*Rasonyi*, *1967*, p. 139].

Чумо. В угорському документі під 1347 р. згаданий кипчак Чумо. Л. Рашоні вважав його ім'я похідним від тюркського *džuma*, яке, у свою чергу, походить від арабської назви п'ятниці [*Rasonyi*, *1967*, p. 139].

Чугай. Людина з таким іменем згадувалась під 1180 р. в Іпатіївському літописі. М. Баскаков вважав його сином Кончака. Проте для цього нема достатніх підстав. За припущення М. Баскакова, ім'я має два варіанти етимології. Перший варіант – ім'я походить від тюркського *čyga*j (нещасний, бідний, злидень). За другою версією, Чугай походить від тюркського *čuga* (тонкий) [*Баскаков*, *1985*, с. 91; Ипатьевская…, *1962*, с, 623; *Федоров-Давыдов*, *1966*, с. 225].

Шарукан, він же Шарукан Старий. Вождь донецьких кипчаків з племені токсоба, родоначальник династії Шаруканідів та батько Отрока (у грузинських джерелах Артака Шарганісдзе). Г. Цулая

зіставив ім'я Шарукан (Šarağan-i) з іменем Шарагас Армазійської білінгви. Ім'я Шарагас вважалося аланським. М. Джанашвілі співставляв Шарганіс-дзе зі Шаруканом. Проте у грузинському джерелі мова йшла не про нього, а про Атрака Шарганіс-дзе, тобто Отрока з роду Шарукана. Тотожність цих постатей довів Я. Цінцадзе [*Цулая*, *2008*, с. 130–131, 135–136; *Мургулия*, *1984*, с. 11; Шаркань].

Стосовно походження імені Шарукан дослідники дотримувались різних думок. П. Голден в одній із своїх ранніх статтей припускав, що ім'я походить від *Šari/Šaru* + *qan* = *Šariqan* – вождь племені шари. Дослідник також вважав можливим огурське походження цього імені. Булгарською чи чуваською *Saragan* означало «дракон». І. Добродомов, наприклад, дотримувався думки про його булгарське походження, а О. Пріцак обстоював думку про протомонгольське походження цього імені. На його думку, воно було похідним від монгольского *Šir(a)qan*. Цікаво, що в угорській мові слово *sárkány* також означає «дракон». А тюркськими мовами *sarağan* чи *sazağan* – це риба харіус. Нагадаємо, що вождь племені іт-огли Тугоркан у руських билинах мав ім'я Змійович. В Галицько-Волинському літописі при описі перемоги русинів над кипчаками на річці Сутіні (Сут-су, Молочна) кипчацьких вождів порівняли зі змієними головами. Варто зауважити, що поряд з іменами не було якихось епітетів, пов'язаних із тваринами. Так, Шарукан був названий Шарк-Велетень. Ніяких змій та драконів, як ми бачимо, тут не було згадано [*Пріцак*, *2008*, с. 30–31, 185, 219; *Ипатьевская…*, *1962*, с. 255; *Цулая*, *2008*, с. 136–137; *Мургулия, Шушарин*, *1998*, с. 63–64; *Баскаков*, *1985*, с. 91; *Golden*, *1979/1980*, p. 306].

Шишман. Кипчацький ватажок другої половини XIII ст. Родоначальник династії Шишмановичів. Правив Відінським деспотатом. Був васалом Ногая і надав допомогу Дорману та Куделіну у боротьбі проти сербів у 90-х рр. XIII ст. Син Шишмана Михайло став болгарським царем. *Šiš* тюркською мовою означає «товстий» чи «набрякати» [*Stotanow*, *2001*; *Vasary*, *2005*, p. 101–104, 107–108; *Павлов*, *2009*, с. 398–400].

Юргуче. Під 1330 р. в угорському документі згаданий кипчак Юргуче. Л. Рашоні виводив етимологію цього імені від *yarguči* або *yergiči* (суддя, голова поселення) [*Rasonyi*, *1967*, p. 147].

Юрій Кончакович. Кипчацький вождь кінця XII ст., прийняв християнське ім'я Юрій. Він був сватом володимиро-суздальського

князя Всеволода Велике Гніздо – видав за його сина свою доньку. Наймогутніший правитель східноєвропейських кипчаків. Очолював конфедерацію донецьких кипчаків. Згаданий як Юйліцзи в «Юань-ші». За свідченнями «Юань-ші» та галицько-волинського літописця, він не загинув у 1222/1223 р. і наприкінці 1220-х рр. підкорив вождівство «дербентських кипчаків». В ан-Насаві він згаданий як Гурка. У слов'янських джерелах – як Гюргю або Юрьгии Кончакович. Уклав союз з хорезмшахом Джелал ад-Діном Манбурні у 1229 р., але не зміг здобути Дербент. З перемінним успіхом воював проти вождівства Котяна з племені дурут. Язичницьким іменем Юрія було Аккубуль (біліший від білого). За свідченнями арабських джерел, підкорився монголам, використавши їхню допомогу у війні з дурутами [Ипатьевская…, *1962*, с. 740–741; *Храпачевский*, *2004*, с. 541–542].

Ямул. Під 1347 р. згаданий як батько кипчака Болдена. Л. Рашоні пропонував етимологію від куманського *yamov* + *lu* (латка або пошта, кур'єр) [*Rasonyi*, *1967*, p. 146].

Япза. Кипчак під цим іменем згаданий в угорському документі під 1347 р. На думку Л. Рашоні, етимологія цього імені – від алтайського, телеутського та лебединського *yapsï* (покривати, закривати, накривати, застилати) [*Rasonyi*, *1967*, *p. 147*].

Ярдар. В угорському документі під 1266 р. згаданий кипчацький бек Ярдар. Л. Рашоні вважав, що етимологія цього імені походить від куманського *yarat* (створювати) [*Rasonyi*, *1967*, p. 147].

Додамо до цього, що перелік імен у Судацькому синаксарі стає окремим питанням, оскільки в ньому складно відокремити кипчацькі імена від загальнотюркських та монгольських. Окрім того, це питання було спеціально розглянуто І. Вашарі в окремій студії. Проте воно стосується більше золотоординської історії, ніж кипчацької [*Vasary*, *1988*, p. 260–271].

Як бачимо, кипчацька антропонімія була багатою на тваринні імена. Користувались популярністю імена, які належали до назв собачих чи котячих тварин. Також широко використовувались імена, які мали назву птахів, польових тварин та худоби (верблюдів, баранів, кіз). Всупереч поширеному стереотипу, змііна та драконяча символіка у кипчацькій антропонімії не була поширеною. Імена кипчаків також доволі часто відображали певні якості чи особливості зовнішності людини. Серед імен іноді зустрічалися титули. Деякі кипчацькі імена стали прототипом для героїв тюркських епосів.

Щодо імен, згаданих у Никонівському літописі, то вони частково належать до монгольського та постординського періодів. Що стосується кількості імен, то найбільш багаті на них літописи Русі та угорські документи. Найменше кипчацьких імен у сербських (три імені – Дорман, Куделін, Шишман) та грузинських хроніках (усього шість, причому власне кипчацьких імен п'ять). Візантійські грекомовні та європейські латиномовні хроніки (при цьому більшість імен зафіксовано власне в угорських документах) також містять незначну кількість імен кипчацьких ватажків (10 у візантійських та 12 у латиномовних європейських), проте їх все ж більше, ніж у грузинів.

Література

Анна Комнина. Алексиада / Пер., вступит. статья, коммент. Я. Н. Любарского. М., *1965*.

Анчабадзе З. В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV веков // Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, *1960*.

Анчабадзе Г. З. Кыпчаки в Грузии // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, *1980*.

Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: 1980. М., *1981*.

Гаркавец А. Н. Бейбарс (619–676 / 1222–1277) // IV Международный тюркологический конгресс, 13–14 мая 2011 г. Туркестан: Международный Казахско-Турецкий университет им. Ясави, *2011*.

Голден П. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 6: Золотоордынское время. Донецк, *2008*.

Головко О. Б. Половецький хан Котян Сутоєвич у політичному житті Центрально-Східної Європи першої половини XIII ст. // XI сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції, м. Київ, 7–8 червня 2007 р. К., *2007*.

Голубовский П. В. Половцы в Венгрии (Отдельный оттиск). К., *1889*.

Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 2. К., *1992*.

Димитров Хр. Българско-унгарски отношения през средновековието. София, *1998*.

Други Данило. Животи краљева и архиепископа српских. Службы / Приредили Гордон Мак Данијел, Дамиан Петриђ, данашња језичка варијанта Лазар Мирковић, Димитрије Богдановић, Дамњан Петровић. Београд, *1988*.

Жития царя царей Давида // Символ. № 40. *1998*.

Жан де Жуанвиль. Книга благочестивих речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. с старофранц. Г. Ф. Цыбулько. СПб., *2007*.

Илиев Н. Десять половецких имен // Сборник материалов международной научной конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники», посвященной 1100-летию Кимекского государства, в рамках Дней тюркской письменности и культуры. Астана, *2013*.

Ипатьевская летопись (Воспроизведение текста издания 1908 г.) // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., *1962*.

История и восхваление венценосцев / Пер. и ред. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, *1954*.

Кадырбаев А. Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. Алма-Ата, *1990*.

Кадырбаев А. Ш. О миграциях и расселении кыпчакских племен в степях Евразии до эпохи Чингис-хана // Altaica. Вып. VIII. М., *2003*.

Кадырбаев А. Ш. Персидские и китайские источники о переселении кипчакских племен в Дашт-и Кипчак (в XI – начале XIII в.) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, *2004*.

Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку / Под. ред. акад. Е. Ф. Карского (Воспроизведение текста изд. 1926–1928 гг.) // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., *1962*.

Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., *1960*.

Мургулия Н. П. Половцы южнорусских степей (до переселения орды Отрока в Грузию) // Труды Тбилисского… университета. Вып. 216. Тбилиси, *1984*.

Мургулия Н. П., Шушарин В. П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII вв. М., *1998*.

Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина / Пер. Н. В. Чельцова. Т. 2 (1186–1206). СПб., *1862*.

НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и предисл. А. Н. Насонова. М., *1950*.

Осіпян О. Поширення християнства серед половців XI–XV ст. // Київська старовина. *2005(1)*. № 1.

Осіпян О. Поширення християнства серед половців XI–XV ст. // Київська старовина. *2005(2)*. № 2.

Отрощенко В. В., Рассамакін Ю. Я. Половецький комплекс Чингульського кургану // Археологія. Вип. 53. К., *1986*.

Павлов П. Бунтари и авантюристи в средневековна България. Велико Търново, *2000*.

Павлов П. Половцы во внутриполитической жизни Византии и Болгарии XIII–XIV вв. // Stratum Plus. *2009*. № 6.

Пріцак О. Коли і ким було написано «Слово о полку Ігоревім». К., *2008*.

Рогерий – Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. А. С. Досаев. СПб., *2012*.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., *1884*.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., *2004*.

Шаркань / http://www.bestiary.us/sharkan

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. М., *1997*.

Цулая Г. В. Отрок Шарукан – Атрака Шарганис-дзе (к вопросу об антропологическом источниковедении народов Северного Кавказа) // Силуэты Грузии. Вып. 2. М., *2008*.

Annales Bohemiae 1196–1278 // Fontes rerum Bohemicarum. T. II/1. Pragae, *1874*.

Annales Ottakariani // Fontes rerum Bohemicarum. T. II/1. Pragae, *1874*.

Albrici monachi Triumfontimum. Chronicon / Edidit P. Sheffer-Boichorst – 1241 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. XXIII. Hannover, *1874*.

Articuli Cumanorum // Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana. Sangalli, *1849*.

Baski I. On the ethnic names of the Cumans of Hungary // Kinship in the Altaic World / Proccedings of the 48th PIAC. Wiesbaden, *2006*.

Berend N. At the gate of Christendom: Jews, Muslims, and "pagans" in medieval Hungary. Cambridge UK, *2001(1)*.

Berend N. Cuman integration in Hungary // Nomads and Sedentary World. Budapest, *2001(2)*.

Chronicon Dubnicense: Cum codicibus Sambuci Acephalo et Vaticano, cronicisque Vindobonensi picto et Budensi accurate collatum // Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores: 3. Quinque-Ecclesiis [s. n.], *1884*.

Chronicon pictum Vindobonense / Ad fidem codicum recensuit, observationes, disquisitionem de aetate Belae regis notarii, et animadversiones criticas adiecit M. Florianus // Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores: 2. Lipsiae, *1883*.

Constitutio Cumanorum // Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana. Sangalli, *1849*.

Dobre C. F. The Mendicants mission in an Ortodox Land: A case of Study in Moldavia in the Thirthteen and Fourteenth Centuries // Annual of Medieval Studies at Central European University. Vol. 9. Budapest, *2003*.

Golden P. B. The «Polovci Dikii» // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III. No IV. Cambridge Mass., *1980*.

Golden P. B. Cumanica I: The Qıpčaqs in Georgia // Archiwum Eurasiae Medii Aevi. Vol. IV. Wiesbaden, *1984*.

Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, *1992*.

Golden P. B. Cumanica IV: The Cumano-Qэриaq Clans and Tribes // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. IX. Wiesbaden, *1997*.

Golden P. B. "I will give the people unto thee". The Chinggisid Conquests and their aftermath in the Turkic World // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. Vol. 10. Part 1. Cambridge UK, *2000*.

Gökbel A. Kipchaks and Kumans // The Turks. Vol. 1. Ankara, *2002*.

Fontes Rerum Bohemicarum. T. II. Cosmae Chronicon Boemorum cum continuatoribus / Prameny dějin českých. Dil II. vydavane z nadani Palackeho / Kosmuv letopis cesky s pokracovateli / Vydavatel Dr. Jos. Emler, prekladatel Vol. V. Tomek. Praha, *1874.*

Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H.–982 A. D. / Tr. and expl. by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold. London, *1937*.

Kovacs Sz. A Bortz, Cuman chief in the 13th century // Acta Orientalia Academiae Scientarium Hungaricae. Vol. 3 (58). Budapest, *2005*.

Kurat A. N. IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadenizin Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, *1972*.

Lăzărescu-Zobian M. Cumania as the name of thirteenth century Moldavia and Eastern Wallachia: some aspects of Kipchak-Rumanian relations / Turks, Hungarians and Kipchaks. A Ferschrift in Honor of Tibor Halasi-Kun // Journal of Turkish Studies. Vol. 8. Harvard, *1984*.

Mándoky-Kongur I. A hantos-széki kunok // Székesfehérvár évszázadai – 2. Középkor. Székesfehérvár, *1972*.

Mándoky-Kongur I. A kunok ulas törzse és törökségi kapcsoltai // Jászkunság – XXII. 1–2. Szolnok, *1976*.

Moravcsik Gy. Byzantinoturkica. Vol. 1–2. Leiden, *1983*.

Paloczi-Horvath A. Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary. Budapest, *1989*.

Pritsak O. Two Migratory Movements in the Eurasian Steppe in the 9th–11th centuries // Proceedings of 26th International Congress of Orientalists. New Delhi, 1964. Vol. 2. New Delhi, *1968*.

Rasonyi L. Anthroponymes Comans de Hongrie // Acta Orientalia Academiae Scientarum Hungaricum. Vol. XX. Budapest, *1967*.

Rogerii. Miserabile carmen super destructione regni Hungariae per Tartaros facta // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. XXIX. Hannover, *1892*.

Scriptores Rerum Hungaricarum Veteres ac Genuni. Cura et Studio Joannis Georgii Schwandtneri. Pars Prima. Vindibonae: Typis Joannis Thomae nob. de Trattnern, Caes. Reg. Aulae Typographi et Bibliopolae, MDCCLXVI (1766) // Веб-сайт Угорської електронної бібліотеки. [*Електронний ресурс*]. Режим доступу: http://mek.oszk.hu/08800/08829/08829.pdf – *Назва з екрана.*

Spinei V. Moldavia in the 11th–14th Centuries. Bucureşti, *1986*.

Spinei V. The Cumanic Bishopric: genesis and evolution: Genesis and Evolution // The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans. Leiden–Boston, *2008*.

Spinei V. The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden–Boston, *2009*.

Stoyanow V. Cumanian Anthroponymics in Bulgaria during the 15th Century // Studia in Honorem Professoris Verae Mutafčievae. Sofia, *2001*.

Thorau P. Lion of Egypt. Sultan Baybars I and the Near East in the Thirteenth Century. London–New York, *1987*.

Vasary I. Orthodox Christian Qumans and Tatars of the Crimea in the 13th–14th centuries // Central Asiatic Journal. Vol. 32. Wiesbaden, *1988*.

Vasary I. Cumans and Tatars.Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, *2005*.

Zimonyi I. History of the Turkic speaking peoples in Europe before Ottomans // Веб-сайт «Уппсальський Університет». [*Електронний ресурс*]. Режим доступу: http:// www. Lingfil.uu.se/afro/turkiskasprak/ip2007/ Zimonyi I.P. pdf – *Назва з екрана.*

Я. В. Пилипчук

Імена кипчаків у європейських джерелах

Резюме

Статтю присвячено дослідженню антропонімів кипчаків у європейських джерелах. Вперше були об'єднані матеріали слов'янських, європейських латиномовних, візантійських грекомовних та грузинських джерел. Найбільші массиви даних про імена кипчаків містяться в угорських латиномовних документах та руських слов'яномовних джерелах. Більшість імен мають надійні тюркські етимології і тільки для незначної частини імен неможливо знайти пояснення їхнього походження. Всупереч поширеному стереотипу, змііна та драконяча символіка в кипчацькій антропонімії не була поширеною. Імена кипчаків також доволі часто характеризували певні якості чи особливості зовнішності людини. Також серед імен іноді зустрічалися титули. Деякі кипчацькі імена стали прототипом для героїв тюркських епосів.

Ключові слова: кипчаки, імена, антропонімія, джерела, Європа

Я. В. Пилипчук

Имена кыпчаков в европейских источниках

Резюме

Статья посвящена антропонимам кыпчаков в европейских источниках. Впервые были объединены материалы славянских, европейских латиноязычных, византийских грекоязычных и грузинских источников. Наибольшие массивы данных об именах кыпчаков содержатся в венгерских латиноязычных документах и древнерусских славяноязычных летописях. Большинство имен имеют надежные тюркские этимологии, и только для незначительной части имен невозможно найти объяснение их происхождения. Вопреки распространенному стереотипу, змеиная и драконья символика в кыпчакской антропонимии не была распространена. Имена кыпчаков часто характеризировали определенные качества или особенности внешности. Также среди имен иногда встречались титулы. Некоторые кыпчакские имена вошли в тюркские эпосы.

Ключевые слова: кыпчаки, имена, антропонимия, источники, Европа.

Ya. V. Pylypchuk

Names of Kipchaks in European Sources

Summary

This paper is dedicated to the antroponims of the Kipchaks in the European sources. In this research the materials of Slavic, European Latin, Greek-speaking Byzantine and Georgian sources were united firstly. The largest massive of names of the Kipchaks contained in the Hungarian Latin documents and Old Rus' chronicles. Most names have a reliable Turkic etymology and only a small part of the etymology of names can not be found. Snake and dragon symbolism was not distributed in Kipchak anthroponimy. The names of Kipchaks characterized the certain internalss or features of appearance usually. We can meat the titles among these names sometime as well. Some Kipchak names had entered in the Turkic epic tradition.

Keywords: Kipchaks, names, antroponimy, sources, Europe.

А. А. Роменский

В ПОИСКАХ ХАЗАРИИ ИОАННА СКИЛИЦЫ: К ДИСКУССИИ О ПОХОДЕ ВАРДЫ МОНГА И СФЕНГА В 1016 г.

Проблема наследия Хазарского каганата и судьбы населяющих его этносов после крушения этого государства остается одной из трудноразрешимых загадок. Большинство исследователей относят уничтожение Хазарского государства к 60-м гг. X в. [*Артамонов*, *1962*, с. 426–431; *Dunlop*, *1967*, p. 247; *Плетнёва*, *1986*, с. 71–72; *Майко*, *2014*, с. 199; *Петрухин, Раевский*, *2004*, с. 223–224 *Petrukhin*, *2007*, p. 261–262; *Калинина*, *2015*, с. 243–244], иногда специалисты продлевают его существование еще на столетие [*Новосельцев*, *1990*, с. 230–231]. Создается впечатление, что фантом Хазарии даже после ее гибели время от времени появлялся в Восточной Европе, попадая на страницы летописей и хроник и занимая прочное место в пространственной картине мира людей средневековья. Название страны надолго пережило и этнос, и государственные структуры каганата, упоминаясь в источниках, составленных несколькими столетиями позже походов князя Святослава в донские и поволжские степи.

Автор статьи не претендует на разрешение всего комплекса вопросов, связанных с изучением феномена «Хазарии после Хазарии», интерпретацией ее роли в становлении и развитии государств и обществ на варварской периферии раннесредневековой ойкумены. Хотелось бы уточнить лишь некоторые детали, связанные с обострившейся недавно в историографии полемикой о локализации «Хазарии» в XI–XIII вв. в контексте данных «Синопсиса» Иоан-

на Скилицы о походе экзарха Варды Монга и некоего брата князя Владимира – Сфенга против архонта Георгия Цулы в январе 1016 г. [*Ioannus Scylitzes*, *1973*, p. 354] и сведений позднейших источников.

Сведения Иоанна Скилицы об отправлении войск Василия II в Хазарию анализировались неоднократно [*Юргевич*, *1889*, с. 42; *Якобсон*, *1950*, с. 16; *Скржинская*, *1953*, с. 266–267; *Артамонов*, *1962*, с. 436–437; *Соколова*, *1971*, с. 68–74; *Соколова*, *1983*, с. 103–106, 116–117; *Богданова*, *1991*, с. 117–119; *Степаненко*, *1992*, с. 125–129; *Литаврин*, *1998*; *Литаврин*, *2000*, с. 215–223; *Сорочан и др.*, *2006*, с. 319–320; *Степаненко*, *2008*; *Степаненко*, *2011*; *Алексеенко*, *1995*; *Алексеенко*, *2010*; *Филипчук*, *2009*; *Могаричев*, *2012*; *Могаричев*, *Сазанов*, *2012*, с. 133–136; *Могаричев*, *2013(1)*; *Могаричев*, *2013(2)*, с. 50–51; Средневековый Херсон…, *2015*, с. 232–248; *Степаненко*, *2014*; *Степаненко*, *2015*; *Слядзь*, *2014*, с. 41–55]. Среди ключевых аспектов проблемы можно назвать: идентификацию упоминаемого византийским историком Георгия Цулы с его тезкой, императорским протоспафарием и стратигом Херсона, известным из моливдовулов (см.: [*Алексеенко*, *1995*, с. 85; *Alekseyenko*, *2012*, p. 234–235]); вопрос о личности Сфенга и политических причинах взаимодействия Руси и Византии в начале XI в. [*Филипчук*, *2009*]; и наконец – интерпретацию хоронима и его место на географической карте.

Несмотря на обилие работ, упоминающих в различных контекстах военную экспедицию 1016 г., сюжет Скилицы порождал все больше вопросов при минимуме бесспорных ответов. Дискуссия недавно вышла на новый уровень благодаря исследованиям В. П. Степаненко, Ю. М. Могаричева и А. В. Сазанова, а также В. Н. Чхаидзе [*Степаненко*, *2008*; *Степаненко*, *2011*; *Степаненко*, *2014*; *Степаненко*, *2015*; *Могаричев*, *2012*; *Могаричев, Сазанов*, *2012*; *Могаричев*, *2013(1)*; *Могаричев*, *2013(2)*; *Чхаидзе*, *2016*]. Традиционная, устоявшаяся в историографии точка зрения о тождестве Георгия Цулы – стратига Херсона и одноименного архонта Хазарии ныне аргументированно оспорена.

Действительно, ни один источник не позволяет предполагать, что Херсон и Климата когда-либо назывались Хазарией и управлялись хазарским «архонтом» [*Цукерман*, *2010*, с. 425; *Могаричев, Сазанов*, *2012*, с. 134; *Могаричев*, *2012*, с. 190]. Крайне маловероятно, чтобы Иоанн Скилица, сам бывший видным византийским чи-

новником, куропалатом и друнгарием виглы [*Seibt*, *1976*; *Бибиков*, *1998*, с. 138; *Moravcsik*, *1983*, S. 336; *Cheynet*, *2010*] и прекрасно ориентировавшийся в ромейской иерархии рангов и должностей, мог назвать архонтом стратига, высшее должностное лицо Херсонской фемы. Инерция сопоставления Цулы моливдовула и его тезки из «Обозрения историй» заставляла специалистов продумывать все новые обходные пути для толкования лаконичного текста. Цулу называли хазарским правителем, захватившим Херсон после похода князя Владимира; совместителем – императорским протоспафарием Боспора и стратигом Херсона одновременно; «архонтом Херсона»; архонтом Хазарии и стратигом в одном лице (см.: [*Степаненко*, *2008*, с. 27–31]). При всей сложности задачи восстановления cursus honorum этого персонажа он никак не мог пребывать на всех приписываемых ему постах в 1016 г. В. П. Степаненко впервые рассмотрел сообщение источника в связи с другими смежными данными византийского хрониста, и этот путь представляется наиболее плодотворным.

Сведения о походе в Хазарию у Скилицы разрывают комплекс данных о продолжавшемся в эти годы завоевании Болгарии Василием II. После убийства сына царя Самуила, Гавриила-Радомира, его племянником Иоанном-Владиславом (инспирированного, как можно полагать согласно «Летописи попа дуклянина», самим автократором ромеев [*Тъпкова-Заимова*, *2009*, с. 121–127; *Капсалыкова*, *2012*, с. 225; *Алексеев*, *2015*, с. 66–67]), василевс вступает в переговоры с новым правителем и местной болгарской знатью. Вскоре после этого война продолжилась с захватом долины Пелагонии и Охрида. После овладения Охридом Василий II намеревался двинуться к Диррахию, чтобы уберечь недавно присоединенный город от притязаний болгар, но вскоре обстоятельства (разгром византийского отряда стратига Георгия Гонитциата и протоспафария Ореста) вынудили его вернуться в Пелагонию, а затем отправиться в Фессалоники, в то время как отдельные отряды ромеев осаждали болгарские крепости Струмвицу и Фермицу [*Ioannus Scylitzes*, *1973*, p. 353–354]. На фоне масштабных военных и дипломатических усилий византийцев в Болгарии, увенчавшихся ее присоединением в 1018 г., экспедиция в Хазарию против некоего Цулы представляла собой, несомненно, второстепенный, отдаленный театр военных действий. Скилица не говорит о ее причинах, однако о них можно

догадываться, исходя из общего контекста рассматриваемых событий.

К концу X в. сложился скрепленный браком киевского князя Владимира Святославича и сестры василевсов, порфирородной Анны, военно-политический союз Византии и Руси, направленный против державы царя Самуила и его преемников. Начало нового этапа интенсивного сотрудничества Киева и Константинополя приходится на 988 г., когда после многомесячной осады и взятия Херсона, центра византийской фемы в Таврике, стороны перешли к переговорам, результаты которых были, вероятно, оформлены в виде соглашения византийских василевсов (формально правивших совместно Василия II и Константина VIII) и «архонта тавроскифов». Соглашение, условия которого переданы арабскими историками Яхъей Антиохийским и отчасти Шуджей ар-Рудравари [*Розен*, *1883*, с. 23–24; Histoire de Yahya-Ibn Said d'Antioche, *1932*, p. 423; *Кримський, Кезма*, *1927*, с. 13–14] предусматривало, чтобы правитель русов оказывал ромеям военную помощь (вооруженный корпус пехотинцев, который впоследствии (в 1000 г.) составлял шесть тысяч человек [*Степанос Таронский*, *1864*, с. 200]), обязался креститься лично и принять христианство в качестве государственной религии.

Не исключено, что оговаривался также вопрос о будущем оформлении Русской митрополии в составе Константинопольского патриархата. Ромеи соглашались на заключение крайне престижного для варвара брака Анны с Владимиром Святославичем. Оформление митрополии задержалось, вероятно, вследствие нерешенного вопроса о статусе новой церковной организации. Большинство исследователей полагают, что церковная иерархия на Руси была создана не позже 996/997 гг. [*Ропре*, *1968*, S. 26–30; *Щапов*, *1989*, с. 28; *Милютенко*, *2008*, с. 326–328; *Головко*, *2011*, с. 248]; Оспорив эту дату, А. В. Назаренко относит ее оформление к последним годам правления Владимира[1]. Военная же поддержка шуринам прибыла оперативно и вовремя – скорее всего, уже к концу навигации 988 г. «Тавроскифы» участвовали в битвах войск Василия II с претендовавшим на власть Вардой Фокой, бывшим доместиком схол Востока, под Хрисополем и Авидосом весной 989 г.,

[1] Доклад А. В. Назаренко «Учреждение Киевской митрополии: коррективы в свете новых данных» на конференции «Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура», 15.10.2015.

что и предопределило победу сторонников легитимной Македонской династии [*Роменский*, *2013*, с. 320–322].

Нельзя исключать, что особое место в соглашении занимала проблема фемы Херсон и окружающих территорий: русы не только возвращали «Корсунскую страну» в состав империи, но и, как видится, обязались блюсти интересы ромеев в Северном Причерноморье. Помимо Херсонской фемы, здесь в это время имелась и фема Боспор, засвидетельствованная Эскуриальским тактиконом [*Oikonomides*, *1972*, p. 269]. Предположения исследователей о ее захвате русами во время Корсунского похода [*Oikonomides*, *1972*, p. 363] требуют дополнительных аргументов [*Науменко, Пономарёв*, *2013*, с. 295; *Болгов*, *2013*, с. 12].

Функцию гаранта безопасности владений Византии в Таврике (защита от нападений «черных болгар») за киевским князем закреплял уже договор с Игорем 944 г., продолжавший действовать, как полагает Г. Г. Литаврин, и в начале XI в. [*Литаврин*, *2000*, с. 226–227] (разумеется, с дополнениями, внесенными договорами 971 и 988 гг.). Сохранившийся в ПВЛ текст документа не вполне ясно излагает обязательства о «Корсунской стране», что делает возможным различные трактовки [*Лавровский*, *1853*, с. 145–148; *Лонгинов*, *1904*, с. 72; *Барац*, *1910*, с. 184–185; *Sorlin*, *1961*, p. 460–462; *Сорочан*, *2005*, с. 1194–1195]. Однако несомненным является отказ правителя русов от каких-либо властных притязаний на фему Херсон, подтвержденный и впоследствии, в 971 и 988 гг. В условиях обострения отношений северопричерноморские территории империи делались первым объектом нападения, что и продемонстрировал Корсунский поход Владимира Святославича [*Гордієнко*, *2010*, с. 19]. После улаживания конфликта стороны, как представляется, договорились о координации действий в регионе, что и иллюстрирует поход января 1016 г.

Причерноморье не было главной ареной сотрудничества Византии и Руси. «Варяго-русский корпус» широко применялся Василием II не только в Болгарии, но и в кампаниях в Сирии в 999 г. и Закавказье, а также в Италии [Histoire de Yahya-Ibn Said d'Antioche, *1932*, p. 458; *Розен*, *1883*, с. 40; Annales Barenses, *1844*, p. 53; *Васильевский*, *1908*, с. 205–210; *Blöndal*, *Benedikz*, *1978*, p. 46–53]. Однако болгарское направление политики являлось, несомненно, приоритетным для союзников, и роль русов в покорении Болгарии

нельзя недооценивать. Показательно, что после захвата котловины Пелагонии они получили третью часть военной добычи (еще треть предназначалась ромеям, и треть – непосредственно василевсу) [*Ioannus Scylitzes*, *1973*, p. 355]. Возможно, именно в ходе войны в Болгарии к русам попали рукописи библиотеки болгарских царей.

Болгары не были одиноки в борьбе с византийцами. Исследователи не акцентировали внимание на сведениях о болгарско-печенежском альянсе, сообщаемых Иоанном Скилицей. По данным стратига приграничной Дристры Цоцикия, один из болгарских вельмож, Кракра, собрал большую армию и намеревался соединить силы с Иоанном-Владиславом и вместе с печенегами совершить набег на византийские земли. Эта весть заставила василевса возвратиться из Кастории, захватить и сжечь крепости Восоград и Веррию. И хотя нападение на ромейские территории, запланированное Кракрой и Иоанном-Владиславом, не удалось, и печенеги в итоге не оказали им необходимой поддержки, важен сам факт болгарско-печенежских переговоров [*Ioannus Scylitzes*, *1973*, p. 355–356]. Намечавшийся альянс, надо полагать, не на шутку встревожил не только Василия II, но и его киевского зятя и союзника. Возможно, разгоревшуюся в последние годы княжения Владимира войну с печенегами (а также попытку их крещения и умиротворения, предпринятую Бруно Кверфуртским) следует связывать не только с защитой южных рубежей Руси, но и с намерением предотвратить выступление кочевников на помощь болгарам [Лаврентьевская летопись, *1926*, стб. 121–130; Ипатьевская летопись, *1908*, с. 106–115; List Brunona do króla Henryka, *1973*; cf.: *Poppe*, *1995*, S. 13; *Поппэ*, *2008*, с. 56; *Поппэ*, *2010*; *Фонт*, *2013*].

Попытаемся понять, какое место занимали остатки Хазарского каганата в пестрой мозаике международной политики конца X – начала XI в. Походы Святослава в 965 и 969 гг., а также нападение огузов нанесли Хазарии сокрушительный удар, однако элементы ее государственных структур, вероятно, еще продолжали существовать некоторое время. После похода эмира Ма’муна, освободившего Нижнее Поволжье от турок (гузов), верхушка каганата была вынуждена принять ислам и включиться в политическую орбиту Хорезма. Свою (разумеется, не безвозмездную) помощь хазарам предложил и ширваншах Мухаммед ибн Ахмад аль-Азди [*Новосельцев*, *1990*, с. 221–230]. Владения каганата в Подонье, Причер-

номорье и Предкавказье были навсегда утрачены, часть территорий в условиях краха центральной власти перешла под контроль местных «архонтов», одним из которых и был упоминаемый Скилицей Георгий Цула. Русы оккупировали и удерживали до начала XII в. Саркел (Белую Вежу) и Тмуторокань, причем вопрос о времени утверждения их на Тамани остается спорным.

В любом случае, несомненно, что походы 960-х гг. не означали одномоментной ликвидации Хазарского государства и этноса [*Бартольд*, *1968*, с. 600]. Неслучайно новому киевскому князю Владимиру снова, как и его отцу, пришлось предпринять военную кампанию против хазар, о чем свидетельствует «Память и похвала» Иакова Мниха [*Милютенко*, *2008*, с. 424]. Хазарские иудеи участвуют и в знаменитом диспуте представителей разных религий, состоявшемся, согласно летописи, в 986 г. Независимо от того, считать ли эти данные возникшим под влиянием литературной традиции вымыслом летописца, либо признавать возможность отражения в них исторических реалий [*Golden*, *1980*, p. 84; *Петрухин*, *1999*, с. 73; *Назаренко*, *2001*, с. 434; *Петрухин*, *2014*, с. 159–160, 173–174], очевидно, что в восприятии автора источника Хазария не прекратила свое существование после походов Святослава. Примечательно, что Начальная летопись молчит о восстанавливаемом по арабским свидетельствам походе русов в Нижнее Поволжье и захвате столицы – Итиля, сообщая лишь о взятии Саркела и покорении ясов и касогов в Предкавказье (в Лаврентьевском списке сообщается о взятии «града» хазар и Белой Вежи, но, вероятно, такое разделение возникло вследствие ошибки переписчика) [Лаврентьевская летопись, *1926*, стб. 65; Ипатьевская летопись, *1908*, стб. 53; Новгородская первая летопись, *1950*, с. 118].

В дальнейшем тмутороканские «козаре» активно участвуют в политической жизни Руси, поддерживая своего князя Мстислава Храброго в борьбе за власть с братом Ярославом в 1023 г. [Лаврентьевская летопись, *1926*, стб. 147; Ипатьевская летопись, *1908*, стб. 134]. Именно они способствовали изгнанию в Византию князя-изгоя Олега Святославича (1079 г.), за что и поплатились после его возвращения четыре года спустя [Лаврентьевская летопись, *1926*, стб. 204–205; Ипатьевская летопись, *1908*, стб. 196].

Разрушенная русами Хазария, очевидно, не могла питать симпатий ни к киевскому «кагану» Владимиру, ни к дружественной ему

после соглашения 988 г. Византии. Не исключено, что сохранившие независимость отдельные хазарские территории поддержали болгарско-печенежский альянс, имевший как антиромейскую, так и антирусскую направленность. В таких условиях удар по хазарскому архонту Цуле и его пленение выглядит логичным шагом союзников, вписывающимся в общий контекст борьбы с Болгарией и печенегами. В то время, когда экзарх Варда Монг с помощью брата князя русов, Сфенга, готовил поход против хазар, основные силы ромеев сражались с болгарами в Пелагонии, а киевский князь, помимо помощи шурину, одновременно совершал рейды в печенежскую степь против общего врага. Непрекращающаяся война с кочевниками застала крестителя Руси на смертном одре, и тогда он поручил руководство военными действиями своему любимому сыну, Борису-Роману, вскоре стяжавшему мученический венец [Лаврентьевская летопись, *1926*, стб. 130].

А. Грегуар и Р. Дженкинс связывают поход 1016 г. с борьбой Византии против Георгия Абхазского, помещая Хазарию Цулы на северо-западе от его владений [*Gregoire*, *1966*, p. 189; *Golden*, *1980*, p. 84]. Думаю, что возможность такой интерпретации не противоречит вышеизложенным наблюдениям о характере отношений империи с Русью, Болгарией и печенегами в начале XI в. Итогом успешной кампании Варды Монга и Сфенга стало упрочение позиций ромеев (и русов, как их союзников) в регионе Северного и Северо-Восточного Причерноморья в целом, что не могло не повлиять на баланс сил на Кавказе и в Закавказье.

Срочность морской экспедиции византийцев, предпринятой в экстремальных условиях зимы, заставляет считать нападение на хазар упреждающим ударом. Обратимся еще раз к строкам Иоанна Скилицы и проанализируем находящиеся в них сведения:

«Ὁ δὲ βασιλεὺς ἀπελθών ἐν Κωνσταντινουπόλει, κατὰ τὸν Ἰαννουάριου μῆνα τοῦ ἑξακισχιλιοστοῦ πεντακοσιοστοῦ εικοστοῦ τετάρτου ἔτους, στόλον εἰς Χαζαρίαν ἐκπέμπει, ἔξαρχων ἔχοντα τὸν (Βάρδα) Μογγόν, υἱὸν Ἀνδρονίκου δουκός τοῦ Λυδοῦ καὶ τῃ συνεργείᾳ Σφέγγου, τοῦ ἀδελφοῦ Βλαδιμηροῦ, τοῦ γαμβροῦ τοῦ βασιλέως, ὑπέταξε τὴν χώραν, τοὺ ἄρχοντος αὐτῆς Γεωργίου τοῦ Τσούλη ἐν τῇ πρώτῃ προσβολῇ συλληφθέντος» [*Ioannus Scylitzes*, *1973*, p. 354].

(«Василевс, возвратившись в Константинополь, в январе 6524 (1016) г. отправляет флот, имеющий экзархом [Варду] Монга, сына

дуки Андроника Лида, и с содействием Сфенга, брата зятя василевса, Владимира, подчинил страну, схватив ее архонта, Георгия Цулу, при первом же нападении».)

Руководство походом было поручено одному из сыновей сторонника узурпатора Варды Склира, Андроника Лида, который и сам поднимал оружие против василевса. После победы Склира под Цамандом в 976 г. дука Андроник одним из первых вместе с сыновьями Христофором Эпиктом и Вардой Мунгом (Монгом) перешел к апостату; вслед за этим в Атталии заковали в оковы императорского наварха, и ставленник Склира Михаил Куртикий овладел флотом фемы Киверриотов [*Ioannus Scylitzes*, *1973*, p. 319–320]. Варда Монг вместе с братом был среди тех мятежников, кто не сбежал к багдадскому эмиру Адуд ад-Дауле после поражения Склира в 979 г. и захватил ряд крепостей в Фракисийской феме, будучи помилован только благодаря ходатайству патрикия Никифора Парсакутина [*Ioannus Scylitzes*, *1973*, p. 328]. Очевидно, высокий профессионализм Монга заставил Василия II забыть о прошлых его прегрешениях. О другом фигуранте повествования, Сфенге, мы знаем только из рассматриваемого пассажа Скилицы. В историографии его отождествляли с Мстиславом, сыном киевского князя, правившим в Тмутаракани [*Franklin, Shepard*, *1996*, p. 200–201; *Литаврин*, *2000*, с. 216–217]. Имя Сфенг могло быть скандинавским именем Мстислава Владимировича или его прозвищем[2]. Нельзя тем не менее исключить и наличия неизвестного по другим данным родственника киевского князя – о роде Рюриковичей в X в. мы знаем слишком мало. Возможно, речь идет о духовном, а не кровном побратимстве варяга с киевским князем. А. М. Филипчук идентифицирует Сфенга со Свейном, ярлом Хладира, правителем Норвегии в 1000–1015 гг., который погиб в походе на Русь в 1016 г. [*Филипчук*, *2009*]. О. Прицак считает Свейна Хаконарссона командиром варяжских наемников Ярослава, привлеченных им в ходе противостояния с Киевом накануне смерти отца; он же – дядя другого варяга, союзника Ярослава, упоминаемого в летописи, Хакона Эйриксона (Якуна) [*Пріцак*, *1997*, с. 442–450; *Михеев*, *2008*, с. 29].

[2] О том, что скандинавские имена встречались в роде Рюриковичей, свидетельствует упоминание в сагах Хольти Смелого – одного из сыновей Ярослава, предположительно Всеволода-Андрея (см.: [*Рыдзевская*, *1940*, с. 67, 71; *Джаксон*, *2003*; *Литвина, Успенский*, *2006*, с. 12].

Третий упоминаемый в тексте персонаж и, пожалуй, наиболее загадочный из них – архонт Георгий Цула, представитель хазарской знати, против которого и совершался поход. Ономастические данные свидетельствуют в пользу его тюркского происхождения; возможно, он был уже крещен к 1016 г. [*Бартольд*, *1968*, с. 600]. Как представляется, можно согласиться с догадкой В. Юргевича и В. П. Степаненко о том, что после пленения хазарин мог сделать карьеру на службе византийскому василевсу [*Юргевич*, *1889*, с. 46; *Степаненко*, *2008*, с. 35]. Пример такой блестящей карьеры Скилица приводит сразу вслед за сообщением о Цуле: «архонт верхней Мидии, которая сегодня называется Аспракания (Васпуракан)», Сенахерим, передав свои владения василевсу, получил взамен много имущества, а также ранг патрикия и стратига Каппадокии и города Севастию, Лариссу и Авару [*Ioannus Scylitzes*, *1973*, p. 354–355]. В. П. Степаненко полагает, что у Скилицы архонтом именуется «автономный или вассальный правитель государства, граничащего с Византией» [*Степаненко*, *2008*, с. 32; *Степаненко*, *2014*, с. 370]. Соглашаясь с исследователем, отмечу, что семантика термина у византийского историка значительно шире: он называет «архонтами» и князей Руси, владения которых непосредственно с империей не граничили и которые никогда не были ее вассалами. Таким образом, из самого употребления слова «архонт» еще не следует, что Хазария Цулы, локализуемая В. П. Степаненко на Боспоре или в его окрестностях, в Восточном Крыму, находилась на византийской границе. Собственно, сам источник ничего не сообщает о местоположении страны плененного архонта за исключением того, что к ней, очевидно, ромеи добирались морским путем. Итак, бесспорно, что «Хазария» Скилицы локализуется где-то на северном побережье Черного моря.

Найти место этого хоронима на географической карте могут помочь сведения позднейших источников XII–XIII вв., хотя они весьма туманны и противоречивы. Византийский канонист Нил Доксопатр называет Хазарию среди территорий, подчиненных патриарху Константинополя в XII в. [Hieroclis Synecdemus…, *1866*, p. 297; *Иванов*, *2003*, с. 261]. Еврейский путешественник Петахия описал хазарскую землю, находящуюся между двумя морями («с одной стороны есть море, которое издает большое зловоние, с другой – море чистое, без запаха» [Кругосветное странствие…, *2004*, с. 365]). По его сло-

вам, «в конце этой земли семнадцать рек сливаются в одну». В Восточном Крыму нет подходящих под это описание водоемов. Возможно, имеется в виду Дон либо дельта Волги. Указание на расстояние между морями в один день пути могло быть и ошибкой. Впрочем, не отвергаем и традиционную интерпретацию источника, согласно которой речь идет о Сиваше и Азовском море. Гильом де Рубрук, странствующий монах ордена миноритов, был гораздо более конкретен в своих свидетельствах. По его авторитетному мнению, область Газария с трех сторон окружается морем; с запада ее находится город Херсон, «город Климента», в середине, по направлению к югу – Солдайя (Сугдея), в которой путешественник побывал лично, «с востока – Матрика (Матарха) и устье моря Танаидского» [Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, *1957*, с. 88–89]. То есть, речь идет о побережье Крыма, Тамани и Приазовье. Некоторые поздние источники определенно отождествляют Крым с Хазарией, но, как представляется, термин имеет более широкое значение.

Рассмотрим другие свидетельства о Хазарии. В своде грузинских летописей «Картлис Цховреба» хороним обозначает территорию к северу от Кавказского хребта. Леонтий Мровели упоминает реку Малая Хазария, «куда упирается своим краем Кавказ», и «великую реку Хазарии» [Картлис Цховреба, *2008*, с. 14]. Авторы указателя к источнику полагают, что в данном случае речь идет о Кубани (которую можно отождествить с «малой» рекой [Картлис Цховреба, *2008*, с. 447]). Второй гидроним, вероятно, относится к Волге. Летописец, описывающий правление Тамар, сообщает, что царица «держала царство свое от моря Понтийского до моря Гурганского… а также все земли, как по сию сторону Кавказских гор, так и по ту сторону, Хазарии и Скифии» [Картлис Цховреба, *2008*, с. 258]. Хазария упоминается и в перечне стран и народов, завоеванных Бату в ходе Западного похода [Картлис Цховреба, *2008*, с. 336, 343, 361; СМИЗО, *1941*, с. 204; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, *1957*, с. 57]. Примечательно, что посланник Папского престола Иоанн де Плано Карпини помещает хазар среди христиан, наряду с русами и аланами, в Орнасе (Ургенче) [Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, *1957*, с. 46]. Таким образом, сведения о локализации Хазарии и хазар в XII–XIII вв. различны у разных авторов. После крушения единого кага-

ната это название применялось к обширным территориям Восточной Европы, прежде всего к Тамани и Предкавказью, а также Крыму, но не только.

Вопрос о том, какое значение хороним «Хазария» имел для Иоанна Скилицы, византийца рубежа XI–XII вв., неоднозначен. С одной стороны, употребление наименования «Хазария», как и «Мидия» или «Скифия», могло быть лишь архаизацией и данью литературной традиции. Известно, что ромеи были крайне консервативны и неточны в представлениях о варварах, находящихся вдали от имперских границ. Географическая и этническая карта мира византийских авторов нередко лишена конкретики [*Бибиков*, *2015*]. Так, «скифами» в зависимости от контекста именовались любые северные народы: русы, печенеги, узы, болгары и даже хазары (Иоанн Зонара называет кагана, тестя василевса Константина V, «предводителем скифов» (Χαγάνου τῶν Σκυθῶν ἡγεμονεύοντος; титул здесь, как и в Начальной летописи, выступает как имя собственное) [*Ioannus Zonaras*, *1897*, p. 263]. Тем не менее в случае с походом 1016 г. речь шла о конкретной стране, перешедшей в подчинение к василевсу. Исследователи чаще всего помещают ее на Боспоре, в восточном Крыму (где в это время, вероятно, размещалась еще одна, наряду с Херсоном и Сугдеей, византийская фема [*Чхаидзе*, *2016*, с. 8]), либо на Тамани и Северном Кавказе. Последний вариант представляется более предпочтительным.

И византийские, и древнерусские источники позволяют отождествить этнохороним «Хазария» с территорией Таманского полуострова и его окрестностей. Имеющиеся в Начальной летописи упоминания о хазарах в войске Мстислава Владимировича и «козарах» – противниках Олега Святославича, несомненно, относятся к населению Тмуторокани, владения Руси на территории, некогда подконтрольной каганату. О притязаниях на Предкавказье и Приазовье свидетельствует и титулатура печатей тмутороканского князя Олега-Михаила, названного «архонтом Матрахи, Зихии и всей Хазарии» (архонтом и дукой Матрахи и всей Хазарии на другом моливдовуле: Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Μιχαὴλ ἄρχοντι καὶ δούκα Ματράχου καὶ πάσης Χαζαρίας). Показательна комбинация титулов архонта (князя) и дуки на недавно опубликованной печати [*Alf'orov*, *2015*, p. 97–101], соединение византийского административного ранга и важного для Руси указания на принадлежность к княжеско-

му роду (чьи представители всегда именовались «архонтами» в византийских источниках). Г. Г. Литаврин отметил, что сохранившиеся печати Олега аналогичны печатям провинциальных наместников византийского императора [*Литаврин*, *2000*, с. 287]. В. П. Степаненко полагает, что эта титулатура свидетельствует о вассалитете русского князя, его переходном статусе – уже не полновластного архонта, но еще и не византийского чиновника – дуки [*Степаненко*, *2013*, с. 161–163]. В. Н. Чхаидзе подчеркивает, что приставка πάσης в византийской сфрагистике обычно связана с экстраординарными событиями или чрезвычайными полномочиями функционеров [*Чхаидзе*, *2016*, с. 20].

Возможно, новый моливдовул может подтвердить предположения специалистов о своеобразном кондоминате Византии и Руси на Тамани. Истоки взаимодействия двух держав в регионе восходят к концу X – началу XI в. Примечательно обнаружение на Тамани моливдовула одного из представителя семейства Цул – Игнатия [*Чхаидзе*, *2015*, с. 46], что может, на мой взгляд, быть дополнительным аргументом в пользу локализации здесь Хазарии Иоанна Скилицы. Что же касается моливдовула вестарха и катепана Херсона и Хазарии Никифора Алана [*Алексеенко, Цепков*, *2012*; *Алексеенко*, *2012*, с. 12], то представляется, что упоминающийся хороним может относиться как к Крыму, так и к Таманскому полуострову, и он не обязательно тождествен стране Георгия Цулы из «Обозрения историй».

Литература

Алексеев С. В. Летопись попа Дуклянина: перевод и комментарий. СПб., *2015*.

Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // IV Международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, *2012*.

Алексеенко Н. А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности-1995. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, *1995*.

Алексеенко Н. А. Род Цулы: варвары на византийской службе? (атрибуция и датировка по данным сфрагистики) // II Международный византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, *2010*.

Алексеенко Н. А. Херсон-Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., *2012*.

Артамонов М. И. История хазар / Под ред. Л. Н. Гумилева. Л., *1962*.

Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Восстановление текстов, перевод, комментарий и сравнение с другими правовыми памятниками, в частности, с Русскою Правдою. К., *1910*.

Бартольд В. В. Хазары // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. М., *1968*.

Бибиков М. В. Историческая литература Византии. СПб., *1998*.

Бибиков М. В. «Скифы» в византийской традиции // Скифия: образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26–28 октября 2015 г. / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М., *2015*.

Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., *1991*.

Болгов Н. Н. К истории средневекового Боспора // Княжа доба. Історія і культура. Вип. 7. Львів, *2013*.

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды В. Г. Васильевского. Т. 1. СПб., *1908*.

Всеобщая история Степаноса Таронского, Асох'ика по прозванию / Пер. с арм. Н. Эмина. М., *1864*.

Головко О. Б. Входження Русі до Pax Christiana Orthodoxa і формування християнської церковної організації у слов'ян Східної Європи (VIII–XI ст.) // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відп. ред. М. Литвин. Львів, *2011*.

Гордієнко Д. С. Русь у системі зовнішньої політики Візантії першої половини X ст. // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 20. *2010*.

Джаксон Т. Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков // Александр Гордон. Научный альманах. *2003*. № 1.

Иванов С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М., *2003*.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб., *1908*.

Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., *2015*.

Капсалыкова К. Р. «Ангел сатаны» Иван Владислав в средневековой историографии // Документ. Архив. История. Современность: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию подготовки документоведов в Уральском федеральном университете, Екатеринбург, 1–4 ноября 2012 г. Екатеринбург, *2012*.

Картлис Цховреба. История Грузии / Гл. ред. Р. Метревели. Тбилиси, *2008*.

Кримський А. Ю., Кезма Т. Оповідання арабського історика XI віку Абу-Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь. К., *1927*.

Кругосветное странствие рабби Петахии Регенсбургского // Три еврейских путешественника. М., *2004*.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., *1926*.

Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., *1853*.

Литаврин Г. Г. Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 г. // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К 70-летию В. Н. Топорова. М., *1998*.

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., *2000*.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропонимики. М., *2006*.

Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, *1904*.

Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X – XII вв. К., *2014*.

Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., *2008*.

Михеев С. М. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // ДРВМ. *2008*. № 2(32).

Могаричев Ю. М. К вопросу о «Крымской Хазарии» в X-XI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции. расселение, войны как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., *2012*.

Могаричев Ю. М. К вопросу о «Хазарии» на азиатском Боспоре в XI–XII вв. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., *2013(1)*.

Могаричев Ю. М. О «Крымской Хазарии» в XI–XII вв. // Княжа доба. Історія і культура. Т. 7. Львів, *2013(2)*.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В. Крымская Хазария X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // ХА. Т. 10. Киев–Харьков, *2012*.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., *2001*.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.–Л., *1950*.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., *1990*.

Науменко В. Е., Пономарёв Л. Ю. К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») // Ῥωμαίος. Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Харьков, *2013*.

Петрухин В. Я. Выбор веры: летописный сюжет и исторические реалии // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. М., *1999*.

Петрухин В. Я. Выбор веры в евразийской истории: Хазария и Русь // Калинина Т. М., Флеров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., *2014*.

Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., *2004*.

Плетнёва С. А. Хазары / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., *1986*.

Поппэ А. В. Владимир Святой. У истоков церковного прославления // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М., *2008*.

Поппэ А. В. К биографии Святополка Окаянного // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко. М., *2010*.

Пріцак О. Й. Походження Русі. Т. 1. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). К., *1997*.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., сост. И. П. Шастиной. М., *1957*.

Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского // ЗИАН. Т. 44. Приложение 1. СПб., *1883*.

Роменский А. А. «Когда пал Херсонес?» К вопросу о ключевом моменте в хронологии русско-византийских отношений конца X в. // Ῥωμαίος. Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Харьков, *2013*.

Рыдзевская Е. А. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // КСИИМК. *1940*. Т. VII.

Средневековый Херсон X–XI вв. / А. В. Сазанов, Н. А. Алексеенко, А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. М., 2015.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (СМИЗО). Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.–Л., *1941*.

Скржинская Е. Ч. [Рец. на:] Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес / Материалы и исследования по археологии СССР. № 17. М., 1950 // ВВ. *1953*. Т. 6.

Слядзь А. Н. Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII в.). СПб.–М., *2014*.

Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. Вып. 86. Л., *1971*.

Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., *1983*.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Ч. 1–2. Харьков, *2005*.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, *2006*.

Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики // АДСВ. Вып. 26. Свердловск, *1992*.

Степаненко В. П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург, *2008*.

Степаненко В. П. Архонт Хазарии – стратиг Херсона? // ХСб. Вып. 16. Севастополь, *2011*.

Степаненко В. П. Архонт и дука Тмутаракани в конце XI в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Сборник научных трудов / Под ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, *2013*.

Степаненко В. П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. Вып. 19. Симферополь, *2014*.

Степаненко В П. Тмутаракань и Византия в конце XI в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., *2015*.

Тълкова-Заимова В. «Българи родом…» Комитопулите, цар Самуил и неговите потомци според историчките извори и историографската традиция. София, *2014*.

Филипчук О. М. Перечитуючи Іоанна Скілицю: хто був Сфенг – брат Володимира Святого? // Історична панорама: Збірник наукових статей Чернівецького національного університету. Вип. 8. Чернівці, *2009*.

Фонт М. Пребывание Бруно Кверфуртского в Киеве – факты, вопросы, гипотезы // Studia Slavica Hungarica. Vol. 58. Budapest, *2013*.

Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae Episcopatuum // МАИЭТ. Вып. 16. Симферополь, *2010*.

Чхаидзе В. Н. Византийские печати из Тамани. М., *2015*.

Чхаидзе В. Н. «Хазария» XI в.: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., *2016* (препринт).

Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., *1989*.

Юргевич В. Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества // ЗООИД. Т. 15. Одесса, *1889*.

Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. № 17. М.–Л., 1950.

Alekseyenko N. A. L'administration byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. Paris, *2012*.

Alf'orov O. A Seal of Michael, Archon and Dux of Matarcha and All Khazaria (in Oleksii Sheremetiev's Collection) // Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (eds.). Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'–Byzantine Sigillography. Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv, *2015*.

Annales Barenses / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T. 5. Hannoverae, *1844*.

Blöndal S., Benedikz B. The Varangians of Byzantium. N. Y., *1978*.

Cheynet J.-Cl. Introduction: John Skylitzes, the Author and His Family // John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History / Transl. by J. Worthley, with introductions by J.-Cl. Cheynet and B. Flusin. Cambr., *2010*.

Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. N. Y., *1967*.

Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750–1200. L.–N. Y., *1996*.

Golden P. B. Khazar Studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest, *1980*.

Gregoire H. The Amorians and Macedonians 842–1025 // CMH. Vol. 4/1. Cambr., *1966*.

Hieroclis Synecdemus et Notitiae Graecae Episcopatuum / Ed. G. Parthey. Berlin, *1866*.

Histoire de Yahya-Ibn-Said d'Antioche / Ed. et trad. en français par I. Kratchkovsky et A. Vasiliev // Patrologia orientalis. T. 23. *1932*.

Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn // CFHB. Vol. 5. Berolini, *1973*.

Ioannis Zonarae Epitomae Historiarum / Ex recens. Mauricii Pinderi // CSHB. T. 3. Bonnae, *1897*.

List Brunona do króla Henryka / J. Karwasińska // MPH NS. T. 4. Warszawa, *1973*.

Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. 1. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. Leiden, *1983*.

Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines de IXe et Xe siècles. Paris, *1972*.

Petrukhin V. Khazaria and Rus': an Examination of Their Historical Relations // The World of the Khazars / Ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai and A. Rona-Tas. Leiden–Boston, *2007*.

Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, *1968*.

Poppe A. Spuscizna po Wlodzimierzu Wielkim. Walka o tron Kijowski 1015–1019 // Kwartalnik Historyczny. *1995*. Rochnik 102. № 3–4.

Seibt W. Johannes Skylitzes. Zur Person des Chronisten // JÖB. Bd. 25. *1976*.

Sorlin I. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle // Cahiers du monde russe et sovetique. *1961*. Vol. 2. № 2/3, 2/4.

Сокращения

АДСВ – Античная древность и средние века
ВВ – Византийский временник
ДРВМ – Древняя Русь: вопросы медиевистики
ЗИАН – Записки Императорской Академии Наук
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СМИЗО – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.–Л., 1941.
ХА – Хазарский альманах
ХСб – Херсонесский сборник
CFHB – Corpus fontium historiae byzantinae
CMH – Cambridge Medieval History
CSHB – Corpus scriptorum historiae byzantinae
JÖB – Jahrbuch des Österreichischen Byzantinistik
MGH. SS – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores
MPH NS – Monumenta Poloniae Historica, Series Nova

О. О. Роменський

У пошуках Хазарії Іоанна Скілиці:
до дискусії про похід Варди Монга та Сфенга 1016 р.

Резюме

Статтю присвячено інтерпретації відомостей «Огляду історій» Іоанна Скілиці про похід у Хозарію в 1016 р. Немає підстав підтримувати традиційну точку зору про локалізацію цієї «Хозарії» в Херсоні і Клімата та ідентифікацію Георгія Цули хроніки з однойменною особою молівдовулів. Дослідники розміщують країну Цули в Східному Криму (Боспор) або на Тамані та Північному Кавказі. Останнє припущення видається найбільш імовірним. Похід Варди Монга і Сфенга може розглядатися у зв'язку з політикою Візантії та Русі проти Болгарії і печенігів цього часу.

Ключові слова: Хозарія, Іоанн Скілиця, Візантія, Русь, Георгій Цула, військовий похід

А. А. Роменский

**В поисках Хазарии Иоанна Скилицы:
к дискуссии о походе Варды Монга и Сфенга в 1016 г.**

Резюме

Статья посвящена интерпретации сведений «Обозрения историй» Иоанна Скилицы о походе в Хазарию в 1016 г. Нет оснований поддерживать традиционную точку зрения о локализации этой «Хазарии» в Херсоне и Климата и идентификации Георгия Цулы хроники с одноименным лицом моливдовулов. Исследователи размещают страну Цулы в Восточном Крыму (Боспор) или на Тамани и Северном Кавказе. Последнее предположение представляется наиболее оправданным. Поход Варды Монга и Сфенга может рассматриваться в связи с политикой Византии и Руси против Болгарии и печенегов этого времени.

Ключевые слова: Хазария, Иоанн Скилица, Византия, Русь, Георгий Цула, военный поход.

A. A. Romensky

**In Search of John Skylitzes' Khazaria:
to the Discussion about the Campaign of Bardas Mongos
and Sphengos in 1016**

Summary

The article is devoted to the interpretation of the information of John Skylitzes' "Synopsis Historion" about expedition in Khazaria in 1016. There are no grounds to support the traditional point of view which localizated this "Khazaria" in Cherson and Klimata and identified George Tzoulas of the chronicle with the same person named on the lead seals. The other hypotheses of the researchers placed the country of Tzoulas in Eastern Crimea (Bosporos) or in Taman' and North Caucasus. The last one seems to be justified. The campaign of Bardas Mongos and Spengos should be considered in connection with Byzantium and Rus' policy against Bulgaria and the Petchenegs.

Keywords: Khazaria, John Scylitzes, Byzantium, Rus', George Tzoulas, military campaign.

Г. Е. Свистун

ГОРОДИЩЕ ГОРОХОВАТКА (ОСТРОПОЛЬЕ) И ЕГО ОКРУГА: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Несмотря на то что Гороховатское городище известно науке уже более 100 лет, сведения о нем остаются отрывочными и сохраняется необходимость дополнительного изучения этого объекта. В целом то же самое можно сказать об очень многих археологических памятниках, в том числе городищ, исследования которых еще весьма далеки от достаточного уровня не только в плане детальной характеристики, но и касательно общей культурно-хронологической оценки и установления границ на местности. В условиях интенсивной антропогенной деятельности, а также природно-временного фактора, неизменно приводящих к разрушениям археологических памятников, на фоне непростой экономической ситуации с финансированием раскопочных работ особую важность играют археологические разведки, которые должны проводиться на постоянной основе и на широких территориях. Это позволит зафиксировать сохранившиеся к настоящему времени детали, а также во многих случаях выяснить границы памятников с последующей возможностью перевода этих земель в разряд культурно-исторических с соответствующей законодательной защитой от разрушений.

Сведения о Гороховатском городище и их анализ

В последней четверти XVII в. в нижнем течении р. Оскол возникло незначительное [*Загоровский, 1980*, с. 72, 76] поселение Остро-

полье (Гороховатка)[1] (рис. 1), в связи с которым в письменных источниках упоминается одноименное городище. Согласно данным старинных документов, этот населенный пункт основан в 7184 г. (1675/1676 г.) (по другим данным – в 7207 г. (1698/1699 г.)[2])[3] на правом берегу р. Оскол, на правой стороне устья р. Гороховатки (Гороховки), и «…надъ криницею Слоновою[4], на броду Солономъ…». Поселение было расположено «на ровном месте “под пригорком”… в 13 в. [верстах. – *Г. С.*] от Царева-Борисова; в 2,5 в. [верстах. – *Г. С.*] выше города впадает в р. Оскол рч. Соляной-Колодезь» [*Оглоблин, 1884*, с. 267, 280].

Филарет (Д. М. Гумилевский) сообщает об остатках в слободе Гороховатке крепости, которая была сооружена «…в предохранение от татар, из земляного вала и рвов…» [*Филарет, 2005,* с. 363]. Памятник был известен и Д. И. Багалею, который нанес его на Археологическую карту Харьковской губернии (№ 71), составленную в рамках подготовки к XII Археологическому съезду. Приводимое описание он ограничил здесь краткими сведениями, касающимися местоположения объекта: «В центре сл. Гороховатка городище Острополье – в окружности 1600 саж.[5]» [*Багалей*, *1905*, с. 69], указав в другой своей работе, что крепости в слободах Острополье (Горо-

[1] Встречаются также варианты названия: Гороховец, Гороховцы, Гороховодка, Гороховка, Гороховатский город. Филарет (Д. М. Гумилевский) производит это название от словосочетания «в горах ховаться» (прятаться. – *Г. С.*) [*Филарет, 2005,* с. 363]. Такое объяснение не представляется наиболее вероятным ввиду того, что часто слободские поселения получали названия от речек, на которых располагались. Данный случай не является исключением, так как рядом протекает р. Гороховатка.

[2] Общеизвестно, что до конца XVII в. новый год начинался не с января, как стало принято в христианскую эру, а с марта, как в древнем Риме, или с сентября, как в Византии. До реформ Петра I существовали параллельно два календарных стиля: мартовский, согласно которому новый год приходился на 1 марта, и сентябрьский, когда он наступал 1 сентября. Поэтому автор данной работы указывает два возможных перевода дат в современную систему летоисчисления, не вдаваясь в анализ контекстов старинных документов с целью определения используемых стилей.

[3] Согласно данным К. А. Неволина, первое упоминание Острополья (Гороховатки) в качестве города относится к 1708 г. [*Неволин, 1858*, с. 74]. Но уже в 1682 г. Константин Донец подавал челобитную царю с просьбой причислить ближайшие к Изюму города к его вновь образуемому Изюмскому полку; среди этих городов значилось, в частности, Острополье [*Альбовский, 2009*, с. 104].

[4] Вероятно, имеет место опечатка, и следует читать «Солоною».

[5] 3413,76 м.

ховке), Двуречной и Каменце точно такие же, как и в сотенных городах – Лимане и Соколове [*Багалій*, *1990*, с. 59][6]. О расположенном в центре слободы Гороховатки большом городище Острополье также говорится в краеведческом пособии «Природа и население Слободской Украины. Харьковская губерния», составленном Д. К. Педаевым, А. С. Федоровским, В. Г. Авериным, В. И. Талиевым, Н. Ф. Сумцовым, И. Емельяновым и В. Барвинским, впервые вышедшем в свет в 1918 г. [*Педаев* и др*., 2007*, с. 328]. Примечательно, что упомянутые Д. И. Багалеем и составителями краеведческого пособия названия слободы и городища различны.

Более детальные сведения об объекте оставлены Н. В. Сибилевым, который осмотрел его в 1923 г. Тогда был составлен глазомерный план укреплений и дано их краткое описание. В частности, указывалось, что городище занимает возвышенность на правом берегу р. Оскол в центре слободы Гороховатки (в настоящее время северо-восточная окраина одноименного села) Боровского района Харьковской области, в месте расположения больницы и ее усадьбы. С севера и востока от возвышенности проходит дорога, ведущая с горы к церкви[7]. Также была дана характеристика оборонительным сооружениям городища и степени их сохранности. Наиболее сохранившимися являлись вал и ров южной экспозиции. Несколько худшей была сохранность с северной стороны, и как совсем плохо сохранившаяся была отмечена линия обороны с востока и запада, где край крепости был изрезан оврагами. На схематическом плане укреплений (рис. 2), имеющих подпрямоугольные очертания, указаны длины сторон валов в шагах: южного – 102, западного – 85, северного – 82 и восточного – 94. Также была указана длина западины северного рва, равная 72 шагам [*Сибилев, 1927*]. В целом данные Н. В. Сибилева совпадают с характеристиками

[6] По-видимому, в данном случае автор имел в виду относительно небольшие укрепления колонистов Слобожанщины, а городище Острополье к этому сравнению отношения не имеет, по крайней мере – в полном объеме, так как нельзя исключить использование его части (возможно, небольшой цитадели) слобожанским населением.

[7] Под горой на ровном месте стоял первый двухъярусный православный храм Гороховатки, построенный, по мнению Филарета (Д. М. Гумилевского), не позже 1670 г. В 1795 г. был построен новый храм с пятью главами [*Филарет, 2005*, с. 363]. Таким образом, если не допущена ошибка, то церковь является более ранней относительно официальной даты основания слободы, что вызывает вопросы.

слобожанской крепости, приведенными в описании городов Слободской Украины за 1683 г.: «Слобода Остропольская, Гороховец тож, построена с правой стороны реки Оскола. В той слободе для осадного времени построен острог всякого лесу, в том острогу 4 башни построены на столбах, одне проезжие ворота для проходу к воде фортка. По мере тот острог в вышину сажени, острожные стены по мере вокруг из башенными месты 108 сажень с полуаршином. Около тово острогу ров в глубину полутора сажени, в ширину тож. Обламов и кроватей, и тарасов нет. Да с правой стороны той слободы около посаду устроены надолбы. Слободы Остропольской, Гроховца тож, жители: атаман на коне с пищалью один. На конех с пищальми 16 человек, пеших с пищальми 5 человек, с рогатинами 5 человек, на коне с рогатиною 1 человек. Итого 30 человек» (цитируется по: [*Колода, Маслийчук, Мирошниченко, Парамонов, Романовский, Исаев, 2006*, с. 213]). В данном случае обращает на себя внимание несоответствие приводимых Д. И. Багалеем указаний на значительные размеры городища с данными Н. В. Сибилева, соответствующими, тем не менее, описанию крепости XVII–XVIII вв. Это несовпадение можно объяснить тем, что к 20-м гг. XX в. большая часть оборонительных сооружений городища в Гороховатке была в значительной степени разрушена в результате хозяйственной деятельности местного населения, и она осталась для исследователя не замеченной.

В следующий раз городище было осмотрено И. И. Ляпушкиным в 1947 г. в ходе масштабных разведок на огромной территории Днепровского Левобережья. Исследователь несколько дополнил данные о памятнике. Помимо прочего, была указана высота и состояние мыса: с востока 25–30 м относительно долины реки; с севера и юга возвышенность обрамлена оврагами; восточная, юго-восточная и южная части более чем наполовину срыты при прокладке в гору дороги. При ее строительстве были также уничтожены южный конец вала и рва на протяжении около 100 м. Следы южного конца рва хорошо сохранились в обрезах вершины оврага в южной части городища. Общая длина вала и рва, проходящих с севера на юг и отсекавших мыс с напольной стороны, достигала 200 м. Из них сохранился участок протяженностью около 100 м. Высота вала составляла 1–1,5 м, глубина рва – около 1 м. Размер сохранившейся части городища по оси восток–запад равен 85 м.

Ее поверхность на момент осмотра И. И. Ляпушкиным ничем не была занята, но сильно перекопана.

За валом расположено здание больницы с хозяйственными постройками. Двор лечебного учреждения частично возделывался под огород, на котором имели место находки черепков керамической посуды салтово-маяцкой культуры. Такие же черепки были найдены на территории городища и в разрезе вала. Помимо салтово-маяцкой керамики, встречались также и материалы XVII в. Исследователь оставляет под сомнением принадлежность фортификаций к указанной выше раннесредневековой культуре, мотивируя это тем, что вал и ров могли быть сооружены и позднее на территории салтово-маяцкого поселения. Ввиду этого своего предположения, он не исключал возможности попадания раннесредневековых материалов в насыпь вала при починке оборонительных сооружений [*Ляпушкин, 1947/*29, карточка № XLVI].

Анализируя данные И. И. Ляпушкина и сопоставляя их с топографической картой местности, можно прийти к выводу, что он описывает, помимо слобожанской крепости XVII–XVIII вв., и оборонительные сооружения – валы и рвы, опоясывавшие обширное дворище, через которое прошла трасса прорезанной дороги. Сохранившиеся до настоящего времени овраги (участки I и III на рис. 3) и перемычка между ними (участок II на рис. 3) являются остатками линий обороны городища Острополье. Общая протяженность окружности, учитывая снесенные во время строительных дорожных работ площади памятника, составляла около 1 км. Это также не соответствует данным, приводимым Д. И. Багалеем об общей протяженности периметра городища (1600 саж./3413,76 м). Поэтому с высокой степенью вероятности можно предположить, что городище имело также третью – наиболее протяженную – внешнюю линию обороны, которая находится на территории с. Гороховатки и следы которой в значительной степени уничтожены на дневной поверхности.

В подавляющем большинстве примеров в мысовых городищах, которым является Острополье, внешние линии обороны являются наименее мощными по высоте валов, а следовательно, они в первую очередь нивелируются и становятся мало заметными. Ярким, но далеко не единственным, примером может служить салтово-маяцкое Кабаново (Старопокровское) городище в Чугуевском районе Харьковской области, испытавшее сильнейшее разрушитель-

ное антропогенное воздействие ввиду близости к населенному пункту [*Свистун*, *2013*].

Гороховатское городище также было осмотрено П. Д. Либеровым во время проведения работ новостроечной Оскольской экспедицией в 1955 г. [*Либеров, № 1955*/20, с. 7; *Либеров*, *1961*, с. 100]. Сведения исследователя ограничиваются лишь указанием на квадратную планировку памятника со сторонами протяженностью 50–60 м, а также на небольшую высоту валов и более конкретную глубину рвов с западной (2 м) и южной (3 м) сторон. Помимо прочего, на площадке городища отмечены находки круговой керамики, аналогичной той, которая была найдена на Цареборисовском городище [*Либеров, 1961,* с. 100]. Из этих данных следует, что П. Д. Либеров также осматривал лишь часть городища, на которой была устроена крепость XVII–XVIII вв.

Спустя 58 лет Гороховатское городище было вновь осмотрено, снят инструментальный план слобожанской крепости (цитадели) и произведена шурфовка внутреннего дворища. В результате были получены существенные уточнения касательно памятника. В топографическом отношении укрепления находятся на краю мыса правого берега р. Оскол, на высоте 17–18 м относительно водной поверхности Краснооскольского водохранилища (рис. 3). На момент обследования в 2013 г. поверхность крепости была покрыта лиственным лесом с подлеском. Ориентировочные размеры периметра укреплений составляют 75×60 м. Они занимают площадь 0,45 га. По периметру внутреннего дворища проходит линия грунтовых валов, образовывая в плане трапецию. На юго-западном углу имеет место расширение, характер которого может указывать на расположение в этом месте башни, возможно, отличавшейся большими размерами от остальных, расположенных на других углах крепости. Также можно предположить, что это остатки возникшего на поздних этапах эксплуатации крепости роската (батареи) – так как это был наименее защищенный природными условиями участок крепости, обращенный к напольной части мысовой площадки, и его необходимо было укреплять наиболее тщательно.

В северо-западном секторе дворища имеется овальное углубление до двух метров относительно уровня дневной поверхности укрепленной площадки. Проезды имеются с востока и запада. Восточный проем образован, возможно, в последние десятилетия, но

не исключено, что это остатки калитки к воде крепости XVII–XVIII вв. С этой же – восточной – стороны в засоренном углублении рва наличествуют каменные глыбы песчаника различного размера, отношение которых к памятнику остается под вопросом.

Линия обороны с южной стороны (рис. 3; рис. 4) имеет следующие параметры: ров шириной 12 м прилегает к валу шириной 6 м. Высота вала относительно дневной поверхности внутреннего дворища составляет 1,15 м. Перепад высот от дна рва до гребня вала составляет 1,78 м. Гребень вала относительно внешнего края рва находится на высоте 1,35 м.

С северной стороны (рис. 3; рис. 4) оборонительный рубеж, хотя и подобен вышеописанному, однако имеет существенное отличие в перепаде высот: ров шириной 12 м прилегает к валу шириной 6 м. Высота вала относительно дневной поверхности внутреннего дворища составляет 1,05 м. Перепад высот от дна рва к гребню вала составляет 3,30 м. Гребень вала относительно внешнего края рва находится на высоте 1,70 м.

В юго-западном секторе внутреннего дворища городища было произведено шурфование площадью 1×1 м с целью выяснения характера культурных отложений. В результате выяснено, что под дерном (0–0,05 м) находился слой чернозема, смешанный с глиной, в котором содержались фрагменты керамической посуды XVIII в., костей животных и маленькие песчаниковые камни. Мощность этих отложений составляла около 0,4 м. Ниже находилась материковая глина.

Для того чтобы составить представление об общей планировке Гороховатского городища, необходимо сопоставить все имеющиеся о памятнике сведения. Сличение данных разных лет и различных исследователей (в первую очередь, периметров обороны, указанных Д. И. Багалеем и И. И. Ляпушкиным) заставляют более внимательно проанализировать топографические особенности прилегающей местности. Становится очевидным, что яры, расположенные на территории с. Гороховатки, охватывают с напольной стороны небольшое трапециевидное в плане укрепление (цитадель) на стрелке мыса.

Размер периметра указанных яров никоим образом не соотносится с данными, приводимыми Д. И. Багалеем. Внешний абрис памятника, соответствующий данным Д. И. Багалея, следует, по

всей видимости, искать в топографических особенностях местности западнее и южнее объектов, описанных выше. На место прохождения внешней линии обороны могут указывать овраги протяженностью около 1,5 и 2 км, дугообразно охватывающие возвышенность с севера и юга (участки IV и V на рис. 5). Очень вероятно, что это следы рвов, которые со временем превратились в эрозийные длинные западины, поглотившие в значительной степени валы и другие элементы инженерных сооружений, располагавшихся вдоль них. Если принять это предположение, то периметр огражденной площадки городища становится максимально приближенным к данным, приведенным Д. И. Багалеем. Исходя из современного состояния памятника, подтверждение и дальнейшее уточнение его планировки и характера использования территории возможно и необходимо будет выяснить в ходе проведения археологических исследований, которые, бесспорно, помогут дать ответ на многие возникающие вопросы.

Данные о салтово-маяцких памятниках, расположенных в округе Гороховатского городища

За более чем столетнее археологическое обследование нижнего течения Оскола, несмотря на его эпизодичность, были накоплены данные о целом ряде салтово-маяцких памятников, расположенных в непосредственной близости – до 5–7 км – от Гороховатского городища (рис. 1). На данный момент, помимо самого городища с салтово-маяцкой керамикой, к условному «гнезду» салтово-маяцких поселений, ограниченному указанным выше расстоянием, можно отнести 10 памятников данной культуры. (Отношение более удаленных салтово-маяцких памятников к Гороховатскому гнезду также не исключено, и в таком случае их количество может быть удвоено, однако указанное расстояние взято из соображений бесспорной очевидности территориальной взаимосвязи.) Степень полноты сведений и локализации на карте этих памятников (как, впрочем, и многих других) явно недостаточна. Тем не менее факт их наличия зафиксирован и должен приниматься во внимание при дальнейших работах, необходимость в которых очевидна. Приведем имеющиеся в нашем распоряжении данные.

В пгт Боровая, согласно «Справочнику по археологии Украины: Харьковская область», находятся два поселения салтово-маяцкой культуры [*Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977*, с. 54]. Данные об этих археологических объектах опираются на «Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии» 1905 г., составленный Д. И. Багалеем [*Багалей, 1905*, с. 64] и схемы планов землепользователей Харьковской области с нанесением памятников археологии [Схемы землепользователей*..., 1973*]. При изучении этих документов автором данной работы сведений о салтово-маяцких поселениях не выявлено. Возможно, что ссылка на необходимый источник упущена, или же авторы справочника пользовались личными, письменно незадокументированными наблюдениями. Следует учесть, что Б. А. Шрамко и В. К. Михеев проводили разведки на рассматриваемой территории в 50–70-х гг. XX в.

У юго-западной окраины с. Подлиман, в урочище «Малиево» (Нужнево), на песчаной возвышенности разведками Б. А. Шрамко, проводившимися в 1956 г. [*Шрамко, 1956*, с. 5, рис. II, 25–29][8], было выявлено селище салтово-маяцкой культуры. Помимо керамики бронзового века и поделок из кремня была собрана коллекция разнообразной салтово-маяцкой керамики и найден обломок рукояти железного серпа архаического типа, подобные которому использовались вплоть до раннего средневековья. Судя по фотографиям, иллюстрирующим данные находки, были найдены фрагменты кухонных горшков и столовых сосудов с типичными нарезными – прямолинейным и волнистым – зонально расположенными орнаментами.

На первой надпойменной террасе левого берега Оскола, в 3-х км к западу от села (ныне затоплено водами Краснооскольского водохранилища), расположено салтово-маяцкое поселение, на котором в 1956 г. Б. А. Шрамко проводил раскопки в рамках работ Оскольской новостроечной экспедиции, возглавляемой Д. Я. Телегиным. Основное внимание уделялось раскопкам кургана, входившего в обширную курганную группу. Но при этом автором раскопок отмечено, что в поверхностных слоях кургана имели место находки эпохи бронзы и салтово-маяцкой культуры. Это объяснялось тем, что

[8] В «Справочнике по археологии Украины: Харьковская область» [*Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977,* с. 56] ошибочно указано, что поселение выявлено разведками 1957 г.

на территории курганного могильника существовали поселения указанных временных периодов.

Салтово-маяцкие древности были представлены фрагментами керамических сосудов: стенками и ручками кувшинов, стенками кухонных горшков и обломками амфор. Помимо погребений катакомбной культуры и современных христианских, было выявлено вытянутое на спине трупоположение VIII–IX вв., ориентированное головой на запад с небольшим отклонением к югу, с предметами салтово-маяцкого круга. Рядом с курганом был заложен шурф, выявивший, помимо слоя бронзового века, также и салтово-маяцкий. Кроме того, была обнаружена полуземлянка салтово-маяцкого времени с остатками каменно-глиняной подковообразной в плане печи и столбовыми ямами по углам жилища. В ее заполнении отмечены находки фрагментов кухонной и столовой посуды, амфор, изготовленных из стенок амфор пряслиц, а также фрагмента жернова, найденного в развале печи. Кухонная посуда имела типовой нарезной линейный орнамент, столовая – вертикальные лощеные штрихи, на двух днищах зафиксированы остатки гончарных клейм. К северу от данного комплекса было выявлено еще одно салтово-маяцкое погребение в виде трупоположения, ориентированного на северо-восток, при котором были найдены железные нож и пряжка. Раскопки планировалось продолжить в следующем, 1957 г., но о том, было ли оно проведено, данные отсутствуют [*Шрамко, 1956*, с. 8–14, рис. VI–XV].

На правобережье Оскола у с. Комаровки – непосредственно у населенного пункта и к северо-востоку от него, на месте бывшего с. Ральковки, – зафиксированы салтово-маяцкие материалы Н. В. Сибилевым в начале 20-х гг. XX в. [*Сибилев*, *1926*, с. 18] и В. К. Михеевым в 1961, 1962 и 1970 гг. Последним были найдены, помимо керамики бронзового века, обломки ручек амфор и венчик сосуда с большой примесью шамота в тесте [*Михеев, 1961*, с. 16, табл. X, 9; табл. XXIX, 5, 7].

В 4-х км севернее с. Гороховатки В. К. Михеевым была обнаружена керамика на узкой береговой полосе протяженностью 120 м. Кроме древностей бронзового века, были найдены фрагменты салтово-маяцкой посуды: кухонные горшки с волнистым по венчику и линейным на стенках нарезными орнаментами, а также стенка красноглиняной амфоры [*Михеев*, *1962*, с. 3, 4, табл. II, 20–23].

В 1 км севернее от вышеописанного селища, по левую сторону впадающего в водохранилище ручья, вдоль береговой линии протяженностью 100 м было обнаружено еще одно селище с отложениями бронзового века и салтово-маяцкой культуры, которая была представлена стенками сосудов грубой выработки с большим содержанием крупной дресвы в тесте, а также обломками амфор [*Михеев, 1962*, с. 4, табл. I, 14–22].

В непосредственной близости от Гороховатского городища, не превышающей условно принятого нами расстояния в 7 км, находится селище салтово-маяцкой культуры у ныне нежилого с. Голубовки, зафиксированное И. И. Ляпушкиным в 1947 г. [*Ляпушкин, 1961*, с. 201, 202, 213, 214] и повторно обследованное В. К. Михеевым в 1970 г. Поселение занимает склон выступа, расположенного между поймой Оскола и Григоровым Яром. На огородах местных жителей В. К. Михеев отметил множественные находки разнообразной салтово-маяцкой керамики и амфор, но не дал ни детального их описания, ни иллюстративного материала [*Михеев, 1970*, с. 9].

Кучность таких селищ вокруг укрепленного центра – Гороховатского городища, на котором также встречалась салтово-маяцкая керамика, несколько ниже, чем по Северскому Донцу. Однако это может быть специфической отличительной особенностью памятников в нижнем течении Оскола – как вокруг городища Пристен [*Свистун, 2014*; *Свистун, Лаптев*, *2016*], расположенного выше по течению («гнездо» XII согласно нумерации, начатой А. З. Винниковым и С. А. Плетнёвой [*Винников*, *Плетнёва*, *1998*, с. 34, рис. 6]), так и вокруг Гороховатского городища («гнездо» XIII).

Выводы

Анализ разрозненных и порой отрывочных данных о Гороховатском городище и прилегающих к нему салтово-маяцких селищах делает очевидным, что принцип организации поселенческой структуры в нижнем течении р. Оскол подобен лесостепным памятникам в долине рр. Северского Донца и Оскола: сгруппированность открытых поселений вокруг укрепленного центра хотя и разнится, но общая тенденция является статичной. В то же время нельзя исключать того, что некоторая вариабельность в сгруппированности

является следствием неравномерности археологической изученности двух соседствующих микрорегионов.

Непосредственно о Гороховатском городище можно сказать следующее: на его территории прослеживаются два строительных периода – салтово-маяцкий и времен колонизации Слобожанщины. Городище раннесредневекового времени имеет, скорее всего, три линии обороны, отсекающие мысовую оконечность от поля и образующие три дворища. Из них первая (наружная) линия имеет периметр протяженностью около 3,5 км, вторая (средняя) – около 1 км, третья (цитадель) – около 200 м. О том, что последняя существовала еще в раннем средневековье и имеет отношение к салтово-маяцкой культуре, говорит ее трапециевидная форма, широко распространенная в салтово-маяцкой военной архитектуре. Колонисты XVII–XVIII вв., очевидно, лишь приспособили сохранившиеся валы и рвы под нужды своей крепости. Построить же большое городище с эшелонированной обороной им было априори не под силу. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письменные источники, упоминающие малое количество поселенцев-слобожан, среди которых пребывающих на службе, т. е. взрослых мужчин-воинов, насчитывалось во второй половине XVII в. в пределах от трех до пяти десятков.

Об ограниченных людских ресурсах можно судить по сведениям о деятельности А. С. Опухтина, занимавшегося вопросами обустройства укрепленной линии от Валуек до Царева-Борисова. В 1680 г. он намеревался укрепить, помимо прочих, уже существующий к тому времени городок Гороховатку. Но при этом вынужден был писать в Разрядный приказ о необходимости присылки в Острополье «прибавочных людей», так как на то время в данном населенном пункте проживало лишь «38 семей черкас и русских». Данная просьба не получила поддержки [*Загоровский, 1980*, с. 72, 76, 142, 185].

Кроме того, построение эшелонированной системы обороны с максимальным использованием защитных свойств местности (в данном случае мысового выступа) не типично для фортификационного искусства XVII–XVIII вв. Это наглядно видно при изучении планов укреплений указанного исторического периода, хотя в отдельных случаях (в частности здесь) на практике применялось частичное использование остатков фортификационных сооружений предшествующих времен [*Алферова, 1989*]. В нелегких и опасных

условиях колонизации Поля при опасности неприятельских нападений возникала необходимость наибыстрейшего строительства укреплений на потенциально опасных направлениях. Поэтому новые крепости зачастую возводились на старых городищах, размещенных у бродов – на путях возможного проникновения татар – и сохранивших отчасти оборонительные элементы, которые возможно было частично использовать при новом строительстве. Так, на просьбу поселян-колонистов, обращенную в 1659 г. к царю Алексею Михайловичу, было получено разрешение: «…Салтовским черкасам атаману Ивану Семеновичу с товарищи на Салтовском [Верхнесалтовском. – *Г.С.*] городище по среднему валу острог велели ставить собою со всякими крепостьми…» [*Багалій, 1990*, с. 32, 58].

В пользу салтово-маяцкого происхождения фортификаций Гороховатского городища говорит и то, что в его валах П. Д. Либеров фиксировал песчаник [*Либеров, 1955*, с. 5], который широко использовался салтово-маяцким населением. К тому же, помимо салтово-маяцкой керамики и артефактов XVII–XVIII вв., в пределах городища прочих культурных отложений не выявлено. Поэтому иная – альтернативная – культурная интерпретация не имеет оснований. В то же время отсутствие на лесостепных салтово-маяцких городищах сплошного соответствующего культурного слоя не является редкостью.

Выявленные в процессе анализа имеющихся данных характеристики оборонительных сооружений Гороховатского городища позволяют уточнить его место в типологической схеме лесостепных салтово-маяцких укреплений. Ранее, при недостаточности данных, рассматриваемый памятник был мною под сомнением причислен к виду 3А второго типа (TIIB3A), характеризующемуся как сложные городища (с двумя и более дворищами), максимально использующими рельеф местности и не имеющими совмещенных линий обороны [*Свистун, 2014*, с. 94, 96, табл. 1]. После проведенной работы укрепления в Гороховатке обоснованно можно отнести к виду 1А второго типа (TIIB1A) – сложным городищам (с двумя и более дворищами), с четырехугольной планировкой цитадели, не имеющим совмещенной линии обороны. К такому же виду и типу принадлежит и соседствующее с Гороховатским городище Пристен в нижнем течении р. Оскол.

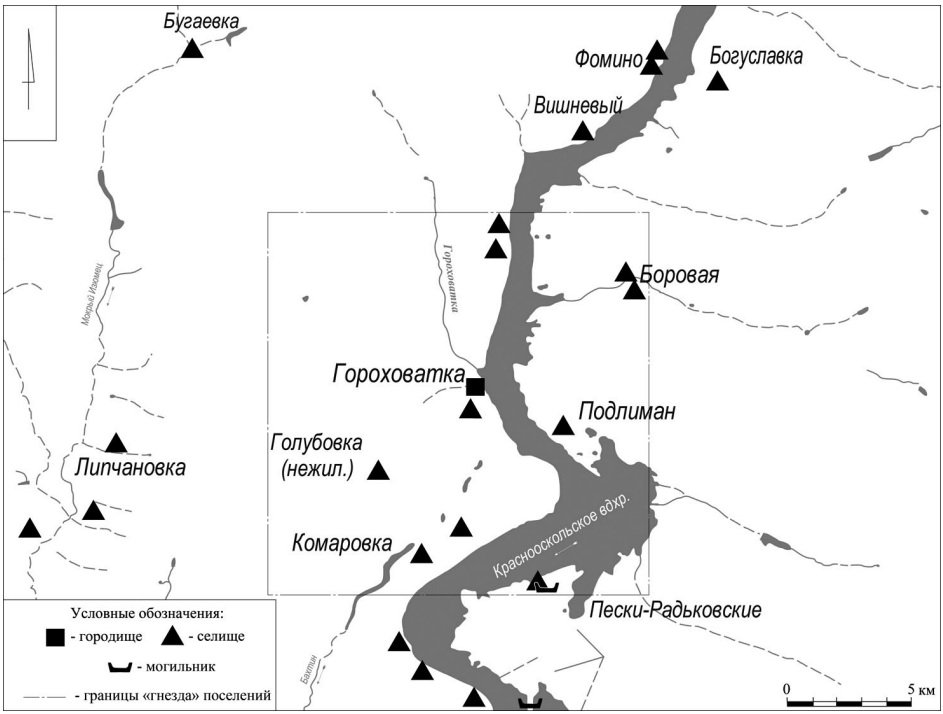


Рис. 1.
Салтово-маяцкие памятники в округе с. Гороховатки

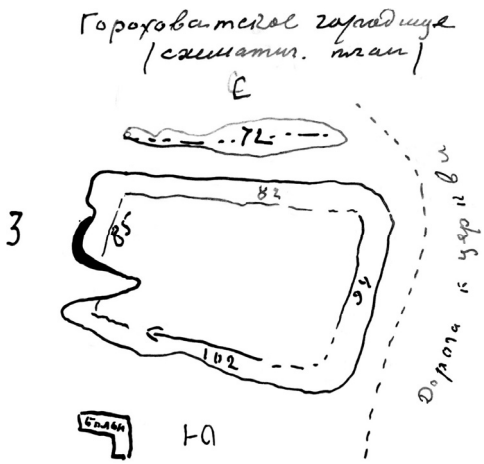


Рис. 2.
Городище Гороховатка. План Сибилева 1923 г.

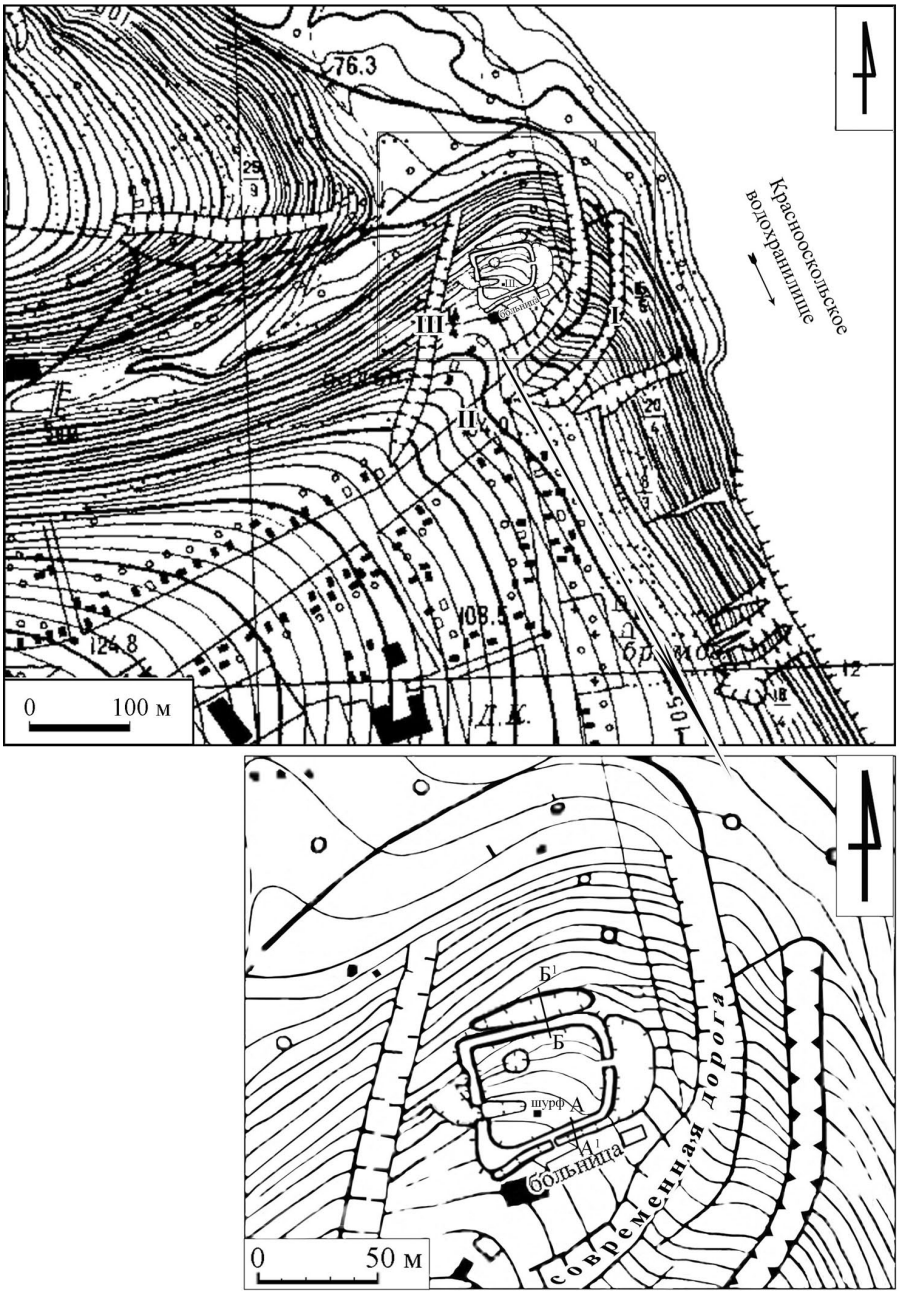


Рис. 3.
Топографический план Гороховатского городища

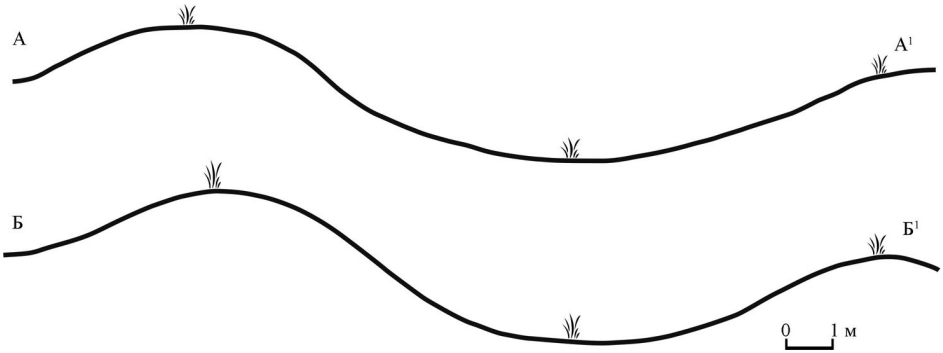


Рис. 4.
Профили валов и рвов цитадели Гороховатского городища

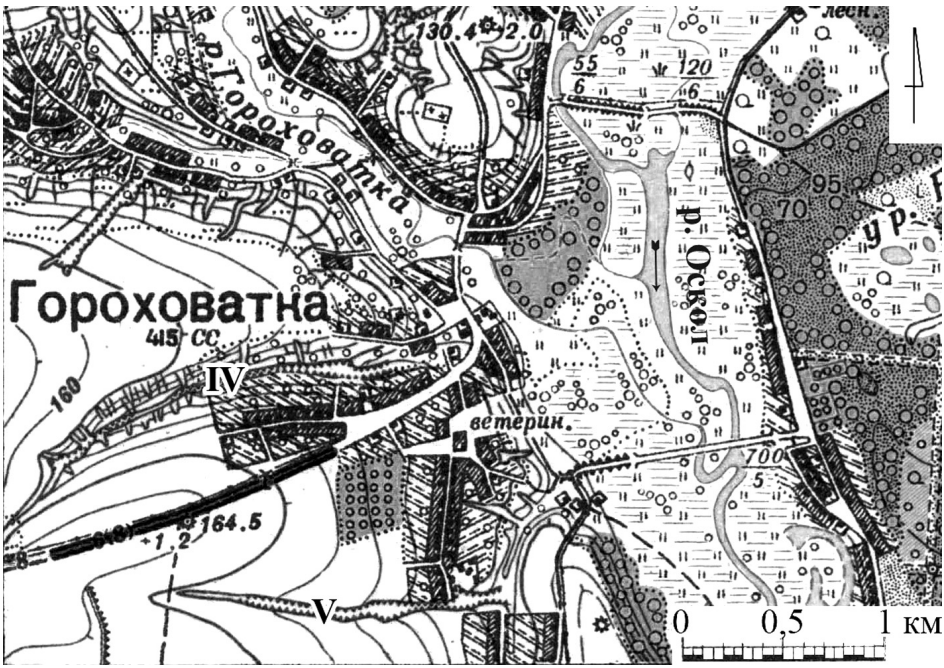


Рис. 5.
Местность в районе с. Гороховатки на карте 1949 г.

Литература

Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII веков. М., *1989*.

Альбовский Е. Харьковские казаки. Т. I. Кн. I. Харьков, *2009*.

Багалей Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Тр. XII Археологического съезда. Т. I. М., *1905*.

Багалій Д. І. Історія Слобідської України. Харків, *1990*.

Винников А. З., Плетнёва С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, *1998*.

Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж, *1980*.

Колода В. В., Маслийчук В. Л., Мирошниченко С. В., Парамонов А. Ф., Романовский В. С., Исаев Т. Комментарии // Филарет (Д.М. Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии: В 3-х т. Т. 3. Харьков, *2006*.

Либеров П. Д. Отчет о работе Донецкого отряда Донской экспедиции в 1955 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № *1955*/20.

Либеров П. Д. Разведки в пойме реки Оскол // КСИА. Вып. 83. М., *1961*.

Ляпушкин И. И. Днепровская Левобережная экспедиция 1947 г. Разведка И.И. Ляпушкина. Учетные археологические карточки №№ XXVI–XLVIII // Научный архив ИА НАН Украины. № *1947*/29.

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. № 104. М.–Л., *1961*.

Михеев В. К. Отчет о археологических раскопках и разведках в 1961 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № *1961*/24а.

Михеев В. К. Отчет о музейных экскурсиях и археологических исследованиях 1970 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № *1970*/71.

Михеев В. К. Отчет об археологических разведках в 1962 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № *1962*/28.

Неволин К. А. Общий список русских городов // Полное собрание сочинений в шести томах. История Российских гражданских законов. 1857–1859. Т. VI. Исследования о различных предметах заповедения. СПб., *1859*.

Оглоблин Н. Н. Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного Приказа. М., *1884*.

Педаев Д. К., Федоровский А. С., Аверин В. Г., Талиев В. И., Сумцов Н. Ф. и др. Природа и население Слободской Украины. Харьковская губерния (репринтное издание). Харьков, *2007*.

Свистун Г. Е. Кабаново (Старопокровское) городище // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Збірник наукових праць. Вип. 3. Харків, *2013*.

Свистун Г. Е. Типология салтово-маяцких лесостепных городищ на современном этапе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Донецк, *2014*.

Свистун Г. Е., Лаптев А. А. Салтово-маяцкое городище у с. Пристен и его округа // Дивногорский сборник. Вып. 4. Воронеж, *2016* (в печати).

Сибилев Н. В. Донецкие городища и стоянки по р. Осколу // Научный архив ИА НАН Украины. Личный фонд Н. В. Сибилева. Ф. 4. *1927*.

Сибилев Н. В. Древности Изюмщины. Вып. II. Изюм, *1926*.

Схемы землепользователей Харьковской области с нанесением памятников археологии. Харьков, *1973*.

Филарет (Д. М. Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии: В 3-х т. Т. 2. Харьков, *2005*.

Шрамко Б. А. Отчет об археологических разведках и раскопках Северо-Донецкой экспедиции ХГУ в 1956 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № *1956*/19.

Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины (Харьковская область). Киев, *1977*.

Сокращения

ИА – Институт археологии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАН – Национальная Академия наук
ХГУ – Харьковский государственный университет
ХДУ – Харківський державний університет

Г. Є. Свистун

Городище Гороховатка (Остропол'є) і його округа: проблеми культурно-історичної інтерпретації

Резюме

Відоме з XVII ст. городище Гороховатка (Остропол'є) тривалий час залишалося без належної уваги фахівців в галузі салтово-маяцької культури. Як показав аналіз накопичених за багато років даних про пам'ятку, городище являє собою типовий укріплений центр для лісостепового «гнізда» поселень салтово-маяцької культури, розташований в нижній течії р. Оскіл. Городище має три лінії укріплень, внутрішня з яких – цитадель – має в плані форму трапеції.

Ключові слова: городище, Гороховатка (Остропол'є), салтово-маяцька культура, укріплений центр, Оскіл, цитадель.

Г. Е. Свистун

Городище Гороховатка (Остропольe) и его округа: проблемы культурно-исторической интерпретации

Резюме

Известное с XVII в. городище Гороховатка (Остропольe) долгое время оставалось без должного внимания специалистов в области салтово-маяцкой культуры. Как показал анализ накопленных за многие годы данных о памятнике, городище представляет собой типичный укрепленный центр для лесостепного «гнезда» поселений салтово-маяцкой культуры, расположенного в нижнем течении р. Оскол. Городище имеет три линии укреплений, внутренняя из которых – цитадель – имеет в плане форму трапеции.

Ключевые слова: городище, Гороховатка, салтово-маяцкая культура, укрепленный центр, Оскол, цитадель.

G. E. Svistun

Hill-Fort Gorohovatka (Ostropole) and its District: the Problem of cultural and Historical Interpretation

Summary

Known since the XVII century hill-fort Gorohovatka (Ostropole) remained without proper attention of specialists in the field of Saltovo-Mayaki culture for a long time. According to the analysis of the accumulated over the years of the monument data, settlement is a typical fortified center for the forest-steppe of «nest» settlements Saltovo-Mayaki culture, located in the lower reaches of the river Oskol. Mound has three lines of fortifications, inside of which – the citadel – is in terms of the shape of a trapezoid.

Keywords: hill-fort, Gorohovatka, Saltovo-Mayakaya culture, fortified, Oskol, citadel.

С. Б. Сорочан

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН В «ИТАЛИЙСКОЙ ЛЕГЕНДЕ»

Легенда не всегда лжет, –
иногда она правдивее истины.
Эдмон Ростан

«Житие с перенесением мощей св. Климента», известное в латинском оригинале как «Vita cum Translatione Sancti Clementis», или «Италийская легенда» (*Legenda Italica*), состоит из 12 небольших глав и представляет в своей основе (§ 2–5) перевод римским прелатом Анастасием Библиотекарем (ум. 879 г.) «Краткой истории» (*brevis historia*, *storiola*, *historica narratione*). Это был своего рода пересказ отчета Константина Философа о поездке в Хазарию и обретении в византийском Херсоне, в Крыму, зимой 860/861 г. мощей блаженного Папы Климента. Часть их была позже доставлена «солунскими братьями» в Рим и, видимо, в связи с этим важным событием, состоявшимся, скорее всего, в мае–июне 868 г., возникла основа «Жития с перенесением мощей св. Климента» – источника, окончательно оформившегося в Риме в X в. [*Спиридонов*, 1914, с. 272].

Текст памятника в части о розыске мощей гораздо более подробный, чем «Пространное житие Константина» («Паннонская легенда»), обнаруживает следы переводческой деятельности Анастасия Библиотекаря и его письма (подробно см.: [*Сорочан*, *2012–2013*, с. 222–240]), послуживших основой для составленного около 880 г. ученым священнослужителем Иоанном по повелению Гаудериха, епископа италийского города Велитери (Веллетри), и поднесенного Папе Иоанну VIII (872–882) сочинения о жизни и трудах Климента Римского, а также об обретении и перенесении в Италию его мощей, за которым в начале XII в., в свою очередь, близко следовал Леон, епископ Остии и Веллетри (ум. ок. 1114/1115 г.) в сво-

ем рассказе о перенесении мощей св. Климента. Сочинение этого высокоученого «Иоанна левита» не сохранилось, за исключением предисловия Гаудериха, адресованного Папе Иоанну VIII, где епископ заявлял, что составленное по его поручению Житие Климента «non tam strenue, quam devote collegi, in tribus libris conglutianus ordinavi» [Acta Sanctorum, *1678*, p. 41 sq.]. В первой книге был рассказ о семье и приключениях св. Климента, во второй – о его сочинениях; в третьей – «miramur prodigia, exulationis angustias, martirii laureas, reversionis ejus ad propriam sedem miracula». Конечная дошедшая до нас часть этого сочинения известна в науке под названием «Vita cum Translatione S. Clementis» (см.: [*Франко*, *1902*, с. 116–117; *Лавровский*, *1886*, с. 17–59; Житие Константина…, *1981*, с. 10, 118–119, комм. 14; *Цукерман*, 1997, с. 317].

Предлагаемый ниже перевод на русский язык «Италийской легенды» выполнен в начале прошлого века П. А. Лавровым в издании, ныне ставшем библиографической редкостью [Житие и перенесение…, *1912*, с. 215–221][1]. Сверив с латинским текстом, мы снабдили его комментариями, которые вместе с переводом этого редкого ценного источника могут оказаться полезными для исследователей как византийского Крыма хазарской эпохи, так и нескончаемой Климентианы (из последних примеров: [*Jastrzebowska*, *2003*; *Сорочан*, *2006*, с. 172–180; *Сорочан*, *2010*, с. 29–39; Херсонес…, *2011*; Климентовский сборник…, *2013*]).

1. В годы правления Византией императора Михаила[2] был один муж знатного происхождения, родом из Солуни[3], именем Константин[4], которого за чудесный ум, с малолетства в нем открывший-

[1] Латинский текст см.: [Vita cum Translatione…, *1911*, p. 142–147; ср.: *Бильбасов*, *1871*, с. 220–227 (лат. текст), с. 314–320 (рус. пер.)].

[2] Tempore igitur quo Michael imperator Novae Romae regebat imperium – «В то время, когда Михаил император в Новом Риме правил империей...». Михаил III был императором в Константинополе с 21 января 842 г. по 23 сентября 867 г., когда он был убит заговорщиками, возглавляемыми соправителем василевса Василием Македонянином.

[3] ...*родом* из Солуни – civitate Thessalonica ortus («происхождением из города Фессалоники»).

[4] Жития Константина и Мефодия позволяют полагать, что по рождению и профессиональной подготовке оба брата, по выражению Д. Оболенского, входили в византийский «истеблишмент» [*Оболенский*, *1998*, с. 148–149]. Их отец состоял

ся[5], по справедливости прозвали Философом[6]. Достигши зрелых лет, он привезен был родителями в столицу[7]; там как муж весьма благочестивый и благоразумный украсился священническим саном[8].

на государственной службе при стратиге фемы Фессалоника, и хотя его пост друнгария, скорее всего – командира сотни стратиотов, не был очень высоким, назван в Житии Константина Философа «мужем неким, богатым и доброго рода». В Житии Мефодия добавлено, что братья были «...с обеих сторон (т. е. как по отцовской, так и по материнской линии) не из худого рода, но доброго и честного, известного сначала Богу, и цесарю, и всей Солунской земле», причем старшему, Мефодию, был доверен высокий административный пост, видимо – архонта одной из славянских провинций Империи, что могло быть связано с византийской политикой замены местных «первенствующих» присланными со стороны имперскими чиновниками – ромеями [Житие Константина…, *1981*, с. 71, гл. 2; с. 96, гл. 2; *Wasiliewski*, *1972*, s. 173–177]. Все это вполне согласуется со словами Италийской легенды о знатном происхождении (vir nobili genere) Константина и указывает на то, что ее составитель был знаком с текстом его Жития, уже имевшимся к 880-м гг., если не раньше.

[5] *...за чудесный ум, с малолетства в нем открывшийся* – ob mirabile ingenium, quo ab ineunte infantia mirabiliter claruit.

[6] И. Я. Франко видел в этом утверждении агиографа ошибку, поскольку Философом Константина прозвали не потому, что он имел mirabile ingenium, а оттого, что таковым было его официальное положение как учителя при столичной высшей школе [*Франко*, *1904*, с. 216].

[7] В латинском тексте – hic cum adolevisset, atque a parentibus fuisset in urbem regiam dictur. Очевидно, Константин попал в столицу Империи, или просто Полис – «Город», как ее называли ромеи, еще будучи молодым человеком (cum adolevisset), но не с родителями, ибо потерял отца в 14 лет [Житие Константина…, *1981*, гл. II; *Франко*, *1904*, с. 217]. Если исходить из 827 г. как даты его рождения (умер в 869 г. в возрасте 42 лет), тогда речь идет о 841 г. – конце правления василевса Феофила (829–842). Константин был вызван логофетом Феоктистом в Константинополь якобы «учиться вместе с императором» [Житие Константина…, *1981*, гл. III], т. е. сыном Феофила, Михаилом, которому в это время было всего три года. Понятно, что он не мог учиться вместе с ним. Тем не менее годы занятий самого Константина пришлись на начало правления малолетнего Михаила III, которого вплоть до начала 856 г. представляла его мать, вдовствующая августа – регентша Феодора, а фактически замещал ее фаворит, царский опекун, грубый и властный Феоктист. Примечательно, что Константин находился под покровительством последнего вплоть до его убийства, каковое событие могло стать причиной того, что он покинул Константинополь и отправился на вифинский Олимп в монастырь (см.: [Житие Константина…, *1981*, с. 73, гл. 4, с. 113–114, комм. 1]).

[8] *...украсился священническим саном* – honorem quoque sacerdoti ibidem. В переводе В. А. Бильбасова: «...принял там священнический сан» [*Бильбасов*, *1871*, с. 314, гл. 1). В Житии Константина сказано, что «юный философ» был пострижен в священники и ему была дана служба библиотекаря у Патриарха в храме Св. Софии [Житие Константина…, *1981*, с. 73, гл. 4]. В действительности речь должна

В то же время к упомянутому императору прибыли послы от хазар[9], прося и моля прислать к ним ученого мужа, который научил бы их неложно кафолической вере[10]; прибавляя, между прочим, каким образом то иудеи, то сарацины стараются обратить их в свою веру[11]. Но мы, не зная, на чью сторону лучше склониться, решились просить совета о нашей вере и спасении у верховнейшего и кафолического императора, полагаясь на вашу верность и старинную дружбу[12]. Тогда император, посоветовавшись с патриархом[13], призвал пред себя упомянутого философа и с величайшей честью от-

---

идти о Фомаитском триклинии, сооруженном уже Патриархом Фомой (607–619), где размещалась библиотека Константинопольского патриаршества, содержавшая почти исключительно священные тексты, в том числе еретические, запертые в шкафы и сундуки [*Wilson*, *1967*, p. 59; *Manaphes*, *1972*]. Так или иначе, среди патриарших чиновников того времени известна должность библиофилака, однако даже секретари и делопроизводители патриаршей канцелярии – хартофилаки, по рангу стоявшие выше библиотекаря, были не более чем диаконами, так что Константин, молодой клирик, едва ли удостоился иного сана, в котором оставался почти до конца жизни [*Dvornik*, *1970*, s. 77–78; ср.: *Darrouzes*, *1970*, p. 63–64].

[9] ...*прибыли послы от хазар* – Cazarorum legati venerunt. У В. А. Бильбасова: «...явились послы Хазар». Так же и в Житии Константина (гл. 8). Очевидно, речь идет о прибытии хазарского посольства в Константинополь, состоявшемся, судя по контексту нижеследующего повествования (комм. 14), летом 860 г., накануне или вскоре после знаменитого морского набега на столицу империи варварского народа рос (подробнее см.: [*Dvornik*, *1933*, p. 112–180; *Кузенков*, *2003*, с. 3–172; *Кузенков*, *2012*, с. 52–97; *Гордієнко*, *2013*, с. 132–143]).

[10] ...*который научил бы их неложно кафолической вере* – qui eos fidem catholicam veraciter edoceret. У В. А. Бильбасова: «...который по истине научил бы их кафолической вере».

[11] В переводе В. А. Бильбасова: «...они прибавляли между прочим, что теперь то Евреи, то опять Сарацины наперерыв стараются обратить нас каждый в свою веру».

[12] ...*полагаясь на вашу верность и старинную дружбу* – in fide vestra ac veteri amicitia plurimum confidentes. У В. А. Бильбасова: «...так как мы вполне доверяем вашей верности и старинной дружбе». У И. Я. Франко: «...покладаючи найбільше довіря до вашої віри і старої приязни» [*Франко*, *1904*, с. 213]. В Житии Константина: «...[вспоминая] старую дружбу и сохраняя (взаимную любовь)» (гл. 8).

[13] ...*посоветовавшись с Патриархом* – simul cum Patriarcha consilio habito. В Житии Константина сообщение о совещании Михаила III с Патриархом Фотием отсутствует. Но в любом случае источники подчеркивают, прежде всего, церковный, миссионерский характер посольства. Прямая связь его с нападением росов на Константинополь летом 860 г. и попытками отыскать против них действенных союзников в Хазарии остается гипотетической, хотя миссия действительно отбыла морем в Крым вскоре после этого нападения, тем же летом или не позже начала осени [*Dvornik*, *1933*, p. 112–180].

правил его туда с хазарскими и своими послами[14] в полном уповании на его благоразумие и красноречие[15].

2. Итак, немедленно, приготовив все нужное, он пустился в путь[16] и прибыл в Херсон, весьма близкий и смежный с землей хазар[17]; тут остановился на несколько времени, желая обучиться языку этого народа[18]. Между тем по внушению Бога, который

[14] *...с величайшей честью отправил его туда с хазарскими и своими послами* – simul cum legatis illorum ac suis honorificentissime transmisit illue («вместе с посланниками туда с великим почетом отправил»). Именно упоминание хазарских послов позволяет полагать, что отправка произошла после прибытия хазарского посольства к императору и, поскольку путь ответной византийской миссии совпадал с маршрутом возвращения хазар домой, это превратилось в совместный маршрут, по крайней мере – в части плавания к Крыму, в Херсон. Это же обстоятельство позволяет полагать, что сопровождавшие Константина хазары какое-то время оставались с ним в Херсоне, поскольку миссия задержалась там на зиму. Ни один другой источник не содержит сведений такого рода, что ускользнуло от внимания исследователей.

[15] У В. А. Бильбасова: «...так как император вполне доверял мудрости и красноречию Константина».

[16] *Итак, немедленно, приготовив все нужное, он пустился в путь* – E vestigio igitur praeparatis omnibus necessariis, iter arripiens. У В. А. Бильбасова: «Тотчас после того как были сделаны необходимые приготовления, Константин отправился в путь...» [*Бильбасов*, *1871*, с. 314–315, гл. 2]. Любопытно это замечание о сборах в путь, которого нет в Житии Константина. Между тем, оно объясняет, откуда в Херсоне в распоряжении посланника императора и Патриарха оказались все необходимые материалы относительно Климента Римского, которые он представил тамошнему архиепископу и именитым горожанам (см.: Письмо Анастасия Библиотекаря епископу Гаудериху, § 3). Вероятно, в багаже дипломата-клирика было немало богословской литературы, соответствующих выписок из нее, так что, готовясь к путешествию, Константин загодя знал, за какими занятиями ему придется коротать время в городе, погруженном в зимнее оцепенение, дожидаясь весны и продолжения путешествия ко двору хагана.

[17] *...прибыл в Херсон, весьма близкий и смежный с землей хазар* – venit Cersonam, quae nimirum terrae vicina Cazarorum et contigua est («прибыл в Херсон, чья земля, разумеется, соседка Хазарии и является смежной»). У И. Я. Франко: «...прибув до Херсона, що лежить в сусїдстві і сумежності з землею Хазарів» [*Франко*, *1904*, с. 213]. Это указание на соседство и смежность следует понимать так, что земли фемы Херсон лежали на пограничье с территорией, считавшейся хазарской, т. е. проходили приблизительно по линии Внутренней гряды и долины р. Альмы. Ближайший к Хазарии византийский город, он являлся таким и во времена Петроны Каматира, двадцать лет назад [*Сорочан*, *2003(1)*, с. 89–90].

[18] *...тут остановился на несколько времени, желая обучиться языку этого народа* – ibique gratia discendi linguam gentis illus est aliquandum demoratus («тут, желая обучиться языку народа этого, надолго задержался»). У В. А. Бильбасова: «...там он пробыл некоторое время с целью изучения языка этого народа» [*Бильбасов*, *1871*, с. 315, гл. 2]. Это единственное место, называющее одну из главных причин довольно длительной задержки Константина Философа именно в Херсоне – это необходимость обучиться хазарскому языку. Житие Константина тоже подчерки-

уже положил открыть правоверным своим столь драгоценное сокровище, тело св. Климента, упомянутый муж, как любознательный испытатель[19], начал от местных жителей прилежно наведываться и тщательно испытывать[20], что [до него] дошло частью через письменное предание, частью по слуху[21], о теле блаженного Климента, о храме, воздвигнутом ангельскими руками[22], и о гробе его[23]. Все объявили[24], что как пришельцы из разных народов[25], а не местные

вает лингвистические интересы посланника, но указывает лишь на его занятия семитскими языками и письменностью [Житие Константина…, *1981*, гл. 8].

[19] ...*как любознательный испытатель* – ac si curiosus explorator («как старательный исследователь»). Другое значение слова exploratory – «разведчик, рекогносцировщик». Эту же черту Константина, действовавшего не хуже заправского археолога, подчеркивает и письмо Анастасия Библиотекаря в части, где пересказывается сообщение епископа Митрофана Смирнского, находившегося в тех краях в ссылке (§ 3).

[20] ...*начал от местных жителей прилежно наведываться и тщательно испытывать* – ab incolis loci diligentissime perscrutari ac solerter investigare illa. У В. А. Бильбасова: «...старательно разведывать у местных жителей и искусно исследовать все» [*Бильбасов*, *1871*, с. 315, гл. 2]. Incolis loci – обитатели, жители места, т. е., надо полагать, все, кто жил в Херсоне и его окрестностях. И. Я. Франко, ошибочно исказив текст, полагал, что Константин расспрашивал о гробе Климента не самих херсонитов, а якобы только соседей, живших подле того места (accolae loci illius), что действительно было бы странно [*Франко*, *1904*, с. 209]. Чтобы это объяснить, украинский агиолог пошел на введение следующей умозрительной конструкции. По его мнению, автор «Италийской легенды» использовал свидетельства Митрофана Смирнского, переданные Анастасием Библиотекарем в письме к Гаудериху, но из «accolae» сделал «incolae», которые таким образом оказываются «non indigenae, sed diversis ex gentibus advenae», т. е. совершил смысловую замену на худшее, утрировав ситуацию [*Франко*, *1904*, с. 219–220].

[21] ...*частью через письменное предание, частью по слуху* – quae ad se tum litterarum traditione, tum quoque vulgari fama. У В. А. Бильбасова: «...что он узнавал из письменных свидетельств, равно как и по слухам». У И. Я. Франко: «...що дійшло було до нього чи то з письменної традиції, чи з народніх переказів» [*Франко*, *1904*, с. 213].

[22] ...*о храме, воздвигнутом ангельскими руками* – de templo angelicis manibus praeparato.

[23] ...*и о гробе его* – sive de arca ipsius («или самой гробнице»). Как и в сочинении диакона Феодосия «О местоположении Святой Земли» (первая треть VI в.), храм-мемориий и гробница (гроб, саркофаг) разделяются. Следовательно, загородного храма Климента поначалу не было, а была только мемориальная постройка с гробницей (arca) (ср.: [*Сорочан*, *2013*, с. 68, комм. 218]).

[24] ...*все объявили* – ad quem praefati omnes. У В. А. Бильбасова: «...все же вышеназванные».

[25] ...*пришельцы из разных народов* – diversis ex gentibus advenae. У В. А. Бильбасова: «...пришельцы от различных племен». В письме Анастасия Библиотекаря тоже уточняется, что это были «пришельцы из разных *варварских* народов», причем автор не разделял их на конкретные этносы, племена и даже не указывал самых заметных из этих «варваров» – хазар и венгров (ср.: [*Сорочан*, *2013*, с. 236, комм. 960]).

уроженцы[26] ничего не знают, о чем он спрашивает[27]. Ибо чудо морского отлива[28], знаменитое в истории страданий упомянутого первосвященника, давно уже прекратилось за грехи и нерадение жителей[29], и море прежние свои места покрыло волнами[30]. Сверх того, и от многих набегов варваров храм оставлен и разрушен, страна эта опустела и сделалась необитаемой[31]; да и сам гроб св. мученика с телом[32] покрыт был волнами[33].

[26] ...*а не местные уроженцы* – utpote non indigenae.

[27] У В. А. Бильбасова: «...ничего не знают о том, что он разыскивает». Эта строка едва ли не дословно совпадает с текстом письма Анастасия Библиотекаря («nescire se quae disert»), что указывает на знакомство составителя «Италийской легенды» с сочинением папского архивариуса [*Сорочан*, *2013*, с. 237, комм. 962].

[28] ...*чудо морского отлива* – miraculum illud marini recessus. У В. А. Бильбасова: «...чудо убыли моря».

[29] ...*давно уже прекратилось за грехи и нерадение жителей* – ex longo jam tempore ob culpam et negligentiam incolarum. У В. А. Бильбасова: «...с давнего времени по вине и небрежности жителей».

[30] ...*и море прежние свои места покрыло волнами* – et mare fluctus suos in pristinas stationes refuderat. У В. А. Бильбасова: «...и море опять вливало свои волны в прежние границы». Следует заметить, что stationis означает не просто «место», но место стоянки, якорную стоянку, рейд, бухту. У И. Я. Франко: «...і море свої хвилі виливало аж до первісних границь» [*Франко*, *1904*, с. 213]. Ср. в гл. 2 у Анастасия Библиотекаря: «mare quippe fluctus suos ad nonnulos retractos spatia in proprios sinus collegerat» [*Сорочан*, *2013*, с. 230, комм. 926].

[31] ...*от многих набегов варваров храм оставлен и разрушен, страна эта опустела и сделалась необитаемой* – multitudinem incursantium Barbarorum locus ille desertus est, et templum neglectum atque destructum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita («от многих нападений варваров место это брошено (оставлено, покинуто, пустынно), храм оставлен без внимания и притом разрушен, большая часть области (страны) этой почти покинута и сделалась необитаемой»). У В. А. Бильбасова: «...вследствие частых вторжений варваров то место опустело, храм оставлен без внимания и разрушен, и большая часть той страны опустошена и сделана необитаемой». У И. Я. Франко: «Надто й задля множества варварських нападів се місце запустїло, і храм занедбаний та зруйнований і велика часть тої околиці стала ся майже безлюдною та незамешканою” [*Франко*, *1904*, с. 213]. Следовательно, как и в письме Анастасия Библиотекаря, передающем рассказ Константина Философа (§ 2), текст «Италийской легенды» отмечает, что лишь часть области, а не вся она, «почти покинута» (fere desolata). Ср. письмо: «почти таким образом покинута» (prope modum desolate est).

[32] ...*сам гроб св. мученика с телом* – ipsa sancti Martyris arca cum corpore. У В. А. Бильбасова: «...самая гробница св. мученика вместе с его телом».

[33] У В. А. Бильбасова: «...была погребена волнами». Эта подробность тоже перекликается с сообщением Константина, отраженным в письме Анастасия Библиотекаря (§ 2).

3. Таким ответом весьма удивленный и крайне опечаленный, философ обратился к молитвам, чтобы ему открыто было свыше, ради заслуг упомянутого первосвященника, чего не мог узнать от людей[34]. Он пригласил митрополита из самого города, именем Георгий, вместе с причтом церковным и народом[35], да просят того же от небес: сверх того, рассказывая деяния страстотерпца или чудеса блаженнейшего мученика[36], весьма многих воодушевил[37] увещаниями своими приступить к отысканию столь драгоценного и столь долго пренебрегаемого сокровища и с помощью Божьей извлечения его на свет. В один день, 30-го, как пишут, января[38], при тихой

[34] Ср. с текстом § 3 письма Анастасия Библиотекаря.

[35] *...митрополита из самого города, именем Георгий, вместе с причтом церковным и народом* – civitatulae ipsius Metropolitam, nomine Georgium, simul cum clero et populo. У В. А. Бильбасова: «...митрополита того небольшого города, именем Георгия, вместе с духовенством и народом» [*Бильбасов*, *1871*, с. 315, гл. 3]. У И. Я. Франко: «...митрополита того місточка, на імя Георгія, разом з кліром і народом» [*Франко*, *1904*, с. 213]. Обычно слово civitatulae переводят как «небольшой город», «городок», однако оно возможно и в значении «небольшой области, страны». Само имя «митрополита» Херсона (ниже он назван уже епископом) могло стать известно составителю *Legenda Italica* из перевода «исторического повествования» об обретении мощей св. Климента, подготовленного Константином Философом. О том, что такой перевод имелся, сообщает Анастасий Библиотекарь в своем письме епископу Гаудериху (см. § 1, 3, 4).

[36] *...рассказывая деяния страстотерпца или чудеса блаженнейшего мученика* – referens illius gesta passionis, seu miraculorum ejusdem beatissimi Martyris. У В. А. Бильбасова: «...повествовал о страданиях или чудесах того блаженного мученика». Следует обратить внимание на знание Константином предмета его повествований, что при всей эрудиции ученого предполагает предварительную целенаправленную подготовку.

[37] *...весьма многих воодушевил* – plurimos eorum accedere («весьма многих к этому присоединил»).

[38] *...30-го, как пишут, января* – quae in III Calendarum Januariarum inscribitur. То же число называет «Слово на перенесение мощей святого Климента» («тридесятень день бъяше Генваря мъсяца»), относя событие к 6369 г. от сотворения мира = 861 г. н. э. (см.: заглавие и гл. 3) [*Сорочан*, *2013*, с. 259–260, комм. 1082, 1087]. У В. А. Бильбасова ошибка месяца: «...в 30-й день, как пишут, декабря» [*Бильбасов*, *1871*, с. 315, гл. 3]. Эта ошибка кочует по специальным работам, причем иногда к ней добавляют не названный источниками 862 г. (ср.: [*Jastrzebowska*, *2003*, p. 134]). Очевидно, день был избран вполне обдуманно и намечен предварительно. В этот день отмечается праздник «трех святителей» – собор вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, а уже через день, 1 февраля, следует Предпразднество Сретения Господня, которое празднуется 2 февраля (по юлианскому стилю) и относится к числу самых значительных, двунадесятых Господних праздников. 31 января, когда должны бы-

погоде вступивши на корабль[39], путеводимые Христом, пускаются в дорогу, то есть упомянутый философ с епископом и честным клиром и некоторыми из города[40]. Итак, плывя морем[41], с великой набожно-

ли состояться основные торжества по случаю переноса мощей св. муч. Климента Римского, весьма удачно оказывалось «не занятым». Таким образом, если дата указана согласно источникам последней трети IX в., т. е. на основании отчета – «краткой истории», «повести» Константина Философа и анонимного «Слова на перенесение мощей преславного Климента», тогда разница в днях между юлианским и григорианским календарями должна составлять 4 дня, и в этом случае основные события произошли 30–31 января / 3–4 февраля 861 г., в четверг и пятницу (см.: [Справочник…, *2001*, с. 16]).

[39] ...*при тихой погоде вступивши на корабль* – tranquillo mari navem ingressi («при спокойном море вступивши на судно»). У В. А. Бильбасова: «...при тихом море сели на корабль». Слово *tranquillatis* имеет значение «безветрие, штиль, тишина». В зимнюю пору, когда даже каботажные плавания на близкие расстояния совершались только в экстренных случаях, при большой нужде, такая погода случается нечасто. Недаром византийское законодательство стабильно сохраняло запрет на зимние морские путешествия [Basilicorum libri LX, *1833*, XV. 1. 36]. В частности на подобное предприятие (oran cheimeron, ou ploun dysenemon) пошел епископ Амастриды Георгий (790–807), спеша на выручку амастридским эмпорам, угодившим в тюрьму в Трапезунде [Житие Георгия Амастридского, *1915*, с. 43. 13, гл. 28]. Очевидно, в плавание морем в Казачью бухту отправилось немало: источник, как и «Слово на перенесение мощей преславного Климента», упоминают о причте епископа Херсона, некоторых «верных» из числа горожан, певчих, наконец, тех, кто раскапывал остатки храма на острове в нескольких метрах от берега бухты. Вместе с матросами-корабельщиками благочестивая экспедиция за реликвиями насчитывала, вероятно, не менее двух десятков человек. Составитель Жития Константина (гл. 8) даже указал, что ее участники отправились «на кораблях», имея в виду не одно судно, а по меньшей мере два.

[40] ...*упомянутый философ с епископом и честным* (досточтимым) *клиром и некоторыми из города* (народа) – praedictus videlicet Philosophus cum Episcopo ac venerabili clero, nec non cum nonnullis de populo. Выходит, непосредственное участие в плавании к островку принимал не только причт главного херсонесского храма – Большой базилики, храма Св. Апостолов Петра и Павла, но и лично сам Херсонский архиепископ (но не митрополит) Георгий в сопровождении некоторых из местного населения.

[41] ...*плывя морем* – navigantes. До островка в Казачьей бухте от Западных городских ворот Херсона вела известная с античной эпохи, хорошо сохранившаяся дорога – широкая транспортная магистраль (35–40 футов), проложенная по спокойному рельефу [*Николаенко*, *2004*, с. 194, рис. 1, поперечная дорога V]. Но, видимо, легче, безопасней и уж точно быстрее было добираться сюда водным путем (максимум 1,5 часа неспешного плавания вместо почти трех часов ходьбы). Тем более что вставка в рукопись VIII–IX вв. с текстом «Описания Святой Земли» Феодосия показывает на обычность подобной практики – идти не по суху, а «подниматься на судах» (in barcas ascendunt) [*Сорочан*, *2013*, с. 67, комм. 215].

стью и упованием, с псалмопением и молитвами[42] прибыли на остров[43], где находится, как думали, тело святого мученика[44]. При блеске светильников[45] обходя [все места того острова], начали там с большим усердием[46] воссылать моления и прилежно рыть[47] в [одном] кургане[48], где, как должно было догадываться, покоится сокровище[49].

[42] ...*с псалмопением и молитвами* – ac fiducia psallentes et orantes. Об этой стороне предприятия гораздо подробнее сообщает составитель «Слова на перенесение мощей преславного Климента», несомненно, очевидец происходившего (см.: [*Сорочан*, *2013*, с. 259–269, гл. 3–9]).

[43] ...*прибыли на остров* – pervenerunt ad insulam. У В. А. Бильбасова: «...достигли они острова». Речь идет о небольшом насыпном, периодически затопляемом островке площадью пимерно 60 × 60 м (1/4 десятины) в шестой по счету от Херсона Казачьей бухте, в 10 км от города. В «Описании Святой Земли» Феодосия упоминается об устройстве здесь херсонитами и паломниками переносного алтаря, ежегодно приносимого во время празднования памяти св. Климента [*Сорочан*, *2013*, с. 69, комм. 219]. Очевидно, вскоре после открытия мощей на этом островке возник паломнический комплекс с одноапсидной церковью, в крипте которой находилась гробница св. Климента. Он еще значился на картах Крыма, снятых около 1772 г., во время русско-турецкой войны, и был описан академиком П. Палласом в 1793–1794 гг. Раскопки на нем во второй половине XIX в. производил князь А. Барятинский, а затем К. К. Косцюшко-Валюжинич. В настоящее время островок с узким перешейком, которым он сообщается с берегом, засыпан землей. Впервые предположение о связи островка с местом, где Константин Философ нашел мощи римского епископа Климента, высказал А. Л. Бертье-Делагард (см.: [Производство…, *1893*, с. 36–37; *Бертье-Делагард*, *1893*, с. 58–64; *Маркевич*, *1909*, с. 105–114; *Айналов*, *1916*, с. 69–76; *Сорочан, Зубарь, Марченко*, *2000*, с. 662–663; *Сорочан*, *2010*, с. 29–39].

[44] ...*где находится, как думали, тело святого мученика* – in qua videlicet aestimabant sancti corpus Martyris esse. У В. А. Бильбасова: «...на котором, как они предполагали, должно было находиться тело святого мученика».

[45] ...*при блеске светильников* – et multo luminum splendore lustrantes («и освещая блеском многих ламп»). Впрочем, слово *lumen*, *luminis* многозначно. Оно означает любой свет, в том числе тот, который исходит от свечей, светильников, факелов. Очевидно, розыски начались ранним зимним утром, когда было еще достаточно темно и требовалось дополнительное освещение. В этом случае, скорее всего, в ход пустили бы факелы, а учитывая особую торжественность и святость момента, к ним наверняка добавили бы восковые свечи.

[46] ...*с большим усердием* – magis ac magis («все более и более»).

[47] У В. А. Бильбасова: «рыть весьма заботливо и старательно» [*Бильбасов*, *1871*, с. 316, гл. 3]

[48] ...*в [одном] кургане* – in acervo («в куче», «в груде»). У В. А. Бильбасова: «...и на том холму» [*Бильбасов*, *1871*, с. 315, гл. 3). У И. Я. Франко: «...и на тім горбику» [*Франко*, *1904*, с. 214].

[49] ...*сокровище* – thesaurum, т. е. гробница с мощами. Вся площадь острова составляла, по данным А. А. Аркаса, 1304,2 м^2 (128 м в окружности) [*Аркас*, *1879*, с. 20]. А. Л. Бертье-Делагард увеличивал ее до 0,36 га. Но раскопщики явно знали где, в какой стороне острова, следует искать следы гробницы и, вероятно, мемориальной постройки над ней (*arca*), развалины которой и образовывали холм.

4. Долго и много рыли, надеясь на Божье милосердие[50]; наконец, внезапно воссияла, подобно некоторой лучезарнейшей звезде, одна из костей[51] неоцененного мученика. При этом зрелище все исполнились неописанного восторга и уже без всякого побуждения[52] непрерывно копали землю[53]; тогда показалась святая голова его. Все со слезами возопили к небу, воссылая хвалы и благодарения Богу; такой радости, если вообразить не можем, то тем более описать[54]. Ибо столько все восхищены были как обретением святых мощей, так и благоуханием, что мечтали быть в раю[55]. Потом принялись опять за работу и, отрывая частичку за частичкой, ископали все[56]. Напоследок нашелся и самый якорь, с которым он брошен был в море[57].

5. Итак, при всеобщей несказанной радости, вызванной столь великим Божьим благодеянием, по совершении на том месте та-

[50] *Долго и много рыли, надеясь на Божье милосердие* – Ubi diu multumque desiderio sancto cunctantibus, et de spe divinae miserationis plurimum confidentibus. У В. А. Бильбасова: «Когда они пребывали на острове со священным рвением уже долгое время и всецело доверились надежде на Божие милосердие» [*Бильбасов*, *1871*, с. 316, гл. 4].

[51] ...*одна из костей* – una de costis («одно из ребер»). У И. Я Франко: «...одно ребро» [*Франко*, *1904*, с. 214].

[52] Видимо, предшествующие безрезультатные поиски изрядно утомили и разочаровали копавших, так что до момента открытия мощей их приходилось побуждать к работе, казавшейся им пустой затеей.

[53] ...*уже без всякого побуждения непрерывно копали землю* – sine aliqua jam excitatione terram certatim eruderantibus. У В. А. Бильбасова: «...уже без всякого понуждения стали еще более и старательнее взрывать землю». У И. Я. Франко: «... розкопували землю глубше и ширше» [*Франко*, *1904*, с. 214].

[54] В латинском тексте концовка предложения дана в вопросительной форме (si vel aestimare quidem vix possumus, quanto minus exprimere?).

[55] Перевод В. А. Бильбасова: «Вследствие открытия святых мощей, вследствие необычайно приятного благоухания всеми овладела столь великая радость, что все с невыразимым ликованием поздравляли друг друга, все были вне себя от радости и считали себя как бы находящимися в раю».

[56] Cum ecce post paullulum rursus quasi ex quibusdam abditis sanctarum reliquiarum particulis paullatim et per modica intervalla, omnes repertae sunt. В. А. Бильбасов перевел эту строку следующим образом: «Вскоре после того показались мало по малу бывшие еще скрытыми частицы святых мощей и после недолгого промежутка времени были открыты все мощи».

[57] Ad ultimum quoque ipsa etiam anchora, cum qua in Pontum est praecipitatus, apparunt. В «Слове на перенесение мощей преславного Климента» (гл. 7–9) тоже сперва говорится о находке ребра, а потом головы, других мощей, рук, ног и в заключении – якоря (см.: [*Сорочан*, *2013*, с. 267–268, комм. 1113, 1115, 1118]).

инств святым первосвященником[58], сам святой муж[59], возложивши на собственную главу святые мощи[60], при восклицаниях всех сопутствующих[61] вступил на корабль[62]; и потом с хвалебными песнями перенес их в столицу Глорию[63]. При приближении к горо-

[58] *...по совершении на том месте таинств святым первосвященником* – celebratis ibidem a sancto Pontifice sacrosanctis mysteriis («торжественно там святым понтификом [совершении] священных таинств»). У В. А. Бильбасова: «...святым первосвященником было там же совершено богослужение» [*Бильбасов*, *1871*, с. 316, гл. 5]. Под святым понтификом (первосвященником) следует понимать архиепископа Георгия, но не Константина, который имел невысокий священнический сан, вероятно, диакона. Поэтому он не мог совершать святые таинства, тем более при наличии епископа. К тому же его присутствие на острове ничем не подтверждается и входит в противоречие с умолчанием об этом очевидца – автора «Слова на перенесение…», называвшего имена и менее видных участников экспедиции. В переводе И. Я. Франко сказано более определенно: «...коли сьвятий епископ тамже відправив пресьвяту Тайну» [*Франко*, *1904*, с. 214].

[59] *...святой муж* – sanctus vir. Речь идет о Георгии Херсонском [*Франко*, *1904*, с. 221]. В «Слове на перенесение мощей преславного Климента» он назван «преподобным архиереем» (гл. 10) [*Сорочан*, *2013*, с. 269].

[60] *...возложивши на собственную главу святые мощи* – super proprium caput sanctarum reliquarum loculum levans («подняв на голову гроб со святыми мощами»). Так же и в «Слове на перенесение мощей…» («блаженую раку на главе нося») (гл. 10). А. Пенкович предлагает переводить: «подняв над головой ковчежец со святыми мощами» [*Пелин*, *2001*, с. 156]. Очевидно, гроб-реликварий был предусмотрительно захвачен членами экспедиции из города. Сам жест с поднятием раки на голову архиерея очень напоминает вознесение Св. Даров во время Анафоры в ходе Божественной литургии.

[61] ...cum ingenti universorum subsequentium tripudio – при неимоверном ликовании, приплясывая. *Tripudio* дословно – «танцевать, плясать в три па».

[62] *...вступил на корабль* – ad navim... detulit (ср.: § 3 Италийской легенды). В пер. А. Пенковича: «...отнес к кораблю» [см.: *Пелин*, *2001*, с. 157].

[63] *...и потом с хвалебными песнями перенес их в столицу Глорию* – ac deinde Gloriam metropolim cum hymnus et laudibus maximis transportavit («и затем доставил в столицу Глорию с гимнами и величайшими восхвалениями»). Предпочтителен дословный перевод «в столицу славную», т. е. «столицу фемы», главный город края – Херсон. Однако, по мнению П. А. Лаврова, текст легенды здесь представляет искажение, подобное которому встречается в еще более поздней «Золотой легенде» (*Legenda Aurea*) Иакова де Ворагине (XIII в.). В последней в рассказе об обретении мощей Климента, отчасти заимствованном из недошедшей хроники епископа Льва Остийского (ум. ок. 1114/1115 г.), вместо митрополита Георгия вышло «малый городок Георгия», или «небольшая область Георгия» (*civitatula Georgia*), так точно, как в «Италийской легенде»: metropolis Gloria (ср.: [La Legenda Doree…, *1902*, p. 370–371]. Поэтому, издавая латинский текст источника, П. А. Лавров внес в него поправку, отчего конец реконструируемого текста выглядит следующим образом: ac deinde Georgiam metropolim cum hymnis et laudibus maximis transportavit («и потом митрополит Георгий с гимнами и многочисленными благословениями доставил»). У В. А. Бильбасова: «...при пении псалмов и великих хвалений

ду[64] встретил их со многими другими доблестный Никифор, князь того города[65] и, поклонившись святым мощам[66], с радостью пред-

перенес мощи в Георгию (ac deinde Georgiam), местопребывание митрополита» [*Бильбасов*, *1871*, с. 222, 316, гл. 5]. У И. Я. Франко оставлено дословно: «...перенїс до метрополії Глорії с великими0 гимнами і похвалами» [*Франко*, *1904*, с. 214]. Следует добавить, что сочинение Льва, епископа Остии, в XV в. передал также Петр де Наталибус (Petrus de Natalibus), автор “Catalogus Sanctorum”, который, в свою очередь, издал кардинал Сесар Бароний в конце XVI в. Этот текст близок по содержанию к «Италийской легенде», но содержит очень важное уточнение о причастности к открытию мощей некоего херсонского священника Филиппа, инициатора дела, а также называет Константина-Кирилла «епископом славян»: Leo Ostiensis tradit, quodtempore Michaelis imperatoris Constantinopolitani quidam Philippus sacerdos Chersonam veniens, de his, quae narrantur in historia S. Clementis, de maris aperetione habitatores interrogavit. Qui nihil de hoc scire professi sunt, eo quod advenae magis quam indigenae erant. Nam miraculum marini recessus jam longe desierat et incursionibus barbarorum templum erat destructum. Tunc assumpto episcopo Georgiae civitatis cum clero et populo accesserunt ad insulam, in qua putabant esse martyris corpus. Ubi divina revelatione fodientes corpus invenerunt et anchoram, cum qua fuerat in mare projectum. Quod Chersonam reportantes ibidem sepelierunt. Tempore vero Nicolai papae corpus ipsum a sancto Cyrillo, Slavorum eriscopo, inde sublatum et Romam delatum [*Baronius*, *1711*, p. 328].

[64] *При приближении к городу...* – Interea cum jam civitati appropinquarent. У В. А. Бильбасова: «Между тем, когда они приближались к городу...». У И. Я. Франко: «Тим часом коли вже зближали ся до міста...» [*Франко*, *1904*, с. 214].

[65] *...встретил их со многими другими доблестный Никифор, князь того города* – vir nobilis Nicephorus, ejusdem civitatis dux, illus cum pluribus aliis obviavit («муж знатный Никифор, того города дукс, с многими другими навстречу [вышел]»). У В. А. Бильбасова: «...вышел к ним навстречу доблестный муж Никифор, воевода того города, со многими другими мужами». У И. Я. Франко: «благородний муж Никифор, начальник того міста, вийшов їм на зустріч з многими иньшими» [*Франко*, *1904*, с. 214]. В переводе А. Пеньковича: «...знатный муж Никифор, правитель того города, со многими другими вышел им навстречу» (см.: [*Пелин*, *2001*, с. 157]). Таким образом, существенных разночтений в переводах этого места нет. Однако надо обязательно учесть, что латинское *dux* служит полноправным эквивалентом греческому термину «стратиг», который действительно может быть передан в русском переводе как «воевода», «начальник», «правитель». В «Слове на перенесение мощей преславного Климента» (гл. 10) Никифор тоже назван «князем города», а вместо аморфного «многих встречавших» указаны «другие верные и мудрые мужи», надо понимать – из числа свиты стратига Херсона и именитых горожан, «отцов города», «первенствующих»-протевонов. Среди них наверняка были Константин Философ, отсутствовавший на острове, и молодой императорский коммеркиарий Сергий: судя по двум печатям 860–880-х гг., он начал в это время свою чиновную карьеру в Херсоне, которую завершил почти через полвека в должности стратига и «отца города» [*Алексеенко*, *2013*, с. 437–438, прил. 2]. Имя статига Никифора тоже находит подтверждение в сфрагистике византийского Херсона последней трети X в.

[66] *...поклонившись святым мощам* – et adoratis sanctis reliquiis. У В. А. Бильбасова конкретизировано: «...приложившись к святым мощам».

шествовал, поспешая в город[67]. Там еще при всеобщих восклицаниях приняв, поклонился святому и честному телу и рассказал в присутствии всего народа таинственное его обретение[68]; когда уже начинало смеркаться[69] и от бесчисленного множества народа идти далее невозможно было[70], то с рачительной осторожностью положили тело[71] в храм святого Созонта, в предместьи го-

[67] *...с радостью предшествовал, поспешая в город* – cum multis gratiarum actionibus praecedens sanctum loculum, ad urbem cum gaudio remeare properabat («с многими благодарностями докладом предшествовал святому гробу, в город с радостью возвратился спешно»). У И. Я. Франко: «...з многими подяками йдучи перед сьвятою пушкою спішив ся з радістю вертати до міста» [*Франко*, *1904*, с. 214]. Так же в переводе А. Пенковича: «со многими благодарениями пойдя перед святым ковчежцем, с радостью спешил возвратиться в город» [*Пелин*, *2001*, с. 157]. Это перекликается со свидетельством «Слова на перенесение мощей…» (гл. 11) и указывает на то, что, приложившись к раке с мощами и поблагодарив за свершенное, стратиг Никифор поспешил вернуться в город, дабы завершить приготовления к торжественной встрече процессии. В. А. Бильбасов понял данное место не совсем верно: «...он [Никифор], предшествуя святой раке, с многими благодарственными восхвалениями, поспешил с радостью возвратить ее обратно в город» [*Бильбасов*, *1871*, с. 316, гл. 5]. На деле гроб-реликварий еще предстояло внести в Херсон.

[68] Ibi etiam cum ingenti inversorum tripudio sanctum ac venerabile corpus receptum adiravit, et recitato coram omni populo inventionis ejus mysterio... В. А. Бильбасов дает следующий перевод: «Там помолился он при огромном стечении народа святому и досточтимому вновь возвращенному телу и рассказал перед всем народом таинственное его обретение». Перевод А. Пеньковича: «Там также при неимоверном ликовании всех он поклонился святому и почитаемому принятому телу и, огласив перед всем народом таинство его обретения...» (см.: [*Пелин*, 2001, с. 157]). В «Слове на перенесение мощей преславного Климента» добавлена важная подробность, что рака была выставлена на специально возведенном для всеобщего обозрения «столпе» [*Сорочан*, *2013*, с. 271, комм. 134, гл. 11].

[69] *...начинало смеркаться* – cum jam advesperasceret. У В. А. Бильбасова: «...так как уже вечерело». У А. Пеньковича: «...когда уже вечерело» (см.: [*Пелин*, 2001, с. 157]). В «Слове на перенесение мощей…»: «зане бъ вечер» [*Сорочан*, *2013*, с. 272, комм. 1138, гл. 11].

[70] *...и от бесчисленного множества народа идти далее невозможно было* – et prae nimia populi frequentia ingredi ultra non posset. У В.А. Бильбасова: «...и по причине большого стечения народа невозможно было двигаться вперед». Ср.: «...и по причине чрезмерного стечения народа далее перейти не мог» (пер. А. Пеньковича). Следовательно, собравшаяся толпа мешала организовать продвижение раки дальше в город, к Большой базилике – епископальному кафоликону (подробнее см.: [*Сорочан*, *2005*, с. 153–181]).

[71] *...с рачительной осторожностью положили тело* – cum diligenti custodia posuerunt («с тщательной охраной положили [мощи]»). Custodis – страж, надсмотрщик, караульный пост, конвой. Поэтому перевод В. А. Бильбасова более точен: «поставили раку с заботливой стражей». Так же у А. Пеньковича: «...поместил с усердной стражей» (см.: [*Пелин*, *2001*, с. 157]).

рода[72]: наконец, перенесли в церковь св. Леонтия[73]. На другой день утром[74] при стечении всего народа[75], взявши святые

[72] *...в храм святого Созонта, в предместьи города* – in templo S. Sozontis, quod urbi erat contiguum. *Contiguum* – «смежный, соседний». У В. А. Бильбасова: «...во храм св. Созонта, который лежит близь города». У И. Я. Франко: «...в церкві сьв. Созонта, що притикала до міста, під пильною сторожею» [*Франко*, *1904*, с. 215]. У А. Пеньковича: «...в храме св. Созонтия, который примыкал к городу» [*Пелин*, *2001*, с. 157]. Таким образом, «Италийская легенда» вполне определенно указывает, что храм св. Созонта находился по соседству с городом, но не в нем самом. Это же обстоятельство объясняет, почему именно здесь, вне оборонительных стен, понадобилась особенно надежная стража. По преданию, св. Созонт был пастухом овец, дерзнувшим поднять руку на статую языческого бога и замученным за это в 304 г. День его памяти чтится Церковью 20 сентября. Остатки небольшого крестообразного храма (10 × 10,8 м), который может быть связан с его именем, был открыт в 1982 г. по соседству с Херсоном, примерно в 150 м от линии западных оборонительных стен города, в начале склона, полого спускающегося к Песочной бухте (подробнее см.: [*Романчук*, *1990*, с. 165–171; *Лосицкий*, *1990*, с. 172–173; *Сорочан, Зубарь, Марченко*, *2000*, с. 660–661, 663–664; *Сорочан*, *2003(2)*, с. 146–151; *Сорочан*, *2012(1)*, с. 149–160]).

[73] *...наконец, перенесли в церковь св. Леонтия* – demum vero ad ecclesiam S. Leontii transtulerunt. В переводе А. Пеньковича: «...лишь затем перенесли к церкви св. Леонтия» (см.: [*Пелин*, *2001*, с. 157]). И. Я. Франко пропустил в предлагаемом им переводе это важное указание источника (ср.: [*Франко*, *1904*, с. 215]). Первым, кто попытался проследить весь путь переноса мощей св. Климента и определить церкви, в которых останавливалось шествие, был Е. Э. Иванов. Церковь св. Созонта он идентифицировал с небольшой часовней на Девичьей горе за стенами города, а церковь св. Леонтия – с храмом, пристроенным к внутренней оборонительной стене «цитадели» в юго-восточном конце города [*Иванов*, *1912*, с. 256–258]. Именно за этим храмом надолго закрепилось название «базилики Леонтия», прочно вошедшее в дальнейшие исследования [*Гриневич*, *1927*, с. 259–272]. Оно было опровергнуто В. Ф. Гайдукевичем лишь в середине XX в. [*Гадукевич*, *1953*, с. 299–315]. По данным последних изысканий, одноименный храм, обладавший «мощетекой», очевидно, входил в монастырский комплекс с крупной базиликой № 13, который находился на территории своеобразной «цитадели» в северо-западном углу крепостной ограды города. Защищенный городскими стенами, он обеспечивал безопасность, какую не могла дать даже усердная стража, и, главное, был удобен для совершения службы. В храм св. Леонтия можно было попасть, следуя от храма св. Созонта к берегу вдоль оборонительных стен до калитки в 1 куртине «цитадели», или со стороны города, через Западные ворота (подробнее см.: [*Сорочан, Зубарь, Марченко*, *2000*, с. 643–650, 664–665; *Сорочан*, *2003(2)*, с. 146–151; *Романчук*, *2000*, с. 222–223], там же см. литературу по вопросу о Западной базилике и храме, отождествляемом с церковью св. Созонта).

[74] *На другой день утром...* – Inde cum mane factum esset. А. Пенькович: «...когда наступило утро» [*Пелин*, *2001*, с. 157]. Речь идет о 31 января (по византийскому стилю). В 861 г. это было 4 февраля (по григорианскому календарю).

[75] *...при стечении всего народа* – universa civitatis multitudo conveniens. У В. А. Бильбасова: «...собралось все население города». А. Пенькович: «...все множество (жителей) города, собравшись» [*Пелин*, *2001*, с. 157].

мощи[76], с великими хвалами[77] обошли кругом весь город[78] и таким образом принесли их в соборную церковь[79], с честью там положили[80]; потом все, радуясь, возвратились по домам[81].

[76] ...*взявши святые мощи* – assumpto sanctarum reliquiarum loculo («приняв гроб со святыми мощами»). *Loculo* можно перевести и как «гроб», и как «ящик», и как «ковчег», «рака», «мощехранительница». Вероятно, предпочтительнее последнее значение, тем более в «Слове на перенесение мощей…» постоянно упоминается именно рака (см.: [*Сорочан*, *2013*, с. 269–273, гл. 10–11]).

[77] ...*с великими хвалами* – cum magnis laudibus («с величайшими восхвалениями»).

[78] ...*обошли кругом весь город* – totam… in circuitu lustraverunt urbem. У В. А. Бильбасова: «...обошли весь город вокруг». То же у И. Я. Франко: «...обійшли цїле місто» [*Франко*, *1904*, с. 215]. А. Пенькович предлагает следующий перевод-интерпретацию: «...при обнесении вокруг, освятили город» (см.: [*Пелин*, *2001*, с. 157]). Выражение оригинала источника дважды подчеркивает, что это был обход города именно по кругу. Такое могло произойти, если бы процессия, о которой упоминается в «Слове на перенесение мощей преславного Климента» (гл. 12), двинулась по следующим стациям – точкам остановок крестного шествия: от Западной базилики № 13 к четырехапсидному мартирию № 47 на главной продольной улице, затем в месте ее пересечения с главной поперечной улицей свернула к южным городским воротам («Мертвым воротам»), в район предполагаемой малой агоры со скоплением ее храмов (№ 19 и 1958 года) [*Сорочан*, *2012(2)*, с. 218–229; Жития епископов…, *2012*, с. 133–142], после чего вновь вышла на главную улицу, откуда по пятой поперечной улице двинулась к северному берегу и входу в экзонартекс Уваровской базилики, отождествляемой с главным соборным храмом Херсона – большой базиликой апостолов Петра и Павла (подробно см.: [*Сорочан, Зубарь, Марченко*, *2000*, с. 593–600, 665; *Пелин*, *2001*, с. 160]). В данном случае перед нами типичный пример стациональной литургии – переход богослужебных последований (аколуфий) с места на место, обычный при переносе мощей (ср.: [*Taft*, *1982*, p. 159–170]).

[79] ...*и таким образом принесли их в соборную церковь* – et sic ad majorem basilicam («и так пришли к большой базилике»). У В. А. Бильбасова: «...и, придя к кафедральному собору». Согласно преданию, заключенному в старославянской проложной статье, мощи поместили в церкви Апостолов [*Спиридонов*, *1914*, с. 270–271]. Символично, что легенда связывала имя Климента Римского с жизнью и деятельностью двух первоверховных апостолов – Петра и Павла, а именно им была посвящена «большая базилика» – кафедральный кафоликон Херсона, куда доставили прах блаженного мученика. А. И. Маркевич тоже называет эту базилику главной церковью города, но – характерный пример путаницы – со ссылкой на латинский текст, приводимый Бильбасовым, ошибочно именует церковью Св. Софии [*Маркевич*, *1909*, с. 109].

[80] ...*с честью там положили* – in ea ipsum honorifice locaverunt. У В. А. Бильбасова: «...с честью поместили в нем раку». В переводе А. Пеньковича: «...в ней благоговейно его поместили» [*Пелин*, *2001*, с. 157]. Предполагается, что это было сделано в новопостроенном приделе справа от алтарной апсиды большой базилики (подробно об Уваровской базилике см.: [*Сорочан*, *2005*, с. 153–181]).

[81] ...*потом все, радуясь, возвратились по домам* – sicque omnes demum ad sua gaudentes reversi sunt. В переводе А. Пеньковича: «...и так все, радуясь, возвратились к себе» (см.: [*Пелин*, *2001*, с. 157]). Тот же самый порядок шествия и его завершения изложен и в старославянской версии перевода утраченного греческого сочинения, в «Слове на перенесение мощей преславного Климента» [*Сорочан*,

6. После этого упомянутый философ отправился в путь и, прибывши к тому народу, куда был послан[82], проповедовал Искупителя всех Бога и силой своего слова отвратил всех тех от заблуждений, которых обольстило вероломство сарацин или иудеев. Утвержденные в кафолической вере и наученные, они с великой радостью благодарили всемогущего Бога и служителя Его, Константина Философа. Сверх того, они послали к императору письмо, благодаря, что постарался обратить их к истинной и кафолической вере[83]; утверждая, что они за это всегда пребудут вернейшими и покорными власти его[84]. Отпуская же философа с великой честью, принесли они ему драгоценнейшие дары, которых он, как истинный философ, не принял, а просил вместо всех даров отпустить с ним сколько есть чужеземных пленников[85]. Это тотчас было исполнено[86].

2013, с. 270–277, гл. 11–12]. Вообще весь рассказ «Италийской легенды», вошедший в § 3–5, представляет собой сокращенный вариант более подробного повествования «Слова…», принадлежавшего херсониту, менее насыщен деталями местного колорита, знанием города и отдельных его обитателей.

[82] Т. е., если следовать указанию Жития Константина (гл. IX: «Сев на корабль, направился в Хазарию к Меотскому озеру и к Каспийским воротам Кавказских гор…»), в Прикаспий, ко двору хагана хазар, в Семендр (около современной Махачкалы), в Варачан – Баланджер (к северу от Дербента) либо сам приморский Дербент – «Врата врат» (см.: [*Marquar*, *1903*, S. 16, 21; *Шестаков*, *1908*, с. 49; *Dvornik*, *1933*, p. 183; *Магомедов*, *1975*, с. 70 и сл.; Житие Константина…, *1981*, с. 119, комм. 2; *Плетнёва*, *1986*, с. 24–28; *Байер*, *2001*, с. 76, 90]. «Италийская легенда» ничего не говорит об этом, тогда как морской характер путешествия от Херсона через Черное и Азовское моря позволяет датировать отплытие миссии не ранее начала мореходного сезона в марте 861 г.

[83] *Сверх того, они послали к императору письмо, благодаря, что постарался обратить их к истинной и кафолической вере*... – Litteras insuper Imperatori cum multis gratiarum actionibus transmiserunt; quia eos studio suo ad veram et catholicam revocare studuerit fidem. У В. А . Бильбасова: «Сверх того они отослали императору письма, полные благодарности за то, что он своим рвением стремился возвратить их к истинной и кафолиеческой вере» [*Бильбасов*, *1871*, с. 317, гл. 6]. В этой информации присутствует явный агиографический штамп.

[84] *...утверждая, что они за это всегда пребудут вернейшими и покорными власти его* – aftirmantes se ob eam rem imperio ejus semper subdotis et fidelissimos de cetero velle manere. У В. А. Бильбасова: «...уверяли его, что ради этого они желают оставаться навеки самыми верными его подданными». Вероятно, миссия завершилась обещанием хагана соблюдать с ромеями мирный договор.

[85] *...отпустить с ним сколько есть чужеземных пленников* – quotquot captivos externos haberent, sibi secum mox reversuro dimitterent. У В. А. Бильбасова: «...отпустить с ним всех пленников из чужих земель, которые были у них». Житие Константина (гл. XI) уточняет их число и принадлежность – до 20 пленных греков.

[86] Рассказ о результатах миссии к хазарам в целом соответствует Житию Константина (см. конец гл. XI) [*Сорочан*, *2013*, с. 218–220].

[*Возвращение Константина в Константинополь и последующая его поездка вместе с братом Мефодием в Моравию, где они пробыли четыре с половиной года. Вызов братьев в Рим апостольскими письмами папы Николая (858–867) и смерть этого папы. Торжественная встреча папой Адрианом (867–872) Константина, несшего с собой мощи св. Климента*[87].]

[87] По мнению И. Я. Франко, моравяне и их князь Ростислав, «желая иметь свое низшее духовенство, просили у греков учителей, которые помогли бы им основать школы для подготовки такого духовенства». Следовательно, Константин и Мефодий отправились к славянам «как учителя (выделено *И. Ф.*), а не как миссионеры и церковные реформаторы» [*Франко*, *1904*, с. 233–234, прим. 1; ср.: Житие Константина…, *1981*, гл. XV]. Италийская легенда добавляет, что, прибыв в Моравию, братья «начали молодых стараться обучать» (coeperunter parvulos eorum edocere), и это были не начальные школы, а для зрелых учеников, из которых через некоторое время могли выйти кандидаты в священники, пресвитеры. Любопытно сообщение той же главы Vita cum Translatione S. Clementis (§ 7), что, отправляясь в Моравию, Константин вез с собой «тело св. Климента, трудами его обретенное» (corpus b. Clementis, quod studio suo reperat): «Когда же с Божьей помощью они (Константин и Мефодий) пришли в те страны, то жители места того, услышав о приходе их, очень обрадовались, ибо слышали, что они принесли (несут) с собой мощи св. Климента (reliquias b. Clementis secum ferre audierant) и Евангелие, переведенное упомянутым философом на их язык». Между тем, мощи находились также в Константинополе, в храме св. Апостолов (Апостолионе), и доставка их в Рим могла быть обеспечена именно оттуда. В Житии Мефодия (гл. 5) сказано, что из Моравии братья вернулись в Константинополь («и трьмъ лътомъ ишьдъшемъ възвратисте ся изъ Моравы, оученикы наоучъша» [*Франко*, *1904*, с. 235]. В этом случае Константин и Мефодий могли отправиться в Рим вместе с императорским посольством Василия Македонянина. Оно должно было уведомить Папу о смене власти в Константинополе и прибыло в Рим в мае или июне 868 г. Это объясняет особый парадный прием, который встретил солунских братьев в Риме: Папа Адриан вышел даже за город и с множеством народа. Прибывшая делегация должна была решить некоторые религиозные разногласия, особенно из-за свергнутого Фотия и Болгарии. В этой ситуации мощи Климента были символом мира и единства, правда, весьма недолгого, как показали события уже 869 г. [*Франко*, *1904*, с. 238–240]. О доставке же ценной реликвии именно из Моравии не говорится ни в пространных Житиях, ни в других источниках, как и о том, что в благодарность за труды и особенно за принос чудотворных мощей св. Климента в Рим «...рукоположили его (Константина) и Мефодия в епископы, а прочих учеников их в пресвитеры и диаконы» (§ 9). К слову, Житие Константина не называет числа этих учеников, а Житие Мефодия говорит, что освящено было лишь «три попа» [*Франко*, *1904*, с. 234]. Анастасий Библиотекарь, как видно из его письма, тоже не знал о посвящении Константина в епископы. Примечательно, что фрески, открытые в римской церкви св. Климента, изображают Константина (Кирилла) лежащим в гробу в епископском облачении. Италийская легенда сообщает, что Константин был похоронен в этой церкви «...вместе с мраморным гробом, куда прежде Папа заключил его, в приготовленном для того склепе по правую сторону алтаря» (§ 12). Из Жития Константина можно понять, что в каменный саркофаг-гроб тело Константина было положено в деревянной раке, крепко заколоченной гвоздями [Житие Константина…, *1981*, с. 92, гл. 18]. О местоположении гробницы и судьбе останков подробнее см.: [*Boyle*, *1963*].

Литература

Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Т. 25. М., *1916*.

Алексеенко Н. А. Таможня и коммеркиарии Херсона // Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 3. М., *2013*.

Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса. Николаев, *1879*.

Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, *2001*.

Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. № 12. СПб., *1893*.

Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. СПб., *1871*.

Гайдукевич В. Ф. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия // Материалы и исследования по археологии СССР. № 34. М., *1953*.

Гордієнко Д. С. Похід росів на Константинополь 860 р. в історіографії та культурі Русі // Romaios. сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Bzyantina Ukrainensia. Т. 2. Харьков, *2013*.

Гриневич К. Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 г. в связи с раскопками 1907–1911 гг. // Херсонесский сборник. Вып. 2. Севастополь, *1927*.

Житие и перенесение мощей св. Климента (Итальянская легенда) // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей под ред. проф. П. Виноградова. Вып. 2. 4-е изд. М., *1912*.

Житие Георгия Амастридского // Труды В. Г. Васильевского. Т. 3. Пг., 1915.

Житие Константина Философа (текст, комментарии) // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер, коммент. Б. Н. Флори. М., *1981*.

Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. // Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Харьков, *2012*.

Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // Известия таврической ученой архивной комиссии. № 46. Симферополь, *1912*.

Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т. Ю. Яшаева. Севастополь, *2013*.

Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., *2003*.

Кузенков П. В. Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник 1. Начало русской государственности. М., *2012*.

Лавровский П. Итальянская легенда. Критический обзор исследований и мнений о ней // Журнал Министерства народного просвещения. *1886*. Ч. 246. Июль.

Лосицкий Ю. Г. Западный загородный храм: архитектурная реконструкция // Византийский временник. Т. 51. М., *1990*.

Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии // Советская археология. *1975*. № 3.

Маркевич А. И. Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место кончины св. Климента // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 43. Симферополь, *1909*.

Николаенко Г. М. Дороги на городской хоре Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. 13. Севастополь, *2004*.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., *1998*.

Пелин А., протоиерей. Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дис. ... канд. богословия / Московская Духовная академия. Сергиев Посад, 2001 (рукопись).

Плетнёва С. А. Хазары. 2-е изд., доп. М., *1986*.

Производство археологических раскопок в Херсонесе // Отчеты Имп. Археологической комиссии за 1890 год. СПб., *1893*.

Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // Византийский временник. Т. 51. М., *1990*.

Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, *2000*.

Спиридонов Д. С. Д-р И. Франко. Святый Климент у Корсуни. 1902–1905. Львов (Критико-библиографическая заметка) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 51. Симферополь, *1914*.

Сорочан С. Б. «Carceris habitateris»? Положение Херсона во второй половине IX в. // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, *2003(1)*.

Сорочан С. Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // Античная древность и средние века. Вып. 34. Екатеринбург, *2003(2)*.

Сорочан С. Б. О храме Св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // Боспорские исследования. Вып. 10. Симферополь–Керчь, *2005*.

Сорочан С. Б. О мартирии св. муч. Климента Римского вблизи византийского Херсона // Проблемы теологии. Материалы Третьей международной богословской научно-практической конференции, посвященной

80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа (2–3 марта 2006 г.). Вып. 3. Ч. 1. Екатеринбург, *2006*.

Сорочан С. Б. О паломническом комплексе во имя мученика Климента Римского в округе византийского Херсона // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. *2010*. № 908. Історія. Вип. 42.

Сорочан С. Б. К вопросу о мартириях в ранневизантийском Херсоне // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей посвященный 1800-летию города Судака / Отв. ред. В. В. Майко. Археологический альманах. № 28. Донецк, *2012(1)*.

Сорочан С. Б. О «так называемой малой агоре» и Воротах мертвых ранневизантийского Херсона // Сугдейский сборник. Вып. 5. Киев–Судак, *2012(2)*.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон в письме Анастасия Библиотекаря // Хазарский альманах. Т. 11. Киев; Харьков, *2012–2013*.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 3. М., *2013*.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, *2000*.

Справочник необходимых знаний / Сост. А. П. Кондрашов. М., *2001*.

Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. Т. 48. Кн. 4. Львів, *1902*.

Франко І. Сьвятий Климент у Корсуни // Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. Т. 60. Кн. 5. Львів, *1904*.

Херсонес – город Святого Климента. Тезсы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь, 12–18 сентября 2011 г.). Севастополь, *2011*.

Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, *1997*.

Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. М., *1908*.

Acta Sanctorum. Martii tomus II. Antverpae, *1678*.

Baronius S. Annales ecclesiastici. T. 10. Venetiis, *1711*.

Boyle L. The Fate of the Remains of St. Cyril // Cirillo et Metodio – I santi Apostoli degli Slavi. Roma, *1963*.

Basilicorum libri LX / Ed. G. E. Heimbach, C. G. E. Heimbach. Vol. 1. Lipsiae, *1833*.

Darrouzes J. Recherches sur les ophphikia de l'eglise bzyantine. Paris, *1970*.

Dvornik F. Byzantske misie u slovanu. Prague, *1970*.

Dvornik F. Les legendes de Constantin et de Methode vues de Byzance. Prague, *1933*.

Jastrzebowska E. Il culto di S. Clemente a Chersoneso alla luce della ricerca archeological // Studi su Clemente Romano. Roma, *2003*.

La Legenda Doree de Jacques de Voragine / Trad. par l'Abbe J. B. M. Roze. T. 3. Paris, *1902*.

Manaphes K. Ai en Konstantinoupolei bibliothekai autokratorikai kai patriarchike kai peri ton en autais cheirographon mechri tes aloseos (1453). Athenais, *1972*.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. Und 10 Jh. Leipzig, *1903*.

Taft R. Byzantine Liturgical Evidens in the Life of St. Marcian the Oeconomos: Concelebration and the Preanaphoral Rites // Orientalia Christiana Periodica. Vol. 48. Roma, *1982*.

Wasiliewski T. Bizancjum i slowianie w IX wieku. Warszawa, *1972*.

Wilson N. The Libraries of the Byzantine World // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 8. *1967*.

Vita cum Translatione S. Clementis // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. Вып. 2. М., *1911*.

С. Б. Сорочан

Византийский Херсон в «Италийской легенде»

Резюме

Предлагается перевод ценного агиографического источника, известного как «Житие с перенесением мощей св. Климента» (в латинском оригинале – «Vita cum Translatione Sancti Clementis», или «Италийская легенда» (*Legenda Italica*). Текст памятника повествует о розыске мощей блаженного Климента Римского в византийском Херсоне, предпринятых Константином Философом и архиепископом Херсона Георгием зимой 860/861 г., и других обстоятельствах византийской миссии к хазарам. Он гораздо более подробный, чем «Пространное житие Константина» («Паннонская легенда»), обнаруживает следы переводческой деятельности Анастасия Библиотекаря и его письма к епископу Гаудериху италийского города Велитери (870-е гг.). Перевод впервые снабжен комментариями и сверен с вариантами, предлагаемыми В. А. Бильбасовым, П. А. Лавровым, И. Я. Франко и А. Пеньковичем.

Ключевые слова: Св. Климент, «Италийская легенда», Византия, Херсон, Константин Философ, мощи, Пространное Житие Константина, перевод.

S. B. Sorochan

The Byzantian Cherson in “Legenda Italica”

Summary

The article offers a translation of the famous hagiographic source, known as “Life with transferring of the relics of St. Clement” (in Latin orginale “Vita cum Translatione Sancti Clementis” or “Italic Legend” (Legenda Italica). Text of the source tells about the search of the relics of Blessed Clement of Rome in Byzantine Cherson which was undertaken by Constantine the Philosopher and Archbishop of Cherson George in winter of 860/861 and other circumstances of the Byzantine mission to the Khazars. It is much more detailed than the Lengthy Life of Constantine (Pannonian legend) and discovers the traces of translation made by Anastas the Librarian and letter to the bishop Gauderih – bishop of Italian city Veliteri (870-ies.). For the first time the translation has comments and verified with the versions offered by the V. A. Bilbasov, P. A. Lavrov, I. Franko and A. Penkovich.

Keywords: St. Clement, “Italic Legend”, Byzantium, Cherson, Constantine the Philosopher, relics, Lengthy Life of Constantine, translation.

И. Эрдели

ВОСПОМИНАНИЯ О С. А. ПЛЕТНЁВОЙ

(с предисловием В. С. Флёрова)

Воспоминаниям восьмидесятичетырехлетнего венгерского археолога Иштвана Эрдели (*Erdélyi István*) (фото 1) *предпошлю небольшое предисловие.*

И. Эрдели вместе со С. А. Плетнёвой был организатором, а затем и основным с венгерской стороны участником Советско-Венгерской (позднее расширенной до Советско-Болгаро-Венгерской) экспедиции на Маяцком археологическом комплексе. Но сначала несколько штрихов из его биографии.

И. Эрдели родился 28 августа 1931 г. в Румынии в городе Орадя Маре. В 1944 г. семья Эрдели вынужденно бежала из Румынии и поселилась в венгерском городе Сентэндре, где Иштван в 1950 г. окончил гимназию и тогда же поступил в Государственный университет им. Л. Этвеша в Будапеште. В 1955 г. он с отличием закончил обучение и получил специальность «археология–музееведение». Тема его дипломной работы – «Позднеаварский могильник в с. Яношхида. Раскопки Н. Феттиха».

Первым рабочим местом Иштвана стал Археологический отдел Венгерского национального музея в Будапеште. В том же году его приняли в аспирантуру в Ленинградском университете на кафедру археологии. Его научным руководителем был М. И. Артамонов. Аспирантура завершилась защитой в 1959 г. диссертации «Венгры в Лебедии». Вернувшись в Будапешт, молодой ученый стал научным сотрудником Научно-исследовательской группы археологии будущего Института археологии Венгерской Академии наук, в котором он работал вплоть до конца 1991 г. Преподавал в Будапештском университете. В 1976 г. защитил докторскую диссертацию «Авары и Восток в свете археологических источников»; она издана на венгерском языке в виде монографии.

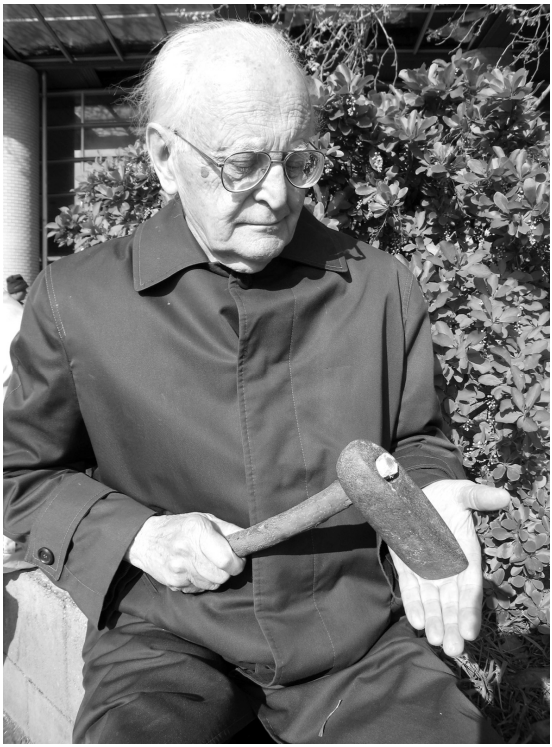


Фото 1.
Иштван Эрдели. 2014 г.

Началу работы Маяцкой экспедиции предшествовало советско-венгерское рабочее совещание в Москве в 1974 г., на котором одним из основных докладчиков был И. Эрдели.

Экспедиция началась в 1975 г. С первых же дней отношения с венгерскими участниками складывались непросто, в первую очередь – с И. Эрдели[1]*. Именно это и нашло отражение уже в первых строчках его воспоминаний. Действительно, венгерских коллег поставили скорее*

[1] Непростыми и напряженными, они были и между советскими участниками экспедиции, что и привело к преждевременному свертыванию экспедиции в 1982 г. [*Флёров, 2010*, с. 33]. Решение приняла сама С. А. Плетнёва. Впоследствии она сказала мне, что в прежнем составе, особенно на городище, экспедиция продолжаться не может. Как ни парадоксально, но материалы раскопок самого Маяцкого городища, к которому Плетнёва проявляла особые интерес и внимание, так до сих пор и не удостоились полного монографического издания. Не осуществлено сравнение вещей и керамики всего Маяцкого комплекса в составе городища, селища, гончарных мастерских и могильника.

в положение официальных гостей, нежели равноправных участников раскопок. И. Эрдели только в одном полевом сезоне, 1975 г., добился согласия С. А. Плетнёвой самому принять участия в раскопках и заложил небольшой раскопчик в юго-западном углу городища для проверки версии обитания насельников крепости в юртообразных жилищах. Это отголосок мнения С. А. Плетнёвой о том, что в Хазарском каганате так называемая знать сохраняла кочевые традиции дольше, чем рядовое население. В работе на венгерском раскопе участвовал и археолог, историк архитектуры Балаж Эрдели (фото. 2).

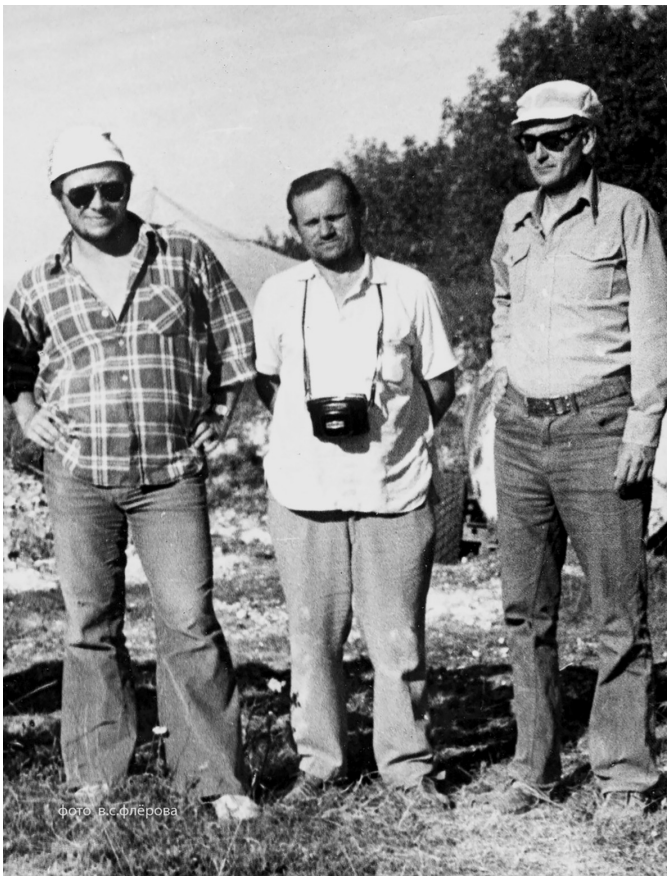


Фото 2.
В лагере экспедиции.
Слева направо: историк архитектуры Балаж Эрдели,
археолог Янош Сабо, Иштван Эрдели

Фото 3.
Иштван Эрдели выбрал высокую точку для фотографирования панорамы Маяцкого поселения

Юртообразные жилища в Маяцкой крепости не были обнаружены. В ней были только полуземлянки. Не подтвердилось и неуверенное предположение С. А. Плетнёвой о «юрте» в цитадели Маяцкой крепости [*Плетнёва, 1975,* с. 80]*.*

Не содействовало дружеским контактам с венгерскими археологами неизвестно как возникшее опасение, особенно касавшееся работ А. З. Винникова на поселении, что венгры опубликуют материалы раскопок без всяких согласований, причем раньше, чем советские археологи. Воспоминания И. Эрдели рисуют совершенно иную ситуацию (о публикации отчетов).

Может быть, это несуразное опасение возникло после фотографирования на поселении хода раскопок, которое однажды провел И. Эрдели (фото 3)*?*

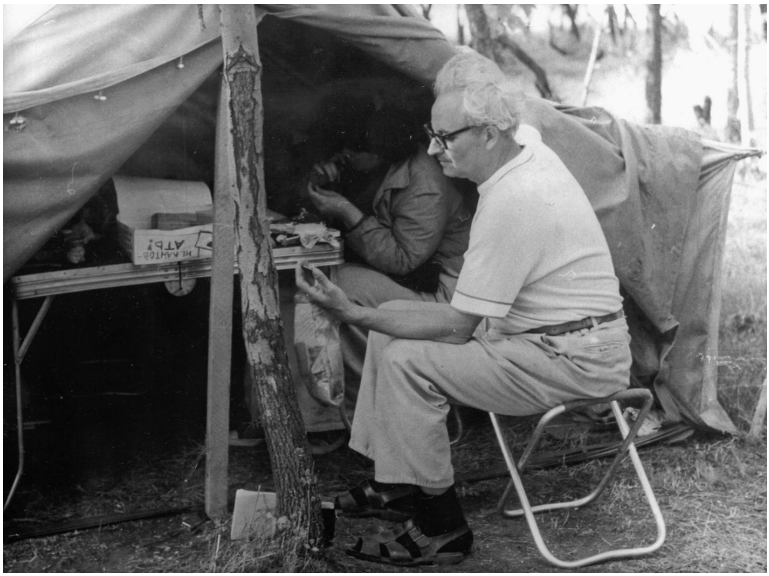


Фото 4.
Миклош Фреш. 1979 г.

На могильнике я разрешал венгерским археологам фотографировать все, включая находки. Естественно, никакая информация о могильнике «украдена» не была.

Двум венгерским ученым удалось действительно принять активное участие в работе экспедиции по простой причине – аналогичных советских специалистов в экспедиции не было. В 1979 г. палеозоолог Янош Матолчи провел определения остеологических материалов сезона и оперативно подготовил их публикацию [*Матолчи, 1984*]. *Палеоботаник Миклош Фреш, очень приятный в общении человек* (фото 4), *в 1979 и 1982 гг. выявлял сельскохозяйственные растения по отпечаткам семян на керамике. К большому сожалению, он умер прежде, чем успел опубликовать результаты своей успешной работы.*

Янош Сабо (1929–1986), венгерский археолог, специалист по аварам, побывал в экспедиции лишь единожды (фото 2). *В 1980 г. венгерские коллеги вообще не приезжали на раскопки.*

Что касается публикаций венгерских участников Маяцкой экспедиции, то в России, помимо упомянутой статьи Я. Матолчи, вышла небольшая заметка самого И. Эрдели [*Эрдели, 1984*], *но вне связи с результатами раскопок. Немного, учитывая продолжительность экспедиции.*

Фото 5.
Иштван Эрдели, болгарский историк архитектуры Дафина Василева, Светлана Плетнёва и антрополог Тамара Кондукторова в лагере экспедиции (фото из журнала «Огонёк», 1981 г., № 41)

К чести И. Эрдели скажу, что он пытался активизировать сотрудничество с коллегами из России (тогда СССР) следующим образом: както в межсезонье он предпринял обучение нескольких сотрудников Института археологии нелегкому венгерскому языку. Эти курсы посещал и я, но без особого успеха. Среди немногих слушателей этих краткосрочных уроков присутствовал также А. К. Амброз.

Была ли для советской стороны хоть какая-то польза от приглашения венгров и болгар? Пожалуй, только в том, что дала экспедиции некий престижный статус «международной», что даже привлекло внимание солидного, выходившего почти двухмиллионным тиражом официоза – еженедельного общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонёк» [*Лабутин, Эттингер,1981,* с. 22–23] (фото 5).

Это сегодня совместная работа с иностранцами стала обыденным делом. Тогда же участие иностранца в экспедиции на территории СССР было редкостью. В политическом отношении оно вызывало подозрение советского режима. Неудивительно, что к экспедиции прикомандировали «стукача» под видом научного сотрудника, о чем мне поведала сама Светлана Александровна. Избавиться от него она не имела возможности по понятной причине.

Косвенным образом международный статус экспедиции все-таки имел одно, но чрезвычайно важное последствие для всего Маяцкого археологического комплекса. По невероятно удачному стечению обстоятельств в 1988 г. на его базе был создан филиал Воронежского областного музея, в 1991 г. преобразованный в самостоятельный Государственный природный и архитектурно-археологический музей-заповедник с площадью – вдуматься только – 1100 га! Время развала СССР. Прошел бы еще год, и ни о каком заповеднике и речи бы не могло возникнуть, а тем более в 2000-х гг., когда началось тотальное расхищение государственных земель.

Для Иштвана Эрдели более удачным, нежели работа в Маяцкой экспедиции, было другое венгеро-советской начинание – изданная в СССР «Археология Венгрии» (1986). В этой книге, которая остается востребованной и сегодня, он выступил и как автор, и как редактор-составитель[2].

Текст публикуемых многогранных по тематике, но, к великому сожалению, очень коротких воспоминаний, оставлен без редакционного вмешательства за исключением некоторых грамматических корректировок.

Фотографии 2–4, 6 и 7 – из моего фотоархива; фото 1 предоставил сам И. Эрдели.

В.С. Флёров

* * *

И. Эрдели

СО СВЕТЛАНОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ

Светлана Александровна (фото 6) была старше меня только на три года. Несмотря на почти равный возраст, по настоящему дружеских коллегиальных отношений, к сожалению, между нами не возникло. Она родилась на Вятчине[3], и, возможно, этот исторически загадочный край способствовал тому, что потом она стала заниматься археологией? Она окончила МГУ в 1949 г., а я на год позже – в Будапеште (дело в том, что я «опоздал» на один год из-за того обстоятельства, что на год позже начал учиться в школе на моей родине, в Румынии).

[2] Напомню еще о двух работах И. Эрдели. Одна – автореферат кандидатской диссертации [*Эрдели, 1959*]. Вторая продавалась в сети магазинов «Книги стран народной демократии» [*Erdüli, 1966*].

[3] С. А. Плетнёва родилась в г. Вятка (ныне г. Киров в Европейской части России) в 1926 г. (*Примеч. ред.*).

Фото 6.
Иштван Эрдели и Светлана Александровна Плетнёва
на Маяцком могильнике. 1981 г.

Со Светланой Александровной Плетнёвой я познакомился зимой 1955 г. в Ленинграде (Санкт-Петербург), в Государственном Эрмитаже, у моего научного руководителя по аспирантуре Михаила Илларионовича Артамонова, генерального директора музея. Когда я в подробностях узнал о том, какая у нее специализация в археологии, то обрадовался, потому что печенеги и куны (команы) играли важную роль и в нашей венгерской истории в раннем средневековье. На меня из ее монографических научных трудов, пожалуй, самое большое впечатление произвела в указанные годы и имеет до сих пор работа «Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях» [*Плетнёва, 1958*, с. 151–226]. И в связи с историей наших предков, и тем более – потому что наш историк-медиевист, будущий академик Дьёрдь Дьёрффи опубликовал свою монографию «Печенеги и древние венгры» в 1939 г., но только на венгерском языке в Будапеште [*Györffy, 1939,* p. 397–500]. Она, конечно, была Плетнёвой недоступна, и я потом постарался изложить ей суть этой книги по-русски.

Фото 7.
Иштван Эрдели на своем раскопе на Маяцком городище. 1975 г.

Более тесный научный контакт образовался между нами тогда, когда после сложной научной и административной подготовки в 1975 г. начались наши совместные полевые работы на правом берегу Дона (фото 2–7). Они длились в течение шести сезонов с пропуском только в один год.

Все каменные крепости хазарского времени тогда предположительно считались линией укреплений хазар против древних венгров или печенегов. Если бы крепости построены были против наших предков, тогда трудно представить тот факт, что они мирно прибыли к хазарам на пару лет непосредственно перед обретением родины. Об этом мы со Светланой Александровной часто спорили. В то время на одной из крепостей, где мы в основном вместе копали, – на Маяцком городище – нами были выявлены и такие могилы с подбоем, которые больше напоминают древнеаланские[4].

К сожалению, наши совместные работы после шести полевых сезонов (в рамках семи лет) уже не продолжились[5]. Вопрос о роли

[4] И. Эрдели, возможно, имеет в виду два погребения с подбоем на Маяцком могильнике – № 132 и 134? (см.: [*Флёров, 1993.* с. 127, рис. 50]).

[5] О причинах свертывания Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции см.: [*Флёров, 2010*, с. 33].

этих крепостей все-таки, на мой взгляд, не решен. Древние венгры некоторыми письменными источниками названы жильцами Дентумогера (Детумодьера), т. е. донскими (или задонскими?) мадьярами, иными словами – несомненно, венграми. Общие результаты наших работ Светлана Александровна как редактор сборника подготовила для печати и издала в 1984 г. в Москве. Без моего участия издан в Москве в 1990 г. сборник материалов Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции [Маяцкий археологический комплекс…, *1990.* – 242 с.]. Весьма хорошо то, что супруги Флёровы в 1991 г. продолжали исследования на другом укреплении хазарского времени в Верхнем Ольшане на р. Тихая Сосна, начатые еще С. Н. Замятниным почти сто лет тому назад. Из белых известняковых блоков (как на Маяцком городище) там была построена квадратная крепость размером 100×100 м на левом берегу Тихой Сосны. Во всем она весьма похожа на Маяцкое городище [*Флёров, Флёрова, 2012*, с. 90–95 + илл. на с. 142–147].

Мы со Светланой Александровной работали дружно, но она все-таки всегда держала со мной определенную дистанцию. Ласло Ковач[6], также археолог из Института археологии Венгерской Академии наук, заочный аспирант Светланы Александровны, был в течение одного (или двух?) сезонов на Дону. Их отношения также не стали дружелюбными, а были просто прохладными, официальными. Правда, после успешной защиты его кандидатской диссертации на банкете Светлана Александровна подарила Л. Ковачу декоративный кинжал на память.

Одним из главных полевых помощников Светланы Александровны в экспедиции был археолог Анатолий Винников, который, конечно, по указаниям Светланы Александровны, распоряжался студентами и своими младшими сотрудниками[7].

[6] Ласло Ковач в сезон 1975 г. работал на Маяцком могильнике. Принял участие в корректировке плана могильника, неудачно составленного В. К. Михеевым, и раскопках одной катакомбы. Прямой заинтересованности в раскопках Маяцкого археологического комплекса у Л. Ковача не было, так как в то время он занимался наконечниками копий и другим оружием из венгерских памятников, чему и была посвящена его упоминаемая И. Эрдели диссертация (*примеч. В. С. Флёрова*).

[7] О А.З. Винникове, тогда доценте Воронежского университета, И. Эрдели вспомнил не случайно. Несколько студентов из группы Винникова были отряжены в его распоряжение для работы на городище. Участвовать непосредственно в раскопках Маяцкого поселения И. Эрдели и его венгерские коллеги не приглашались (*примеч. В. С. Флёрова*).

Отмечу, что скоро выйдет на венгерском языке книга трех авторов (П. Сабо, П. Гроф, И. Эрдели) о боях и гибели 2-й Венгерской Армии на правом берегу Дона, созданная на базе многих фотографий и фронтового дневника старшины Яноша Грофа – отца археолога Петера Грофа[8]. В конце книги мною публикуется краткая оценка наших совместных археологических полевых работ. Ожидается появление в Болгарии сборника ряда моих статьей в переводе с венгерского на болгарский. Это интересно в том плане, что в Маяцкой экспедиции принимали участие и болгарские археологи[9].

Светлана Александровна никогда не дарила мне оттиски или экземпляры своих печатных трудов. У нас же каждый год выходили мои предварительные отчеты, и не только на венгерском языке. Я ее неоднократно просил сделать специальную сводную статью – отчет, но она отвергла мою просьбу с тем, что пускай мы переведем ее отчеты, вышедшие на русском, на венгерский язык. Я сам написал восемь предварительных отчетов [*Эрдели, 1978; Эрдели, 1984*, с. 20–25; *Erdélyi*, *1976(1)*; *Erdélyi*, *1976(2)*, p. 271–274; *Erdélyi*, *1976(3)*, p. 479–780; *Erdélyi*, *1976(4),* p. 119–121; *Erdélyi*, *1977,* p. 75–83; *Erdélyi*, *1983*, p. 29–33] и еще книжку-брошюру, написанную нами совместно с археологом Андрашом Ужоки (Uzsoki András) [*Erdélyi, Uzsoki, 2007*].

На Дону по вечерам я коротко рассказывал Светлане Александровне о том, что у нас мало специалистов, которые занимаются «нашими» печенегами и кунами. Один из них – этнограф А. Шелмеци Ковач и один археолог, его ровесник (оба – 1942 г. р.), А. Палоци Хорват. Последний позже в течение более чем двенадцати лет, как и я, преподавал в Будапеште в Кальвинистском университете. Наконец он в этом (2015–? – *В. Ф.*) году выпустил моногра-

[8] Упоминание об этой книге и размещение в ней статьи Иштвана Эрдели имеют объяснение. Дело в том, что Маяцкое городище находилось в зоне боев 2-й Венгерской Армии, а непосредственно в х. Дивногорье размещалась одна из венгерских частей. Некоторые жители хутора в 70-х гг. прошлого века еще помнили об этом, но к венгерским археологам отнеслись вполне корректно (*примеч. В. С. Флёрова*).

[9] Кратковременным почетным гостем экспедиции был Станчо Ваклинов (Станчев). Чуть более продолжительное время находились с нами Рашо Рашев и Дафина Василева. Буквально на несколько часов заглянул Стефан Бояджиев, здравствующий и поныне. Д. Василева первой предложила реконструкцию стен Маяцкой крепости [*Василева, 1990; Василева, 1992*]. С. Бояджиев реконструировал зубцы ее стен (*примеч. В.С. Флёрова*).

фию об истории под таким весьма странным названием, которое вдобавок не соответствует исторической оценке роли народов у нас – от печенегов до кунов. Они не «народы-гости» (Vendégnépek), как он их именует. Кроме них, к нашим предкам раньше присоединились небольшие группы из хазар, кабары. Их имена сохранились в топонимике Венгрии: козар, ковар и пр. Беда и в том, что оба специалиста мало владеют русским языком и все свои работы опубликовали пока только на венгерском языке.

«Народами-гостями» можно назвать у нас османо-турков, которые владели территорией современной Венгрии и Сербии свыше двухсот лет, а потом, наконец, ушли, оставив после себя разрушенные (кроме двух) крепости, дворцы и римско-католические церкви.

Во время экспедиции Светлана Александровна руководила работой всех участников, как специалистов, так и студентов, в мягкой форме, но всегда требовательно. Научные участники были разные: кроме нас – двух археологов – работали с нами научные сотрудники Венгерского музея природы: археозоолог Янош Матолчи [*Матолчи, 1984*, с. 237–260] и археоботаник Миклош Фреш, но он, к большому сожалению, своих отчетов в печати не оставил. По результатам раскопок издал статью наш архитектор Балаж Эрдели [*Erdŭlyi B, 2000*]. Рядом с нашими научными сотрудниками работал фотограф Л. Шугар, а в течение двух сезонов – мой сын Петер, тогда еще гимназист.

В виде своеобразного обмена, когда наши археологи работали на Дону, другие советские археологи, «не маяцкие», в течение четырех сезонов работали в Венгрии, главным образом, в г. Фенекпусте (в древнеримском Валкуме), на озере Балатон.

Маяцкий древний пещерный монастырь также имеет некоторые средневековые аналогии в Венгрии. Его остатки специально изучал на месте, во время наших совместных раскопок на городище, упомянутый выше архитектор Балаж Эрдели.

Я старался рассказывать Светлане Александровне о том, какие же выводы у нас есть относительно средневековых кочевников, связанных с нашими предками. Что касается печенегов (венг. *бешене*), то они в 934 г. вместе с венграми выступали у Константинополя против булгар. В 1051 г. печенеги воевали вместе с венграми против немцев. Они во время правления венгерского короля Иштвана II

были приняты в нашей стране и расселены почти по всей ее территории небольшими группами, главным образом там, где они могли служить как охранники наших границ. Их имена все-таки сохранились до сих пор во многих населенных пунктах Венгрии. Напротив, куны (половцы), пришедшие с монголо-татарами, не вернулись с ними на Восток, а заняли довольно компактную и немалую зону в Венгрии, так называемые Малую и Большую Куманию. В XIII в. из семидесяти областей нашей страны (в это число входила до 1260 г. включительно и вся Славония) они заселили шесть, в середине так называемой Большой Равнины.

Один из наших королей, Ласло IV, носил прозвище Кун (г. р. 1262), потому что он с ними часто встречался и весьма любил их. В 1279 г. кунов окрестили и даже римско-католическую молитву, «Отче наш», перевели на кунский язык. Сопротивляющуюся часть кунов победили окончательно на берегу озера Ход в Средней Венгрии в 1280 г. Но Ласло IV, т. е. самого короля, убили все-таки его любимые куны в 1290 г. Детей у него не было. Очень интересно и то, что куны как будто хоронили своих знатных под курганами (кунхалом). Язык их исчез, они овенгерились полностью, просто до сих пор хорошо помнят свое происхождение. Память о печенегах, кунах и ясах до сих пор также сохраняет топонимика, но, к сожалению, археологически их ранние поселения почти не изучаются. Значительных городов они не основали. Могильники также редко копают, например, о могилах печенегов у нас почти ничего неизвестно (впрочем, пока).

Единственно, о чем мы со Светланой Александровной спорили, это был так называемый кочевой феодализм – теория С. П. Толстова самого начала 1950-х гг. Я относительно венгров его резко отрицал, но, конечно, в дружеском тоне.

Светлана Александровна с удивлением услышала о том, что, видимо, вместе с кунами пришли в Венгрию и осколки ясов, которые говорили на собственном языке ирано-аланского типа. От них и до сих пор сохранился краткий словник. Живя рядом с кунами, они также сохранили свое этническое самосознание, но язык поменяли на венгерский. Поселены они были рядом с кунами в особой, но меньшей по величине области.

Отношения мои со Светланой Александровной, можно сказать, окончательно разладились, когда я больше стал воспринимать

взгляды историка Л. Н. Гумилёва. Это случилось в 1970 г. В это время она и М. И. Артамонов написали о нашей работе довольно строгую критику на страницах журнала «Народы Азии и Африки» [*Артамонов, Плетнёва, 1970*, с. 89–92]. Наша статья со Львом Николаевичем вышла у нас в то же время на венгерском языке в журнале «Archaeologiai Értesltő» [*Gumilev, Erdŭlyi, 1969*, p. 54–61]. М. И. Артамонов и С. А. Плетнёва не соглашались с мнением Льва Николаевича и моим и не поняли того, что уже стали проявляться новые времена в науке и в теории, а также возникли иные взгляды на исторические отношения между кочевыми и оседлыми народами.

Перу С. А. Плетнёвой принадлежит много научных трудов. С ее кончиной завершилась, можно сказать, своеобразная деятельность целого научного направления. После чтения и осознания ее научных трудов мы лучше смогли понимать общественный строй и тех раннесредневековых кочевников, или бывших кочевников, в смысле потомков авар, которые потом включились в наше венгерское общество, в наше королевство – государство в конце IX столетия и немножко позже. У авар уже существовал главный правитель – каган и его заместитель – тудун, представители особой кочевой верхушки. На закате Аварского каганата появились с юга болгары-эсегели, вероятно, еще не полностью славянизированные, и привезли с собой даже рунический шрифт.

В конце этих, весьма кратких, воспоминаний надо отметить и то, что за последние более чем 30 лет со стороны Института археологии Венгерской Академии наук не появилось желания продолжать совместные полевые археологические работы на территории России. Уже почти пять лет тому назад академический Институт археологии потерял свою самостоятельность, потому что его объединили с некоторыми другими институтами – с Институтом истории Академии наук, которую возглавляет специалист – академик, историк, занимавшийся изучением времени османо-турецкого ига в Венгрии. Почти в то же время Венгерская Академия наук создала так называемую Группу древней истории венгров, во главе с (теперь уже профессором на пенсии) историком-тюркологом, академиком Иштваном Вашари. Своего научного журнала эта Группа не имеет, но с этого года начала издавать серию небольших научных монографий, правда пока только на венгерском языке.

Мы надеемся, что в будущем появится желание возобновить наши совместные полевые исследования в России, начатые работами экспедиции под руководством Светланы Александровны Плетнёвой.

26 ноября 2015 г.

Литература

Артамонов М. И., Плетнёва С. А. Еще раз о степной культуре Евразии // Народы Азии и Африки. *1970*. № 3.

Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н.э. М., *1986*.

Василева Д. Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., *1990*.

Василева Д. Маяцкото градище – конструкция и техника на градеж // Приноси към българската археология. Т. I. София, *1992*.

Габор Д. Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Специальность ВАК РФ 07.00.09. Екатеринбург, *2007*.

Лабутин Б., Эттингер Э. Письмо из IX века // Огонёк. *1981*. № 41.

Матолчи Я. Кости животных с городища, селища и могильника (1978–1979 гг.) // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Ред. С. А. Плетнёва. М., *1984*.

Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., *1990.*

Плетнёва С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Тр. ВДАЭ / МИА. *1958*. № 62.

Плетнёва С. А. Работы Советско-Венгерской экспедиции // АО 1975. М., *1976*.

Флёров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, *1993*.

Флёров В. С. О Маяцкой экспедиции и А. З. Винникове // Верхнедонской археологический сборник. Сборник научных трудов. Вып. 5. Липецк, *2010**.

Флёров В. С., Флёрова В. Е. Верхне-Ольшанское городище: извлечение из Отчета о раскопках в 1991 году // Салтово-маяцька археологічна куль-

* В этой публикации в подписи к фото 1, на котором изображен Янош Сабо, ошибочно указано: «Я. Матольчи, палеозоолог».

тура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання» / Упоряд. Г.Є. Свистун. Харків, *2012*.

Эрдели И. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX–X вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., *1959.*

Эрдели И. Сотрудничество археологов Венгрии и СССР // Венгерская неделя. Будапешт. *1978*. 11 июля (на русск. яз.).

Эрдели И. Венгры на Дону // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Ред. С. А. Плетнёва. М., *1984*.

Gumilev L., Erdélyi I. A nomád világ egysége és sokrétűsége // Archaeologiai Értesltő (Budapest). *1969*. Vol. 96. № 1.

Györffy Gy. Besenyők és magyarok // Kőrősi Csoma Archivum. *1939*. I.

Erdélyi B. A Majackojei (Oroszország) ásatások építészeti eredményei // Turan. *2000*. 1.

Erdélyi I. Die Kunst der Awaren. Budapest: Corvina Verlag, *1966*.

Erdélyi I. A honfoglaló magyarok ősei nyomában // Népszava. *1976(1)*. IV. 18.

Erdélyi I. A magyar-szovjet régészeti együttműködés magyar őstörténeti vonatkozásai // Nyelvtudományi Közlemények. *1976(2)*. LXXXII.

Erdélyi I. Az első magyar-szovjet közös régészeti kutatások // Magyar Tudomány. *1976(3)*. 7–8.

Erdélyi I. Die ersten sowjet-ungarischen Ausgrabungen im Jahre 1975 // Mitteilungen des Instituts der Archälogiae der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. *1976(4)* (*1977*).

Erdélyi I. Die Höhlenkloster in Diwnogore // Mitteilungen der InstArch. Der UngAcad. der Wissenschaften. *1977*.

Erdélyi I. A Don-vidék ásatásainak lehetséges magyar vonatkozásai // Forrás. XV. 7. Budapest, *1983*.

Erdélyi I., Uzsoki A. Kard és kereszt. Budapest, *2007*.

Сокращения

АО – Археологические открытия. Москва

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград

СА – Советская археология. Москва

Тр. ВДАЭ – Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Москва–Ленинград

И. Эрдели

Со Светланой Александровной
(воспоминания о С. А. Плетнёвой с предисловием В. С. Флёрова)

Резюме

Известный венгерский археолог Иштван Эрдели вспоминает, как он и группа венгерских археологов участвовали в раскопках Маяцкого городища в 1975, 1977–1982 гг. В центре внимания автора – его сложные отношения с С. А. Плетнёвой. Автор также рассказывает о своих представлениях тех лет об истории авар, алан, болгар, венгров. В предисловии В.С. Флёров дополняет рассказ И. Эрдели собственными воспоминаниями.

Ключевые слова: С. А. Плетнёва, Маяцкое городище, салтово-маяцкая культура, Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция, воспоминания.

I. Erdeli

Together with Svetlana Aleksandrovna –
Joint researches of the Soviet and Hungarian archeologists
(Memoirs on S. A. Pletnyova with V. S. Flyorov's foreword)

Summary

The well-known Hungarian archeologist Ishtvan Erdeli remembers as he in composition the group of the Hungarian scientists participated in excavations of the Mayatsky site in 1975, 1977–1982. In a spotlight are his difficult relations with a famous Russian archeologist S.A. Pletnyova. The author similarly tells about his ideas of those years about history of the Avars, Alans, Bulgarians and Hungarians. In his foreword V. S. Flyorov complements Ishtvan Erdeli's story with own remembrances.

Keywords: S. A. Pletnyova, Mayatskiy site, Saltovo-Mayakaya culture, Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition, remembrances.

В. А. Шнирельман

«МАЙДАН» КАК «ХАЗАРСКИЙ ЗАГОВОР»*

Частью хазарского мифа, популярного в современной России, являются представления о некой «Новой Хазарии», поиск которой национал-радикалы ведут вот уже около двух десятилетий. Их фантазии рисуют ее «хищническим государством», занимающимся порабощением коренных народов. Недавно эти поиски привели их на Украину, где они и обнаруживают воплощение этого «кошмарного проекта». Отождествление Украины с Хазарией началось еще до Майдана и, тем более, до последовавшей вслед затем войны. Пожалуй, начало этому положил Э. Д. Ходос (о нем см.: [*Шнирельман*, *2012*, с. 248]), сделавший делом своей жизни разоблачение «еврейского фашизма», якобы представленного Хабадом, который он называл не иначе как «иудо-нацистской ультраортодоксальной сектой». В своих книгах и лекциях он не только отождествлял СССР со «второй Хазарией», а современную Россию и СНГ – с «третьей» [*Ходос*, *2002*], но и предрекал Украине вымирание и превращение в новую «иудейскую Хазарию», где установится «духовное хазарское иго» [*Ходос*, *2006*, с. 70–99, 110].

Однако 10–15 лет назад все это было еще неочевидным. Тогда национал-радикалам казалось, что участь «Новой Хазарии» ждет Россию, где якобы израильтянами готовится новый плацдарм для «земли обетованной» [*Шнирельман*, *2012*, с. 217–220]. Впервые

* Исследование проведено при поддержке РНФ, грант № 15-18-00143.

такими рассуждениями занялись люди, близкие к силовым ведомствам. Одним из них был сотрудник Института востоковедения, экономист Г. В. Попов, обратившийся к этому сюжету в своих образовательных лекциях, прочитанных для молодежи в конце 1990-х гг. Тогда он доказывал, что, якобы страшась скорого краха своего государства, израильтяне с вожделением смотрели на Россию, отождествляя ее с Хазарией [*Попов*, *2000*, с. 55, 57][1].

Определенный интерес представляет карьера этого научного работника. В 1969–1971 гг., будучи сотрудником Советского посольства в Бирме, он приобщился к традиции местных боевых искусств и, вернувшись в Москву, начал в тесном взаимодействии с КГБ вести занятия по рукопашному бою для сотрудников силовых ведомств (КГБ и ВДВ). В итоге он создал свою школу, вначале получившую название «школы Чой», но позднее, в 2003 г., сменившую его на «Кружало». Таким образом, именно официозный патриотизм, выковывавшийся в силовых ведомствах, создавал там склонность к конспирологии, в недрах которой и сформировался миф о «Новой Хазарии».

Оттуда его и подхватили национал-радикалы. В те годы глава неонацистской «Национально-народной партии» А. К. Иванов (Сухаревский), без колебаний отождествлявший современную Россию с «Новой Хазарией», верил, что Украина пойдет другим путем [*Иванов (Сухаревский)*]. Примечательно, что этот миф пришелся по вкусу и некоторым руководителям КПРФ. Так, один из ее лидеров В. С. Никитин, сегодня возглавляющий движение «Русский лад», разоблачал планы неких сил, якобы замысливших превратить Россию в новый Хазарский каганат [*Никитин*, *2009*]. А один автор, представлявшийся специалистом в области криминалистики и судебной экспертизы из Самары, доказывал, что якобы чеченская война была развязана для образования нового «Хазарского халифата», причем за этим стояли как Менахем Шнеерсон, так и США с Англией, а также все руководители СССР и России, которыми якобы управляли «американские евреи» [*Колмыков*, *1 июня 2013*].

[1] Примечательно, что несколько лет спустя Г. В. Попов уже писал о зловещих планах Хабада установить «Новый Израиль» в США (см.: [*Попов*, *2002*, с. 284–291]).

В начале третьей каденции президента В. Путина споры национал-радикалов по поводу его миссии сводились к тому, что одни, включая известного редактора газеты «Завтра» А. Проханова, считали его борцом со «Второй Хазарией» [Путин против Второй Хазарии, *2012*], а другие, напротив, видели в нем «хазарского жидовского лидера», превратившего Россию в «хазарское царство» [Так кем же…, *2012*]. И еще в 2013 г. в стане национал-патриотов ходили догадки о том, что после близящегося развала Израиля евреи переселятся в Россию и устроят там Новую Хазарию [*Новиков*, *2013*].

Но времена меняются, и в начале второго десятилетия XXI в. некоторые русские национал-радикалы начали доказывать, что «Новая Хазария» строится именно на Украине. В 2012 г. рассуждения об этом появились на сайте политической партии «Курсом правды и единения» (КПЕ), пришедшей в 2009 г. на смену Концептуальной партии «Единение» (политической организации коммунистов-язычников и сталинистов КОБР/КОБ), закрытой в 2007 г. (подробно об этом движении см.: [*Мороз*, *2005*; *Шнирельман*, *2015(1)*, с. 103–108]). Развивая давнюю конспирологическую концепцию своей материнской организации, идеологи этой партии усматривали страшную угрозу человечеству со стороны всесильного «сионизма», который они отождествляли с нацизмом. Удивляясь «немыслимому симбиозу» действовавшей в основном в Западной Украине антисемитской партии «Свобода» и, как убеждали авторы, «сионистского центра», расположенного в Днепропетровске[2] (примечательно, что, подобно Э. Д. Ходосу, авторы ставили знак равенства между сионизмом и хасидизмом), они заявляли, что «сионизм запускает свои щупальца во все стороны», и предупреждали о подготовке на Украине новой революции [Как из Украины делают…, *2012*].

Если еще несколько лет назад активисты КОБ называли главными врагами Украины олигархический капитал [http://кпе.com.ua/9-glavnyj-razdel/75-kto-i-kak-grabit-ukrainu.html] и масонов [http://кпе.

[2] Эти рассуждения позаимствованы из статьи: [*Четверикова*, *16 апреля 2012*]. Доцент МГИМО О. Н. Четверикова верит в сотрудничество сионистов с германскими нацистами и доказывает, что государство Израиль стало результатом этого «сговора». Об этом см.: [*Четверикова*, *2015*, с. 383–395].

com.ua/9-glavnyj-razdel/177-masonstvo-na-ukraine.html], то теперь они доподлинно знают «врагов» в лицо. Ими оказались «хазары», причем как две капли воды похожие на тех же «олигархов» и «масонов». И все они действуют «в интересах Израиля и стран Запада». Примечательно, что эта информация распространялась украинскими ячейками КОБ, расположенными в Донецке, Днепропетровске, Харькове и т.д. Не случайно в КОБ с пиететом относятся к писаниям «отважного борца» с «Новой Хазарией» и хасидами Эдуарда Ходоса.

До 2014 г. все это было догадками, не вызывавшими массового отклика в рядах национал-радикалов. Однако после Майдана ситуация коренным образом изменилась, и рассуждения об Украине-Хазарии появились на целом ряде сайтов. Об этом пишут православные монархисты на сайтах порталов «Москва – Третий Рим», «Одигидрия» и «Русь Православная», основатель портала РуАН Дм. Байда (последователь эксцентричного эзотерика Н. Левашова), коммуно-язычники из партии «Курсом правды и единения» и родственные им структуры «Концепции общественной безопасности» (КОБР/КОБ), славянские неоязычники, а также авторы антисемитских порталов «Антисионизм» и «Сила в правде». В том же духе выступают популярный ныне автор-патриот Н. Стариков, отдельные священники, эксцентричный майор К. Ф. Ипатьев, а также некоторые безымянные самодеятельные авторы в социальных сетях. Присоединяются к ним и некоторые русские активисты из Одессы.

Более всего ситуацией на Украине в образе Хазарии озабочен Институт высокого коммунитаризма (ИВК) в лице своего директора К. Е. Мямлина, выпускника Московского станкоинструментального института и Будапештского технического университета. Начав свою карьеру в эпоху перестройки, Мямлин поначалу занялся бизнесом, в том числе поработал менеджером в банковском секторе. Видимо, дела у него там шли не слишком хорошо, и он углубился в теоретические штудии, став известным блогером, комментирующим события в области мировой экономики и политики. Это привело его к сотрудничеству с дугинским «Евразийским союзом молодежи». В июне 2011 г. он создал компанию по финансовому посредничеству, получившую название Фонда поддержки социальной теории высокого коммунитаризма «Институт высокого коммунитаризма»

(далее – ИВК). Став директором этого предприятия, он привлек к участию в нем ряд московских интеллектуалов (политиков, экономистов, историков) консервативной ориентации. ИВК публикует в Интернете аналитические обзоры, исторические экскурсы и политические прогнозы и оценки. Особенно активен сам Мямлин, выступающий сторонником идеи «русской цивилизации» и яростным борцом с США. Свои материалы он, как правило, черпает из вторых рук, а своими знаниями о евреях и иудаизме обязан в основном антисемитской литературе.

Как и его старший коллега из ИВК экономист В. Ю. Катасонов [*Катасонов*, *2013*, с. 5–6][3], он убежден в том, что «древние евреи» давно исчезли, а ашкенази являются «потомками хазар, смешавшихся со славянами» и при этом «выродившихся» в ходе целенаправленного искусственного отбора. Якобы поэтому у них имеются «отклонения от нормы», и, чтобы не попасть в беду, за ними «следует внимательно присматривать» [*Мямлин*, *2012*]. Надо ли удивляться тому, что события на Майдане Мямлин воспринял как якобы спланированные «сионистами» для развязывания гражданской войны между «русскими»?[4] При этом «сионисты» и «хазары» представляются ему одними и теми же лицами. Они же оказываются и «олигархами», которых он всех оптом зачисляет в «хасиды». А протест Майдана против олигархов и коррупции Мямлин воспринимает как чудовищную провокацию, осуществленную самими олигархами с целью создания «Новой Хазарии»[5]. Откуда берется такая солидарность, притом что, по его собственным словам, они жестко соперничают друг с другом, известно, похоже, одному Мямлину [*Мямлин*, *11 февраля 2014*; *Мямлин*, *25 февраля 2014*; *Мямлин*, *4 марта 2014*][6].

[3] Этот автор работает профессором в МГИМО.

[4] Украинцев Мямлин упорно называет «русскими», либо – реже – «малороссами».

[5] Эта идея пришла ему в голову только в начале 2014 г. Ранее он называл евреев «евреями».

[6] Примечательно, что эти рассуждения тут же были воспроизведены на сайте «АнтиСионизм», ставящем своей целью разоблачение «мирового паразитизма» и «информирование людей об опасностях сионизма» [http://antisionizm.info/index.html], а также на веб-сайте украинского спецназа «Беркут». Об этом см.: [*Чарный*, *2015*, с. 27].

Он убежден в том, что «олигархи» всерьез задумали построить «Новую Хазарию на Днепре». Поэтому он терпеливо объясняет читателю сущность дуальной власти в исторической «иудейской Хазарии» и объявляет бывших президентов Украины Л. Кравчука и Л. Кучму «каганами», при которых «беками» служили «хазарские олигархи». А войну на Украине он подает как выступление «хазарских наймитов» против «русских» – якобы «хазарская власть в Киеве натравила русских, которые называют себя “свидомыми украинцами”, на русских Новороссии – целенаправленно играя на “противоречии села и города”» [*Мямлин*, *21 апреля 2014*]. В качестве доказательства украинской «русофобии» он ссылается на сомнительный текст, взятый из вторых рук [Запануймо и мы…, *2014*].

Примечательно, что, если в 2014 г. основные российские СМИ доказывали, что после Майдана власть в Киеве захватила «фашистская хунта», то эксперты ИВК называли ее «хазарской хунтой» и усматривали в этом дело рук «сионистов» и «агентов Израиля» (см., например: [*Мямлин*, *3 мая 2014*; *Матвеев*, *22 июня 2014*]). Мямлин вещал: «Сегодня, когда ситуация все больше погружается в цивилизационный кризис, нужно четко понять, что основные проблемы кроются в тех, кто не хочет считать ветхий завет исполненным и продолжает строить мир из “сконструированных иудаизмом” деталей» [*Мямлин*, *2 октября 2014*]. Поэтому на Украине он видел только «хазарскую хунту», «хазарских олигархов», «хазарских наемников» и «хазарских оккупантов» [*Мямлин*, *19 июня 2014*]. Сам же он мечтал о создании «Нового Мирового Порядка по Русским Правилам» хотя бы в рамках «Русского мира», допуская при этом расчленение Украины, чтобы сохранить ее в зоне российского влияния, пусть и в границах 1939 г. [*Мямлин*, *30 мая 2014*].

Однако события никак не желали развиваться по намеченному Мямлиным плану, и он сетовал на то, что якобы израильтяне присоединились к ополчению на Донбассе. Вопреки всякой логике он доказывал, что они выступают против «хазарской хунты» с целью очистить от русских территорию для «Новой Хазарии», – якобы этим начиналась вторая стадия оккупации Украины «глобальным Сионом», что должно привести к «возведению трона для Машиаха» [*Мямлин*, *3 июня 2014*]. Иными словами, Мямлин всеми силами

старался скрестить хазарский миф с эсхатологией, всячески игнорируя тот факт, что, согласно преданию, Машиах должен воцариться на горе Сион в Иерусалиме [*VanderKam*, *2003*, p. 112–136]. Никакого отношения к Хазарии это не имеет, ибо предание о пришествии Машиаха сложилось задолго до ее появления. Кроме того, израильский батальон «Алия», который упоминал Мямлин, никогда не воевал на Донбассе [http://evreiskiy.kiev.ua/posol-izrailja-v-ukraine-batalon-alija-13365.html]. Речь идет об уже разоблаченной фальшивке [*Янкелевич*, 2014] (см. также: [*Чарный*, *2015*, с. 24–25]).

Между тем, с течением времени фантазия Мямлина лишь разгоралась, и он в красках расписывал, как «хазары» сражались друг с другом ради строительства «Новой Хазарии». Причем, чем больше евреев покидало Украину, тем больше ему мерещилась «алия ашкеназов на Эрец-Украйну» [*Мямлин*, *17 июня 2014*]. Стоит ли удивляться тому, что он мечтал о «нейтрализации глобальной “жидократии”. Информационно, концептуально, мировоззренчески и физически»? А его статьи сопровождались антисемитскими рисунками и, разумеется, изображениями князя Святослава, ставшего сегодня в России символом многих правых радикалов [*Шнирельман*, *2012*, с. 226]. Впрочем, евреями его фантазии не ограничивались, и со временем он стал причислять к «хазарам» всех воюющих на стороне украинской армии. Теперь вся эта армия оказалась «хазарской» [*Мямлин*, *16 ноября 2014*][7], хотя еще совсем недавно Мямлин сокрушался по поводу того, что кто-то якобы использует русских как пушечное мясо, понуждая их воевать друг с другом.

Как бы то ни было, сегодня Мямлин пеняет Кремлю за «слив» проекта Новороссии и предательство интересов Востока Украины. Ему также не нравится присутствие «инородцев» в руководстве Донецкой и Луганской республик. Правда, в этом случае он избегает термина «хазары» [*Мямлин*, *9 января 2015*]. Очевидно, «хазар» он наблюдает только на украинской стороне, сохраняя для нее термин «хазарская хунта».

Примечательно, что на сайте ИВК было размещено интервью уроженца Луганска, радикального политика И. В. Беркута (Гекко), осно-

[7] Впрочем, этот автор и раньше писал о «славянских жидах».

вателя и руководителя карликовой партии «Великая Украина», который запугивал украинцев тайными планами введения на Украине иврита в качестве второго государственного языка. Здесь снова обсуждались приписываемые украинскому олигарху И. Коломойскому замыслы эвакуации на Украину населения Израиля в случае возникновения чрезвычайного положения на Ближнем Востоке. Якобы именно для этого «сионисты» устроили переворот в Киеве. Причем со ссылкой на израильскую газету[8] делались предположения о том, что израильтяне вернут Крым Украине и за это получат там автономию, чтобы превратить его в «Малую Хазарию», или «Хазерай». Повторяя многое из того, о чем раннее писал Мямлин, Беркут вновь сообщал о якобы сформированных на Украине «еврейских карательных батальонах» и о подготовке «чеченских сторонников Украины» в московской Академии им. Маймонида. Разумеется, все они должны были участвовать в сознательном уничтожении «русских» на территории Украины. Статья сопровождалась антисемитским рисунком, где лица ведущих политиков Украины, объявленных «евреями», были вписаны в шестиконечные звезды [«Хазарай»…, *4 октября 2014*][9]. В среде полевых командиров, защищавших ДНР, также имелось представление о том, что они ведут борьбу с «Новым Израилем». Во всяком случае, такое мнение высказывал известный полевой командир А. Б. Мозговой [Ставленник Кремля…, *2014*]. По словам А. Кофмана, он же иной раз упоминал о войне с «Новой Хазарией» [*Александр Кофман*, *2015*]. В опубликованных недавно записках Мозгового говорилось, что «украинская армия планомерно готовится сионистами для войны с Россией». Причем он сетовал на близящуюся «победу иудейской олигархии над русским и украинским народом» [*Алексей Мозговой*, *2016*]. О «строительстве Но-

[8] Впрочем, не на саму газету – ссылка была взята из статьи того же Мямлина, сознательно не пожелавшего точно указать, откуда взята приведенная цитата (см.: [*Мямлин*, *14 июня 2014*]). Однако наши мыслители предпочли не заметить сарказма автора статьи в газете "Times of Israel", который, в частности, замечал, что все эти рассуждения используются праворадикальными антисемитами для выстраивания конспирологических схем (см.: [*Wald*, *2014*]).

[9] Примечательно, что вскоре этот рисунок появился на сайте антисемитской «Русской Правды» [http://ruspravda.info/Hronologiya-grazhdanskoy-voyni-na-Ukraine-za-22-oktyabrya-2014-7951.html].

вой Хазарии» как подоплеке войны на востоке Украины, по словам игумена Кирилла (Сахарова), рассуждали и другие ополченцы. Причем он с удивлением отмечал, что родноверов-язычников среди них было много больше, чем православных [*Игумен Кирилл (Сахаров)*, *2016*].

ИВК публиковал и домыслы православного геополитика В. Л. Петрова из «Института русской геополитики», который объявлял Россию и Украину захваченными «малым народом» и обвинял «мондиалистские структуры» в стремлении установить единый мировой порядок. Но едва ли не самым изощренным могущественным врагом он видел Ватикан, якобы стремящийся к уничтожению православия. Поэтому он призывал русских, украинцев и белорусов восстановить Великую Русскую Державу как «Киевскую Русь», причем, отдавая дань расизму, видел в этом исполнение чаяний «белого мира» [*Петров*, *2014*].

Осенью 2014 г. провайдеров портала ИВК энтузиазм оставил, и они изобразили президента Путина «гарантом еврейской олигархической власти», а войну – коварным сионистским планом развязывания братоубийственной бойни для уничтожения «активного русского населения». Доказывалось, что Кремль якобы сознательно предавал интересы Новороссии и стремился ликвидировать свидетелей и что «сионисты» готовят широкомасштабную войну Украины с Россией [Почему Россия сдает Новороссию…, *2014*][10]. Впрочем, об этом «предательстве», якобы позволяющем выстроить «Новую Хазарию» на Украине, некоторые блогеры писали еще в мае 2014 г. [Хазария на месте Украины…, *2014*].

Подобно ИВК, активисты КПЕ тоже истово искажают исторические факты и без тени смущения ссылаются на фальсификации (например, на слова Троцкого, которые тот никогда не произносил). В 2012 г. они запугивали общественность тем, что якобы «бандеровский неонацизм расчищал “поле” для утверждения сионизма, отстаивающего интересы израильского капитала, позиции которого на Украине укрепляются с колоссальной скоростью» [Как из Украи-

[10] Сегодня, полностью потеряв интерес к Украине, Мямлин утверждает, что «еврейские вожди» разрушают христианскую Европу и стремятся погубить «белую расу» [*Мямлин*, *24 сентября 2015*].

ны…, *17 октября 2012*]. А сегодня они на многочисленных сайтах доказывают, что власть в Киеве захватили «хазары» и «масоны». Для этого они, подобно Мямлину, углубляются в генеалогии ведущих украинских политиков, чтобы обнаружить там «еврейские корни».

Вот одно из важнейших концептуальных положений КОБ/КОБР, лежащее в центре постоянных обсуждений: «Мы далеки от расистских взглядов на евреев. Их специально создали и воспитали (через иудаизм) для послушного исполнения задач библейского проекта: порабощения человечества за счет толпоэлитаризма через ростовщическую скупку материальных богатств и душ людей, перехват управления (власти) и упорное продвижение на заселяемых территориях своих систем взглядов, образа поведения и общественного устройства» [http://vk.com/kpe_ua]. Именно с этих позиций сторонники КОБ/КОБР и обсуждают так называемый «проект Хазария».

Не оставляет их равнодушными и внешность славного князя Святослава, в «искажении» которой они винят «украинских националистов», стремящихся изобразить его запорожским казаком с оселедцем. Автора такого рода размышлений особенно коробит тот факт, что в украинской версии князь Святослав якобы отличается своей внешностью от типичного русского. Поэтому свою реконструкцию истинной внешности князя автор считает вкладом в борьбу против «украинской псевдоисторической пропаганды, созданной с целью лишить русских людей их героического правителя» [*Диунов*, *2008*; *Диунов*, *2015*].

Особую активность проявляет бывший военный связист и юрист, а ныне самодеятельный исследователь «древнерусского языка» и самозваный «академик» С. А. Данилов, заполнивший Интернет своими лекциями о «Новой Хазарии» на Украине (см., например: [*Данилов*, *9 февраля 2015*; *Данилов*, *21 февраля 2015*; *Данилов С.* Евреи используют украинцев…]). Склонный к язычеству Данилов известен своим увлечением «ведической культурой» и одновременно борьбой с «банковским паразитизмом» (о нем см.: [http://www.ramha.tv/p/sergeydanilov.html]). Впрочем, некоторые национал-патриоты усматривают в нем душевнобольного [http://pravdanews.info/novoe-oruzhie-ukronatsistov-protiv-dnr-i-lnr-ataka-opyat-bezuspeshna.

html]. Между тем, с версией о том, что сегодня в Киеве утвердился «каганат», согласны и другие неоязычники, всячески превозносящие князя Святослава, якобы «освободившего Русь от иудейского ига» [*Фионова*, *Бугров*, *Белозерова*, *2015*].

Среди блогеров едва ли не самым популярным комментатором по рассматриваемой теме является отставной майор К. Ипатьев. Он видит в Майдане «революцию с еврейским лицом», причем одним из ее инициаторов считает олигарха Р. Ахметова, отмечая его татарскую национальность. Но тут же он объявляет организатором революции другого олигарха И. Коломойского, подчеркивая, что тот не в ладах с Ахметовым. Каким образом такие «организаторы» смогли найти общий язык, его не волнует. А в событиях на Украине он усматривает выражение «национализма», правда, забыв объяснить, чьего именно. И тут же выясняется, что революцию произвели вовсе не олигархи и не националисты, а американцы [*Майор Ипатьев*, *4 апреля 2014*]. Такие очевидные нестыковки автора не смущают, ведь ему важно показать, что «буржуазная революция» в Киеве направлена против «русских людей на Украине». Украинцы в его концепции блистательно отсутствуют.

Впрочем, автор копает много глубже. Он также «открывает» заговор хасидов, якобы мечтающих об учреждении «государства Хабад» на территории Украины. Да и не в государстве дело. Проницательный майор установил, что якобы именно на Украине хасиды должны собраться в ожидании своего Машиаха. Правда, остается неясным, почему им надо ждать его на Украине, если он, по словам самого майора (и это соответствует преданию), должен появиться в Иерусалиме, где они и хотят выстроить Третий Храм [*Майор Ипатьев*, *11 апреля 2014*]. Стоит ли говорить о том, что ко всем этим нелепостям майор добавляет еще одну, согласно которой украинская нация была искусственно создана евреями из ненависти к русским?

Хорошо осведомленный майор также заставляет Путина пройти по «подземным коридорам бывшего Храма Соломона», точное местоположение которого, в отличие от Ипатьева, не знают ни ученые, ни раввины. Он также приписывает хасидам «узурпацию прав на воссоздание Третьего Храма», чего не может быть по определению, так как таких прав нет ни у кого.

Однако все это не имеет значения, если Россия, по словам майора, успешно возвращает себе наследие «Русской Империи православной веры» (неизвестно, правда, где майор видел такую империю, так как история знает только Российскую империю). Но этому якобы мешают евреи, желающие выстроить «Новую Хазарию» на Украине [*Майор Ипатьев*, *6 мая 2014*]. То, что Хазария не имеет никакого отношения к преданию, на которое ориентируются иудеи, включая хасидов, проницательного майора нисколько не трогает. Зато он отказывается от предположения о возведении Храма в Иерусалиме, – ведь, оказывается, Храм уже существует, и им является центр «Минора», построенный в Днепропетровске. Иными словами, майор с легкостью пересматривает священное предание, полагая, что именно так вслед за ним поступят и хасиды. Теперь ему открылась истина: революцию совершили вовсе не олигархи, не националисты и даже не американцы, – ее совершил Хабад ради превращения Украины в «Новую Хазарию», возведения там Третьего Храма и установления в нем престола для скорого возвращения Ребе Шнеерсона. Тем самым, Машиаху якобы суждено вернуться вовсе не в Иерусалим, а в Днепропетровск, чудесным образом превратившийся в Итиль. Интересно было бы узнать, в каком иудейском тексте майор это вычитал и скольких представителей Хабада он видел на Майдане. Тем не менее, он заканчивает свои прозрения призывом к «антихазарской народной революции». Примечательно, что эти рассуждения настолько понравились деятелям КОБ, что они поместили их на своих сайтах [http://кпе.com.ua/9-glavnyj-razdel/1273-khunta-planirovala-zaselit-ukrainu-evreyami-iz-ssha.html; http://rpr.ur.ru/akcent/2014/7/15/2463/]. Нравятся эти рассуждения и сотням пользователям российского Интернета, включая православные сайты (см., например: [http://www.odigitria.by/2014/06/10/novaya-xazariya-kolomojskogo/]).

Молодой журналист А. Тайчо подхватил версию о том, что якобы евреи (он называет их «жидами») пытаются освободить территорию Украины как «Новой Хазарии» для будущего заселения. В этом его убеждало прибытие мифического израильского батальона для участия в боевых действиях. Его также завораживала мысль о том, что днепропетровский центр «Менора» станет местом, где на престоле воссядет Шнеерсон. При этом он доказывал, что якобы со-

бытия развиваются в точности в соответствии с предсказаниями Л. Гумилёва (хотя Л. Н. Гумилёв ничего не предсказывал. – *В. Ш.*). Он даже утверждал, что якобы киевскими властями негласно руководил Коломойский, воспроизводя модель власти в исторической Хазарии. В конце своей статьи он помещал карту Украины как «Новой Хазарии» [*Тайчо*, *2014*].

Судьбой Украины озабочен и Дм. Байда, владелец расистского и антисемитского портала РуАН и последователь эзотерика-радикала Н. Левашова (о Левашове см.: [*Шнирельман*, 2015(1), с. 76–79]. Ему хочется раскрыть глаза обманутым патриотам, ставшим жертвами информационной войны. При этом, посвящая своих читателей в историю Хазарии, он опирается вовсе не на научную литературу, а на эзотерический трактат своего ментора Левашова [*Байда*, *16 мая 2014*]. Поэтому для него не составляет никакого труда превратить Хазарию в «провинцию Великой Тартарии», объявить ее «правящую касту» «славяно-ариями», сделать главным подрывным орудием пришедших туда иудеев «институт иудейских невест» (идея взята у Левашова, который, в свою очередь, позаимствовал ее у Л. Гумилёва. – *В. Ш.*), представить Хазарию страшным государством «иудейского господства» и провести параллель между ней и Россией, где после 1917 г. власть якобы захватили «иудеи-сефарды», превратившие ее в «рабовладельческое государство». Вопреки всем фактам, он доказывает, что будто бы именно «сионистская мафия» хотела сохранить СССР. Он и сегодняшнюю Россию рассматривает как «оккупированное государство», т. е. захваченное «сионистской мафией», причем в этом он опирается на сентенции Мямлина об «Украинской Хазарии». Байда упрекает «псевдопатриотов» в том, что они всего этого не понимают. Хуже того, по его мнению, они работают на «сионистскую церковную мафию».

Еще один последователь Левашова на сайте «Славянские новости» прославляет подвиг князя Святослава, разгромившего Хазарский каганат, причем ставя его в один ряд с победой в Великой Отечественной войне. Называя Хазарию «паразитарным государством», он видит в ее разгроме освобождение от «хазарского ига» и выход Руси на «лидирующие позиции в мировой политике». В соответствии с русским неоязыческим мифом в Святославе он

усматривает продолжателя традиций «славяно-ариев», а историю Хазарии излагает по Л. Гумилёву в обработке Левашова. Экономику Хазарии он связывает исключительно с ростовщичеством и работорговлей, что, на его взгляд, было типичным для захвативших там власть иудеев. Не обходит он своим вниманием и «институт еврейских жен», якобы открывавший путь к ключевым государственным постам. Актуализируя печальный опыт Хазарии, он подчеркивает, что иудеи «отблагодарили» принявших их на своей территории хазар, превратив тех в рабов. Это дает автору пищу для ксенофобских размышлений о положении в современных Палестине, России и Украине. Он не находит для Хазарии иного определения, чем «раковая опухоль», и заявляет, что противостоять ей были способны только «славяно-арии» с их «ведическим мировоззрением». Соответственно в смерти Святослава от рук печенегов он видит «месть еврейской элиты». В свою очередь, следуя неоязыческому мифу, автор отождествляет христианство с «иудо-христианской религией», введенной для порабощения народов. В «хазарах» он видит угрозу не только «славяно-ариям», но и всей «белой расе» [Русь против Хазарии, *2014*], подтверждая, что неоязычеству свойственны расовые представления.

Примечательно, что эта статья сопровождалась многочисленными антисемитскими рассуждениями пользователей. Мало того, позднее тот же неоязыческий портал разместил статью, отождествлявшую службы в православных храмах с масонскими ритуалами [Масоны под маской Церкви…, *2014*]. Не оставляют его пользователей равнодушными и поиски «многочисленных» евреев в России, в том числе и среди представителей власти, что также сопровождается антисемитскими комментариями [В России насчитали…, *2014*].

Блогер Николай Выхин заявлял, что власть на Украине захватили «евреи-олигархи» вместе с «еврейскими фашистами», и славянское население в новом «Каганате» попало в рабство и оказалось под «железной пятой». Для объяснения возникшей ситуации он прибегал к расовой теории и объяснял, что с этих пор «каста господ» и «каста рабов» разделены «расовым барьером». И он в ужасе ожидал, что, захватив (sic!) «Новороссию», Хазарский каганат расправится над русскими, чтобы выстроить на территории Украины «второй Израиль» [*Выхин*, *2014*].

Его сентенции продолжил поэт и экономист Вазген Авагян, подхвативший идею о том, что якобы Хабад, не желающий иметь ничего общего со своей «исторической родиной», задумал строить на Украине «Новый Израиль» в виде «Новой Хазарии». Больше всего его возмущало то, что евреи осмеливаются вспоминать о том, что их предки поселились на территории нынешней Украины более 1000 лет назад. Ему это показалось «забавным», и он увидел здесь воспоминание об обиде, нанесенной тысячу лет назад. Это позволило ему «сорвать маску» с замыслов Хабада по возведению храма в Днепропетровске, где якобы должен воссесть ребе Шнеерсон. Примечательно, что в своих фантазиях он опирался не только на Ходоса, но и на юдофобские построения Л.Н. Гумилёва, писавшего о «зигзаге истории» [*Авагян*, *2015*].

Другому блогеру зловещий образ Хазарии нужен для разоблачения интернационализма, за которым он видит «хазарские козни», направленные на то, чтобы скрыть правду как о характере власти в России, так и о войнах в Чечне и на Украине. Якобы интернационализм смешивал все народы и не позволял различать друзей и врагов. Удивительно, что, настаивая, вслед за Юнгом, на реальности «национальных архетипов» и «коллективного бессознательного», якобы лежащих в основе каждого народа, этот блогер лишает украинцев статуса народа, причисляя их к «южным русским». Зато евреев он вначале делит на разные группы (караимы, таты и пр.), а затем превращает в некую единую целостность, мечтающую о своей Хазарии, в которой сам автор этих сентенций видит «вечного и главного врага» [*Емельянов-Хальген*, *2014*].

Еще один блогер обнаруживает в Хазарии «стратегический план мирового сионизма», во-первых, по завоеванию славянских территорий, а во-вторых, по ликвидации христианства. Он ссылается на предсказания, согласно которым Израиль не проживет и 10–20 лет, что заставит его обитателей вернуться в Крым («Красный Сион»), который якобы станет центром «иудейской Хазарии». Мало того, якобы это готовили еще нацисты(?), а сегодня в этом заинтересован проект нового Шелкового пути, согласно которому Крыму предстоит участь «европейского Гонконга» [*Бровкин*, *2014*]. При этом, подобно рассмотренным выше авторам, этот блогер также обращает внимание на этническую принадлежность руководства со-

временной Украины и ведущих бизнесменов и находит там исключительно евреев. Кроме того, он снова пишет о союзе «нацистов и сионистов», забывая объяснить, в чем же в таком случае заключается «нацизм». Зато у него нет сомнения в том, что все они финансируются «потомками хазар». Но, в отличие от предыдущего блогера, чеченцев он не относит к «хазарам», а напротив, предупреждает, что «хазары» их обманут, и на Кавказе по израильскому сценарию скоро появится Хазария с исключительно иудейским населением.

В своих представлениях автор руководствуется сомнительными сайтами и откровенными фальшивками. Например, рассуждая о зловещих планах «сионистов», он опирается на некую речь бывшего президента американской «Антидиффамационной лиги» (АДЛ) А. Фоксмана, несмотря на то, что это – известная фальшивка, взятая с расистского сайта, ссылающегося на несуществующую газету *The National Observer*, закрытую еще в 1977 г. Но самой любимой его книгой является «Невидимая Хазария» Т. Грачёвой (о ней см.: [*Шнирельман*, *2012*, с. 110–121]). Поэтому, как и его излюбленных авторов (Гумилёва, Грачёву и др.), его одолевает непреодолимый ужас перед гипотетическим восстановлением «Великой Хазарии», которая якобы потребует компенсации за разгром, учиненный когда-то князем Святославом. Страх перед «могуществом хазар-иудеев» возрастает у него с каждой минутой, и он обвиняет тех не только в том, что они якобы уничтожили все древние письменные источники и разрушили все библиотеки древних цивилизаций, но и ухитрились взорвать о. Санторин (и это в бронзовом веке! – *В. Ш.*). Наконец, он «обнаруживает» исход евреев из Израиля и с Запада, откуда они якобы толпами направляются на восстановление Хазарии на территории Украины и на юге России.

Подобно ряду рассмотренных авторов, публицист В. Новопашин выискивает еврейские корни известных политиков Украины и обличает их в «нацизме». Но он обогащает этот дискурс отождествлением «Новой Хазарии» с современным Европейским Союзом [*Новопашин*, *2014*]. Он также обвиняет евреев в подрыве украинской государственности и обсуждает известные, похоже, ему одному планы «сионских мудрецов» по подрыву могущества России. Объявляя «хазар» «рабовладельческим народом», он обвиня-

ет иудеев не только в распятии Христа, но и в провоцировании всех религиозных и международных конфликтов и войн, чем они, по его мнению, до сих пор занимаются. А антисемитизм он называет «палкой для концентрации евреев». О его компетентности в вопросах истории можно судить хотя бы по его убежденности в том, что «Крым был столицей Хазарии в 3–4 вв. н. э.» (когда никакой Хазарии еще не было даже в проекте. – *В. Ш.*) и что Хазария была разгромлена Тимуром в XIV в. (когда от нее не осталось и следов. – *В. Ш.*). Тем не менее автор уверен, что кто-то злонамеренно предъявляет территориальные претензии к России, и поэтому предупреждает об угрозе фашизма со стороны неких внешних сил [*Новопашин*, *2015*].

Этот дискурс включает и еще одну идею, выдвинутую отставным военным А. Девятовым. Он считает, что хорошо осведомленные евреи-ашкенази (они же, по словам автора, – «евреи-каббалисты») задумали проект Хазарии, ожидая больших дивидендов от вновь выстраиваемого Шелкового пути [*Девятов*, *2014*]. Неясно, правда, как это будет уживаться со «славяно-арийской Скифией», восстановление которой автор тоже прогнозирует.

Рассуждения Э. Ходоса о связи Хабада с «Новой Хазарией» подхватила фотохудожница Ирина Цезарь-Духарина, уроженка Ленинграда, переехавшая в 1994 г. в США. Получив в 2009 г. диплом доктора философии в Городском университете Нью-Йорка, она работает в Музее русского искусства в Нью-Джерси, а с 2012 г. читает лекции по современному искусству на Философском факультете МГУ[11]. Весной 2014 г. она озаботилась судьбой Украины и обвинила Хабад в военном перевороте. Этим она не ограничилась и объявила события на Украине движением по пути построения «глобального Сиона», что якобы предполагает «геноцид гоев», т. е., как она объясняет, «белых». Причем центром «заговора» она называет Днепропетровск. В доказательство она приводит список оппозиционных Януковичу украинских политиков и объявляет всех их «евреями». А события на Майдане, главным действующим лицом которых она объявляет «израильский спецназ», дама-искусствовед квалифицирует как «хазарско-турецкий цирк», который якобы пред-

[11] Свою исконную фамилию Есарева она переделала в Цезарь (см.: [*Сулькин*, *2011*]).

вещает «конец европейской цивилизации». Правда, не все потеряно, и она противопоставляет «иудейскую Хазарию» «русо-арийцам», напоминая о подвиге Святослава и ссылаясь при этом на памятник скульптора Клыкова. Она прославляет «русских ариев» и противопоставляет их «вырожденцам из Лондона и Вашингтона», которыми якобы всецело управляет Хабад. Надо ли удивляться тому, что она называет современных евреев «поддельными евреями из Хазарии» и открывает общественности их «истинную родину – Туркестан?[12]

Свои домыслы И. Цезарь пыталась донести не только до русской публики, но и до американской, причем изображая власти США активным участником указанного глобального заговора. Ведь, по ее словам, после убийства Джона Кеннеди власть в США захватили «хазарские сионисты». Примечательно, что в соответствии с популярными конспирологическими схемами она включает в число заговорщиков «масонов и тамплиеров», которые якобы должны построить храм «негроидному царю Соломону» [*Цезарь*, *25 марта 2014*] (см. также: [*Цезарь*, *15 января 2014*]).

Хазарская тема стала в последнее время настолько популярной, что заставляет национал-патриотов присматриваться к любым намекам, якобы подтверждающим их догадки. Так, известный публицист Н. Стариков подхватывает и тиражирует наблюдение посетителя своего сайта, заметившего, что украинские оружейники дали новому бронетранспортеру название «Хазар». Для него и его единомышленников в этом обнаруживается бесценное подтверждение их догадок о «Новой Хазарии» [*Стариков*, *2015*]. Причем это наблюдение показалось Старикову настолько актуальным, что он поместил его на нескольких сайтах.

Хазарская тема беспокоит и саратовского криминалиста А. Н. Колмыкова, который еще в 2013 г. с ужасом писал о «хазарских претензиях» на земли Поволжья, Ставрополья и Северного Кавказа. В этом плане его внимание особенно привлекала «ОПГ Ротшиль-

[12] Примечательно, что «подлинных иудеев Танаха» Цезарь называет «неграми из племени Сета», т. е. бога смерти (см.: [*Цезарь*, *2015*]). Правда, в самое последнее время, опираясь на сомнительные генетические данные, Цезарь объявляет, что ашкеназы являются вовсе не «хазарами», а «русскими по крови», «нашими братьями» (см.: [*Цезарь*, *2016*]).

дов», которая, по его словам, столетиями стояла за спиной европейских политиков [*Колмыков*, *2013*]. Он доказывал, что евреи претендуют на Крым и не желают признавать крымских татар «коренным народом»[13] и поэтому призывал к правдивому освещению истории Хазарии, к которой, по его мнению, евреи не имели никакого отношения. Потомками хазар он называл крымских татар, против которых якобы «еврейским НКВД» проводился геноцид ради освобождения земель Крыма для заселения [*Колмыков*, *2014*]. Сегодня Колмыков предсказывает уничтожение государства Израиль и переселение его обитателей на Украину и юг России. Якобы это и послужило поводом для нынешней войны на Украине, где израильтяне готовят плацдарм для расселения своих граждан. Кроме того, он распространяет домыслы о том, что якобы конгресс США рассматривал вопрос о возрождении Хазарского государства, а в Израиле задумали «самоподрыв ядерным зарядом», чтобы заставить израильтян бежать на север. Он даже публикует карты, призванные проиллюстрировать все эти призрачные «планы». Стоит ли удивляться, что за всем этим он усматривает происки Хабада, Ротшильдов и Рокфеллеров? [*Колмыков*, *2015*].

Похожие рассуждения звучат и из уст В. Сухорукова, который также подозревает живущих на Украине еврейских олигархов в подготовке страны к превращению в «Новую Хазарию», где смогут укрыться евреи-беженцы, но не от палестинцев, а от европейского «нордического национализма». Во всем доверяя Ходосу, он тоже подозревает, что за этими планами стоит Хабад, причем уверяет, что мусульмане и иудеи готовы единым фронтом выступить против христианства [*Сухоруков*, *2015*].

Версию о «Новой Хазарии» подхватывает и националистический сайт «Сила в правде». Там пишут о «хазарском нашествии», направленном против славянского мира, и видят в Украине «государство-трансформер», где за фасадом «украинского национализма» якобы скрываются израильтяне, поставившие своей целью сокращение местного населения. Автору жаль украинцев, которые не

[13] В доказательство Колмыков ссылался на выступление Н. Сванидзе, который говорил прямо противоположное, подчеркивая, что крымские татары являются коренным народом (см.: [http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1320916-echo]).

верят в существование современных «хазар». Ему бы хотелось вовлечь Россию в эту бойню, но он понимает, что тогда придется убивать украинцев, нарушив единство славянского мира [Украина-Хазария…, *2015*].

Наконец, один киевский автор делает своеобразное открытие, будто символ трезубца, положенный в основу государственного герба Украины, происходит от хазарской тамги. Ему это дает основания рассуждать об искусственности украинской государственности, якобы не имеющей своих собственных корней [*Рудницкий*, *2015*].

По «хазарскому вопросу» высказываются и служители церкви. Например, иерей Сергий Карамышев, выступающий также в роли публициста, сближает современную Украину со средневековой Хазарией, причем путеводной звездой ему служит теория этногенеза Л. Гумилёва [*Карамышев*, *10 июня 2014*][14]. Он также винит «олигархический интернационал», который якобы и разжигает вражду между местными народами. Он с презрением относится к тем украинцам, которые, как он считает, служат «наемниками олигархического интернационала», и призывает обитателей Новороссии вспомнить о своей русскости и «противостоять хазарской тирании». «Новую Хазарию», под которой понимается современная Украина, он называет «противоестественным политическим образованием», якобы противоправно требующим от России дани. И он призывает Россию нанести «неожиданный всесокрушающий удар».

Образ «смертоносной Хазарии» пугает и православных фундаменталистов, карликовые группы которых всеми силами пытаются привлечь к себе внимание. Руководитель «Союза православных хоругвеносцев» Л. Д. Симонович-Никшич с готовностью подхватывает рассуждения о том, что за украинскими событиями стоят строители «Новой Хазарии», и упорно выискивает подтверждения этому на праворадикальных сайтах в интернете. Примечательно, что в состав заговорщиков он включает еврейский журнал «Лехаим», израильскую филантропическую организацию «Сохнут» и британскую разведку МИ-6. Мало того, заговорщиков он обнаруживает как на украинской стороне, так и на стороне мятежных республик.

[14] Эти рассуждения понравились и порталу «Москва – Третий Рим» [http://3rm.info/publications/48445-ierey-sergiy-karamyshev-novaya-hazariya-protiv-novorossii.html].

В его глазах, это тут же превращает локальный конфликт в глобальный заговор. И он патетически заявляет, что речь идет о войне «между двумя радикально антагонистическими мирами: Миром Русским и міром Еврейским. То есть Миром Созидания и міром разрушения. Миром Арийства и міром жидовства. А если брать еще глубже, то – Миром Христа и міром Антихриста» [*Симонович-Никшич*, *9 июля 2015*].

Симонович-Никшич принимает на веру рассуждения Мямлина о «дуальной власти», которая якобы дожила до наших дней и под гнетом которой изнывали и изнывают не только Украина, но и СССР вкупе с современной Россией – все они изображаются «Хазарией». Однако он не теряет оптимизма и, прибегая к более чем прозрачным намекам, заявляет, что «Святослав уже скачет на бурятском коне в сбруе со свастиками, летит в небе над страной, возглавляя клин белых аистов, и незримо проводит спецоперацию вежливых “зеленых человечков” в одной из цитаделей Хазарии – древней скифской Тавриде». Впрочем, он призывает к бдительности, ибо «тайная еврейская власть» продолжает действовать и планы по переселению евреев из Израиля на Украину остаются в силе [*Симонович-Никшич*, *9 июля 2015*] (см. также: [*Симонович-Никшич*, *7 июня 2015*]).

Мало того, деятельность одного олигарха, пусть даже такого титулованного, как И. Коломойский, воспринимается русскими радикалами и православными фундаменталистами как отражающая позицию всех евреев без исключения. Поэтому в апреле 2014 г. на сайтах православных фундаменталистов «Москва – Третий Рим», а вслед за ним и «Одигидрия» появилось заявление о том, что «международное еврейство объявило войну русскому миру»[15]. На этом основании они предупреждали о возможном росте антисемитизма и делали все для его раздувания [Все еврейские общины…, *2014*]. Солидарность с этим выражает и Симонович-Никшич, предсказывающий, что «анти-еврейская революция, начавшаяся в Донецке, Луганске и во всей Новороссии – распространившись на всю Европу и всю Россию, в конечном итоге – победит» [*Симонович-Никшич*, *9 июля 2015*].

[15] Аналогичным образом в 1938 г. Гитлер заявил, что мировое еврейство объявило войну Германии.

Портал «Москва – Третий Рим» регулярно помещает информацию о «подрывной деятельности» евреев на Украине, причем особое внимание его провайдеров приковано к Хабаду, о котором как о «сатанинской организации» они знают исключительно по публикациям и выступлениям Ходоса [«Вся работа закончена...», *2012*; Бей…, *2014*]. Кроме того, там регулярно обсуждают уже известные нам темы: о деятельности Коломойского, о неких еврейских (или даже «еврейско-чеченских») карательных батальонах, о коварных замыслах «сионистов» по строительству на Украине «нового Сиона», о возрождении там Хазарского каганата в виде «Нью Хазарии»[16] и, разумеется, о неких планах эвакуации израильтян на Украину в случае обострения ситуации на Ближнем Востоке [http://3rm.info/publications/48796-novaya-hazariya-ekspert-kolomoyskiy-gotovit-v-ukraine-mesto-pod-zemlyu-obetovannuyu.html]. Провайдеры портала с восторгом отмечают установленный 15 лет назад русскими национал-патриотами «День победы князя Святослава над Хазарией», утверждая тем самым неизбежность такого конца для «паразитарного государства» [http://3rm.info/publications/36757-pobeda-nad-hazarskim-kaganatom.html]. Недавнее переименование улиц в Николаеве и Днепропетровске в улицы Менахема-Мендла Шнеерсона было воспринято провайдерами «Москвы – Третьего Рима» как «наступление Хазарского каганата» на Украине [На Украине Нью Хазария..., *2016*; Украина-Хазарский каганат…, *2016*]. Причем все такие обсуждения и празднования заканчиваются массой антисемитских комментариев. Публикуются и антисемитские карикатуры в стиле известной нацистской газеты «Дер Штюрмер».

Ростовский православный поэт, донской казак С. Матвеев тоже отождествил евреев с хазарами и подчеркнул, что именно они оказались руководителями Майдана. По его мнению, это – вовсе не случайно, так как евреи веками вынашивали замыслы о мести сла-

[16] Со ссылкой на лекции все того же Ходоса: [http://3rm.info/religion/47438-hodos-habad-obyavil-voynu-hristianam-ukraina-novaya-hazariya-video.html; http://3rm.info/mainnews/48090-sobytiya-na-ukraine-realizaciya-interesov-habada-a-ne-ameriki-ili-evropy-eduard-hodos-video.html; http://3rm.info/publications/56194-nyu-hazariya-ukrainu-zahvatili-ne-te-evrei-video.html; http://3rm.info/main/53067-kiev-evreyskiy-vidimaya-hazariya-novosti-hazarskogo-kaganata-ot-e-hodosa-video.html] и Т. Грачёвой: [http://3rm.info/publications/19290-pravdivaya-kartina-mira.html].

вянам за разгром Хазарии. Якобы именно поэтому они решили сегодня разжечь гражданскую войну на Украине. Мало того, от Украины поэт переходил к глобальным построениям и объявлял, что за всеми действиями американцев стоят все те же евреи [*Матвеев*, *8 июля 2014*; *Матвеев*, *2015*].

Поднимая вопрос о «еврейской власти» на Украине, он пишет о «киевском каганате», сознательно отождествляя «хазар» с «христоубийцами». Его рассуждения о событиях на современной Украине переполнены богословской лексикой, и он указывает на религиозную подоплеку войны, развязанной якобы «христофагами» против православной веры. А чтобы демонизировать противника, он приписывает ему «черную магию», ассоциируя ее с Каббалой. Он даже пишет о «войсках антихриста», утверждая, что тому мешают православные христиане, а потому нынешняя война в еще большей степени направлена против России, чем против Украины, которую он без тени сомнения включает в «русскую цивилизацию». Чтобы оттенить этот тезис, он пользуется термином «иудо-славянская война» и утверждает, что за ней стоит «всемирный раввинат». А в скорой победе «русской цивилизации» над «киевским каганатом» он видит «предтечу второго пришествия Спасителя» [*Матвеев*, *30 марта 2015*].

На сайтах «Москвы – Третьего Рима» летом 2014 г. переиздавались взятые с портала «Информационный корпус» сообщения участников так называемой Православной армии, сформированной российским РНЕ и сражавшейся на Донбассе. Они оправдывали свои действия борьбой «за веру Христову», а также за русскую культуру и русский язык, а в Новороссии видели «свое новое справедливое национальное государство» без «олигархов» и «воровских элит». Они заявляли, что сражаются за ценности «православно-славянской цивилизации» и своими врагами видели «укров», которых отделяли от украинцев [За что сражается…, *2014*]. При этом они подчеркивали религиозный характер идущей войны и, представляя нашу эпоху «последними временами», заявляли, что сражаются со слугами антихриста. Примечательно, что они порицали церковных иерархов за невмешательство и призывы к миру. А в развязывании братоубийственной войны они обвиняли «жидо-американские спецслужбы». При этом, убивая украинцев, они де-

магогически выступали против «палачей украинского народа» [Письмо Эдуарду Ходосу…, *2014*].

Известный русский географ и геополитик В. А. Дергачёв пытается выдержать нейтральный тон в изложении «хазарской темы». Он публикует цитаты из высказываний ряда еврейских деятелей о роли Украины в еврейской истории и, в особенности – в становлении хасидизма, а также дает краткую информацию о деятельности ультраортодоксальной иудейской организации Хабад. Вместе с тем, публикуемая подборка оставляет у читателя впечатление, что евреи хотят прибрать Украину к своим рукам. В пользу этого говорит не только ссылка на книги Ходоса и краткое описание его концепции «трех Хазарий», но и само называние статьи, намекающее на «конспирологический проект» [*Дергачёв*, *2015*].

А руководители карликовой Партии защиты российской Конституции (ПЗРК) «РУСЬ» призывают объявить день победы князя Святослава над Хазарией «всенародным праздником» [*Никитин*, *Войцинский*, *2015*].

Примечательно, что эти идеи находят своих последователей и на Украине, где в Киеве вот уже несколько лет ежегодно правые проводят 3 июля марш в честь победы Святослава над Хазарией. В 2015 г. его организовал «Правый сектор» с примкнувшими к нему некоторыми батальонами украинских националистов. При этом участники марша говорили о предательстве нынешней власти, которую они сравнивали с Хазарским каганатом [*Райченко*, *2015*].

А киевлянка, участница социальных сетей, прибегает к идее заговора [*Ofeliyadd*, *2014*]. Она верит в то, что как горские евреи, так и чеченцы напрямую происходят от хазар-иудеев. Мало того, оказывается, в родстве с ними находится и семейство Ротшильдов, связанное с масонами и входящее в «сатанинский клуб правителей мира». Якобы у них имеется многовековой пакт с Россией, и именно они едва ли не управляют президентом Путиным. Причем в этом контексте он оказывается «каганом», а В. Сурков – «беком», который и занимается выстраиванием Новой Хазарии. Правителей мира, по ее версии, больше всего привлекают земли былой Хазарии, и они до сих пор ими управляют. Поэтому без их ведома Крым не мог бы перейти к России, и именно они натравили

друг на друга соседние народы. Вот, оказывается, какая интрига стоит за событиями весны 2014 г. Мало того, по словам автора, Крым является огромной сакральной зоной, и в дальнейшем владельцы мира полностью очистят его от населения. В своих рассуждениях автор ссылается на роман «Околоноля» Натана Дубивицкого, за которым многие видят В. Суркова. Роман вышел в 2009 г., из чего следует, что планы по аннексии Крыма были выработаны еще тогда.

Впрочем, сегодня некоторым авторам хазарский миф уже не нужен, и они в открытую ссылаются на конспирологию и пишут о заговоре евреев и масонов против «патриотов» и «коренных народов», как это делает развязавший войну в Донбассе Игорь Стрелков (Гиркин) [*Кожевников*, 2015] (см. также: [*Четверикова*, *2014*, с. 19–27]).

В начале 2015 г. хазарская тема в связи с Украиной пошла на спад и стала постепенно исчезать. Теперь блогеры патриотического направления начали подчеркивать раскол в рядах украинской элиты, а некоторые из них даже предсказывали скорый крах Украины [Это Конец! *2015*].

Таким образом, сегодня термин «хазары» используется как эвфемизм для «олигархов» и «масонов», которые, в свою очередь, служат эвфемизмами для «сионистов» и «евреев». В контексте рассмотренного мифа все они подозреваются в глобальном заговоре против народов мира с целью их порабощения и установления «мирового правительства». В сознании христианских фундаменталистов этот заговор тесно связан с подготовкой прихода антихриста, и не случайно важное место в мифе занимает сюжет о «приходе Машиаха». Якобы более всего его ждут хасиды, которые этим дискурсом демонизируются. При этом православные радикалы видят в недавних боевых действиях на Украине «борьбу с антихристом». Правда, некоторых православных авторов пугают не столько «хазары», сколько Ватикан, который якобы задумал использовать «хазар» для уничтожения православия. В свою очередь, А. Проханов призывает дать отпор «чудовищному мировому злу, этой беспощадной Америке, что положила лапу на все человечество» [Христос остановился в Новороссии..., *2014*]. Впрочем, зная пристрастия Проханова, нетрудно

понять, что за этой Америкой также скрывается «международный сионизм».

Другая идея этого мифа заключается в коварном заговоре «хазар» с целью эвакуации евреев из государства Израиль, которое либо падет в ходе резкого обострения ситуации на Ближнем Востоке, либо будет подорвано самими «хазарами», решившими вернуться на «историческую родину», т. е. на Украину. Примечательно, что по этой версии Машиаху суждено вернуться вовсе не в Иерусалим, а в Днепропетровск, где якобы для него уже готов храм.

Третья идея возвращает нас к феномену дуальной власти и делает украинских президентов каганами, т. е. марионетками в руках «беков», которыми выступают все те же «олигархи».

Четвертая идея обнаруживает суть «хазарского проекта» не столько в установлении глобального господства, сколько в захвате Крыма как ключевой территории для получения выгод от нового Шелкового пути. Некоторые авторы видят за «хазарским проектом» руку Ротшильдов и Рокфеллеров, тем самым включая хазарский миф в контекст современной конспирологии [*Шнирельман*, *2015(2)*, с. 110–136].

Все эти игры ума порождают параноидальные фантазии либо об искусственных столкновениях «русских» с «русскими», за которыми якобы стоят все те же зловещие силы, либо о борьбе «хазар» с «хазарами», что самым непостижимым образом должно привести к созданию «Новой Хазарии» и порабощению коренного населения. В контексте мифа последнее оказывается беспомощным, и спасти его может только невесть откуда взявшийся «новый князь Святослав». В этом качестве князь-язычник привлекает равным образом как неоязыческих, так и православных авторов, хотя во всех других отношениях эти авторы враждебны друг другу.

В русле рассматриваемого мифа находится место и сюжету о «хазарской мести» славянам за былое поражение от князя Святослава. Якобы для этого «хазары» и спровоцировали братоубийственную бойню на Украине.

Примечательно, что миф черпает аргументы одновременно из разных антисемитских дискурсов, и в его русле «русские» и «православные» оказываются «славяно-ариями» или даже «белой ра-

сой», и именно их якобы стремятся искоренить «хазары». В то же время, вопреки этой логике, «сионисты» называются союзниками «неонацистов», якобы общими усилиями расчищающими место для «израильского капитала». В результате на сцене появляются фантасмагорические «жидобандеровцы», приводящие к власти представителей «малого народа». Но, если в одних версиях за их спиной стоят «хазары», то в других – американцы, а в третьих – демонизированный Хабад. При этом еврейскую тему в связи с украинскими событиями активно использовали обе стороны – как русские националисты, так и украинские (об этом см.: [*Чарный*, *2015*]).

Впрочем, вряд ли следует искать логику в ксенофобских построениях, обращенных не к разуму, а к эмоциям. Главным является посыл «наших бьют», по отношению к чему четкий образ обидчиков оказывается не столь уж важным. Поэтому в ход идут слухи, фантазии и даже фальшивки, призванные легитимировать агрессию, которая в этом контексте представляется «обороной». А целью этой «обороны» становится восстановление некой «Русской Империи православной веры», причем некоторые авторы с презрением говорят об украинцах и представляют современную Украину «искусственным государством». Иными словами, обыкновенный империализм прикрывается фальшивыми рассуждениями об обороне.

Вместе с тем, рассуждения блогеров о «Новой Хазарии» на Украине исчезли из сети столь же быстро, как и появились. Начиная с осени 2015 г., интерес блогеров к этой теме полностью остыл, и остается строить предположения о хорошо организованной и проплаченной кампании в интересах каких-то весьма влиятельных сил.

В заключение следует отметить, что все проанализированные рассуждения, по всей видимости, не находят массовой поддержки. Недавний опрос ВЦИОМ показал, что, несмотря на раскрученное в СМИ обвинение Украины в возрождении нацизма, оно не находит понимания в общественном мнении, где в последние два года это утверждение разделяли лишь 1–2% респондентов [*Хамраев*, *2016*].

Литература

Авагян В. Хазария! А вы сомневались? // Экономика и мы (народная газета). *17 января 2015* (http://economicsandwe.com/F646647119A22DDA/).

Александр Кофман: «Я против любого фашизма, в том числе и еврейского» // Лехаим. *16 сентября 2015*. № 282 (http://www.lechaim.ru/6118).

Алексей Мозговой: Мы одни – против Киева, Запада и Москвы // РОНС. *25 июня 2016* (http://ronsslav.com/aleksey-mozgovoy-my-odni-protiv-kieva-zapada-i-moskvy/).

Байда Д. Зачем патриоты строят нам Хазарию? // РуАН. *16 мая 2014* (http://ru-an.info/новости/многих-патриотов-обманом-заставляют-вредить-своей-родине/).

Бей сатанинский Хабад! // Москва – Третий Рим. *12 мая 2014* (http://3rm.info/46772-bey-sataninskiy-zhidovskiy-habad.html).

Бровкин И. Новый исход, Новая Хазария // Мидгард-Инфо. *25 марта 2014* (http://via-midgard.info/news/copyright/novyj-isxod-novaya-xazariya.htm).

В России насчитали 700 тысяч тайных евреев // Славянские новости.ру. *2014* (http://slavnovosti.ru/news_1303022620.html).

Все еврейские общины, организации Украины и Европы объявили войну русскому миру // Одигидрия. *18 апреля 2014* (http://3rm.info/main/45943-vse-evreyskie-obschiny-i-organizacii-ukrainy-i-evropy-obyavili-voynu-russkomu-miru-video.html; http://www.odigitria.by/2014/04/18/vse-evrejskie-obshhiny-organizacii-ukrainy-i-evropy-obyavili-vojnu-russkomu-miru/).

«Вся работа закончена. Мошиах уже здесь». Аналитическая справка о ведущей силе Мирового правительства // Москва – Третий Рим. *24 февраля 2012* (http://3rm.info/publications/21452-vsya-rabota-zakonchena-moshiax-uzhe-zdes.html).

Выхин Н. Осторожно, двери закрываются! // Экономика и мы (народная газета). *20 мая 2014* (http://economicsandwe.com/DA9D38AE642F2EE1/).

Данилов С. Евреи используют украинцев как почву для создания Хазарского Каганата // http://www.netvi.ru/watch/Evrei-ispolzuut-ukraincev-kak-pochvu-dlya-sozdani_4amsVyfb20mnVKJlnHp14g2.

Данилов С. Как хазары (библейцы) нас зажимают // youtube, *21 февраля 2015* (http://www.youtube.com/watch?v=TebtWW0aBVY).

Данилов С. Хазарский каганат на Украине сегодня // youtube, *9 февраля 2015* (http://www.youtube.com/watch?v=CeiJ48KC4Mw).

Девятов А. Новый Туркестан, Новый Халифат и Новая Хазария. Концептуальная записка // Перемены (веб-журнал). *3 июля 2014* (http://www.peremeny.ru/books/osminog/9543).

Дергачев В. Новая Хазария – конспирологический проект? // Иллюстрированный журнал Владимира Дергачева «Ландшафты жизни». *11 апреля 2015* (http://dergachev-va.livejournal.com/106886.html).

Диунов М. Был ли князь Святослав «запорожцем»? // Русский обозреватель. *16 июля 2008* (http://www.rus-obr.ru/ru-web/256).

Диунов М. Как на самом деле выглядел князь Святослав? // Курсом правды и единения. *3 июля 2015* (http://кпе.com.ua/9-glavnyj-razdel/2061-kak-na-samom-dele-vyglyadel-knyaz-svyatoslav-2.html).

Емельянов-Хальген А. Добить Хазарию // Живой журнал. *7 октября 2014* (http://andy-sinclair.livejournal.com/549426.html).

За что сражается ополчение Новороссии // Москва – Третий Рим. *27 июля 2014* (http://3rm.info/49415-za-chto-srazhaetsya-opolchenie-novorossii.html).

Запануймо и мы, браття, у своий сторонци!!! // Живой журнал. *12 апреля 2014* (http://mechtatell2007.livejournal.com/4078.html).

Иванов (Сухаревский) А. К. Богдан Хмельницкий против «Хазарского каганата» // http://www.rusrepublic.ru/nnpr1/stat/iv/rada05.htm.

Игумен Кирилл (Сахаров): В Донбассе накануне новых испытаний // РОНС. *12 июня, 2016* (http://ronsslav.com/igumen-kirill-saharov-v-donbasse-nakanune-novyh-ispytaniy/).

Как из Украины делают новую Хазарию // Курсом правды и единения. *17 октября 2012* (http://кпе.com.ua/9-glavnyj-razdel/89-kak-iz-ukrainy-delayut-novuyu-khazariyu.html).

Карамышев С. Новая Хазария против Новороссии // Одигидрия. *10 июня 2014* (http://www.odigitria.by/2014/06/20/novaya-xazariya-protiv-novorossii-ierej-sergij-karamyshev/).

Катасонов В. Ю. Мировая кабала: ограбление по... М.: Алгоритм, *2013*.

Кожевников А. Игорь Стрелков: «Рубикон перейден, черная метка вручена, Запад не пойдет на уступки» // Русская планета. *9 сентября 2015* (http://rusplt.ru/donbass/igor-strelkov-rubikon-pereyden-chernaya-metka-vruchena-zapad-ne-poydet-na-ustupki-18708.html?utm_source=mail_news&utm_medium=tizer&utm_campaign=igor-strelkov-rubikon-pereyden-chernaya-metka-vruchena-zapad-ne-poydet-na-ustupki).

Колмыков А. Война в Чечне. Убийство Дудаева // *1 июня 2013* (http://vg147.livejournal.com/571397.html).

Колмыков А. Н. Готовимся к войне с Израилем. Наняли генетиков... // Живой журнал. *11 марта 2013* (http://ant-63.livejournal.com/41170.html).

Колмыков А. Н. Крымские татары – евреи разжигают! // History of Russia. *17 мая 2014* (http://russ-history.blogspot.ru/2014/05/crimean-tatars-jews-are-attacking.html).

Колмыков А. Н. Хазария – Третья мировая война! // Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина), Форум *3 апреля 2015* (http://forum.rusrand.ru/index.php).

Майор Ипатьев. Еврейское счастье Майдана Ч. 2: Путин против Хабад Любавич // *11 апреля 2014* (http://mayoripatiev.ru/1397290166).

Майор Ипатьев. Еврейское счастье Майдана // *4 апреля 2014* (http://mayoripatiev.ru/1396685895).

Майор Ипатьев. Новая Хазария Коломойского // Наше дело правое – мы победим. *6 мая 2014* (http://mayoripatiev.ru/1400319172).

Масоны под маской Церкви и духовных структур // Славянские новости.ру. *2014* **(**http://slavnovosti.ru/news_1317394788.html**).**

Матвеев В. И. Сионизм и роль сионистов в организации Евромайдана и попытке раскола Украины // Институт высокого коммунитаризма. *22 июня 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_struktury/sionizm_i_rol_sionistov_v_organizacii_evromaydana_i_popytke_raskola_ukrainy_22062014/).

Матвеев С. Дьявол примеряет кипу, и это должно вызвать тревогу, прежде всего, служителей синагоги // Русская народная линия. *8 июля 2014* (http://ruskline.ru/special_opinion/2014/07/dyavol_primeryaet_kipu_i_eto_dolzhno_vyzvat_trevogu_prezhde_vsego_sluzhitelej_sinagogi/).

Матвеев С. Детоубийца Порошенко, или Хазарский каганат на Украине // Русь Православная. 30 марта 2015 (http://rusprav.tv/detoubijca-poroshenko-ili-xazarskij-kaganat-na-ukraine-24669).

Матвеев С. Передовой отряд антихриста на Украине // Движение «Сопротивление Новому мировому порядку». *26 мая 2015* (http://dsnmp.ru/sergey-matveev-peredovoy-otryad-antihrista-na-ukraine-video/).

Мороз Е. Л. История «Мертвой воды» – от страшной сказки к большой политике. Политическое неоязычество в постсоветской России. Stuttgart: ibidem-Verlag, *2005.*

Мямлин К. Е. Новая Хазария на Днепре // Институт высокого коммунитаризма. *21 апреля 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/filosofiya_istorii/novaya_hazariya_na_dnepre_21042014/).

Мямлин К. Е. «Еврейские» вожди панъевропейства призывают к разрушению христианской Европы // Институт высокого коммунитаризма. *24 сентября 2015* (http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_struktury/evreyskie_vozhdi_panevropeystva_prizyvayut_k_razrusheniyu_hristianskoy_evropy_24092015/).

Мямлин К. Е. «Сетецентричная Хазария» и планы на «Эрец-Украйну» // Институт высокого коммунитаризма. *17 июня 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/russia/setecentrichnaya_hazariya_i_plany_na_erec-ukraynu_17062014/).

Мямлин К. Е. «Сетецентричная Хазария» и планы на «Эрец-Украйну» // Институт высокого коммунитаризма. *14 июня 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/russia/setecentrichnaya_hazariya_i_plany_na_erec-ukraynu_14062014/).

Мямлин К. Е. Бунт теней исполненного или краткая история «ветхозаветствующего» прозелитизма. Ч. VII–VIII. «Коммунистический ребе» и «перманентная революция» // Институт высокого коммунитаризма. *2 октября 2014 (*http://communitarian.ru/publikacii/filosofiya_istorii/bunt_teney_ispolnennogo_ili_kratkaya_istoriya_vethozavetstvuyuschego_prozeletizma_chast_vii-viii_kromvel_kak_predtecha_trockogo_i_moy_kommunisticheskiy_rebe_02102014/).

Мямлин К. Е. Глобальная Хазария. «Жидобандеровцы» столкнули между собой русских на «Украине» ради «стабилизации экономики» США // Институт высокого коммунитаризма, *3 мая 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/globalnaya_hazariya_zhidobanderovcy_stolknuli_mezhdu_soboy_russkih_na_ukraine_radi_stabilizacii_ekonomiki_ssha_03052014/).

Мямлин К. Е. Евреи открывают на Украине свой «второй фронт». Гоев будут убивать с двух сторон // Институт высокого коммунитаризма. *3 июня 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/sng/evrei_otkryvayut_na_ukraine_svoy_vtoroy_front_goev_budut_ubivat_s_dvuh_storon_03062014/).

Мямлин К. Е. Евреи. Наши меньшие братья. Русская ведическая цивилизация и ее «13-е колено» // Мировоззрение русской цивилизации. *16 мая 2012* (http://www.razumei.ru/lib/article/1503).

Мямлин К. Е. Еврейские олигархи как скрытые двигатели «украинского» бунта // Институт высокого коммунитаризма. *11 февраля 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/sng/evreyskie_oligarhi_kak_skrytye_dvigateli_ukrainskogo_bunta_11022014/).

Мямлин К. Е. Еврейские олигархи, как скрытые двигатели «украинского бунта». Ч. III. Разрушение Украины как шанс на спасение олигархов // Институт высокого коммунитаризма. *25 февраля 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/sng/evreyskie_oligarhi_kak_skrytye_dvigateli_ukrainskogo_bunta_chast_iii_razrushenie_ukrainy_kak_shans_na_spasenie_oligarhov_25022014/).

Мямлин К. Е. Еврейские олигархи, как скрытые двигатели «украинского бунта». Ч. IV. Хватит ли мужества у Путина предотвратить войну // Институт высокого коммунитаризма. *4 марта 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/sng/evreyskie_oligarhi_kak_skrytye_dvigateli_ukrainskogo_bunta_chiv_hvatit_li_muzhestva_u_putina_predotvratit_voynu_04032014/).

Мямлин К. Е. Общие тезисы экономической программы суверенной Народной Республики Новороссия // Институт высокого коммунитаризма, *19 июня 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/gos_stroi/obschie_tezisy_ekonomicheskoy_programmy_suverennoy_narodnoy_respubliki_novorossiya_19062014/).

Мямлин К. Е. Реальная политика Кремля или о том, как «Русскую весну» передали «Иудее». Но впереди наша победа! // Институт высокого коммунитаризма. *9 января 2015* (http://communitarian.ru/publikacii/skrytaya_storona_vlasti/realnaya_politika_kremlya_ili_o_tom_kak_russkuyu_vesnu__peredali_iudee_no_vperedi_nasha_pobeda_09012015/).

Мямлин К. Е. Третья Мировая – «когнитивная». Россия в геостратегической войне мировоззрений – от роли удерживающего к роли нападающего // Институт высокого коммунитаризма. *30 мая 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/info_telecom/tretya_mirovaya_-_kognitivnaya_rossiya_v_geostrategicheskoy_voyne_mirovozzreniy_-_ot_roli_uderzhivayuschego_k_roli_napadayuschego_30052014/).

Мямлин К. Е. Хазарские палачи go to Washington // Институт высокого коммунитаризма. *16 ноября 2014* (http://communitarian.ru/novosti/oruzhie/hazarskie_palachi_goes_to_washington_16112014/).

На Украине Нью Хазария... Улицу в Николаеве переименовали в честь хабадского ребе Шнеерсона // Москва – Третий Рим. 26 февраля 2016 (http://3rm.info/main/61682-na-ukraine-nyu-hazariya-ulicu-v-nikolaeve-pereimenovali-v-chest-habadskogo-rebe-shneersona.html).

Никитин А. И., Войцинский С. В. Праздники в РФ и Русские Праздники // Институт высокого коммунитаризма. *2 августа 2015* (http://communitarian.ru/novosti/v-rossii/prazdniki_v_rf_i_russkie_prazdniki_02082015/).

Никитин В. С. Солнце Земли Русской // Коммунистическая партия Российской Федерации, 28 мая *2009* (http://kprf.ru/rus_soc/67178.html).

Новиков С. В. Евреи в России. Ч. 2. Хасидская Хазария Путина? // Журнал «Самиздат». *20 июня 2013* (http://samlib.ru/s/sergej_w_n/prezident-1.shtml).

Новопашин В. Про планы сионских мудрецов // proza.ru, *24 апреля 2015* (http://proza.ru/2015/04/24/2291).

Новопашин В. Хазария, Европа, Украина // proza.ru, *10 апреля 2014* (http://proza.ru/2014/04/10/468).

Петров В. Ситуация на Украине – исторический шанс восстановить русско-славянскую государственность // Институт высокого коммунитаризма. *8 марта 2014* (http://communitarian.ru/publikacii/geopolitika/situaciya_na_ukraine_%96_istoricheskiy_shans_vosstanovit_russko-slavyanskuyu_gosudarstvennost_08032014/).

Письмо Эдуарду Ходосу от ополченцев Донбасса // Москва – Третий Рим. *11 августа 2014* (http://3rm.info/49897-pismo-eduardu-hodosu-ot-opolchencev-donbassa.html).

Попов Г. В. Тайные культы и мировые конфессии. Лекции, прочитанные в Восточном университете при Институте востоковедения РАН в 1997–2000 гг. М.: ИВ РАН, *2000*.

Попов Г. В. Тайные культы и учения: пророки, жрецы, адепты. М.: Крафт+, *2002*.

Почему Россия сдает Новороссию // Институт высокого коммунитаризма. *4 октября 2014* (http://communitarian.ru/novosti/v-rossii/pochemu_rossiya_sdaet_novorossiyu_04102014/).

Путин против Второй Хазарии. Александр Проханов о «метафизике Путина» // Русская народная линия. *5 сентября 2012* (http://ruskline.ru/news_rl/2012/09/05/video_putin_protiv_vtoroj_hazarii/).

Райченко В. Хунта будет! – договорной марш «Правого сектора» в Киеве // Новостной фронт. *4 июля 2015* (http://news-front.info/2015/07/04/xunta-budet-dogovornoj-marsh-pravogo-sektora-v-kieve/).

Рудницкий Б. Герб Украины – хазарская тамга. Украинцы наследники иудейского каганата // Антисионизм. Вся правда про разоблачение мировой паразитической системы. *2015* (http://antisionizm.info/Gerb-Ukraini--hazarskaya-tamga.-Ukraintsi-nasledniki-iudeyskogo-kaganata-1075.html).

Русь против Хазарии // Славянские новости.ру. *2014* **(**http://slavnovosti.ru/news_1309666250.html).

[*Симонович-Никшич Л.*] «Каган и Беки в современной Хазарии» // Дракула. *7 июня 2015* (http://drakula.org/sv_horugv/18/07062015.shtml).

Симонович-Никшич Л. Священная война: Вселенская Русь и Новая Хазария // Русские новости. *9 июля 2015* (http://ru-news.ru/svyashhennaya-vojna-vselenskaya-rus-i-novaya-hazariya/).

Ставленник Кремля Кофман Мозговому: «ты не оставил нам выбора» // Москва – Третий Рим. *25 мая 2014* (http://3rm.info/publications/57146-stavlennik-kremlya-evrey-kofman-ugrozhal-ubit-mozgovogo.html).

Стариков Н. Украина и хазары // НСтариков, блог. *19 января 2015* (http://nstarikov.ru/blog/48294?print=print).

Сулькин О. Ирина Цезарь: я не вправе прятаться за камеру // Голос Америки. *26 сентября 2011* (http://www.golos-ameriki.ru/content/irina-ceasar-2011-09-26-130570188/245727.html).

Сухоруков В. Украина это Третья Хазария, предусмотрительно выстроенная ... по всем правилам «сионской мудрости» // Одесский политикум, *28 апреля 2015* (http://politikym.net/evreistvo/ykraina_eto_tretya_hazaria.htm#http://www.fondsk.ru/pview/2012/06/18/zachem-evrope-sobstvennyj-knesset-i.html).

Тайчо А. Израиль переезжает на Украину? Новая Хазария // Среда, *26 ноября 2014* (http://myoppositopinion.blogspot.ru/2014/11/blog-post_567.html).

Так кем же для Руси является Путин: спасителем или врагом? // Москва – Третий Рим. *25 сентября 2012* (http://3rm.info/publications/28736-tak-kto-zhe-dlya-rusi-putin-spasitel-ili-vrag.html).

Украина-Хазарский каганат. Новые улицы в честь сатанинских хабадцев // Москва – Третий Рим. *20 мая 2016* (http://3rm.info/main/62850-ukraina-hazarskiy-kaganat.html).

Украина-Хазария. Государство-трансформер // Сила в правде. *13 июня 2015* (http://x-true.info/20602-ukraina-hazariya-gosudarstvo-transformer.html).

Фионова Л., Бугров А., Белозерова Н. Возвращение к истокам // Крамола. *18 сентября 2015* (http://www.kramola.info/vesti/protivostoyanie/vozvrashchenie-k-istokam).

«Хазарай». Население бывшей Украины не должно превышать 5 млн., которые будут говорить на иврите // Институт высокого коммунитаризма. *4 октября 2014* (http://communitarian.ru/novosti/sng-i-sssr/hazaray_naselenie_byvsh_ukrainy_ne_dolzhno_prevyshat_5_mln_kotorye_budut_govorit_na_ivrite_0410201/).

Хазария на месте Украины. Владимир Путин определился кого «уконтропупить» // london ru, *24 мая 2014* (http://www.londonru.com/хазария/).

Хамраев В. Хотят ли русские Майдан. Социологи зафиксировали негативное отношение россиян к Украине // Коммерсант-online. *26 февраля 2016* (https://news.mail.ru/politics/24959855/).

Ходос Э. Д. Еврейский синдром – 3: забавные Протоколы сионских мудрецов. Киев: б. и., *2002*.

Ходос Э. Д. У края могилы, или Дикие хазарские пляски. Харьков: б. и., *2006*.

Христос остановился в Новороссии. Александр Проханов // Одигидрия/ *22 октября 2014* (http://www.odigitria.by/2014/10/22/xristos-ostanovilsya-v-novorossii-aleksandr-proxanov/).

Цезарь И. Масоны и тамплиеры строят храм негроидному царю Соломону // *15 января 2014* (https://irenecaesar.wordpress.com/2014/01/15/freemasons-and-templars-build-the-temple-to-the-negroid-king-solomon/).

Цезарь И. Военный переворот Хабада на Украине: Хазары ведут двойную игру и стреляют в обе стороны // *25 марта 2014* (http://www.thematrixcity.com).

Цезарь И. Все, что вы должны знать о рептилоидах и блондинах в черном ботинке // Кара-даг рупор. *9 января 2016* (http://kara-dag.info/irina-cezar-vsyo-chto-vy-dolzhny-znat-o-reptiloidax/).

Цезарь И. Салль – позор России // *12 апреля 2015* (https://irenecaesar.wordpress.com/2015/04/12/салль-это-позор-современной-россии/).

Чарный С. «Еврейский вопрос» и «украинский кризис» 2014–2015 гг.: проявления антисемитизма и полит-технологические обвинения в антисемитизме // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. *2015*. № 2. С. 22–40.

Четверикова О. Н. Что сближает сионизм с украинским неонацизмом // km.ru, 16 апреля *2012* (http://www.km.ru/spetsproekty/2012/04/19/ukraina/chto-sblizhaet-sionizm-s-ukrainskim-neonatsizmom).

Четверикова О. Н. «Украине говорят – убей в себе русского». М.: Перо, *2014*.

Четверикова О. Н. Теневая история Европы: планы, механизмы, результаты // De Aenigmate. О тайне. Сборник научных трудов / Под ред. А. И. Фурсова. М.: Товарищество научных изданий КМК, *2015*. С. 383–395.

Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры; Гешарим, *2012*.

Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире. Т. 2. М.: НЛО, *2015(1)*.

Шнирельман В. А. Иностранные агенты: западные источники современной русской конспирологии // Историческая экспертиза. *2015(2)*. № 4. С. 110–136.

Это Конец! // Антифашист (информационное агентство)/ *12 января 2015* (http://antifashist.com/item/eto-konec.html).

Янкелевич В. Информационная бойня: батальон «Алия» и другая ложь с медиа-фронтов // polosa.co.il, *23 июня 2014* (http://www.polosa.co.il/blog/67182/).

Ofeliyadd. Крым–Сурков–хазары. *31 марта 2014* (http://ofeliyadd.livejournal.com/87709.html?page=3).

VanderKam J. C. Messianism and Apocalypticism // McGinn B., Collins J., Stein S. (eds.). The Continuum History of Apocalypticism. New York: The Continuum International Publ. Group, *2003*. P. 112–136.

Wald J. Leaked report: Israel acknowledges Jews in fact Khazars; Secret plan for reverse migration to Ukraine // Times of Israel. *18 March 2014* (http://blogs.timesofisrael.com/leaked-report-israel-acknowledges-jews-in-fact-khazars-secret-plan-for-reverse-migration-to-ukraine/).

http://3rm.info/main/53067-kiev-evreyskiy-vidimaya-hazariya-novosti-hazarskogo-kaganata-ot-e-hodosa-video.html.

http://3rm.info/mainnews/48090-sobytiya-na-ukraine-realizaciya-interesov-habada-a-ne-ameriki-ili-evropy-eduard-hodos-video.html).

http://3rm.info/publications/19290-pravdivaya-kartina-mira.html.

http://3rm.info/publications/36757-pobeda-nad-hazarskim-kaganatom.html.

http://3rm.info/publications/48796-novaya-hazariya-ekspert-kolomoyskiy-gotovit-v-ukraine-mesto-pod-zemlyu-obetovannuyu.html.

http://3rm.info/publications/56194-nyu-hazariya-ukrainu-zahvatili-ne-te-evrei-video.html).

http://3rm.info/religion/47438-hodos-habad-obyavil-voynu-hristianam-ukraina-novaya-hazariya-video.html).
http://antisionizm.info/index.html.
http://evreiskiy.kiev.ua/posol-izrailja-v-ukraine-batalon-alija-13365.html.
http://pravdanews.info/novoe-oruzhie-ukronatsistov-protiv-dnr-i-lnr-ataka-opyat-bezuspeshna.html.
http://ruspravda.info/Hronologiya-grazhdanskoy-voyni-na-Ukraine-za-22-oktyabrya-2014-7951.html.
http://vk.com/kpe_ua
http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1320916-echo.
http://www.odigitria.by/2014/06/10/novaya-xazariya-kolomojskogo/.
http://www.ramha.tv/p/sergeydanilov.html.
http://кпе.com.ua/9-glavnyj-razdel/1273-khunta-planirovala-zaselit-ukrainu-evreyami-iz-ssha.html; http://rpr.ur.ru/akcent/2014/7/15/2463/.
http://кпе.com.ua/9-glavnyj-razdel/177-masonstvo-na-ukraine.html.
http://кпе.com.ua/9-glavnyj-razdel/75-kto-i-kak-grabit-ukrainu.html.

В. А. Шнирельман

«Майдан» как «хазарский заговор»

Резюме

В течение последних 10–15 лет у русских радикалов получил популярность образ вредоносной «Новой Хазарии», которая якобы утвердилась в современном мире. Вначале они ассоциировали ее с современной Россией, но события 2014 г. все изменили. Тогда-то националистический «хазарский дискурс» обогатился представлениями о том, что «Новая Хазария» выстраивается на Украине. В статье анализируются особенности этого дискурса и его участники.

Ключевые слова: Хазария, национализм, евреи, миф, конспирология.

Victor Shnirelman

“Maidan” as a “Khazar plot”

Summary

Over the last ten to fifteen years the Russian radicals were scared with a popular image of some harmful “New Khazaria” as though it has established

itself in the contemporary world. Initially they identified it with post-Soviet Russia, yet everything has drastically changed in 2014 as a result of the Ukrainian revolution. It is at that time that the chauvinist "Khazar discourse" was enriched with an idea that "New Khazaria" was emerging in Ukraine rather than in Russia. A character of this discourse and its producers are scrutinized.

K e y w o r d s : Khazaria, nationalism, Jews, myth, conspiracy.

Peter B. Golden

THE KHAZARS AS 'SONS OF ABRAHAM'

> "…thy name shall be Abraham; for a father of many nations have I made thee"
>
> (Gen. 17:5)

Not long ago, T. M. Kalinina published a study of one of the traditions circulating in the medieval Arab world regarding the genealogy of the Khazars [*Калинина*, *2015*, c. 104–112], one of her many meticulous explorations of the Arabo-Persian sources on the Turkic world and the Khazars in particular. Arab notions about this topic were shaped by a number of Judeo-Christian Biblical and pre-Islamic Iranian genealogical traditions [*Калинина*, *2005*, c. 251–252; *Калинина*, *2016*, c. 163]. These genealogies, often serving as "prefaces" to ethnographic discussions in the medieval Arabo-Perso-Islamic literature of contemporary peoples in the Middle Ages were necessary in order to situate peoples or "nations" in what the authors and their readers viewed as a divinely ordered cosmos [*Калинина*, *2016,* c. 164]. A central figure in any number of genealogical accounts was the patriarch Abraham. Although the historicity of Abraham has been challenged[1], the Jewish and Muslim view of Abraham as the founding father of the kindred Jewish and Arab peoples, as well as of the religious systems derived from him has become an essential part of Judeo-Christian-Islamic belief systems. The present article, taking up some of the genealogical themes with which

[1] Cf. [*McNutt*, *1999*, p. 41–42], who terms the accounts of the Patriarchal period "later literary constructs," [*Finkelstein, Silberman*, *2001*, p. 27–38] and the overview of Dever, 2003 – and many others.

T. M. Kalinina has dealt, should be viewed as an extended footnote to her earlier admirable study.

One of the most striking aspects of Khazar history is the conversion of the Khazar elite and an as yet undetermined number of "Khazars" i.e. their core tribes, to Judaism[2]. Judaizing influences may have extended to subject or allied peoples of the Khazars, such as the Oğuz. The sons of Seljük the eponymous founder of the Seljukid dynasty bore the Old Testament names Mikâ'îl (Michael), Yûnus (Jonah), Mûsa (Moses) and Isrâ'îl (Israel), pointing perhaps – if the tales of Seljük's early service with the Khazar Qağan are historical – to Judaic (or Nestorian Christian) influences [*Cahen*, *1949*, p. 41–42; *Dunlop*, *1954*, p. 260–261][3]. There are a number of accounts (Arabic and Hebrew) regarding the emergence or the conversion (or reversion) of the Khazars to Judaism. However, one of the earliest notices, if not the earliest notice in terms of when it was recorded, is found in the *Expositio in Matthaeum Evangelium* by Christian of Stavelot, very probably written before the conversion of the Balkan Bulğar ruler, Boris (r. 852–889) to Christianity (864). He notes that the Bulğars were in his time "becoming baptized" but the "Gazari" (Khazars) had "already been circumcised" and "profess the whole of Judaism" [*una gens quae…omnem Judaismum observant* – *Marquart*, *1961*, s. 23; *Dunlop*, *1954*, p. 121, n. 10; *Chekin*, *1997*, p. 17–18; *Golden*, *2007*, p. 139]. Al-Mas'ûdî (d. 956, but writing on this matter

[2] Conversions to Judaism while not the norm were not unknown in Antiquity and in the Middle Ages. The conversion of the Khazars was the most notable of these occurrences. Judaism has wavered on the issue of proselytization, often reflecting the political circumstances in which Diaspora Jewish communities found themselves [*Golden*, *1983*, p. 132–134]. The question of the conversion has often become politicized [cf. *Shnirelman*, *2002*] and most recently it has figured in the polemics of the Arab-Israeli conflict, a topic too extensive to take up here. Recently, several Israeli scholars have sought to deny the conversion entirely, dismissing it as a literary fabrication [cf. *Gil*, *2011*, p. 429–441; *Stampfer, 2013,* p. 1–72] or, contrarily, to use it to de-Hebraicize/de-Judaize Ashkenazic Jewry (Sand, 2009). Neither of these viewpoints has found wide scholarly acceptance [cf. *Zuckerman*, *2011*, p. 14–18 for a devastating critique of Gil's claims and consequently those of Stampfer who largely follows the latter). On the historiography of the "Khazar Problem," [see: *Ващенко*, *2006*]. Poljak's suggestion that the conversion to Judaism was preceded by a period of Manichaean influence in Khazaria, which became, in his view, a source for the spread to (Western) Europe of that religion [*Поляк*, *2001*, c. 99–100] is without foundation.

[3] [*Hunter*, *1989*, p. 157–162], suggests a series of Oğuz conversions to Christianity, starting in the mid-seventh century. Theories of the Judaization or Christianization of Oğuz groupings at this time remain speculative.

in the early 940s in his *Murûj adh-Dhahab wa Ma'âdin al-Jawhar* ["Meadows of Gold and Mines of Jewels"]) reported that the "king, his retinue (*ḥâšiyyatuhu*) and the Khazars of his kind (*al-ḫazar min jinsihi*[4]) converted to Judaism (*tahawwada*) during the Caliphate of (Hârûn) al-Rašîd" [r. 786–809, *al-Mas'ûdî*, *1966–1979*, vol. I, p. 212]. This was one of what were probably several stages in an ongoing process that may have already been initiated in the mid-eighth century and possibly slightly earlier [*Golden*, *2007*, p. 151–156]. Thus, the Judaization of at least the Khazar elite/core groupings was already established in Arabo-Persian historico-geographical literature by the first half of the ninth-century and was also known to Western, Latin-writing authors of that time.

Interestingly, a contemporary of Christian of Stavelot, Ibn Ḫurdâdhbih [or Ḫurradâdbih, ca. 820 or 826?–912/913?; *Крачковский*, *1957*, т. IV, с. 148; *van Donzel, Schmidt*, *2010*, s. 142] in his *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* ["Book of the Routes and Kingdoms"], a foundational treatise of the Arabo-Persian historico-geographical literature, which was written in two redactions, one in 846/847 and then a revised version in 885/886 [*Göckenjan, Zimonyi*, *2001*, p. 29–31; *Zade*, *2011*, p. 16–19; *Silverstein*, *2007*, p. 64], makes no mention of Khazar Judaism or any other religious practices (Ibn Ḫurdâdhbih 355)[5]. Ibn Ḫurdâdhbih had direct access to the report of Sallâm the Interpreter. The Caliph al-Wâthiq

[4] The reference here to "Khazars of his kind" (*jins* "kind, type, variety, genus") is to fellow-tribesmen or members of the same subgrouping of Khazars, i.e. the Khazar core; whereas *al-ḫazar* is a reference to all those who were politically "Khazars," i.e. under the rule of the Khazars.

[5] Pritsak [*Pritsak*, *1978*, p. 279] argued that a part of Ibn Ḫurdâdhbih's text, otherwise missing, was preserved in Yâqût (d. 1229) and indicated that "only the Khazar king (*al-malik*) professed Judaism." However, Yâqût [*Yâqût*, *1957*, vol. II, p. 368] writes: "their king is a Jew. He is said to have a retinue (*ḥâšiyya*) of 4000 men. The Khazars comprise Muslims, Christians and among them are pagans (too). The smallest faction of them there [in Ätil] are the Jews, although their king is from them; the largest (grouping) of them are the Muslims and Christians, except that the king and his elite (*ḫâṣṣatuhu*) are Jews. The moral practices of the pagans prevail among them." Although there is no doubt that Yâqût made use of Ibn Ḫurdâdhbih's works, as did so many others, he was not always certain of its veracity in some sections [*Zade*, *2011*, p. 18]. Yâqût's geographical dictionary made extensive use of Tamîm b. Baḥr al-Muṭṭawi'î, Abu Dulaf Mis'ar b. al-Muhalhil and Ibn Faḍlân [*Dunlop*, *1971*, p. 168–169]. Very much the same is said regarding the extent of Khazar Judaization by al-Iṣṭaḫrî writing ca. 930s-950s and Ibn Ḥawqal, his slightly younger contemporary [*al-Iṣṭaḫrî, 1870*, p. 220; *Ibn Ḥawqal*, *1992*, p. 330] in virtually identical language. Both of them made use of al-Balḫî, Ibn Ḫurdâdhbih, al-Jâyhânî and others [*Крачковский*, *1957*, т. IV, с. 194–210].

(r. 841–847) sent Sallâm, who may have been of Khazar origin and was said to know thirty languages, to seek the "barrier" or the "wall" that, according to legend, Alexander the Great had built in the north to separate Gog and Magog from the civilized world [*Ibn Ḫurdâdhbih*, *1889*, p. 162–170][6]. Sallâm passed through Khazaria, whose "king," Ṭarḫân, hosted him and sent him off with five guides [*Donzel, Schmidt*, *2010*, p. 124/125 (Arabic text and English translation)]. Ibn Ḫurdâdhbih was aware of the Jewish trading organization, the *Râdhâniyya*, whose representatives stopped at the Khazar city of Ḫamlîḫ [خَمْليخ < Ḫanmalıḫ <*Qanbalıq? – also written خَمليج [Ḫamlîj], *Golden*, 1980, vol. I, p. 230–234] in their travels across Eurasia – they were subsequently supplanted by the Rus' [*Ibn Ḫurdâdhbih, 1889*, p. 124, 153–155] – but makes no mention of the complex religious situation in the Khazar city with its mix of Muslim, Christian, Jewish and pagan inhabitants that later Muslim accounts, which were heavily indebted to Ibn Ḫurdâdhbih[7], depict [*Golden*, *1983*, p. 140–142]. The published version of Ibn Ḫurdâdhbih's *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* is based on three incomplete and occasionally problematic manuscripts [*Крачковский*, *1957*, т. IV, с. 148, 150; *Lewicki*, *1956–1988*, v. I, s. 50–63; *Göckenjan and Zimonyi*, *2001*, s. 29–31; *van Donzel* and *Schmidt*, *2010*, s. 143–145]. References to the religious affiliations of the inhabitants of the city, if the *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* contained any, may have been lost.

An interesting indirect allusion to the conversion is found in brief discussions, often of a digressive nature, of genealogical questions regarding the "Turks," i.e. Turkic peoples (and Khazars in particular[8]) undertaken by the leading Arabic-writing historians and geographers of the ninth to early tenth century. Chronologically, they date to the period in which the Khazar conversion had reached certain milestones. In particular, I have in mind three rather different works: the *Kitâb Ṭabaqât al-Kabîr* ["The Great Book of the Classes/Social Categories," a biographical dictionary] of Ibn Sa'd [d. 844, see: *Калинина*, *2015*, с. 105–106,

[6] Van Donzel, Schmidt [*van Donzel, Schmidt*, *2010*, s. 121–144], also give the full text and suggest that Ibn Ḫurdâdhbih's "interview" with Sallâm, which is recorded in his work, must have taken place not long after the latter's return in 844/845. See also [*Крачковский*, *1957*, т. IV, с. 137–141].

[7] These include: al-Ya'qûbî, Ibn al-Faqîh, Ibn Rusta, Ibn Ḥawqal, al-Muqaddasî, the Jâyhânî school and al-Mas'ûdî [*Крачковский*, *1957*, т. IV, с. 150], among others.

[8] The Khazars are usually ranked among the Turkic peoples by the medieval Arab authors [*Калинина*, *2005*, с. 251–258].

109[9]], Ibn al-Faqîh, who wrote his *Kitâb al-Buldân* ["Book of the Countries"] ca. 903 [*Крачковский*, 1957, с. 156, 158–159; *Lewicki*, 1955–1988, v. II/1, s. 9–11; *Khalidov*, 2011; *Калинина, 2015*, с. 107[10]], a classic work of Muslim descriptive geography and his contemporary, the great historian, al-Ṭabarî (d. 923), whose *Ta'rîḫ al-rusul wa'l-mulûk* ["The History of the Prophets and Kings"] covers the period up to 915 [*Dunlop*, *1971*, p. 88–90][11].

The details of all three accounts regarding this genealogical question are quite similar, but are inserted into their narratives in different ways. Ibn Sa'd places his version in his "Account of the Prophet Ismâ'îl" and the other sons of Abraham (Ibn Sa'd, I: 1.7.10): Ismâ'îl/Ishmael was born of Hajara/Hagar, a "Coptic woman" and his younger half-brother, Iṣḥâq/Isaac, of Sarah. Qanṭûrâ bint Mafṭûr, a woman of pure-blooded Arab origin (*al-'arab al-'âriba*[12]), who is introduced without comment,[13]

[9] The *Kitâb Ṭabaqât al-Kabîr* was based on the works of the early historians al-Wâqidî (d. 823, Ibn Sa'd served as his secretary) and Hišâm ibn al-Kalbî (d. 819/820, a specialist on pre-Islamic Arab religion, matters of genealogy and geography [*Крачковский*, *1957*, v. IV, с. 120–122]), and various compilations regarding some 4800 individuals who were transmitters of Islamic traditions (*ḥadîth*). It was not, strictly speaking a work of history or ethno-geography, but contained historical as well as biographical elements. Al-Ṭabarî used one of the versions of Ibn Sa'd's work in his *History*, [see: *Duri*, *1983*, p. 37–40, 52; *Fück*, *1986*, p. 922–923; *Donner*, *1998*, p. 136, 245–246].

[10] The dates of Ibn al-Faqîh's birth and death remain unknown.

[11] T. Khalidi [Khalidi, 1994, p. 78–79], noting that al-Ṭabarî was aware of the Biblical, Persian and Arabic traditions sought to bring "these histories into harmony by synchronization of chronologies." The Biblical traditions were "amended," when necessary, by "Islamic historical tradition." In this relatively early stage of the development of Arabic historico-geographical literature, many of the authors were of Persian descent (e.g. Ibn Ḫurdâdhbih, Ibn al-Faqîh and al-Ṭabarî) and not unacquainted with Persian historical traditions.

[12] The '*arab al-'âriba* were speakers of "the Muḍarî tongue," and were given the name "pure-blooded Arabs" because "they were were born to this tongue" and not "Arabized" as were the descendants of Ismâ'îl/Ishmael [*Al-Ṭabarî*, *1967–1977*, vol. I, p. 204; *Калинина, 2015*, с. 105]. If one accepts the historicity of Abraham, his birthplace is reported as "Ur of the Chaldees" (perhaps in Mesopotamia or Assyria) and his – and hence Ismâ'îl / Ishmael's language – would have been either Eastern or some form of Northwestern Semitic, but not Arabic. From "Ur of the Chaldees" Abraham migrated to Canaan.

[13] In the next section (Ibn Sa'd I, 1.7.11) Qanṭûra is introduced as a Canaanite woman, who bore him four children ("Madha, Zimran, Sarhaj and Sabaq") and mention is made of "Hajuna," who was the mother of seven of his sons ("Nafis, Madyan, Kayshan, Sharukh, Umayyim, Lut and Yaqshan") giving Abraham a total of thirteen sons. Al-Ṭabarî [*Al-Ṭabarî*, 1967–1977, v. I, p. 311], has a variant of this tradition, noting "Ḥajûr" (for "Hajûna") and the five sons she bore Abraham (Kaysân, Šawarûḫ [Šarûḫ],

bore Abraham the sons Madan (Medan), Madyan (Midian), Yaqšan [Yoqšan] (Jokshan), Zimran, Ishbak [Yišbaq] (Ašbaq/Yašaq) and Šuḫ (Shuah). This follows the Biblical account[14]. According to the tradition that Ibn Sa'd relates, those of the sons of Qanṭûrâ, whom Abraham sent off, as he was ordered to do by God, requested assistance from their father. Abraham gave them special words (names of God) that would produce rain in times of need. Then, without any preamble in the account, the Khazars are introduced. They came to the descendants of these sons living in Khurâsân and declared that the man "who taught you this name… must be the best of mankind or king… so they called their kings Khaqan" (Ibn Sa'd, I. 1.7.10)[15]. Ibn Sa'd offers this tale as an

Amîn, Lûṭân, Nâfis). Ibn al-Athîr (d. 1223) repeats a slightly truncated version, recording "Qaṭûrâ, daughter of Yaqṭân," a Canaanite woman who bore Abraham six children. Abraham then married "Ḥajûn, daughter of Abîr, but no mention of children is made [*Ibn al-Athîr*, 1965–1967, v. I, p. 123]. The variants of these names can all be explained on the basis of common scribal errors in their transmission in Arabic script.

[14] Qanṭûrâ is the Biblical Keturah (Heb. Qəṭûrah), whom Abraham married after the death of Sarah. Genesis [25:1–2] and Chronicles [1: 32–33] records her as giving birth to Zimran, Jokshan, Medan, Midian, Ishbak and Shuah (in Modern Arabic translations of the Bible the names are given as Zimrân, Yaqšân, Madan, Midyân, Yišbâq and Šurḥâ) and lists their descendants. Other names (either children or descendants) are noted elsewhere. In some passages, Keturah's offspring are named "Ishmaelites" pointing to their Arab connections (see: [*Haran*, *1970*, p. 236, 287–288, n. 34]) or the descent of some Arab tribes and Aramaeans from her [Ahlström, 1994, p. 393, n. 6]. The mid-seventh-century Syriac Nestorian Christian "Khuzistan Chronicle" [*Brock*, *2012*] relates the tradition that the city of Madîna (Yathrib) derived its name from Midyan [*Hoyland*, *2001*, p. 32]. Reflections of the notion that the Turks (including Khazars) stemmed from Keturah (Syr. Qenṭûra) are found in a variety of Syraic accounts (see: [Dickens, 2008, c. 198–200]). Mafṭûr (مَفْطور) and its alternate form, Maqṭûr (مَقْطور), are easily confused in Arabic script.

[15] This tradition is traced back to Hišâm ibn al-Kalbî (who also relates a tradition, which names "Khazar" as one of the sons of Isaac [*Живков*, *2011*, c. 56] and is conveyed in the account of Tamîm b. Baḥr al-Muṭṭawwi''s journey to the Toquz Oğuz/Uyğurs ca. 821, if not earlier [*Minorsky*, *1948*, p. 282 (Arabic text), 285 (Eng. trans.), *Dunlop*, *1954*, p. 13–14; *Крачковский*, *1957*, т. IV, с. 137; *Silverstein*, *2007*, p. 97–98; *Живков*, *2011*, c. 42]; see also al-Jâḥiẓ (776–868), writing in the mid-ninth century, who proclaims, at length, the kinship of the Khurâsânians and the Turks and also associates the origins of the "Khurâsân Turks" with the descendants of Qanṭûra bint Maqṭûr (or Maqṭûn, see: *Şeşen*, *1967*, s. 42–44, 59, 83, *Асадов*, *1993*, с. 58–59, 72, 95; *Калинина*, *2015*, с. 106–107; *Калинина*, *2016*, с. 163] cf. also Ibn Ḥabîb's *Kitâb al-Muḥabbar* [*Şeşen*, *1967*, s. 83, n. 214, *Leichtenstädter*, *1939*, p. 2 placed his death in 345/859–860] and extending to Bar Hebraeus (d.*1286*). The latter in his abridged, Arabic version of his *Chronography*, notes Qanṭûrâ as the "daughter of the king of the Turks" [*Bar Hebraeus*, *1958*, p. 14; *Калинина*, *2015*, p. 109]. Interestingly, this connection is not mentioned in the *Chronography*, written in Syriac for a Christian audience.

explanation of the origin of the title of the Khazar rulers, undoubtedly well known to his readers, without further edification.

Ibn al-Faqîh provides a somewhat fuller account, which he situates in a discussion of the Turkic peoples. In it, he indulges in a lengthy digression in the midst of his account of the Turkic peoples, regarding the magical rain stone (Turk. *yada tašı*) that the Turkic peoples were said to possess [*İnan*, *1954*, s. 160–165; *Roux*, *1984*, p. 51, 95–98]. He begins by noting that among the "wonders (*'ajâ'ib*) of the country of the Turks are little stones (*ḥaṣan*), which can invoke, when asked, rain, snow, cold etc." Knowledge of these magical stones was well known among the "Turks" and it was the "private property" (*ḫâṣṣa*) of the king of the Toquz Oğuz [*Ibn al-Faqîh*, *1996,* p. 639]. His account contains a brief genealogical preface (with an appropriate list of authorities), concerning the Biblical Abraham (to whom special wisdom and powers were ascribed) and his progeny. In Ibn al-Faqîh's version, after Sarah's death, Abraham married Qanṭûrâ bint Maqṭûr who bore him five sons: Midyan, Madâyin, who is Madîn (مدِين or Madyan, مديَن), Nîsân, Aštaq (or Ištaq اشْتق for اشْبق ['šbq, i.e. Išbaq]) and Saraj (the ms. may be read as سرجْ [Saraj], سوجْ [Sûj] or سوحْ [Sûḥ] etc. cf. شُوح Šûḫ/Shuah above, [*Кумеков, Кумекова*, *2010*, с. 219, facsimile of Mašhad ms. f. 171a][16]. Abraham ordered that his sons Ismâ'îl [Ishmael], Isḥâq [Isaac], Midyan and Nîsân remain closely attached to him, while Madîn, Ashtaq and Saraj went forth from the family hearth. The sons who left the family homeland complained that they were being sent out to the wild, while the other brothers remained with him, but Abraham told them that he was ordered to do so. Nonetheless, he gave them a name, one of Allâh's names, so that they could ask God for help against their enemies and could invoke rain "when you suffer from drought." He informed these sons (of the name) and they set out and journeyed until they settled in Khurâsân. Here, with the help of that "name" they overcame all who were hostile to them. "News about them came to the attention of the Khazars, who are of the offspring of Japheth, son of Noah (Nûḥ). [The Khazars] came to them and entered into an alliance with them (*ḥâlafahum*), entered into marriages with them (*tazawwajû ilayhim*). Some of the Khazars stayed with them (the sons of Abraham) and the rest of them departed for their

[16] On the Mašhad ms. (see discussion in: [*Асадов, 1993*, с. 28–33; *Калинина*, *2015*, с. 107]. For alternate readings of some of these names see: [*Асадов*, *1993*, с. 49, 138–139, n. 86, 87–95].

(own) country." [*Ibn al-Faqîh*, 1996, p. 639–640][17]. Ibn al-Faqîh then returns to his discussion of the rain stone, relaying a lengthy account about it that stemmed from Bâlqîq, the son of the Yabğu (the supreme overlord of the Oğuz union), whose forefather had secured the stone [*Ibn al-Faqîh*, *1996*, p. 640–643[18]]. Interestingly, the focus of the rain stone excursus has shifted from the Toquz Oğuz, the Uyğur-led tribal confederation with their center in Mongolia, overrun by the Qırğız in 840 (a relatively recent event for Ibn al-Faqîh), to the Oğuz of the Syr Darya-Aral Sea zone.

Ibn al-Faqîh's genealogical foray is, in essence, a brief explanatory addendum to his rain stone tale, but it gives his readers an acceptable religious explanation deriving from popular beliefs pertaining to Abrahamic legends about the power of magical words (and objects). In the genealogical addendum, we are given more information: the Khazars learned of these sons of Abraham, formed an alliance with them, which they consolidated through marital unions. Some Khazars remained as part of this Abrahamic community, while others returned to their homeland (presumably with wives from their new allies). A tie of kinship by virtue of marriage with the line of Abraham is thus implied. No mention is made, however, of the origins of the Khazar Qağanal title.

Al-Ṭabarî presents a very similar account. Early on in his massive *History*[19] he comments that the Turks, Khazars, Persians and other "kings of the non-Arabs" (*mulûk al-aʿâjim*) are descendants of Japheth, son of Noah [*al-Ṭabarî, 1967–1977*, vol. I, p. 205]. He expands the Japheth connection further deriving the "the Turks and Khazars" from Tîraš, one of the sons of Japheth, son of Noah [*al-Ṭabarî*, *1967–1977*,

[17] Russian translations of this passage can also be found in [Асадов, 1993, с. 49 (based directly on the Mašhad ms.); *Калинина*, *2015*, с. 107–108 (including a translation of this passage)]. Ibn al-Faqîh also lists Hišâm al-Kalbî as one of his sources see also: [*Асадов*, *1993*, с. 137–138, n. 83].

[18] See: [*Агаджанов*, *1969*, с. 122–125], for discussion of the tale and of Bâlqîq (*Balqıq) b. Ḥabuyya (حَبوية recte جَبوية [Jabûyya = Jabğu/Yabğu, an Old Inner Asian title [*Clauson*, *1972*, p. 873]). See there also for variants of this name: *Balkık* ("the rot in melons, vegetables, plants") is found in Modern Turkish dialects [*Çağbayır*, *2007*, c. I, s. 454]. While such an apotropaic name is possible, it is unattested. The name *Balčıq* (lit. "mud," [*Clauson*, *1972*, p. 333]), of which this could be a corruption, is an attested name and one that is associated by some Ottoman historians with an ancestor of the House of Osman [*Rásonyi, Baski*, *2007*, vol. I, p. 116].

[19] Al-Ṭabarî begins with Biblical and pre-Islamic Iranian historical traditions (see brief discussion in: [*Новосельцев*, *1990*, с. 15]).

vol. I, p. 206]. This genealogical track was well known in Muslim sources[20]. Al-Ṭabarî, in another passage echoing Ibn Sa'd, refers to Qanṭûrâ as a Canaanite woman (*amrat min al-kan'âniyîn*) "Qaṭûrâ bint Yaqṭan," and notes her sons: Yaqsân, Zamrân Midiyân (or Madiyân/Madyân), Yasbaq (or Yasbâq), Sûḥ/Sawaḥ, Basar and their progeny. Mention of a Khazar connection is absent here [*al-Ṭabarî*, *1967–1977*, vol. I, p. 309][21]. However, in yet another recounting of Abraham's offspring, al-Ṭabarî records a genealogical tradition clearly deriving from the same source as the one found in Ibn al-Faqîh. Abraham's sons were Ismâ'il/Ishmael, the eldest and the son of a Coptic woman, Hâjar/Hagar, Isḥâq/Isaac, son of Sarah and his sons from the "pure-blooded Arab woman" Qanṭûra bint Maqṭûr: Madan, Midiyân (or Madiyân/Madyân), Yaqsân, Zamrân, Asbaq (or Isbaq) and Sûḥ. Madan and Midiyân "lived in the land of Midiyân/Midian, which was called after him (Midiyân)," while the others moved about and complained to Abraham that they, unlike Ismâ'il and Isḥâq were forced to live in "strange and wild lands". Abraham told them that he was ordered to do so, but informed them of one of the names of God which they could use when they needed water or assistance. Some of them settled in Khurâsân. Subsequently, the Khazars came to them, remarking that: "the one who instructed you in these (matters) is exceptional. He is the most admirable of people or the king of the Earth. They called their king "*ẖâqân*" [*al-Ṭabarî*, *1967–1977*, vol. I, p. 310, 311], also citing Hišâm ibn al-Kalbî; see also: [*Калинина*, *2015*, p. 105]. Again, we are not told when or why the Khazars made contact with them nor why they called their ruler Qağan, a title familiar to al-Ṭabarî's readers.

In yet another section, this time in a passage taken from Persian traditions, al-Ṭabarî places the lands of the "Turks, Khazars and China" (*al-Ṣîn* also called *Ṣîn buġâ* to which neighboring districts were adjoined) under Ṭûj (Middle Iran. Tôz), the son of Afrîdûn, the dragon-slaying

[20] Cf. examples in: [*Калинина*, *2008*, c. 251–252] (for Muslim and Christian authors writing in Arabic and authors writing in Persian). These were adopted in the Turko-Islamic tradition, e. g. [*Kâšġarî*, *1982–1985*, vol. I, p. 83]: the Turks "trace back to Turk, son of Japheth, son of Noah" [*Golden*, *2015*, p. 513, 537; *Miquel*, *2001*, vol. II/1, p. 232]. [*Dunlop*, *1954*, p. 12–13], briefly cites the "Japheth" accounts, whose Jewish origins he considered "obvious." It continued into the thirteenth century (cf.: [*Ibn al-Athîr*, 1965–1967, vol. I, p. 80; *Yâqût*, *1957*, vol. I, p. 367]) and beyond.

[21] Alternate readings of these names are given in another account cited by al-Ṭabarî: [*al-Ṭabarî*, 1967–1977, vol. I, p. 311].

mythic hero in Iranian legend [*al-Ṭabarî*, *1967–1977*, vol. I, p. 214][22]. Nothing is said about the Khazar qağanate.

While Ibn Sa'd, Ibn al-Faqîh and al-Ṭabarî, all going back to Hišâm al-Kalbî, associate this tale and its wonder-working words with Abraham, other explanations of rain magic among the Turkic peoples are found in Arabo-Persian accounts. Gardîzî (writing ca. 1050) has a report on the legend of the rain stone, which he traces back to Japheth, the ancestor of the Turks, to whom, he says, it had been granted. He adds that there were conflicts over possession of the rain-stone between the Oğuz, Qarluqs and Khazars [*Gardîzî*, *1984*, p. 546–547; *Агаджанов*, *1969*, c. 125; *Калинина*, *2015*, c. 108–109[23]]. Although Gardîzî wrote well after Ibn al-Faqîh, his data regarding the Turkic peoples and Central Eurasia came from considerably earlier historico-geographical accounts dating from the mid-eighth to mid-/late-ninth century [*Czeglédy*, *1973*, p. 257–267] and hence mirrored views that were already circulating by the time Ibn Sa'd, Ibn al-Faqîh and al-Ṭabarî were writing. The magical rainmaking powers ascribed to Japheth and Abraham are essential links in the tale.

The theme connecting rain-making magic with a sacred word or prayer is also discussed by the unknown author of the *Mujmal al-Tawârîḫ* (mid-twelfth century, [Weber, Riedel, 2012]) drawing on a variety of sources, including those in the *Jayhânî* tradition, in his chapter on the "Turks". He notes that Noah communicated to his son Japheth a special prayer that would produce water (or snow) when he needed it and Japheth/Yafith engraved it on a rock (*sang*), which he wore – clearly a reference to the *yada tašı*. Yapheth had seven sons, according to the *Mujmal*, of whom "Čîn" was the first, "Turk" the second and "Ḫazar" the third. Ḫazar settled on the banks of the river Ätil (اتيل) where he built the city of "Ḫazarân" in which he wintered. Summers were spent in the steppes with his flocks. "Rûs", who was the fifth son of Japheth, was born of the same mother as Ḫazar [*Mujmal*, 1939, p. 97–101; *Ludwig*,

[22] [*Al-Mas'ûdî*, *1966–1977*, vol. II, p. 250–251], underscores this, taking issue, however, with the notion that the Turks derived from Ṭûj. Rather, Afrîdûn gave Ṭûj rule over them. See also: [*Dunlop*, *1954*, p. 13].

[23] [*Klyashtornyj*, *2008*, p. 389–390] places the struggle for the rain stone, possession of which was a symbol of authority, to the period preceding the emergence of the Uyğur state (744–840) and shortly thereafter, in the course of the 750s when groupings subordinate to the Uyğurs revolted against them and some were forced to flee westward.

1982, s. 361–364][24]. The *Mujmal* [1939, p. 421] notes without comment that *ẖâqân* is the title of the ruler of the Khazars (as well as that of the rulers of Inner Čîn/Toquz Oğuz, Tibet and the Rûs).

It is clear that the theme of the Abrahamic and Arab descent via Qanṭûra bint Maqṭûr (or some variant of the name) of the "Turks of Khurâsân" was already established in Arab works of the ninth century and continued to be referenced in Arabic-language works into the thirteenth century. It is evident that Ibn Sa'd, Ibn al-Faqîh and al-Ṭabarî drew on the same body of sources. Ibn al-Faqîh, it should be remembered, was one of the earliest Arab historians-geographers to take note of the conversion of the Khazars to Judaism, commenting that: "all of the Khazars are Jews, but they have been Judaized recently" [*Ibn al-Faqîh*, *1996*, p. 593]. His remarks may be seen as pointing to what had, most probably, been an ongoing process of conversion dating from the latter half of the eighth century to the early ninth century evolving towards more normative rabbinical Judaism [*Golb, Pritsak*, *1982,* p. 24–25; *Golden*, *2007(1)*, p. 123–162]. An important stage had been reached during the era of Hârûn al-Rašîd, as was noted by al-Mas'ûdî (see above). The "Moses" coins, struck a generation later and only in one year, 223/837–838, along with two other Khazar coin types made in imitation of Sâmânid coins, but with special writings (or a *tamğa*) associating them specifically with Khazaria, may have signified yet a further step in the development and expansion of Judaism in Khazaria [*Kovalev*, *2008*, p. 220–251]. These latter stages of the Khazar conversion were not a distant, falling within the lifetime of Ibn Sa'd and close to that of Ibn al-Faqîh.

The Khazar Hebrew documents present a somewhat different picture of the place of the Khazars in traditional genealogies. In the letter of the Kha-

[24] In the older tradition recorded by al-Ya'qûbî (d. 897 or 905 [*Lewicki*, *1955–1988*, vol. I, p. 243]), Japheth's sons are listed as Jûmar (Gomer), Tûbal, Mâš, Mâšij (for Mâšiḫ) and Mâjûj (cf. Gen.10:2 – not all the Muslim names coincide with the Biblical names). Mâš's sons are "Turk and Khazar." Elsewhere, al-Ya'qûbî notes that the sons of Japheth were given the lands of "Ṣîn, Hind, Sind, Turk, Ḫazar, Tubbat, Bulġar, Dailam, and that which borders Khurâsân and the sons of Japheth ruled in these (lands) in the time of Jamšîd" [*Lewicki*, *1955–1988*, vol. I, p. 252–253, 271–272, n. 33–336; *al-Ya'qûbî*, 1970, vol. I, p. 15–16, 20]. In: [*Ibn al-Athîr*, *1965–1967*, vol. I, p. 80], "Ḫazar" and "Turk" are the sons of Tîraš (Tiras), the son of Yapheth. The description of the Khazar semi-nomadic economic system is strongly reminiscent of the description of that system as outlined in Joseph's letter [*Коковцов*, *1932*, c. (Hebr.) 24, 25, (Russ.) 83, 85] and typical of states of nomad origin in the Eastern European steppes [*Györffy*, *1975*].

zar ruler, Joseph[25], written in Hebrew probably ca. 960 to Ḥasdai b. Šaprûṭ (d. ca. 970), a Jewish courtier and at times de facto foreign minister of the Spanish Umayyads ʻAbd al-Raḥmân III (912–961) and his son al-Ḥakam II (961–976)[26], the Khazar ruler (undoubtedly using a scribe knowledgeable in Hebrew, [*Shapira, 1998–1999*, p. 234, n.11]), informs Ḥasdai, that he is the "king of Togarmah" (lit. "the Togarmian king" *ha-meleḫ ha-togarmî*), adding in another passage, that they descend "from the sons of Yapheth, from the sons of his son, Togarmah"[27], information which he found in the "books of our (fore)fathers" ([*Коковцов, 1932*, Hebr. c. 19, 20, Russ. c. 72, 74 (short redaction), Hebr. c. 26, 27–28, Russ. c. 89, 91–92], which adds that "Ḫazar," from whom they descended was the seventh son of Togarmah). Togarmah most probably denoted the "ancestor" of the Turkic peoples, a commonplace in medieval Jewish tradition [*Karatay, 2015*, s. 86][28]. Indeed, the list of peoples noted as the sons of Togarmah, which Joseph found in "the books of our (fore)fathers," includes the Avars[29], Bul-

[25] It is not clear from the letter whether Joseph is the Qağan, who reigned as a talismanic holder of *qut* ("heavenly good fortune") or the Qağan Beg/Šad/İlig, who actually managed the affairs of state. On this Khazar variant of the dual-kingship, see: [*Golden*, *2007(1)*, p. 161–194]. Joseph's regnal dates have been posited as ca. 920–960 [*Golb, Pritsak*, 1982, p. 137].

[26] On the diplomatic correspondence of Ḥasdai b. Šaprûṭ, see: [*Golb, Pritsak*, *1982*, p. 75–95]. Ḥasdai b. Šaprûṭ learned of the Khazars from Iberian Jews who had visited the country and whose account of a "Jewish kingdom of Khazaria" in the east was confirmed by merchants from Khurâsân who had visited Spain [*Dunlop*, *1954*, p. 134–135].

[27] Togarmah is the son of Gomer, son of Japheth. He is the brother of Ashkenaz and Riphath [Gen. 10:3, I Chron.1: 6]. Al-Yaʻqûbî, in one of his genealogical excursions, notes *al-ḫazar* among the peoples descending from Thâġarma, who went to the north. He further comments that the Khazars conquered all of Armîniyya (the dating is uncertain and the ethnonym "Khazar" may have been used anachronistically here) and that their ruler was called *ḫâqân* and had a deputy (*wa lahu ḫalîfa*) who bore the still undeciphered name *Yzîd ?lâš, perhaps a reference to the Khazar "king" who governed for the talismanic qağan by the time al-Yaʻqûbî was writing [*Golden*, *1982*, vol. I, p. 217–218; *Golden*, *2007(1)*, p. 162–163, 178; *Lewicki*, *1955–1988*, vol. I, s. 254–255, *al-Yaʻqûbî*, *1970*, vol. I, p. 178], the latter has انَاغُورم [Nâġûrmâ] for ثاغُورما [Thâġûrma], i.e Togarmah). The provenance of the notice on the Khazar qağan and his "deputy" may go back to Hišâm ibn al-Kalbî, whom we have already encountered as a source for Ibn Saʻd and others.

[28] In Armenian and Georgian traditions it could denote the Armenians and Georgians and other peoples of the Caucasus. In the Rus' tradition, Japheth's descendants were the northern and western peoples [*Новосельцев*, *1990*, с. 94–95, примеч. 77].

[29] The ethno-linguistic identity of the Avars, who derived from the Rouran/Asian Avars whom the Ashina-led Türks overthrew in 552 and from whom they assumed the Qağanate, remains problematic (see: [*Vovin*, *2011*, p. 27–36; *Golden*, *2013*, p. 43–66]. Živkov interprets Joseph's self-designation as "King of Togarmah" to be a reference to

ğars, Sabirs and Oğuz, all of whom were associated with the Turkic world or peoples dominated by the Türks, as well as other peoples whose ethnonyms are garbled in the Long and Short Redactions of the letter [*Коковцов*, *1932*, с. 72, примеч. 1, с. 74, примеч. 2, с. 75]. Joseph's claim to power over them was an ideological statement asserting Khazar overlordship in the western Eurasian steppes[30]. Unlike Ibn Sa'd and the "Cambridge Document" (see below), there is no mention of the title *qağan* or its origin among the Khazars.

The fragmentary "Cambridge Document," written by a Khazar Jew[31] to Ḥasdai b. Šaprûṭ gives an account of the Khazar conversion, one that differs from the version presented by Joseph, along with a narrative of some recent military-political events involving Khazaria and its neighbors[32]. The beginning and conclusion of the text have not been preserved. In its opening, fragmentary sentence, the text (see: [*Golb, Pritsak*, *1982*, p. 106–121]) for Hebrew text and English translation) notes "our fathers" (presumably Jews or a Judaized people) fleeing from (via?) Armenia "because of the yoke of idol-worshippers (*'ovdei elîlîm*) came to "Qazaria" where they were received and subsequently "intermarried with the inhabitants," learned their customs, participated in their wars and "became one people." The land of the "idol-worshippers" is described as "without…writing". It could hardly have been Armenia, which had officially converted to Christianity in the early fourth century (301 CE) and had developed its own alphabet by the early fifth century, the work of Mesrop Maštoc' [*Тер-Саркисянц*, *2005*, с. 136–139, 200–204]. The time and point of departure of these Jews remain problema-

his Qağanal status as ruler of the steppe peoples as well as the peoples of the Caucasus [*Живков*, *2010*, с. 61–62). Togarmah encompassed the latter peoples as well [*Kupfer, Lewicki*, 1956: s. 166].

[30] [*Живков*, *2010*, с. 17, n.1, с. 54–61], notes related genealogies, e.g. the one found in the 10th century Hebrew *Book of Josippon* and discusses the various interpretations.

[31] Whether he was acting in an official capacity on behalf of his "master," the Khazar ruler Joseph, is unclear [*Golb, Pritsak*, *1982*, p. 94]. On the "Cambridge Document," see the discussion in [*Zuckerman*, *1995*], who dates the letter to 949 [*Zuckerman*, *1995*, p. 240–241]. [*Shapira*, *2005*, p. 504, 517, n. 7] dates it to ca. 954 or in any case, before Joseph's letter.

[32] [*Shapira*, *2005*, p. 504], argues that the Cambridge Document recounts the conversion in a "non-sophisticated version current among the ordinary Khazar Jews," whereas Joseph's Letter presents a "complicated royal version," which sought "to distort or put into oblivion certain aspects of the Khazar conversion, while highlighting others".

tic[33]. Their intermarriage "with the inhabitants" corresponds to Ibn al-Faqîh's comments about "an alliance" with and marriages between the Khazars and Abraham's alleged Khurâsânî progeny.

The Khazars, at this stage, according to the "Cambridge Document" were without a supreme ruler, but merely granted the power of "chief officer of the army" (*sar ṣeva*) to victorious military leaders. One such victorious "chief officer" (later in the text called "the great chief" *ha-sar ha-gadol*) was a non-observant Jew who through divine guidance and the encouragement of his observant wife "returned" to his ancestral (?) faith. When the Byzantines and Arabs expressed their anger that the Khazars "return[ed] to the faith of the Jews," who are stateless and powerless, the "great officer" arranged for a religious disputation between representatives of the Abrahamic faiths to be held at the court[34]. In its aftermath the "officers of Qazaria" (most probably the *beg*s are meant here) brought forth from a "cave in the plain of Tîzûl (לוזית)[35] "books of the Torah of Moses" following which the Jews living among the Khazars along with the "people of Qazaria" completely "returned" to Judaism" and were joined by Jews coming from Baghdad, Khurâsân and Byzantium. It was at this juncture that they "appointed over them one of the sages as judge, They call him in the language of (the Qazar[s]) *kgn* וגכ…" a term that continues up to "this day" and the name of the "great officer" (a reference to the *Qağan Beg/Šad/ Yilig*), who

[33] [*Zuckerman*, *1995*, p. 241] argues that the "idol-worshippers" from whom the Jews fled might well have been Christians, i.e. icon-worshippers and that the flight was in response to the Emperor Heraclius's attempts (630–632) to bring about the conversion of Jews under Byzantine rule to Christianity [*Karatay*, *2015*, s. 27], also places this event to ca. 630. Asadov suggests that the Hyrcanian/Jurjânian Jewish community was the source of the Jews that immigrated to Khazaria in this early period and subsequently played a role in their conversion [*Asadov*, *2016*, p. 38].

[34] Such a religious disputation is also part of Joseph's narrative of the conversion and figures in the conversion tales of a number of Central Eurasian peoples and was adopted by the Rus' as well [*DeWeese*, *1994*, p. 165, 170–172]. [*Zuckerman*, *1995*, p. 244–245, 250] relying on the Slavonic *Life of Constantine*, dates the disputation to the summer of 861, and "the official introduction of Judaism in the Khazar state" immediately after it. In light of our other evidence (e. g. the testimony of al-Mas'ûdî and the "Moses coins") this chronology seems late.

[35] In Joseph's Letter this would appear to be Tdlw (ולדת), which has been interpreted as a garbling of the toponym Tarku [*Коковцов*, *1932*, c. Heb. 31, Russ. 100–101 и примеч. 3.; *Golb, Pritsak*, *1982*, p. 128–129]. More likely is ולזת [tzlw], *גולזות [twzlwg] **Tüzlüg* < *tüz* «ровный, плоский» [ДТС, *1969*, с. 602], i. e. "[land] of the plains" or *גולרות [twrlwg] Oğuric **türlüg*? (cf. Čuv. *türemlĕx* "равнина, ровное место".)

played a key role in the conversion, Bulan (from Joseph's letter, not named here), whose name was changed to Sabriel [*Dunlop*, *1954*, p. 158; *Golb, Pritsak*, 1982, p. 22, 27, 30, 103, 107–111; *Shapira*, *1998–1999*, p. 230–241; *Zuckerman*, *1995*, p. 251; *Петрухин*, *2014*, p. 168], suggests inconsistencies here)[36].

Interestingly, the author of the "Cambridge Document" adds at this juncture, that: "they say in our land that our fathers were of the tribe of Simeon, but we cannot insist on the truth of this matter" [*Golb, Pritsak, 1982*, p. 112–113]. The alleged descent from the ancient Hebrew tribe of Simeon may well have been a popular notion among Khazar Jews bolstering the notion of a "return" to full Jewish practice. The author of the "Cambridge Document" is quick to discount this idea, especially when addressing the learned Ḥasdai b. Šaprûṭ and his sophisticated circle. Nonetheless, the emphasis in the "Cambridge Document" is on a "return" not a conversion to Judaism. Indeed, the word "return" is even put into the communications of the "kings of the Byzantines" and the "kings of the Arabs." Zuckerman explains this use of the verb "return" by invoking Halachic law according to which converts left their previous identity by virtue of conversion and were "new-born," becoming fully part of the Jewish people [*Zuckerman*, *1995*, p. 241–242]. This is an interesting ideological and theological point, however, becoming newly born is not tantamount to a "return." Given the sparseness of our sources – and the contradictions of our two accounts – one can only speculate regarding the understanding of the Judaized Khazars (as opposed to Jews residing in Khazaria) of their place within the Jewish world. It may well be that the notion of a "return" was part of a historical myth that had a certain currency among some Judaized Khazars and that the author of the "Cambridge Document" was trying to convey this understanding

[36] The search for the elusive – and most probably invented – Yiṣḥâq Sangarî, whom later Jewish tradition credited with the conversion of Bulan, continues. He is first noted only in the thirteenth-century. [*Dunlop*, *1954*, p. 121–125], allowed that he might have existed, but was very cautious. Shapira demonstrated that the inscription found on his alleged gravestone in the Crimea is a forgery [*Shapira*, *2002–2003*, p. 223–260]. Attempts have also been made, most recently by J.T. Olsson, to present the conversion as a "coup d'état" by Bulan, which was buttressed by "his coronation as a Jewish monarch and the conversion of the Khagan" [*Olsson*, *2013*, p. 495–526], a variant of similar notions put forward by [*Pritsak*, *1978*, p. 272–280], among others). The linkage of the conversion with a coup or rebellion of dissatisfied tribal groupings has no foundation in our sources. It is based on surmise and conjecture. The internal political history of Khazaria remains largely opaque.

to Ḥasdai b. Šaprûṭ. It may have been one of several variants of the Judaization of the Khazars that were current in mid-tenth century Khazaria. Joseph's Letter, however, the more "official" document written by a head of state, does not speak of a return, but points rather to a process of conversion: "our fathers entered into the law (i. e. "religion") of Israel" (*niƫnesû le-din yisrael*). This was a process initiated by Bulan, a "wise" king who convened a religious disputation in which Judaism triumphed. A second, possibly reformist stage was introduced by a "king" Obadiah, who "renewed" the state and strengthened religious practices [*Коковцов*, *1932*, с. Heb. 20–23, Russ. с. 73, 75–80]. Whether this denoted a further advancement of normative Judaism (already seemingly in place under Bulan) or is merely a pious *topos* associated with a ruler who set the state right [*Golden*, *1983*, p. 147–148; *Zuckerman*, *1995*, p. 248–250], is unclear as is the date of Obadiah's reign [perhaps ca. 800, *Golb, Pritsak*, *1982*, p. 22][37].

Joseph wrote in his capacity as the ruler of a powerful, imperial people. The Hebrew terminology that he uses to describe the conversion expresses the adoption of Judaism by the Khazars, but not their complete transformation into "righteous proselytes" who are viewed as full members of the Jewish people. Rather, they remain ethnically Khazars, "descendants of Togarma," successors and heirs of the Türk Empire, who have "entered" the Jewish religion (see the perceptive comments of [*Рашковский*, *2012–2013*, с. 217–219; *Петрухин*, *2014*, с. 162, 165, 168]). Nonetheless, they identified with their coreligionists and were prepared to be their champions (see below).

One should also bear in mind that Judaism, Islam and Christianity in Khazaria, were, undoubtedly, practiced in their "frontier" form with syncretistic elements. Paganism (most probably in its *Tengri*ist, shamanistic form), as our sources note, remained strong. Although we have no indications that the Khazars were in contact with Jewish centers of learning, they were not entirely ignorant of events in the Jewish diaspora. Ibn Faḍlân, who was in Volga Bulğaria (in 921–922), a vassal state of the Khazars at the time, makes the interesting observation that when the Khazar "king" learned in 310/922 that Muslims had destroyed a syna-

[37] Obadiah (Heb. *'Ovadyah* "servant of God,") a name typically taken by converts, cf. the Arabic equivalent *'Abdallâh* with the same meaning and purpose, is noted in Joseph's list of rulers who directly preceded him [*Коковцов*, *1932*, с. Heb. 23–24, с. Russ. 80–81].

gogue in Dâr al-Bâbûnj, he was prepared to destroy the minaret (presumably of the Friday Mosque in Ätil) and kill the muezzins in retaliation. His hand was stayed only out of fear that in retaliation "every synagogue in the territory of Islam would be razed" [*Ibn Faḍlân*, *2014*, p. [Arabic] 256, 258, p. [Eng.] 257, 259].

* * *

Dieter Ludwig, following a lengthy analysis of the fragmentary data on the emergence of the Khazars, concluded that "oldest attestable locations (*belelgbaren Sitze*)" of the Khazars place them in propinquity to Khurâsân, where they probably belonged to the Hephthalite tribal union. From here, at the turn of the fifth-sixth century they migrated, "for unknown reasons," towards the Caucasus [*Ludwig*, *1982*, s. 24–66, esp. 62ff.]. The association of Khazar ethnogenesis with the Hephthalites and Khurâsân and its immediate vicinity remains a conjecture and Ludwig's hypothesis has not found wide acceptance. Indeed, Khazar origins remain problematic. Many, if not all of the array of sources, often containing only sparse notices, that mention the Khazars before the mid-seventh-century are anachronistic (cf.: [*Zuckerman*, *2007*, p. 401–404; *Shapira*, *2007,* p. 307–352; *Калинина*, *2012–2013*, с. 104; *Калинина*, *2014*, с. 9–12] or, at best, open to a variety of interpretations[38]. We can point with relative certainty to the emergence of the Khazar Qağanate sometime between the 630s-early 650s [*Golden*, *1980*, vol. I, p. 50–51, 58; *Ludwig*, *1982*, s. 134–135; *Новосельцев*, *1990*, с. 85–91; *Ромашов*, *2000–2001*, с. 300–304; and summation in: *Комар*, *2011–2012*, с. 191–199] or perhaps even slightly later [ca. 670, *Zuckerman*,

[38] The same may be said of the equation of the Qasar people/tribe of the Toquz Oğuz (associated with the 鐵勒 Tiele of the Chinese sources) mentioned in the Uyğur runiform inscriptions (Terxin and Tes) with the Khazars (see the brief but interesting argumentation in [*Кляшторный*, *2005*, с. 259–264] and from a slightly different perspective, [*Karatay*, *2015*, s. 28–30], which is problematic. There is little doubt that the Khazars emerged from and may be considered a successor state or continuation of the Western Türk state, but based on a different, distinct grouping [see most recently, *Karatay*, *2015*, s. 25–26, 49–59]. The early phases, it has been argued, may have been set in motion by the activities of İštämi, the Yabğu Qağan (d. 576), master of the western Türk lands and brother of Bumın, founder of the Türk Empire and by İštämi's son, Τούρξανθος (Németh, among others, suggested: *Türk-šad, [*Németh*, *1991*, old. 63]). Karatay would begin the "administrative history" of the Khazars as a frontier principality of the Western Türks at this time [*Karatay*, *2015*, s. 24].

2007, p. 417]. While seeking Khazar origins in Khurâsân is questionable, connections with Khurâsân and its Jewish communities are not. "Khurâsân" encompassed eastern Iran and parts of Afghanistan, modern Turkmenistan and adjoining regions, e.g. western Uzbekistan [*Le Strange*, *1966*, p. 382–432]. Qudama al-Ja'afar (d. sometime between 922–948), an official of the Caliph al-Muqtafî [r. 902–908, *Крачковский*, *1955–1960*, т. IV, с. 160–162] notes that: "the border of al-Ḫazar is from Arminiyyah to Ḫwârazm of Ḫurâsân" [*Qudama al-Ja'afar*, *1889*, p. 259]. Khazar borders, which undoubtedly shifted over time, may have approached Khwârazmian territories through the Oğuz tribes, who were allies and perhaps tributaries at various times[39]. Asadov has argued for the ongoing presence of the "Ṣûl" (= Čor/Čur) Turkic dynasty in Jurjân (Pers. Gorgân) from before the time of the Arab conquests to 835. Jurjân also had a long-standing Jewish community and he suggests a migration of Jurjânian Jews to Khazaria in the early seventh-century and a significant role for them in the conversion and accounts of traditions related to it [*Asadov*, *2016*, p. 22–38].

The "Cambridge Document" directly states that with the "return" of the Khazars to Judaism, Jews from Baghdâd, Khurâsân (*k̲wrsn*[40]) and Byzantium came to Khazaria and "strengthened the men of the land," assisting in the implementation of normative Judaism [*Golb, Pritsak, 1982*, p. 11l–111]. Khurâsân's Jewish settlements are attested as early as the fourth-century CE and are noted in the Umayyad and 'Abbâsid eras [*Zand*, *2016*; *Fischel, Netzer*, *2007*, p. 118]. Al-Muqaddasî (d. 991), although writing well after the notice in Ibn Sa'd, reports that: "in it are many Jews, small numbers of Christians and (various) classes of Zoroastrians (*aṣnâf al-majûs*)" [*al-Muqaddasî*, *1987*, p. 252]. Khurâsân was clearly far more familiar to the Khazar rulers than distant and "exotic" Umayyad Andalus/Spain of which Joseph, judging from his letter, does not appear to have been aware before Ḥasdai b. Šaprûṭ's attempts to

[39] [*Калинина*, *2015*, с. 126], notes the uncertainties of this eastern frontier. Joseph, in his letter, reports that Khazar borders reach the Sea of Gorgân (Arabic Jurjân, was on the southeast of the Caspian [*Le Strange*, *1966*, p. 376]) and that all those who live on its shores, "for a distance of one month's travel, pay me tribute" (Short Redaction). The Long redaction adds that "from there the border (*ha-gvûl*) turns to the road of Khwârazm up to Gorgân" [*Коковцов*, *1932*, с. Heb. 24, 31, с. Rus. 81–82, 98].

[40] This cannot be Kherson, which is noted in the "Cambridge Document" in what was probably its Khazar form: *Šwršwn,* Greek: Χερσόνησος, Rus': Корсунь [*Golb, Pritsak*, *1982,* p. 116–117, 138].

contact him. In short, a linking of Khazaria and Khurâsânian Jewry is attested and an exchange or influence of genealogical traditions cannot be excluded. Although the "Turks of Khurâsân," an unclear category at best, are an unlikely sources for the transmission of Jewish folktales to the Khazars, the Jews of Khurâsân may well have been.

What makes the accounts of Ibn Sa'd, Ibn al-Faqîh and al-Ṭabarî so interesting is their attempt to link the Khazars directly with Abraham's (Arab) descendants and to offer up explanations of the origins of the *qağanal* title among the Khazars that would be understandable in terms of genealogies acceptable to Arabo-Muslim notions of that era.

A.N. Poljak suggested that this explanation of the Khazar qağanate may have derived from a conjectured Arabo-Jewish "Cosmography" [*Поляк*, *2001*, c. 82], composed or compiled after 732 and before 740, according to which the further reforms within and the evolution of Khazar Judaism transformed the Khazar *Qağan* from "a living god" in shamanism into "a living Biblical Abraham." The Khazars, having learned of Abraham's magical powers and knowledge from the Turks of Khurâsân, confounded the Hebrew term *ḥaḫam* ("wise man, rabbi" which they believed Abraham was called) with the Turkic *Qağan*. Kalinina rightly rejects this explanation [*Поляк*, *2001*, c. 99; *Калинина*, *2015*, c. 106]. The title *Qağan* was of considerable antiquity in Inner Asia. It was attested first in 265 CE, among the 鮮卑 Xianbei (*Särbi) 乞伏 Qifu (Late Han pronunciation: **k^{h}ɨət buk*, [*Schuessler*, *2009*, p. 305 [30-1f], 113 [5–36a]]) grouping [*Liu*, *1989*, 98][41]. Ibn Sa'd's comments on the origins of qağanal title among the Khazars are in consonance with the "Cambridge Document" and may have reflected the tales told among Jews living in Khazaria. The Khazar capital Ätil/Atıl had a substantial Muslim population, along with Christians, Jews (the smallest in number) and pagans [*al-Iṣṭaḫrî*, *1870*, p. 220; *DeWeese*, *1994*, p. 73–74] who could also have served as the source for the transmission of such ideas to the Muslim world.

Farda Asadov places this account within the early traditions current among the Arabs who were encountering Turkic peoples in the course of their expansion into the North Caucasus and beyond Khurâsân. The various traditions prophesied apocalyptic struggles [*Асадов*, *1993*, c. 22–23]. Kalinina asks: why did the Arab sources connect the Khazars

[41] [*Vovin*, *2007*; *Vovin, 2011*] has revived the argument that the title *Qağan* is of Yeneseic origin.

with the Arabs of Khurâsân? The tradition had become well established in Arabo-Persian Muslim historiography of deriving the Turks (including the Khazars, [*Калинина*, *2005*, c. 252–256]) from the descendants of Japheth. This genealogical excursus may have sought to bring the three peoples (including the Khazars, once "fierce foes") closer or at least situate them in familiar Qur'ânic (and Biblical) genealogical territory by establishing "kinship" ties with them [*Калинина*, *2015*, c. 110], elsewhere she has dealt with these genealogical legends [*Калинина*, *2006*, c. 183–193].

This account, clearly a pious legend, regardless of its Muslim provenance or transmission, provides a point of "contact" of the Khazars with the ancient Hebrews. This is a somewhat different version of the conversion tales. Indeed, Ibn Sa'd and al-Ṭabarî say nothing of the conversion and Ibn al-Faqîh mentions it only later. Rather, it points to a connection, through marital ties, with the "Sons of Abraham" and hence a connection, ipso facto, with the patriarch of Judaism. The belief in the connection of the Khazars with Abraham would have found the fertile ground among the Judaized Khazars. Aware of these accounts from Arabs and other Muslims in their midst and very likely Khurâsânian Jews, also present in Khazaria, it was perhaps in the Khazar milieu that a Khazar contact with the Abraham-Arab-derived "Turks of Khurâsân" and a hinted tale of the origin of the *qağanal* title, now given a seemingly Biblical pedigree, took root and was spread then, via Hišâm ibn al-Kalbî a contemporary of the conversion in the late eighth-early ninth century, to the Arab historians of the latter half of the ninth-early tenth century, Ibn Sa'd, Ibn al-Faqîh and al-Ṭabarî. Such a connection would have further bolstered the Khazars' claim to equal status with the other major representatives of the Abrahamic religious tradition. In particular, it would have been significant to the Arab world with which the Khazars had become significant trading partners by the ninth century. The appearance of the qağanal title is hinted as having some connection with the sacral power derived from Abraham in the accounts of Ibn Sa'd and al-Ṭabarî and may, like the account of the conversion transmitted by the author of the "Cambridge Document" of the origin of the qağanal title, reflect notions that were popular among Khazar Jews, seeking to establish ties to (or parallels) with Biblical institutions and customs.

Bibliography

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Ахии IX–XIII вв. Ашхабад, *1969*.

Асадов Ф. М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, *1993*.

Ващенко Э. Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. СПб., *2006*.

ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев и др. Л., *1969*.

Живков Б. Хазария през IX–X век. София, *2010*.

Калинина Т. М. Ал-хазар и *ат-турк* в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим–Москва, *2005*.

Калинина Т. М. Тюрки в «образе мира» средневековых арабо-персидских писателей // Тюркологический сборник 2006. М., *2007*.

Калинина Т. М. Один из арабских вариантов генеалогии хазар // Тюркологический сборник 2009–2010. М., 2011 (Republished in: *Калинина Т. М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., *2015*.

Калинина Т. М. Анахронизмы в рассказах средневековых писателей о хазарах // Хазарский альманах. Т. 11. Киев–Харьков, *2012–2013*.

Калинина Т. М. Хазария по данным восточных источников // Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., *2014*.

Калинина Т. М. «Сурат ал-ард» средневековых арабов и хазары // Central Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of Peter B. Golden (Turcologica. Hrsg. von L. Johanson. Bd. 104) / Ed. I. Zimonyi, O. Karatay. Wiesbaden, *2016*.

Кляшторный С. Г. Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим–Москва, *2005*.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., *1932*.

Комар А. В. Хазарская дилемма: тюрки или теле // Тюркологический сборник 2011–2012. М., *2013*.

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М., *1957*.

Кумеков Б. Е., Кумекова Р. Б. История Казахстана в арабских источниках. II. Арабские географы и путешественники IX–XII вв. Алматы, *2010*.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., *1990*.

Поляк А. Н. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина. Вып. 10. М., *2001*.

Петрухин В. Я. Выбор веры в евразийской истории. Хазария и Русь // Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., *2014*.

Рашковский Б. Е. Караим Йефет бен Эли о хазарах. Новый средневековый еврейский источник по истории Восточной Европе // Хазарский альманах. Т. 11. Киев–Харьков, *2012–2013*.

Ромашов С. А. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) I–II // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 11. Wiesbaden, *2000–2001.*

Тер-Саркисянц А. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М., *2005.*

Ahlström G. W. The History of Ancient Palestine. 2nd ed. Minneapolis, *1994*.

Asadov F. M. Jurjan in the External Relations and the History of the Khazar Khaqanate (7th–10th Centuries) // Central Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of Peter B. Golden. (Turcologica. Hrsg. Von L. Johanson. Bd. 104). Ed. I. Zimonyi, O. Karatay. Wiesbaden, *2016*.

al-Atâssî A. N. A History of Ibn Sa'd's Ṭabaqât al-Kabir / https://www.academia.edu/1860760/A_history_of_Ibn_Sads_kitab_al-Tabaqat_al-Kabir

Bar Hebraeus: Ibn 'Ibrî. Ta'rîḫ muḫtaṣar al-Duwal. Beirut, *1958*.

BGA – Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. De Goeje. 8 vols. Leiden, *1870–1893*. – See individual authors.

Brock S. P. Guidi's Chronicle // Encyclopaedia Iranica. *2012* / http://www.iranicaonline.org/articles/guidis-chronicle

Çağbayır Y. Orhun Yazıtlarından Günümüze Türkiye Türkçesinin Söz Varlığı. Ötüken Türkçe Sözlük. Istanbul, *2007*.

Cahen C. Le Malik-nameh et l'histoire des origins seljukides // Oriens. Vol. 2. No 1. Leiden, *1948*.

Chekin L. S. Christian of Stavelot and the Conversion of Gog and Magog. A Study of the Ninth-Century Referencs to Judaism Among the Khazars // Russia Mediaevalis. T. IX. No 1. München, *1997*.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, *1972*.

Czeglédy K. Gardisi on the History of Central Asia (746–780) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXVII. Budapest, *1973*.

Dever W. G. Who Were the Early Israelites and Where Did they Come From? Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, *2003*.

DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, *1994*.

Dickens M. Turkāyē Peoples in Syriac Literature Prior to the Seljüks. PhD. Dissertation. University of Cambridge. February, *2008*.

Donner F. M. Narratives of Islamic Origins. The Beginnings of Islamic Historical Writing // Studies in Late Antiquity and Early Islam. Vol. 14. Princeton, *1998*.

Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, *1954*.

Dunlop D. M. Arab civilization to AD 1500. New York–Washington, *1971*.

Duri A. A. The Rise of History Writing Among the Arabs / Ed. trans. L. I. Conrad. Princeton, *1983*.

Finkelstein I., Silberman N. A. The Bible Unearthed. Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of its Sacred Texts. New York, *2001*.

Fück J. W. Ibn Sa'd // The Encyclopaedia of Islam. 2-nd ed. Vol. 3. Leiden, *1986*.

Fischel W., Netzer A. "Khurasan" Encyclopaedia Judaica. 2-nd ed. Detroit, *2007*.

Gardîzî. Ta'rîkh-i Gardîzî / Ed. 'Abd al-Ḥayy Ḥabîbî. Tehran, *1984*.

Gil M. Did the Khazars convert to Judaism? // Revue des Études Juives. Vol. 170. No 3–4. Paris, *2011*.

Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ǧayhānī-Tradition. Wiesbaden, *2001*.

Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, *1982*.

Golden P. B. Khazar Studies / Bibliotheca Orientalis Hungarica XXV/1–2/. 2 vols. Budapest, *1980*.

Golden P. B. Khazaria and Judaism // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. III. Wiesbaden, *1983*.

Golden P. B. The Conversion of the Khazars to Judaism // The World of the Khazars / Ed. P. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas Leiden–Boston, *2007(1)*.

Golden P. B. The Khazar Sacral Kingship-Revisited // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 60. № 2. Budapest, *2007(2)*.

Golden P. B. Some Notes on the Avars and Rouran // The Steppe Lands and the World Beyond Them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th Birthday / Ed. F. Curta, B.-P. Maleon. Iaşi, *2013*.

Golden P. B. The Turkic World in Maḥmûd al-Kâshgharî // Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 7. The Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE. Empires, Cities, Nomads and Farmers / Ed. J. Bemmann and M. Schmauder. Bonn, *2015*.

The World of the Khazars / Ed. P. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden– Boston, *2007*.

Györffy Gy. Système des residences d'hiver et d'été chez les nomads et les chefs hongrois du Xe siècle // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. I. Wiesbaden, *1975*.

Haran M. The Religion of the Patriarchs: Beliefs and Practices // The World History of the Jewish People, II. Patriarchs / Ed. B. Mazar. New Brunswick, *1970*. Notes: 219–245, 285–288.

Hoyland H. G. Arabia and the Arabs. From the Bronze Age to the coming of Islam. London– New York, *2001*.

Hunter E. The Conversion of the Kerait to Christianity in A.D. 1009 // Zentralasiatische Studien. Bonn, *1989*.

Ibn al-Athîr. Al-Kâmil fi'l-Ta'rîḫ / Ed. Carl J. Tornberg. 13 vols. Leiden, *1851–1876*. – Reprint: Beirut, *1965–1967* (with different pagination).

Ibn al-Faqîh. Kitâb al-Buldân / Ed. Y. al-Hâdî. Beirut, *1996*.

Ibn Faḍlân. Two Arabic Travel Books. Abū Zayd al-Sīrāfī. Accounts of China and India / Ed. trans. T. Mackintosh-Smith. Ibn Faḍlān. Mission to the Volga / Ed. trans. J. E. Montgomery. New York–London, *2014*.

Ibn Ḥawqal. Kitâb Ṣûrat al-Arḍ. Beirut, *1991*.

Ibn Ḫurdâdhbih. Kitâb Masâlik wa'l-Mamâlik / Ed. M. J. De Goeje // BGA. T. VI. Leiden, *1889*.

Ibn Sa'd. Kitâb al-Ṭabaqât al-Kabir / https://archive.org/stream/TabaqatIbnSaad Vol12English/IbnSaad_djvu.txt

İnan A. Tarihte ve Bugün Şamanizm. Ankara, *1954*.

al-Iṣṭaḫrî. Kitâb Masâlik wa Mamâlik / Ed. M. J. De Goeje // BGA. T. I. Leiden, *1870*.

Karatay O. Hazarlar. Yahudi Türkler, Türk Yahudiler ve Ötekiler. 2-nd printing. Ankara, *2015*.

Maḥmûd al-Kašγarî. Compendium of the Turkic Dialects (Dîwân Luγât at-Turk) / Ed. trans. Robert Dankoff in collaboration with James Kelley // Sources of Oriental Languages and Literatures, 7. 3 vols. Cambridge Mass., *1982–1985*.

Khalidi T. Arabic historical thought in the classical period. Cambridge, *1994*.

Khalidov A. B. Ebn al-Faqīh // Encyclopaedia Iranica. Vol. VIII. Fasc. 1: 23–25 / online updated version, *2011*: http://www.iranicaonline.org/articles/ebn-al-faqih.

Klyashtornyj S. G. The Oguzs of the Central Asia and the Guzs of the Aral region // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 2 Seoul: Institute of Asian Culture and Development, *1997*. – Reprinted with different pagination in: *Klyashtornyj S. G.* Old Turkic Runic Texts and History of the Eurasian Steppe / Ed. V. Spinei, C. Spinei. Bucureşti–Brăila, *2008*.

Kovalev R. K. Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central Europe and Eastern Europe in the Early Middle Ages / Ed. F. Curta. Ann Arbor, *2008*.

Kupfer F., Lewicki T. Źródła hebrajskie do dziejów, Słowian i niektórych innych ludów Środkowej i Wschodniej Europy. Wrocław–Warszawa, *1956*.

Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, *1903*. 3rd printing. London, *1966*.

Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. 4 vols. Wrocław–Kraków–Warszawa, *1955–1988*.

Lichtenstädter I. Muḥammad Ibn Ḥabib and his Kitâb al-Muḥabbar // Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. 1. *1939.* January.

Liu Y. Zur Urheimat und Umsiedlung der Toba // Central Asiatic Journal. Vol. 33. No 1–2. Wiesbaden, *1989*.

Ludwig D. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. PhD dissertation. Philosophische Fakultät der Westfälischen Wilhelms – Universität zu Münster. *1982*.

Marquart J. Osteuropäische und osteasiatische Streifzüge. Leipzig, *1903*. – Reprint: Hildesheim, *1961*.

al-Mas'ûdî. Murûj adh-Dhahab wa Ma'âdin al-Jawhar / Ed. Ch. Pellat. 7 vols. Beirut, *1966–1979*.

Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 12. No 2. Cambridge, *1948*.

Miquel A. La géographie humaine du monde musulman jusqu'au nilieu du 11e siècle. 4 vols. Paris, *1975–1988*. – Reprint: Paris, *2001*.

Mujmal at-Tavârîkh wa'l-Qiṣaṣ / Ed. Muḥammad Bahar. Tehran, *1318/1939*. – Reprint ed. Muḥammad Ramażânî. Tehran, *n.d.*

Al-Muqaddasî. Aḥsân at-Taqâsîm fî ma'rîfat al-Aqâlim / Ed. M. Maǧzûm. Beirut, *1987*.

Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása. 2nd ed. Budapest, *1991*.

Olsson J. T. Coup d'état, Coronation and Conversion: Some Reflections on the Adoption of Judaism by the Khazar Khaganate // Journal of the Royal Asiatic Society. 3rd ser. Vol. 23. No 4. October, *2013*.

Pritsak O. The Khazar Kingdom conversion to Judaism // Harvard Ukrainian studies. Vol. II, № 3. Cambridge Mass., *1978*.

Qudâma al-Ja'far. Kitâb al-Ǧarâj / Ed. M. J. De Goeje // BGA. T. VI. Leiden, *1999*.

Rásonyi L., Baski I. Onomasticon Turcicum. Turkic Personal Names. 2 vols. Bloomington, *2007*.

Roux J.-P. La religion des Turcs et des Mongols. Paris, *1984*.

Sand S. The Invention of the Jewish People. New York, *2009.*

Schuessler A. Minimal Old Chinese and Later Han Chinese. Honolulu, *2009*.

Şeşen R. Hilâfet Ordusunun Menkıbeleri ve Türkler'in Fazîletleri (Manâḳıb Cund el-Ḫilāfa ve Fażā'il el-Etrāk). Ankara, *1967*.

Shapira D. Two Names of the First Jewish Beg // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 10. Wiesbaden, *1998–1999.*

Shapira D. Yitshaq Sangari, Sangarit, Bezalel Stern, and Avraham Firkowicz: Notes on Two Forged Inscriptions // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 12. Wiesbaden, *2002–2003.*

Shapira D. Judaization of Central Asian Traditions As Reflected in the So-Called Jewish-Khazar Correspondence, with Two Excurses. A. Judah Ha-

levy's Quotations; B. Eldād ha-Dānī (Judaeo-Turkica VI with An Addendum) // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Москва, *2005*.

Shapira D. Armenian and Georgian Sources on the Khazars: A Re-evaluation // The World of the Khazars / Ed. P. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden–Boston, *2007*.

Shnirelman V. The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s-1990s. Jerusalem, *2002*.

Silverstein A. J. Postal Systems in the Pre-Modern Islamic World. Cambridge, *2007*.

Stampfer Sh. Did the Khazars Convert to Judaism? // Jewish Social Studies. Vol. 19. No 3. Bloomington, *2013*.

Al-Ṭabarî. Ta'rîḫ al-Ṭabarî. Ta'rîḫ al-Rusul wa'l-Mulûk / Ed. Muḥammad Abu'l-Faḍl Ibrâhîm. 11 vols. Cairo, *1967–1977*.

Tafażżolī A. Ferêdûn // Encyclopaedia Iranica. *1999*. Vol. IX. No 5 updated online version, 2012: http://www.iranicaonline.org/articles/feredu-.

Van Donzel E., Schmidt A. Gog and Magog in Early Eastern Christian and Islamic Sources. Sallam's Quest for Alexander's Wall. Leiden–Boston, *2010*.

Vovin A. Once Again on the Etymology of the Title *qayan* // Studia Etymologica Cracoviensia. № 12. Kraków, *2007*.

Vovin A. Once Again on the Ruan-ruan Language // Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010) / Ed. M. Ölmez et al. Istanbul, *2011*.

Weber S., Riedel D. Mojmal al-Tawârîḵ //Encyclopaedia Iranica / Online, *2012*: http://www.iranicaonline.org/articles/mojmal-al-tawarik.

al-Ya'qûbî. Ta'rîḫ al-Ya'qûbî. Beirut, *1970*.

Yâqût. Mu'jam al-Buldan. 5 vols. Beirut, *1957*.

Zade T. Mapping Frontiers Across Medieval Islam. Geography, Translation and the 'Abbasid Empire. London–New York, *2011*.

Zand M. Bukhara vii. Bukharan Jews // Encyclopaedia Iranica. Vol. IV. No 5 / Online, *2016*: http://www.iranicaonline.org/articles/bukhara-vii.

Zuckerman C. The Khazars and Byzantium – The First Encounter // The World of the Khazars / Ed. P. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden–Boston, *2007*.

Zuckerman C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar *Letter* from the Geniza of Cairo // Revue des Études Byzantines. T. 53. Paris, *1995*.

Zuckerman C. On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // Ruthenica. T. X. K., *2011*.

Peter B. Golden

The Khazars as 'Sons of Abraham'

Summary

The accounts of Ibn Sa'd, Ibn al-Faqîh and al-Ṭabarî, going back to Hišâm ibn al-Kalbî (late eighth-early ninth century), a contemporary of one of the culminating stages in the conversion of the Khazars to Judaism, are pious legends put forward to claim a link of the Khazars directly to Abraham's (Arab) descendants in Khurâsân. Although these tales are Arabo-Muslim in origin, it is likely that a connection of the Khazars with Abraham would have found a receptive audience in a Judeo-Khazar milieu The tale also hints at the origins of the *qağanal* title among the Khazars, giving it a Biblical pedigree and hence sacral authority that would be understandable and acceptable to the Arabo-Muslim world with which the Khazars had developed significant commercial ties.

Keywords: Khazars, conversion to Judaism, legends, Ibn Sa'd, Ibn al-Faqîh, al-Ṭabarî, al-Kalbî, Abraham, Biblical pedigree.

П. Б. Голден

Хазары как «потомки Авраама»

Резюме

Сообщения Ибн Са'да, Ибн ал-Факиха и ат-Табари, опиравшиеся на сведения, почерпнутые из трудов Хишам ибн ал-Кальби (ум. ок. 819/820 г.), современника одного из кульминационных этапов принятия хазарами иудаизма, в сущности являются благочестивыми легендами, выдвинутыми для того, чтобы предъявить претензии на непосредственную, родственную связь хазар с (арабскими) потомками библейского Авраама. Несмотря на то, что эти легенды возводятся к мусульманским источникам, выдвинутая ими связь хазар с Авраамом нашла бы восприимчивую публику в иудейско-хазарской среде. Эти легенды также намекают на происхождение каганского титула у хазар, придавая ему библейскую родословную и тем самым сакральный авторитет, приемлемый арабско-мусульманскому миру, с которым Хазария развивала значительные к тому времени торговые связи.

Ключевые слова: хазары, иудаизация, легенды, Ибн Са'д, Ибн ал-Факих, ат-Табари, ал-Кальби, Авраам, иудейско-хазарская среда, библейская родословная.

III
Дискуссия

О. А. Мудрак

ЗАМЕТКИ ПО ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ ХАЗАРСКО-ЕВРЕЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ*

Данная статья посвящена вопросам этимологизации специфических личных имен, титулов, этнонимов и географических названий, которые встречаются в памятниках, написанных на еврейском языке и связанных с Хазарским каганатом[1]. Сюда естественным образом включены: переписка царя Иосифа, Киевское письмо, специфическая лексика в переписке Хасдая ибн Шапрута, текст Шехтера. Материал в свое время был собран и проанализирован Питером Голденом в монографии “Khazar Studies” [*Golden*, *1980*], Норманом Голбом и Омельяном Прицаком в “Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century” [*Golb, Pritsak*, *1982*]. Последняя работа была переведена и опубликована в 1997 г. на русском языке как «Хазарско-еврейские документы X века» [*Голб, Прицак*, *1997*]. Переписку царя Иосифа досконально исследовал П. К. Коковцов в книге «Еврейско-хазарская переписка в X веке» [*Коковцов, 1932*].

Интерес к интерпретациям встречающейся несемитской лексики до сих пор не ослабевает. Как правило, доминирует теория «тюркской этимологизации», однако предлагаемые этимологии, как правило, не

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-04-00505а «Внутренние этимологические словари аварского и андийских языков. Андийские основы, Аварские основы».

[1] Хочу выразить глубочайшую признательность В. Я. Петрухину, настоятельно побуждавшему меня заняться этой темой, А. М. Федорчуку и Б.Е. Рашковскому, давшим ценные комментарии по графике данных памятников.

находят соответствий в законах развития тюркской фонетики и лексики и с точки зрения тюрколога – специалиста по исторической фонетике являются крайне маловероятными. При анализе неоправданно сбрасывалось со счетов то, что первоначально Хазарское государство возникло на территории Дагестана и Предкавказья. Соответственно, даже при предположении наличия существенного тюркского компонента, все же следовало привлекать и языковой материал северокавказских народов, входивших в это государство или его сферу влияния. В какой-то мере здесь предпринята попытка исправить это упущение и провести анализ с учетом данных этих языков.

Языковой материал, в том числе и семитские данные, дается в кавказоведческой транскрипции, разработанной в ходе полевых экспедиций Е. А. Кибриком и С. В. Кодзасовым. Для семитских языков маркер – точка над или под согласным – означает эмфатик, для кавказских языков – глоттализованный согласный. Знаки для ларингалов и заднеязычных спирантов следующие: *ʾ* – гортанная смычка, араб. ء; *ʕ* – эмфатическая гортанная смычка, араб. ع ‘айн; *h* – ларингальный спирант, араб. ه; *ħ* – фарингальный спирант, араб. ح; *χ* – увулярный глухой спирант; *x* – велярный глухой спирант; *ʁ* – увулярный звонкий спирант; *γ* – велярный звонкий спирант; *ʕ* – фарингальная смычка. Для еврейского языка используется транслитерация с основной подачей глайдов и смычки через гласные *i, u, a* в инлауте и ауслауте, а также анлаутных последовательностей אי, או, א. В превокальной и поствокальной позициях י, ו, א даются как *j, w, ʾ*. «Самех» передается через простой, а не эмфатический, *s*, «цаде» – через *c*. Через знак *ə* «шва» обозначается неясный гласный как для еврейского, так и для кавказских языков. Материал реконструкций по кавказским языкам берется из авторских этимологических баз. При подаче указывается номер этимологии по нумерации базы. При подаче осетинского материала по возможности дается дигорский материал, как более архаичный по фонетике. Иронские данные привлекаются в специальных значимых случаях.

I. Хазарские личные имена в киевском письме

Киевское письмо является первым аутотентичным документом с территории Киевской Руси. Оно представляет собой рекомендательное письмо с просьбой о денежной помощи попавшему в беду

Мар Яакову бен Р. Ханукке. В конце оно подписано представителями еврейской общины Киева.

В статье О. Прицака [*Голб, Прицак*, *1997,* с. 31, 53] выделяются нееврейские по происхождению имена среди лиц, подписавших данное письмо, выданное Яакову Бен Ханукке. По утверждению исследователя, они являются хазарскими. Разбирая несемитские имена или прозвища, следует учитывать контекст их встречаемости. Ниже дается попытка проэтимологизировать эти имена в рамках одного языка, исходя из осетинского материала, на что косвенно указывает резолюция, написанная восточноевропейским руническим письмом.

gusṭəṭa бар כיבר **[k/xibər] Коген**

– диг. *qebur* ‘старенький, дряхлый (о человеке)’, фонетически хуже из-за отражения первого гласного диг. *qäbär* ‘сильный, крепкий, твердый, жесткий’, из-за неотражения последнего гласного – диг. *χebre* ‘упрямец, развалина, хам’, хотя такого типа прозвища человека легко себе представить. [Также сомнительно по неотражению последнего гласного – диг. *χebarä* ‘предоставленный самому себе, уединенный, независимый’, плохо по неиспользованию эмфатического *ḳ*- при записи – диг. *ḳäbur* ‘твердая скала, утес’, диг. *ḳäbär* ‘кусок, корка хлеба; средства к жизни, существованию, пропитание’ и совсем сомнительно – диг. *ḳäbärgänä* ‘пекарь, хлебопек’, диг. *qäb:äres* ‘инициатива’.] Здесь представлено прозвище «дряхлый» по отношению к человеку из сословия священнослужителей.

По О. Прицаку, связано с этнонимом κάβειροι, κάβαροι, что маловероятно хотя бы по отражению первого гласного через букву йод. Данный этноним, фиксируемый в греческой традиции, скорее имеет уже упоминавшуюся параллель в диг. *qäbär* ‘сильный, крепкий, твердый, жесткий’ с последующим показателем осет. мн. ч. *-d:ä*. Ср. формант -οι мн. ч. в греческом названии. Он продолжает свою жизнь в этнониме Кабарда, кабардинцы применительно к западно-кавказскому народу. Тюркский характер этнонима не подтверждается языковыми данными. Область распространения этого описательного названия, использованного для этнонима или номинации межплеменного объединения, в те времена могла быть значительно шире. Ср. данные итальянских портоланов XIV–XVII вв., где в местности в районе Бердянска у Азовского моря изображается порт Cabardi [*Мудрак*, *2010*].

Самсон Иуда по прозвищу סורטה /-ח **[surṭəh, -χ]**

– диг. *sawärtäχ* ‘утренняя роса (крупные капельки)’. Пояснение «крупные капельки» дается в переводе дигорско-русского словаря. При чтении еврейской записи следует предполагать интервокальный вав, т. е. [səwərṭəh]. В данном случае представлено именно прозвище (как об этом буквально указано) сильно потеющего человека.

По О. Прицаку, связано с этнонимом Σάβιροι, что также маловероятно в частности из-за передачи спиранта через вав и неясной последней части.

Реувен бар גוסטטא **[gusṭəṭa]**

– вост.-слав. **гостята* (сын гостя?, гостенок?). Представляется довольно странным, что это имя, отмеченное в др.-рус. памятниках, упоминается лишь по отношению к женщине. В данном списке подписавшихся женщин не могло быть, тем более это имя занимает место патронима. Если исходить из «максималисткой» этимологии в рамках одного языка, то ср. диг. *ʁast* (мн. ч. *ʁästitä*) ‘жалоба’. Т.е. прозвище по характерным поступкам, ср аналогичные польск. и вост.-слав. фамилии Жалоба, Жалобицкий, Жалобкевич. Но не исключена и номинация по географическому названию, например, *ʁostä* гора Госта (ср. присутствующее евр. имя в том же списке Синай бар Симуил).

[…]эль бар מנס **[mənəs]**

– диг. *mijnasä* / ирон. *minas* ‘угощение (подарок гостю), пиршество’. Судя по огласовке в памятнике, слово имеет иронский источник. Прозвище из значения «хлебосольный, хлебосол» или «праздник».

По О. Прицаку, с делением на части как сложение «великий-могучий» от корня, отмеченного только в булгарской ветви тюркских языков и второго несуществующего тюркского корня. Такого типа моделей сложений основ прилагательных в тюркских языках не отмечено.

מנר **[mənər] бар Самуил Коген**

– возможны несколько неуверенных вариантов: зап.-кавк. ПАК **momur* ‘мир, спокойствие, тишина’ (в данных языках существует

распределение носовых сонантов *m* и *n*, связанное с огубленностью следующего гласного). Или ср. ирон. *minävär* ‘посланник, посол, представитель; посредник’, при диг. *menewäg* ‘свойство, качество, признак, особенность’, которое указывает на реконструкцию гласного *-*e*- в первом слоге. Последнее сравнение упирается в неотражение спиранта -*v*-. Здесь также представлено имя (?) человека из сословия священнослужителей.

По О. Прицаку, с делением на части «великий человек», что плохо по этимологии первой части и в связи со значением в чув. «самец» для второй части. Чув. *тъпъ* ‘большой, толстый’ является изолированным внутри тюркских языков, а второе слово значит именно самца животных и птиц и не употребляется по отношению к людям.

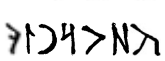
קופין **[ḳup/fin] бар Иосиф**

– возможны несколько допустимых сравнений: диг. *kuf(ä)* ‘короб, плетеный ящик’, или с первым глоттализованным согласным диг. *ḳob:* ‘короб, коробка’, хуже – *ḳofuna* ‘пьяница’ (по качеству второго гласного и отсутствию третьего), не исключены диг. *qaffä* ‘плешь, парша’, *ḳab:ä*-*ḳub:ä* ‘беспорядок; расхищение’, *qab:ä* ‘ядро, сердцевина; сущность, содержание’ (с первым, гласным как бы переданным через евр. -*ō*-), или даже *qub:oj* ‘ненасытный до чужого добра’. Таким образом, есть целый комплекс возможных осет. параллелей с редким, но существующим аффиксом отыменного прилагательного – -*in*. Похоже на бытовое прозвище, ср. вост.-слав. фамилию Коробочка. Лучше всего подходит второй вариант с осет. заимствованием из ПНах. **ḳopoj*- ‘короб, коробка’ (1584). Т. е. есть здесь скорее «Коробочкин».

По О. Прицаку, здесь представлен тюркский этноним, отмеченный в виде ***ḳupi bułgar*** в Армянской географии VI–VII вв. (Ашхарацуйц). Однако аффиксация в данном имени не имеет тюркских параллелей. Этот же этноним может фигурировать у Константина Багрянородного в названии Хопон, одной из фем печенегов. В таком случае следует привлечь ПНах. **кibon*- ‘северный, северо-западный; Кубань’ (2303) как источник для названия греч. Ὕπανις > осет. **qop:on* = **qob:on* (допустимо, но маловероятно **ḳ*-) > карач.-балк. *qoban*, и зап.-кавк. абаз. *q̇u̯bina* как источник для формы в Армянской географии и для этого имени. Имя в таком случае следует понимать как прозвище по географическому названию.

Предложенная интерпретация имен, сделанная О. Прицаком, сразу вызывает некоторое недоумение тем, что несколько подписавшихся уважаемых представителей киевской еврейской общины имеют «этнические» имена и названы по народам кабиров, савиров, купи-булгар. Обычно имена даются по местности, из которой прибыл человек, а не по этносу, среди которого этот человек проживал. К тому же до сих пор локализация расселения этих народов в достаточной мере условна, а точнее сказать – не определена. Представить, что в общину входили собственно чужеродцы под своим этническим именем, ставшим личным именем, также трудно, так как это является маловероятным. Выше была предложена попытка этимологизации имен в рамках одного языка или, по крайней мере, языков одного ареала. В результате оказалось, что эти имена – по большей части бытовые прозвища, и лишь два из них допускают производное от географического названия, что подкрепляется и чисто еврейским именем, образованным от названия горы.

Выбор языка интерпретации обусловлен языком надписи, сделанной восточноевропейской руникой на полях письма.



aRuəʒənjəg

Следует разрешить

– диг. *ärwaʒun/* ирон. *ärwaʒin* 'опустить, допустить; позволить; ниспослать', part. fut. (dub.) *ärwaʒujnag* 'то, что надлежит разрешению'. Причастие будущего времени выражает "как объект действия, которое будет совершено, так и лицо действователя, которое намеревается совершить какое-либо действие". В примерах – *finsun* 'писать', *finsujnag* 'подлежащий написанию; намеревающийся писать', *kosun* 'работать', *kosujnag* 'то, над чем необходимо поработать; намеревающийся поработать' [*Таказов*, *2003*, с. 704, 705], что указывает на значения дубитатива. В надписи использована лигатура *-nj-*, читаемая сверху вниз. Характер написания первой буквы соответствует как типичным написаниям, так и графике монетных легенд, и является неким вариантом более «полного» знака (очевидно, «алефа»). Знак для аффрикаты *-ʒ-* присутствует в зеркальном виде.

По О. Прицаку [*Голб, Прицак*, *1997*, с. 62–65], в надписи представлено *hoqurum* – «я прочитал» на булгарском языке. Даже если игнорировать недопустимые для тюркской руники отождествления букв, то следует иметь в виду, что в булгарской ветви не существует такого глагола, тем более с начальным придыханием. Тюркский корень восходит к праалтайскому **oki* ‘петь, декламировать’, и в нем не должно быть никакой начальной преаспирации. В булгарской ветви, начиная с середины 1-го тысячелетия, аналогом этого глагола является **ōla-* ‘читать”, который сохраняется в современном чув. в виде *vola-* и заимствован в венг. как *olvas-* ‘читать’. В GH 188 (по G. Vékony) аналогичный перевод с несоблюдением тюркской грамматики: *oɣʲðɨ̲q I̲lʲk* “We have read. Ilik” с «тюркского языка».

В данном памятнике присутствует и уникальная запись названия Киева. В целом, Киевское письмо характеризуется активным использованием знаков для эмфатических согласных при передаче иноязычных слов. Но если в данном случае эмфатик является фонетичным, то находится интересная этническая параллель с названием города. В любом случае ее следует иметь в виду.

קייוב **[ḳijub/v]** [*Голб, Прицак*, *1997,* с. 66].

– андийские языки (расположенные на Андийском Койсу, левом притоке Сулака) > тинд. *ġijawú* m., *ġijawú-j* f., *ġija-ji* pl. ‘горный чеченец’, по-видимому, слово, этимологически связанное с ПНах. **ġij-d-an* ‘разорить, довести до нищеты’ (940). Также небезынтересно словосложение в диг. *ḳäj-näχ* ‘дерзкий, наглый; настойчивый, упрямый, навязчивый’, где вторая часть является заимствованием из ПНах. **naχav* ‘люди, мужчины’ (864) (диг. *ḳäjä* ‘черная каменная плита, сланец’ не может быть параллелью для первой части, – это старое заимствование из ПЛезг. **qʔajc̃avjə* ‘утес, скала; глыба; камень’ (2240), имеющего внутрикавказские параллели).

II. Переписка Хасдая ибн Шапрута, провансальское письмо

Несколько названий встречается в отрывке: «Хасдай заявляет, что, прежде чем он успел рассмотреть предложение отправить свое письмо царю Иосифу через Иерусалим, Низибис, Армению и

ал-Барда’а, прибыли (в Кордову) “посланцы царя **Г-б-лим’ов**”... “Дай нам твои письма, и мы доставим их к царю **Г-б-лим’ов**, а он, ради оказания тебе почета, пошлет письмо к израильтянам, живущим в стране חנגרין **[χəngərin, h-]**. Точно так же (те) перешлют его в страну Рус и оттуда в страну Б-л-гар...”» [*Коковцов*, *1932*, с. 115].

גבלים [**gəbəlim**]

– основа с евр. показателем мн. ч., в частности использующегося для названий народов или подданных, передача через чешское посредство **havel/*havla* (где *h* фонологически соответствует *g* других славянских языков) нем. названия реки Havel, правого притока реки Эльба. Ср. “The Havel is a river in north-eastern Germany, flowing through the German states of Mecklenburg-Vorpommern, Brandenburg, Berlin and Saxony-Anhalt. It is a right tributary of the Elbe river and 325 km in length. However the direct distance from its source to its mouth is only 94 km For much of its length, the Havel is navigable, and it provides an important link in the waterway connections between the east and west of Germany, and beyond”.

חנגרין **[χəngərin, h-]**

– Ср. титул на Кавказе – ПЛак. **χunḳàr-* ‘турецкий султан’ (2097), ПДарг. **χunkòrə ~ χ-* ‘богатый, зажиточный; турецкий султан’ (2464), ПАвар. **χ(:)unkàrəʔ̄və* ‘правитель Турции’ (1569), ПНах. **χonkoro* ‘турецкий султан’ (2533). Эти формы для названия местных (больших по статусу) правителей заимствованы из диг. *χundäger, χundeger* / ирон. *χʷɨndäžir, χäntgar* (< **χund(ä)ger ~ *χomd(ä)ger*) ‘турецкий султан; старший, главный из ханов’ < перс. *xūn(d)kar* < ***xudāvand-kar* ‘суверен, независимый’ [*Абаев*, *1989*, т. IV, с. 174]. Сюда же относится одно из названий страны, которое принесли с собой венгры, – *Hungaria* и, возможно, наименование κάγγαρ самого знатного рода печенегов у Константина Багрянородного. Заимствование названия может быть из осет. диалектной формы, где утерян второй слог исходно трехсложного слова. В ПЛак. соответствии присутствует абруптив, возникший в результате контаминации с основой, отмечаемой в северных лезгинских языках в виде **χʔăṅḳòru* ‘северный склон’ (1416).

Стоит обратить внимание на еще одно наименование титула, характерное для венгров. Это – венг. *király* ‘король’, которое не мо-

жет быть южнославянским заимствованием, судя по отражению первого гласного. В случае славянизма ожидалось бы *"karály* или *"akrály* (см.: [*Хелимский*, *2000(1)*, с. 425, 433; *Хелимский*, *2000(2)*, с. 434]). Это слово также является кавказизмом, который отмечен в ПАвар. **q̇iràləʔvə* ‘король’ (2350), ПАнд. > тинд. *q̇iral* ‘страна’, зап.-кавк. ПАК **qəra:l* ‘страна, государство’ > абаз. *q̇ralḭ*, осет. > карач.-балк. *qɨral*, ног. *qɨral* ‘страна’, и даже тур. *kɨral* (в турецком языке этот термин значит «немусульманский правитель Кавказа»).

Судя по отождествлениям географических названий, письмо предлагалось отправить с территории Восточной Германии через посредство венгерских евреев в Русь, а далее, по-видимому, через (Волжскую) Булгарию к хазарскому царю. Т.е. это некий северный путь доставки почтовой пересылки по торговым путям.

III. Письмо Шехтера

Интерпретация корпуса «хазарских» слов, зафиксированных в письме Шехтера, вызывает довольно большой интерес. В этом манускрипте передается один из вариантов истории становления Хазарского государства. Во многом он дополняет предания, известные по краткой и пространной редакции письма царя Иосифа. В памятнике, написанном на еврейском языке, отмечаются иноязычные заимствования, которые обозначают географические понятия, этнонимы, характерные титулы или должности. Ниже идет список несемитских слов в порядке их встречаемости в тексте.

תיזול **[tizul]** 1b/9 – название долины, в которой была найдена Книга.

– Надежной интерпретации нет, но ср. ПНах. **tɛze-n* ‘пресный’, **tɛzev* ‘пресноватый’, **tɛzev̊le* ‘пресность’ (2849), если эта долина названа по пресноводному водоему.

כגן **[kəgən]** или **[xəgən]** 1b/17, 18 – название/ имя мудреца/ судьи.

– В силу закономерностей развития булгарской фонетики, такого типа имя с серединным звонким заднеязычным согласным не может соответствовать стандартно-тюркскому **qaγan* ‘каган, император, верховный правитель’, фиксируемому в тюркских памятниках с рубежа VIII в. Кроме того, в булгарском анлауте ожидался бы спирант *"χ-*, который мог быть записан через букву «хет». Следует

помнить, что и в ст.-болг., и в др.-рус. передаче этого титула используется начальная буква *к-*, но не *х-*. Обращает на себя внимание ПНах. регулярный дериват **q̇age-in-* 'блестящий, засверкавший, сиятельный' (совр. чеч. *q̇ēg-ina*) от глагола 'блеснуть, блестеть, засиять' (2372). Это может быть нормальным определением лица, занимающего высшую должность «сиятельный, блистательный».

אסי **[asi]** 2b/23, אסיא **[asia]** 2a/5 – соседствующий (враг).

– зап.-кавк. ПАТ **asu̯* 'Северокавказская равнина; абазин (Тапанта)' (2186) (фактически, как указывает развитие согласных в этой подгруппе и в других западно-кавказских языках, со смягченным *-s-*, т.е. **asü̯*, что объясняет второй гласный в евр. записи). Отсюда берется др.-рус. наименование *ясов* для части западно-кавказских племен, живших в равнинных предгорьях Кавказского хребта. В письме слово может быть просто географическим названием.

Ср. также ПАК **qo:so-ɣa* 'люди лодок' (3608, 2141), из каб. > чеч. арх. *q̇osag* 'моряк, мореплаватель', вост.-слав. **kasogъ*, **kosogъ* > др.-рус. *касози* pl., *косогы* (ПВЛ, СПИ).

טורקו **[ṭurḳu]** 2b/23, טורקיא **[ṭurḳia]** 2a/5, 11 – соседствующий (враг, друг).

– Этимологически данное слово связано с позднейшим наименованием тюрков (общий термин в языковом отношении). Однако в собственно тюркской традиции эта основа имела распространение в названиях политических объединений или просто с положительной характеристикой только в карлукской подгруппе тюркских языков, к которой относится наибольшее количество раннесредневековых памятников. В булгарской и огузской ветвях данное слово имеет пренебрежительную коннотацию, в кыпчакских и сибирских языках оно практически неизвестно. Исторически это является согдийским иранским заимствованием с характерным умляутом первого гласного при суффиксе относительного прилагательного *-īk* (< **-iyaka*), использующегося для людей конкретного региона, в том числе и *ērīk* – при названии земледельческой области Aryāna и *"twirīk* – при названии кочевнической области Turāna. Таким образом, буквальное значение у тюрк. **türkü* 'туранец, кочевник'. Стоит обратить внимание, что в тюрк. языках в данном слове представлены придыхательные согласные. Источником евр. формы с эмфатиками может быть только абаз. форма *ṭurḳu* 'Северокавказская

равнина', которая, несомненно, является заимствованной, но имеет абруптивы и специфическое значение. Следы отражения, по крайней мере – серединного абруптива, есть и в диг. *turg:ag* (< **turg:-iag*) 'турок'. По правилам фонетической адаптации кавказских заимствований серединный кавказский абруптив дает сильный согласный. Таким образом, под **ṭurḳu** в данном памятнике не следует искать чисто этнического значения, это может быть и географическим термином.

עבם < עבס **['əbs]** 2a/6 – соседствующий (враг) (Последняя буква в слове была заляпана кляксой и чтение основывалось на варианте, видимом в ультрафиолетовом спектре.)

– зап.-кавк. ПАТ **ăpsə-* 'владыка, князь; абхаз' (1857), сохраненное в самоназвании абхазов. Это слово в дальнейшем заимствуется соседями, может быть, первоначально в нарицательном в значении 'царство (спец.)' или 'царские (подданные)' > др.-груз. *ovsi* 'осетин, житель центральной части северного Кавказа', зап.-груз. *obasa*, *obesa* 'абхаз', черкес. *ābswo*, отсюда же и др.-рус. *обезы* [*Дирр*, *1909*, с. 6].

פיניל < פצניק **[pəcəniḳ]** 2a/6 – соседствующий (враг). Принимается традиционная конъектура с буквой «цаде» на месте двойного йода.

– ПЗК **pače* > ПАК **paše̋n -əʁa* 'предводительствовать, быть передовым, ведущим; руководство, первенство, лидерство' (3702). Конъектурное чтение последнего согласного необязательно, здесь может быть на конце продуктивный компонент ПАК **ĵə* 'мужчина; люди' (97), т. е. **pəcənil**. В итоге получается, что в повествовании о возмущении под влиянием «македонского царя», кроме аланов, отложились территории северных предгорий Кавказа (возможно, западной и восточной частей), какая-то часть Абхазии (северная?) и территория печенегов (с неясной локализацией).

סמכריי **[səmk/xərij]** 2a/19, סמבריו < סמכריו [**səmk/xəriw**] 2b/7 – город, который разграбил **Həlgu**. Традиционная конъектура с буквой «цаде» на месте двух последних глайдов, т.е. סמכרץ [**səmk/xərc**].

– Если считать передачу названия правильной, то ср. груз. *Samχari*, *samχre-ti* 'юг, полдень', и тогда это может быть описанием похода русов в Закавказье.

בולשצי **[buləšci]** 2a/20 – титул, должность хазарского представителя, который сначала не уследил за разграблением, а потом разбил русов.

– ПНах. **bolʔe̊-š-če(vje)* ‘человек, занимающийся сборами (например, гарнцевыми)’ (2020, 2580). Продуктивный композит с северокавказским словом ‘человек’, служащим для образования имени деятеля по значению предшествующей именной основы. Возможно, некто выполнявший функцию государственного таможенника в данном письме.

פסח [**pəsəχ** = **pəseχ**] в композите с последующим словом является объяснением статуса (?) или именем предыдущего **buləšci**.

– Традиционная трактовка предпочитает видеть личное имя Песах, обозначающее праздник Еврейской Пасхи, хотя признается нетипичность такого имени. Если учитывать значение второго слова, более разумным представляется привлечь диг. *paχsajnag* ‘баксанец, житель Баксанского ущелья в Балкарии’. Метатеза сочетания сибилянта с велярным спирантом является относительно поздним процессом в осет., а данный этноним имеет этимологическую и географическую параллель в адыг. *basłənəj* ‘бесленеевцы’ и в заимствованном устар. каб. *basxaj-ʁ* ‘абаза’, отражающем ожидаемую этимологическую ПАТ параллель *"basəχe*. Любопытно отметить, что, по данным Б. Вахушти, княжеский род Басиани, отождествляемый с географическим Баксаном, был самым знатным на территории Осетии. Однако, возвращаясь к трактовке этого слова как личного имени, следует обратить внимание на генеалогию осетинской фамилии Плитæ (патронимия Есетæ), записанную Ю. А. Дзиццойты в селении Рук: *Jesejän jä fi̯rt Si̯rχläg, wi̯j fi̯rt – Turä, wi̯j fi̯rt –* ***Pese****,* ***Peseji̯*** *fi̯rt – Rosṭom, Rosṭomi̯ fi̯rt – Wasil ämä Wasili̯ fi̯rt ta – äz* [*Фидиуæг*, 1994, № 4, с. 104], т. е. «Сыном Есе [был] Сирхлаг, его сын – Тура, его сын – **Песе**, сын **Песе** – Ростом, сын Ростома – Василий, а сын Василия – я [= Хаджумар]».

חמקר **[χəmḳər]** 2a/21 титул, см. выше חנגרין **[χəngərin, h-]** (II раздел).

– Заимствование названия из осет. титульного термина: диг. *Xundäger* ~ *χundeger* ‘султан; старший, главный из ханов’, *χändägar* ‘правитель’ / ирон. *χʷi̯ndäžir, χäntgar* (< **χundäger* ~ **χomdäger*) ‘турецкий султан’ < перс. *xūn(d)kar* < *"xudāvand-kar* ‘суверен, независимый’ [*Абаев*, *1989*, т. IV, с. 174]. Через эмфатик «коф», по всей видимости, передается диал. сильный согласный *"χomg:är* = *"χomk:är*, возникший на месте ассимиляции сочетания согласных. В композиции с предыдущим словом может означать «баксанский/бесленеевский

самодержец». Далее в тексте описываются достижения этой географической или этнической группы.

שורשונף/ך **[šuršunp/f, -nk/x]** 2a/23 – название города, взятого хазарскими войсками.

– Крайне маловероятно, что название этого города отражает освоение греч. Χερσών, -ῶνος (у Константина Багрянородного). Во-первых, в письме есть следы конечной буквы после носового сонанта, во-вторых, в рамках евр. языка прекрасно различаются свистящие и шипящие сибилянты, в-третьих, ассимиляция двух сибилянтов шипящего и заднеязычного в лучшем случае могла быть только в части восточно-кавказских языков Дагестана. Интересно привлечь этимологию относительно современного наименования города Анапы, которая выводится из зап.-кавк. ПАК названия стола ***ʔanə*** (1975), т. е. ***ʔana-ṗo*** «край, берег? стола», ср. Столовую гору там же. В зап.-кавк. убых. аналогичный «столик» звучит как ***šanə̀*** ‘столик (низкий столовый, на трех ножках)’ (с ПСК этимологией). При такой же словообразовательной конструкции в убых. должно быть ***"šanə-ṗu***, а если в первой части «у моря, к морю», то ***"šo-r-šanə̀ṗu*** (522). Ср. убых. ****gè:ɾ-ʁo*** ‘долина, межгорье’ (1008), ****bzarə́-χo*** ‘стоячая вода, пруд’ (1825). Косвенно первичное убых. происхождение названия может поддерживать и убых. *šinʒè* ‘долина на родине убыхов’, *šinʒè, šìnʒešö* наименование одного из известных подразделений убыхов (3766), откуда берутся греч. *синды* (Σινδοί), Синдика, Синдская гавань (= Горгиппия) как раз на месте Анапы [Дирр, *1909,* с. 7].

ארקנוס/ם **[arḳənus, -m]** 2b/16 устаревшее («найденное в книгах имя страны (хазар)».

– В зап.-кавк. адыг. нартовском эпосе место боя главного героя нартов Сосрыко – *ārqanəčʼew temonəm* «в плавнях низовья Аркана», *ārqənaw temonə ṣüçam* «в черных плавнях Аркына», *ārχəčʼew temonəm* «в плавнях низовья Архи», также в локальном темиргоевском варианте: *ārqəčʼe tengəzba // tengəzəm əsi̯ħa qasəwuħāza // nartəmo jēʒa səxaħāʁ sa* «Внизу Арыка-море / рыская выше моря / я в войсках нартов оказался», в каб. варианте *hārəq̇ačʼe tajmonəm* «на мифическом озере (Тамбукан)» [*Кумахов*, *1984*, с. 297, 298], т. е. в ПАК **arqə̆nə-čʼe* «низовья Аркана» – реки, отождествляемой исследователями с Кубанью. При варианте с конечным *-m* в евр. названии с натяжкой и предположением метатезы можно привлечь диг. *ärkomun*

‘согласиться, уступить; согласие’, где инфинитив соответствует имени действия.

אטיל **[aṭil]** 2b/17 – название (главной) реки или реки, на которой стоит столица.

– Всеми принятое отождествление с Итилем (в неправильной транскрипции с тат.-башк. акцентом; должно быть в крайнем случае Этиль, а точнее Этул/ Эдул) (о названии реки см.: [*Мудрак*, *2010*, с. 374–377[2]]).

זיבוס **[zibus]** < ?? זיבוק **[zivuḳ]** 2b/23 – наименование народа/территории, союзной (враждебной?) хазарам. Крайне сомнительна конъектура זיכוס **[zik/xus]** и последующее сведение с наименованием *зихов*. Во-первых, нигде не засвидетельствована форма ед. ч. с показателем *-os*, во-вторых, странно наименование народа по имени его одного представителя, а не по форме мн. ч. или *nomina collectiva*.

– Предлагаемая конъектура основана на том, что при перечислении сыновей Тогармы в Иосиппоне упоминается זבוך **[zəvuk/x]**, в Хронике Джерашмила – **Захух** (= **Завух** с обычной на евр. материале опиской серединного согласного), в книге Джашера – **Zebuc**. Ср. диг. *зäwägi-ʁaw*, ирон. *зäwжi-qaw* ‘Владикавказ’ (< **зäwŏg-i ʁaw* «поселение “дзавогов/ дзавога”»), по другим данным, на этом месте находилось осетинское село Капкай (!! **kapkaз*). При дальнейших связях можно учесть диг. *зawag* «житель Джавы» (осет. *зaw*, груз. *ǯava* < **зawä*) в центральной части Южной Осетии или название Азовского моря у генуэзцев и венецианцев – Mare delle Zabacche. Интересно также в греко-арамейской Армазской билингве: «Серафита, дочь **Зеваха [*ZHOYAX*-]**, младшего питиахша царя Фарсмана, жена Иодмангана-победоносца...».

לוזניו **[luzəniw]** 2b/23, наименование народа/ территории, союзной (враждебной?) хазарам. Неизвестное для носителя евр. языка слово стоит после сочинительного союза «вава» и поэтому в его написании не отражается начальный гласный.

---

[2] К рассмотренным в данной работе данным стоит добавить осет. диг. устар. *dedil* ‘Волга(?)’, топоним с вторичным начальным *d-*, полученным через тюркское посредство. Это название соотносимо с любой крупной рекой, В XIII–XIV вв. Малый Итиль – устье реки Терек или Сулака, чув. *xora adъl, šorъ adъl, aslъ adъl* – черная река, белая река, великая река – Волга до впадения Камы, Кама, Волга после слияния с Камой, тат. Идел, Аг-Идел – Волга, Белая (южный приток Камы). Следует также учитывать представление Дона после переволоки как западного рукава реки Волги в исторической традиции.

– ПЦез. **o'lozeni* ‘озеро, пруд, большой водоем’ (195), откуда происходит название реки Алазань, груз. *alazani*.

IV. Письмо царя Иосифа. Дети Тогармы

Существует закавказский список этниконов, представленных как Дети Тогармы, известный по ранним армянским и грузинским памятникам. Наименования соответствуют основным этносам Закавказья. Также в двух редакциях письма царя Иосифа находится свое перечисление детей Тогармы, которое может отражать этническую ситуацию к северу от Кавказского хребта. Это – первый северокавказский вариант, фиксируемый в краткой и пространной редакциях писем царя Иосифа и у Иехуды бен Барзилай. Также есть второй северокавказский вариант, отражаемый в Иосиппоне и других памятниках, оформившийся в годы Хазарского каганата. Ниже будет рассмотрен первый список, где имя Хазар стоит на 7-м месте. Сначала даются варианты в краткой редакции, потом – в пространной, далее – по списку Иехуды бен Барзилай, а в конце – общая интерпретация.

крат.	прост.	Иехуда бен Барзилай	
אגיור [əgiur]	אויור [əwiur]	אויור [əwiur]	1 [**əwiur**]

– Переосмыслен низ второй буквы в варианте краткой редакции. ПНах. **ɔbe(w)r-ge* ‘абрек, бандит’ (2528), чеч. **obHorgo* ~ **obHovrgo* > *obarg* (*-an, -aš*) w/b, (A) *oburg*, акк. *abarg* (*, -aš*) w/b (A), чеберл. *aburig* (*, -eš*) w/b (A), шат. *oburg* (*, -aš*) w/b (A), кист. *oburak* (*, -iš*) w/b (A), инг. **eberge* > *ebarg* (*-a, -aš*) w/b, (A), *ebargal* coll., бацб. **abraḳ* > груз. *abraḳi*. ПЧИ > Далее в др.-рус. *обьринъ, объринъ*, *обре* ‘авар’, др.-пол. *obrzym* (Ф 3, 107, 108), ПЧИ > осет. *abäreg* (*abärgu-tä*) ~ *abäräg* (*abärgu-tä*), ирон. *abɨräg* (< **abä̆rĕɣ*) ‘разбойник, абрек’ [*Абаев*, *195*8, т. I, с. 25], мегр., имерет. *abragi* (< осет. ирон.); ПНах. > арм. *aṗur̥* ‘добыча, корысть, грабеж, разграбление, расхищение’, dnv. *aṗr̥-el* [*Худоватев*, *1838*, с. 132], парф. *āpar (= ābar)* ‘грабеж’. Этимологическим соответствием для ПНах., имеющего продуктивный сингулятивно-диминутивный суффикс, является ПАвар. (2582) **əbòra-* > *obòra-b*, inch. *obòrł-ize* ‘хитрый, прозорливый’ (2582). В списке могут фигурировать предкавказские или паннонские Авары.

תירס [tirəs] תוריס [turis] תוריס [turis] 2 [**turis**]

Не подходит предлагавшееся П. К. Коковцовым, А. Я. Гаркави и другими исследователями название Крыма *Taurus* с необъяснимой субституцией через «йод» второго гласного.

– Следует привлекать название Днестра: греч. Τύρας (ου), ион. Τύρης, лат. Tyras, Tiras, ср. греч. Τυρίτης (ου; ῑ) ‘житель устья реки Днестр’. В краткой редакции этникон по созвучию замещен одним из сыновей Яфета.

אוור [uwər] אווז [uwəz] {אזח [**azəχ**]}, אוזר [uzər] (8) 3 אוזר [**uzər**]

В варианте Иехуды Бен Барзилая 3-ему этникону письма царя Иосифа соответствует стоящий на 8-м месте в списке сыновей. Собственный 3-й этникон Иехуды имеет свою отдельную этимологию.

– диг. *wozer* ‘гуляние, прогулка, блуждание’, *wozrek* (каб. *wozražį*) село и особый диалект дигорцев. Ср. ПАК **wozərmogį* ‘Урузмаг (нартовского эпоса)’ (букв. «незваный бродяга», иноплеменный по происхождению герой, ставший одним из нартов по всем вариантам эпоса). В осет. диг. и в зап.-кавк. противопоставление начальных *o-* и *wo-* нефонематично.

– для собственного этникона Иехуды Бен Барзилая ср. тюрк.-кыпч. **azaq* название Азовского моря, не имеющее тюркской этимологии и являющееся неясным заимствованием, может быть это абх. *azəχu* ‘адыгейцы’?

אוגין [ugin] אוגוז [uguz] אוין [əwin] 4 [**ugin?, uguz**]

Два допустимых варианта протографа.

– диг. *wogän(ä) ~ wogojnä* ‘скрытое место, где прячут запасы’, или станд.-тюрк. **oγuz* – этноним западного племенного объединения.

ביזל [bizəl] ביזל [bizəl] ביזל [bizəl] 5 [**bizəl**]

Феофан: βερζιλίας, βερζηλίας, βερζίλιας, βερζήλιας, Ф. Симокатта: Βαρσήλι (Кн. 7, VIII: «3. Барселт, уннугуры, сабиры и, кроме них, другие гуннские племена, увидав только часть людей уар и хунни, бежавших в их места, прониклись страхом и решили, что к ним переселились авары», Βαρσηλι και Ουνουγοῦροι και Σαβίροι).

– ПНах. **borze-lvej* ‘волк’, чеч. *borz* (*berz-an, barz-, berzaloj*) j/j, аккин. *bǫrz* (*berz-aǫ, berz-, berzaloj*), инг. *borz* (*berz-o, berzloj*) j/j, dna.

berza, бацб. *bɬorç* (*bɬarçelč pl.*) b/d; *bɬorç* (*bɬarç-, bɬarçailč*) (397). Наименование объединения нахов, для которых типичен культ волка.

תרנא [tərna] תרנא[tərna] תרצה [tərcəh] 6 [**tərnah**]

С буквой «цаде» у А. Федорчука с выверкой по рукописи [*Федорчук*, *2001*, с. 187–188], у П. К. Коковцова дано в виде תרנה [tərnəh]. Не ясно, возможно вместо «цаде» сочетание «нуна» с «йодом»?

– Ф. Симокатта, Кн. 7, VIII: «16. В это же самое время племена ***тарниах*** и *котзагиров* (они были из числа *уар* и *хунни*) бежали от тюрок и, прибыв в Европу, соединились с теми из *аваров*, которые были под властью кагана. 17. Говорят, что и племя *забендер* было родом из народа *уар* и *хунни*. Эта дополнительная военная сила, соединившаяся с аварами, исчислялась в десять тысяч человек». При греч. ? ταρνιαχ-.

– диг. *täran* устар. ‘Дарьяльское ущелье’, житель этой местности должен звучать как *"täräjnag* < *"täraniag* по продуктивной модели словообразования.

כזר [k/xəzər] כזר [k/xəzər] כזר [k/xəzər] 7 [**xəzər**]

– Хазары. Как более северные и центральные (?) по сравнению с предыдущими этниконами.

זנור [zənur] ינור [jənur] {אוזר [uzər]} 8

Не ясно звучание протографа.

– ? ПАК **že:ne* ‘жанеевцы; абаза’, оджанские черкасы (XVII в.). Адыгское объединение вдоль восточного побережья Черного моря.

בלגד [bəlgəd] בלגר [bəlgər] בלגה [bəlgəh] 9 [**bəlgər**]

– булг. (?) **bulγar* или **bålγar*. Название объединений булгар-тюрков Прикубанья (или Придонья), Болгарии и Поволжья.

סאויר [sawir] סאויר [sawir] סאויר [sawir] 10 [**sawir**]

– вост.-слав. **sěverъ* – Северская земля. Ср. сван. *mu-sa:w,* pl. *sawiar* ‘осетин’, сван. *mu-sa:w* ‘балкарцы’ [*Волкова*, *1973*, с. 178], *osil mu-sa:w* ‘осетин’; диг. *saw-mulaχ,* при сосуществующем отдельном слове *mulaχ* ‘сван’, каб. *sąwna* ‘сваны’, *gurzin-sąwna* ‘грузины’. Наименование западных осетин-сванов на Кавказе и населения на левобережье Днепра.

Локализация сынов Тогармы в предкавказском варианте.
С буквенной пометой дан вариант, отмеченный у Иегуды б. Барзилай.

Представляется, что при перечислении сыны группировались парами. Сначала идет самая западная пара – авары и население Днестра (1–2), далее пара кочевников и их зимников или кочевников европейского юга и самых восточных тюркских кочевников, в варианте Иехуды бен Барзилай – приазовское население и зимники (3–4), потом пара нахского объединения и жителей Дарьяла (5–6), пара хазар и приморских адыгов, а у Иегуды – пара хазар и кочевников (7–8), пара волжских(?) булгар и населения Северщины. В отличие от второго предкавказского списка сыновей Тогармы, где хазары стоят на первом месте, можно предположить, что данный вариант начал оформление во времена становления Аварского каганата, т. е. он является (модифицированным?) аварским списком. Если это предположение верно, то снимается допускавшееся прочтение 4 сына как uguz, в связи с маловероятностью появления независимых огузских объединений в это время так далеко на запад.

V. Письмо царя Иосифа. Северные народы

В пространной редакции письма царя Иосифа даются перечисления входящих в государство народов, которые группируются в три группы: более северные, более южные, более западные (материковые и крымские). Здесь будет рассмотрена первая группа в порядке перечисления.

בורטס [**burṭəs**] Буртасы.

– авар. **burtija-s:u-* ‘чеченцы’ (< ПСК **‘всадник’) [*Мудрак*, *2010*, с. 384–385]. По-видимому, название объединения с конным войском. Не исключено, что это общий термин для кочевников правобережья средней и нижней Волги, этнический состав которых неясен.

בולגר [**bulgər**] Булгары.

– булг. (?) **bulγar* или **bålγar* – самоназвание. В этом перечислении могут иметься в виду как правобережные булгары, так и булгары левобережья Волги, создавшие впоследствии Волжскую Булгарию. Скорее возможен восточный вариант.

סואר [**səwar**] «Сувары». Огласовка первого гласного остается неясной. Неизвестный народ в районе среднего течения Волги.

אריסו [**arisu**] Не исключено, что это перечисление двух народов, а не одного, на что указывает и необычное написание со всеми выписанными гласными.

– морд. *er’äj* ‘житель’ для первой части. Это не самоназвание мордвы, а ответ на вопрос «кто ты такой?». Для второй части существует перм. **jęz* = **jęsə* ‘люди, народ’, ставшее суффиксом *-jos* окончания мн. ч. людей в современных удмуртском и коми языках. Таким образом, перечисляются приволжские финно-угорские народы.

צרמיס [**cərmis**] Черемисы.

– вост.-слав. **čeremisъ* (с конца XVIII в. – марийцы, до этого неизвестный по языковой принадлежности поволжский народ), чув. *şarmъş* ‘северо-западные чуваши (самоназвание самого архаичного малокарачинского диалекта в нижнем Посурье); марийцы (в совр. чувашском)’. Самоназвание предков чувашей на правобережье Волги. Корень имеет тюркское и алтайское происхождение и соответствует кыпч. **ǯarmaq* ‘удалец(?), ермак’, у Махмуда Кашгарского *ǯamraq*, *ǯar ǯarmaq* ‘малые дети’, монг. **ǯermegej* ‘юноша’. Из булг. в венг. заимствовано *gyermek* ‘ребенок’. В чув. основа оформлена показателем человека-деятеля, восходящим к тюрк. **-ču* > **-či*, и вся основа должна была значить «удальцы, ведущие себя по-юношески, джигиты». Параллелей для «черемисов» нет ни в марийском, ни в других финно-угорских языках. Таким образом, здесь упомянуты жители правобережной Суры, языковые предки чувашей.

וננתית [**wənəntit**] В этом названии многие исследователи видели вятичей. Однако, такое сравнение противоречит исторической фонетике восточнославянских языков. К тому же не объяснялось на-

личие двух носовых согласных в записи и конец слова. Крайне натянута и конъектура וצתים [wəcətim].

– морд. *wánondo-ms* ‘охранять, караулить; пасти; выслеживать, высматривать’, действ. прич. наст. вр. *wánondɨ* и *-t* показатель мн. ч. (морфонологически *"wánъntъjt*). Мордовское, по происхождению, название сторожей, пастухов. Ср. осет. название адыгов и кабардинцев *käsäg*, являющееся активным причастием ‘смотрящий; наблюдающий’ от глагола *käsun* ‘смотреть’, т.е. некая стража. В памятнике имеется в виду полуоседлое(?) население Тамбовской, Пензенской областей и Мордовии.

סוור [**səwur**] < סויר, סיור [**səwir**, siwər] Север, северяне. Вторая возможная конъектура представляется маловероятной.

– вост.-слав. **sěverъ*, сван. *mu-sa:w*, pl. *sawiar* ‘осетин’. Подробнее см. в предыдущем разделе. Исходно, возможно осетино-язычное население Подонья, бассейна Донца и левобережья Днепра.

צלויון [**cləwjun**] Славяне. Предположение о заимствовании арабского аффикса мн. числа является крайне надуманным.

– южн.-слав. **slavjan-e*. Здесь подходит именно книжная южн.-слав. форма с предположением чтения «вава» как *-ō-*. По сообщению Б. Е. Рашковского, в иврите встречается переход *s* > *c* в сочетаниях с последующими спирантами, например: sefer > cfer. Возможно, здесь представлен аналогичный процесс, и это след развития спиранта в аффрикату в первой части сочетания согласных.

Далее упоминаются юго-восточные соседи, этимология которых не вызывает сомнений.

כוארזם [**k/xwarəzm**] ср.-перс. *xwarazmi* ‘хорезмиец’.

גרגאן [**gərgan**] ср.-перс. *gurgan* ‘Гурган’ в юго-восточном Прикаспии.

Легко заметить, что перечисление северных народов идет по незамкнутой дуге, направленной влево. Сначала упоминаются народы низовий и средней части Волги, потом окрестности Камы и Суры. Далее народы стыка бассейнов Оки и Дона, а в завершение – Донец – левобережье Днепра и «остальная» часть Приднепровья. Почти для всех наименований удается проследить их языковую соотнесенность и происхождение. Присутствуют заимствования из местных финно-угорских и тюркских языков булгарской ветви. Языковой и этнический состав Северской земли неясен. К славянам явно относится лишь последний этноним. Часть наименований не является «чистыми» этнонимами. Это относится к словам **burṭəs**, **arisu**, **wənəntit**.

VI. Письмо царя Иосифа. Южные народы

В данной части будет рассмотрен список южных народов и некоторых западных, за исключением известной топонимики Крыма. Следует повторить, что определение «народ» до некоторой степени условно, под этим наименованием могут скрываться названия политических объединений и географические названия.

סמנדר [**səməndər**] – город в конце следующей страны, с которого начинается перечисление хазарских подданных южного направления.

– Ср. перс. سَمانْ = آسْمانْ ‘небо’ для первой части в названии, которое может оканчиваться на известный по памятникам показатель народов этого ареала. В то же время, представляется возможным привлечь диг. *saman-dor*, ирон. *saman-dur* ‘сырцовый кирпич’, тогда это просто обозначение города или крепости из сырцового кирпича. Месторасположение остается неясным.

תדלו [**tədəlu**] < תרלו [**tərəlu**]

– нах. **ṭere-lavju* ‘терлой’ (*тукхум* – крупное родовое объединение), букв. «верхние, верховые (о населении)» (1710, 1788), существует и параллельное название *ṭirij*. Эта этимология со ссылкой на Ф. О. Вестберга есть в комментариях издания П. К. Коковцова.

אזור [**azur**]

– Интересно авар. устар. название города Тарки – *azajni* (может быть формой в одном из локативных падежей). Кроме того, у С. А. Плетнёвой [*Плетнёва*, *1976*, с. 16] есть следующее сообщение: «Мощные города-крепости с системой оборонительных сооружений, аналогичной чир-юртской, известны и вне бассейна Сулака – на Акташе и Тереке. Один из них, Азар (Хазар)-кала, находился на реке Ярыксу (притоке Акташа), второй – на мысу высокого берега самого Акташа. Оба они имеют мощные культурные напластования (от II–III вв. до IX в.), оба длительное время существовали без укреплений». Также есть ПЛак. основа **azur’à-* ‘беспокойный’ (2536). Судя по порядку перечисления народов, скорее предпочтителен второй вариант.

בגדא [**bəgəda**]

– ахвах. *bag*^{w}*ado* ‘багвалинцы’, от названия общества **bagō*, куда входили собственно нынешние багвалинцы, тиндинцы и часть цезских народов (в частности, хваршинцы, у которых под именем

bogo-zi фигурируют ‘тиндинцы’). Ахвахцы живут в нижнем течении Андийского Койсу, рядом с собственно андийцами. Упоминаемые народы говорят на андийских и цезских языках и занимают бассейн реки Андийское Койсу. Не исключено, что в это объединение входила и часть аварского населения.

סרידי [**səridi**] < סריר [**səriri**]

– Серир, название государственного образования с доминированием хунзахских аварцев, правильно отождествленное Ф. О. Вестбергом.

כיתון [**k/xitun**] < כיתוך [**k/xəjtuk/x**]

– дарг. **χajd̲aq*, где **d̲* = **t* ‘хайдаки’. Название южно-даргинского общества чуть севернее Дербента, славившегося своей воинственностью. В дагестанских языках сильные смычные согласные могут произноситься с частичным участием голоса или без него. Но в любом случае они не имеют аспирации (придыхания). Можно и не предполагать конъектуру последнего согласного, если основа дана в осет. виде и осложнена отыменным аффиксом прилагательного *-on.* Эту возможность поддерживает указание Ш. Ногмова: «Аварский или Хаданский хан-уцмий был самым опасным врагом кабардинцев» [*Ногмов*, *1861*, с. 97]. Аварский правитель исторически имел название нуцал, а даргинский – уцмий, так что речь у него идет именно о хайдакском правителе.

ארכו [**ark/xu**]

– ПЛезг. **hạ̈rg̲ŏ̆-r* где **g̲ = *k̲* ‘лезгин (лезгины-кюринцы)’ (2725). В собственно лезгинском языке, входящем как отдельная составляющая в лезгинскую ветвь дагестанских языков, существует несколько сильно различающихся диалектов. На базе кюринского диалекта создана норма литературного лезгинского языка. Данным именем лезгинов называют табасаранцы, агульцы и рутульцы. Про сильные смычные согласные см. выше. Несомненно, идет речь о лезгинском населении бассейна реки Самур.

שאולא [**šawla**] или ? שאולה < שאולת [**šawlət**]

– табасаранский (хурикский диал.) *š:awluṭ* ‘основание, фундамент; (низкий)’ (1760). Название проникло как описательное в контексте об отрогах гор. В таком виде оно отмечено только в табасаранском языке. По-видимому, под этим названием фигурируют табасараны – жители отрогов юго-восточной части Большого Кавказского хребта.

סגסרט [**səgəsərṭə**] < סגס סרט [**səgəs sərtə**] или סג סרט [**səgə sərtə**]. В данном названии и в комплексе последующих народов фигурирует общий элемент, справедливо отождествлявшийся с иран. словом «голова» в комментариях у П. К. Коковцова. Однако нет необходимости связывать это слово с названиями гор. Наиболее вероятно, что здесь оно используется в значении «глава, предводитель» и применяется к местным объединениям, имевшим одного верховного правителя. Конкретно в этом слове данный элемент осложнен аффиксом, соответствующим осетинскому показателю мн. ч. *-tä, -d:ä* (= *-t:ä*). Это можно понимать как совокупность правителей в конкретном месте или как общее указание на совокупность правителей с последующей конкретной расшифровкой с указаниями более мелких областей.

– арм. *Շակաշեն šaḳašēn*, греч. *sakasena.* Основа, проникшая через осет. посредство с регулярным замещением спиранта *sägäs sär-t(:)ä* ‘правители Шакlаша’. Даже скорее здесь фигурируют ‘правители Шакlи’, азербайджанского города совр. Шеки (Нуха) в бассейне реки Алазань, т. е. סג סרט [**səgə sərtə**]. Этимологическое произведение данных названий от кочевников «саков» не проходит по фонетическим причинам, так как в них представлен шипящий спирант *š*, который отличен от *s*, присутствующего в названии народа «саков». Путаница даже на иранской почве невозможна. Она появляется лишь при опоре на записи греческим письмом, где качество спирантов не различается.

אלבוסר [**aləb/vusər**] < אלבו סר [**aləb/vu sər**] или אלבן סר [**aləb/vən sər**]

– Албания, правитель Албании < ПСК **’äle-w-* ‘правитель, князь’ (1763) (см. подробней: [*Мудрак*, *2010*, с. 380–381]). К тому материалу можно добавить заимствованное диг. *allw-ag* ‘благородный’, по своему фонетическому облику напоминающее лакское соответствие **alvà-ħ-* ‘благородный (о характере)’ (ПЛак. 1058). Во второй части стоит осет. *sär* ‘глава, предводитель’, как в предыдущем и последующих словах. Вполне возможно, что здесь имеется в виду не Кавказская Албания, а правитель местности Алвани (Ахметский район Грузии) в бассейне реки Алазань.

אוכוסר [**uk/xusər**] < אוכו סר [**uk/xu sər**]

– Цезско-дидойский по происхождению корень, отмечаемый в бежт. языке как *oqo-ǯela* «прародина бежтинцев» [*Лугуев, Магометов*, *1994*, с. 8]. Вторая часть изолированно существует в близко-

родственном гунз. языке в виде *čelu* ‘участок земли’. Этимологическим соответствием этнониму, находящемуся в первой части, является ПНах. *aqqo:j* ‘аккинцы’ (2301), заимствованное в рус. *окоцкие*. Еще в начале XIX в. зимние поселения бежтинцев находились в районе Кварели (в средней части Алазани), откуда весной проводилась регулярная перекочевка скота в горы.

כיארוסר [**kiarusər**] < כיארו סר [**kiaru sər**] или с предположением описки как כיאדו סר [**kiadu sər**]

– Ср. андийское кар. **ḳ:iri-* ‘каратинец’ (самоназвание) < ПАнд. *ḳ:iri-*. Если верна вторая трактовка с конъектурой, то тогда хварш. **keda-* ‘хваршинец’ (самоназвание), цез. *kìdili-be* ‘жители с. Кидеро’ < ПЦез. **kedə-*. Во второй части осет. *sär* ‘глава, предводитель’. Наиболее вероятным кажется именно второй вариант из-за более западной локализации хваршинцев в истоках Андийского Койсу. Истоки р. Алазани и р. Андийского Койсу находятся в непосредственной близости.

ציגלג [**cigələg**]

– Может быть осет. названием *ʒege* ‘Чегемское сообщество’. Или здесь представлено слово-композит, состоящее из частей – *ʒäg(:)* ‘коза’ и *läg* ‘человек’, ср. модель для лезгинского народа цахур = «козьи (люди)». Последний вариант поддерживает диг. иронич. *ʒiglo* ‘горец’, словом, которое является адаптацией ПНах. сложения основы **cigene* ‘козленок’ (1850) и **-lav(ju)* суффикс человека или общности людей (1788), аналогичного своему ожидаемому осет. композиту *ʒäg(:)-läg*. Наверное, под этим наименованием имелись в виду дикие горцы. После следующего названия народа в письме говорится «расположенные на очень высоких горах», и это определение подходит не ко всему списку, а к последним двум народам.

זוניך [**zunik/x**] Параллелей пока не найдено, интерпретация не ясна, только известно, что под этим названием понимаются горцы.

אלנייס [**ələniim**] pl. Аланы. Сопровождается определением «все».

– ПНах. **aleɳ ~ -j, *al-ovlo* ‘царь, вождь’ (708) (гражданский царь в отличие от военного при нахском традиционном институте двух вождей) (подробнее см.: [*Мудрак*, *2010*, с. 380–381]).

אפכאן [**ap/fək/xən**] < אפכאז [**ap/fək/xəz**] Абхазы, по верной конъектуре А. Я. Гаркави.

– груз. *abχaz-i, apχaz-i* ‘абхазы’. До этих границ доходят «все аланы».

כאסא [**k/xasa**] «все живущие в стране Каса».

– зап.-кавк. ПАК **xa:sa*, убых. **xa:sà ~ *χà:sa* ‘съезд, собрание’ (3634). Может быть собственным наименованием западно-кавказского объединения.

כיאל [**kəjal**] «и все (племена) Киял».

– авар. диал. **q̇ijal* pl. ‘чеченцы’, тинд. *q̇ijawú* m., *q̇ijawú-j* f., *q̇íja-ji* pl. ‘горный чеченец’. Здесь представлена аварская форма названия во мн. ч.

תכת [**təkətə**] Локализация этого народа не ясна. Здесь может быть основа, оформленная осет. показателем мн. ч.

– Можно привлечь диг. *teqadt* ‘враждебный, отвернувшийся’ или народ *так-оци* gen. pl. (19), соответствующий *такуйры* (21) в разных списках Армянской географии. В последнем случае представлен показатель осет. мн. ч.

גבול [**gəbulə**]

– Габала (в лезг. *q̇ʷeb:ele*), Плиний *cabalaca*, Птолемей *khabala* (судя по передаче начального согласного, слово получено через армянский язык). В тексте письма – заимствование через осет. посредство с передачей начального глоттализованного согласного через звонкий согласный.

Следует также рассмотреть и некоторые названия стран и народов, находящиеся на западном направлении. Там перечисление идет по водному пути – с Дона, через Азовское море и Керченский пролив и далее на запад по побережью.

שרכיל [**šərkil**] «Саркел». Не фиксируется в арабо-персидских источниках.

– Булг. **šɔrъ-kilə* ‘белый дом’. Эта этимология является традиционной, однако следует также учитывать, что в булг. ветви тюркских языков вторая часть значит не «дом, house», а «дом, семью, home». Не исключено, что булгарский вариант является «народной этимологией», а первичным следует признать осет. диг. *särkal* ‘глава, главарь’, образованное от *sär* ‘голова’ с помощью того же суффикса, что и диг. *aggäl*, ирон. *agkäl* ‘присматривающий за (общественным) котлом’, деривате от диг. *agä*, ирон. *ag* ‘котел’. Т. е. этот город с крепостью, построенной иноземными византийскими мастерами, имеет название, по смыслу соотносимое с «шахин-шахом». Не был ли он «столицей»? Интерес представляет и форма Sarkal

с вторым широким гласным и с первым свистящим(!) согласным в адыгском эпосе, где есть сюжет о взятии этой крепости и освобождении князя Алегико [*Ногмов*, *1861*, с. 74, 75].

סמכרץ [**səmk/xərcə**] По П. К. Коковцову исправлено из שמכרץ [**šəmk/xərcə**].

– ср. зап.-кавк. ПАК **samo-gu̯* ‘левый’ (1591) для первой части и далее ниже. Судя по ориентации, он находился слева по пути через пролив к южному побережью Крыма (Фанагория?, Таматарха?). На таманском полуострове проживало западно-кавказское население.

כרץ [**k/xərcə**] Керчь.

– зап.-кавк. ПАТ **q̇ȯyrčį̑* ‘башня; скалистая гора, скалистая местность’ при соответствии в ПАК **qurš-* (1343). «Керчь – город в Крыму, др.-рус. *Кърчевъ* (Тмутороканский камень, XI в.), греч. Κόριζος, араб. *Krš* (Абульфеда); [*Marquart*, *1903*, S. 506 и сл.]; *-е-* появилось так же, как в др.-русск. *скьрбь*, наряду со *скърбь = скорбь*. Скорее всего, от *корчить* ‘корчевать’ из **кърчити* (аналогично Унбегаун, RES 16, 226). Едва ли от **къркъ* ‘горло’ (вопреки Соболевскому, ИОРЯС 26, 1, 39)» [*Фасмер*, *1967*, т. 2, с. 225–226]. Традиционная этимология представляется маловероятной.

סוגראי [**sugəraj**] < סוגדאי [**sugədaj**] Судак, Сурожь.

– диг. *suʁdäg* ‘святой’ > греч. Σουγδαία.

Из не отождествлявшихся топонимов в последней части письма следует упомянуть название реки, откуда начиналось полюдье.

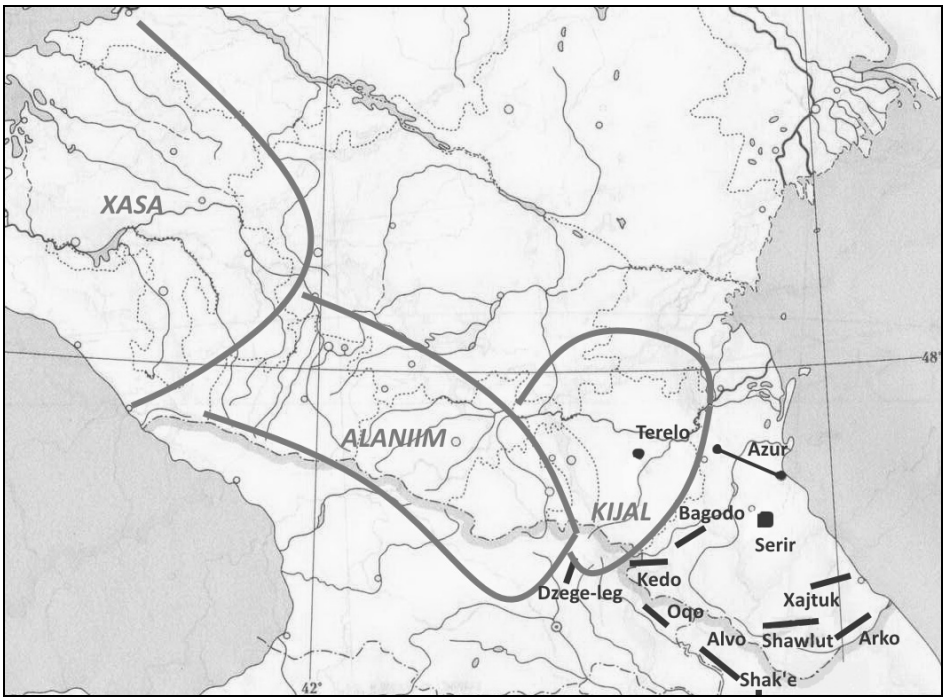
זרשאן [**wərəšan**] р. Варашан.

– ПДарг. **wo̓račànə (= *ho̓račànə)* ‘поток, река’ (2809).

Ниже дана карта с расположением народов юга Хазарии по их названиям, представленным в письме царя Иосифа. Наглядно видно, что порядок их перечисления начинается с северной границы Дагестана, потом идет по приморским предгорьям, захватывает южные отроги и продолжается на север по Алазанской долине. Надо учитывать официоз, характерный для этого письма и то, что фактический контроль мог и не быть хазарским. Не исключено, что это было чем-то вроде кондоминиума с мусульманскими правителями, или это только претензии на владения Хазарией, озвученные царем Иосифом. Но все же название реки Варачан могло быть получено только с одного места в Дагестане – с территории даргинцев.

Касаясь названий, присутствующих в письме царя Иосифа, следует отметить аккуратность их фиксации, т. е. существования раз-

витой бюрократии, где фигурировали данные названия. Этимологически названия, как правило, взяты непосредственно от носителей языка или их соседей, но также существует пласт лексики или ее оформления, который указывает на предпочтительное использование осетинского языка.



Литература

Абаев В. И. Русско-осетинский словарь. М., *1970*.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Л., *1958*.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., *1973*.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., *1979*.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., *1989*.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М, *1995*.

Армянская география VII века по Р. Х (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Перевод с древнеармянского и комментарии К. П. Патканова. Вступительная статья К. П. Патканова. СПб., *1877*.

Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н. Осетинско-русский словарь, с приложением грамматического очерка осетинского языка В. И. Абаева. Орджоникидзе, *1970*.

Вахушти Б. География Грузии / Введ., перевод и примеч. М. Г. Джанашвили. Тифлис, *1904*.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., *1973*.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Москва–Иерусалим, *1997*.

Дирр А. М. Современные названия кавказских племен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 40. Отд. 3. Тифлис, *1909*.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., *1932*.

Кумахов М. А. О Тмутараканском цикле адыгского фольклора // Кумахов М. А. Очерки общего и кавказского языконания. Нальчик, *1984*.

Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы (капучинцы, хьванал) в XIX – нач. XX в. Махачкала, *1994*.

Мудрак О. А. Ранние Хазары с точки зрения этимологии // Хазары. Миф и история. Москва–Иерусалим, *2010*.

Ногмов Ш. История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Под ред. А. П. Берже. 2-е изд. Главного управления наместника Кавказского. Тифлис, *1861*.

Плетнёва С. А. Хазары. М., *1976*.

Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, *2003*.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. (с доп.). Т. 2. М., *1967*.

Федорчук А. М. К вопросу о библейской генеалогии хазар в еврейско-хазарской переписке // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., *2001*.

Фидиуæг (журнал). Цхинвал, 1994. № 4 (на осет. яз.).

Хелимский Е. А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., *2000(1)*.

Хелимский Е. А. Király и Olasz: к истории ранних славяно-тюрко-венгерских отношений // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., *2000(2)*.

Худоватев А. Армяно-русский словарь, составленный по лексикону изданному в Венеции. Ч. 1, 2. М., *1838*.
Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь. СПБ, *1887*.
GH – Gábor Hosszú. Heritage of Scribes. The Relation of Rovas Scripts to Eurasian Writing Systems. Third edition. Budapest, *2013*.
Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Cornell Univ. Press, Ithaca, *1982*.
Golden P. B. Khazar Studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest, *1980*.
Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, *1903*.

Сокращения

dna. – отыменное прилагательное
dnv. – отыменной глагол
dub. – обязательное действие
f. – женский
fut. – будущее время
gen. – родительный падеж
inch. – начинательный вид
m. – мужской
part. – причастие
pl. – множественное число
арх. – архаичный
вост. – восточный
вр. – время
действ. – действительный залог
диал. – диалект
др. – древний
зап. – западный
иронич. – ироничное
мн. ч. – множественное число
наст. – настоящее время
прич. – причастие
см. – смотри
ср. – сравни
ст. – старый
станд. – стандартный
устар. – устаревший
южн. – южный

абаз. – абазинский
абх. – абхазский
адыг. – адыгейский
акк. – аккинский диалект
араб. – арабский
арм. – армянский
бацб. – бацбийский
башк. – башкирский
балк. – балкарский
болг. – болгарский
булг. – булгарский
венг. – венгерский
греч. – греческий
груз. – грузинский
гунз. – гунзибский
диг. – дигорский
евр. – еврейский
имерет. – имеретинский диалект
инг. – ингушский
ирон. – иронский
каб. – кабардинский
кавк. – кавказский
карач. – карачаевский
кист. – кистинский диалект
кыпч. – кыпчакский
мегр. – мегрельский
морд. – мордовский
ног. – ногайский
осет. – осетинский
ПАвар. – прававарский
ПАК – праадыго-кабардинский
ПАнд. – праандийский
парф. – парфянский
ПАТ – праабхазо-тапанский
ПДарг. – прадаргинский
перс. – персидский
ПЗК – празападнокавказский
ПЛак. – пралакский
ПЛезг. – пралезгинский
ПНах. – пранахский
пол. – польский

ПЧИ – прачечено-ингушский
рус. – русский
сван. – сванский
слав. – славянский
тат. – татарский
тинд. – тиндинский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркский
убых. – убыхский
удм. – удмуртский
чеберл. – чеберлоевский диалект
черкес. – черкесский диалект
чеч. – чеченский
чув. – чувашский
шат. – шатоевский диалект

O. A. Mudrak

Notes on Foreign Language Vocabulary in the Khazar-Jewish documents

Summary

This article decides the questions on the etymologisation of the specific personal names, titles, ethnic and place names were found in the manuscripts written in Hebrew and relating to the Khazar Kaganate. So, we can see the new conception on the presence of many borrowings of Caucasian origin in the medieval Khazar-Jewish written sources.

Keywords: Khazar-Jewish documents, personal names, titles, ethnic names, place-names, etymological analysis.

В. Я. Петрухин

К ДИСКУССИИ О ЯЗЫКЕ ХАЗАР*

За полтора десятилетия, которые отделяют 14 выпуск «Хазарского альманаха» от первого международного коллоквиума по хазарам (Иерусалим, 1999) и публикации его материалов [Хазары, *2005*], принципиальных «прорывов» в изучении языка хазар не случилось. Можно заметить, что ситуация не менялась с середины XX в., когда Дуглас Данлоп в своей классической монографии о хазарах-иудеях (русский перевод: [*Данлоп*, *2016*]) констатировал: «В том, что хазары были тюрками, а не принадлежали ни к финно-угорской группе, как считалось раньше, ни к протокавказцам, нет никаких сомнений» [*Данлоп, 2016*, с. 37]. Эту убежденность разделял М. Эрдаль в упомянутой публикации материалов первого хазарского коллоквиума: «Все ученые, высказывавшие свое мнение о языке хазар, считают их тюркским народом, говорившем на тюркском языке» [*Эрдаль, 2005,* с. 125].

Ситуация, однако, оказалась в определенном смысле тупиковой, ибо как раз «тюркские» надписи, сделанные тюркскими рунами и обнаруженные на хазарских памятниках, не читались: «реальный прогресс может быть достигнут, только если будет открыта достаточно длинная хазарская двуязычная надпись или, по крайней мере, новая хазарская надпись, содержащая достаточно восточно-тюркских рунических знаков, чтобы быть понимаемой» [*Эрдаль, 2005*, с. 125]; те же надежды выражала С. А. Плетнёва [*Плетнёва, 2000*, с. 219]. Сам М. Эрдаль и сосредоточился в цитируемой статье на тексте, содержащем руническую надпись в иноязычном (еврейском) контексте. Это было так называемое Киевское письмо: его датировка, предложенная открывшим документ в материалах каирской генизы Норманом Голбом (X в.), и даже адресант письма –

* Исследование проведено при поддержке РНФ, грант 15-18-00143.

киевская еврейская община остаются предметом дискуссии (см.: [*Iakerson, 2014*]). М. Эрдаль готов предположить, исходя из синтаксиса письма, что оно адресовано киевской общине и происходит из Дунайской Болгарии, хотя предложенная им готская (или древнескандинавская) этимология одного из имен доверителей, подписавших документ, – Иуда по прозвищу SWRTH (см.: [*Голб, Прицак*, *2003*, с. 31]) – указывает скорее на Киев и Восточную Европу (ср.: [*Эрдаль*, *2005*, с. 133–134]), чем на Балканы.

Руническая надпись, произведенная кисточкой внизу письма, была прочитана О. Прицаком, который опирался на орхонскую традицию тюркской руники: он интерпретировал надпись как резолюцию хазарского чиновника, контролировавшего ситуацию в Киеве X в. – «я прочел» (*hoqurьm) – [*Голб, Прицак*, *2003*, с. 62–65]. Мне как редактору перевода книги Н. Голба и О. Прицака представлялась очевидной определенная «евразийская» тенденциозность конструкций американского востоковеда: скептицизм в отношении чтения им рунической надписи высказал и С. Г. Кляшторный, с которым я консультировался в процессе редактирования. Это заставило при подготовке второго издания книги [*Голб, Прицак*, *2003*] обратиться к специалисту по сравнительно-историческому языкознанию В. В. Напольских, который (вслед за И. Л. Кызласовым) продемонстрировал недостоверность интерпретации О. Прицака [*Напольских*, *2003*]. М. Эрдаль подчеркивает, что «из шести рунических знаков [«резолюции»] совершенно не вызывает сомнений только один» [*Эрдаль*, *2005*, с. 132], но в собственной реконструкции предполагает болгарское, а не хазарское чтение надписи, опираясь на упомянутое предположение о происхождении киевского письма.

Иную – нетюркскую – интерпретацию разбираемой рунической надписи (как и прочих надписей восточноевропейской руники), а также именослова киевского письма предлагает в публикуемой в данном томе альманаха статье О. А. Мудрак. «Резолюция» прочитана им по-иранski (по-осетински) – «следует разрешить». Специалист по тюркскому языкознанию и кавказским языкам, О. А. Мудрак выступил с «северокавказской» интерпретацией данных по языку «ранних хазар» в сборнике, продолжающем по проблематике том материалов Первого коллоквиума по хазарам [*Мудрак*, *2010*]. «Северокавказские» этимологии подкупают своей *исторической* фундированностью: постоянное этнокультурное воздействие Северного Кав-

каза на Восточноевропейский регион очевидно едва ли не с эпохи заселения этого региона человеком. Тем не менее предлагаемое Мудраком прочтение уже вызвало весьма интенсивную дискуссию, проходившую, в частности, на мероприятиях, связанных с работой над проектом «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи» (грант РНФ, 15-18-00143): на международной конференции по иудаике в Москве (февраль 2016), на летней полевой школе-экспедиции в Дивногорье (июнь 2016) в рамках «круглых столов» по хазарам, на XXVIII чтениях памяти В. Т. Пашуто [*Мудрак*, *2016*] и др. Постоянными участниками дискуссии были лингвисты А. В. Дыбо, И. И. Пейрос, специалисты по иудаике Б. Е. Рашковский и А. М. Федорчук, археологи А. З. Винников, И. Л. Кызласов и В. С. Флёров, востоковеды А. К. Аликберов, О. Б. Бубенок и Т. М. Калинина и др.

Редколлегия «Хазарского альманаха» сочла необходимым продолжить дискуссию на его страницах, тем более что материалы автора часто представляют собой лингвистический комментарий (включая огласовку названия Киева в Киевском письме) – предмет для размышлений о значении тех или иных слов. Он сосредоточился на «иноязычной лексике еврейско-хазарских документов», ставшей традиционным предметом дискуссии со времен их публикации.

Впрочем, и тюркское происхождение имени самих хазар остается предметом дискуссии: в этом отношении работы М. Эрдаля и О. Мудрака дополняют друг друга (ср.: [*Эрдаль, 2005*, с. 128–129]). Имя одного из доверителей в Киевском письме читалось как некий оксюморон – GWSTT' бар KYBR Коген (Гостята бар Кавар Коген в «славянской» интерпретации А. Н. Торпусмана – ср. в комментарии редактора: [*Голб, Прицак*, *2003*, с. 204]). В этом прочтении персонаж со славянским именем Гостята оказывался сыном представителя хазарского племени каваров и принадлежал еще к жреческому сословию когенов. М. Эрдаль указывает, что славянская этимология имени столь же убедительна, как и греческая – *Костас* (сокращенный вариант имени *Константин*) [*Эрдаль*, *2003*, с. 134–135]; Мудрак предпочитает дигорскую этимологию, указывая на «йод» (Y) в еврейском написании имени KYBR. «Славянское» Гостята также этимологизируется Мудраком с опорой на дигорский диалект осетинского, как и предлагавшееся Эрдалем германское прозвище SWRTH (Торпусман усматривал в нем славянское *Северята*).

Находкой Мудрака, далекой от Северного Кавказа, представляется локализация Г-б-лим – имени некоего правителя, посланцы которого обещали передать письмо испанского сановника Хасдая евреям, живущим в стране Х-н-г-рин и далее через страны Рус и Б-л-гар в Хазарию. Имя Г-б-лим соотносится с р. Хафель (Гавела) – правым притоком Эльбы в Мекленбургском поозерье (заселенном в раннем средневековье лютичами, в объединение которых входили *гаволяне*, или стодоряне) [*Нидерле*, *1956*, с. 116; *Назаренко*, *2010*, с. 106]. Уточняется маршрут, которым письмо Хасдая достигло Хазарии, – через Восточную Германию, Венгрию, Русь и Волжскую Болгарию.

Специального обсуждения заслуживает интерпретация О. А. Мудраком собственно кавказских реалий, содержащихся в Кембриджском документе (не вполне удачно поименованном как «письмо Шехтера»), в том числе загадочной пещеры Тизул, где хранились «книги закона Моисеева». Традиционное отождествление «городов», упоминаемых при описании конфликта между Хазарией и Византией (с участием русского князя Хлгу), естественно, ориентировалось на значимые центры в византийском Причерноморье: отсюда отождествление города С-м-ка-рай, взятого Хлгу, с Тмутороканью (хазарской Таматархой) на Тамани. Предлагаемое Мудраком перенесение похода руси в Закавказье не учитывает географии конфликта.

Кавказоведы необходимы и при обсуждении списка сыновей Тогармы, который содержится в письме царя Иосифа. Замечу, что карта, составленная О. А. Мудраком с учетом попарного перечисления сыновей Тогармы, выглядит вполне убедительно[1]. Интересно также соотнесение имени славянского населения Северской земли (летописные *северяне*) с именем «западных осетин-сванов» (*sawiar*) на Кавказе (ср.: [*Фасмер, 1987*, т. III, с. 589])[2], схожий термин (*səwir*) употребляется далее при перечислении подчиненных царю Иосифу народов в отношении собственно славян-северян. Осторожное отношение О. А. Мудрака к этникону ***wənəntit*** как обозначению вятичей заслуживает внимания, учитывая «соблазнительный» контекст пе-

[1] Впрочем, библейская традиция не могла «прямо» соотноситься с историческими реалиями: в грузинской традиции («Картлис Цховреба») хазары не включены в число потомков Таргамоса, внука Иафета, – напротив, они воюют с Таргамосианами (ср.: [*Калинина*, *2015*, с. 47]).

[2] См. о попытках приписать савирам памятники, открытые в Чир-юрте на р. Сулак: [*Плетнёва*, *2000*, с. 118].

речисления подданных Иосифа: этникону В-н-т-и-т предшествует перечень поволжских народов (включая булгар), за ним следует упоминание северян и обобщающий этникон С-л-виюн, означающий славянские народы. Напомню, впрочем, что соперник хазарского кагана – правитель волжских болгар у Ибн Фадлана именуется «царем *ас-сакалиба*» [*Калинина, Коновалова, Петрухин*, *2009*, с. 66], так что термин С-л-виюн мог обозначать всех северных подданных хазар. Вятичи на Оке (и верхнем Доне – [*Винников*, *2010*]) оказываются «на месте» между народами Поволжья и Поднепровья.

Естественно, новый опыт прочтения источников предполагает скорее перспективную постановку проблем, чем ответ на все вопросы. Эти перспективы тем более значимы, что полемика по поводу общих проблем хазарской истории и археологии обостряется. Как уже говорилось, воздействие северокавказской (в рассматриваемое время, по версии автора, осетинской) традиции на исторические процессы в Восточной Европе неоспоримо: очевидны и северокавказские истоки самого археологического массового материала, характеризующего хазарское время (VIII–IX вв.), – салтовской керамики. Ареал этой качественной посуды (в более широком смысле салтово-маяцкой археологической культуры) в исторических реконструкциях С. А. Плетнёвой и других исследователей отмечал границы Хазарского каганата, салтово-маяцкая культура признавалась государственной культурой Хазарии. Против этого историографического стереотипа выступил Г. Е. Афанасьев, обративший особое внимание на отсутствие собственно салтовских древностей там, где, согласно восточным источникам, располагалась столица Хазарии Итиль, в дельте Волги [*Афанасьев*, *2016*]. Замечу, что в византийских и древнерусских источниках Итиль не упоминается: главным городом, укреплением которого были озабочены хазарские власти, согласно Константину Багрянородному, был Саркел на Дону (в свою очередь, неизвестный восточным авторам). Неслучайно О. А. Мудрак задается вопросом, не был ли Саркел реальной столицей Хазарии?[3]. Волго-Донской регион С. А. Плетнёва считала до-

[3] «Повесть временных лет» скупо сообщает о разгроме Хазарии Святославом: «Иде Святославъ на козары; слышавше же козары, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися, бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя» [ПВЛ, с. 31]. Неясно, имелось ли в виду, что русский князь взял безымянный град-столицу и Саркел/Белую Вежу или под Белой Вежей он сражался с каганом.

меном хазарского кагана – «столица» в раннесредневековых государствах могла располагаться там, где находилась ставка правителя (перенос столицы не означал переноса культуры)[4].

К этому «домену», вслед за Б. А. Рыбаковым, Г. Е. Афанасьев и сводит территорию Хазарского каганата, не доверяя еврейско-хазарским источникам как тенденциозным (хотя «домен» описывается как раз в письме царя Иосифа) и стремясь увязать с этим пространством «этническую территорию хазар» и специфические памятники – курганы, приписываемые собственно хазарам[5]. Однако ареал курганов значительно превышает ту территорию, которую отводит хазарскому домену Афанасьев (см.: [*Флёрова, 2001*]). Аланы, производившие салтовскую керамику и практиковавшие катакомбный обряд погребения, – иной этнос: казалось бы, аланская доминанта в конструкции Г. Е. Афанасьева соответствует лингвистическим построениям О. А. Мудрака. Но лингвистические коммуникации в этих построениях не сводятся к «первобытным» племенным границам – воздействие иранского языка обнаруживается в памятниках еврейско-хазарской переписки, Киевском письме и др. Разделение памятников по этническим ареалам чрезвычайно затруднено в эпоху миграций [*Флёрова*, *2001*, с. 175–176] (об участии, наряду с аланами, болгар в мероприятиях каганата см.: [*Красильников*, *2016*]). Эпическая память народов Поволжья сохранила не образы отдельных «этносов», а синтетический образ древних хозяев юга Восточной Европы: это *алан-гасары* (алано-хазары), первобытные великаны, бывшие хозяевами земли до появления настоящих людей – земледельцев [*Ахметьянов*, *1981*, с. 15]; схожий образ известен славянам – это исполины *обры* – авары, угнетавшие славян в раннем средневековье[6].

[4] Ср.: [*Калинина*, *2015*, с. 67–68]; о переносе столицы из Самандара в Атил/Итиль [там же, с. 149].

[5] См. о хазарских курганах с ровиками: [*Плетнёва*, *2000*, с. 196–203]; они характерны и для округи Саркела [там же, с. 121–126].

[6] Р. Г. Ахметьянов, подчеркивая связь образа с эпохой хазарского господства, приводит как дополнительный аргумент представление об аланкасарах у караимов, «происхождение которых несомненно связано с хазарами» [*Ахметьянов, 1981*, с. 15]. Эта связь как раз более чем сомнительна, характерной чертой образа великанов является отсутствие их связи с последующим поколением настоящих людей: так описывает русская летопись конец авар – «быша бо оубрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, и помроши вси, и не остася ни единъ обринъ» [ПВЛ, с. 10]. С. А. Плетнёва сравнивала судьбы хазар и авар, ссылаясь на летопись [*Плетнёва, 2000*, с. 206].

В конструкции Г. Е. Афанасьева одни стереотипы подменяются другими, еще более фантомными, чем образ первобытных великанов. Фортификационную систему Хазарского каганата – донские крепости – он напрямую увязывает с угрозой, которой опасались хазары. Эту угрозу, по крайней мере – уже в первой трети IX в., воплощал некий Русский каганат – фантом, измышленный С. А. Гедеоновым и подхваченный его последователями с целью дезавуировать древнерусские летописные известия о начале Русского государства. Если уже в первой трети IX в. существовало Русское государство, то легенда о призвании варягов (в 862 г.) может считаться бессмыслицей. Русский каганат неизвестен никаким источникам, реальность претензий русских князей IX в. на титул кагана остается предметом дискуссии. Этому стереотипу, утвердившемуся в советской историографии, следовал и А. П. Новосельцев [*Новосельцев*, *2000*, с. 446], стремившийся в той же работе отмежеваться от подобных конструкций. Между тем, уровень развития славянских земель, граничивших с Хазарским каганатом в IX в., в том числе отсутствие комплексов вооружения при наличии таких хазарских (аланских и болгарских) комплексов (всаднических с палашами и саблями) на славяно-хазарском пограничье (ср.: [*Винников*, *2010*; *Красильников*, *2016*]) позволяют, скорее, переориентировать направление угрозы в соответствии с данными Начальной летописи о хазарской дани со славян [*Петрухин*, *2014*, с. 109–136]. А. П. Новосельцев предполагал даже, что угроза со стороны кагана заставила северных славян – новгородских словен и кривичей – призвать на помощь варягов [*Новосельцев*, *2000*, с. 459].

Археологический анализ тенденций, характеризующих развитие восточноевропейской степи в послегуннскую эпоху, обнаруживает картину, близкую предлагаемой О. А. Мудраком лингвистической реконструкции: «Гуннское нашествие усилило отток степного населения в предгорья [Кавказа. – *В. П.*]… но привело не к тюркизации, а к усилению кавказского элемента в культуре сармато-алан, а следовательно, и болгар» [*Флёрова*, *2001*, с. 184][7].

В нынешней историографической ситуации всякий опыт верифицируемого прочтения источников, безусловно, приблизит понимание роли хазар в истории Евразии.

[7] Впрочем, этнокультурная ситуация гуннского (и предгуннского) времени, в том числе проблема степени воздействия центральноазиатских традиций на культуру аланов Северного Кавказа остается предметов дискуссии [*Габуев, Малашев*, *2010*].

Литература

Афанасьев Г. Е. О территории Хазарского каганата и хазарского «домена» в IX веке // Дивногорский сборник. Вып. 6. Воронеж, *2016*.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., *1981*.

Винников А. З. Донские славяне и алано-болгарский мир: мирное существование или противостояние? // Хазары: миф и история. М., *2010*.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центрального района Северного Кавказа. М., *2010*.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. Издание 2-е исправленное и дополненное. Москва–Иерусалим, *2003*.

Данлоп Д. История хазар-иудеев. М., *2016*.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., *2010*.

Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., *2015*.

Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Петрухин В. Я. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Т. III: Восточные источники. М., *2009*.

Красильников К. И. «Булг-р… все они мне служат и платят мне дань» (некоторые археологические комментарии) // Дивногорский сборник. Вып. 6. Воронеж. *2016*.

Мудрак О. А. Ранние хазары с точки зрения этимологии // Хазары: миф и история. М., *2010*.

Мудрак О. А. Легенды хазарских дирхемов, написанные восточноевропейской руникой // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. XXVIII. М., *2016*.

Напольских В. В. К чтению так называемой «хазарской надписи» в киевском письме // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послеслов. и коммент. В. Я. Петрухина. Изд. 2-е исправ. и дополн. Москва–Иерусалим, *2003.* С. 221–225.

Нидерле Л. Славянские древности. М., *1956*.

Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель (1991) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., *2000*.

Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии. Москва–Иерусалим, *2000*.

ПВЛ – Повесть временных лет. 2-е изд. / Подг. М. Б. Свердлов. СПБ., *1996*.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., *1986–1987.*

Флёрова В. Е. Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, *2001*.

Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). Москва–Иерусалим, *2005*.

Эрдаль М. Хазарский язык // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). Москва–Иерусалим, *2005*.

Iakerson S. Несколько палеографических ремарок к датировке «киевского письма» // Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире/ Jews and Slavs. Vol. 24. Москва–Иерусалим, *2014*.

V. J. Petrukhin

To the Discussion on the Khazarian Language

Summary

In spite of some controversial moments the author of this article supports generally the O. A. Mudrak's conception on the presence of some names of Caucasian origin in the medieval Khazar-Jewish written sources.

Keywords: Khazarian Language, O. A. Mudrak's conception, Khazar-Jewish texts, names of Caucasian origin.

Б. Е. Рашковский

ВНОВЬ О ЛЕКСИКЕ ЕВРЕЙСКО-ХАЗАРСКИХ ДОКУМЕНТОВ. МАРГИНАЛИИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ О. А. МУДРАКА «ЗАМЕТКИ ПО ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ ХАЗАРСКО-ЕВРЕЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ»*

Исследование О. А. Мудрака – независимо от того, станут ли его результаты общепринятыми в науке, – безусловно, должно стать важным событием в хазароведении. Его работа представляет первый опыт рассмотрения этнической терминологии всего корпуса памятников, связанных с еврейско-хазарской перепиской. В него входят: письмо хазарского правителя Иосифа кордовскому сановнику Хасдаю ибн Шапруту (согласно Пространной редакции[1] и цитате во фрагменте из «Книги о праздничных временах» Иегуды бен Барзиллая), письмо Хасдая к Иосифу, анонимное письмо хазарского еврея, известное в историографии под названием «Кембриджский документ», и так называемое Киевское письмо.

Главным результатом этого труда является обзор этнонимов и топонимов, относимых в тексте письма Иосифа к территории Хазарского каганата и сопредельным зависимым от него землям. Эти места в тексте памятника принадлежат к числу наименее изученных в историографии. Последний систематический обзор по их ин-

* Исследование проведено при поддержке РНФ, грант 15-18-00143.

[1] Рассматривать вопрос об этногеографической номенклатуре письма Иосифа имеет смысл с точки зрения только Пространной редакции, поскольку Краткая редакция представляет собой сокращенный и переработанный текст письма, сохранивший в большинстве случаев худшие чтения. Кроме того, перечни названий народов, обитавших вдоль северных и южных границ Хазарского каганата, в ней попросту опущены.

терпретации в историографии приводился только один раз в издании, вышедшем под редакцией П. К. Коковцова [*Коковцов*, *1932*, с. 103–110], но и он по сути своей представляет собой обобщение взглядов исследователей XIX в., в первую очередь А. Я. Гаркави.

Начиная с исследования П. К. Коковцова, письма Иосифа и Хасдая [*Коковцов, 1932*] признавались большинством исследователей подлинными, хотя и подвергшимися ряду значительных изменений в рукописной традиции [*Dunlop*, *1954*, p. 125–155, *Новосельцев*, *1990*]. Некоторые ученые, тем не менее, придерживались ранее и продолжают придерживаться до сих пор скептических взглядов по вопросу о подлинности Переписки [*Polak*, *1941*; *Stampfer*, *2013*]. При этом часто этногеографические данные письма Иосифа традиционно рассматривались в историографии в качестве повода для сомнений в достоверности его содержания и подлинности текста самого письма. Особое место в этом вопросе отводилось дискуссиям об особенностях передачи в ивритском тексте иноязычных географических названий[2]. Использование именно их в качестве материала для «проверки» подлинности письма Иосифа выглядит наиболее логичным. В случае, если письмо является подлинным, составители текста письма должны были быть знакомы с собственными этногеографическими и этногенетическими представлениями. Если же эти названия относятся к книжным заимствованиям, например, из арабо-персидской историко-географической литературы, то тогда вопрос о подлинности еврейско-хазарских документов снимается, решаясь, по сути, сам собой.

Исходя из всего сказанного выше, к числу наиболее важных наблюдений О. А. Мудрака относятся предложенные им варианты идентификации десяти народов, происходящих от сыновей Тогармы. Предложенная им новая (впервые со времен Гаркави и Коковцова) реконструкция выглядит убедительно с учетом предложенной локализации этих народов на карте региона. Выводы О. А. Мудрака имеют особо важное значение также и в связи с тем, что генеалогические списки десяти потомков Тогармы достаточно распространены в средневековых письменных источниках. Известны, по край-

[2] Поскольку средневековый иврит для его носителей почти не был разговорным, а для авторов и переписчиков документов не был родным, по сути дела, любые, не имеющие аналогов в иудейских сакральных текстах термины и названия можно считать иноязычными.

ней мере, два таких варианта: в сочинениях арабского историка IX в. ал-Йакуби [*Lewicki*, *1956,* s. 254–255] и в средневековом еврейском хронографе – книге Иосиппон [*Flusser*, *1978*, vol. 1, p. 3–9, *Петрухин*, *1995*, с. 25–40]. Важно отметить, что текст Иосиппона (а значит, скорее всего, и список сыновей Тогармы) был известен и самому Хасдаю – корреспонденту царя Иосифа. В одном из адресованных ему документов упоминается изготовление предназначенной для него копии сочинения на острове Липара в Южной Италии [*Голб, Прицак*, *2003*, с. 112–113]. Датируется этот текст приблизительно 940-ми гг., т. е. несколько ранее написания Иосиппона, согласно Д. Флюссеру [*Голб, Прицак*, *2003*, с. 125]. По мнению Н. Голба, рукопись Иосиппона упоминаемая в дипломатических документах Хасдая, могла быть копией с оригинала или близкого к нему списка [*Голб, Прицак*, *2003*, с. 112–113]. Этот вывод весьма существенен, так как, если бы текст письма Иосифа был подделкой, его гипотетическому фальсификатору было бы выгодно воспользоваться одним из популярнейших произведений средневековой еврейской литературы.

Очевидная независимость списка сыновей Тогармы в письме Иосифа от Иосиппона и других еврейских и арабско-персидских источников может, таким образом, рассматриваться в качестве одного из решающих доводов в пользу аутентичности памятника, при условии, что этот список действительно отражает этногенетические представления иудаизированной хазарской правящей элиты.

Другой важный момент, связанный с вопросом о возможных книжных заимствованиях в письме Иосифа, – пресловутые «арабизмы» в текстах его послания к Хасдаю. Именно благодаря их употреблению сторонники версии поддельности письма (А. Поляк, Ш. Штампфер) пытались обосновать многие из своих важнейших тезисов, так как именно благодаря присутствию арабских форм некоторых этнических и географических наименований текст письма Иосифа легко заподозрить в зависимости от арабской историко-географической традиции.

Примерами арабизмов в письме Иосифа обычно называют употребление топонима Б-р-т-нит, отождествляемого обычно с Партенитом в Крыму, и использование этникона б-ц-р-а (вероятное искажение от б-ц-н-а) для обозначение печенегов. В обоих случаях использование буквы «бет» как эквивалента арабской «ба» в начале

слова вместо еврейской «пе» выдает особенности произношения составителя письма или переписчика рукописи. Правда, большинство арабизмов письма Иосифа не находят для себя источников или оригиналов в арабской историко-географической литературе. Например, название печенегов, передающееся через букву «цаде» – весьма нетипичный арабизм. Арабы называли печенегов *al-badjnak* (ср. у Ибрахима ибн Йакуба – *al-badjanakiyya*) [*Kowalski*, *1946,* s. 6 (арабский текст)] и, если бы автор предпочел заимствовать форму из арабской географической литературы, то он употребил бы название печенегов с буквой «гимел», соответствующей арабской «джим». Употребление же арабской формы с буквой «сад» при передаче этого этникона свидетельствует против предположения о возможности заимствования из арабского источника, поскольку название печенегов с буквой «сад» вместо «джим» встречается только в переводных с иврита арабских источниках [*Cardona*, *1966*, p. 17, *Гаркави*, *1874*, с. 73, *Sela*, *2009*, vol. 2, p. 368].

А вот гипотетическое общее обозначение славянских подданных каганата термином «славийун», вопреки построениям О. А. Мудрака, может являться примером хорошего, хотя и нетипичного арабизма. Нетипичного – поскольку обычное обозначение славян в арабских источниках *ас-сакалиба*. Окончание «ун» – действительно аффикс арабского множественного числа (кстати, в виде архаичной формы он встречается и в библейском иврите). Одних ссылок на гипотетическую возможность употребления в еврейско-хазарском документе южнославянской книжной формы **slavjan-e* для обоснования предлагаемого О. А. Мудраком чтения здесь явно недостаточно. Кроме того, особенности еврейской фонетики не дают никаких оснований для чтения огласовки «а» под буквой «йод», если после нее стоит «вав». Мне так не очень понятен пассаж со ссылкой О. А. Мудрака на мое устное сообщение, поскольку я имел в виду соответствие между «цаде», стоящей в письме Иосифа в начале слова «славийун», и арабской «сад» в произношении арабоязычных евреев.

В целом, отмечу, что, на мой взгляд, наличие арабизмов в письме Иосифа является несомненным и даже весьма вероятным с учетом возможностей их проникновения в текст в результате развития рукописной традиции. Однако сами по себе арабизмы в тексте письма не могут служить доказательством ни его подлинности, ни, наоборот, поддельности. Наконец, нельзя не сказать и о других

текстологических данных по одному из самых часто встречающихся в тексте письма арабских слов – *ал-кади*. Еще Д. М. Данлоп обратил внимание на то, что в Пространной редакции письма оно регулярно употребляется в заведомо безграмотном написании через букву «далет» (аналог арабской «даль»), тогда как в Краткой редакции письма оно пишется через букву «цаде», заменяющую арабскую «дад», что соответствует правилам транслитерации арабских слов в средневековом иврите. Более того, в Краткой редакции Письма Иосифа слово *кади* употребляется с арабским артиклем *ал-*, в то время как в Пространной – с ивритским *ха-*. Все это дало Данлопу повод утверждать, что текст письма не мог быть составлен в арабоязычной среде [*Dunlop*, *1954*, p. 153].

В завершение своего обзора хотел бы отметить еще несколько важных моментов относительно других еврейско-хазарских источников. Личное имя Песах, образованное от названия праздника, традиционно для еврейского ономастикона и не нуждается в дополнительной нееврейской этимологии. Географическое название же «Аркнус» – явно книжный топоним. Автор Кембриджского документа сам признается, что использовал здесь заимствованный термин, взятый из книг. Вряд ли книжным источником, использованным «Кембриджским анонимом», мог быть нартовский эпос. И потому предположение П. К. Коковцова [*Коковцов*, *1932*, с. 120–121] о том, что «термин» восходит к античному названию Гиркании, понимаемой в этом контексте в качестве общего обозначения прикаспийских земель, выглядит гораздо более правдоподобно.

А вот версия об интерпретации топонима «Шуршун» как Анапы или какого-то иного поселения в ее окрестностях – очень удачная догадка О. А. Мудрака, так как, если отказаться от отождествления его с Херсоном, то тогда пропадают вообще какие-либо основания для утверждения, что в тексте Анонима упоминаются события, происходившие к западу от Керченского пролива. Кроме того, такое понимание данного сообщения Анонима снимает вопрос о возможности успешной хазарской военной компании против Херсона в середине X в.[3].

[3] Сообщение Константина Багрянородного о возможности для хазар воевать с Херсоном представляет собой чисто гипотетическую конструкцию, не основанную на опыте какой-бы то ни было военной компании, в реальности имевшей место в его время.

Наконец, ряд имен, содержащихся в тексте Киевского письма, имеют вполне прозрачную славянскую этимологию и, следовательно, предложенные А. Торпусманом [*Торпусман*, *1989*] интерпретации части из них представляются весьма убедительными. Особенно это касается таких имен, как Гостята, Северята и Купин. Отдельно следует сказать об имени Северята и его интерпретации как sawärtäχ – обозначение сильно потеющего человека. Я не вижу оснований считать последнюю букву «хетом». Это «хей», стоящий в позиции matres lectionis – показателя окончания «а», так же как и в имени Йехуда.

Подводя итог всему изложенному в этой небольшой заметке, хочу отметить, что многие из идей, предложенных в работе О. А. Мудрака, могут иметь большое значения для последующего развития хазарских исследований. Хочется надеяться, что они также со временем помогут окончательно разобраться с ответом на вопрос о подлинности еврейско-хазарской переписки.

Литература

Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и о Хазарском царстве. СПб., *1874*.

Голб Н. Прицак О. Хазарско-еврейские документы в X в. Москва–Иерусалим, *2003*.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. Л., *1932*.

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси. Москва–Смоленск, *1995*.

Торпусман А. Н. Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы в средние века // Имя–этнос–история. М., *1989*.

Cardona G. I nomi dei figli di Togarmah secondo il Sepher Yosephon // Rivista degli studii orientali. Vol. 41. Roma, *1966*.

Dunlop D. M. The History of Jewish Khazars. Princeton: Princeton University Press, *1954*.

Flusser D. Книга Иосиппон (иврит). Vol. 1–2. Jerusalem, *1978–1980*.

Kowalski T. Relacją Ibrahima ibn Ja'kuba z podróży do Krajów Słowiańskich w przekazie al-Bekriego. Kraków, *1946*.

Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław–Kraków: Wyd. Polskiej Akademii Nauk, *1956*.

Polak A. Обращение хазар в Иудаизм (иврит) // Zion. Vol. 6. *1941*. № 4.

Sela Sh. Арабская книга Йосефа бен Гориона (иврит). Vol. 1–2. Jerusalem, *2009*.

Stampfer Sh. Did the Khazars convert to Judaism? // Jewish Social Studies. *2013*. Vol. 19. № 3.

B. E. Rashkovskiy

Again about the Vocabulary of Kazar-Jewish Documents. Marginalias on the Sides of the Pages of the Article "The Notes on the Foreign Vocabulary of Kazar-Jewish Documents" by O. A. Mudrak

Summary

The author of this article believes that many ideas of O. A. Mudrak can have a great importance for further development of Khazar studes. However he does not support some assumption of O. A. Mudrak. So, B. E. Rashkovskiy does not believe in Southern Slavic origin of term *slaviun*; he does not see also the word sawärtäχ in the term *Swrth*, etc.

Keywords: Khazar-Jewish Documents, Foreign Vocabulary, *Slaviun*, *Swrth,* Khazar studes.

IV
Научная жизнь

А. З. Винников, В. Я. Петрухин

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»*

Конференция, организованная Музеем-заповедником «Дивногорье», созданным на базе известного Маяцкого комплекса памятников (городище-крепость, селище, могильник) салтово-маяцкой культуры, проходила с 17 по 19 сентября 2015 г. Она была приурочена к 125-летию начала исследования этого памятника и 40-летию начала работы на нем советско-болгаро-венгерской экспедиции (рук. С. А. Плетнёва).

В работе конференции приняли участие около 40 человек из России, Украины, Франции: Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Самары, Курска, Симферополя, Харькова, Луганска, Донецка, Казани, Тулы, Белгорода, Парижа и других городов.

Конференция ставила перед собой следующие задачи: выяснить состояние и степень изученности памятников салтово-маяцкой культуры – культуры Хазарского каганата в отдельных регионах (вариантах) ее распространения; обсудить вопросы, связанные с формами контактов населения салтово-маяцкой культуры с соседними этносами, проникновение элементов салтово-маяцкой культуры в восточнославянский мир и за его пределы; восточноевропейские степи накануне формирования салтово-маяцкой культуры.

* Исследование проведено при поддержке РНФ, грант 15-18-00143.

Кроме того, на конференции прозвучали доклады историографического характера по отдельным аспектам истории Хазарского каганата.

В самом начале конференции ее участники почтили память ушедших из жизни участников советско-болгаро-венгерской экспедиции: С. А. Плетнёвой, В. А. Михеева, Ф. Х. Арслановой, Т. С. Кондукторовой, А. Г. Атавина, Станго Вахлинова, Рашо Рашева, Дафины Василевой, Яноша Матолги, Миклоша Фреша, И. Д. Кушнарева. Участников конференции приветствовала директор Музея-заповедника *М. И. Лылова*.

Рабочая часть конференции была открыта докладом *А. З. Винникова* (Воронеж) об итогах работы советско-болгаро-венгерской экспедиции на Маяцком комплексе памятников, в котором была подчеркнута значимость этих работ для изучения салтово-маяцкой культуры в целом и особенно ее лесостепного варианта. В связи с приближающимся 90-летним юбилеем С. А. Плетнёвой, одного из ведущих археологов-хазароведов второй половины XX в., оргкомитетом конференции было решено поставить совместный доклад Т. Е. Сидоренко и А. З. Винникова об ее вкладе в хазарскую археологию. Значительный интерес представил доклад *Е. Ю. Захаровой* (Воронеж) о значении ряда академических экспедиций в 50–60-е гг. XX в. (рук. И. И. Ляпушкин, С. А. Плетнёва) в исследовании хазарских древностей в Центральном Черноземье.

Серия докладов была посвящена результатам исследования конкретных памятников и материалов салтово-маяцкой культуры. Среди них сообщение *В. Н. Ковалевского* о болгарских погребениях, открытых у с. Тихий Дон на юге Воронежской области, *Г. Е. Свистуна* (Харьков) об оборонительных сооружениях городища Коробовы хутора на Северском Донце, *Н. А. Лифанова (*Самара) о некоторых памятниках Самаро-Симбирского Поволжья, которые, по его мнению, определяют северо-восточные рубежи Хазарского каганата. К этой серии можно отнести и доклад *А. В. Мастыковой* (Москва), посвященный анализу зеркал «типа Карповка», встреченных на памятниках аланского варианта салтово-маяцкой культуры. Анализируя этот материал, докладчик пришла к выводу, что зеркала с центральной петлей и декором в виде концентрических рельефных кругов не могут считаться типично аланскими. Их истоки следует искать в районе Северо-Восточного Причерноморья и в Западном

Предкавказье. *К. И. Красильников* (Луганск) в своем докладе, проводя сопоставительный анализ археологических и письменных источников, пришел к выводу, что статус праболгар в Хазарском каганате был различным: платили дань; собирали дань; находились на военной службе в пограничных районах. В докладе *М. Л. Швецова* (Донецк) был дан общий обзор материалов, связанных с салтово-маяцкой культурой с территории Среднего Подонцовья.

Информативным было сообщение *С. И. Владимирова* (Воронеж), который собрал информацию, главным образом по публикациям, о фигурных подвесках (чумбурные блоки), деталях конской упряжи, составил их типологию и попытался выяснить специфику для отдельных памятников. *В. А. Сарапулкин* (Белгород) доложил о строительных комплексах, выявленных на южной окраине Маяцкого селища в раскопках 2008 г.

Большой интерес вызвал доклад *О. А. Щегловой* (Санкт-Петербург) о коллекции каменных литейных формочек из раскопок Саркела Волго-Донской экспедицией (рук. М. И. Артамонов), хранящейся в Эрмитаже. Таким образом, в научный оборот введен ранее неизвестный материал, который может существенно дополнить наши представления о хозяйственной деятельности Саркела в хазарское время.

Два доклада были построены на антропологическом материале. Доклад *И. К. Решетовой* (Москва) был посвящен исследованию трепанации черепа из ямного погребения, обнаруженного на южной окраине Маяцкого селища. Этот случай трепанации, по мнению докладчика, имеет аналогии как на памятниках салтово-маяцкой культуры, так и в других синхронных материалах. В совместном докладе *М. В. Добровольской* и *И. К. Решетовой* (обе – Москва) на основе изотопного анализа антропологического материала дана реконструкция основных характеристик питания отдельных групп населения салтово-маяцкой культуры, что, по мнению авторов, открывает значительные перспективы для дальнейшего их использования при реконструкции хозяйственной деятельности населения.

Из группы докладов о влиянии и взаимодействии салтово-маяцкой культуры с соседними этносами интерес вызвал доклад *В. Я. Петрухина* (Москва) «Викинги и степь: к проблеме воздействия Востока на Швецию в раннем средневековье». В докладе речь шла не о конкретном салтово-маяцком воздействии, а более широ-

ко – о достаточно многочисленных археологических свидетельствах восприятия предметов «восточного» происхождения в культуре эпохи викингов в Швеции. В ряде докладов рассматривались вопросы взаимоотношений в различных сферах населения салтово-маяцкой культуры и восточных славян. В докладе *М. В. Веретюшкиной* и *А. А. Балашова* (Курск) проанализированы материалы, связанные с влиянием салтовского сельскохозяйственного производства на северянское. Три доклада: совместный *О. Н. Брусенцова* и *Г. А. Шебалина* (Тула); *Е. О. Володина* (Тула), *М. И. Гоняного* (Москва) – были посвящены анализу торговых связей славянского населения верховьев Дона и Окско-Донского междуречья с салтово-маяцким миром. В докладе *Н. М. Савицкого* (Воронеж) на примере материалов славянского Титчихинского городища и Маяцкого селища проанализированы проблемы влияния славянского домостроительства на салтовское, и автор предложил сходство искать не только в сфере культурных контактов, но и в общности хозяйственно-культурных типов. К этой серии докладов примыкает и сообщение *С. П. Щавелева* (Курск), посвященное анализу летописных сообщений о славянской дани Хазарии, в котором он рассматривает характер дани и формы ее выплаты.

В некоторых докладах содержалась характеристика внутриполитической ситуации в Хазарском каганате, его внешней политики, взаимоотношений с соседними государствами. В этом отношении интересен был доклад *А. А. Тортики* (Симферополь) «Византия в политике Хазарского каганата: эволюция отношений». Эволюция отношений автором прослежена на фоне и в зависимости от общей политической ситуации, складывающейся в Крыму и Закавказье. В докладе *Д. Р. Мадурова* (Чебоксары) «В эпоху смут, восстаний коваров и выбор веры хазарами» рассмотрены некоторые события политической истории Хазарского каганата, нашедшие отражения в письменных источниках и повлиявшие на исторические судьбы отдельных этнических групп каганата. *И. Д. Мухаметшин* (Казань) посвятил доклад некоторым проблемам формирования государственности у волжских болгар.

Два доклада были посвящены характеристике этнической карты степных районов бассейна Дона накануне образования Хазарского каганата и сложения салтово-маяцкой культуры. В докладе *М. М. Казанского* (Париж) была рассмотрена территория расселения оногу-

ров по материалам письменных источников второй половины V–VII вв.; по его мнению, это бассейн Дона, а в VII в. их ареал расширяется на юг вплоть до Кубани. При этом М. М. Казанский подчеркнул сильное византийское влияние на донских кочевников, а также наличие материалов в ряде погребений, свидетельствующих об их восточном происхождении. В докладе *М. В. Цыбина* (Воронеж) «Погребения кочевников VII–VIII вв. в Среднем Подонье» рассмотрены немногочисленные погребения этого типа (Таганский могильник, дюна «Терешковский вал») и высказана гипотеза об их этнокультурной принадлежности и возможности выделения в Среднем Подонье предсалтовского горизонта.

В ходе работы конференции были организованы экскурсии по музею-заповеднику «Дивногорье», в Дивногорский Свято-Успенский мужской монастырь и в археологический музей-заповедник «Костенки».

На заключительном заседании было отмечено, что подобные конференции очень полезны и крайне необходимы для плодотворного сотрудничества специалистов в области хазароведения. С благодарностью было встречено сообщение руководства музея о том, что материалы конференции будут опубликованы в одном из выпусков трудов Музея-заповедника – «Дивногорском сборнике».

A. Z. Vinnikov, V. J. Petrukhin

The International Scholar Conference
"The Khazar Kaganate and Its Place in the Historical Destinies of the Peoples of Eastern Europe"

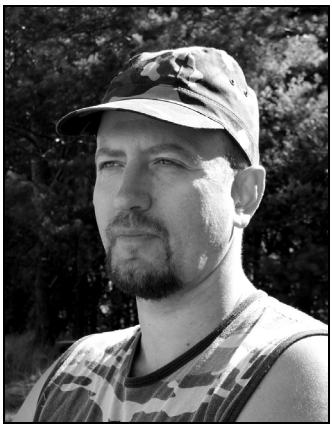
Summary

This article contains the information about the conference on the Khazar studies which took place in the "Divnogorie" Museum (Mayatskoe settlement) in 2015 (on September, 17–19). It was devoted to the 125-th anniversary since the beginning of investigation of this archaeological monument and also to the 40-th anniversary since the beginning of the Soviet-Bulgarian-Hungarian archaeological expedition here under S. A. Pletneva's leading. Almost 40 participants from Russia, Ukraine and France took part in this conference. Their reports were dedicated to the many problems of Saltov archaeology and Khazar history.

Keywords: Divnogorie, Mayatskoe settlement, Saltov archaeology, Khazars.

V
Памяти А. А. Тортики

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОРТИКА
(1967–2015)



Слёзы в глазах и на сердце горе,
Постылое горе, унылые слёзы…
П. Элюар

Александр Александрович Тортика родился 29 сентября 1967 г. в семье Харьковских интеллигентов. Его мать, Тортика Виктория Ивановна, до выхода на пенсию занималась научными разработками в области пищевой промышленности. Отец, Тортика Александр Степанович, на протяжении 48 лет является старшим научным сотрудником Харьковского физико-технического института.

В 1974 г. Саша Тортика поступает в СШ № 141 г. Харькова, которую успешно заканчивает в 1984 г. В школьные годы у него ярко

проявились способности к гуманитарным наукам. Поэтому, по совету отца, шестиклассник Саша Тортика начинает посещать археологический кружок Харьковского дворца пионеров имени П. П. Постышева, которым руководили известный в городе археолог-скифолог Вера Евгеньевна Радзиевская и специалист по черняховской культуре Евгений Николаевич Петренко. Под их руководством школьник Саша Тортика принимает участие в раскопках черняховского могильника у с. Родной Край, Коломакского и Бельского городищ скифской культуры в составе различных, в том числе и университетских, экспедиций. Для Александра эти первые археологические раскопки оказались судьбоносными, во многом определившими весь его дальнейший жизненный и научный путь.

В 1984 г. А. А. Тортика поступает на исторический факультет Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. Однако после второго курса, в июне 1986 г., А. А. Тортика был призван на срочную службу в вооруженных силах СССР и прослужил до июня 1988 г. в строительной части № 11678 в г. Серпухове. За время службы А. А. Тортика досконально осваивает специальности плиточника, монтажника сантехнического оборудования и кузнеца. Навыки строительных специальностей в экономически сложные 90-е гг. XX ст. неоднократно помогали ему зарабатывать дополнительные средства для семьи и на нужды исследовательской деятельности.

После демобилизации из армии А. А. Тортика возобновляет учебу на историческом факультете ХГУ им. А. М. Горького со специализацией по историографии, источниковедению и археологии, который успешно заканчивает в июне 1991 г.

В университетские годы бессменным наставником и учителем, а со временем благожелательным коллегой и близким товарищем для Александра Александровича стал ведущий харьковский археолог-салтововед профессор Владимир Кузьмич Михеев. Под его руководством уже в студенческие годы А. А. Тортика при написании курсовых работ, дипломного проекта смог проявить поразительную трудоспособность, скрупулезность в анализе исторического и археологического материала, внимательное отношение к мелочам и неуемное стремление познать истину. Благодаря общению с В. К. Михеевым и работе в средневековых экспедициях университета, у Александра Александровича появилось четкое представление о том, какое научное направление он будет разрабатывать.

О таланте исследователя свидетельствуют небольшие ранние работы начинающего ученого А. А. Тортики. Среди них выделяются тезисы доклада на всесоюзной конференции по болгаристике 1991 г., посвященные определению возможной численности населения Великой Болгарии Кубрата в 630–660 гг. [*Тортика*, *1991*, с. 4–5], опыт исчисления населения по материалам биритуального раннесредневекового салтовского могильника у с. Красная Горка, а также определения возможного срока его использования населением красногоровской общины в материалах конференции, посвященной 90-летию XII археологического съезда [*Тортика*, *1991*, с. 202–204]. В этих публикациях молодой ученый не только использовал для решения конкретной исторической проблемы данные археологии, но и привлек материалы по этнографии, демографии древних обществ, а также применил методы статистической обработки информации, что, несомненно, повысило достоверность выводов.

После окончания ХГУ молодого историка направляют на работу в Харьковский государственный институт культуры (ныне Харьковская государственная академия культуры – ХГАК), где он начинает профессиональную трудовую деятельность в должности преподавателя кафедры всеобщей истории (ныне кафедры музееведения и памятниковедения). Здесь он вскоре занимает должность старшего преподавателя (1997 г.), становится профессором (2008 г.), а потом и заведующим кафедрой музееведения и памятниковедения (2008 г.). Должность заведующего кафедрой Александр Александрович оставляет в 2012 г. в связи с семейными обстоятельствами. За 24 года педагогической деятельности Александр Александрович разработал и читал 8 учебных курсов и спецкурсов, руководил практикумом и двумя практиками. Для пяти курсов и спецкурсов он успел опубликовать авторские программы и методические материалы. Большой популярностью у студентов пользуется сборник авторских деловых игр к учебному курсу «Научное комплектование, учет и хранение музейных фондов».

Параллельно с преподавательской деятельностью Александр Александрович активно занимается научной работой. С 1994 по 1999 г. он был соискателем кафедры историографии, источниковедения и археологии (руководитель – профессор В. К. Михеев). Именно в этот период Александр Александрович оттачивал навыки

комплексного исследования на стыке различных наук, что и позволило выйти на написание кандидатской диссертации «Историческая география и население Великой Болгарии (630–660 гг.): методика исследования кочевых обществ средневековья» [*Тортика*, *1999(1)*], которую он успешно защитил в начале 2000 г. в Институте востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.

В своем диссертационном исследовании автор, основываясь на письменных и археологических источниках, данных этнологии и демографии, не только реконструировал наиболее вероятный маршрут перекочевки праболгарских племен в пределах Северного Причерноморья, Крыма и Прикубанья, но и попытался определить возможную численность праболгарского населения в степных районах юга Восточной Европы. Кроме того, важнейшим достижением Александра Александровича можно считать разработку собственной авторской методики исследования кочевых сообществ эпохи раннего средневековья.

Диссертация А. А. Тортики привлекла к себе внимание специалистов по истории кочевников, археологов, занимающихся салтово-маяцкой культурой, специалистов по раннесредневековой истории народов Восточной Европы. Наряду с положительными отзывами на работу Александра Александровича появились и достаточно критические отклики как от отечественных специалистов, так и от представителей московской школы салтововедения. Активная дискуссия стала лучшим доказательством неординарности новаторского подхода Александра Александровича к вопросам, затронутым в его диссертационном исследовании.

На пути к достижению цели молодого ученого не пугали самые сложные теоретические проблемы кочевниковедения. Поэтому целый ряд его статей посвящен становлению и развитию хозяйства в кочевом скотоводческом обществе. Среди них особенно интересны «Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ» в соавторстве с его учителем В. К. Михеевым и Р. И. Кортиевым [*Тортика, Михеев, Кортиев*, *1994*, с. 49–62], «Проблема посідання кочівників та особливості її вирішення в радянський період розвитку історичної науки» [*Тортіка*, *2002(3)*, с. 11–20]. Интерес Александра Александровича к теоретическому наследию ведущих отечественных ученых-кочевниковедов и идеям евразийства позволил ему написать несколько статей, где он дос-

таточно скрупулезно разобрал некоторые положения из работ предшественников. К таким работам относятся: «Концепция истории Хазарского каганата Л.Н. Гумилёва: опыт критического анализа» [*Михеев, Тортика*, *2001*, с. 149–178]; «“Евразийство” в современной номадистике: возможности использования в позитивном научном исследовании» [*Тортика, 2002(1)*, с. 103–111]; «Иудео-хазарский период истории Хазарского каганата: к продолжению критики концепции Л. Н. Гумилёва» [*Тортика, 2003*, с. 109–117]; «Особливості менталітету ранньосередньовічних кочівників Східної Європи (IV–VI ст. н. е.)» [*Тортіка*, *1999(2)*, с. 270–278]

Круг интересов Александра Александровича был необычайно широким. В сферу его профессионального интереса входили и менталитет кочевого населения степной зоны Евразии, и способы преодоления водных преград кочевниками, и проблемы взаимодействия кочевого и оседлого населения, и вопрос династических браков как элемент внешней и внутренней политики в Хазарском каганате. При этом особо пристальное внимание А. А. Тортика уделял изучению праболгарского населения эпохи раннего средневековья. Используя письменные источники и археологические материалы, Александр Александрович разрабатывал вопрос этногенеза праболгарских племен Днепро-Донского междуречья, вопросы специфики военного дела у праболгарского населения, проблему поливариантности погребального обряда у праболгар юга Восточной Европы, вопросы исторической географии Болгарии Кубрата.

Привлекала Александра Александровича и проблема этнической идентификации населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, что нашло отражение в его критике концепции Г. Е. Афанасьева о локализации и идентификации народа буртасов [*Тортика*, *2004(2)*, с. 88–89; *Тортика*, *2005(3)*, с 96–98; *Тортика*, *2005(6)*, с. 16–20; *Тортіка*, *2005(4)*, с. 4–16; *Тортіка*, *2005(5)*, с. 37–49].

Интерес к праболгарскому этническому компоненту в составе Хазарского каганата у Александра Александровича перерос со временем и в интерес к собственно хазарам. Здесь у него вновь проявился комплексный подход к исследованиям. А. А. Тортику, как и в проблеме праболгарского населения, в первую очередь заинтересовала историческая география каганата и возможная численность населения хазар [*Михеев, Тортика*, *2000*, с. 146–168]. Потом его

внимание привлекли письменные источники по хазарам, которые он достаточно профессионально использовал для реконструкции исторических событий последней четверти 1-го тыс. н. э. [*Тортика*, *2002(2)*, с. 535–542; *Тортика*, *2004(1)*, с. 157–160; Тортика, *2005(1)*, с. 295–299; *Тортіка*, *2005(2)*, с. 17–38; *Михеев, Тортика*, *2005*, с. 175–184].

Повышенный интерес Александр Александрович проявлял к истории Крыма хазарского времени. Об этом свидетельствует целый ряд его работ 2002–2005 гг., посвященных проблеме появления тюркско-болгарского населения на Крымском полуострове, взаимоотношениям местного и пришлого населения.

В октябре 2002 г. Александр Александрович поступает в докторантуру ХДАК и при этом не прекращает педагогической деятельности. 2 марта 2007 г. А. А. Тортика в специализированном совете Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина защищает докторскую диссертацию по теме «Алано-болгарское население Северо-Западной Хазарии в этносоциальном и геополитическом пространстве юга Восточной Европы».

Научные наработки А. А. Тортики были обобщены в монографии «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы: вторая половина VII – третья четверть X в.», которая стала значимым событием в научном мире. Данная работа явилась квинтэссенцией всей предыдущей деятельности ученого. Она позволила на широком круге письменных источников, с привлечением огромного массива археологического материала, показать роль и место отдельной части Хазарского каганата – его северо-западного региона – в истории не только этого раннегосударственного образования, но и всей Юго-Восточной Европы. Александру Александровичу удалось показать политическое и экономическое значение региона для каганата, осветить этносоциальное положение проживавшего здесь алано-болгарского населения, уточнить систему взаимодействия проживавшего здесь населения с центральной властью. Хорошее знание письменных источников, археологического материала, теоретических разработок специалистов по истории кочевников позволили А. А. Тортике по-новому осветить вопросы торговых путей, торговли и ее значения для каганата. Не мог не вызвать интерес у читателей и раздел, посвященный проблеме локализации и идентификации народа буртас относительно территории

и населения Хазарского каганата, а также раздел, посвященный работорговле в Восточной Европе в хазарское время [*Тортика*, *2006*].

После защиты докторской диссертации, с 2008 по 2015 г., профессор А. А. Тортика публикует 19 научных и 7 учебно-методических работ и таким образом доводит количество своих публикаций до 135 – в том числе монография, 116 научных статей и материалов конференций, 16 учебно-методических работ и два учебных пособия. Без преувеличения можно утверждать, что он становится маститым ученым, специализирующимся на изучении кочевых обществ средневековья, широко известным среди специалистов Украины, ближнего и дальнего зарубежья. А. А. Тортика был членом специализированного ученого совета ХГАК по специальности книговедение, библиотековедение и библиографоведение, а также членом специализированного ученого совета ХНУ имени В.Н. Каразина по специальности всеобщая история. Кроме того, Александр Александрович трудился в редакционных коллегиях Дриновского сборника и Хазарского альманаха, а в последнем выполнял еще и обязанности заместителя главного редактора.

Школьный интерес Александра Александровича к археологии во время работы в ХГАК проявился в том, что любимой его дисциплиной были «Основы археологии». Их преподавание профессор А. А. Тортика удачно сочетал с чтением спецкурса по методике археологических разведок и раскопок, а также с организацией и проведением летней полевой археологической практики. В разные годы студенты под руководством Александра Александровича участвовали в раскопках Хотмыжского, Крапивенского и Змиева городищ древнерусской культуры, селища Бабья Левада салтово-маяцкой культуры близ городища Гайдары, селища Нетайловка-1 и Нетайловского могильника салтово-маяцкой культуры. Именно в экспедициях наиболее отчетливо проявлялась забота Александра Александровича о студентах. К их воспитанию он подходил ответственно и без лишнего формализма. Выпускники музейного отделения помнят его как мудрого наставника, задушевного собеседника, великолепного чтеца стихов отечественных и зарубежных поэтов, певца, гитариста и заядлого рыболова.

В начале осени 2014 г. профессору А. А. Тортике поступает предложение перейти на работу в Научно-исследовательский центр

истории и археологии Крыма при Крымском федеральном Университете им. В. И. Вернадского, что он и делает в октябре 2014 года. Принимая столь трудное для себя решение, Александр Александрович надеялся, что сбывается его давняя мечта – полностью посвятить себя только научной работе без отвлечения на преподавательскую, учебно-методическую и воспитательную деятельность. Однако внезапная преждевременная смерть в ночь с 13 на 14 декабря 2015 г. из-за скоротечной тяжелой болезни трагически помешала этим планам. Из жизни ушел совсем еще молодой ученый, оставив в значительной степени неосуществленными замыслы научных исследований и новых публикаций их результатов.

Научные, деловые, организаторские и личные человеческие качества выделяли профессора А. А. Тортику из общего ряда людей. Он воспринимался окружающими как необычайно самобытная, талантливая личность. Это был человек до щепетильности порядочный, верный служению отечественной науке, культуре и образованию. Светлая ему память!

В. С. Аксёнов, С. В. Евсеенко, В. М. Ряполов

Литература

Михеев В. К., Тортика А. А. Концепция истории Хазарского каганата Л. Н. Гумилева: опыт критического анализа // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. Москва, *2001*.

Михеев В. К., Тортика А. А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII – середина X в.) // Вісник Міжнародного Соломонового університу. Вип. 3. Київ, *2000*.

Михеев В. К., Тортика А. А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. М., *2005*.

Тортика А.А. К вопросу о численности населения Великой Болгарии Кубрата // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы: тез. докл. и сообщ. второй Всесоюзной конф. по болгаристике. Харьков, *1991*.

Тортика А. А. Опыт исчисления населения по материалам раннесредневекового могильника у с. Красная Горка // История и археология Сло-

бодской Украины: тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда. Харьков, *1992*.

Тортика А. А., Михеев В. К., Кортиев Р. И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. *1994*. № 1.

Тортіка О. О. Історична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр. н. е.): методика дослідження кочових суспільств середньовіччя: автореф. дис. … канд. іст. наук. Харків, *1999(1)*.

Тортіка О. О. Особливості менталітету ранньосередньовічних кочівників Східної Європи (IV–VI ст. н. е.) // Східний світ: До 80-річчя акад. О. Пріцака. *1999(2)*. № 1/2.

Тортика А. А. «Евразийство» в современной номадистике: возможности использования в позитивном научном исследовании // Сходознавство. Вип. 7/18. *2002(1)*.

Тортика А. А. «Киевское письмо» хазарских евреев: к проблеме критики содержания источника // МАИЭТ. Вып. 9. Симферополь, *2002(2)*.

Тортіка О. О. Проблема посідання кочівників та особливості її вирішення в радянський період розвитку історичної науки // Вісник Харківської державної академії Культури: збірник наукових праць. Вип. 10. Харків, *2002(3)*.

Тортика А. А. Иудео-хазарский период истории Хазарского каганата: к продолжению критики концепции Л. Н. Гумилёва // Хазарський альманах. Т. 2. Киев–Харьков–Москва, *2003*.

Тортика А. А. К вопросу о характере хазарского присутствия в Днепро-Донском междуречье в конце VII – начале VIII в. // VIII Сходознавчі читання А. Кримського. Київ, *2004(1)*.

Тортика А. А. Река Буртас средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V международной научной конференции. Харьков, *2004(2)*.

Тортика А. А. Война «царя» русов Хельгу и «баликчи» хазар Песаха по данным Текста Шехтера: геополитический аспект // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф: VI Боспорские чтения, Керчь, *2005(1)*.

Тортіка О. О. Євреї в Хозарському каганаті та Київській Русі // Нариси з історії та культури євреїв України. Київ, *2005(2)*.

Тортика А. А. Локализация буртасов арабо-персидских авторов и Подонье-Придонечье в VIII–IX вв. // IX Сходознавчі читання А. Кримського : тези доп. міжнар. наук. конф. ін-ту сходознавства ім. А. Кримського НАН України. Київ, *2005(3)*.

Тортіка О. О. Північно-Західна Хозарія, буртаси, Мордва: проблема господарсько-культурної й етнічної ідентифікації // Вісник Харківської державної академії Культури. Вип. 16. Харків, *2005(4)*.

Тортіка О. О. Розташування буртасів арабо-персидських авторів: до реконструкції історичної географії Східної Європи в хозарські часи (VIII–X ст.) // Вісник Харківської державної академії Культури. Вип. 17. Харків, *2005(5)*.

Тортика А. А. Северо-Западная Хазария, буртасы, мордва: проблема хозяйственно-культурной и этнографической идентификации // Тезисы докладов 12-й ежегодной Международной конференции по иудаике. М., *2005(6)*.

Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков, *2006*.

V. S. Aksenov, S. V. Yevsieenko, V. M. Riapolov

Aleksandr Aleksandrovich Tortika
(1967–2015)

Summary

The life path of Doctor of Historical Sciences, Professor of KhSAC (Kharkiv State Academy of Culture) A. A. Tortika is considered on the basis of archival materials, published data and memories of colleagues, friends and relatives. A particular attention is paid to the contribution of A. A. Tortika in the study of the history of Proto-Bulgarians, Alans and Khazars as part of the Khazar Khaganate and the development of methods for studying the nomadic societies of the early Middle Ages.

K e y w o r d s : Aleksandr Tortika, life path, creative legacy, Proto-Bulgarians, Alans, Khazars, the Khazar Khaganate.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОРТИКА И ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. А. Е. КРЫМСКОГО НАН УКРАИНЫ

13 декабря 2015 г. трагически безвременно оборвался жизненный путь талантливого ученого, доктора исторических наук, профессора Александра Александровича Тортики. Умер он в расцвете своих сил. И это случилось тогда, когда все мы надеялись, что он будет жить и жить, отдавая все свои силы и опыт науке. Однако судьба распорядилась иначе.

Именно науке Александр Александрович посвятил более 25 лет своей непродолжительной жизни. Последние пятнадцать лет судьба Александра Александровича были тесно связаны с Институтом востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.

Родился Александр Александрович Тортика 29 сентября 1967 г. в г. Харькове. Уже в школьные годы он проявлял большой интерес

к истории и археологии. Именно тогда он начал ездить в археологические экспедиции. В результате после средней школы он поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета, который закончил в 1991 г. Там он проходил специализацию на кафедре историографии, источниковедения и археологии. Научным руководителем его курсовых и дипломной работ был известный археолог – доктор исторических наук, профессор В. К. Михеев. Еще студентом А. А. Тортика принимал участие во многих научных конференциях, на одной из которых я имел возможность познакомиться с ним. Помню, что тогда, а было это в начале февраля 1991 г., на Второй всесоюзной конференции по болгаристике в Харькове, доклад Александра Александровича, посвященный протоболгарам, произвел на меня незабываемое впечатление. Так же ярко запомнилось мне и его участие в обсуждениях докладов (Александр Александрович поддержал идеи моего доклада и предоставил мне еще данные о дополнительных публикациях по теме моего исследования). Именно тогда я и подумал, что умеет Владимир Кузьмич Михеев подбирать кадры для научной работы.

В дальнейшем случилось так, что Александр Александрович писал свою кандидатскую диссертацию не как аспирант, а как соискатель научной степени кандидата исторических наук. После окончания Харьковского государственного университета он работал преподавателем в Харьковской государственной академии культуры. Я продолжительное время об этом не знал, так как не видел его восемь лет. Лишь в 1999 г. В. К. Михеев представил к рассмотрению в Специализированном ученом совете Института востоковедения им. А. Е. Крымского, ученым секретарем которого тогда я был, кандидатскую диссертацию своего ученика А. А. Тортики, посвященную протоболгарам, но с очень сложным названием. Скажу откровенно, таких диссертаций у нас еще не было. Спецсоветы других учреждений также не могли принять к защите эту диссертационную работу из-за ее оригинальности. Поэтому было принято решение, что в Спецсовете Института востоковедения им. А. Е. Крымского должна состояться защита кандидатской диссертационной работы Тортики Александра Александровича по специальности «07.00.02 – Всемирная история». Окончательное название диссертации – «Историческая география и население Великой Болгарии (630–660 гг.): методика исследований кочевых обществ средневе-

ковья». Официальными оппонентами тогда были приглашены известные ученые из Киева: доктор исторических наук О. М. Приходнюк (Институт археологии НАНУ) и кандидат исторических наук (ныне доктор исторических наук) А. Б. Головко (Верховная Рада Украины). Защита была назначена на начало 2000 г.

В то время в науке оставались дискуссионными вопросы, касающиеся количества племен кочевников степей Северного Причерноморья в VI–VII вв., а также размеров территории Великой Болгарии хана Кубрата. А. А. Тортика в своей кандидатской диссертации сумел окончательно развеять существовавшие на этот счет сомнения. Он доказал, что природные ресурсы степей Северного Причерноморья были ограничены и не могли дать возможность обитать там значительному числу кочевых племен. Отметим, до этого считалось, что в середине VII в. политическое образование Великая Болгария охватывало лишь Восточное Приазовье, т. е. она имела узкую локализацию. Однако А. А. Тортика сумел опровергнуть эти устаревшие взгляды и на основе привлечения данных этнографии, письменных источников, археологии, климатологии и других дисциплин доказал, что Великая Болгария имела широкую локализацию – территория проживания болгарских племен охватывала степи не только Восточного, но и Северного Приазовья.

Методика, разработанная А. А. Тортикой, давала возможность аналогичным способом исследовать и другие кочевые социумы. По мнению исследователя, оптимальным для проживания в Северном и Восточном Приазовье было наличие четырех племен. Общая численность кочевников каждого племени не должна была превышать 40 тысяч человек. В данном случае население Великой Болгарии не могло превышать 200 тыс. человек. Таким образом, разработанный А. А. Тортикой метод позволил свести максимальное количество племен кочевников на территории Северного Причерноморья до восьми (чуть более 300 тыс. человек). Именно 8 кочевых племен мы видим в сообщении Константина Багрянородного о печенегах Северного Причерноморья – 4 племени на Левобережье и 4 племени на Правобережье. Несомненно, защита кандидатской диссертации «Историческая география и население Великой Болгарии (630–660 гг.): методика исследований кочевых обществ средневековья» имела существенное значение не только для самого диссертанта, но и для его коллег.

Защита первой диссертационной работы А. А. Тортики состоялась в назначенный срок, и все прошло на высоком академическом уровне. Никого из присутствующих на заседании диссертация не оставила равнодушным. Очень был доволен результатом научный руководитель – заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор исторических наук, профессор В. К. Михеев. Как указал в своем отзыве первый официальный оппонент, доктор исторических наук О. М. Приходнюк, «диссертационная работа А. А. Тортики представляет собой новое направление в номадистике». И такая оценка была вполне обоснованной.

Защита этой диссертационной работы стала следствием многолетних научных поисков Александра Александровича, начатых им еще в студенческие времена. В общей сложности он готовил ее более 10 лет. Методика, разработанная А. А. Тортикой в его первом диссертационном исследовании, давала возможность аналогичным образом исследовать и другие кочевые социумы. К сожалению, этот труд так и не был издан в виде отдельной монографии.

Однако очень скоро в научной жизни А. А. Тортики наступил новый этап – в 2002 г. он поступил в докторнатуру Харьковской государственной академии культуры по специальности «07.00.02 – Всемирная история». Тема докторской диссертации в окончательном варианте звучала так: «Алано-болгарское население Северо-Западной Хазарии в этносоциальном и геополитическом пространстве юга Восточной Европы». Научным консультантом докторской диссертации был снова профессор В. К. Михеев. За три года Александр Александрович должен был подготовить к защите совсем новое исследование и еще на уровне докторской диссертации – задача более чем сложная, однако А. А. Тортика с этим успешно справился.

В этот период, 2003–2006 гг., продолжилось сотрудничество А. А. Тортики с Институтом востоковедения им. А. Е. Крымского. Так, почти в каждом номере изданий Института «Східний світ» и «Сходознавство» за этот период мы видим его статьи. Регулярно также печатались его статьи в ежегоднике «Хазарский альманах», который выходил под грифом Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины и Харьковского филиала Международного Соломонова университета. Печатались также его статьи в ежегодниках «МАИЭТ (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии)» и «Боспорские исследования», которые издавало

Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. Кроме того, А. А. Тортика был постоянным участником ежегодных Востоковедческих чтений А. Крымского, которые наш институт проводил в Киеве с 1999 по 2006 г. (III–X чтения). Таким образом, период 2003–2006 гг. был наиболее плодотворным в научной жизни А. А. Тортики, и его научная деятельность в значительной степени была связана с Институтом востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.

Следует отметить, что, в соответствии с требованиями ВАК Украины, для успешной защиты докторской диссертации был обязательным выход индивидуальной монографии, содержание которой должно было отображать основные положения докторской диссертации. Но для этого необходима была финансовая поддержка. Именно поэтому А. А. Тортика принял участие в конкурсных программах, которые проводил фонд ACLS (American Council of Learned Societies) для научных работников Восточной Европы. Александр Александрович успешно прошел все этапы конкурса и получил два престижных гранта от этого фонда (для завершения научного исследования и для публикации монографии). Следствием этого стал выход в Харькове в 2006 году научного труда А. А. Тортики «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.)». Как и требовалось, текст монографии отображал основные положения его докторской диссертационной работы.

В начале 2007 г. в Специализированном совете Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина по специальности «07.00.02 – Всемирная история» состоялась защита докторской диссертации А. А. Тортики «Алано-болгарское население Северо-Западной Хазари в этносоциальном и геополитическом пространстве юга Восточной Европы». Случилось так, что я имел честь быть дополнительным оппонентом на этой защите.

Актуальность темы диссертационного исследования определялась тем, что археологические источники недостаточно использовались для построения исторических выводов и были мало связаны с известными науке данными письменных источников. Поэтому рецензированная работа стала первым комплексным и специальным исследованием, где на уровне систематизации сведений опубликованных нарративных и вещественных источников было конкре-

тизировано представление об истории алано-болгарского населения северо-западной части Хазарского каганата в VIII—X вв. Это и составляло ее научную новизну. Решение этой проблемы имело большое значение не только для исследования истории Украины, но и прошлого многих народов Евразии. Диссертация состояла из пяти глав, где освещались разнообразные аспекты проблемы. Но наиболее значимой частью диссертации были ее выводы, в соответствии с которыми, без претензии на окончательный охват всей совокупности археологических или контекстных исторических фактов, были выявлены основные структурные элементы, историко-географические ориентиры и базовые закономерности истории лесостепного Подонья-Подонцовья в хазарское время – конце VII – начале X в. Представленное к защите исследование затронуло разнообразные аспекты жизни салтовского населения лесостепного Подонья: материальную культуру, этнический состав населения, вопросы упоминаний местных алано-болгарах в письменных источниках, характер экономики, социальной организации местного населения, интеграцию алано-болгар региона в военно-административную систему Хазарского каганата и т. п.

Такое комплексное историческое исследование региональной направленности было проведено впервые. Приведу здесь слова одного из официальных оппонентов А. А. Тортики, доктора исторических наук О. В. Сухобокова: «Человеку была поставлена конкретная задача, которую он должен был выполнить за ограниченное время. Как видим, диссертант с этим успешно справился и потому он, без сомнений, заслуживает присуждения ему научной степени доктора исторических наук». Замечу при этом, что Олег Васильевич Сухобоков не часто давал такие одобрительные характеристики своим коллегам. Конечно же, защита докторской диссертации А. А. Тортики была успешной и уже в конце 2007 г. он получил диплом доктора исторических наук по специальности «07.00.02 – Всемирная история».

Почти сразу после этого, в 2008 г., он возглавил кафедру истории Украины и музееведения в Харьковской государственной академии культуры, где он до этого работал на должности доцента. В 2012 г. он получил звание профессора и со временем перешел на должность профессора этой кафедры.

Несмотря на загруженность административной работой, Александр Александрович старался продолжать свои научные исследо-

вания. После 2006 г. в изданиях Украины, России и Болгарии выходили его статьи, но уже не в таком количестве, как в 2003–2006 гг. Кроме того, он принял участие в нескольких престижных международных конференциях: мы видели его среди участников Пашутовских чтений в Москве, Бахчисарайских научных чтений памяти Е. В. Веймарна и т. п.

Занимался Александр Александрович и научно-организационной работой. Так, он неоднократно был одним из организаторов Дриновских чтений, которые проводил Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина. Но мне больше всего запомнилась работа вместе с ним в составе редколлегии ежегодника «Хазарский альманах», где заместителем главного редактора он был до конца своей жизни. Скажем так, если бы не настойчивость Александра Александровича, то, скорее всего, после смерти основателей издания – профессоров В. К. Михеева и Б. С. Элькина – «Хазарский альманах» прекратил бы свое существование. Но ежегодник продолжает выходить, как мы видим, и в настоящий момент, и огромная заслуга в этом Александра Александровича, который принимал активное участие в подготовке VIII–XII томов издания.

После защиты докторской диссертации Александр Александрович все чаще начинает выступать как официальный оппонент на защитах докторских и кандидатских диссертаций. Так, в марте 2008 г. в Спецсовете Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины он выступил как официальный оппонент на защите диссертации И. В. Отрощенко «Движение за объединение монгольских народов в первой половине XX в.», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности «07.00.02 – Всемирная история».

Несмотря на свой довольно молодой возраст, А. А. Тортика оставил после себя значительное научное наследие. Он является автором более 100 публикаций в научных изданиях Украины, России и Болгарии. Среди них – индивидуальная монография, десятки статей. Но Александр Александрович считал, что на этом нельзя останавливаться. В последние годы жизни в числе его научных планов было издание монографии по его кандидатской диссертации. Кроме того, оставив преподавание, он желал всего себя посвятить науке – исследованию различных аспектов истории и культуры средневековых кочевников. К сожалению, судьба распорядилась иначе.

Мы всегда будем помнить Александра Александровича, и не только как ученого, а также как прекрасного и чуткого человека, всегда готового прийти на помощь в самых сложных жизненных ситуациях. Это касалась и поддержки начинающих ученых, и многого другого. Александр Александрович всегда был и навсегда останется в нашей памяти еще и очень скромным человеком. Как известно, скромность является украшением выдающихся людей. Александр Александрович отличался преданностью науке, огромным трудолюбием, тщательностью и объективностью в исследованиях.

Светлый образ Александра Александровича – талантливого ученого и порядочного человека, большого труженика, настоящего рыцаря науки без страха и упрека – навсегда останется в нашей памяти.

О. Б. Бубенок

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ А.А. ТОРТИКИ

BIBLIOGRAPHY OF SCIENTIFIC AND ACADEMIC WORKS OF A.A. TORTIKA

1. К вопросу о численности населения Великой Болгарии Кубрата / А. А. Тортика // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы: тез. докл. и сообщ. второй Всесоюз. конф. по болгаристике (2 Дринов. чтений), 5–7 февр. 1991 г.: доп. вып. / Харьк. гос. ун-т [и др.]. — Харьков, 1991. — С. 4–5.
2. Методика использования персональных ЭВМ для учета и научной каталогизации музейных фондов: учеб. Пособие / Х. В. Раковский, Н. В. Радомская, Б. М. Смоляницкий, А. А. Тортика, А. В. Легейда; Харьк. гос. ин-т культуры. — Харьков, 1991. — 49 с.
3. Екологія кочового господарства як джерело історичного знання / О. О. Тортіка // Конференція професорсько-викладацького складу та студентів за підсумками науково-творчої роботи за 1991 р.: тези доп. / Харків. держ. ін-т культури. — Харків, 1992. — С. 36–38.
4. Опыт исчисления населения по материалам раннесредневекового могильника у с. Красная Горка / А. А. Тортика // История и археология Слободской Украины: тез. докл. и сообщ. Всеукр. конф., посвящ. 90-летию XII Археол. съезда / Харьк. гос. ун-т [и др.]. — Харьков, 1992. — С. 202–204.
5. Відтворення традиційного кочового господарства / О. О. Тортіка // Проблеми музеєзнавства та історичного краєзнавства: тези доп. наук. конф., 18–19 трав. 1993 р. / Харків. держ. ін-т культури. — Харків, 1993. — С. 33–34.
6. Землепользование в развитом кочевом скотоводческом обществе / А. А. Тортика // Социально-экологические проблемы сельскохозяйственного производства: тез. докл. науч.-практ. конф., 26 мая 1993 г. / Харьк. гос. аграр. ун-т им. В. В. Докучаева. — Харьков, 1993. — С. 28–29.

7. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ / А. А. Тортика, В. К. Михеев, Р. И. Кортиев // Этногр. обозрение. — 1994. — № 1. — С. 49–62.
8. Проблеми етногенезу проболгарських племен Дніпро-Донського межиріччя у VII–X ст. / О. О. Тортіка, А. О. Суржко // Проблеми збереження та відновлення історичної пам'яті: тези доп. третьої наук. конф. з питань музеєзнавства та іст. краєзнавства, 24–25 трав. 1994 р. / Харків. держ. ін-т культури. — Харків, 1994. — С. 66–67.
9. Археологическая культура как понятие и некоторые тенденции современной археологии / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Історична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи: матеріали Всеукр. наук. конф. (м. Харків, 15–17 листоп. 1995 р.) / Харків. держ. ун-т [та ін.]. — Харків, 1995. — С. 60–65.
10. Історія протоболгар Дніпро-Донського межиріччя: проблеми періодизації / О. О. Тортіка // Проблеми збереження та відновлення історичної пам'яті: тези доп. третьої наук. конф. з питань музеєзнавства та іст. краєзнавства, 23–24 трав. 1995 р. / Харків. держ. ін-т культури. — Харків, 1995. — С. 105–106.
11. Музеєзнавство: комплексна навч. програма для студентів ф-ту культурології за спец. «Музейна справа і охорона пам'яток історії та культури» / Л. П. Велика, О. М. Єлагіна, М. М. Каністратенко, Н. С. Мартем'янова, В. М. Ряполов, Б. М. Смоляницький, О. О. Тортіка, Г. Й. Чернявський; Харків. держ. ін-т культури. — Харків, 1996. — 44 с.
12. Некоторые проблемы этнической истории и археологии протоболгар / А. А. Тортика // Болгарский ежегодник / Межресп. науч. ассоц. болгаристов [и др.]. — Харьков; София, 1996. — Т. 2. — С. 37–48.
13. Новый взгляд на маршрут перекочевок в Великой Болгарии Кубрата / А. А. Тортика // Проблемы истории и археологии Украины: к 140-летию со дня рождения акад. Д. И. Багалея: тез. докл. науч. конф., 16–18 апр. 1997 г. / Харьк. обл. ист.-археол. о-во [и др.]. — Харьков, 1997. — С. 66–67.
14. Вступ до спеціальності: програма курсу для істориків-музеєзнавців / О. О. Тортіка. — Харків: ХДАК, 1998. — 18 с.
15. Наукове комплектування, облік та зберігання музейних фондів: навч.-метод. матеріали з курсу / Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; уклад. О. О. Тортіка. — Харків: ХДАК, 1998. — 37 с.
16. Науково-дослідна діяльність музею: навч.-метод. матеріали / Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України і музеєзнавства; уклад. О. О. Тортіка. — Харків: ХДАК, 1998. — 27 с.

17. Основи археології: програма курсу / Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; уклад. О. О. Тортіка. — Харків: ХДАК, 1998. — 52 с.
18. Охорона, використання та пропаганда позамузейних пам`яток історії та культури: програма курсу для спец. «Музейна справа та охорона пам`яток історії і культури» / Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; уклад. О. О. Тортіка. — Харків: ХДАК, 1998. — 27 с.
19. Пастбища и их использование в традиционном скотоводческом хозяйстве кочевых народов Евразии I–II тыс. н. э. / Тортика А. А. // Актуальні проблеми сучасної науки у дослідженнях молодих вчених м. Харкова: [зб. ст.] / М-во освіти України, Голов. упр. з гуманіт. та соц. питань [та ін.]. — Харків, 1998. — С. 124–127.
20. Средние размеры стада как основной экологический, экономический и социальный показатель традиционного кочевого общества / Тортика А. А. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: [зб. наук. пр. молодих вчених] / Харків. держ. ун-т. — Харків, 1998. — С. 168–174. — Библиогр.: 21 назв.
21. Історична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр. н. е.): методика дослідження кочових суспільств середньовіччя: автореф. дис. … канд. іст. наук: спец. 07.00.02 «Всесвіт. історія». — Харків, 1999. — 19 с.
22. Особливості менталітету ранньосередньовічних кочівників Східної Європи (IV–VI ст. н. е.) / О. Тортіка // Східний світ. — 1999. — № 1/2: Etymon: до 80-річчя акад. О. Пріцака. — С. 270–278. — Бібліогр.: 13 назв.
23. Преодоление водных преград кочевыми народами Евразии I–II тыс. н. э.: опыт систематизации / А. А. Тортика // Вісн. Харків. держ. ун-ту. — Харків, 1999. — № 441: Історія, вип. 31. — С. 32–44.
24. Использование деловых игр в процессе подготовки историков-музееведов / Тортика А. А., Лобанова-Гулак М. В. // Університетська освіта України XXI століття: проблеми, перспективи, тенденції розвитку: тези доп. міжнар. наук.-практ. конф., 15–16 груд. 2000 р. / Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна [та ін.]. — Харків, 2000. — С. 188–189.
25. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII — середина X вв.) / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Вісн. Міжнар. Соломонового ун-ту. — Київ, 2000. — [Вип.] 3: Юдаїка. — С. 146–168. — Библиогр.: 39 назв.
26. Археология: программа курса и метод. указания / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Историческое образование: программы общих курсов и метод. указания: для студентов дистанц. формы обучения / Харьк. нац. ун-т им. В. Н. Каразина. — Харьков, 2001. — Т. 1. — С. 49–64.

27. «Евразийство» в современной номадистике: возможности использования в позитивном научном исследовании (методология или идеология) / Тортика А. А. // V Сходознавчі читання А. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 10–12 жовт. 2001 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. — Київ, 2001. — С. 99–101.
28. Историческая география Великой Болгарии Кубрата (630–660 гг. н. э.) / Александър Тортика // Анали. — 2001. — № 3/4. — С. 68–82.
29. Концепция истории Хазарского каганата Л. Н. Гумилева: опыт критического анализа / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» [и др.]. — М., 2001. — Ч. 1. — С. 149–178. — (Академическая серия; вып. 8). — Библиогр.: 71 назв.
30. Методика эколого-демографического исследования традиционных кочевых обществ Евразии / А. А. Тортика, В. К. Михеев // Средневековые древности евразийских степей. — Воронеж, 2001. — Вып. 15. — С. 141–161. — (Археология восточно-европейской лесостепи). — Библиогр.: 94 назв.
31. Особливості менталітету ранньосередньовічних кочівників Східної Європи / О. О. Тортіка // Східний світ: ETYMON: до 80-річчя акад. О. Пріцака. — 2001. — № 1/2. — С. 270–271.
32. Проблема полифункциональности и междисциплинарности в формировании теоретических основ современной музеологии / А. А. Тортика, М. В. Лобанова // 175 лет Керченскому музею древностей: Материалы междунар. конф. / Керч. ист.-культур. заповедник. — Керчь, 2001. — С. 169–172.
33. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации / В. С. Аксенов, А. А. Тортика // Степи Европы в эпоху Средневековья / НАН Украины, Ин-т археологии, Донец. нац. ун-т. — Донецк, 2001. — Т. 2: Хазарское время. — С. 191–218. — (Тр. по археологии).
34. Восточнославянские племена Днепровского Левобережья, Подонья–Придонечья в контексте хазарской истории: этнополитическая модель взаимоотношений / А. А. Тортика // Хазарский альманах / Междунар. Соломонов ун-т, Междунар. центр хазароведения, Восточноукр. фил. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 140–150. — Библиогр.: 52 назв.
35. Деловые игры к учебному курсу «Научное комплектование, учёт и хранение музейных фондов»: учеб.-метод. пособие / А. А. Тортика. — Харьков: ХГАК, 2002. — 58 с.
36. «Евразийство» в современной номадистике: возможности использования в позитивном научном исследовании / А. А. Тортика // Сходознавство: [зб. ст.] / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. —

Київ, 2002. — [Вип.] 17/18. — С. 103–111. — (Бібліотечка журналу «Східний світ»). — Библиогр.: 22 назв.

37. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Хазары: второй Междунар. коллоквиум: тезисы / Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» [и др.]. — М., 2002. — С. 68–70.
38. Использование произведений художественной литературы в изучении и преподавании истории материальной культуры европейского еврейства / Александр Тортика // Доля єврейської духовної та матеріальної спадщини в XX столітті: матеріали IX міжнар. наук. конф. «Єврейська історія та культура в країнах Центр. та Сх. Європи», 28–30 серп. 2001 р.: зб. наук. пр. / Ін-т юдаїки, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. — Київ, 2002. — С. 113–115.
39. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе «гуннов» через Боспор Киммерийский / Тортика А. А. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: [сб. науч. материалов III Боспор. чтений, г. Керчь, 20–23 мая 2002 г.] / НАН Украины, Центр археол. исслед. Крым. отд-ния Ин-та востоковедения, Керч. ист.-культур. заповедник. — Керчь, 2002. — С. 239–241.
40. «Киевское письмо» хазарских евреев: к проблеме критики содержания источника / А. А. Тортика // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: [сборник] / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского, Центр археол. исслед. — Симферополь, 2002. — Вып. 9. — С. 535–542. — Библиогр.: 16 назв.
41. Національне питання в рамках музейного педагогічного процесу: проблема самоідентифікації і культурного інтегрування народів України / Лобанова М. В., Тортіка О. О. // Сьомі Сумцовські читання: зб. матеріалів наук. конф. з міжнар. участю «Історія та археологія Слобожанщини в музеях Харківщини: до 100-річчя відкриття Салтівської культури», 12 квіт. 2001 р. / Харків. облдержадмін, Упр. культури, Харків. іст. музей. — Харків, 2002. — С. 58–61.
42. Проблема посідання кочівників та особливості її вирішення в радянський період розвитку історичної науки / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2002. — Вип. 10. — С. 11–20. — Бібліогр.: 27 назв.
43. Проект музея иудаики Международного центра хазароведения Восточноукраинского филиала МСУ: планы, возможности и перспективы / М. В. Лобанова, А. А. Тортика // Вісн. Міжнар. Соломонового ун-ту. — Київ, 2002. — [Вип.] 8: Юдаїка. — С. 72–85. — Библиогр.: 21 назв.

44. Работорговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата / Тортика А. А. // VI Сходознавчі читання А. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 30–31 жовт. 2002 р. — Київ, 2002. — С. 197–201.
45. Феномен кочевой культуры / А. А. Тортика // Духовна культура в інформаційному суспільстві: матеріали міжнар. наук.-теорет. конф., 24–25 січ. [2002 р.] / Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2002. — С. 76–77.
46. Экологически возможная численность кочевого населения Великой Болгарии (Старой Болгарии, Болгарии Кубрата) — вторая–третья четверть VII в. н. э. / Тортика А. А. // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: материалы науч. конф. (16–22 сент. 2002 г.) / Нац. заповедник «София Киевская». — Киев; Судак, 2002. — С. 249–252.
47. Боспор Киммерийский в хазарское время: по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов / А. А. Тортика // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: материалы IV Боспорских чтений, г. Керчь, 20–24 мая 2003 г. / НАН Украины, Центр археол. исслед. Крым. отд-ния Ин-та востоковедения, Керч. ист.-культур. заповедник. — Керчь, 2003. — С. 267–269.
48. Військова справа протоболгарських племен Східної Європи у дохозарські часи (V–VII ст. н. е.) / О. О. Тортіка // Східний світ. — 2003. — № 4. — С. 98–108. — Бібліогр.: 41 назв.
49. Две тенденции в современной работе музеев исторического профиля: «реформация» и «контрреформация» в музейной экспозиции / А. А. Тортика, М. В. Лобанова // Восьмі Сумцовські читання: зб. матеріалів наук. конф., присвяч. 100-річчю XII Археол. з'їзду, 12 квіт. 2002 р. / Харків. облдержадмін., Упр. культури, Харків. іст. музей. — Харків., 2003. — С. 64–66.
50. Иудео-хазарский период истории Хазарского каганата: к продолжению критики концепции Л. Н. Гумилёва / А. А. Тортика // Хазарский альманах. — Киев; Харьков; Москва: Мосты культуры, 2003. — Т. 2. — С. 109–117.
51. К вопросу об истории изучения традиционной материальной культуры еврейского населения Восточной Европы в конце XIX — начале XX вв. / Александр Тортика // Єврейська історія та культура кінця XIX — початку XX ст.: зб. наук. пр.: матеріали X міжнар. наук. конф. «Єврейська історія та культура в країнах Центр. та Сх. Європи», 28–30 серп. 2002 р. / Ін-т юдаїки, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. — Київ, 2003. — С. 119–126.
52. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский / А. А. Тортика // Боспорские

исследования: [сборник.] / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского, Центр археол. исслед. — Симферополь, 2003. — Вып. 3. — С. 62–72.

53. «Климаты» Константина Багрянородного и Северо-Западная Хазария: проблема локализации и идентификации / Тортика А. А. // VII Сходознавчі читання А. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 4–5 черв. 2003 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського. — Київ, 2003. — С. 139–141.
54. Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (VIII–X вв.) / А. А. Тортика // Соціокультурні комунікації в інформаційному суспільстві: матеріали міжнар. наук. конф., 21–22 листоп. 2003 р. / Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2003. — С. 44–45.
55. Феномен поліетнічності на прикладі салтівської археологічної культури хозарського часу у VIII–X ст.: історико-методологічний аспект / О. О. Тортіка // Восьмі Сумцовські читання: зб. матеріалів наук. конф., присвяч. 100-річчю XII Археол. з'їзду, 12 квіт. 2002 р. / Харків. облдержадмін., Упр. культури, Харків. іст. музей. — Харків, 2003. — С. 23–25.
56. Археологічна практика: програма / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад.: О. О. Тортіка, В. М. Ряполов]. — Харків: ХДАК, 2004. — 7 с.
57. Боспор Киммерийский в Хазарское время по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов / Тортика А. А. // Боспор. исслед. / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского [и др.]. — Симферополь; Керчь, 2004. — Вып. 5. — С. 362–388.
58. «Дев'ять кліматів» Костянтина Багрянородного та північно-західна Хозарія: проблема локалізації й ідентифікації / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2004. — Вип. 12/13. — С. 33–43. — Бібліогр.: 21 назва.
59. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства / Александр Тортика // Иудеи и хазары. Археология. Караимы в Восточной Европе. Неашкеназские еврейские общины: тез. докл. одиннадцатой ежегод. междунар. конф. по иудаике, 3–5 февр. 2004 г. — [М.], 2004. — С. 2–4.
60. До питання про характер хозарської присутності у Дніпро-Донському межиріччі наприкінці VII — на початку VIII ст. / О. О. Тортіка // Історичний журнал. — 2004. — № 8. — С. 115–125.
61. К вопросу о характере хазарского присутствия в Днепро-Донском междуречье в конце VII — начале VIII вв. / Тортика А. А. // VIII Сходознавчі читання А. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 2–3 черв. 2004 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. — Київ, 2004. — С. 157–160.

62. Наукове комплектування, облік та зберігання музейних фондів: програма та навч.-метод. матеріали до курсу / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад. О. О. Тортіка]. — Харків: ХДАК, 2004. — 33 с.
63. Основи археології: програма та навч.-метод. матеріали до курсу / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад. О. О. Тортіка]. — Харків: ХДАК, 2004. — 29 с.
64. Охорона, використання та пропаганда позамузейних пам'яток історії і культури: програма та навч.-метод. матеріали до курсу / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад. О. О. Тортіка]. — Харків: ХДАК, 2004. — 26 с.
65. Работорговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата. Ч. 1 / А. А. Тортика // Східний Світ. — 2004. — № 2. — С. 98–118.
66. Работорговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата. Ч. 2 / А. А. Тортика // Східний Світ. — 2004. — № 3. — С. 76–88.
67. Река Буртас средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации / А. А. Тортика // Проблемы истории и археологии Украины: материалы V междунар. науч. конф. — Харьков: ХНУ, 2004. — С. 88–89.
68. «Река славян» в системе географических реалий Восточной Европы в VIII–X вв.: по данным средневековых арабо-персидских авторов / Тортика А. А. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: сб. науч. материалов V Боспор. чтений, Керчь, 20–24 мая 2004 г. / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения [и др.]. — Керчь, 2004. — С. 370–374.
69. Соціально-політична та військова структура населення Північно-Західної Хозарії (VIII–X ст.): досвід історичної реконструкції / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2004. — Вип. 14. — С. 29–40. — Бібліогр.: 32 назви.
70. Фондова робота музеїв: програма практикуму / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад.: М. В. Лобанова-Гулак, О. О. Тортіка]. — Харкіів: ХДАК, 2004. — 8 с.
71. Этносоциальная природа русов (росов, руси): по данным раннесредневековых авторов (IX–X вв.) / А. А. Тортика // Інформаційно-культурологічна та мистецька освіта: стан і перспективи: матеріали міжнар. наук. конф., 12–13 жовт. / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2004. — С. 155–157.

72. Война «царя» русов Хельгу и «баликчи» хазар Песаха по данным Текста Шехтера: геополитический аспект / Тортика А. А. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф: VI Боспор. чтения, Керчь, 2005 г.: [сб. материалов конф.] / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения [и др.]. — Керчь, 2005. — С 295–299.
73. Вступ до спеціальності: (музейна справа та охорона пам'яток історії і культури): програма курсу / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України і музеєзнавства; [уклад.: М. В. Лобанова, О. О. Тортіка]. — Харків: ХДАК, 2005. — 14 с.
74. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства / А. А. Тортика // Східний світ. — 2005. — № 1. — С. 90–106.
75. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / Михеев В. К., Тортика А. А. // Хазары. Евреи и славяне / [редкол.: В. Петрухин и др.]. — Иерусалим; М., 2005. — Т. 16. — С. 175–184.
76. Євреї в Хозарському каганаті та Київській Русі / О. Тортика // Нариси з історії та культури євреїв України / [упоряд. та ред.: Л. Фіндберг, В. Любченко]. — Київ, 2005. — С. 17–37. — (Серія «Бібліотека Інституту юдаїки»).
77. Лесостепное Подонье-Придонечье и Горный Крым в хазарское время: опыт сравнительного анализа / Тортика А. А. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Нац. акад. наук Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского, Центр археол. исслед. — Симферополь, 2005. — Вып. 11. — С. 459–489.
78. Локализация буртасов арабо-персидских авторов и Подонье-Придонечье в VIII–IX вв. / Тортика А. А. // IX Сходознавчі читання А. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 1–2 черв. 2005 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. — Київ, 2005. — С. 96–98.
79. Неопубликованная рукопись А. П. Ковалевского: тернистый путь научного творчества / А. А. Тортика // Хазарский Альманах. — Киев; Харьков: Мосты культуры, 2005. — Т. 4. — С. 177–181.
80. Північно-Західна Хозарія, буртаси, Мордва: проблема господарсько-культурної й етнічної ідентифікації / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2005. — Вип. 16. — С. 4–16. — Бібліогр.: 36 назв.
81. Раскопки селища салтово-маяцкой культуры у с. Металловка (2003–2004 гг.) / Колода В. В., Ряполов В. М., Тортика А. А. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр.: зб. наук. пр. / НАН України. — Київ, 2005. — Вип. 7. — С. 176–178. — Библиогр.: 5 назв.

82. «Река славян» в системе географических реалий Восточной Европы в VIII–X вв. (по данным средневековых арабо-персидских авторов) / Тортика А. А. // Боспорские исследования / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского [и др.]. — Симферополь; Керчь, 2005. — Вып. 9. — С. 221–250.
83. «Река славян» (нахр-ас-сакалиба) в системе географических реалий Восточной Европы: по данным средневековых мусульманских авторов / Мария Лобанова-Гулак, Александр Тортика // Іслам і Україна: роботи учасників Першого Всеукр. ім. А. Кримського конкурсу ісламознав. дослідж. молодих учених / Іслам. громад. культ. центр м. Києва. — Київ, 2005. — С. 155–174. — Библиогр.: с. 172–174.
84. Розташування буртасів арабо-персидських авторів: до реконструкції історичної географії Східної Європи в хозарські часи (VIII–X ст.) / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2005. — Вип. 17. — С. 37–49.
85. Северо-Западная Хазария, буртасы, мордва: проблема хозяйственно-культурной и этнографической идентификации / А. А. Тортика // Тезисы докладов 12-й ежегодной Международной конференции по иудаике. — М., 2005. — С. 16–20.
86. Северо-западная Хазария в военно-политической системе Хазарского каганата: к постановке проблемы / А. А. Тортика // Степи Европы в эпоху средневековья: сб. науч. тр. — Донецк: ДГУ, 2005. — Т. 4. — С. 7–16.
87. Доно-Донецкий речной путь, лесостепное Придонечье и византийская Таврика в VIII–X вв.: характер и направления торговых связей / Тортика А. А. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос: VII Боспор. чтения, Керчь, 2006 г.: [сб. материалов конф.] / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения [и др.]. — Керчь, 2006. — С. 282–286.
88. Некоторые факторы речного судоходства в Восточной Европе в VIII–X вв. и Доно-Донецкий торговый путь / Тортика А. А. // X Сходознавчі читання А. Кримського, присвячені 135-річчю з дня народження А. Ю. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 5–6 жовт. 2006 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. — Київ, 2006. — С. 191–193.
89. «Остров басилов» и «семидесятирукавный Атил» «Армянской Географии»: проблема локализации / Тортика А. А. // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе: XVIII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 17–19 апр. 2006 г.: материалы конф. / РАН, Ин-т всеобщей истории. — М., 2006. — С. 197–202.

90. Розташування буртасів арабо-персидських авторів: до реконструкції історичної географії Східної Європи в хазарські часи (VII–X ст.) / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2006. — Вип. 17. — С. 37–49. — Бібліогр.: 40 назв.
91. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.): монография / А. А. Тортика; Харьк. гос. акад. культуры. — Харьков: ХГАК, 2006. — 555 с.
92. Торговля с мусульманскими странами в Восточной Европе в VIII–X вв., Доно-Донецкий торговый путь и Северо-Западная Хазария: проблемы и мнения / А. А. Тортика // Материалы Тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. — М., 2006. — Вып. 20. — С. 319–340.
93. Алано-болгарське населення Північно-Західної Хазарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи: автореф. дис. ... д-ра іст. наук: спец. 07.00.02 «Всесвіт. історія». — Харків, 2007. — 36 с.
94. Военно-политическая и социальная структура алано-болгарского населения лесостепного Подонья–Придонечья в Хазарское время (конец VIII — начало X века) / Тортика А. А. // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть: XIX Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 16–18 апр. 2007 г.: материалы конф. / РАН, Ин-т всеобщей истории. — М., 2007. — С. 267–272.
95. Історія Північно-Західної Хозарії в дореволюційній та ранній радянській (1920–1940 рр.) історіографії: підходи та методи / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2007. — Вип. 21. — С. 43–50. — Бібліогр.: 31 назва.
96. К изданию шестого тома Хазарского альманаха / А. А. Тортика // Хазарский альманах: [сб. науч. тр. в честь 70-летия В. К. Михеева] / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Крымского [и др.]. — Киев; Харьков, 2007. — Т. 6. — С. 5–6.
97. Культурологія і соціальні комунікації — нові галузі наукових досліджень в Україні / І. О. Давидова, М. В. Дяченко, В. О. Ільганаєва, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, Н. М. Кушнаренко, С. В. Потрашков, В. М. Ряполов, А. А. Соляник, Л. В. Стародубцева, Л. Г. Тишевська, О. О. Тортіка, В. М. Шейко // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2007. — Вип. 19. — С. 204–215.
98. Про седентаризацію алано-болгарського населення Дніпро-Донського межиріччя у VIII–X ст. / Олександр Тортіка // Іст. журн. — 2007. — № 1. — С. 71–79.

99. Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (конец VIII — начало IX вв.): историческая реконструкция / А. А. Тортика // Тюркологический сборник, 2006. — М., 2007. — С. 296–318.

100. Археологічні джерела та реконструкція історії Північно-Західної Хозарії: типологія і напрями використання / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2008. — Вип. 23. — С. 46–56. — Бібліогр.: 46 назв.

101. Нападение русов на Константинополь 860 г., хазарская миссия Константина Философа и хазаро-византийские отношения в зоне Керченского пролива, Азовского моря и Нижнего Дона во второй половине IX — сер. X вв. / А. А. Тортика // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: IX Боспор. чтения, Керчь, 2008 г.: [сб. материалов конф.]. — Керчь, 2008. — С. 263–268.

102. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 — теорія та історія культури (галузь науки — культурологія): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 8–44.

103. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 — теорія та історія культури (галузь науки — філософські науки): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 45–64.

104. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 — теорія та історія культури (галузь науки — мистецтвознавство): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 65–93.

105. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.02 — світова культура і міжнародні культурні зв'язки (галузь науки — культурологія): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 94–141.
106. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.04 — українська культура (галузь науки — культурологія): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програма кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 142–155.
107. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 — музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки — культурологія): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програма кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 156–177.
108. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 — музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки — історичні науки): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програма кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 178–204.
109. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 — музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки — мистецтвознавство): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туриз-

му України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програма кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 205–224.

110. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.06 — прикладна культурологія, культурні практики (галузь науки — культурологія): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програма кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 226–240.
111. Пути Хазарии и конечный пункт назначения хазарской миссии Константина Философа / А. А. Тортика // Восточная Европа в древности и средневековье: XX Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 16–18 апр. 2007 г.: материалы конф. — М., 2008. — С. 225–230.
112. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 — музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки — культурологія) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, С. В. Потрашков, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов]. — Харків: ХДАК, 2008. — 26 с.
113. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 — музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки — мистецтвознавство) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, С. В. Потрашков, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов]. — Харків: ХДАК, 2008. — 24 с.
114. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.02 — світова культура і міжнародні культурні зв'язки (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 24: Культурологія: зб. типових програма кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 80–126.
115. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 — теорія та історія культури (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України:

зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 24: Культурологія: зб. типових програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 8–48.

116. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 — теорія та історія культури (галузь науки — мистецтвознавство) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 24: Культурологія: зб. типових програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 49–78.
117. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.04 — українська культура (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 24: Культурологія: зб. типових програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 128–140.
118. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 — музеєзнавство. Пам'яткознавство (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 24: Культурологія: зб. типових програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 142–164.
119. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 — музеєзнавство. Пам'яткознавство (мистецтвознавство) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 24: Культурологія: зб. типових програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 165–184.
120. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.06 — прикладна культурологія, культурні практики (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврю-

шенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. — Харків, 2008. — Спецвип. 24: Культурологія: зб. типових програм кандид. іспитів для аспірантів і здобувачів. — С. 186–202.

121. Хазарската мисия на Константин Философ: проблеми на съвременната научна интерпретация / Александър Тортика // Списание на Българската академия на науките. — 2008. — № 4. — С. 49–55. — Библиогр.: 38 назв.
122. Андрей Васильевич Крыганов (1955–2008): [некролог] / А. А. Тортика // Хазарский альманах: сб. науч. тр., посвящ. памяти В. К. Михеева / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Ю. Крымского [и др.]. — Киев; Харьков, 2009. — Т. 8. — С. 353–355.
123. Владимир Кузьмич Михеев (1937–2008): [некролог] / В. С. Аксенов, А. А. Тортика // Хазарский альманах: сб. науч. тр., посвящ. памяти В. К. Михеева / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Крымского [и др.]. — Киев; Харьков, 2009. — Т. 8. — С. 13–15.
124. Володимир Кузьмич Міхеєв (1937–2008 рр.) / В. С. Аксьонов, В. В. Скирда, О. О. Тортіка // Древности: харьк. ист.-археол. ежегод.: ст., публ., заметки, рец., хроника / Харьк. ист.-археол. о-во. — Харьков, 2009. — Вып. 8. — С. 318–321.
125. Городища СМК VIII–X ст. Верхньодонеччя та повідомлення аль Ідрісі про притоки ріки Русійа й міста народу ан-нібарійа / О. О. Тортіка // П'ятнадцяті Сумцовські читання: зб. матеріалів наук. конф., присвяч. 155-й річниці з дня народж. видат. укр. вченого акад. АН України М. Ф. Сумцова, 17 квіт. 2009 р. / М-во культури і туризму України, Упр. культури і туризму Харків. облдержадмін., Харків. іст. музей. — Харків, 2009. — С. 83–84.
126. От редколлегии / А. А. Тортика // Хазарский альманах: сб. науч. тр., посвящ. памяти В. К. Михеева / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Ю. Крымского [и др.]. — Киев; Харьков, 2009. — Т. 8. — С. 5–7.
127. Пам'яті Володимира Кузьмича Міхеєва / В. С. Аксьонов, О. О. Тортіка // Археологія. — 2009. — № 1. — С. 121–122.
128. Середньовічні письмові джерела та реконструкція історії Північно-Західної Хазарії: джерела християнського походження / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2009. — Вип. 24. — С. 12–19. — Бібліогр.: 17 назв.
129. Торговля Восточной Европы с мусульманскими странами и Доно-Донецкий речной путь в середине VIII — середине X вв.: историографические традиции и реальность / Мария Лобанова-Гулак, Александр Тортика // Іслам і сучасний світ: роботи учасників другого та третього

всеукр. конкурсів ісламознав. дослідж. молодих учених ім. А. Кримського / Всеукр. асоц. громад. орг. «Альраїд», Всеукр. громад. орг. «Укр. центр ісламознавства», Ислам. громад. культур. центр м. Києва. — Київ, 2009. — С. 167–196. — Библиогр.: 103 назв.

130. Арабо-перська середньовічна історична та географічна література як джерело реконструкції історії Північно-Західної Хазарії / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2010. — Вип. 30. — С. 25–37. — Бібліогр.: 38 назв.
131. Інформаційно-комунікаційний простір як відображення сучасного соціокультурного середовища / О. О. Тортіка, О. Л. Біличенко // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2010. — Вип. 30. — С. 80–87. — Бібліогр.: 14 назв.
132. Проблемные аспекты определения даты обращения хазарской знати в иудаизм (в связи с интерпретацией сведений о хазарской миссии Константина Философа) / А. А. Тортика // Орієнтальні студії в Україні: до ювілею Л. В. Матвєєвої: зб. наук. ст. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського. — Київ, 2010. — С. 482–493. — Библиогр.: 22 назв.
133. От редколлегии / А. А. Тортика // Хазарский альманах / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Ю. Крымского [и др.]. — Киев; Харьков, 2011. — Т. 9. — С. 5–6.
134. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки — історичні науки) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов; під наук. ред. В. М. Шейка]. — 2-е вид., перероб. і допов. —Харків: ХДАК, 2011. — 38 с.
135. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки — культурологія) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов; під наук. ред. В. М. Шейка]. — 2-е вид., перероб. і допов. —Харків: ХДАК, 2011. — 29 с.
136. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки — мистецтвознавство) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов; під наук. ред. В. М. Шейка]. — 2-е вид., перероб. і допов. — Харків: ХДАК, 2011. — 26 с.
137. Указ Президента України № 489/2000 як приклад державної політики України в галузі музейництва на межі XX та XXI ст. / М. В. Тортіка (Лобанова), О. О. Тортіка // Сімнадцяті Сумцовські читання: зб. мате-

ріалів наук. конф. на тему: «Комунікаційний підхід у музейній справі як відповідь на потреби соціуму» (проводяться в рамках XVII Сумцовських читань), 18 квіт. 2011 р. / М-во культури і туризму України, Упр. культури і туризму Харкоблдержадмін., Харків. іст. музей. — Харків, 2011. — С. 232–234.

138. Хозаро-єврейські документи X ст. як джерело з історії Північно-Західної Хозарії / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2011. — Вип. 34. — С. 45–54. — Бібліогр.: 17 назв.
139. Городища Северо-Западной Хазарии и их военно-политическое значение в VIII–X вв. / А. А. Тортика // Восточная Европа в древности и средневековье: миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апр. 2012 г.: материалы конф. / РАН, Ин-т всеобщ. истории. — М., 2012. — С. 252–257.
140. Історія кочових держав та об'єднань Євразії: програма навч. курсу та навч.-метод. матеріали для студентів ф-ту культурології за спец. «Музейна справа та охорона пам'яток історії і культури» / М-во культури України, Харків. держ. акад. культури, Каф. музеєзнавства і пам'яткознавства; [уклад. Тортіка О. О.]. — Харків: ХДАК, 2012. — 56 с.
141. Наукове комплектування, облік та зберігання музейних фондів: програма навч. курсу та навч.-метод. матеріали для студентів ф-ту культурології за спец. «Музейна справа та охорона пам'яток історії і культури» / М-во культури України, Харків. держ. акад. культури, Каф. музеєзнавства і пам'яткознавства; [уклад. Тортіка О. О.]. — Харків: ХДАК, 2012. — 47 с.
142. «Черная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «черные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации / А. А. Тортика // Дриновський збірник / Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, Центр болгаристики та балкан. дослідж. ім. Марина Дринова [та ін.]. — Харків; Софія, 2012. — Т. 5. — С. 23–31. — Библиогр.: 40 назв.
143. География и топография городищ салтово-маяцкой культуры Верхнего Подонцовья в контексте исторических реконструкций / А. А. Тортика // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: тез. докл. и сообщ., 3–7 сент. 2013 г. / Бахчисарайский ист.-культур. заповедник. — Бахчисарай, 2013. — С. 44–45.
144. От редколлегии / А. А. Тортика // Хазарский альманах / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Ю. Крымского [и др.]. — Киев; Харьков, 2013. — Т. 11. — С. 4–5.
145. Подготовка специалистов в области музейного дела на факультете культурологии ХГАК 1989–2013 гг. / А. А. Тортика // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2013. — Вип. 40. — С. 199–206.

146. Стратегия обороны или нападения?: городища лесостепного варианта СМК VIII–X вв. и их роль в системе хазарского влияния в регионе / А. А. Тортика // Памяти Н. В. Черниговой: к 10-летию со дня смерти: сб. науч. ст. — Харьков; Богодухов, 2013. — С. 91–105.
147. Теория коммуникации как методологическая основа современной музейной деятельности / М. В. Тортика (Лобанова), А. А. Тортика // Проблеми музеєзнавства, збереження та відновлення історичної пам'яті: матеріали всеукр. наук.-теорет. конф., 14–15 трав. 2014 р. / М-во культури України, Департамент культури і туризму Харків. облдержадмін., Харків. держ. акад. культури. — Харків: ХДАК, 2014. — С. 4–5.
148. Тюрко-болгарське майбутнє або слов'янське минуле: деякі тенденції в етнічній самоідентифікації сучасних болгар / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. — Харків, 2014. — Вип. 44. — С. 22–27. — Бібліогр.: 11 назв.
149. Витоки концепції музейної комунікації та її інтепретація в сучасному соціокультурному просторі / О. О. Тортіка, М. В. Тортіка (Лобанова) // Двадцять перші Сумцовські читання: зб. матеріалів Всеукр. наук. конф. «Музей у глобальному світі: інновації та збереження традицій», присвяч. 95-річчю з часу заснування Харків. іст. музею, 17 квіт. 2015 р. / М-во культури України, Департамент культури і туризму Харків. облдержадмін, Харків. іст. музей. — Харків, 2015. — С. 128–132. — Бібліогр.: 10 назв.
150. Политические центры Хазарского Каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (сер. VII — нач. VIII вв.) / А. А. Тортика // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: сб. науч. тр. — Симферополь, 2015. — Вып. 20. — С. 369–394.

Сост.: *В. С. Аксёнов, С. В. Евсеенко, В. М. Ряполов*

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 4

I. Юбилеи 7

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВНЫ КАЛИНИНОЙ (В. Я. Петрухин) 7

К ЮБИЛЕЮ ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ФЛЁРОВА (В. Н. Чхаидзе) 9

К ЮБИЛЕЮ ПИТЕРА ГОЛДЕНА (От редколлегии) 13

II. Статьи и публикации 15

В. С. Аксёнов
ПОДВЕСКИ-АМУЛЕТЫ В ВИДЕ КОНЕЙ ИЗ КАТАКОМБНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА: ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ 15

К. В. Бондарь
ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ТЕКСТАМИ СЛАВЯНО-ЕВРЕЙСКОЙ КНИЖНОСТИ ... 38

О. Б. Бубенок
ТАК КОГДА ЖЕ ХАЗАРЫ ПРИНЯЛИ ИУДАИЗМ? 65

Н. И. Винокуров, Л. Ю. Пономарёв
САЛТОВО-МАЯЦКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.) 82

Т. М. Калинина
ПИСЬМО ХАЗАРСКОГО ХАКАНА ЮСТИНИАНУ II 125

В. В. Колода
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ САЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕЛИЩЕ МОХНАЧ-П 135

Я. В. Пилипчук
ІМЕНА КИПЧАКІВ У ЄВРОПЕЙСЬКИХ ДЖЕРЕЛАХ 164

А. А. Роменский
В ПОИСКАХ ХАЗАРИИ ИОАННА СКИЛИЦЫ: К ДИСКУССИИ О ПОХОДЕ ВАРДЫ МОНГА И СФЕНГА В 1016 г. 206

Г. Е. Свистун
ГОРОДИЩЕ ГОРОХОВАТКА (ОСТРОПОЛЬЕ) И ЕГО ОКРУГА: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 226

С. Б. Сорочан
ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН В «ИТАЛИЙСКОЙ ЛЕГЕНДЕ» 245

И. Эрдели
ВОСПОМИНАНИЯ О С. А. ПЛЕТНЁВОЙ
(*с предисловием В. С. Флёрова*) 268

В. А. Шнирельман
«МАЙДАН» КАК «ХАЗАРСКИЙ ЗАГОВОР» 285

P. Golden
THE KHAZARS AS ‘SONS OF ABRAHAM’ 322

III. Дискуссия 349

О. А. Мудрак
ЗАМЕТКИ ПО ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ ХАЗАРСКО-ЕВРЕЙСКИХ
ДОКУМЕНТОВ 349

В. Я. Петрухин
К ДИСКУССИИ О ЯЗЫКЕ ХАЗАР 380

Б. Е. Рашковский
ВНОВЬ О ЛЕКСИКЕ ЕВРЕЙСКО-ХАЗАРСКИХ ДОКУМЕНТОВ.
МАРГИНАЛИИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ О. А. МУДРАКА «ЗАМЕТКИ
ПО ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ ХАЗАРСКО-ЕВРЕЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ» 389

IV. Научная жизнь 396

А. З. Винников, В. Я. Петрухин
Международная научная конференция
«ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ
НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ» 396

V. Памяти А. А. Тортики 401

В. С. Аксёнов, С. В. Евсеенко, В. М. Ряполов
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОРТИКА (1967–2015) 401

О. Б. Бубенок
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОРТИКА
И ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. А. Е. КРЫМСКОГО НАН УКРАИНЫ ... 411

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ
А.А. ТОРТИКИ (сост. *В. С. Аксёнов, С. В. Евсеенко, В. М. Ряполов*) 419

Научное издание

Хазарский альманах

Том 14

Главный редактор О. Бубенок
Технический редактор Т. Мастюгина
Корректор Т. Мастюгина
Верстка О. Волкова

Подписано в печать 28.11.2016
Формат 70x100/16. Печать офсетная.
Печ. л. 27,5. Тираж 500 экз.